В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Bilbasov, V. A.

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Историческія монографіи — изслѣдованія въ области исторіи, искусствъ, литературы и критики, помѣщавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Онѣ собраны въ пять томовъ и размѣщены въ каждомъ томѣ въ хронологическомъ, по возможности, порядкѣ. Первый томъ посвященъ монографіямъ по всеобщей исторіи, второй — по русской, третій — вновь изданнымъ историческимъ матеріаламъ, преимущественно Екатерининскаго времени, четвертый — иностранцамъ, появлявшимся при дворѣ Екатерины II, и пятый — критикѣ.

Приводимъ подробное содержаніе каждаго тома:

Сборникъ русскаго историческаго общества.
Забытый Панинъ, по поводу изданія А. Брикнера.
Тайна противо-нелѣпаго общества.
Высылка изъ Россіи принца Фридриха виртембергскаго.
Представленный въ Академію Наукъ разборъ докторской диссертаціи г. Чечулина.
Немировскій конгрессъ, по изслѣдованію г. Кочубинскаго

Историческія монографіи печатаются въ томъ же видѣ, какъ появлялись первоначально, причемъ сокращены лишь примѣчанія: такъ какъ при каждой статьѣ указано мѣсто и время ея напечатанія, то, для удешевленія изданія, опущены выписки изъ книгъ и сохранены только мѣста, заимствованныя изъ архивовъ.

ХРИСТІАНСКІЙ МУЗЕЙ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1864.

Музей христіанскаго искусства.

I.

Жизнь народа сказывается въ памятникахъ литературныхъ и художественныхъ. Если искусство представляетъ идеи и понятія своего времени въ чувственныхъ и пластическихъ образахъ, то въ средніе вѣка западной Европы искусство по преимуществу должно было принять церковно-христіанскій характеръ.

Искусство, какъ и наука, служитъ само себѣ цѣлью, заключаетъ само въ себѣ цѣль; цѣль же христіанскаго искусства лежитъ внѣ его, за предѣлами искусства; эта цѣль— назиданіе и возбужденіе. Христіанское искусство вытекаетъ изъ христіанскаго духа, оно составляетъ одну изъ тѣхъ формъ, въ которую вылились христіанскія идеи, въ которой онѣ получили свою плоть. Собственно христіанское искусство свободно и неограниченно, какъ свободны самыя христіанскія идеи; церковно-христіанское же искусство стѣснено и ограничено церковнымъ типомъ, оно не выходитъ за предѣлы священнаго преданія. «Священное преданіе уже дано: надобно какъ можно ближе держаться его въ произведеніяхъ искусства, чтобъ уловить чертами и красками истину писаній» [1]). Это стѣсненіе, ограниченіе свободы художнической фантазіи,

[1]) *Буслаевъ*. Очерки. т. II. стр. 419.

состоитъ, по старинному русскому выраженію, въ *истинствованіи*, въ описываніи божества *по подобію*; оно, впрочемъ, не касается внѣшней обстановки лицъ и событій, не даетъ живописи характера строго-историческаго. О такомъ стѣсненіи говоритъ Стоглавъ въ 43 главѣ и наши Подлинники или руководства для живописцевъ. Такое же несвободное отношеніе художника къ изображаемому имъ представленію встрѣчаемъ мы въ теченіе долгаго времени и на западѣ: отношеніе художника къ изображенію, изображенія къ оригиналу и, наконецъ, обоихъ, и художника и изображенія, къ церкви были заранѣе обозначены. Этотъ церковный, служебный характеръ искусства ясно высказался въ одномъ актѣ седьмого вселенскаго собора (787 г.); въ этомъ актѣ именно говорится: «Изображеніе священныхъ лицъ и событій не подлежитъ вымыслу художника, но подчиняется признанному законоположенію и традиціи каѳолической церкви... Древніе отцы уже изобразили ихъ на стѣнахъ церквей; и въ новѣйшемъ изображеніи должна быть представляема ихъ мысль, ихъ традиція, а не художника; ибо художнику принадлежитъ лишь внѣшняя сторона искусства, расположеніе же дано уже св. Отцами, зиждителями церкви». Къ XIII ст. это несвободное отношеніе художника къ предмету, имъ изображаемому, уже значительно измѣнилось, художникъ становится свободнѣе, онъ выбираетъ то или другое событіе новаго и ветхаго завѣта и изображаетъ его по своему усмотрѣнію. Конечно, разсматривая матеріалъ, завѣщанный намъ церковно-христіанскимъ искусствомъ среднихъ вѣковъ, нельзя не признать, что Римъ менѣе стѣснялъ фантазію художника, давалъ ему болѣе свободы, нежели Византія, что, наконецъ, и по самому духу христіанскаго ученія, розно понимаемому западомъ и востокомъ Европы, христіанское искусство на западѣ получило болѣе широкія, болѣе свободныя начала; оно воспользовалось не только кистью, но и рѣзцомъ, между тѣмъ какъ на востокѣ оно было ограничено довольно ..., сравнительно съ западомъ, традиціею искусства, уна-

слѣдованнаго имъ вмѣстѣ съ догматами отъ греко-восточной церкви [1]).

Значеніе памятниковъ искусства, какъ историческаго матеріала, въ которомъ вылѣплены и обрисованы идеи и понятія своего времени, несомнѣнно; но особенно дорогъ этотъ матеріалъ для исторіи среднихъ вѣковъ: въ то время, какъ анналы, хроники и мемуары были доступны слишкомъ ограниченному числу людей, въ то время, какъ перомъ ихъ водило личное чувство, субъективный взглядъ монаха,—памятники искусства выставлялись на показъ, подвергались критикѣ общественныхъ взглядовъ; ничто не только само по себѣ ложное, но даже искаженное, не было терпимо, вызывало порицаніе и было уничтожаемо. Еще болѣе справедливо это относительно церковно-христіанскаго искусства среднихъ вѣковъ. Предназначенное не только для вѣрующихъ въ церкви, но и для проходящихъ мимо церковнаго зданія, христіанское искусство представляло собою какъ бы евангельскую вѣсть къ христіанскому народу; оно должно было возбудить къ добру, укрѣпить въ вѣрѣ, поощрить къ обращенію. Съ такимъ назначеніемъ, съ такою цѣлью, при той щепетильной раздражительности религіознаго чувства, которая отличаетъ средніе вѣка, могло ли христіанское искусство воплотить въ себѣ ложь противъ принятаго мнѣнія, неправду противъ установленнаго пониманія?—Занимающійся исторіею не можетъ пройти мимо богатаго матеріала, предлагаемаго ему искусствомъ; занимающійся же исторіею среднихъ вѣковъ не долженъ упустить изъ виду памятниковъ христіанскаго искусства: въ нихъ онъ находитъ выраженіе религіозныхъ убѣжденій, такъ глубоко пронизывавшихъ жизнь средневѣковаго человѣка; въ

[1]) Говоря о средневѣковомъ христіанскомъ искусствѣ, мы разумѣемъ западное; что же касается восточнаго, мы ограничимся лишь указаніемъ на «Историч. очерки» Буслаева. Въ Русск. Бесѣдѣ за 1859 г., кн. 16, помѣщена статья «Значеніе византійской живописи въ исторіи искусства» *Э. Д—М.*—Редакція въ свое время находила эту статью прекрасною и замѣчательною, какъ въ отношеніи исторіи художества, такъ и въ отношеніи пониманія его.

нихъ онъ находитъ разрѣшеніе тѣхъ религіозныхъ недоразумѣній и сомнѣній, которыя такъ долго волновали западную Европу и разрѣшились наконецъ реформаціоннымъ движеніемъ XVI столѣтія. Не только нельзя пренебречь этимъ матеріаломъ, но должно пожалѣть, что искусство не коснулось этой черты средневѣковой жизни. Мы должны сожалѣть, что искусство не воспроизвело тѣхъ мотивовъ средневѣковыхъ стихотворныхъ сказокъ, по которымъ папа представлялся однимъ изъ четырехъ звѣрей Апокалипсиса [1]); что искусство пренебрегло тѣми нападками и исправленіями, которымъ подвергалось св. писаніе [2]) въ средніе вѣка, когда многіе смѣялись надъ нимъ и упреждали въ этомъ отношеніи Вольтера. Нельзя, наконецъ, не пожалѣть, что искусство пренебрегло чудными мотивами такъ называемыхъ «праздниковъ глупцовъ» (festum fatuorum) [3]), этихъ, повидимому, наивныхъ остатковъ языческихъ праздниковъ въ честь Сатурна (festa saturnaliorum), которые начинались и заканчивались въ церкви, предъ святымъ алтаремъ. Что бы кто ни говорилъ противъ этихъ fêtes des foux, никто не будетъ отрицать, что эти глупцы высказывали много ума при своихъ торжественныхъ процессіяхъ, по улицамъ городовъ, изъ церкви въ церковь, съ флагами и знаменами, на которыхъ красовался принятый ими девизъ — Numerus Stultorum Infinitus Est.

II.

Въ Римѣ замираетъ классическое искусство древняго міра, въ Римѣ же зарождается христіанское искусство среднихъ вѣковъ. Признавая огромное значеніе Рима для христіанскаго искусства, берлинскій профессоръ, богословъ Пиперъ напеча-

---

¹) *Gautier* Mapes. Apocalips, XXII, 160.

²) *Petri Blesensis* Sermo XII (Bibl. M. Patrum, XXIV 1402).

³) Mémoires pour servir à l'histoire de la fête des foux, qui se faisoit autrefois dans plusieurs Eglises, par M. *Du-Tilliot.* Lauzanne et Génève, 1741.

талъ въ послѣднемъ № «Евангелическаго Календаря» [1]) небольшую монографію—Римъ, вѣчный городъ [2]); въ ней собраны всѣ важнѣйшія извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о названіи города Рима «вѣчнымъ» городомъ; мы же обратимъ вниманіе на роль Рима въ исторіи какъ древней, такъ и средневѣковой эпохи [3]), посмотримъ, не напрасно ли онъ усвоилъ себѣ гордый титулъ «Roma aeterna», и на сколько былъ правъ народный трибунъ Капулей (445 г. до Р. Х.), говоря, что Римъ построенъ на вѣчность—in aeternum urbe condita.

Римъ по праву можетъ гордиться титуломъ вѣчнаго города, такъ какъ ему два раза принадлежало господство надъ образованнымъ міромъ: въ первый разъ—въ силу абсолютнаго государства, во второй —въ силу абсолютной церкви. Изъ всѣхъ городовъ міра Римъ едва ли не долженъ занять первое мѣсто по своему историческому значенію. Между древними городами Азіи многіе были замѣчательны своимъ великолѣпіемъ, могуществомъ, продолжительнымъ существованіемъ—Вавилонъ, Ниневія, Тиръ, Персеполь,—но всѣ они замѣчательны какъ цивилизующіе центры лишь своего родного края, лишь своего народа; они почти ничего не дали міру, и міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азіатскій городъ можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе [4]). Іерусалимъ, главный городъ немногочисленнаго іудейскаго народа, былъ средоточіемъ вѣрованія въ Единаго Бога; изъ этого города вышло

---

[1]) Ewangelischer Kalender, herausgegeben von Dr. Ferd. *Piper*. Календарь этотъ издается Пиперомъ съ 1850 года, небольшими книжками, до 15 печатныхъ листовъ. Въ немъ, кромѣ церковнаго и астрономическаго календарей помѣщаются въ отдѣлѣ «Vermischte Aufsätze» различнаго рода статьи духовнаго содержанія, нерѣдко съ рисунками и указаніями на памятники христіанскаго искусства.

[2]) Rom, die ewige Stadt, von F. *Piper*, въ Ew. K. 1864, 17—120.

[3]) Ferd. *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vom fünften bis zum sechszehnten Jahr. Stuttgart, 1862. До настоящаго времени издано четыре тома, до начала XIII ст.

[4]) Jerusalem und Rom, die Städte der heil. Gräber, въ Hist. polit. Blätern, herausgeg. von Philipps und Görres. Bd. XI, 1843, S. 1—23.

христіанство, и Іерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи, какая только появлялась до настоящаго времени на земномъ шарѣ. христіанству же обязанъ возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда римляне разрушили этотъ городъ; іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Іерусалима какъ святого города перешло въ Римъ, въ этотъ новый Іерусалимъ: но въ XI ст. снова подымаетъ свою главу старый Іерусалимъ. благоговѣніе запада переносится отъ гроба св. Петра на гробъ Іисуса Христа и, въ теченіе продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ. Іерусалимъ становится святымъ городомъ христіанскаго народа, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія, поколебавшаго міръ, пока, наконецъ, въ XIII ст. онъ снова падаетъ и падаетъ уже навсегда, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той идеи, которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

Изъ Азіи мы должны перейти прямо въ Европу: ни одинъ изъ городовъ, процвѣтавшихъ нѣкогда въ Африкѣ—Мемфисъ, Ѳивы, Карѳагенъ, Александрія—не можетъ спорить съ Римомъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ нимъ.

Но въ Европѣ мы встрѣчаемъ городъ, который, какъ Іерусалимъ въ Азіи, единственный изъ городовъ Европы можетъ имѣть притязаніе раздѣлить съ Римомъ его всемірно-историческую славу. Аѳины издавна предъявляли свое притязаніе на міровое значеніе, какъ святилище европейской культуры; Аѳины и Римъ неразрывно связаны въ представленіи каждаго, и при имени одного изъ этихъ городовъ воспоминаніе непремѣнно вызоветъ образъ другого: оба эти города наполняютъ собою такъ называемую классическую древность, оба они дополняютъ другъ друга, только въ нихъ обоихъ, какъ въ великихъ созданіяхъ культуры, сказывается вполнѣ человѣческая мощь. Аѳины возбуждаютъ къ себѣ восторженную любовь человѣческаго

рода, Римъ—благоговѣйное удивленіе. Всѣ благороднѣйшіе и честнѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный лучъ культуры, который своею теплотою и свѣтомъ пробудилъ человѣка, улучшилъ его земное состояніе; въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основные законы свободы, этого не тайнаго секрета могущества и благосостоянія народовъ и людей. Эта небольшая республика пріобрѣла себѣ то идеальное, миролюбивое господство надъ всѣмъ человѣчествомъ, которое не поддается никакому вычисленію, такъ какъ оно, касаясь духовнаго образованія народовъ, продолжается понынѣ и ему можно предсказать конецъ лишь съ концомъ человѣческаго рода.

Не то былъ городъ Римъ. Обозрѣвая внѣшнюю сторону его жизни, должно сознаться, что ему нѣтъ въ мірѣ равнаго по той политической дѣятельности, по тому мужеству, по той мудрости, наконецъ, съ которою онъ покорилъ полъ-міра, разорилъ или разграбилъ наиболѣе цвѣтущія націи, въ томъ числѣ и Грецію. Обозрѣвая эту сторону жизни Рима, столь противуположную жизни Аѳинъ, невольно призадумаешься надъ этимъ порабощеніемъ народовъ деспотизмомъ силы, которое не разъ срывало грѣшное проклятіе съ языка историковъ. При воспоминаніи о богатыхъ культурныхъ продуктахъ Аѳинъ, открывается все убожество Рима относительно высшихъ идей цивилизаціи: Римъ проявилъ великое политическое стремленіе къ завоеванію и владычеству, великое практическое требованіе разума, онъ создалъ великое законодательство, проникнутое исполинскимъ творчествомъ, не упустившее изъ виду даже мелкихъ юридическихъ отношеній; но ему не дано было самостоятельно образовательныхъ элементовъ для болѣе свободной умственной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи въ Римѣ встрѣчаются лишь идеи, усвоенныя имъ, заимствованныя имъ отъ чуждыхъ ему образованностей. Зарожденіе Рима изъ затемненнаго миѳомъ зародыша, его по-

степенное возрастаніе, наконецъ господство одного города надъ половиной міра—все это составляетъ изумительное явленіе въ исторіи человѣческаго рода; даже самое христіанство должно было войти въ міровой городъ, какъ въ мѣсто, приготовленное для него исторіей, для того, чтобъ могло распространиться по всѣмъ областямъ обширной имперіи [1]), для того, чтобъ изъ развалинъ Рима могъ создаться величавый образъ той церкви, моральное господство которой надъ міромъ прошло чрезъ всѣ вѣка и по всѣмъ землямъ.

Какъ же обозначить тотъ принципъ древняго Рима, въ силу котораго весь міръ подчинялся одному городу? какъ изобразить тѣ элементы, изъ которыхъ былъ скованъ геній римскаго народа? Вопросъ, до крайности трудный для разрѣшенія. Это была абсолютная центральная сила, которая побѣждаетъ съ неудержимою властью, которая все притягиваетъ къ себѣ и все воплощаетъ въ себя. Но эта сила разлагалась у римлянъ на отдѣльныя качества: ее можно услѣдить въ военной способности и дисциплинѣ, въ духѣ предпріимчивости относительно внѣшнихъ завоеваній, въ непоколебимости и мудрости, въ высочайшей способности организовать и колонизовать, но болѣе всего замѣтна она въ той лишь римской націи свойственной способности, въ силу которой Римъ допустилъ внутрь своихъ городскихъ стѣнъ языки, нравы, искусства и религіи чуждыхъ ему народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не утерялъ своего полнаго энергіи національнаго чувства. Въ побѣдѣ Рима надъ благородными и свободнѣйшими народами, которые, какъ, напр., греки, далеко превосходили Римъ силою своихъ идей, въ этой побѣдѣ многіе хотятъ видѣть простую побѣду матеріальной силы надъ духомъ, хотятъ видѣть въ ней лишь разлагающій элементъ; но едва ли это справедливо. Скорѣе это была побѣда практическаго разума, высшая моральная сила котораго проявилась въ римскомъ правѣ, въ образованіи понятій лица, общества и государства; это тотъ прозаическій разумъ кото-

[1]) *Oros.*, Hist. VI, 1.

рый въ народной жизни долженъ быть поставленъ выше фантазіи и ея созданій, какъ бы ни были они прекрасны, какъ бы ни манили своею чарующею прелестью. Такъ сложились всѣ обстоятельства, къ тому клонились они, чтобъ основать всемірное владычество одного города. Смѣшны и наивны безпомощные вздохи о судьбѣ земли, которой царство мирнаго, образовательнаго генія свободы и наукъ было слишкомъ скоротечно, между тѣмъ какъ римское цезарство и слѣдовавшее за его паденіемъ такъ называемое варварство было слишкомъ продолжительно; смѣшно и наивно сожалѣніе, что міръ былъ покоренъ и управляемъ не дружественною силою культуры, обоготворенной въ лицѣ акропольской Паллады, но порабощенъ въ потокахъ крови силою, обоготворенною въ лицѣ капитолійскаго Юпитера.

Жизнь человѣчества есть продуктъ разнообразнѣйшихъ противуположностей; гніеніе смерти тотчасъ проникаетъ то общество, въ которомъ уничтожены эти противуположности. Деспотизмъ римскаго цезарства, какъ древній фатумъ, поглотилъ прекрасные оазы эллинской культуры; источники свободы, національности, патріотизма, знанія, источники всѣхъ гражданскихъ доблестей были мало-по-малу задушены этимъ однообразіемъ римской централизаціи; города, муниципіи, народы снизошли на степень малодушнаго и тупоумнаго стада, которое совершенно подпало однообразному управленію безчисленнаго множества чиновниковъ: народъ сталъ, наконецъ, нуждаться въ этомъ чиновническомъ надзорѣ. Хотя образованіе и законы римской имперіи, вмѣстѣ съ извѣстнаго рода традиціонною терпимостью, не допустили римскаго владычества унизить покоренныя области до крайнихъ предѣловъ восточнаго рабства, тѣмъ не менѣе, по внутреннему своему положенію, покоренныя націи были порабощены и изнурены до крайности. Тогда-то міровая культура обратилась въ міровую пустыню, въ которой погибла вся сила, движеніе, вся разнородность націй, пока не появились толпы алчныхъ варваровъ.

которые освободили человѣчество отъ римскаго деспотизма и тѣмъ спасли подвластныя Риму націи отъ конечной погибели. Но дорого заплатило человѣчество за свое избавленіе отъ римскаго ига: оно заплатило уничтоженіемъ цивилизаціи. Погребальный свѣточъ Рима былъ зажженъ вмѣстѣ съ ужасными воинскими танцами варваровъ и дикою вакханаліей смерти. Прошли и эти труднопереживаемыя человѣчествомъ столѣтія возрожденія: новый процессъ развитія вознаградилъ потерю, понесенную человѣчествомъ, и въ экономіи человѣческаго развитія оказалось нѣсколько процентовъ чистаго дохода: свободолюбивые германцы вызвали вновь къ жизни особенности національнаго духа и, укрѣпляя все болѣе и болѣе эти противуположности, твердо и съ успѣхомъ противустали римскому принципу централизаціи, который вторично сложился въ Римѣ и вновь требовалъ всеобщаго подчиненія, но уже не въ силу абсолютнаго государства, а въ силу абсолютной церкви.

Таково значеніе Рима въ вѣка древности; та же сила, но иного свойства, то же владычество, но иного характера, сдѣлали Римъ вторично властелиномъ міра и придали ему особенное значеніе въ эпоху среднихъ вѣковъ. Тихо и незамѣтно наступилъ періодъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Гдѣ его начало для Рима—трудно сказать: въ то время, какъ городъ сталъ упадать, въ немъ уже зарождалась новая жизнь, и за исторіей его паденія должна слѣдовать исторія его возникновенія. Эти два, равно великія историческія событія тѣсно связаны между собою,—нѣтъ и не можетъ быть между ними промежутка; нельзя и не зачѣмъ отыскивать тотъ моментъ, въ который капитолійскій Юпитеръ уступилъ свое мѣсто ватиканскому Петру. Новая религія, разгромившая и римскій городъ, и римское государство, вызвала къ жизни новый городъ, который возникъ какъ бы изъ катакомбъ, изъ этихъ подземныхъ арсеналовъ христіанства. Начало новаго Рима, подобно рожденію древняго, затемнено миѳомъ: какъ Ромулъ

и Ремъ были миѳическими основателями древняго Рима, такъ св. апостолы Петръ и Павелъ стали легендарными зодчими средневѣкового Рима, которому было суждено достичь значенія новой главы запада и святого города среднихъ вѣковъ.

Средніе вѣка называютъ обыкновенно варварскими или романтическими: варварскими, потому что на развалинахъ древней цивилизаціи поселилось невѣжество, суевѣріе, фанатизмъ, беззаконная сила; романтическими, потому что въ жизни общества проявилась неограниченная и чудная страстность, общество проникалось мистическимъ стремленіемъ къ сверхъестественному и изъ сферы дѣйствительности перенеслось въ сумрачный и очарованный кругъ фантазіи. Средніе вѣка представляютъ постоянную ломку, вѣчное броженіе, благотворную борьбу противуположностей; они являютъ новыя начала, неизвѣстныя древности. Міръ оцѣпенѣлъ подъ римскимъ деспотизмомъ; потокъ переселенія народовъ, какъ стихійный переворотъ, взволновалъ весь міръ и паденіе великаго организма, называемаго римскою имперіею, привело человѣческій духъ въ лихорадочное броженіе. Но христіанство, величайшій изъ моральныхъ переворотовъ, посѣяло въ міръ новое, дотолѣ невѣдомое ему чувствованіе нравственной свободы, и средніе вѣка являются какъ результатъ этихъ двухъ великихъ историческихъ фактовъ. Средніе вѣка были періодомъ бурнаго сопротивленія «варварству» и страстнаго стремленія къ осуществленію христіанскаго идеала. Глубоко проникнутые религіознымъ чувствомъ, средніе вѣка были абсолютнымъ вѣкомъ церкви, это были «золотые дни духовенства»: между тѣмъ какъ всѣ другія человѣческія стремленія слабѣютъ и разлагаются, церковь стоитъ неизмѣнно и, выполняя свою задачу, медленнымъ, нерѣдко мучительнымъ путемъ религіозныхъ законовъ, вѣрованій, надеждъ и угрызеній совѣсти ведетъ народы къ высшему существованію.

Дѣтское благоговѣніе средневѣковыхъ народовъ къ городу Риму не имѣло границъ. Въ Римѣ они видѣли тотъ ковчегъ

завѣта христіанской культуры, въ которомъ заключены законы, грамоты, символы христіанства: въ Римѣ они видѣли тѣхъ мучениковъ и князей-апостоловъ, которые обладаютъ сокровищницей всѣхъ сверхъестественныхъ благъ; Римъ былъ для нихъ новыми Дельфами, новымъ Іерусалимомъ, средоточіемъ божественнаго управленія человѣческимъ родомъ, всеобщею церковью, во главѣ которой стоялъ первосвященникъ Новаго Завѣта, представляющій Христа на землѣ. Всякая высшая духовная и свѣтская власть получаетъ предъ римскимъ алтаремъ свое божественное посвященіе; всякая несправедливость получаетъ предъ римскимъ трибуналомъ свой судейскій приговоръ. Разрѣшеніе отъ грѣховъ, священническій санъ, императорское достоинство, наконецъ цивилизація— все это въ глазахъ средневѣковыхъ народовъ имѣло свой источникъ на холмахъ Рима, и оттуда уже распространялось по всему міру. Епископства, монастыри, миссіи, школы, библіотеки, всѣ образовательныя учрежденія исходили изъ этого мистическаго города: его монахи и священники, какъ нѣкогда консулы и преторы, появлялись въ провинціяхъ и возвращались въ Римъ. Языкъ культа, какъ и языкъ школъ, исходилъ изъ Рима; духовная и мірская литература, музыка, математика, грамматика, искусство долгое время были изъ Рима. Смертные остатки Рима съ благоговѣніемъ переносились за море, въ далекія земли, и почитались какъ священные остатки на отдаленнѣйшихъ алтаряхъ Британіи и Германіи. Обитатели крайнихъ границъ востока и сѣвера, едва знавшіе имя сосѣдняго города, всѣ знали о Римѣ: всѣмъ былъ знакомъ громовой звукъ *Roma*, уже много столѣтій раздающійся на землѣ; восторженная фантазія этихъ народовъ рисуетъ Римъ, какъ «красотой блистающій эдемъ, котораго золотыя врата ведутъ на небо». И Римъ дѣйствительно въ продолженіе многихъ столѣтій среднихъ вѣковъ былъ законодателемъ, учителемъ, матерью народовъ: средневѣковый Римъ въ своемъ лицѣ являлъ [illegible]е единство, приуготовленное имъ для своихъ пи-

томцевъ: духовное — въ папскомъ достоинствѣ; мірское — въ императорскомъ, символъ котораго, императорская корона, принималась германскими королями въ Римѣ, отъ св. Петра; и наконецъ — та культура, которая была оставлена древнимъ Римомъ въ наслѣдство всей землѣ. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка вторично вышла изъ Рима централизація, и католическое главенство является крайнею необходимостью для грубыхъ и не вѣдавшихъ законовъ столѣтій, такъ какъ оно спасло единство христіанства: безъ абсолютной церкви, безъ епископовъ, пропитанныхъ римскимъ духомъ, которые силою духовныхъ Сципіоновъ и Маріевъ подавляли мятежническія попытки провинцій отложиться отъ ортодоксальнаго ученія, христіанская церковь распалась бы на сотни отдѣльныхъ религій и другихъ порожденій національной фантазіи. Это благодѣтельное вліяніе римской церкви въ настоящее время многими легко забывается въ виду того зла, какой Римъ нанесъ человѣчеству, слишкомъ щепетильно поддерживая свою церковную опеку, даже въ то время, когда она, съ развитіемъ общества, стала не только ненужною, но положительно вредною: теологическія сѣти, раскинутыя римскою церковью надъ народами среднихъ вѣковъ, стали невыносимыми, и уже въ XIII ст. Бэконъ прорывалъ ихъ новымъ духомъ свободнаго изслѣдованія.—Здѣсь вторично была повторена судьба Рима и міра, вторично люди германскаго племени разрушили однообразный абсолютъ второго Рима и смѣлою революціею завоевали себѣ свободу вѣры и знанія. Реформаціоннымъ движеніемъ XVI ст. заканчиваются средніе вѣка, точнѣе, начинаются новые.

Такое значеніе Рима для среднихъ вѣковъ не осталось безъ вліянія и на христіанское искусство: какъ и вся жизнь средневѣковаго общества въ теченіе многихъ вѣковъ получала иниціативу, первый толчокъ, въ Римѣ, такъ въ Римъ же текли, на Римѣ отражались и всѣ результаты, добытые средневѣковою жизнью остальной Европы. Въ катакомбахъ, въ *Roma subterranea* находимъ мы первые слѣды христіанскаго искус-

чувства къ неизмѣняемости внѣшнихъ формъ ручается за истинность представленій въ памятникахъ искусства.

Такое важное значеніе памятниковъ христіанскихъ было впервые сознано и доказано проф. Пиперомъ въ предложеніи его министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія фонъ-Ладенбергу, 31-го декабря 1848 года, въ которомъ онъ представлялъ о необходимости основать при берлинскомъ университетѣ христіанскій музей, и въ 1850 году музей былъ основанъ [1]). Главная цѣль христіанскаго музея — служить пособіемъ при историческомъ изученіи теологіи, особенно же при изученіи христіанскихъ древностей. Это собраніе, какъ уже показываетъ самое названіе музея «христіанскимъ», должно заключать въ себѣ христіанскіе памятники, преимущественно же произведенія христіанскаго искусства, не исключая и надписей.

Италія и южная Франція были первыми колоніями первыхъ христіанъ, прибывшихъ изъ Малой Азіи въ западную Европу: въ Италіи и южной Франціи должно искать и первыхъ памятниковъ христіанскаго искусства, и перваго рвенія къ сохраненію ихъ. Папа Бенедиктъ XIV основалъ въ 1756 году *Museum Sacrum* или *Christianum*, въ ватиканскомъ дворцѣ; затѣмъ, въ 1854 году, папа Пій IX основалъ въ латеранскомъ дворцѣ новый музей для вновь найденныхъ памятниковъ христіанскихъ древностей. Въ южной Франціи находится нѣсколько такихъ музеевъ для древне-христіанскихъ и средневѣковыхъ памятниковъ, въ Марселѣ, Арлѣ, Э (Aix), Нарбоннѣ и самый замѣчательный, конечно, *Musée Cluny* въ Парижѣ, основанный въ 1844 г. Цѣль этихъ музеевъ—сохраненіе оригинальныхъ произведеній древне-христіанскаго искусства: собраны они почти безъ всякаго выбора—здѣсь собрано все изъ

---

[1]) Das christliche Museum der Universität zu Berlin und die Errichtung christlicher Volksmuseen, von F. *Piper*. Статья эта, вмѣстѣ съ планомъ берлинскаго христіанскаго музея, помѣщена въ Evangel. Kalend. Jahrb. f. 1857, S. 55—88.

древняго періода, даже самое незначительное, даже сомнительное; эти первые музеи составлены безъ критической оцѣнки предметовъ.

Не то христіанскій музей берлинскаго университета. Тутъ собраны не оригиналы: этотъ музей довольствуется копіями, снимками, слѣпками: не тратя суммъ на покупку всегда дорогихъ оригиналовъ, онъ заботится лишь о вѣрности снимка. Съ другой стороны, ничто не вошло въ этотъ музей, не будучи предварительно подвергнуто строгой критикѣ, цѣлесообразному выбору: только наиболѣе характеристичное могло найти здѣсь себѣ мѣсто. Этотъ музей долженъ дать полное понятіе объ общемъ развитіи христіанскаго искусства, основавъ свои заключенія на близкомъ знакомствѣ съ отдѣльными частями его. Если христіанскій музей, основанный Пиперомъ, на столько отличается отъ подобныхъ музеевъ Италіи и Франціи, то не менѣе того отличается онъ и отъ общихъ музеевъ, которые основываются правительствами въ большихъ городахъ, и которыми такъ богата Европа. Общіе музеи служатъ отчасти изученію искусства, отчасти эстетическому наслажденію; христіанскій же музей собралъ памятники не ради искусства, но по преимуществу ради заключающагося въ нихъ содержанія, ради христіанскихъ идей, которыя высказываются въ этихъ памятникахъ. Но и искусство исключено не вполнѣ: здѣсь обращено вниманіе и на то, что̀ преобладаетъ въ памятникѣ — искусственная техника, содержаніе или то и другое, техника и мысль, находятся въ равновѣсіи, такъ что сквозь искусственную форму ясно просвѣчиваетъ христіанская мысль, что̀ уже должно отнести къ высшему совершенству искусства. Наконецъ, христіанскій музей долженъ служить не эстетическому наслажденію, но учебнымъ пособіемъ для студентовъ богословскаго факультета при берлинскомъ университетѣ.

Этотъ христіанскій музей помѣщается въ зданіи университета и занимаетъ двѣ небольшія комнаты; памятники расположены въ хронологическомъ порядкѣ: надъ каждымъ отдѣ-

ломъ, на верху стѣны, помѣщена надпись. Въ первой, меньшей комнатѣ собраны слѣдующіе отдѣлы:

I. *Христіанская архитектура и церковная утварь.* Важнѣйшіе планы и виды церквей, какъ, напримѣръ, Софійскаго собора въ Константинополѣ, церкви св. Марка въ Венеціи, и замѣчательнѣйшихъ построекъ готическаго стиля; тутъ же планъ знаменитаго с.-галленскаго монастыря. 820 г. Различные снимки и слѣпки церковной утвари, по преимуществу употребляемой при крещеніи и причащеніи; нѣкоторыя принадлежности алтаря.

II. *Предвѣстіе христіанства; переходъ къ монотеизму.* Памятники языческой, греческо-римской древности, высказывающіе взглядъ на божество болѣе возвышенный, чѣмъ языческая точка зрѣнія, высказывающіе признаки почитанія Единаго Бога или предзнаменованіе близкаго уже Откровенія. Такъ, между прочимъ, рисунки изъ Помпеи, олимпійскій Юпитеръ, Fortuna primigenia, слѣпки монетъ, копіи надписей, фигуры вѣчности и провидѣнія, встрѣчающіяся на римскихъ монетахъ, монеты изъ Рима и Вероны съ посвященіемъ «высочайшему Богу» и «великому, вѣчному Богу». Это же возвышеніе надъ языческою народною религіею заставило внести въ христіанскій музей бюсты нѣкоторыхъ философовъ языческой древности, напримѣръ, Платона и Софокла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи христіанскій музей оставляетъ еще многаго желать, глазъ не встрѣчаетъ многаго, что имѣетъ право встрѣтить въ этомъ отдѣлѣ [1]).

III. *Надписи изъ древнѣйшаго періода христіанства.* По

[1]) «Со временемъ тутъ же будетъ помѣщенъ и Виргилій, котораго въ средніе вѣка почитали пророкомъ, предсказывавшимъ между язычниками о Христѣ, и который вообще до XIV вѣка казался чародѣемъ и человѣкомъ вѣщимъ, связывавшимъ въ своемъ ученіи языческую древность съ христіанствомъ». *Буслаевъ*, Совр. Лѣт., № 6, стр. 4. Какъ бы ни смотрѣли средніе вѣка на Виргилія, онъ *не будетъ и не можетъ быть тутъ помѣщенъ*: ни живопись, ни изваяніе не оставили намъ изображенія Виргилія.

фага. Здѣсь же снимокъ съ стѣнной картины изъ неапольскихъ катакомбъ. Вокругъ саркофага и картины развѣшаны снимки древне-христіанскихъ геммъ и монетъ.

II. *Памятники христіанскаго искусства до начала XV ст.* Древнехристіанскіе и средневѣковые памятники до обновленія искусства. За недостаткомъ мѣста на предыдущей стѣнѣ, здѣсь же помѣщенъ миланскій саркофагъ, на которомъ изображенъ Іисусъ Христосъ, во время поклоненія волхвовъ одинъ, безъ Богоматери. Главное содержаніе этого отдѣла— изображеніе мозаикъ изъ Константинополя, Равенны и Рима, копіи миніатюръ изъ Парижа и слѣпки съ изображеній на слоновой кости изъ Кельна, металлическія таблицы изъ Берлина, Вольфенбюттеля и Трира, наконецъ, копіи раскрашенныхъ рисунковъ изъ Веймара. Этотъ отдѣлъ начинается консуларскими диптихами (двойныя доски, съ изображеніями, оклады, складни), далѣе—три таблицы греческой работы, наконецъ—четыре таблицы латинской работы изъ Милана. Въ произведеніяхъ западнаго искусства выбраны представленія изъ жизни Іисуса Христа, въ естественномъ порядкѣ, отъ Благовѣщенія до Вознесенія Господня. Отдѣлъ этотъ заканчивается изображеніями апостоловъ и учителей церкви.

III. *Памятники христіанскаго искусства въ XV ст.* Гравюры и литографіи съ картинъ кельнской школы, Мемлинга и Fra Angelico da Fiesole.

IV. *Памятники христіанскаго искусства въ Италіи XVI ст.* Гравюры главныхъ произведеній Микель-Анжело и Рафаэля: сперва рядъ картинъ, представляющихъ эпоху творенія и до-историческую эпоху человѣчества; затѣмъ, главные моменты изъ евангелической эпохи.

V. *Памятники протестантскаго искусства.* Гравюры главнѣйшихъ произведеній (религіознаго содержанія) Дюрера и Луки Кранаха. Далѣе нѣкоторыя произведенія новѣйшаго искусства, расположенныя по предметамъ ветхаго (Каульбахъ), новаго завѣта и церкви. Тутъ же помѣщены знаменитыя про-

изведенія: Лессинга—І. Гуссъ, Кенига—Лютеръ и Меланхтонъ надъ переводомъ библіи, портретъ Кальвина по юбилейскому медальону изъ Женевы и A. H. Franck по статуѣ Раубаха.

Къ этому богатому сборнику памятниковъ, по преимуществу посвященныхъ библейской исторіи и христіанскому вѣрованію, присоединена небольшая группа копій замѣчательныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Группа эта, не составляющая существенной необходимости и пособія при изученіи исторической части теологіи, крайне убога: четыре греческихъ учителя церкви по мозаикамъ Софійскаго собора, Карлъ Лысый по современной миніатюрѣ, Бонавентура по Фьезоле, Данте по рисунку Giotto, Карлъ Великій Дюрера.

Вотъ довольно обстоятельное описаніе христіанскаго музея при берлинскомъ университетѣ, основаннаго Пиперомъ. Его содержаніе вполнѣ объясняетъ его цѣль—это музей, основанный спеціально съ теологическою цѣлью, для занятій лицъ, готовящихся въ духовное званіе, для будущихъ проповѣдниковъ, и «для внушенія молодымъ умамъ художественнаго воодушевленія въ религіозномъ духѣ». Сообразно этому, въ этомъ же музеѣ собираются тѣ изъ студентовъ теологическаго факультета, которые занимаются въ богословской семинаріи Пипера. Здѣсь, одинъ часъ въ недѣлю, Пиперъ показываетъ въ хронологическомъ порядкѣ памятники христіанскаго искусства, объясняетъ ихъ св. писаніемъ и обращаетъ вниманіе своихъ слушателей преимущественно на вѣрность памятника св. писанію, на согласіе его съ ученіемъ св. отцевъ; при чемъ догматическая сторона, конечно, преобладаетъ надъ остальными двумя, исторической и чисто-искусственной.

Въ указанной нами выше статьѣ, Пиперъ предложилъ подробный планъ устройства христіанскихъ музеевъ для народа (Volksmuseen); такъ какъ при его составленіи имѣлся въ виду лишь германскій народъ, то онъ не имѣетъ общаго значенія и поэтому, оставляя въ сторонѣ подробное его описаніе, изложимъ вкратцѣ мнѣнія о пользѣ и значеніи подобныхъ музеевъ.

высказавшіяся въ одно изъ засѣданій семинаріи. Такъ какъ въ семинаріи Пипера въ прошлый семестръ было два иностранца—одинъ американецъ и одинъ русскій—то Пиперъ, желавшій какъ можно ближе ознакомить «своихъ гостей изъ далекихъ странъ» съ новымъ проектомъ устройства христіанскихъ музеевъ для народа, назначилъ особаго рода ученый турниръ, въ которомъ официальные защитники и оппоненты разсматривали вопросъ о подобныхъ народныхъ музеяхъ. Задача, предложенная Пиперомъ—Für und gegen die Anlegung von christlichen Volksmuseen — особенно интересна въ томъ отношеніи, что высказываетъ взглядъ на подобные музеи самихъ теологовъ, будущихъ основателей христіанскихъ музеевъ по другимъ городамъ Пруссіи и, если можно, Германіи; и не только по городамъ, при университетахъ и гимназіяхъ, но и по селамъ, при народныхъ школахъ.

Пластическія изображенія священныхъ событій, святыхъ лицъ и ихъ подвиговъ предлагали искони богатый матеріалъ для внушенія народу чистыхъ христіанскихъ идей и созерцаній, для популярной ясности понятій и главныхъ основаній христіанскаго ученія. Между тѣмъ какъ сухое устное преподаваніе, абстрактное понятіе, философское изложеніе ученія необходимо представляетъ извѣстнаго рода трудности, нерѣдко же возбуждаетъ совершенно неясныя представленія о предметѣ, — образное представленіе предлагаетъ матеріалъ, который легко видитъ глазъ и умъ схватываетъ безъ особеннаго напряженія. Педагогическое значеніе подобныхъ пластическихъ представленій неоспоримо: они сильнѣе запечатлѣваютъ въ умѣ тѣ истины христіанскаго ученія, которыя, высказываясь въ сухой формѣ устнаго преподаванія, требуютъ несравненно бо̀льшаго напряженія. И польза эта касается не только ума, но и чувства: цѣлостность впечатлѣнія, которая никогда не можетъ быть достигнута устнымъ или письменнымъ изложеніемъ, чрезъ чувственное созерцаніе предмета врѣзывается глубоко въ сердце и сопутствуетъ ему въ про-

университетѣ имѣетъ такое же значенiе, какъ анатомическiй для преподаванiя анатомiи. Возраженiй на это не было и не могло быть представлено: отвергать вообще значенiе христiанскихъ музеевъ, значитъ отвергать вообще теологiю, что, впрочемъ, успѣшнѣе всего могло быть достигнуто теологомъ— Лютеръ былъ монахъ августинскаго ордена.

Существеннѣйшiя замѣчанiя были сдѣланы относительно учрежденiя подобныхъ музеевъ для народа, при народныхъ школахъ: а) какъ необходимы христiанскiе музеи, такъ равно необходимы музеи искусства и исторiи, и наконецъ необходимѣе ихъ всѣхъ музеи по естественнымъ наукамъ; б) живописныя картины и скульптурные слѣпки св. лицъ и священныхъ событiй могутъ быть уравнены народомъ съ самими лицами и событiями,—на рафаэлевой Мадоннѣ можетъ повториться исторiя верониковой копiи; и вообще вѣрное пониманiе христiанскихъ древностей требуетъ серьезной предварительной подготовки, которую трудно встрѣтить въ народѣ и безъ которой почти неизбѣжны недоразумѣнiе и профанацiя: наконецъ, в) едва ли матерiальныя средства общины и духовный интересъ къ подобному учрежденiю довольно сильны, чтобъ польза могла выкупить затраченный капиталъ. Не трудно догадаться, въ какомъ смыслѣ были опровергнуты эти возраженiя: «такъ какъ религiозное сознанiе народа составляетъ святую и драгоцѣннѣйшую его собственность, которая очищаетъ и руководитъ его во всѣхъ прочихъ отправленiяхъ жизни, и такъ какъ христiанскiй музей преимущественно посвященъ этой религiозной сторонѣ, то ему принадлежатъ наши первыя средства, наша первая забота, короче, первый капиталъ». Подобное замѣчанiе не допускаетъ опроверженiй: въ немъ, искренно или умышленно, дѣлается довольно наивная ошибка: то, что въ первомъ случаѣ ставится какъ вопросъ, подлежащiй разрѣшенiю, во второмъ принимается какъ неопровержимо доказанное положенiе.

Что учрежденiе христiанскихъ музеевъ при университе-

тахъ, какъ пособіе для теологическаго факультета, приноситъ большую пользу, въ этомъ едва ли кто-либо сомнѣвается въ настоящее время: что подобныя же учрежденія при народныхъ школахъ принесутъ вредъ—это кажется въ равной же мѣрѣ несомнительно.

Въ своей статьѣ объ учрежденіи народныхъ музеевъ [1]) Пиперъ исходитъ изъ довольно, повидимому, свободнаго начала, именно, что «искусство не должно быть лишь сладкимъ блюдомъ для стола вельможи и богача, оно должно составлять здоровую пищу для всякаго: подобно второй природѣ, оно должно какъ солнце распространять свой свѣтъ на большого и малаго, на богатаго и бѣднаго» [2]). Какъ ни идеально такое развитіе народа, при которомъ искусство становится для него здоровою пищею, слѣдовательно, насущною потребностью, оно желательно и должно сдѣлать честь тѣмъ, которые стремятся къ его совершенію. Единственный путь къ тому Пиперъ видитъ въ христіанскомъ искусствѣ, и въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться: «христіанство каждаго уже вводитъ, болѣе или менѣе, въ область искусства»: ближайшее средство—учрежденіе христіанскихъ народныхъ музеевъ.

Мы беремъ этотъ фактъ самъ по себѣ, не касаясь вопроса о томъ, на сколько народъ удовлетворенъ въ болѣе существенныхъ нуждахъ и составляютъ ли памятники христіанскаго искусства столь важный предметъ для народа, чтобъ ему должно было посвятить наши первые капиталы. Но чтобъ [illegible] цѣль Пипера, необходимо познакомиться [illegible] христіанское искусство, какъ на пред- [illegible] ь привести народъ къ вышеупомянутому [illegible]

[illegible] 7, S. 69—88.
[illegible] маніе на то, что сладкое блюдо за столомъ вельможъ [illegible] бою сытный обѣдъ, то, конечно, трудно будетъ найти [illegible] не пожелалъ бы видѣть того же за столомъ не-вель- [illegible] однимъ непремѣннымъ условіемъ—чтобъ ему пред- [illegible]

Первая, важнѣйшая цѣль подобныхъ христіанскихъ музеевъ для народа состоитъ въ поддержаніи и развитіи не художественнаго, но религіознаго чувства; подобный музей не имѣетъ цѣлью объяснять народу рисунокъ и колоритъ: народъ читаетъ св. писаніе не для того, чтобъ научиться читать и писать. Пиперъ видитъ въ памятникахъ христіанскаго искусства лишь вторую библію, «библію народа», по прекрасному выраженію папы Григорія В. Казалось бы, въ XIX ст. не приходится ссылаться на VI вѣкъ и тѣмъ болѣе въ протестантской странѣ: но «пластическое изображеніе въ немногихъ чертахъ заключаетъ много смысла, оно предлагаетъ кратчайшій путь къ познанію; потребность въ наглядномъ представленіи такъ же сильна въ XIX вѣкѣ, какъ была въ предыдущихъ, народу именно принадлежитъ способность поучаться изъ образныхъ представленій; наконецъ, не видя въ произведеніяхъ христіанскаго искусства иной цѣли, кромѣ религіознаго наставленія, Пиперъ не видитъ «никакой разницы между книгою и снимкомъ, слѣпкомъ съ произведенія христіанскаго искусства». Не интересъ историческаго значенія этихъ произведеній заставляетъ Пипера такъ горячо желать близкаго знакомства народа съ ними: эти произведенія должны получить въ глазахъ народа тотъ же смыслъ, какой имѣли они въ средніе вѣка; рисунокъ рая долженъ говорить народу о блаженномъ состояніи безгрѣшныхъ, ада—о наказаніи поднавшихъ грѣху.

IV.

Въ богословской семинаріи Пипера легко услѣдить важность изученія христіанскаго искусства для занимающагося исторіею среднихъ вѣковъ.

Изъ числа тайнъ евангельскаго ученія самая высочайшая тайна, наименѣе поддающаяся усиліямъ человѣческаго ума, безъ сомнѣнія, тайна воплощенія Сына Божія.

Мы опускаемъ догматическую сторону этого вопроса, по преимуществу занимавшую теологическую семинарію Пипера;

мы умолчимъ о мнѣніяхъ Иренея, Оригена, Кирилла іерусалимскаго, Василія В., Григорія Нисскаго и многихъ другихъ писателей церкви и обратимъ вниманіе на то разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какое предлагаетъ намъ поэзія и искусство среднихъ вѣковъ.

Честь одного изъ самыхъ поэтическихъ разрѣшеній подобной нелегкой задачи принадлежитъ великому дѣятелю среднихъ вѣковъ, знаменитому бойцу христіанскаго ученія, труды и усилія котораго не напрасно даровали ему величайшій титулъ, какимъ лишь могли наградить средніе вѣка, не напрасно назвавшіе его *святымъ* Бернардомъ.

Въ половинѣ XII ст. Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво, говорилъ своимъ слушателямъ проповѣдь въ день Благовѣщенія. Бернардъ остановился на 11 ст. 84 Пс.: «Милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются». Въ этомъ стихѣ онъ видѣлъ тайну, полную глубокаго смысла: онъ предвидѣлъ въ этомъ тѣ четыре добродѣтели, въ которыхъ заключалось истинное спасеніе, и именно въ ихъ совокупности, такъ какъ взятыя порознь онѣ теряли силу своей добродѣтельности. Человѣкъ, говорилъ Бернардъ, получилъ отъ Бога прежде всего *милосердіе* (misericordia), какъ кормилицу, которая ему предшествуетъ и за нимъ слѣдуетъ, защищаетъ и охраняетъ его; *истину* (veritas), какъ воспитательницу, которая ведетъ его къ познанію высшей истины; *справедливость* (justitia), которая должна управлять человѣкомъ и отводить его отъ грѣха, въ который онъ могъ бы впасть, еслибъ, познавъ добро, онъ не проявилъ бы его въ дѣлахъ; наконецъ миръ, *миролюбіе* (pax), какъ успокоеніе, высшая услада. «Чего не доставало еще человѣку, — восклицаетъ Бернардъ, — если милосердіе охраняло его, истина наставляла, справедливость руководила имъ, миролюбіе услаждало его?»

Но съ грѣхопаденіемъ первыхъ человѣковъ, они утеряли вмѣстѣ съ раемъ и эти четыре добродѣтели: они утеряли справедливость—преступивъ законъ своего Бога; милосердіе—

Ева принесла все свое потомство въ жертву своей страсти: истину—вопреки угрозъ Господа, Ева повѣрила лжи змія: миролюбіе—«безбожные не знаютъ мира» [1]).

Бернардъ въ немногихъ словахъ представилъ своимъ слушателямъ исторію человѣчества отъ грѣхопаденія до искупленія, при чемъ выставилъ борьбу и примиреніе этихъ четырехъ добродѣтелей, какъ божественныхъ свойствъ: онъ называетъ ихъ дочерьми Господа и дѣлитъ попарно — съ одной стороны ставитъ онъ истину и справедливость, съ другой—милосердіе и миролюбіе, какъ молочныя сестры первыхъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ загадочнымъ словамъ псалмопѣвца и изъ представленія примиренія четырехъ добродѣтелей, высказаннаго въ 84 пс., выводитъ, что этому примиренію должна была предшествовать распря.

Между добродѣтелями былъ жаркій споръ, говоритъ Бернардъ: истина и справедливость мучили падшихъ человѣковъ, милосердіе же и миролюбіе, напротивъ того, щадили ихъ, сочувственно относясь къ ихъ несчастію. Но такъ какъ первыя двѣ сестры-добродѣтели не переставали свирѣпствовать противъ виновныхъ и продолжали наказывать ихъ, прибавляя къ настоящимъ страданіямъ угрозы наказанія въ будущей жизни, то молочныя ихъ сестры «постучались въ сердце отца» и просили его помиловать грѣшныхъ, говоря, что онѣ уже довольно страдали. Господь не могъ внять этой просьбѣ, не обижая другихъ двухъ сестеръ; Онъ мудро повелѣлъ предстать предъ себя всѣмъ четыремъ, и вотъ предъ лицемъ своего Бога повели споръ четыре сестры-добродѣтели.

Первая изъ сестеръ выступаетъ милосердіе и говоритъ, что люди продолжительнымъ страданіемъ искупили уже свою вину и должны быть помилованы. На это истина отвѣчаетъ: «Слово, которое Ты изрекъ, Господь, должно быть приведено въ исполненіе,—Адамъ долженъ умереть со всѣмъ своимъ по-

[1]) Исаія, 57, 21.

томствомъ, такъ какъ онъ вкусилъ отъ запрещеннаго Тобою плода».—«Зачѣмъ же, Отецъ, зачѣмъ породилъ Ты меня на свѣтъ,—восклицаетъ милосердіе,—если я должна уже погибнуть; сама истина знаетъ, что Твое милосердіе должно погибнуть навсегда, если ужъ Ты навсегда отвергнешь отъ себя сожалѣніе».—«Но кто же не знаетъ,—возразила на это истина,—что если преступникъ будетъ избѣгать своего осужденія, то истина, Господь, погибнетъ и ужъ вовѣки ее не будетъ!»

Все это слышалъ херувимъ и предложилъ отослать спорящихся къ Соломону (т.-е. къ Богу-Сыну), говоря, что «Отецъ и не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну [1])». Предстали спорящія предъ ликъ Бога-Сына. «Милосердіе требуетъ,—сказала истина,—чтобъ преступившіе законъ своего Бога были пощажены, и не щадитъ тѣмъ сестры своей истины».—«Ну, а ты,—возразила сестра-милосердіе,—ты не щадишь обѣихъ сестеръ, ни милосердія, ни миролюбія: ты до того свирѣпствуешь противъ преступниковъ, что наносишь ущербъ обѣимъ сестрамъ! Что̀ я сдѣлала тебѣ дурного? Имѣешь что̀ противъ меня—скажи мнѣ; не имѣешь—зачѣмъ гонишь меня?» Вообще споръ сталъ касаться личностей, и неизвѣстно, чѣмъ окончился бы, еслибъ миролюбіе не вмѣшалось въ это дѣло: «оставьте, пожалуйста, перестаньте; такая перебранка намъ не прилична: добродѣтелямъ неприлично спорить».

Тогда склонилъ голову судья и сталъ чертить по землѣ; сестра-милосердіе сидѣла ближе всѣхъ и повѣдала всѣмъ приговоръ Бога-Сына: «Одна сестра говоритъ: я погибла, если Адамъ не умретъ; другая же говоритъ: я погибла, если Адамъ не удостоится милосердія. *И приключится блаженная смерть*, и каждая изъ сестеръ получитъ, что̀ желаетъ». Всѣ сестры дивились, слыша слово высокой премудрости, уничтожавшее даже поводъ къ спору и жалобамъ. Сестры не

---

[1]) Іоан., 5, 22.

могли, однако, хорошенько понять значенія *блаженной смерти*: смерть сама по себѣ ужасна, какимъ же образомъ можетъ быть она блаженствомъ? Но судья сказалъ: «ужасна смерть грѣшниковъ, но блаженна смерть праведниковъ — она есть дверь жизни, врата величія». Всѣ согласились съ этимъ, но не поняли, какъ же она возможна. «Она возможна, если кто, самъ по себѣ не заслуживающій смерти, умираетъ изъ любви», сказалъ премудрый судія, и всѣ согласились. Но гдѣ тотъ безвинный, который согласился бы умереть не изъ вины, но по любви, по доброй волѣ? Истина и милосердіе отправились искать по всей вселенной, не найдется ли гдѣ такого безвиннаго, который принялъ бы на себя блаженную смерть. Истина прошла всю землю и не нашла никого, ни даже ребенка, жившаго лишь однѣ сутки, который былъ бы вполнѣ чистъ и непороченъ; милосердіе исходило все небо и нашло, что и ангелы страдаютъ, если не порочностію, то недостаточною любовью. Нѣтъ, такая побѣдная смерть предоставлена не людямъ и не ангеламъ, но другому, котораго любовь готова положить душу свою за друзей своихъ. Къ назначенному дню возвратились обѣ сестры, истина и милосердіе, предъ престолъ судьи; обѣ были опечалены, не найдя того, чего искали. И сказала тогда третья сестра, миролюбіе: «Вы не знаете и не думаете! Нѣтъ творящаго такое добро, нѣтъ кромѣ одного [1]). Кто далъ совѣтъ, поможетъ на дѣлѣ» (qui consilium dedit, ferat auxilium).

Царь Соломонъ (т.-е. Іисусъ Христосъ, судья) услышалъ слова ихъ и сказалъ: «Мнѣ жалко, что я создалъ людей. Страданіе назначено мнѣ; на мнѣ лежитъ претерпѣть страданіе, покаяться за людей, которыхъ я создалъ» [2]). И сказалъ онъ:

---

[1]) Ис. LII, каѳ. 4. Въ латинскомъ текстѣ Ис. сказано: Non est qui faciat bonum, non est usque ad unum, что дословно-вѣрно переведено въ русскомъ переводѣ; Бернардъ же послѣ *bonum* вставилъ *hoc*, отчего смыслъ всего стиха значительно измѣнился: *usque ad* допускаетъ исключеніе въ пользу одного.

[2]) Genes. VI, 7. Въ текстѣ проповѣди трудно уловимая игра словъ: *Poenitet* me fecisse hominem. *Poena*, inquit, me *tenet*, mihi incumbit sustinere *poenam, poenitentiam* agere pro homine quem creavi.

«Я иду; ибо если чашѣ сей пройти мимо меня, я осушу ее». И снисходитъ Христосъ на землю: милость и истина идутъ предъ лицемъ Его [1]), благость уготовляетъ ему престолъ: миръ шелъ съ царемъ и ангелы восклицали: миръ на землѣ и въ человѣкахъ благоволѣніе [2]). Тогда-то «милость и истина срѣтились, правда и миръ облобызались!»

Такъ, соединяя въ себѣ высшую идею божественности и окруженный всѣми добродѣтелями, снизшелъ Христосъ на землю, чтобъ страданіемъ искупить родъ человѣческій, не могшій уже вмѣстить въ себѣ всѣхъ четырехъ добродѣтелей, спутниковъ истиннаго спасенія. Вотъ причина воплощенія, этой божественной мистеріи христіанской религіи: вотъ въ чемъ заключалась необходимость высокой цѣны искупленія, вотъ кому была принесена она. XII-й вѣкъ, составляющій переходную эпоху въ исторіи среднихъ вѣковъ, не много представилъ примѣровъ подобнаго объясненія, въ которомъ поэтическое чувство примиряется съ суровымъ взглядомъ великаго аскета среднихъ вѣковъ Это объясненіе, разъ данное, было принято всѣми, было живо до тѣхъ поръ, пока въ человѣчествѣ была жива любовь къ подобнымъ вопросамъ; съ новой эрой, отмѣченной реформаціоннымъ движеніемъ, эта поэтическая притча Бернарда не утеряла своей прелести: какъ и прежде, ею воспользовалась народная фантазія.

Эта притча Бернарда послужила предметомъ для живописи; многія св. книги среднихъ вѣковъ были изукрашены миніатюрой, въ которой представленъ тотъ моментъ, когда истина и милосердіе являются къ Іисусу Христу, съ грустью объявляя, что ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ достойнаго быть виновникомъ блаженной смерти. Въ срединѣ сидитъ Іисусъ Христосъ, Онъ окруженъ ангелами, въ лѣвой рукѣ земной шаръ, правая покоится на груди; налѣво отъ него двѣ молодыя женщины—Justitia и Veritas, направо двѣ другія — Pax и

[1]) Пс. 88, 15. [2]) Лук. 2, 14.

Mis(er)icordia, всѣ онѣ въ коронахъ, лица и руки обращены ко Христу, который, выслушавъ ихъ нерадостную вѣсть о состояніи земли и неба, говоритъ, что принимаетъ на себя великую, нетрудную для него роль искупленія. Эта же притча была внесена въ знаменитое по своей распространенности въ средніе вѣка сочиненіе пресвитера Якова (1378 г.) Consolatio peccatorum; это сочиненіе было переведено на нѣмецкій, французскій, фламандскій, итальянскій, испанскій языки, вслѣдствіе чего притча Бернарда получила всеобщую извѣстность. Вѣроятно, уже изъ этого «утѣшенія грѣшныхъ» перешла она въ средневѣковую поэзію, первымъ памятникомъ которой въ этомъ отношеніи служитъ нѣмецкая риѳмованная поэма, пользовавшаяся общею любовью въ свое время и начинающаяся словами:

Sich huob vor gotes trône
ein gespraeche schône.

Этотъ же мотивъ встрѣчается въ одной нюрнбергской рукописи XV ст. Но наибольшую популярность пріобрѣла эта притча сперва чрезъ одну нидерландскую пасхальную драму, поставленную на сцену средневѣковаго театра въ половинѣ XIV ст.—Das Gespräch zwischen Gott und den beiden Tugenden, der Iutbarmicheit und der Wairheit, потомъ чрезъ нижнегерманскую драму половины XV ст.—Der Sündenfall. Нижнегерманская драма писана риѳмованными стихами и по содержанію весьма близка къ притчѣ Бернарда.

Давидъ и архангелъ Михаилъ являются къ Господу и просятъ Его ниспослать милость для нихъ и всего рода человѣческаго, на что Господь отвѣчаетъ:

Misericordia mea et veritas mea cum ipso.
Wärheit unde rechtferdicheit,
Frede unde barmherticheit,
De schullen all mit om wesen,
Dat mynslike geslechte dat schall genesen.

Вслѣдъ за этимъ начинается споръ правды съ милостью, при чемъ правда говоритъ:

In eternum, domine, veritas tua permanebit.
Lätet rechtferdicheit allen mynschen lîden
So blift juwe wärheit tô êwigen tîden.

Споръ съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляется цитатами изъ св. писанія и оканчивается приговоромъ Іисуса Христа объ искупленіи смертію праведнаго:

Misericordia et veritas obviaverunt sibi, justicia et pax osculate sunt.

Nu wil ik de rechtferdicheit keisen
Ok schal barmherticheit nicht vorleisen.
Mîne lêve dochter beide,
Hôret, unde ik juk twei hir scheide:
Fiat mors bona et habeat utraque quod petiit.
Dat is dar de macht 'anne lît.
Ex caritate morietur ille qui morti nil tenetur.
Sic quia mors eterna morietur.
Hôret nu tô, mîne lêven frunde,
Wat îk juk geve vor eine orkunde
Eîn gût dôt schal bolde
Komen, dat des god gewolde,
Unde de, de des dôdes nicht is schuldich,
De schal sterven unde wesen duldich,
Unde dat schal schein in lêfmodicheit
To trôste der mynschen sâlicheit.
Dusse dôt de schal dar nôden,
Den êwigen dôt denne wedder doden,
Sus schal de mynche nicht vorderben
Edder des êwigen dodes sterven.

Такъ перешла притча Бернарда въ драматическую поэзію. Если въ средневѣковыхъ драмахъ эти четыре добродѣтели, какъ свойства божества, появляются въ человѣческихъ образахъ, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о воплощеніи Сына Божія, то въ другой области искусства онѣ являются въ образѣ *охотничьихъ собакъ*, при чемъ главная цѣль—разрѣшеніе мистеріи воплощенія—остается неизмѣняемою. Такъ эти четыре

сестры, добродѣтели св. Бернарда, являются и въ общеизвѣстной «охотѣ на единорога»—die Jagd des Einhorns.

Въ западной Европѣ сохранилось еще до настоящаго времени довольно древнее, не сложное сказаніе: «неизвѣстно гдѣ и когда находился единорогъ необыкновенной силы; храбрость и мужество охотниковъ не могли одолѣть его; однажды этотъ единорогъ подошелъ къ дѣвѣ, и вся его дикость и сила пропали: онъ положилъ голову на грудь прекрасной дѣвы и былъ лишь такимъ образомъ уловленъ своими преслѣдователями». Это сказаніе встрѣчается у христіанскихъ писателей съ конца VI и начала VII вѣка, у Григорія В. и Исидора севильскаго. Долгое время эта сказка намекала на іудейскій народъ и по преимуществу на исторію Саула, но позже она была примѣнена къ воплощенію Сына Божія, и ея мотивы перешли тогда въ поэзію и искусство. Она была помѣщена въ извѣстномъ «Physiologus» и оттуда перешла въ германскую поэзію среднихъ вѣковъ.

Конрадъ вюрцбургскій (XIII ст.) въ своей «Золотой кузницѣ» представляетъ Бога-Отца «небеснымъ ловчимъ», кой посылаетъ свое единородное Дитя на землю:

des himels einhürne, uf erden nach gewinne.
der wart in daz gedürnem, Christ Jêsus, den din lip gebar.
dirre wilden verlt gejaget der leite sich in dîne schôz,
ich meine dô der himeljeger dô des vaters minne grôz
jagte sîn einbornez kint in jagete zuo der erden.

Тотъ же мотивъ встрѣчается у Румеланда (Rumeland), современника Конрада, въ пѣснѣ Маріи:

einborner Gottes sun, do jagte dich herabe
die vater, wan er aus verlôs vil nôte.
er jagte dich unz an den lip
der reinen meit, als man daz einhorn jeite.

Затѣмъ Румеландова поэма прямо примыкаетъ къ сказкѣ объ единорогѣ:

Ein tier hat grinwelichen zorn,
des alle jegere grûwet, daz ist der einhorn;

man jagte in lange. in getorfte nieman vahen.
Doch vieng in, als ist mir geseit,
ein edele. reine, lûter. unbevollen meit.
seht. dâ begunde ez siner müede nâhen:
er leit sich in der meide schôz
unt gap sich âne wunden ir gevangen.

Это представленіе было любимымъ мотивомъ XV ст.—Генрихъ фонъ-Лауфенбергъ упоминаетъ объ этой сказкѣ въ своемъ стихотвореніи о рожденіи Іисуса Христа:

Der einhürn hüt gevangen ist — der ist gewesen ihessus wist.
in mägden schos mit grossem list. — die maget du. Maria bist.

Реформація не уничтожила сказки объ единорогѣ: мотивы ея встрѣчаются въ XVI ст. въ одной церковной пѣснѣ, передѣланной со свѣтской, съ небольшими измѣненіями; она не требуетъ уже переложенія, языкъ ея удобопонятенъ:

Es wolt gut Jäger jagen
wol (wohl) in des Himels thron,
was begegnet jhm auff der Heyden?
Maria die Jungkfray schon.
Den Jäger den ich meine
der is ves wol bekant.
err jagt mit einem Engel,
Gabriel ist ers genant.
Der Engel bliess ein hörnlein,
es laut sich (tonte) also wol:
Gegrüsset seyest du, Maria,
du bist aller gnaden voll. u. s. w. [1])

Одновременно съ этими стихотвореніями сказка объ охотѣ на единорога перешла и въ область пластическаго искусства. Древнѣйшій памятникъ этого содержанія находится въ одной монастырской рукописи (antiphonarius) XII ст.; подобною же миніатюрою украшалась до XVI ст. вышеприведенная церковная пѣснь. Первое скульптурное произведеніе относится также

[1]) *Wackernagel*, S. 127.

къ началу XII ст.—въ гмюндской (Gmünd) церкви св. Іоанна. Но лишь съ XIV вѣка встрѣчаются изображенія полной охоты съ четырьмя собаками. Это изображалось такъ: св. Марія въ видѣ прекрасной женщины, съ распущенными волосами, стоитъ на колѣняхъ: на головѣ у нея вѣнецъ, надъ вѣнцомъ голубь; руками она обнимаетъ голову единорога, переднія лапы котораго покоятся на колѣняхъ Маріи; позади—Архангелъ Гавріилъ: въ лѣвой рукѣ у него рогъ, въ который онъ трубитъ изъ рога вылетаетъ извѣстное привѣтствіе: ave gratia plena deus tecum; въ правой—четыре собаки на сворѣ, въ зубахъ у каждой свертокъ, на которомъ написана одна изъ четырехъ сестеръ добродѣтелей св. Бернарда—Veritas, Pax, Misericordia и Justitia. Значеніе этихъ четырехъ добродѣтелей до настоящаго времени не было понято и лишь впервые разъяснено Пиперомъ, при помощи притчи св. Бернарда,—онѣ обозначаютъ божественныя качества, при помощи которыхъ разрѣшился вопросъ о воплощеніи: праведности Божіей (justitia и veritas) и любви (pax и misericordia) къ падшему человѣчеству было достаточно, чтобъ Богъ-Сынъ принялъ плоть человѣческую.

Объясненіе мистеріи воплощенія, предложенное св. Бернардомъ, пережило реформацію: въ 1562, въ Витенбергѣ появилось драматическое сочиненіе Луки Майена (Lucas Maien)—Ein Schöne vund newe Comedien. Von der wunderbarlichen vereinigung Göttlicher gerechtigkeit und barmhertzigkeit, wie dieselben in der seligkeit, und erlösung des Menschen, zusammenkomen, und in Gottes gericht vermischt werden, aus S. Bernhards genomen, Sampt derselbigen Predigt S. Bernhardi, von der Menschwerdung Christi, verdeutscht und zusamen gezogen. И не только въ XVI ст., мысль св. Бернарда можно услѣдить въ объясненіи мистеріи воплощенія позднѣйшими вѣками.

V.

Въ 6-мъ № Соврем. Лѣтоп. за 1864 годъ помѣщено письмо Буслаева «Изъ Праги», отъ 8 февр. (27 янв.), въ которомъ

преимущественное вниманіе обращено на христіанскій музей, основанный Пиперомъ при берлинскомъ университетѣ.

Этотъ христіанскій музей, «основанный для пособія въ преподаваніи богословія въ связи съ христіанскимъ искусствомъ», особенно интересовалъ Буслаева, «какъ вообще по важности въ ученомъ отношеніи», такъ и потому, что, по мнѣнію Буслаева, «для удовлетворенія господствующихъ на Руси религіозныхъ потребностей, рано ли, поздно ли, придется и у насъ основать подобный же музей». При основаніи въ Россіи подобныхъ музеевъ, «мы, русскіе, воспользовавшись историческою системою христіанскаго музея при берлинскомъ университетѣ и внесши все общехристіанское и существенно важное изъ позднѣйшихъ вѣковъ, мы подобно музею Пипера, должны дать своему музею свой мѣстный и національный характеръ». Далѣе Буслаевъ высказываетъ цѣль учрежденія подобныхъ музеевъ: «такой музей можетъ быть отличною школою и центромъ для предполагаемаго у насъ иконописнаго братства или для какого-либо другого подобнаго учрежденія, имѣющаго своею цѣлью поддержаніе и развитіе въ народѣ религіозно-художественныхъ идей». Это довольно скромное назначеніе христіанскаго музея, какъ школы и мѣста засѣданія иконописнаго братства, должно принять вскорѣ самое широкое развитіе: «такіе музеи могутъ быть заведены сначала при университетахъ, при академіи художествъ (гдѣ уже положено начало такому собранію), при иконописномъ братствѣ: потомъ они распространятся дальше, появятся въ свѣтскихъ и духовныхъ школахъ. Наглядное обученіе, сообщаемое такимъ музеемъ, можетъ быть доступно даже простому народу».

Всякая потребность, господствующая въ народѣ, должна быть удовлетворена, не «рано ли, поздно ли», но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—потребность не ждетъ: преступленіе есть лишь послѣдствіе неудовлетворенной потребности; неудовлетвореніе же религіозной потребности влечетъ за собою самыя тяжелыя для народной жизни, трудно переживаемыя послѣдствія—от-

щепенство, расколъ, ересь. Для удовлетворенія религіозной потребности на Руси, Буслаевъ предлагаетъ устроить, подобно тому, какъ то Пиперъ сдѣлалъ въ Берлинѣ, при русскихъ университетахъ «поэтическое собраніе памятниковъ христіанскихъ, столько же для изученія богословія и искусства, сколько для внушенія молодымъ умамъ художественнаго воодушевленія въ религіозномъ духѣ».

Наука никогда еще не становилась въ разрѣзъ, не шла противъ религіи, понимаемой въ строгомъ, серьезномъ ея значеніи; напротивъ того, ничто иное какъ наука доставила возможность въ до-христіанскомъ мірѣ болѣе и болѣе приближаться къ чистымъ понятіямъ объ одной великой причинѣ, какъ краеугольномъ камнѣ религіи, въ христіанскомъ — дѣлала болѣе и болѣе доступными великія истины высочайшей изъ религій. И взглядъ Буслаева, что удовлетвореніе религіозныхъ потребностей народа должно исходить изъ университетовъ, какъ нельзя болѣе вѣренъ и справедливъ: дѣйствительно, одна лишь наука способна на столь великое и трудное дѣло; съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но вѣрный вообще, взглядъ этотъ становится ложнымъ по отношенію къ Россіи и русскимъ университетамъ, находящимся въ особомъ положеніи. При русскихъ университетахъ нѣтъ теологическаго факультета; устройство христіанскихъ музеевъ, имѣющихъ цѣлью быть пособіемъ при изученіи исторической части теологіи, въ университетахъ, въ которыхъ неизвѣстна теологія какъ наука, — является аномаліей, положительною невозможностію: это равняется устройству анатомическихъ музеевъ при нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. Берлинскій университетъ съ самаго основанія считалъ теологическій факультетъ одною изъ своихъ частей и лишь не очень давно открытъ при немъ христіанскій музей; устраивать же христіанскій музей ранѣе теологическаго факультета не представляется никакой возможности.

Говорить о христіанскихъ музеяхъ въ «свѣтскихъ и ду-

ховныхъ школахъ», по нашему крайнему разумѣнію, совершенно излишне: вопросъ этотъ могъ быть поднятъ здѣсь, на Западѣ, гдѣ на каждомъ шагу чувствуется, что тутъ прошла уже исторія, гдѣ чувствуется память чего-то, гдѣ вѣками собрана довольно тяжелая масса извѣстнаго рода традицій, отъ которыхъ человѣку не всегда легко освободиться; тѣмъ не менѣе, подобнымъ народнымъ музеямъ можно навѣрное предсказать неуспѣхъ даже въ Пруссіи. Не станемъ же подымать въ Россіи, непричастной въ этомъ отношеніи традиціямъ Запада, старый вопросъ, такъ безпокоющій немолодую уже Европу.

Еще одно замѣчаніе. Въ настоящей статьѣ не разъ уже упоминалось объ евангелическомъ календарѣ (Evangelischer Kalender), издаваемомъ Пиперомъ; упоминая объ этомъ календарѣ, Буслаевъ прибавляетъ: «Нашъ русскій календарь, нѣтъ сомнѣнія, необыкновенно много выигралъ бы, если бы, по примѣру Пиперова Евангелическаго, ежегодно пускалъ въ оборотъ многочисленной публики свѣдѣнія о русскихъ святыняхъ, объ иконописи, о древностяхъ христіанскихъ и т. д.».

Нашъ русскій календарь имѣетъ много недостатковъ; Буслаевъ находитъ, что онъ въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть исправленъ евангелическимъ календаремъ Пипера; обратимъ на это вниманіе и, для сравненія этихъ календарей, посмотримъ на книжки 1864 года; избираемъ именно ту книжку евангелическаго календаря, на которую указываетъ Буслаевъ и которая дѣйствительно дѣльнѣе всѣхъ предыдущихъ годовъ.

Въ евангелическомъ календарѣ на 1864 г. помѣщены: 1) церковный и астрономическій календарь на 1864 годъ съ объясненіями (стр. 1—14); 2) Римъ, вѣчный городъ, статья Пипера (стр. 17—120) и 3) жизнеописаніе двѣнадцати святыхъ и другихъ слугъ христіанской церкви (стр. 120—220).— Въ русскомъ мѣсяцесловѣ на 1864 г. помѣщены, кромѣ неизмѣнныхъ отдѣловъ нашего календаря, слѣдующія статьи: 1) Куликовская битва, Н. И. Костомарова (стр. 1 — 24) и

2) О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ, Ак. К. М. Бэра (стр. 25—65).

Календарь — книга универсальная, общепонятная. Въ послѣдней книжкѣ евангелическаго календаря, за исключеніемъ статей, которыя писаны для извѣстнаго рода читателей, одна лишь статья Пипера—Римъ, вѣчный городъ — можетъ обратить на себя вниманіе; мы о ней уже упоминали: это серьезная, ученая статья, отличающаяся всѣми достоинствами самостоятельнаго труда; за нее будутъ благодарны ея автору специалисты-археологи. но, конечно, публика — говорю о той германской публикѣ, для которой издается евангелическій календарь—ее не прочтетъ, она недостаточно подготовлена для подобнаго чтенія: короче, это вовсе не календарная статья. Относительно же статей, помѣщенныхъ въ русскомъ календарѣ на 1864 г., мы осмѣливаемся утверждать, что во всѣхъ пятнадцати книжкахъ евангелическаго календаря не найдется ни одной статьи, которая могла бы быть поставлена даже на ряду со статьей Бэра. Многое можно сказать противъ «Куликовской битвы»: но какъ поэтическій разсказъ объ одной изъ народныхъ святынь, статья эта, конечно, произведетъ болѣе благопріятное вліяніе, чѣмъ всѣ жизнеописанія, такъ щедро помѣщаемыя въ евангелическомъ календарѣ.

Намъ заимствовать изъ евангелическаго календаря нечего, и не зачѣмъ ставить намъ его въ примѣръ: евангелическій календарь имѣетъ свою специальную цѣль Серьезная и глубокая ученость Пипера заставляетъ обращать на себя вниманіе: но на немъ-то по преимуществу отразился теологизмъ евангелическаго исповѣданія, составляющій символъ вѣры его издателя Разъ ставъ на эту точку, изъ которой онъ исходитъ, Пиперъ дѣйствительно «съ спокойнымъ сознаніемъ и душевной ясностію» преслѣдуетъ свою цѣль, и съ этой стороны онъ правъ и достоинъ подражанія: но его евангелическій календарь можетъ служить примѣромъ для нашего русскаго календаря лишь по своей цѣлесообразности, но не по

самой цѣли. Всегда чуткіе къ хорошимъ сторонамъ западной жизни, мы безъ негодованія изучаемъ и ея темныя, гнилыя складки, которымъ исторія даетъ не только объясненіе, но даже оправданіе; но изучаемъ мы ихъ не для подражанія, скорѣе въ предостереженіе. Безспорно, содержаніе евангелическаго календаря чрезвычайно важно; но оно на столько спеціально, что не можетъ имѣть мѣста въ русскомъ календарѣ. Да и не зачѣмъ русскому календарю вдаваться именно въ эту спеціальность: ему есть что сказать русскому народу, есть на чемъ остановить вниманіе здраваго русскаго смысла. Татарское иго и крѣпостное право, уже ставшія окаменѣлыми преданіями иной эпохи, оставили за собой громадный матеріалъ, и съ нимъ-то народъ долженъ быть прежде всего ознакомленъ, чтобъ они послужили ему какъ предостереженіе, и уже въ этомъ смыслѣ стали бы святынями народной жизни.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОБРАЗЪ
КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

«Новь», 1885.

Легендарный образъ Кирилла и Меѳодія.

Апостолъ Павелъ, «еврей изъ евреевъ, по ученію фарисей, по ревности гонитель церкви Божіей», прошелъ со словомъ благовѣствованія всю переднюю Азію—былъ въ Дамаскѣ и Іерусалимѣ, въ Тарсѣ и Антіохіи, въ Персіи и Листрѣ, посѣтилъ Памфилію и Иконію, прошелъ Финикію, Фригію, Мизію—и, наконецъ, прибылъ въ Троаду. Здѣсь, на берегу Ѳракійскаго моря, на рубежѣ двухъ міровъ, Азіи и Европы, остановился св. апостолъ. Туманная даль застилала европейскій материкъ, отдѣленный отъ него классическимъ моремъ; но чѣмъ долѣе онъ смотрѣлъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе выдѣлялся изъ туманной дали человѣческій образъ, и предъ апостоломъ предсталъ житель Европы, македонянинъ, быть можетъ, ѳессалоникіецъ: онъ просилъ ап. Павла прибыть въ Европу, просвѣтить ее свѣтомъ христіанскаго ученія. Этотъ зовъ былъ признанъ Павломъ за голосъ свыше, за повелѣніе Бога. Переплылъ апостолъ Ѳракійское море, посѣтилъ Македонію, основалъ въ Ѳессалоникахъ одну изъ первыхъ христіанскихъ общинъ въ Европѣ, и, по его же собственнымъ словамъ, церковь ѳессалоникійская «стала образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ».

Прошло восемь столѣтій послѣ посѣщенія Македоніи всемірнымъ апостоломъ; по странѣ той прошла уже исторія и оставила на ней слѣды свои: греческое населеніе замѣнилось славянскимъ, Ѳессалоники стали Солунью, и изъ этого города, въ IX стол., изошли вcеславянскіе апостолы, Кириллъ и Меѳодій, причтенные церковью къ лику святыхъ.

Въ современныхъ извѣстіяхъ не сохранилось никакихъ указаній ни о родителяхъ, ни о первыхъ годахъ жизни Кирилла и Меѳодія. Едва упомянувъ о томъ, что братья были благороднаго происхожденія—черта слишкомъ общая и потому не имѣющая значенія—современныя свидѣтельства спѣшатъ отмѣтить тѣ дѣла того и другого, которыя имѣли въ ихъ глазахъ наибольшее значеніе. Такая общая черта не удовлетворяла народнаго любопытства, и спустя два-три столѣтія по смерти солунскихъ братьевъ, легенды знаютъ уже имя отца ихъ—его звали Левъ; еще позже мы узнаемъ имя ихъ матери—ее звали Марія. При этомъ народная фантазія, не терпящая голыхъ именъ, рисуетъ довольно реальный образъ родителей Кирилла и Меѳодія: они были не только благороднаго происхожденія, но довольно богаты и сановиты; даже санъ отца извѣстенъ легендамъ—онъ былъ друнгарій Солунской области, второе лицо въ провинціи послѣ стратига, главнаго военачальника; его зналъ не только императоръ, но и вся область, находившаяся подъ его управленіемъ. Когда стали составляться легенды, имена Кирилла и Меѳодія были уже святыми именами для народа; понятно, что народная фантазія придаетъ извѣстную степень святости и родителямъ тѣхъ святыхъ мужей: легенды восхваляютъ благочестіе Льва и Маріи, ихъ жизнь, во всемъ согласную съ заповѣдями Божьими; онѣ сравниваютъ отца Кирилла и Меѳодія съ Іовомъ, дѣлаютъ его родъ извѣстнымъ Богу [1]).

Что Кириллъ и Меѳодій были греки, въ томъ едва ли можно сомнѣваться въ настоящее время [2]); но всеславянское ихъ дѣло, ихъ работы и труды, на пользу славянскаго просвѣщенія понесенные, являлись для составителей легендъ

---

[1]) Паннон. Жит., гл. 2.

[2]) Доказательства въ пользу славянскаго ихъ происхожденія собраны Погодинымъ, который приходитъ къ заключенію, что Кириллъ и Меѳодій были славяне, получившіе многостороннее греческое образованіе, и въ этомъ только смыслѣ могли называться иногда греками. *Погодинъ*, стр. 96—105.

несообразными съ ихъ греческимъ происхожденіемъ; славянскія легенды считали этотъ вопросъ о происхожденіи своихъ первоучителей вопросомъ чести и гордости народной; Кириллъ и Меѳодій были слишкомъ возлюблены славянскими народами, — и легенды представляютъ ихъ намъ славянами, болгарами. Это указаніе легендъ на славянское происхожденіе солунскихъ братьевъ, какъ кажется, противорѣчило народнымъ преданіямъ, по которымъ они представлялись греками, и, какъ бы примиряя эти два извѣстія объ ихъ происхожденіи, на Аѳонѣ долго сохранялось, было живо въ XVIII стол. и, быть можетъ, сохраняется до настоящаго времени, преданіе, по которому Кириллъ и Меѳодій родились отъ отца болгарина и матери гречанки.

Знаютъ легенды родителей солунскихъ братьевъ, Льва болгарина и Марію гречанку, знаютъ онѣ и всѣхъ дѣтей ихъ, число которыхъ, по счету легендъ, простиралось до семи [1]); при этомъ легенды, зная имена только двухъ, Кирилла и Меѳодія, называютъ перваго самымъ младшимъ. Связь всѣхъ фактовъ дѣятельности солунскихъ братьевъ естественно заставляетъ предполагать, что изъ двухъ братьевъ Константинъ былъ старшимъ, Меѳодій же младшимъ; объ этомъ, въ сущности не важномъ обстоятельствѣ, не упоминаютъ современныя извѣстія; почему же легенды хотятъ, чтобы Константинъ былъ моложе Меѳодія? потому что это давало имъ возможность прибавить къ характеристикѣ того и другого нѣкоторыя черты, служащія доказательствомъ какъ мудрости перваго, такъ и смиренія второго—Меѳодій какъ рабъ служитъ своему младшему брату, сказано въ одномъ житіи; Константинъ, младшій изъ братьевъ, превосходитъ всѣхъ ихъ смиренномудріемъ и благочестіемъ, сказано въ другомъ.

---

[1]) Число *семь* не имѣетъ историческаго значенія: Константинъ не только былъ *седьмой* ребенокъ у своихъ родителей, но и *семи* лѣтъ избираетъ онъ себѣ премудрость въ подруги жизни, отдается въ ученіе, совершенно какъ въ нашихъ народныхъ стихахъ, напр., въ стихѣ объ «Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ».

Впрочемъ, легенды, описывая жизнь обоихъ братьевъ, говорятъ сперва о Кириллѣ и затѣмъ уже о Меѳодіѣ; къ этому побуждаетъ ихъ самый ходъ дѣятельности братьевъ, и мы, сохраняя въ нашемъ разсказѣ тотъ же порядокъ, поступаемъ согласно съ сущностью вопроса и съ легендарною формою.

Константинъ, будущій святой и просвѣтитель всего славянскаго рода, долженъ былъ, по общему характеру легендъ, отличаться отъ обыкновенныхъ дѣтей съ самаго юнаго возраста, съ пеленокъ. Когда онъ родился, мать отдала его кормилицѣ, но ребенокъ не бралъ ничьего молока, кромѣ материнскаго—*се же бысть*, прибавляетъ легенда, *по усмотрѣнію Божію, да боудеть добра корѣне добраа отрасль.* Семи лѣтъ, ребенокъ Константинъ, будущій философъ, вѣнчается съ премудростію, —онъ видитъ сонъ и такъ разсказываетъ его отцу и матери своей: «Стратигъ собралъ всѣхъ дѣвушекъ нашего города и сказалъ мнѣ: выбери одну изъ нихъ себѣ въ жены: я же, осмотрѣвъ всѣхъ, увидѣлъ одну, которая была красивѣе всѣхъ лицомъ, блиставшую золотыми украшеніями; ее звали Софіей, т.-е. премудрость; ее-то я и выбралъ». Родители объяснили ребенку значеніе этого премудраго сна и совѣтовали ему избрать въ подруги жизни премудрость, которая избавляетъ отъ многихъ золъ.

Оженившійся на премудрости ребенокъ былъ отданъ родителями въ училище [1]). Константинъ возбуждалъ удивленіе наставниковъ и товарищей своимъ свѣтлымъ умомъ, въ особенности же своею необыкновенною памятью. Въ лучшихъ училищахъ того времени, посѣщаемыхъ дѣтьми богатыхъ родителей, однимъ изъ воспитательныхъ средствъ была соколиная охота, какъ гимнастическое упражненіе. На одной изъ такихъ охотъ Константинъ заигрался съ сверстниками и утерялъ своего любимаго кречета: два дня ребенокъ плакалъ по

[1]) *Бильевъ* говоритъ, что родители «приглашали къ Константину лучшихъ учителей въ городѣ», стр. 332. Откуда взята эта подробность—неизвѣстно.

своемъ любимцѣ. Эта подробность, сохраненная легендою, обставлена въ ней совершенно своеобразно: не кречетъ улетѣлъ, но вѣтеръ унесъ его по повелѣнію Божію—Господь не желалъ, чтобы Константинъ привыкъ къ «житейскимъ вещамъ»; какъ нѣкогда Плакиду оленемъ, такъ теперь Константина кречетомъ хотѣлъ уловить Господь себѣ на служеніе. Въ скорби по своемъ пропавшемъ кречетѣ, Константинъ съ грустію говоритъ: «Что это за жизнь, что вмѣсто радости испытываешь однѣ только печали? нѣтъ! съ этого же дня изберу себѣ иной, лучшій путь; не погублю своихъ дней въ житейской суетѣ». Вмѣсто соколиной охоты занялся Константинъ чтеніемъ, и кречета промѣнялъ на творенія Григорія Богослова. Онъ училъ ихъ наизусть и, естественно, не понималъ того, что читалъ. Имъ овладѣло уныніе: похвала, написанная имъ въ честь Григорія Богослова, въ видѣ надписи на стѣнѣ, не помогала; иностранецъ, жившій въ Ѳессалоникахъ и хорошо знавшій грамматику, отказался давать ему уроки: «Юноша, не трудись просить понапрасну; я далъ себѣ зарокъ во всю мою жизнь никого не учить болѣе грамматики». Въ крайности, Константинъ обратился къ молитвѣ; Господь услышалъ его молитву, а придворныя связи и знакомства [1]) довершили дѣло: Константинъ былъ вызванъ въ Константинополь, для обученія при дворѣ малолѣтняго императора Михаила III.

---

[1]) Одинъ изъ учителей малолѣтняго императора, Левъ, начальникъ константинопольскаго училища, основаннаго Вардою, и учитель философіи, занималъ престолъ Ѳессалоникійской церкви; лишившись своего духовнаго поста въ 842 г., когда было возстановлено иконопочитаніе, онъ получилъ мѣсто учителя при Михаилѣ III; очень вѣроятно, что именно онъ выхлопоталъ вызовъ Константина ко двору. Нѣкоторые, согласно указанію жит. св. Константина, приписываютъ это логоѳету Ѳеоктисту: «Ѳеоктистъ, бывшій, по всей вѣроятности, въ родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Константина, вызвалъ его въ Константинополь, чтобы пріобщить его къ воспитанію наслѣдника престола и его любовь къ наукѣ употребить на развитіе юнаго питомца». *Платоновъ*, стр. 295. Другіе видѣли въ этомъ уваженіе къ заслугамъ отца—*Лебединцевъ*, 539.

Едва ли легендамъ извѣстна дѣйствительная причина призыва Константина къ византійскому двору: въ 842 г. Константину было уже около пятнадцати лѣтъ, между тѣмъ какъ Михаилу III не было еще четырехъ: совмѣстное обученіе было невозможно по различію возраста и немыслимо по различію дарованій того и другого. Тѣмъ менѣе возможно предположить, чтобъ съ вызовомъ Константина соединялись какія-либо воспитательныя цѣли: о воспитаніи малолѣтняго императора никто не заботился.

Система воспитанія принцевъ крови, практиковавшаяся въ то время при византійскомъ дворѣ, имѣла уже не разъ случай доказать свою цѣлесообразность: имперія ей обязана такими личностями, какъ императоры Константинъ V, Левъ IV, даже Ѳеофилъ. Воспитанію, конечно, обязана имперія также и тѣми государственными характерами и умами, которые въ изобиліи встрѣчаются въ различныхъ отрасляхъ византійской администраціи. Знаменитыми исключеніями въ этомъ отношеніи служатъ два императора—Константинъ VI и Михаилъ III, воспитаніе котораго легенды связываютъ съ именемъ Константина; оба императора были испорчены воспитаніемъ, которымъ руководили ихъ родныя матери: властолюбіе Ирины и честолюбіе Ѳеодоры были причиною какъ безумія Константина VI, такъ и порочности Михаила III.

Ѳеодора, императрица-мать, поручила воспитаніе сына своему брату Вардѣ; и мать и дядя старались извлечь пользу лично для себя изъ пороковъ юнаго императора. Варда удалилъ своего воспитанника отъ всякихъ серьезныхъ занятій; онъ имѣлъ въ виду захватить въ свои руки всю власть въ имперіи, предоставляя императору одни лишь чувственныя наслажденія; и онъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Михаилъ, будучи еще дитятей, проявлялъ такіе безобразные чувственные инстинкты, которые мы встрѣчаемъ съ сожалѣніемъ и неудовольствіемъ даже и въ людяхъ взрослыхъ.

Но какова ни была бы причина, по которой Константинъ

былъ перевезенъ родителями въ столицу имперіи, онъ и при византійскомъ дворѣ изумлялъ своими способностями не менѣе, чѣмъ на родинѣ, въ своей солунской школѣ. Въ самое короткое время онъ изучилъ грамматику и геометрію, Гомера и діалектику, риторику и ариѳметику, астрономію, музыку и «всѣ прочія эллинскія художества». При томъ дворѣ онъ пользовался наставленіями образованнѣйшихъ людей того времени,—онъ изучалъ философію у Фотія, подавлявшаго современниковъ своею ученостью и вспоминавшаго всегда о своей педагогической дѣятельности, какъ о лучшихъ годахъ своей жизни. Это преподаваніе Фотіемъ философіи смущало членовъ константинопольскаго собора 869 г., который много занимался пакостями, заведенными въ константинопольской церкви окаяннымъ Фотіемъ; такъ, соборъ уничтожилъ «собственноручныя обязательства, выдуманныя и взимаемыя Фотіемъ со всѣхъ, желавшихъ учиться у него философіи».

Изученіе философіи въ то время много способствовало благочестивому настроенію духа, располагало къ набожности. На вопросъ логоѳета: «Философъ! желалъ бы я знать, что такое философія?» Константинъ такъ опредѣлилъ цѣль и сущность философіи: «Познаніе вещей божескихъ и человѣческихъ, на сколько человѣкъ можетъ приблизиться къ Богу, такъ какъ философія научаетъ насъ дѣятельностью уподобляться сотворившему насъ по своему образу и подобію». По отзывамъ легендъ, Константинъ былъ образцомъ смиренія и кротости; онъ велъ жизнь непорочную, всегда въ молитвѣ съ Богомъ; его всѣ любили,—онъ же предпочиталъ небесныя блага земнымъ Логоѳетъ особенно любилъ его: онъ далъ ему власть надъ всѣмъ своимъ домомъ, дозволилъ ему входить въ царскія палаты, и, желая упрочить его карьеру женитьбой на своей крестницѣ, онъ сказалъ ему: «Твоя красота и мудрость заставляютъ меня любить тебя; у меня есть духовная дочь, которую я воспріялъ отъ купели; она красива, богата, добра; если хочешь, я дамъ тебѣ ее въ супруги; императоръ почтитъ тебя, дастъ тебѣ

воеводство назначитъ тебя стратигомъ». Константинъ отвѣчалъ на это отказомъ: «Предлагаемое тобою велико для ищущаго чего-либо подобнаго; я же, кромѣ изученія, ничего не желаю: просвѣтивъ имъ свой разумъ, хочу искать болѣе важнаго, чѣмъ всѣ почести и богатства». Чего же именно? Легенды не договариваютъ, такъ какъ это само собою понятно— благочестиваго настроенія духа.

Первый офиціальный постъ, занятый Константиномъ— должность патріаршаго библіотекаря при церкви св. Софіи— былъ вскорѣ имъ покинутъ. Мы не знаемъ тому причинъ, не знаютъ ихъ и легенды, передающія, что Константинъ тайно удалился на Босфоръ и скрылся въ монастырѣ. По какой причинѣ — неизвѣстно; съ какою цѣлью — не трудно догадаться. Его искали цѣлые полгода и едва нашли. Прибывъ въ Константинополь, онъ не пожелалъ уже быть библіотекаремъ «у патріарха въ святой Софіи», но занялъ каѳедру философіи, съ обязанностью, по словамъ легенды, учить «не только туземцевъ, но и иностранцевъ».

Во время этого вторичнаго пребыванія Константина въ столицѣ византійской имперіи легенды представляютъ ему случай вступить впервые на тотъ путь, на которомъ онъ такъ прославился впослѣдствіи,—на путь діалектическаго препирательства о совершенствѣ догматовъ и обрядовъ христіанской церкви.

За сто лѣтъ до рожденія Константина, въ 726 году, византійскій императоръ, знаменитый Левъ III Исавріянинъ, издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалъ повѣсить иконы въ церквахъ такъ высоко, чтобъ народъ не могъ прикладываться къ нимъ; этимъ эдиктомъ запрещалось воздавать иконамъ какое бы то ни было почитаніе. Противъ этого эдикта возстали если не всѣ, то очень многіе, и во главѣ всѣхъ—патріархъ Германъ. Прошло сто лѣтъ. Въ 832 г. императоръ Ѳеофилъ издалъ подобный же эдиктъ: почитаніе иконъ безусловно запрещалось;

выраженіе «святой», обыкновенно предшествовавшее имени въ надписяхъ иконъ, должно быть уничтожено. За этотъ эдиктъ были очень немногіе, и во главѣ ихъ—патріархъ Анній.

Іоаннъ Галила, епископъ ѳессалоникійскій, позже патріархъ Константинопольскій, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. За свою ученость онъ былъ прозванъ грамматикомъ; занятія естественными науками дали поводъ невѣжественной толпѣ считать его чародѣемъ. Онъ былъ противникомъ почитанія иконъ; въ этомъ смыслѣ былъ составленъ имъ докладъ императору Льву V. Ставъ патріархомъ, Анній, болѣе по требованію императора Ѳеофила, чѣмъ по собственному побужденію, проклялъ всѣхъ иконописателей на синодѣ 833 г., собранномъ во Влахернской церкви. Духовенство, въ особенности же монашествующее, возстало противъ такого насилія. Вопросъ о почитаніи иконъ крайне интересовалъ императора. Ѳеофилъ самъ вступалъ въ диспуты съ монахами по этому поводу. Раздраженные монахи нерѣдко грубо оскорбляли императора,—одинъ изъ нихъ сказалъ въ лицо Ѳеофилу, что онъ достоинъ проклятія; императоръ же не всегда руководствовался терпимостью,—по его приказанію, одному изъ монаховъ были выжжены каленымъ желѣзомъ стихи на лбу. Несмотря на протесты и волненія, которые были вызваны этимъ эдиктомъ во всей имперіи, несмотря на то, что лица, наиболѣе близкія къ императору, не раздѣляли его убѣжденій насчетъ иконъ—его супруга, императрица Ѳеодора, была иконопочитательницею — Ѳеофилъ оставался до конца жизни и умеръ иконоборцемъ.

Съ его смертью многое должно было измѣниться. Въ тридцатый день смерти Ѳеофила императрица-вдова устроила достойныя поминки по своемъ супругѣ: 19 февраля 842 года соборъ, созванный Ѳеодорою, провозгласилъ полное возстановленіе иконопочитанія. Анній, еще до созванія собора, долженъ былъ уступить патріаршій престолъ Меѳодію. Какъ главный по смерти императора представитель иконоборческой партіи,

Анній на себѣ испыталъ теперь злобу противной стороны. Обвиненный въ покушеніи на самоубійство, которое разсматривалось въ то время какъ величайшій грѣхъ, онъ былъ заточенъ въ монастырь; обвиненный въ томъ. что онъ будто бы выкололъ глаза у какого-то святого, висѣвшаго въ его кельѣ, онъ былъ ослѣпленъ, получивъ предварительно, по извѣстію нѣкоторыхъ хроникъ, двѣсти ударовъ плетьми; уголовный кодексъ Византіи не знаетъ преступленія, которое наказывалось бы такимъ числомъ ударовъ, и англійскій ученый догадывается, что умственное превосходство Аннія было на столько же причиною преслѣдованій, какъ и его религіозныя убѣжденія [1]).

Анній, бывшій патріархъ, второе лицо въ имперіи, теперь истязаемый, признанный еретикомъ, Анній постоянно говорилъ. что онъ побѣжденъ лишь насиліемъ, и, какъ ему казалось. говорилъ правду. Во время пребыванія Константина въ Цареградѣ личность Іоанна Галилы и вопросъ объ иконахъ интересовалъ столичное общество на столько, что легенды сочли необходимымъ привести въ соотношеніе эти два имени: не высказывая ясно побужденія, не говоря о томъ, считалъ ли императоръ Михаилъ, что Анній дѣйствительно наказанъ прежде, чѣмъ ему было дозволено защищать свои убѣжденія и взгляды. или по другимъ какимъ-либо причинамъ, только легенды заставляютъ императора повелѣть Константину вступить въ состязаніе съ Анніемъ по вопросу о почитаніи иконъ. Это состязаніе передано легендами въ чертахъ довольно оригинальныхъ.

Старикъ Анній, увидѣвъ молодого философа и окружавшихъ его лицъ, гордо сказалъ: «Всѣ вы не стоите моего подножія, и могу ли желать состязанія съ вами? Нейдетъ, —прибавилъ старецъ,—осенью искать цвѣтовъ и старца Нестора

[1]) Finlay, p. 194. — Платоновъ, стр. 297, называетъ этого Аннія *объюродѣвшимъ* старикомъ. Такой эпитетъ намъ кажется слишкомъ тяжелымъ и едва ли умѣстнымъ.

гнать, какъ юношу, на войну». Константинъ указалъ Аннію, что въ предстоящемъ состязаніи всѣ превосходства, представляющіяся опытностью старости, на его сторонѣ, и диспутъ былъ открытъ. Легенды такъ формулируютъ первый вопросъ, предложенный Анніемъ Константину: «Скажи мнѣ, юноша, отчего мы не поклоняемся и не цѣлуемъ разобраннаго креста, а вы не стыдитесь почитать икону, даже когда она писана до самыхъ грудей?» Константинъ на это отвѣчалъ: «Крестъ слагается изъ четырехъ частей; если не достаетъ хотя бы одной только части, то уже пропадаетъ изображеніе креста; а икона изображаетъ образъ того, въ честь котораго писана, только лицомъ своимъ, и всякій видитъ не лицо льва или рыси, но того, кто изображенъ». Въ заключеніе недолгаго пренія патріархъ спросилъ философа: «Господь заповѣдалъ Моисею: не сотвори себѣ ни всякаго подобія, какъ же вы творите и поклоняетесь ему?» Противъ этого философъ возразилъ: «Если бы Господь сказалъ, не сотвори себѣ *никакого* подобія, то твое замѣчаніе было бы справедливо; но Онъ сказалъ *ни всякаго*, т.-е. недостойнаго». Противъ этого ничего не могъ отвѣчать старикъ; онъ замолчалъ и посрамился.

Такой исходъ состязанія Константина съ Анніемъ долженъ былъ, по мнѣнію легенды, доставить Константину довольно громкую извѣстность, — діалектическое искусство уважалось въ то время, а церковное состояніе Византіи было таково, что не могло быть недостатка въ случаяхъ, требовавшихъ практическаго приложенія этого искусства. Но едва ли извѣстность Константина, какъ діалектика, доставляла ему столько удовольствія, сколько приносили утѣшенія его начатки новой, болѣе важной дѣятельности, какъ миссіонера. Къ этому именно времени относится первая христіанская проповѣдь Константина среди славянъ: «Потом же шед костандинь въ брѣгалницу и обрѣть от словѣнскаго езыка нѣколико крщенѣх; и елицѣх не обрѣт крщенѣх онъ же кр̃стивь их приведе на православную вѣру».

Въ концѣ VI столѣтія Восточная Римская Имперія подверглась сильному внѣшнему давленію, вслѣдствіе наплыва новыхъ племенъ къ сѣвернымъ и восточнымъ ея границамъ: то были славяне на сѣверѣ и сарацины [1]) на востокѣ. Великія политическія реформы и еще болѣе великія перемѣны въ положеніи народа, произведенныя въ началѣ VIII стол., не были однако же въ состояніи положить преграду этому наплыву: всѣ провинціи имперіи между Адріатическимъ моремъ и Дунаемъ были уступлены славянамъ; Малая Азія была наводнена сарацинами, грозившими искоренить христіанство на Востокѣ. Интересъ внѣшней исторіи Византійской имперіи сосредоточивается на борьбѣ ея съ тѣми двумя племенами.

При вступленіи Өеофила, отца Михаила III, на престолъ Византійской имперіи, отношенія между имперіею и сарацинами были довольно мирныя; калифъ Альмамунъ, образованный человѣкъ и храбрый воинъ, поднялъ оружіе противъ имперіи лишь тогда, когда Өеофилъ отказалъ ему въ выдачѣ персидскихъ мятежниковъ, поселившихся въ городѣ Синопѣ. По смерти Альмамуна, при его братѣ калифѣ Мотассемѣ, теологическій вопросъ о человѣческомъ авторѣ Корана породилъ междоусобную войну во владѣніяхъ калифа. Императоръ Өеофилъ воспользовался внутренними неурядицами своихъ враговъ: византійское войско опустошило страну къ югу отъ Мелитенъ, не разъ разбило сарацинскія толпы, взяло Запетру, дошло до Самосаты. Запетра, родина калифа, была срыта до основанія. Мотассемъ объявилъ кровавую месть за разрушеніе его родного города. Въ 838 г. онъ собралъ лучшія свои войска и въ числѣ 130.000 человѣкъ повелъ ихъ на Аморій, родину аморійской династіи [2]). Городъ, столь же дорогой Өео-

[1]) Мусульмане называются въ византійскихъ и славянскихъ памятникахъ сарацинами, агарянами или исмаильтянами.

[2]) Родоначальникомъ аморійской династіи византійскихъ императоровъ былъ Михаилъ II, отецъ Өеофила, дѣдъ Михаила III. Онъ былъ родомъ изъ города Аморія. Михаилъ II происходилъ изъ простого званія, былъ сперва солдатомъ, затѣмъ военачальникомъ, наконецъ другомъ Льва V, который былъ отчасти

филу, какъ Мотассему Запетра, Аморій былъ срытъ, сравненъ съ землею; послы императора, прибывшіе къ калифу съ предложеніемъ выкупа за городъ, были отправлены обратно съ отвѣтомъ калифа: «Скажите вашему императору, что я уплатилъ долгъ, сдѣланный подъ Запетрою». Уничтоженіе Аморія замѣчательно тѣмъ, что при этомъ проявились первыя усилія къ обращенію христіанъ въ магометанство путемъ убѣжденія: Мотассемъ увелъ въ плѣнъ 42 именитыхъ воина, которые всѣ были казнены, спустя семь лѣтъ, за то, что не соглашались принять магометанство—имъ отрубили головы, за что греческая церковь причла ихъ къ лику святыхъ.

Послѣ такого перваго опыта пропаганды исламизма путемъ убѣжденія, подкрѣпляемаго усѣченіемъ главы, сарацины начинали входить въ теологическіе диспуты съ христіанами и, между прочимъ, «воздвигоше хулу на едино божество св. Троицы». Увѣренные въ правотѣ своихъ богословскихъ познаній, почерпнутыхъ изъ Корана, они отправили къ императору пословъ съ просьбою прислать имъ такихъ ученыхъ мужей, которые могли бы защитить св. Троицу [1]). Императоръ по-

обязанъ ему византійскимъ престоломъ. Михаилъ былъ заточенъ въ темницу, какъ глава заговора противъ императора, когда Левъ V былъ убитъ. Михаилъ II былъ провозглашенъ императоромъ въ кандалахъ; первый актъ его царствованія — приказаніе тюремщику снять оковы! Это было въ 820 году; съ тѣхъ поръ аморійская династія занимала византійскій престолъ до 867 года, когда онъ перешелъ въ руки славянина, македонскаго конюха.

[1]) На основаніи извѣстныхъ до настоящаго времени памятниковъ невозможно съ точностью опредѣлить, откуда пріѣзжали сарацинскіе послы и куда именно ѣздилъ Константинъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что вызовъ на состязаніе исходилъ отъ эмира г. Мелитенъ, куда и ѣздилъ Константинъ— на лѣвый берегъ Тибра, въ древнюю Сузіану. *Горскій*, стр. 14; *Платоновъ*, стр. 298, 307. Такое мнѣніе основано на выраженіи *амерьмнїино* богатьство. (см. Чтенія, стр. 10, 40, 46, 74, 104, 138, 169, 200): эмиръ же города Мелитенъ носилъ имя Амврія. Въ этомъ сопоставленіи созвучія словъ намъ слышится довольно важная ошибка: Продолжатель Константина Багрянороднаго дѣйствительно говоритъ Μελιτινῆς Ἄμερ, но выраженіе *Амеръ* употреблено ли здѣсь какъ имя собственное, или же какъ греческое написаніе слова эмиръ Ἀμὲρ = эмиръ? не говорятъ ли легенды о богатствахъ эмира, а не о богатствахъ эмира Амврія?

слалъ молодого, но испытаннаго уже въ діалектическомъ искусствѣ, Константина-философа, вмѣстѣ съ другими учеными богословами того времени. Легенды знаютъ довольно подробно процессъ соблазнительнаго для православія состязанія о св. Троицѣ.

Византійское посольство, прибывъ къ сарацинамъ, въ городъ, назначенный для состязанія, не безъ удивленія увидѣло, что на дверяхъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ жили христіане, изображены различные «образы демонскіе, странныя и гнусныя вещи». Состязаніе открылось именно тѣмъ, что «агаряне, умудренные въ книгахъ, наученные геометріи, астрономіи и другимъ ученіямъ», съ усмѣшкой просили философа указать значеніе тѣхъ дьявольскихъ изображеній; Константинъ далъ такое объясненіе тѣмъ знакамъ: «Вижу на дверяхъ домовъ демонскіе образы и полагаю, что въ тѣхъ домахъ живутъ христіане, демоны же бѣгутъ прочь изъ нихъ; внутри же тѣхъ домовъ, на которыхъ нѣтъ такихъ знаковъ, свободно живутъ демоны». Потерпѣвъ такое діалектическое пораженіе, сарацины пригласили Константина на обѣдъ, за которымъ ему былъ предложенъ вопросъ, касавшійся сущности состязанія. Легенды такъ формулируютъ этотъ вопросъ: «Скажи, если знаешь, почему вы, христіане, признавая единаго Бога, славите его въ трехъ божествахъ, въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ? если это такъ, то дайте ему и жену, чтобъ расплодилось много боговъ». Константинъ, прежде всего, просилъ ихъ не говорить подобныхъ сквернословій, и затѣмъ опровергъ ихъ указаніемъ не только на авторитеты христіанскіе, но и на Коранъ. Результатъ преній нетрудно было предвидѣть: сарацины были поражены, философъ препрѣлъ ихъ по всѣмъ вопросамъ. Такой исходъ теологической борьбы, вызванной самими сарацинами, долженъ былъ, по мнѣнію легендъ, возбудить въ сарацинахъ злобу противъ Константина, и онѣ разсказываютъ, что сарацины «дали ему ядъ испить, но милостивый Господь, сказавшій, что если выпьете даже что-либо

смертное, не повредитъ вамъ [1]), избавилъ его отъ вреда и возвратилъ здравымъ и невредимымъ на родину».

По возвращенiи изъ сарацинской миссiи, Константинъ оставался въ столицѣ недолго—онъ удалился въ какое-то неизвѣстное легендамъ уединенное мѣсто. Это уже не въ первый разъ убѣгаетъ онъ изъ столицы; мы видѣли уже, какъ «библiотекарь у патрiарха въ св. Софiи» исчезъ изъ Константинополя и едва былъ найденъ спустя полгода. Какiя причины побуждали его удаляться изъ славной столицы имперiи? Легенды ихъ не знаютъ; мы можемъ лишь догадываться о нихъ.

Страсть Византiи къ теологическимъ вопросамъ долго занимала умъ и страстно волновала сердце восточныхъ христiанъ. Изъ тѣхъ вопросовъ, вопросъ объ иконопочитанiи продолжался нѣсколько десятковъ лѣтъ: цѣлое столѣтiе прошло въ спорахъ, которые давали пищу уму, вызывали его на дѣятельность, въ которыхъ принимали участiе и западные христiане и восточные мусульмане,—въ спорахъ, въ рѣшенiи которыхъ были заинтересованы священнѣйшiя чувства нацiи—ея религiозныя убѣжденiя и, быть можетъ не менѣе того, ея народная честь.

Эдиктомъ императора Льва III Исаврiянина, вопросъ о почитанiи иконъ, столь же древнiй, какъ и само христiанство, былъ офицiально формулированъ и предложенъ на громкое, гласное обсужденiе нацiи. При общихъ реформахъ, начатыхъ въ имперiи Львомъ III, при томъ, что духовенство играло государственную роль, императоръ считалъ необходимымъ коснуться реформъ церкви; онъ боялся, что въ противномъ случаѣ патрiархъ коснется реформъ государства Но простой, солдатской душѣ его были недоступны догматическiя тонкости: онъ скоро и смѣло дошелъ до мысли о необходимости «очистить христiанскiй культъ отъ остатковъ язычества», и исав-

---

[1]) Марк. XVI, 18.

рійскій воинъ думалъ однимъ деспотическимъ эдиктомъ выполнить подобную задачу.

Уже давно громкія насмѣшки мусульманъ надъ «безсильными иконами» въ церквахъ покоренныхъ ими городовъ Палестины и Сиріи возмущали христіанъ; злорадостныя рѣчи іудеевъ часто раздражали ихъ: «Христіане хвастаютъ, что поклоняются истинному Богу, а между тѣмъ они дали міру болѣе идоловъ, чѣмъ сколько они разрушили ихъ въ греческихъ храмахъ; христіане, исповѣдники духовнаго ученія, не стыдятся публично поклоняться фигурамъ изъ металла, камня и дерева, рисункамъ на полотнѣ и мерзѣйшимъ изображеніямъ безчисленныхъ чудотворцевъ. Міръ снова сталъ языческимъ, какимъ былъ и прежде; христіанство стало культомъ идоловъ; между тѣмъ какъ наши мечети и синагоги изукрашены лишь присутствіемъ духа истиннаго, единаго Бога и законами пророка». Въ первые вѣка, когда язычники глумились надъ безобразнымъ культомъ христіанства и насмѣшливо указывали на убогость вѣры, лишенной храмовъ, алтарей, статуй, христіане такъ защищали отсутствіе не только иконъ, но алтарей и даже храмовъ: «Думаете ли вы, что мы унижаемъ предметъ нашего почитанія, потому что не имѣемъ ни храмовъ, ни алтарей? Зачѣмъ сдѣлаю я себѣ изображеніе Бога, когда поистинѣ человѣкъ созданъ по образцу и по подобію Божію? зачѣмъ построю я храмъ, когда даже весь этотъ міръ, сотворенный имъ, не въ состояніи обнять Его? Я, человѣкъ, для котораго весь необъятный міръ служитъ жилищемъ, долженъ ли заключить въ небольшую келью Его всемогущее величіе? Не лучше ли дѣлаемъ мы, посвящая въ нашемъ сердцѣ жилище Богу?» [1]). Теперь, въ VIII стол., не-христіане съ насмѣшливымъ укоромъ обратили аргументацію Марка Минуція Феликса противъ самихъ же христіанъ.

---

[1]) *Marcus Minutius Felix*, латинскій ораторъ; онъ родился въ концѣ II стол. отъ языческихъ родителей, но скоро принялъ христіанство. Онъ написалъ діалогъ, въ которомъ язычникъ и христіанинъ препираются о вѣрѣ; по имени христіанина діалогъ называется *Octavius*.

Въ концѣ VIII стол. всѣ христіанскіе земли Востока и Запада были переполнены иконами и фигурами Христа, Богоматери, Святыхъ. Уже цѣлыя два столѣтія фантазія Востока и Запада упражнялась въ образномъ представленіи святыхъ лицъ. Чудотворныя иконы, образа Христа, какъ Спасителя, и Дѣвы Маріи, образы не рукотворенные, но мистическіе снимки со святыхъ оригиналовъ, произведенія ангеловъ и св. Луки, появились съ VI в. во многихъ городахъ Азіи и Европы, и толпы богомольцевъ текли въ тѣ церкви, которыя славились обладаніемъ подобныхъ сокровищъ. Въ Римѣ не только живопись, даже скульптура находила себѣ мѣсто въ церквахъ. Еще въ V вѣкѣ, въ атріумѣ базилики св. Петра стояла бронзовая фигура князя Апостоловъ, предлагавшая уже тогда своимъ почитателямъ ногу для лобзанія, подобно знаменитому мѣдному Геркулесу въ Агригентскомъ храмѣ, про котораго Цицеронъ разсказываетъ, что усердные поцѣлуи поклонниковъ совсѣмъ сгрызли подбородокъ у статуи.

Иконы стали святынею народа задолго до того, когда явились люди, увидѣвшіе въ этомъ грѣхъ идолослуженія, когда проявилась ересь иконоборческая. Подобный взглядъ проявился не только на Востокѣ. Уже въ VI вѣкѣ многіе епископы Запада, особенно же въ Галліи, высказывали боязнь, что притупѣвшее религіозное чувство невѣжественнаго духовенства и суевѣрнаго народа обратитъ христіанство въ язычество. Серенъ, епископъ марсельскій, рѣшился вынести иконы изъ церкви, по поводу чего Григорій Великій писалъ ему: «Рвеніе ваше о томъ, чтобъ дѣла рукъ человѣческихъ не обоготворялись, похвально; но я не могу оправдать васъ за уничтоженіе иконъ. Живопись допущена въ церквахъ для того, чтобъ незнающіе грамоты, могли бы читать въ рисункахъ то, чего они не могутъ прочесть въ книгахъ». Народъ не понималъ подобныхъ разграниченій, и его святое почитаніе образовъ приняло характеръ непосредственнаго поклоненія самимъ иконамъ.

Въ теченіе болѣе ста лѣтъ мысль народная была занята вопросомъ серьезнымъ и народное чувство вращалось въ религіозной сферѣ, въ области чистой морали. При императрицѣ Ѳеодорѣ борьба между иконоборцами и иконопочитателями окончилась. Ближайшимъ результатомъ окончанія этой борьбы была наступившая безнравственность всѣхъ слоевъ общества. Мораль, религіозная искренность и серьезность временъ первыхъ иконоборцевъ, предохранявшая общество отъ упадка, смѣнилась теперь лицемѣріемъ и ханжествомъ. Прежняя искренность убѣжденія и серьезность взгляда обѣихъ партій вызывала уваженіе къ нимъ народа; когда же политическіе принципы заняли въ спорѣ первое мѣсто и административная тираннія, равно какъ и церковное честолюбіе, стали прикрываться религіозными фразами,—народъ, всегда болѣе дальновидный, чѣмъ власть иногда то думаетъ, понялъ лицемѣріе обѣихъ партій, и истинная религіозность ослабла. Всѣ классы общества объявили, что устали отъ религіозныхъ дебатовъ. Индиферентизмъ къ религіознымъ вопросамъ, которые долгое время были на первомъ планѣ, привелъ къ индиферентизму въ религіи, и сила совѣсти уснула; удовольствіе стало цѣлію жизни; порокъ, прикрываясь невиннымъ названіемъ наслажденія, сталъ потребностію общества. Теперь, по закону реакціи, суевѣріе стало сильнѣе религіи: несравненно легче преклониться предъ образомъ или приложиться къ мощамъ, чѣмъ регулировать свою жизнь по законамъ христіанской морали. Греческое населеніе имперіи согласовало свои національныя чувствованія скорѣе съ традиціонными обычаями, чѣмъ съ христіанскими догматами, и оппозиція грековъ къ азіатскому пуританизму исаврійскихъ, армянскихъ и аморійскихъ императоровъ ввела въ церковь почитаніе иконъ, какъ существенную часть христіанскаго культа. Въ этомъ случаѣ, насколько церковь выиграла въ суммѣ народнаго благочестія, настолько государство утеряло въ суммѣ народной морали.

Эта потеря была велика; она проявилась во всѣхъ слояхъ

общества, преимущественно же въ высшихъ, и достигла наибольшихъ размѣровъ въ личныхъ инстинктахъ и чувствованіяхъ императора. Безобразныя оргіи молодого императора заслужили ему въ народѣ прозваніе «пьяницы»; тѣмъ не менѣе его страсть къ ристанію колесницъ и любовь къ бражничанью пріобрѣли ему популярность между константинопольскимъ населеніемъ: народъ забавлялся его безумствами, торговцы пользовались его расточительностію. Рано пресыщенный всѣмъ, Михаилъ III безсовѣстно поругался надъ самыми священными для всякаго христіанина чувствованіями и публично насмѣхался надъ христіанскою религіею своего народа. Михаилъ III, введя комедію и фарсъ въ число народныхъ увеселеній, бралъ сюжеты для своихъ маскарадныхъ процессій изъ области христіанскаго культа. Одинъ изъ такихъ маскарадовъ, подробно записанный, состоялъ въ слѣдующемъ: придворный шутъ въ патріаршемъ облаченіи, за нимъ одиннадцать константинопольскихъ епископовъ, въ ризахъ, шитыхъ золотомъ, и, наконецъ, толпа придворной челяди, переодѣтая въ костюмы священниковъ и дьяконовъ; эту церемонію сопровождалъ самъ императоръ; маскарадъ шелъ по городскимъ улицамъ, несъ зажженныя свѣчи, курилъ ѳиміамъ и пѣлъ стихи, въ которыхъ восхвалялись развратъ и пьянство; на большихъ площадяхъ совершалось торжественное причащеніе народа, не кровью и тѣломъ Христовымъ, но уксусомъ и горчицей; причастники щедро награждались деньгами отъ императора и смѣхомъ развращенной черни.

Вотъ каково было то столичное общество, среди котораго долженъ былъ жить Константинъ, философъ и человѣкъ, какъ по отзыву легендъ, такъ и по смыслу всей своей дѣятельности, крайне благочестивый. Въ этой противоположности или, по крайней мѣрѣ, разобщенности направленія его духа съ настроеніемъ всего общества намъ чуется одна изъ главныхъ причинъ вторичнаго самовольнаго удаленія Константина изъ столицы въ мѣста уединенія.

Легенды не преминули изукрасить уединенную жизнь Константина чудесными дѣяніями, какъ бы въ доказательство того, что такая жизнь его была угодна Богу: подобно птицамъ небеснымъ, питавшимъ Илію въ пустынѣ, «мужъ нѣкій» приносилъ ему «бремя всякой ѣды», такъ что Константинъ, не заботившійся о пищѣ и возлагавшій надежду на «пропитавшаго нѣкогда израильтянъ въ пустынѣ», могъ прокармливать не только себя, но и нищую братію, приходившую къ нему. Долго ли Константинъ пребывалъ въ уединеніи и какія причины заставили его покинуть избранное имъ мѣсто — легенды не знаютъ. Извѣстно лишь, что онъ покинулъ свое уединеніе и отправился къ брату своему Меѳодію.

Жизнь и дѣятельность Меѳодія отличается отъ дѣятельности и жизни Константина не только отдѣльными чертами, но и всѣмъ направленіемъ его мыслей и поступковъ. Меѳодій былъ поставленъ въ болѣе тѣсныя и болѣе частыя отношенія съ практическими вопросами дѣйствительной жизни, чѣмъ его братъ: онъ не посвящалъ свой досугъ занятіямъ философіею, не упражнялся онъ въ діалектическомъ искусствѣ. Меѳодію выпало на долю привести въ исполненіе, провести въ жизнь народную то новое, задуманное его братомъ начало, которое должно было воззвать славянскую семью европейскихъ народовъ къ самостоятельному существованію [illegible] въ нихъ народнаго самосознанія. Уступая брату [illegible]фскомъ развитіи своего ума, превосходя его въ [illegible]мъ знаніи жизненныхъ отношеній, Меѳодій дол[illegible]поставленъ наравнѣ съ Константиномъ по своимъ [illegible]дарованіямъ: его умъ, принявшій иное направ[illegible]нѣ своей не уступалъ уму брата; они равно были [illegible]брымъ сердцемъ и оба вели жизнь равно благо[illegible]ли современники прозвали Константина философ[illegible]ство обязано Меѳодію благодарностію за его [illegible]тельность.

Эта особенность, отличавшая Меѳодія отъ его старшаго брата, не ускользнула отъ составителей житій и отмѣчена въ легендахъ. Обрисовывая его личность чертами общими всѣмъ святымъ и слишкомъ обыкновенными въ легендарныхъ повѣствованіяхъ, находя въ Меѳодіѣ страхъ Божій, храненіе заповѣдей, кротость, любовь, терпѣніе, легенды вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтили и черты, принадлежавшія лично Меѳодію и характерно его обрисовывающія.

Меѳодій былъ красивъ лицомъ, строенъ тѣломъ: легенды не интересуются внѣшностью святыхъ своихъ героевъ, но легенды о Меѳодіѣ не могли умолчать о томъ, что онъ отличался своимъ внѣшнимъ видомъ. Меѳодій обладалъ твердымъ характеромъ, страстною натурою: легенды отмѣтили двѣ черты, рѣдко встрѣчающіяся въ личностяхъ святыхъ и никогда не упоминаемыя въ житіяхъ—ярость, гнѣвъ и страсть, непоколебимость. Практическая дѣятельность Меѳодія заставляла его иногда быть строгимъ; легенды знаютъ два рода рѣчей Меѳодія—строгую и мягкую рѣчь: къ своимъ противникамъ онъ обращался съ рѣчью строгою, мягкая была предназначена имъ для тѣхъ, которые принимали его наставленія.

Легенды не передаютъ намъ никакихъ подробностей о первыхъ годахъ жизни Меѳодія, объ его воспитаніи; онъ, вѣроятно, рано вступилъ въ военную службу, если объ этомъ можно заключить изъ того, что императоръ «княженіе ему дасть держати словеньско», какъ сказано въ легендѣ, т.-е. онъ былъ оставленъ воеводою въ одной изъ славянскихъ областей, подвластной имперіи. Въ какой именно—легенды не знаютъ; вѣроятно, въ Струмской, занимавшей пебережье Стримонскаго залива.

Много лѣтъ провелъ Меѳодій на томъ воеводствѣ, лѣтъ десять служилъ онъ вѣрно императору; затѣмъ, онъ оставилъ эту должность, и мы встрѣчаемъ его въ монастырѣ. Каковы были побудительныя причины къ такому рѣзкому переходу даже для того времени—мы не знаемъ, но легенды знаютъ:

убѣдившись въ суетѣ молвы житейской, не желая насиловать душу дѣлами міра сего, столь временными и скоропреходящими, Меѳодій рѣшился замѣнить земныя потемки свѣтомъ небесныхъ мыслей, промѣнять службу царю земному на служеніе царю небесному, и удалился въ тихій пріютъ на аѳонскую гору, гдѣ святые мужи живутъ, постригся въ монахи, облекся въ монашескую рясу, твердо выполняя данный имъ обѣтъ послушанія.

Сюда-то, на аѳонскую гору, въ монастырь прибылъ Константинъ, и братья свидѣлись послѣ долголѣтней разлуки. Легенды, занятыя упоминаніемъ о безпрестанныхъ молитвахъ братьевъ къ Богу, не забыли, однако, отмѣтить черту менѣе общую даже для того времени: Меѳодій, выполняя всѣ требованія монастырскаго устава, «прилѣжалъ къ книгамъ»; Константинъ, посвящая все время молитвамъ, «бесѣдовалъ лишь съ книгами».

Что же братья читали? Что изучали они такъ прилежно? Отвлекаясь иногда отъ бесѣды съ книгами, не бесѣдовалъ ли Константинъ съ своимъ братомъ и, въ той бесѣдѣ, не высказалась ли съ обѣихъ сторонъ необходимость помочь, по мѣрѣ силъ, дѣлу христіанскаго просвѣщенія славянъ, среди которыхъ они оба родились, провели юность, а Меѳодій даже до послѣднихъ дней находился въ сношеніяхъ съ ними? Не здѣсь ли сказалась первая мысль изобрѣтенія славянскихъ письменъ, не на Аѳонѣ ли были впервые начертаны новыми знаками божественныя слова: въ началѣ бѣ слово...

Долго ли пробыли братья въ монастырѣ и чѣмъ занимались — мы можемъ о томъ лишь догадываться; но мы вѣрно знаемъ, что съ этихъ поръ дѣятельность ихъ обоихъ принимаетъ одно и то же направленіе: они какъ будто согласились посвятить свою дальнѣйшую жизнь распространенію христіанства среди иноплеменниковъ, обитавшихъ на восточныхъ и сѣверныхъ окраинахъ Византіи, и въ то время.

какъ Константинъ ѣдетъ къ хазарамъ, Меѳодій просвѣщаетъ болгаръ [1]).

Западное побережье Каспійскаго моря было издревле обитаемо хазарами; до настоящаго времени это море называется Хазарскимъ на всемъ почти востокѣ. Постоянно подвигаясь на западъ, хазары распространили свое владычество по югу Россіи, отъ устьевъ Волги до моря Азовскаго, позже до Черпаго; вся Таврида принадлежала имъ одно время и называлась Хазаріей. Свѣдѣнія наши объ этомъ племени крайне скудны; мы можемъ лишь съ достовѣрностью сказать, что хазары были идолопоклонниками и отличались терпимостью; исламизмъ и мозаизмъ рано получили доступъ къ хазарамъ, обѣ религіи рано имѣли своихъ адептовъ въ средѣ ихъ.

Въ половинѣ IX стол. сарацины и іудеи столкнулись въ своихъ интересахъ религіозной пропаганды, и хазарскій ханъ прислалъ въ Константинополь, къ императору Михаилу, особое по этому поводу посольство. Ханъ, извѣщая императора объ усиліяхъ мусульманъ и евреевъ обратить хазаръ въ свою вѣру, проситъ его прислать ученаго мужа, который наставилъ бы ихъ въ истинной вѣрѣ. Легенды довольно точно знаютъ рѣчь пословъ хазарскихъ къ императору Михаилу: «Мы издревле знаемъ единаго Бога, повелѣвающаго всѣмъ, и тому мы поклоняемся, обращаясь на востокъ; но у насъ сохранились еще нѣкоторые срамные обычаи; теперь же евреи убѣждаютъ насъ принять ихъ вѣру, а сарацины, принося намъ богатые дары и миръ, говорятъ, что ихъ вѣра лучше вѣры всѣхъ народовъ; такъ какъ между вами и нами существуетъ старая

[1]) Поѣздка Константина и Меѳодія въ Хазарію не можетъ быть принята: этому противорѣчатъ всѣ хронологическія соображенія о дѣятельности братьевъ. Невѣроятность совмѣстнаго путешествія ихъ въ Хазарію была уже давно замѣчена изслѣдователями и по поводу этого было высказано даже сомнѣніе относительно достовѣрности извѣстій о поѣздкѣ въ Хазарію, было заявлено даже предположеніе, что, быть можетъ, въ относящихся сюда свидѣтельствахъ Хазарія упомянута ошибочно, вмѣсто Болгарія.

дружба и такъ какъ вы народъ великій и царство богатое получили отъ Бога, то мы спрашиваемъ у васъ совѣта и просимъ у васъ ученаго мужа; если онъ одержитъ верхъ надъ евреями и сарацинами, то мы примемъ вашу вѣру». Императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, нашелъ, что кромѣ Константина никто не можетъ достойно состязаться съ представителями исламизма и мозаизма, и послалъ его въ землю Хазарскую.

Философо-богословское образованіе, полученное Константиномъ, и его опытность въ діалектическомъ искусствѣ, не разъ уже испытанная, естественно указывали на него какъ на лицо, болѣе другихъ способное стать во главѣ хазарской миссіи. Но какъ для современниковъ, такъ и для потомства это назначеніе Константина вызывало недоразумѣніе по отношенію къ тому языку, на которомъ онъ долженъ былъ препираться въ Хазаріи съ іудеями и сарацинами. И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ объяснялся Константинъ съ хазарами?

Въ половинѣ IX стол. хазарамъ была подвластна вся юго-восточная полоса Россіи; они брали дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей [1]). По указаніямъ арабскихъ писателей, славяне простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ сѣверянъ и вятичей Нестора; кажется, жили они колоніями и по побережьямъ Азовскаго моря, въ Тмутаракани. Съ VI вѣка замѣчается сильный приливъ славянской стихіи съ сѣвера на югъ, [illegible] мъ Чернаго моря, и далѣе, къ Дунаю и за Дунай. [illegible] чался лишь въ X вѣкѣ, со времени вторженія пече[illegible] образованія Русскаго государства, въ которомъ сла[illegible] имые дикими пришельцами, находили убѣжище и [illegible] ть безпрепятственной колонизаціи. За печенѣж[illegible] ю послѣдовала волна половецкая, за нею волна та[illegible] славянская стихія все болѣе и болѣе отливала къ [illegible] ѣверо-востоку, и тамъ укрѣплялась и росла, остав[illegible] пространства южной Руси тюркскимъ кочевни-

[1]) [illegible] 7 г., стр. 8.

камъ. Въ половинѣ IX стол., когда Константинъ ѣздилъ въ Хазарію, къ Каспійскому морю, отливъ славянъ къ сѣверу еще не начинался; это было за полстолѣтія до вторженія печенѣговъ. Въ тѣхъ странахъ, прилегавшихъ къ Черному и Азовскому морямъ, властвовали хазары, отличавшіеся отъ другихъ тюркскихъ племенъ человѣчностью и относительною образованностью; славяне не были еще принуждены бѣжать къ сѣверу; славянскія поселенія были, вѣроятно, весьма значительны въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать Константинъ, чтобъ изъ Константинополя чрезъ Херсонъ прибыть къ ставкѣ хана хазарскаго. Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Хазарскомъ, такъ точно и въ европейской части тогдашней Византійской имперіи, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ остальныхъ. Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обѣими странами, между Византіей и Хазаріей, — элементъ славянскій; вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать Евангеліе при дворѣ хана хазарскаго и между его подданными,—языкъ славянскій; вотъ почему для миссіи въ Хазарію избранъ былъ человѣкъ, хорошо знавшій языкъ славянскій.

Такое мнѣніе было высказано у насъ въ Россіи еще очень недавно [1]), но уже въ XIV-XV вѣкѣ оно было распространено: по нѣкоторымъ житіямъ, Константинъ «умоли брата своего Меѳодія ити съ собою въ Козары, *яко умьяше языкъ Словеньскъ*» [2]), тѣмъ не менѣе, это мнѣніе, такъ рѣшительно поставленное, не можетъ быть принято: ханъ хазарскій имѣлъ право дани надъ славянскими своими подданными, но при его дворѣ никто, конечно, не имѣлъ обязанности знать славянскій языкъ; не знали его, вѣроятно, и тѣ іудеи и сарацины, съ ко-

[1]) ***Гильфердингъ***, стр. 156—162.

[2]) ***Погодинъ***, Добровскій, стр. 106. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: «Стало быть, Кириллъ не зналъ славянскаго языка? ***Бодянскій***, стр. 73.

торыми долженъ былъ состязаться Константинъ. Бо́льшая часть западныхъ славянъ входитъ уже съ давнихъ поръ въ составъ Австрійской монархіи, но мы до настоящаго времени не имѣли случая слышать, чтобы который-нибудь изъ австрійскихъ императоровъ зналъ славянскіе языки.

Легенды объясняли себѣ этотъ вопросъ совершенно въ иномъ смыслѣ, и, быть можетъ, онѣ были ближе къ истинѣ. По сказанію древнѣйшихъ легендъ, Константинъ, на пути изъ Византіи въ Хазарію, останавливался въ Херсонѣ нѣкоторое время, для изученія языка того народа; болѣе позднимъ легендамъ извѣстны и бо́льшія подробности: Константинъ изучилъ въ Херсонѣ еврейскій языкъ и, вслѣдствіе молитвы, сподобился уразумѣть самарянскія книги. Отбрасывая изъ этихъ легендарныхъ извѣстій то, что носитъ ясные слѣды совершенно посторонняго привнесенія, остается все-таки исторически вѣрное представленіе: прежде чѣмъ ѣхать въ Хазарію, Константинъ старается ознакомиться съ тѣмъ языкомъ, который употребителенъ въ Хазаріи.

Особенной причины къ посылкѣ въ Хазарію именно Константина мы не знаемъ; не знаютъ ее и легенды. Дружескія отношенія его къ Фотію, который былъ въ то время патріархомъ, быть можетъ, служатъ единственнымъ тому объясненіемъ: патріархъ зналъ его, имѣлъ его въ виду и, когда встрѣтилась надобность, избралъ для поѣздки въ Хазарію именно его изъ числа многихъ лицъ, которыя могли выполнить назначеніе миссіи; быть можетъ, при этомъ имъ руководило также желаніе доставить Константину, какъ человѣку близкому, тѣ богатыя средства, которыя предназначались на расходы хазарской миссіи. Это послѣднее обстоятельство извѣстно также легендамъ, но понято ими въ своеобразномъ, конечно, смыслѣ: когда императоръ высказалъ Константину свое желаніе послать его именно въ Хазарію, то Константинъ отвѣчалъ на это полною готовностью: «Повели, государь, и я пойду пѣшкомъ, босой, безъ всего, что Господь запретилъ носить своимъ учени-

камъ»; на это императоръ замѣтилъ, что, исполняя царскую волю, онъ будетъ снабженъ царскою помощью. Если же нѣкоторые хотятъ связать посольство Константина въ Хазарію съ хазарскимъ будто бы происхожденіемъ Фотія, то это послѣднее обстоятельство должно еще быть доказано болѣе солидными аргументами, чѣмъ сказочное извѣстіе одного изъ византійскихъ писателей: «Государственный секретарь увѣдомилъ императора Михаила, что Фотій распространяетъ ученіе о двухъ душахъ въ человѣкѣ, вслѣдствіе чего прислуга требуетъ двойной паекъ»; императоръ много смѣялся тому и сказалъ: «Такъ вотъ что проповѣдуетъ эта хазарская рожа!»

Имя Рима ни разу не упоминается въ Новомъ Завѣтѣ [1]); но если евангелисты и апостолы не оказали этой чести столицѣ всего античнаго міра, то папство, желавшее связать съ нею свое начало и тѣмъ отдалить его въ почтенную древность вѣковъ, привело двухъ апостоловъ, Петра и Павла, въ Римъ и почтило перваго изъ нихъ саномъ перваго римскаго первосвященника. Темна и сбивчива исторія первыхъ папъ; сказки и легенды скрываютъ отъ насъ историческіе образы, наши взоры какъ бы недостойны созерцать святые лики первыхъ римскихъ епископовъ...

Ап. Петръ, подъ впечатлѣніемъ мѣстныхъ римскихъ легендъ, теряетъ свой историческій характеръ. Петръ Симонъ вступаетъ въ Римѣ въ состязаніе съ Симономъ магомъ: когда этотъ, при помощи дьявола, приподнялся отъ земли и повисъ въ воздухѣ, апостолъ въ ужасѣ призвалъ имя Христа, и магъ упалъ на землю, переломивъ себѣ обѣ ноги! Этотъ случай долженъ былъ произвести на апостола сильное впечатлѣніе, и Петръ рѣшился покинуть Римъ. Въ воротахъ Рима встрѣтилъ онъ Іисуса Христа. «Господи, куда идешь ты?» — «Въ Римъ,

---

[1]) Привѣтствуетъ васъ избранная, подобно вамъ, церковь въ *Вавилонѣ* и Маркъ, сынъ мой. Перв. посл. ап. Петра, V, 13. Католическіе богословы разумѣютъ Римъ подъ упомянутымъ здѣсь Вавилономъ.

чтобъ быть вторично распятымъ». Понялъ апостолъ намекъ своего Учителя, возвратился въ Римъ и уже не покидалъ его болѣе. Въ память этой встрѣчи римляне выстроили небольшую капеллу, которая была извѣстна подъ названіемъ *Domine, quo vadis?* и назвали Петра своимъ первымъ епископомъ.

Прямымъ, непосредственнымъ преемникомъ ап. Петра, въ санѣ римскаго первосвященника, легенды называютъ Климента.

Климентъ былъ римлянинъ по происхожденію, язычникъ по вѣрѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что «прежде обращенія ко Христу молился дереву и камнямъ». Обращенный ап. Петромъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ, страдалъ въ Филиппахъ, раздѣлялъ его труды и опасности, былъ любимымъ, близкимъ къ Петру человѣкомъ. По римскому преданію, самъ ап. Петръ назначилъ его римскимъ епископомъ; по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, Климентъ вступилъ въ управленіе римскою церковью послѣ Лина и Анаклета, такъ что въ ряду папъ долженъ занять «четвертое» мѣсто. Историкъ Евсевій говоритъ, что Климентъ правилъ римскою церковью «отъ двѣнадцатаго года царствованія Домиціана до третьяго года царствованія Траяна», т.-е. отъ 92 г. до 101 г. Спустя нѣсколько столѣтій, въ католическомъ мірѣ, вѣроятно, въ самомъ центрѣ его, въ Римѣ, составилась легенда, по которой Климентъ, въ третій годъ царствованія императора Траяна, былъ [illegible]сланъ за имя Христово въ Херсонесъ Таврическій, въ обыч[illegible] въ то время мѣсто ссылки христіанъ; здѣсь, утѣшая со[illegible]нныхъ на рудокопни собратій по религіи словомъ вѣры, онъ [illegible]ащалъ язычниковъ многими чудесами, за что и былъ пре[illegible]ъ мученической смерти [1]): онъ былъ брошенъ въ море, съ

[1]) «Хотя греческія дѣянія его мученичества не признаются во всѣхъ ча[illegible] достовѣрными, но главныя сказанія ихъ послѣ свидѣтельства Руфина [illegible] не подлежатъ сомнѣнію. Кромѣ того, Евсевій упоминаетъ о пропо[illegible] служеніи его; Іеронимъ говоритъ о храмѣ, воздвигнутомъ въ [illegible]; а храмы въ первыя времена воздвигались преимущественно надъ [illegible] мучениковъ (?). Діонисій Коринѳскій въ письмѣ къ Римской Церкви [illegible] за то, что она издавна имѣетъ обыкновеніе посылать

якоремъ на шеѣ, чтобъ христіане не могли оказывать почестей всплывшему его трупу. Такова въ общихъ чертахъ легенда о св. Климентѣ; исторія ничего не знаетъ ни о ссылкѣ, ни о мученической смерти Климента Римскаго [1]).

Семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня мученической кончины Климента, но память объ немъ хранилась въ умахъ людей, дорожившихъ всякимъ знакомъ божественной заботливости о Христовой церкви. Константинъ зналъ о мученичествѣ Климента и въ его воображеніи Херсонесъ представлялся неразлучно съ мѣстомъ страданій и казни святого епископа. Въ самомъ Херсонѣ ему рисовались воспоминанія слышанныхъ имъ разсказовъ о храмѣ, воздвигнутомъ руками ангеловъ въ честь св. мученика, о какомъ-то чудесномъ отливѣ моря, и Константинъ, «по внушенію Бога, который желалъ открыть своимъ вѣрнымъ тѣло св. Климента, это великое и драгоцѣнное сокровище», Константинъ сталъ развѣдывать у мѣстныхъ жителей о мѣстѣ, на которомъ былъ брошенъ въ море св. Климентъ. Мѣстные жители, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли никакихъ свѣдѣній о мученичествѣ Климента: въ теченіе протекшихъ лѣтъ населеніе не одинъ разъ уже вымирало, замѣнялось пришлымъ — новые народы, новыя племена прошли по той мѣстности, и новые люди ничего не могли сказать Константину о старыхъ преданіяхъ. «Кромѣ того, вслѣдствіе многихъ вторженій варваровъ, то мѣсто опустѣло, храмъ оставленъ безъ вниманія, разрушенъ, бо́льшая часть той страны опустошена, необитаема». Опечалился философъ, и, ничего не узнавъ отъ людей, обратился къ Богу: онъ долго и много молился, пока, наконецъ, не по-

---

утѣшеніе осужденнымъ на рудокопни; а это опять служитъ подкрѣпленіемъ сказанію о подвигахъ римскаго пастыря въ Херсонесѣ». *Филаретъ*, стр. 9. прим. 9. Доводы почтеннаго ученаго архіепископа намъ кажутся не настолько убѣдительными, чтобы признать разсказъ о ссылкѣ и мученической смерти Климента за историческій фактъ.

[1]) *Hagenbach*, S. 62.

лучилъ убѣжденія, что ему именно предоставлена честь обрѣсти мощи несчастнаго папы. Константинъ проситъ херсонскаго митрополита Георгія и все духовенство принять участіе въ его молитвахъ къ Богу, онъ бесѣдуетъ съ народомъ о страданіяхъ Климента, онъ повѣствуетъ ему объ его чудесахъ, онъ воодушевляетъ всѣхъ, и, наконецъ, ему удалось подвинуть дѣло настолько, что для отысканія мощей было снаряжено особое судно, въ которомъ Константинъ отплылъ въ Черное море. Это было 30 декабря, вѣроятно, 861 года. Неясныя вообще сказанія легендъ становятся довольно темными, когда говорятъ о самомъ обрѣтеніи мощей: по древнѣйшимъ легендамъ, на какомъ-то островѣ копали и рыли землю мощеискатели, пока, наконецъ, «воня велія» не указала имъ на самое сокровище, послѣ чего вскорѣ были открыты не только всѣ мощи, но и якорь, съ которымъ онъ былъ брошенъ въ Черное море; по болѣе позднимъ легендамъ — море пересохло и въ церкви, выстроенной нѣкогда на мѣстѣ страданій святого, были найдены его мощи. Эти мощи «Константинъ возложилъ на свою голову и, въ сопровожденіи всѣхъ, отнесъ на корабль, и съ корабля въ небольшой городъ Георгію; херсонскій воевода Никифоръ вышелъ навстрѣчу святымъ мощамъ; «такъ какъ уже вечерѣло и по причинѣ большого стеченія народа невозможно было двигаться впередъ, то мощи были положены въ храмъ св. Созонта, что близъ города; затѣмъ онѣ были перенесены въ церковь св. Леонтія»; лишь на другой день мощи св. Климента были внесены въ Херсонъ, изъ котораго болѣе семи вѣковъ тому назадъ измученный пыткою старецъ былъ извлеченъ римскою стражею, чтобъ быть заживо погребеннымъ въ волнахъ бурнаго Эвксина [1]).

---

[1]) «Будучи опять въ Херсонѣ, на обратномъ пути изъ ставки хозарскаго хана въ Константинополь, Кириллъ въ морѣ, омывающемъ берега Херсона, нашелъ мощи св. Климента, епископа римскаго (сосланнаго сюда въ 94 году императоромъ Трояномъ), которыя впослѣдствіи принесъ въ даръ Риму». *Лебединцевъ*, стр. 548. Авторъ, конечно, не можетъ указать ни одного источника, въ которомъ ходъ событій былъ бы представленъ въ такомъ извра-
...мъ видѣ.

Въ половинѣ IX стол. пути сообщенія были вообще не безопасны, тѣмъ менѣе въ степяхъ юго-восточной Руси, гдѣ, въ теченіе многихъ столѣтій, кочевали и перекочевывали дикія орды азіатскихъ выходцевъ. По такимъ степямъ лежалъ путь Константина. Насколько можно открыть въ позднѣйшихъ легендахъ историческую основу ихъ сказаній, мы едва ли не въ правѣ полагать, что на этомъ пути Константинъ два раза долженъ былъ выдерживать нападенія дикихъ кочевниковъ, сперва хазаръ, затѣмъ угровъ [1]), прежде чѣмъ онъ прибылъ къ Азовскому морю. Легенды изукрасили эти извѣстія фантастическими вымыслами. Нападеніе хазаръ разсказано въ нихъ такимъ образомъ: когда хазарскій воевода обложилъ какой-то христіанскій городъ, то Константинъ, узнавъ о томъ, вступилъ съ тѣмъ воеводою въ бесѣду, укротилъ его и даже довелъ до желанія принять крещеніе, при чемъ, конечно, осада города была снята. Нападеніе угровъ облечено въ форму еще болѣе чудесную: когда Константинъ молился, на его и сопровождавшую его дружину напали угры; Константинъ не испугался, не прекратилъ своей молитвы, но лишь взывалъ «Господи помилуй»; тогда, по Божьему повелѣнію, укротились угры, поклонились Константину и отпустили его со всею дружиною.

Очень можетъ быть, что подобныя встрѣчи заставили Константина предпочесть морское плаваніе сухому пути: достигнувъ Азовскаго моря, онъ сѣлъ на корабль и отправился къ Каспійскимъ воротамъ [2]) кавказскихъ горъ. Подробности при-

---

[1]) Карамзинъ, I, 5.

[2]) Каспійскія ворота были извѣстны древнимъ: *Portae Caspiae*, *Claustra Caspiarum*, *Via Caspia* и др., назывался узкій проходъ въ кавказскихъ горахъ, идущій параллельно западному берегу Каспійскаго моря чрезъ Кизляръ, Тарки, Дербентъ и Баку. *Горскій*, стр. 16. Такъ какъ козары имѣли главное пребываніе свое по берегу Каспійскаго моря и Дербентъ служилъ оплотомъ противу ихъ вторженій въ великую Арменію и Персію, то мѣстопребываніе ихъ хана, куда направляли свое апостольское странствованіе братья-проповѣдники, и надобно полагать не далеко отъ Дербента, въ мѣстности Кизляра, богатаго виноградниками и расположеннаго на лѣвомъ берегу Терека. *Платоновъ*, стр. 333.

бытія Константина въ ставку хазарскаго хана [1]), равно какъ и пребываніе его среди хазаръ—намъ неизвѣстны. Мы знаемъ лишь главное — дебаты его съ хазарскими мудрецами, съ іудеями и магометанами, о вѣрѣ.

Предметъ тѣхъ дебатовъ высказанъ легендами въ тѣхъ тостахъ, которыми начался обѣдъ, сопровождавшійся состязаніемъ. Ханъ, поднявъ кубокъ, провозгласилъ: «Пьемъ во имя Бога, создавшаго всю тварь!» на что Константинъ, поднявъ кубокъ, отвѣчалъ: «Пью во имя Бога единаго и Слова Его, которымъ небеса утверждены, и Животворящаго Духа, которымъ содержится вся сила созданной твари». Такимъ образомъ, главный предметъ спора заключался въ вопросѣ о св. Троицѣ, въ вопросѣ, который не могли понять религіи нехристіанскаго востока. Состязаніе продолжалось долго; въ легендахъ можно услѣдить какъ бы три, отличныя другъ отъ друга засѣданія. Главный предметъ недоразумѣній, какъ юдаизма, такъ и ислама, троичность божескаго единства, былъ смѣняемъ другими вопросами, которые противорѣчили нехристіанскимъ вѣрованіямъ. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ, Константинъ, по словамъ легендъ, выказалъ «всю словесную силу благодати, обитавшей въ немъ и попалявшей жгучимъ пламенемъ противниковъ». Для примѣра, если не для подтвержденія справедливости отзыва легендъ о діалектической силѣ Константина, приведемъ обсужденіе вопроса о Іисусѣ Христѣ, предложеннаго іудеями, для которыхъ этотъ вопросъ особенно важенъ, какъ уничтожающій ихъ упованія на Мессію.

Іудеи: Скажи намъ, христіанскій философъ, какимъ это образомъ женщина можетъ вмѣстить во чревѣ своемъ Бога, на котораго даже воззрѣть невозможно, не только что родить?

Философъ, указывая рукою на хана и его перваго санов-

[1]) Братья приняты были съ подобающею честью, ибо имѣли съ собою вѣрительную грамоту отъ византійскаго императора. *Платоновъ*, стр. 315. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ источникъ этихъ подозрительныхъ подробностей.

чика: Если бы кто сказалъ, что этотъ первый совѣтникъ не можетъ принять въ домъ свой хана и угостить его, а послѣдній рабъ можетъ принять и угостить его, то какъ назвать такого—безумнымъ или разумнымъ?

Іудеи: Конечно, безумнымъ, и даже очень.

Философъ: Какое изъ всѣхъ видимыхъ твореній на землѣ самое достойное и почтенное?

Іудеи: Человѣкъ; онъ—высшее твореніе изъ всего видимаго міра, потому что почтенъ разумною душою, созданною по образу Божію.

Философъ: Слѣдовательно, неразумны тѣ, которые считаютъ невозможнымъ, чтобы Богъ вмѣстился въ утробѣ человѣческаго естества,—Богъ, который, какъ извѣстно, помѣщался въ купинѣ Моисеевой. Неужели купина, вещь бездушная и безчувственная, выше существа чувствующаго и разумнаго? Вмѣщался Богъ и въ бурѣ и въ облакѣ, и въ дымѣ и въ огнѣ, когда являлся Іову, Моисею и Иліи; что-жъ удивительнаго, если онъ вмѣстился въ благороднѣйшее созданіе, въ женщину, въ ея утробу, къ тому же дѣвическую, чистую, непорочную, чуждую брака?!..

Не могло быть сомнѣнія въ результатѣ состязанія: христіанскій философъ опровергъ всѣ доводы какъ іудейскихъ, такъ и сарацинскихъ мудрецовъ. Ханъ убѣдился въ превосходствѣ христіанской религіи и дозволилъ принимать крещеніе; желая выразить свою благодарность, ханъ, по просьбѣ Константина, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ-христіанъ.

Весь ходъ состязанія съ хазарскими мудрецами Константинъ изложилъ на греческомъ языкѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ [1]), въ видѣ отчета, представленнаго имъ патріарху; это грече-

[1]) Греческіе миссіонеры по возвращеніи представляли обыкновенно императору или патріарху подробныя донесенія о своихъ дѣйствіяхъ, какъ это было, напр., въ сношеніяхъ греческой церкви съ армянскою въ XII вѣкѣ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что этотъ, теперь потерянный для насъ, памятникъ имѣлъ такой характеръ. *Викторовъ*, стр. 407.

ское изложеніе, въ восьми частяхъ, было, по словамъ легендъ, переведено Меѳодіемъ на славянскій языкъ. Ни подлиннаго изложенія на греческомъ языкѣ, ни перевода его на языкъ славянскій не дошло до насъ; быть можетъ, не дошло потому, что ни того, ни другого никогда не существовало.

Возвращеніе Константина изъ хазарской миссіи, путь отъ ставки хазарскаго хана обратно въ Константинополь, подобно пути изъ Херсона къ берегамъ Каспійскаго моря, усѣянъ въ позднѣйшихъ легендахъ такими чудесами, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно отыскать намеки на дѣйствительныя событія.

Проходя степями юго-восточной Россіи, Константинъ естественно долженъ былъ нерѣдко терпѣть недостатокъ въ водѣ. Это обстоятельство дало поводъ позднѣйшимъ легендамъ разсказать чудо, сотворенное Константиномъ: въ безводной пустынѣ, мучимый жаждою, Константинъ набрелъ со всѣми своими спутниками на небольшое озеро, вода котораго, горькая какъ желчь, не была годна къ употребленію; тогда сказалъ Константинъ своему брату Меѳодію: «Не могу болѣе терпѣть жажды, почерпни этой воды; Тотъ, Кто нѣкогда израильтянамъ претворилъ горькую воду въ сладкую, Тотъ усладитъ и для насъ горечь этой воды»;— почерпнулъ Меѳодій воды изъ озера, и она оказалась сладкою какъ медъ и холодною; пили всѣ эту воду и прославили Бога, творящаго такія чудеса при посредствѣ раба своего.

Путь отъ Хазаръ въ Византію былъ веденъ попрежнему чрезъ Херсонъ, и Константинъ, вѣроятно, остановился въ домѣ херсонскаго архіепископа, который умеръ въ бытность Константина въ его домѣ. Кажется, мы въ правѣ сдѣлать подобные выводы изъ слѣдующаго чудеснаго разсказа легендъ: поуживавъ съ архіепископомъ, Константинъ сказалъ ему: «Сотвори мнѣ, отче, молитву, какъ мнѣ сотворилъ бы отецъ мой»; слышавшіе такую его просьбу заключили, что Константинъ намѣренъ завтра же поутру отправиться въ путь, но онъ пояснилъ имъ, что дѣйствительно отправится въ путь, но не

онъ, а архіепископъ, который умретъ завтра же; такъ и случилось, и слова его оправдались.

Проѣзжая по югу Россіи, среди народовъ, какъ не принявшихъ еще крещенія, такъ и не вполнѣ утвердившихся еще въ христіанской вѣрѣ, Константинъ, вѣроятно, не упускалъ случая наставленіемъ и убѣжденіемъ обращать однихъ, укрѣплять другихъ. Одинъ изъ такихъ примѣровъ записанъ въ легендахъ, въ формѣ уничтоженія одного изъ языческихъ суевѣрій, сохранившихся въ народѣ, уже принявшемъ христіанство: въ городѣ Фуллѣ [1]), недалеко отъ Херсона, жители поклонялись большому дубу, сплетшемуся корнями и вѣтвями съ черешнею; они называли его Александромъ, творили подъ нимъ различныя требы, не допускали къ нему женщинъ; узнавъ о такомъ суевѣріи, Константинъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ и угрозою: «Эллины поклонялись небу и земли, великимъ и совершеннымъ созданіямъ, и тѣмъ не менѣе были осуждены на вѣчныя муки; чѣмъ же вы думаете избѣжать вѣчнаго огня, поклоняясь дереву, вещи ничтожной, годной лишь въ огонь?» Жители отвѣчали Константину: «Мы поклоняемся этому дереву не со вчерашняго дня, мы приняли это отъ отцовъ нашихъ и отъ него получаемъ мы исполненіе всѣхъ нашихъ просьбъ, особенно же дождь и какъ мы можемъ посягнуть на это дерево,—никто изъ насъ не рѣшится на то; кто же дерзнетъ—умретъ на мѣстѣ, а мы никогда ужъ не увидимъ дождя». Константинъ сталъ поучать ихъ, приводилъ изрѣченіе пророка Исаіи, показалъ имъ евангеліе и увѣщевалъ ихъ срубить дерево. Старшина поклонился евангелію, поцѣловалъ его; за нимъ поклонились и всѣ остальные. Константинъ, для примѣра, первый нанесъ дереву 33 удара сѣкирою, за нимъ другіе; дерево было срублено и сожжено. И въ ту же ночь Богъ послалъ дождь, всѣ съ радостью восхваляли Бога, и самъ Богъ возвеселился.

---

[1]) Вопросъ о мѣстоположеніи Фуллы остается нерѣшеннымъ. *Кеппенъ* стр. 131—133.

По прибытіи въ столицу, Константинъ, по словамъ легендъ, представлялся императору,—онъ видѣлъ, вѣроятно, патріарха и другихъ лицъ, ему близкихъ и знакомыхъ, онъ посѣтилъ своего брата Мефодія, который жилъ въ то время на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря, въ области Сигріанской, будучи настоятелемъ монастыря Полихронъ, близъ города Кизика. Санъ настоятеля казался позже для составителей легендъ слишкомъ незначительнымъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующимъ заслугамъ Мефодія: императоръ и патріархъ желаютъ возвести его въ санъ архіепископа, но Мефодій самъ воспротивился тому и избралъ ту должность настоятеля, въ которой засталъ его братъ по возвращеніи изъ хазарской земли. Константинъ поселился въ Царьградѣ, при церкви свв. Апостоловъ.

Послѣдовательность событій не обращаетъ на себя строгаго вниманія легендъ; прошедшія столѣтія, увеличивая въ суммѣ черты святости, затемняютъ образъ человѣчности; критическое же вниманіе необходимо предлагаетъ вопросъ о дѣятельности Мефодія во время поѣздки его брата въ Хазарію. Гдѣ былъ въ это время Мефодій? чѣмъ занимался? что дѣлалъ?

Болгарскій народъ, остатокъ аттиловыхъ гуннъ съ большею примѣсью славянъ, сидѣлъ уже нѣсколько столѣтій на берегахъ Дуная, въ богатой, на десять комитатовъ раздѣленной землѣ. Блуждая по долинамъ Дуная и по южнорусскимъ степямъ, онъ доходилъ до Дона, всюду неся съ собою грабежъ и разореніе; часто воевалъ онъ съ франкскими графами въ Панноніи, глубоко врѣзывался въ Эпиръ и Романію, и не одно византійское войско погибло отъ болгарскихъ стрѣлъ. Съ начала IX вѣка дикій болгарскій ханъ пилъ изъ черепа византійскаго императора, одинъ за столомъ, окруженный своими страшными воинами, глодавшими свою сырую пищу вдали отъ хана, лежа на землѣ. Это былъ народъ дикій до

звѣрства, грубый до наивности. Столкновенія съ болѣе цивилизованными народами заронили въ немъ тѣ сомнѣнія, которыя стали сѣменами его культурнаго развитія. Отправляя пословъ въ Римъ, болгары требовали наставленій о самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ гражданской жизни: они спрашивали, какъ должны они жениться, въ какое время сутокъ совокупляться, когда должны обѣдать, какъ одѣваться, просили дать имъ покрой штановъ; болгары говорили, что у нихъ есть обычай нести предъ войскомъ лошадиный хвостъ, и спрашивали, чѣмъ должны они замѣнить этотъ символъ турецкой конницы? Папа замѣнилъ лошадиный хвостъ крестомъ.

Христіанство начало проникать въ болгарскія станицы, вѣроятно, въ началѣ IX стол., и несомнѣнно изъ Византіи: земля, занятая ими на берегахъ Дуная, принадлежала византійской имперіи, и греческіе миссіонеры находились среди болгаръ со времени поселенія ихъ въ области, которой они дали свое имя [1]); Византію же беспокоили они въ то время постоянными набѣгами. Этимъ военнымъ столкновеніямъ едва ли не принадлежитъ честь первыхъ проповѣдниковъ христіанскаго ученія въ средѣ болгарскаго народа; такъ, въ 814 г., когда болгарскій ханъ Крумъ взялъ Адріанополь, они увели съ собою адріанопольскаго епископа и многихъ христіанъ, которые въ плѣну проповѣдывали христіанство, что, вѣроятно, и было главною причиною ихъ мученической смерти при Мортогонѣ, преемникѣ Крума. Позже, другой плѣнникъ, Константинъ Кифара, продолжалъ дѣло просвѣщенія, начатое его несчастными соотечественниками; когда состоялся обмѣнъ плѣнныхъ, Кифара былъ обмѣненъ на сестру болгарскаго хана, которая жила нѣкоторое время, какъ плѣнница, въ Византіи, гдѣ приняла христіанство. Сестра должна была имѣть вліяніе на брата. Византійскіе священники чаще и чаще проходятъ

[1]) Въ концѣ февраля 870 г. болгарскіе послы категорически, въ присутствіи папскихъ уполномоченныхъ, заявили, что они встрѣтили греческихъ священниковъ въ землѣ, ими завоеванной, въ Болгаріи. *Mansi*, XV, 815.

болгарскія земли со словомъ христіанской проповѣди. Въ Константинополѣ хорошо знали положеніе болгарскаго дѣла; сестра болгарскаго хана была многимъ извѣстна въ Византіи, зналъ ее, вѣроятно, и Меѳодій: по ея просьбѣ, быть можетъ, прибылъ онъ въ ставку болгарскаго хана.

Что Меѳодій посѣщалъ Болгарію и имѣлъ вліяніе на болгарскаго хана, то несомнѣнно; объ этомъ знаютъ наименѣе изъ достовѣрныхъ легендъ. Въ одной изъ нихъ говорится, что «великій Меѳодій неустанно старался пріобрѣсти дарами словесъ князя болгаръ Бориса, котораго онъ еще прежде сдѣлалъ своимъ сыномъ». Это *еще прежде*, т.-е. прежде окончательнаго принятія имъ христіанства въ концѣ 864 г., указываетъ на дѣятельность Меѳодія во время поѣздки его брата въ Хазарію: Меѳодій ѣздилъ въ Болгарію и тамъ приготовлялъ темныя души болгаръ къ принятію свѣта христіанскихъ истинъ. Крещеніе болгарскаго хана не могло совершиться внезапно: событіе это требовало подготовки, времени; мало-по-малу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подготовлялось обращеніе Бориса, высказавшееся офиціально лишь въ 864 году торжественнымъ крещеніемъ.

Когда именно Меѳодій впервые посѣтилъ Болгарію,—сказать трудно; быть можетъ, въ 861 году. До 858 г. Борисъ воевалъ съ Византіей; въ этомъ году заключенъ былъ миръ, по которому Болгаріи было уступлено Загорье, полоса земли во Ѳракіи. Въ общихъ чертахъ Несторъ правъ, когда записалъ подъ тѣмъ годомъ, что «болгары креститися просиша и покоритися грекомъ» [1]). Если несомнѣнно, что Борисъ былъ крещенъ въ концѣ 864 или въ началѣ 865 г., то, быть можетъ, не вполнѣ неправы и тѣ ученые, которые относятъ обращеніе его къ 861 г., быть можетъ, въ этомъ именно году Меѳодій окончательно склонилъ Бориса къ христіанству... Обращалъ къ христіанству и крестилъ Меѳодій не одного только князя, но, вѣроятно, вмѣстѣ съ княземъ и многихъ

---

[1]) *Несторъ*, стр. 8.

болгаръ, какъ приближенныхъ къ князю, такъ и изъ простого народа. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи успѣхи Меѳодія не могли быть значительны въ это время: много лѣтъ спустя послѣ смерти Меѳодія, его ученикъ Климентъ трудился въ Болгаріи, продолжая дѣло своего учителя, и трудился много, такъ какъ болгарскій народъ былъ въ то время «вовсе невѣжественный и просто сказать скотоподобный».

Меѳодій «плѣнилъ Бориса отечественнымъ своимъ языкомъ, во всемъ прекраснымъ»—вотъ, по указанію ближайшей по времени легенды, то внѣшнее средство, которымъ пользовался Меѳодій. Позднѣйшія сказанія приводятъ иное средство, употребленное Меѳодіемъ: монахъ-живописецъ, по имени Меѳодій, нарисовалъ для Бориса картину Страшнаго Суда; болгарскій ханъ съ ужасомъ смотрѣлъ на муки, ожидающія невѣрующихъ, и въ благочестивомъ страхѣ просилъ Меѳодія окрестить его въ христіанскую вѣру. Это сказаніе не можетъ быть отнесено къ брату Константина [1]) и само по себѣ носитъ характеръ византійской сказки; оно напоминаетъ подобный же разсказъ Нестора о картинѣ Страшнаго Суда, произведшей такое сильное впечатлѣніе на великаго князя Владиміра. Меѳодій, братъ Константина, не былъ живописцемъ [2]); разсказъ о картинѣ Страшнаго Суда записанъ слишкомъ поздно и въ чертахъ, внушающихъ мало довѣрія.

Древнѣйшія историческія свидѣтельства даютъ право заключать, что славянскимъ народамъ, обитавшимъ въ западной Европѣ, издавна было извѣстно христіанское ученіе,—въ готскомъ переводѣ Евангелія, сдѣланномъ Ульфилою въ IV в., встрѣчаются славянскія выраженія. Близкія сношенія славянъ съ христіанскою Греціею не оставляютъ никакого со-

---

[1]) *Asseman.*, III, 170. *Szafarzyk*, I, 589.

[2]) Объ этомъ ничего не сказано въ Leg. Bulg., авторъ которой любилъ живопись (cap. 22).

мнѣнія въ томъ, что христіанство проникало къ славянамъ именно изъ Византіи; на это указываетъ самый характеръ лѣтописныхъ записей: въ IV вѣкѣ армянскій лѣтописецъ говоритъ, что «пять славянскихъ народовъ издавна обитали во Ѳракіи» и что «столицею ихъ былъ счастливый Царьградъ»; въ V вѣкѣ болгары завоевали Мизію и нашли тамъ христіанскихъ славянъ, у которыхъ были священники изъ Константинополя; въ VI вѣкѣ имена нѣкоторыхъ сановниковъ, занимавшихъ въ Византіи важныя должности, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, ясно указываютъ на ихъ славянское происхожденіе; славяне встрѣчаются на высшихъ ступеняхъ византійской администраціи въ VIII стол. и въ IX в., въ теченіе двадцати лѣтъ престолъ Восточной имперіи былъ занятъ славянами... Въ настоящее время никто, конечно, не повѣритъ тѣмъ западнымъ ученымъ, которые стараются доказать, что «первый лучъ христіанской вѣры зажгло въ славянскихъ земляхъ римско-католическое духовенство»; какъ равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что римское духовенство много способствовало распространенію и утвержденію христіанской вѣры среди западныхъ славянъ, что особенно замѣтно на всей обширной территоріи Моравскаго герцогства.

Въ половинѣ IX стол. Моравія была раздѣлена въ церковномъ отношеніи на нѣсколько епархій, подчиненныхъ зальцбургскому архіепископу. Особое политическое положеніе страны и политическія стремленія ея государя достаточно объясняютъ намъ то обстоятельство, что Ростиславъ обратился къ Византіи [1]) съ просьбою прислать наставниковъ, способныхъ укрѣпить его народъ въ христіанской вѣрѣ [2]). Эта просьба записана во всѣхъ легендахъ довольно согласно.

---

[1]) Увѣреніе папы Адріана II, что Ростиславъ обращался съ подобною просьбою также къ Риму, объясняется тѣмъ, что папское посланіе вписано въ Паннонское житіе, которое составлено людьми, признававшими свою зависимость отъ [illegible] первосвященника. *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, I, [illegible]

[2]) *Бильбасовъ*, стр. [illegible] *Погодинъ*, стр. [illegible] *[illegible]*, стр. 548, пр. 2.

но въ нѣкоторыхъ болѣе подробно. Послы моравскаго герцога говорили византійскому императору, что народъ ихъ отвергъ уже язычество и принялъ христіанскій законъ, что къ нимъ приходятъ многіе христіанскіе учители изъ Италіи, Греціи и Германіи, наставляя ихъ въ вѣрѣ различнымъ образомъ, но что они, люди простые, не могутъ отличить, на чьей сторонѣ истина, и не имѣютъ такого учителя, который преподалъ бы имъ истины христіанской вѣры на ихъ родномъ языкѣ: поэтому они просили прислать къ нимъ такого наставника. Очень возможно, что послы съ дипломатическою вѣжливостью подкрѣпляли свою просьбу выраженіемъ увѣренности, что отъ византійскихъ императоровъ «на всѣ страны всегда добрый законъ исходитъ».

Византійская имперія, высылавшая своихъ богослововъ къ сарацинамъ и хазарамъ, естественно отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ просьбѣ одного изъ славянскихъ народовъ, съ которыми она уже давно входила въ сношенія и наплывъ которыхъ на ея территорію возродилъ имперію къ новой жизни. Императоръ Михаилъ послалъ въ Моравію людей, наиболѣе опытныхъ въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія христіанской вѣры,—Константина-Философа и брата его Меѳодія. Очень могло быть, что знакомство солунскихъ братьевъ съ славянскимъ языкомъ имѣлось также въ виду при выборѣ миссіонеровъ для посылки въ Моравію [1]); важность этого назначенія сознавали въ Константинополѣ, и, вѣроятно, императоръ не разъ совѣщался съ патріархомъ, прежде чѣмъ состоялся выборъ солунскихъ братьевъ.

---

[1]) Вы бо еста селоунянина, да селоуняне все чисто словеньскы бесѣдоуютъ. Панн. жит., гл. 5. Эти слова принимались нашими русскими критиками за подлинную рѣчь императора и давали поводъ къ выводамъ, прямо противуположнымъ смыслу, въ нихъ заключенному. См. *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, I, 60. Въ одной галицкой брошюрѣ мы встрѣтили обратное доказательство: «что въ СолѸнѣ были Слованы, является изъ исторіи и изъ того, что св. Апостолы Слованъ Кириллъ и Меѳодій были изъ СолѸна родомъ». *Малиновскій*, стр. 4.

По поводу этого выбора Константина и Меѳодія легенды передаютъ намъ довольно интересныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно подозрительныя подробности.

Выслушавъ просьбу моравскаго герцога, изложенную его послами, Михаилъ созвалъ совѣтъ, на который былъ приглашенъ также Константинъ-Философъ. Передавъ ему желаніе Моравіи, императоръ сказалъ, что такую просьбу славянъ никто не можетъ выполнить лучше Константина и его брата, такъ какъ они родомъ изъ Солуня, а въ Солунѣ всѣ знаютъ славянскій языкъ; «я знаю,—прибавилъ императоръ,—что ты не такъ здоровъ, но необходимо, чтобы ты именно отправился въ Моравію». «Немощенъ я тѣломъ и боленъ,—отвѣчалъ Константинъ,—но я съ радостью пойду въ моравскую землю, если только они имѣютъ азбуку своего языка». На это единственное условіе, предложенное Константиномъ, императоръ долженъ былъ отвѣчать обличительною противъ себя и своихъ предковъ рѣчью: «Дѣдъ мой, отецъ мой и многіе другіе старались, но не могли узнать, имѣютъ ли они свою азбуку или нѣтъ; какимъ же образомъ могу я развѣдать объ этомъ?» Константинъ на это замѣтилъ, что просвѣщеніе народа безъ письменъ его языка равносильно усиліямъ писать на водѣ, и къ тому же легко можетъ навлечь обвиненіе въ еретичествѣ. Михаилъ вмѣстѣ съ своимъ дядею Вардою стали уговаривать Константина, говоря, что Господь, дающій просящимъ и отверзающій толкущимъ, не откажетъ и ему, если онъ съ упованіемъ и молитвою обратится къ Богу. Затѣмъ Константинъ, со всѣми своими сотрудниками, усердно молится Богу и получаетъ чрезъ посредство откровенія славянскія письмена; императоръ, извѣщенный о томъ, много радовался, снабдилъ солунскихъ братьевъ всѣмъ необходимымъ для далекаго пути и вручилъ имъ для передачи Ростиславу Моравскому письмо, въ которомъ отзывался съ особенною похвалою о Константинѣ, какъ о честномъ и благовѣрномъ, ученомъ и философѣ, извѣщалъ герцога объ обрѣтеніи славянскихъ письменъ, и вы-

сказывалъ желаніе, чтобъ эти письмена помогли дѣлу общаго спасенія и чтобъ Константинъ, своими трудами по распространенію христіанской вѣры, заслужилъ бы въ потомствѣ такую же память, какъ императоръ великій Константинъ.

Императоръ Михаилъ щедро снабдилъ Константина средствами на путевыя издержки, приказалъ ему взять съ собою также Меѳодія и немедленно отправиться въ путь [1]. Путь былъ далекій, опасный; задача велика и трудна; мать, провожая своихъ сыновей, со слезами умоляла ихъ, на случай, если бы кто-либо изъ нихъ умеръ на чужбинѣ, ранѣе возвращенія на родину, то чтобъ оставшійся въ живыхъ привезъ къ ней тѣло умершаго. Братья дали слово исполнить святую просьбу матери, простились съ нею въ послѣдній разъ и двинулись въ путь.

Весной 863 года Константинъ и Меѳодій прибыли въ Моравію. По Дунаю, по Моравѣ, въ Велеградъ, летѣла, имъ предшествуя, молва объ изобрѣтеніи понятныхъ народу славянскихъ письменъ, вѣсть о переводѣ Свящ. Писанія на родной народу языкъ; и та вѣсть была принимаема народомъ какъ благодать новаго, цивилизующаго крещенія путемъ образованія родной мысли и родного слова. Народъ выходилъ навстрѣчу дорогимъ гостямъ, герцогъ съ почетомъ принималъ ихъ...

Изъ всѣхъ чужестранныхъ областей, посѣщенныхъ солунскими братьями, Моравія сосредоточивала на себѣ преимущественно ихъ вниманіе; наиболѣе тяжелые труды, понесенные братьями, были предназначены для земель славянскихъ, въ ряду которыхъ Моравіи принадлежитъ первое мѣсто; наиболѣе долгое время братья оставались въ Моравіи, и младшій изъ нихъ въ Моравіи же сложилъ свои кости,—

[1]) Передъ отъѣздомъ въ Моравію патріархъ Фотій, прежній наставникъ и другъ Константина, посвятилъ его во епископа. *Бѣляевъ*, стр. 341. Авторъ не указываетъ источникъ этого чрезвычайно важнаго извѣстія.

тѣмъ поразительнѣе для насъ та убогость извѣстій о пребываніи братьевъ въ Моравіи, которою отличаются легендарныя о нихъ сказанія. Даже мѣстная моравская легенда, кратко отмѣчая четырехлѣтнее пребываніе солунскихъ братьевъ въ Моравіи, не сохранила намъ ни одной черты, которая не была бы извѣстна изъ другихъ легендъ; составитель моравской легенды не подслушалъ въ народѣ ни одной интересной подробности...

Солунскіе братья поселились въ нынѣшнемъ Градиштѣ [1]), который въ то время былъ резиденціею моравскаго герцога и *велiимъ градомъ*.

Дѣятельность братьевъ среди моравскихъ славянъ хотя и выражена легендами въ общихъ чертахъ, но понята ими совершенно вѣрно. Въ легендахъ можно подмѣтить двѣ стороны дѣятельности Константина и Меѳодія, вполнѣ соотвѣтствующія какъ положенію страны, такъ и главной цѣли миссіонерской поѣздки братьевъ въ Моравію: съ одной стороны, они являются наставниками славянскаго языка, съ другой— проповѣдниками христіанской вѣры.

При дворѣ христіанскаго герцога Моравіи Ростислава евангельское ученіе исповѣдывалось и всѣ церковныя службы совершались на чуждомъ моравскому народу языкѣ первыхъ въ той сторонѣ проповѣдниковъ христіанства, на языкѣ латинскомъ. Являясь въ этомъ случаѣ реформаторами, желая установить богослуженіе на родномъ народу языкѣ, солунскіе братья должны были научить свою паству славянскимъ письменамъ, перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, переложить на него всѣ чтенія и пѣнія, которыя совершались въ церкви. Эта предварительная, подготовительная работа для церковной реформы, въ смыслѣ введенія народнаго языка, должна была прежде всего обратить на себя вниманіе византійскихъ миссіонеровъ, и легенды передаютъ намъ неложный фактъ, когда говорятъ, что братья, тотчасъ по при-

---

[1]) Шафарикъ, II, 318 и пр. 78.

бытіи въ Моравію, занялись обученіемъ избранныхъ Ростиславомъ и порученныхъ имъ учениковъ. Константинъ и Меѳодій практически отнеслись къ предстоявшей имъ трудной задачѣ,—они прежде всего научили своихъ учениковъ церковнымъ служеніямъ на славянскомъ языкѣ: утреня, часы, вечерня, обѣдня, все служилось на славянскомъ языкѣ. Народъ, слушая въ церкви понятный ему языкъ, скоро уразумѣлъ желанія и стремленія солунскихъ братьевъ: слушая и понимая своихъ новыхъ учителей, народъ съ благодарностью вспоминалъ далекую Византію и съ довѣріемъ относился къ трудамъ ея представителей. Легенды, даже довольно позднія, прекрасно выразили великое цивилизующее значеніе произведенной Константиномъ и Меѳодіемъ реформы: когда въ славянскихъ церквахъ раздалось славянское пѣніе, понятное уму, доступное уху славянскаго народа, то, по выраженію легендъ, самъ Господь возвеселился о томъ и дьяволъ былъ пристыженъ тѣмъ. Признаніе славянскаго языка языкомъ церкви имѣло значеніе не только замѣны несноснаго *Dominus vobiscum* благодатнымъ *Господи помилуй*, но въ немъ заключались сѣмена народнаго самосознанія...

Исторія распространенія религіозныхъ вѣрованій выяснила какъ непреложный законъ, что всякое новое ученіе принимается въ большихъ городахъ скорѣе, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ, болѣе развитымъ классомъ общества легче и охотнѣе, чѣмъ простымъ народомъ. Это можно услѣдить въ исторіи распространенія христіанства во всѣхъ странахъ міра; такъ это было и въ Моравіи. Константинъ и Меѳодій должны были часто прерывать свою учительскую дѣятельность въ Велеградѣ для посѣщенія селъ и деревень, въ которыхъ простой народъ твердо держался еще любезнаго ему язычества.

Если легенды знаютъ, что Константинъ и Меѳодій покидали Велеградъ ради укрѣпленія христіанскаго ученія въ моравскихъ селахъ и деревняхъ, то намъ уже извѣстно, что они распространяли границы своей дѣятельности далеко за

предѣлы Моравіи, что они посѣщали Чехію и, вѣроятно, Болгарію. Намъ положительно извѣстно, что солунскіе братья освящали церкви не только въ самой Моравіи, какъ, напримѣръ, они освятили въ моравскомъ Оломуцѣ церковь во имя св. Петра [1]), но также и въ Чехіи—въ чешскомъ Лютомышлѣ освящена ими церковь во имя св. Климента [2]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ Моравіи если не оба брата, то который-нибудь изъ нихъ посѣщалъ сосѣднюю Болгарію; который же именно—мы не знаемъ, но позволяемъ себѣ догадываться, что то былъ Меѳодій, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ болгарской легенды. Въ этотъ-то періодъ, именно въ концѣ 864 или въ началѣ 865 года, совершилось торжественное крещеніе болгарскаго хана Бориса, принявшаго христіанское имя Михаила, имя своего воспріемника отъ купели, византійскаго императора Михаила III.

Дѣятельность Константина и Меѳодія въ славянскихъ земляхъ, преимущественно въ Моравіи, дѣятельность, какъ мы видѣли, двоякаго рода, встрѣтила и двоякую оппозицію: съ одной стороны, латино-нѣмецкое духовенство выступило съ обвиненіемъ противъ славянскаго богослуженія, съ другой—простой народъ, сельчане, выступили съ защитою своихъ языческихъ суевѣрій. Въ легендахъ эта оппозиція высказана въ формѣ дьявольскаго наущенія.

Когда слово Божіе все болѣе и болѣе росло въ славянскихъ земляхъ, злой завистникъ всего добраго, искони проклятый дьяволъ, вселился въ латинское духовенство, въ архіереевъ, іереевъ и ихъ учениковъ, и они начали говорить противъ славянскаго богослуженія: «Это не прославляетъ Бога; если бы служеніе на славянскомъ языкѣ было угодно Господу, развѣ Онъ не могъ бы искони сотворить ихъ языкъ, чтобъ они на немъ славили Бога? Но Господь избралъ только три языка—еврейскій, греческій и латинскій—на которыхъ слѣ-

[1]) *Бильбасовъ*, I, 109.
[2]) Ibid. 110.

дуетъ воздавать славу Богу». Солунскіе братья ополчались противъ нихъ всею силою слова, подобно тому, какъ Давидъ ополчался на иноплеменниковъ; они называли ихъ тріязычниками и пилатниками, такъ какъ они защищали тѣ три языка, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ Господнемъ.

Оппозицію простого народа, защищавшаго свои суевѣрія, легенда также точно влагаетъ въ уста латинскаго духовенства; легенда заставляетъ его говорить, что «подъ землею живутъ какіе-то великаны съ огромными головами»; что «всѣ гадины, пресмыкающіяся на землѣ, сотворены не Богомъ, а дьяволомъ»; что «человѣку, убившему змію, прощается поэтому десять грѣховъ»; что «человѣкоубійца не можетъ прикасаться къ стеклянной чашѣ, но долженъ пить изъ деревянной», и т. п. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что приведенныя рѣчи латинскаго духовенства — народныя вѣрованія, остатки язычества. Если затѣмъ легенды укоряютъ латинское духовенство въ томъ, что оно «не запрещаетъ народу совершать языческіе обряды» и допускаетъ многоженство и кровосмѣшеніе — «женитьбы безчетныя», то это служитъ лишь указаніемъ той степени развитія, на которой находились моравскіе славяне во второй половинѣ IX вѣка. Но откуда ни исходили бы эти суевѣрія, были ли то остатки язычества, противъ которыхъ не возставало латинское духовенство, или же они были посѣяны самимъ тѣмъ духовенствомъ, во всякомъ случаѣ солунскіе братья старались искоренить тѣ суевѣрныя заблужденія, которыя они нашли въ народѣ, и посѣять сѣмена божественнаго слова; они призывали народъ «возсылать молитвы ко Всевышнему» и «не разлучать того, что сочеталъ самъ Богъ».

Константинъ и Меѳодій оставались въ Моравіи около четырехъ лѣтъ [1]) и затѣмъ отправились въ Римъ. Почему въ Римъ?

---

[1]) Показанія легендъ несогласны; наиболѣе краткій срокъ пребыванія солунскихъ братьевъ въ Моравіи назначается въ три года, наиболѣе продол-

Легенды разно отвѣчаютъ на тотъ вопросъ: по однимъ — папа Николай I, извѣщенный о подвигахъ солунскихъ братьевъ въ славянскихъ земляхъ, много порадовался тому и особымъ посланіемъ пригласилъ ихъ въ Римъ; по другимъ—Константинъ выполнялъ тѣмъ данный имъ нѣкогда обѣтъ посѣтить Римъ; по третьимъ—они ѣдутъ въ Римъ, чтобъ представить папѣ трудъ своего перевода Св. Писанія: по четвертымъ—папа позвалъ солунскихъ братьевъ, желая видѣть ихъ какъ ангеловъ Божіихъ; наконецъ, по нѣкоторымъ—братья отправились въ Римъ для посвященія своихъ учениковъ въ священническій санъ. Легендамъ неизвѣстна настоящая причина поѣздки Константина и Меѳодія въ Римъ; объ ней не упомянуто въ документахъ, и отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь въ формѣ болѣе или менѣе вѣроятной догадки [1]).

Отправляясь въ Римъ, братья взяли съ собою не только образцы своихъ переводовъ Свящ. Писанія съ греческаго на славянскій языкъ, но также мощи св. Климента, обрѣтенныя Константиномъ и принесенныя имъ въ Моравію.

Путь изъ Моравіи въ Италію, изъ Велеграда въ Римъ, лежалъ чрезъ Паннонію и Венецію; легенды знаютъ нѣкоторыя подробности о пребываніи братьевъ въ обѣихъ областяхъ.

Прибывъ въ Паннонію, братья были встрѣчены и съ почетомъ приняты княземъ той области, Коцеломъ. Возлюбилъ князь славянскія буквы, научился имъ и отдалъ солунскимъ

жительный—въ четыре съ половиною. Эти несогласія, быть можетъ, происходятъ отъ различнаго способа счисленія, при чемъ одни исключаютъ время, необходимое для поѣздокъ изъ Византіи въ Моравію и изъ Моравіи въ Римъ, а другіе нѣтъ.

[1]) Папа пожелалъ видѣть Константина и Меѳодія и пригласилъ ихъ къ себѣ письмомъ, уважительнымъ и дружелюбнымъ. *Платоновъ*, стр. 549. Николай, желая привлечь къ себѣ такихъ великихъ проповѣдниковъ и апостоловъ, а можетъ быть, и по жалобѣ зальцбургскаго епископа, пригласилъ Константина и Меѳодія въ Римъ особою грамотою. *Бѣляевъ*, стр. 343. *Лебединцевъ*, стр. 550. *Филаретъ*, стр. 50. *Маисеевскій*, стр. 48, провидитъ въ этомъ одно изъ условій договора Ростислава съ императоромъ. Мы, совершенно напротивъ, догадываемся о договорѣ съ папою, см. *Бильбасовъ*, I, 66.

братьямъ до пятидесяти человѣкъ съ цѣлью обученія ихъ славянской грамотѣ. Какъ встрѣтилъ, такъ и проводилъ Коцелъ братьевъ съ большимъ почетомъ.

Пребываніе братьевъ въ Венеціи [1]) отмѣчено въ легендахъ по поводу большого диспута, который они держали съ мѣстнымъ духовенствомъ.

Собрались епископы, священники и монахи, «какъ вороны на соколовъ», и стали выставлять тріязычную ересь: они говорили, обращаясь къ Константину: «Скажи намъ, какъ это ты составилъ для славянъ письмена и обучаешь имъ, когда прежде того не были они изобрѣтены ни апостолами, ни папами, ни Григоріемъ Богословомъ, ни Іеронимомъ, ни Августиномъ? Мы знаемъ только три языка, которыми можно славословить Бога—еврейскій, греческій и римскій». Константинъ такъ отвѣчалъ своимъ противникамъ: «Не на всѣхъ ли равно идетъ дождикъ Божій? Не на всѣхъ ли равно свѣтитъ солнышко? Не всѣ ли равно однимъ воздухомъ дышемъ? Какъ же вамъ не стыдно признавать въ церкви только три языка, а всѣ другіе народы и племена вы обрѣкаете быть слѣпыми и глухими? Неужели вы хотите представить Бога или немощнымъ, какъ не могущаго дать славянамъ письмена, или завистливымъ, какъ не желающаго то сдѣлать? Но если не моими словами, то убѣдитесь изреченіями Св. Писанія». Легенда приводитъ затѣмъ длинный рядъ мѣстъ изъ псалмовъ, посланій и евангелій, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто своею цѣлесообразностью и мѣткостью: «Горе вамъ, книжникамъ, взявшимъ ключъ разумѣнія: сами не входите и желающихъ войти не впускаете» [2])—это какъ бы укоръ еван-

---

[1]) Въ *натиъхъ* же бывшю емоу (*Бодянскій*, стр. 25, 60, 88, 119, 152. 183); такое же написаніе въ томъ спискѣ, которымъ пользовался г. *Горскій* (стр. 23); объясняя это выраженіе въ ученомъ примѣчаніи (пр. 19), г. Горскій высказываетъ догадку, что подъ этимъ выраженіемъ должно разумѣть какой-нибудь городъ, и останавливается на Венеціи. Въ томъ спискѣ жит. св. Конст., которымъ мы пользуемся (*Safarik*, Památky), читается въ *венетїи*, чѣмъ вполнѣ подтверждается догадка г. Горскаго.

[2]) Ев. Лук., XI, 52.

гелиста латинскому духовенству, которое хвалится, что обладаетъ ключомъ разумѣнія Св. Писанія и. въ то же время. предлагаетъ его народу на языкѣ ему недоступномъ. Этими и многими другими изрѣченіями посрамивъ латинское духовенство, Константинъ покинулъ Венецію. направляясь въ Римъ.

Неизвѣстно, сколько времени солунскіе братья находились въ пути и какъ продолжительны были ихъ остановки въ Панноніи и Венеціи. Въ Римѣ, въ это время, произошли важныя перемѣны: сильный характеромъ и твердый волею Николай I скончался; папскій тронъ занялъ слабый и нерѣшительный Адріанъ II [1]).

Извѣщенный о приближеніи солунскихъ братьевъ къ Риму, папа Адріанъ II. въ торжественной процессіи, вышелъ навстрѣчу мощей св. Климента: граждане, духовенство съ крестомъ и со свѣчами въ рукахъ, народъ окружалъ папу, шедшаго въ полномъ облаченіи за городъ встрѣчать мощи одного изъ первыхъ преемниковъ св. Петра, самимъ апостоломъ избраннаго въ папы...

Прошло много столѣтій, въ теченіе которыхъ Римъ собиралъ отовсюду, выпрашивалъ, покупалъ, уносилъ тайкомъ мощи всевозможныхъ святыхъ: весь городъ представлялся громаднымъ музеемъ, въ которомъ были собраны кости мучениковъ за христіанскую вѣру. Гордые обладаніемъ такихъ священныхъ залоговъ, какими не обладаетъ ни одна церковь въ мірѣ, римляне видѣли въ этомъ грандіозномъ собраніи почернѣвшихъ череповъ и изуродованныхъ костей палладіумъ Рима, который спасаетъ городъ отъ всѣхъ бѣдъ. и магнитъ, который притягиваетъ въ Римъ паломниковъ изъ далекихъ странъ. Въ лѣтописяхъ вѣчнаго города подробно, съ любовью отмѣчены всѣ новыя пріобрѣтенія этого святого музея, въ которомъ первенствующая роль была предоставлена мощамъ святыхъ римлянъ и римскихъ мучениковъ, съ апостолами Пе-

[1]) Николай I скончался 13 ноября 867 г.; Адріанъ II былъ посвященъ ...декабря 867 года. Характеристику обоихъ папъ см. *Билбасовъ*. I, 67.

тромъ и Павломъ во главѣ. Если Римляне съ благоговѣніемъ хранили останки святыхъ женщинъ, прославившихъ Римъ,— Агнесы, Праксиды, Сабины, Цециліи, Сузанны, Анастасіи, Приски,—то папы уже давно, начиная съ VI вѣка, стали употреблять всѣ усилія къ тому, чтобъ составить возможно полную коллекцію скелетовъ римскихъ первосвященниковъ. Когда императрица Константина съ угрозою требовала отъ Рима голову или иную часть мощей ап. Петра для новой церкви, выстроенной ею въ Византіи, папа Григорій В. не задумался употребить ложь и обманъ, лишь бы отклонить императрицу отъ ея намѣренія, и рѣшительно отказался выполнить ея требованіе не потому, что Петръ былъ апостолъ, а потому, что онъ былъ папа. Съ тѣхъ поръ прошло триста лѣтъ; римскій пантеонъ мощей святыхъ первосвященниковъ Рима значительно пополнился, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилась гордость горожанъ; чѣмъ труднѣе стало добываніе новыхъ святыхъ останковъ давно погибшихъ папъ, тѣмъ были они дороже въ глазахъ живыхъ представителей папскаго института. Подарокъ, который несли Риму Константинъ и Меѳодій, былъ для папы тѣмъ болѣе дорогъ, что непосредственные преемники св. ап. Петра, Линъ и Анаклетъ, не осчастливили Римъ своими мощами, и св. Климентъ являлся такимъ образомъ прямымъ преемникомъ св. апостоловъ, въ ряду мощей римскихъ первосвященниковъ.

Тряпка, намоченная въ маслѣ тѣхъ лампадъ, что теплятся въ римскихъ церквахъ предъ мощами святыхъ, кусокъ матеріи отъ покрова раки святого, производятъ уже чудеса, о которыхъ засвидѣтельствовано въ тысячѣ легендъ и устныхъ пересказовъ; удивительно ли, что мощи св. Климента, въ радостный для нихъ день возвращенія въ родной городъ, отличились особенными чудесами? Что больные, припадавшіе ко гробу св. Климента, получали исцѣленіе, это казалось для составителей позднѣйшихъ житій слишкомъ обыкновеннымъ, и они записали чудо, которое дѣйствительно не встрѣчается

въ легендахъ святыхъ: плѣнники, призывая имя І. Христа и св. Климента, освобождались отъ оковъ и получали свободу.

Принесеніе мощей св. Климента было главнымъ вопросомъ для римлянъ, для папы; вопросъ же о славянскомъ переводѣ Св. Писанія, о богослуженіи на славянскомъ языкѣ, былъ главнымъ для Константина и Меѳодія.

Извѣстія легендъ объ этомъ второмъ вопросѣ довольно согласны: общій смыслъ извѣстій тотъ, что папа Адріанъ II вполнѣ одобрилъ труды солунскихъ братьевъ на пользу славянскаго просвѣщенія, но что въ Римѣ нашлось много противниковъ употребленія славянскаго языка при богослуженіи. Легенды говорятъ, что папа выразилъ свое удовольствіе по поводу перевода Св. Писанія на славянскій языкъ тѣмъ, что возложилъ его на святой алтарь церкви св. Петра; болѣе позднимъ легендамъ извѣстны, конечно, и большія подробности.

Папа возложилъ славянскія книги на алтарь церкви св. Маріи съ Яслями, при чемъ была совершена литургія, какъ бы для освященія того перевода. Затѣмъ папа повелѣлъ двумъ епископамъ, Формозу и Гавдерику, посвятить славянскихъ учениковъ въ пресвитеры, дьяконы и чтецы, самого же Константина возвелъ въ епископскій санъ [1]). Послѣ этого явилась возможность совершить славянское богослуженіе въ самомъ Римѣ; оно было совершаемо четыре раза—два въ церкви св. апп. Петра и Павла, сперва на алтарѣ св. Петра, затѣмъ св. Павла, разъ въ церкви св. Петрониллы и разъ св. Андрея; въ заключеніе была совершена торжественная литургія надъ св. гробомъ ап. Павла, съ участіемъ епископа Арсенія и римскаго библіотекаря Анастасія, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ.

Солунскіе братья, въ особенности же Константинъ, какъ

---

[1]) Сводя извѣстія четырехъ легендъ и сопоставляя ихъ съ упоминаніемъ одного изъ посланій папы Іоанна VIII (*Бильбасовъ*, I, 130), намъ представляется спорный вопросъ о посвященіи братьевъ въ такомъ видѣ, что сперва былъ возведенъ въ епископы одинъ лишь Константинъ, и уже послѣ его смерти Меѳодій былъ возведенъ въ архіепископы мораво-паннонской церкви.

обрѣтатель мощей св. Климента и первый славянскій епископъ, возбудили въ Римѣ всеобщій интересъ и любопытство. Къ нему постоянно являлись римляне, разспрашивали его подробно какъ объ отысканіи мощей, такъ объ изобрѣтеніи славянскихъ буквъ, о переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ, о славянахъ вообще, о Моравіи, быть можетъ, о Византіи. Эти разсказы, въ особенности же все касавшееся главнаго для римлянъ вопроса, обрѣтенія мощей св. Климента, слушалъ со вниманіемъ епископъ Гавдерикъ, и въ его воображеніи живо рисовался весь эпизодъ хазарской миссіи—Херсонъ, Черное море, тѣло съ якоремъ на шеѣ, все, что онъ позже такъ вѣрно, со словъ Константина, изложилъ въ житіи св. Климента, отрывокъ котораго мы называемъ итальянской легендой, какъ писанный итальянцемъ и въ Италіи.

Въ этихъ разспросахъ римляне не всегда играли пассивную роль слушателей. Константинъ являлся имъ, между прочимъ, новаторомъ; онъ затрогивалъ вопросъ, давно уже рѣшенный римскою церковью и какъ бы освященный уже вѣками,—вопросъ о богослуженіи на мѣстномъ, народномъ языкѣ. Какъ въ самой Моравіи нѣмецкое духовенство, какъ въ Венеціи итальянское, такъ теперь въ Римѣ нѣкоторыя лица изъ римскаго духовенства, даже епископы, возстали противъ употребленія славянскаго языка при богослуженіи. Какъ обвиненіе противниковъ славянскаго богослуженія, такъ и защита Константина основывались на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ Св. Писанія, которыя понимались членами римской церкви въ Моравіи, Венеціи и въ самомъ Римѣ слишкомъ узко и односторонне.

По показаніямъ нѣкоторыхъ легендъ, этотъ споръ отличался въ Римѣ двумя особенностями: папа Адріанъ II, такъ благоволившій къ солунскимъ братьямъ, не только назвалъ ихъ противниковъ въ этомъ спорѣ пилатниками и тріязычниками, но даже проклялъ ихъ; кромѣ того, въ Римѣ явился еврей, который вошелъ съ Константиномъ въ диспутъ, говоря,

что еще не пришло время, когда, по пророчеству, долженъ родиться Христосъ отъ Дѣвы, на что Константинъ отвѣчалъ точнымъ исчисленіемъ лѣтъ отъ Адама и доказалъ еврею, что пророчества сбылись вполнѣ. Обѣ эти особенности принадлежатъ къ позднѣйшимъ вымысламъ и не заключаютъ въ себѣ историческихъ основъ: первая противорѣчитъ какъ каноническому уставу римской церкви, такъ и личному характеру Адріана; вторая же является смѣшеніемъ спора о славянскомъ богослуженіи съ не менѣе подозрительнымъ диспутомъ Константина съ евреемъ Замвріемъ.

Пребываніе солунскихъ братьевъ въ Римѣ ознаменовалось, однако, одною особенностью, которая является событіемъ, имѣвшимъ важное вліяніе на современный славянскій вопросъ—смертью старшаго изъ братьевъ, Константина.

Путешествія и диспуты, занятія и проповѣди, усиленный умственный трудъ и чрезмѣрное физическое напряженіе разстроили здоровье Константина. Онъ занемогъ; нѣсколько дней онъ не могъ вставать съ постели. Во время этой болѣзни онъ постригся въ монахи; эта же болѣзнь свела его въ могилу.

Смерть святыхъ героевъ представляетъ обширное и, должно сознаться, благодарное поле для легендарныхъ сказаній; смерть Константина описана въ легендахъ теплыми чертами, не лишенными поэтическаго оттѣнка.

Болѣзненная «язь» уже нѣсколько дней не покидала Константина: въ одинъ изъ такихъ дней онъ видѣлъ видѣніе, удостоился лицезрѣть Господа. «Нѣтъ,—сказалъ Константинъ,— не слуга я болѣе ни императору, ни иному кому на землѣ, но лишь Богу Вседержителю». На другой же день постригся онъ въ монахи и принялъ имя Кирилла, которое было ему назначено откровеніемъ, вѣроятно, во время того видѣнія. Иноческій образъ носилъ онъ недолго, лишь нѣсколько дней, въ которые постоянно молился, и въ молитвахъ своихъ поминалъ свою славянскую паству, призывая на нее благосло-

веніе Божіе. Онъ молился, молился, воздымая руки ко Господу, и слезы текли по его исхудавшимъ щекамъ. «Господи, услышь молитву мою и сохрани вѣрное стадо Твое; дай имъ быть людьми «изрядными» и вдохни въ сердца ихъ слово ученія Твоего; устрой ихъ сильною десницею Твоею и защити ихъ подъ покровомъ крилъ Твоихъ». Такъ молился умирающій Кириллъ за своихъ возлюбленныхъ сыновъ, за свою славянскую паству... Чувствуя приближеніе смерти, въ послѣдній часъ своей жизни, Кириллъ опять вспоминаетъ славянъ; онъ говоритъ Меѳодію, прощаясь послѣднимъ лобызаніемъ съ своимъ братомъ: «Мы, братъ, тянули съ тобою одну борозду, и вотъ я падаю на грядѣ, кончаю дни мои: ты же слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ, но смотри, не покидай ради его наше служеніе,—имъ ты скорѣе можешь спастись». Послѣ этого напоминанія, послѣ этой просьбы къ Меѳодію не покидать святого дѣла просвѣщенія славянской семьи, Кириллъ облобызалъ окружавшихъ его славянскихъ учениковъ и умеръ [1]).

Воскорбѣлъ душою Меѳодій; онъ терялъ въ Кириллѣ не только нѣжно любимаго брата, онъ терялъ въ немъ товарища своихъ трудовъ, сопутника своихъ странствованій. Тяжело было Меѳодію думать, что братъ будетъ лежать на чужбинѣ, вдали отъ родины, въ чужомъ городѣ: тяжкимъ казалось ему лишить старушку мать послѣдняго утѣшенія—видѣть гробъ родимаго сына, и Меѳодій проситъ папу дозволить ему увезти тѣло брата на родину, для погребенія въ родной землѣ. Легенды передали намъ, полную тоски и грусти, нѣжную рѣчь Меѳодія къ папѣ: «Святой отецъ! когда мы покидали родную землю ради того служенія, которое мы, при помощи Божіей, совершили, мать, проливая горячія слезы, умоляла насъ, что если кто-либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, ранѣе возвращенія на родину, то братъ пережившій долженъ привезти тѣло брата умершаго въ его монастырь, чтобы достойно и прилично

[1]) Constantin est mort à Rome sous le nom de moine Cyrille 868 le 13 févr. ou le 14. *Muralt*, p. 419.

похоронить его тамъ. Да соизволитъ же твоя святость предоставить мнѣ, ничтожному, выполнить эту обязанность, чтобъ не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери». Тронутый выраженіемъ такой сыновней любви и сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю важность такой просьбы, Адріанъ сталъ совѣтоваться съ приближенными лицами, кардиналами, епископами, именитыми гражданами и, по настоянію ихъ, отказалъ Меѳодію въ его просьбѣ: было рѣшено, что Кириллъ будетъ погребенъ въ Римѣ, въ церкви св. Петра, на мѣстѣ, предназначенномъ для самого папы. Какъ ни былъ великъ почетъ, оказанный Кириллу выборомъ такого мѣста для его погребенія, но Меѳодій находилъ, что если уже не на родинѣ, то приличнѣе всего похоронить брата въ церкви св. Климента, мощи котораго были обрѣтены именно имъ и имъ же принесены въ Римъ. Меѳодій представилъ папѣ свои соображенія по этому поводу, и они были уважены: въ церкви св. Климента было назначено мѣсто для погребенія Кирилла.

Никогда еще не видѣли римляне, чтобы простой епископъ, прибывшій изъ далекихъ странъ, къ тому же уроженецъ враждебной Византіи, былъ погребаемъ съ такою торжественностью. Все духовенство, бывшее на ту пору въ Римѣ, греческое и римское, предшествовало гробу Кирилла: пѣніе псалмовъ и гимновъ, горѣніе свѣчъ и благоуханіе кадильницъ сопровождало тѣло Кирилла по узкимъ улицамъ Рима до церкви св. Климента, гдѣ оно было встрѣчено самимъ папою и при его участіи предано землѣ въ самой церкви, по правую сторону алтаря. То Адріанъ II, желая высказать свою благодарность знаменитому греку и отдать послѣднюю честь великому человѣку, приказалъ исполнить церемоніалъ папскаго погребенія.

«При этомъ, во свидѣтельство того, какая слава ожидаетъ Кирилла на небесахъ, самъ Богъ посылаетъ знаменія и дѣлаетъ видимое провозвѣстникомъ невидимаго». Такъ говоритъ болгарская легенда, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ приводитъ нѣсколько чудесъ, которыя совершались у гроба Ки-

рилла и о которыхъ упомянуто въ другихъ легендахъ: бѣсноватые, приближаясь къ гробу, получали исцѣленіе; болящіе, подходя ко гробу, избавлялись отъ своего недуга: мало того: произношеніе имени Кирилла уврачевывало уже отъ болѣзней. Понятно, что при такихъ условіяхъ имя Кирилла всегда было на устахъ всѣхъ римлянъ, страдавшихъ тѣмъ или другимъ недугомъ.

Зная о желаніи Меѳодія увезти тѣло Кирилла изъ Рима, слушая разсказы о чудесахъ на его гробѣ и желая закрѣпить за Римомъ право на обладаніе мощами перваго славянскаго просвѣтителя, католическое потомство сплело отдѣльный разсказъ о чудѣ, которое совершилъ Кириллъ. Этотъ разсказъ страдаетъ хронологическою неточностью: въ немъ ложно изображены отношенія лицъ, невѣрно поняты событія, перепутаны мѣста,—и, тѣмъ не менѣе, разсказу этому вѣрили, вѣрили уже потому, что не имѣли возможности и, быть можетъ, не желали ближе ознакомиться съ жизнью солунскихъ братьевъ. Въ XIV стол., когда уже римская церковь причла Кирилла и Меѳодія къ лику святыхъ, въ Моравіи составился слѣдующій разсказъ: Меѳодій, будучи уже архіепископомъ моравскимъ, отправляется въ Римъ, чтобъ увезти съ собою своего брата Кирилла; въ Римѣ узнаетъ Меѳодій о смерти Кирилла и проситъ у папы дозволенія увезти тѣло брата, котораго Моравія такъ почитаетъ; папа не соглашается отпустить изъ Рима мощи Кирилла, и Меѳодій рѣшается на воровство; ночью, тайкомъ, входитъ онъ въ церковь св. Климента и уноситъ съ собою тѣло Кирилла; онъ уже нѣсколько дней несетъ драгоцѣнное сокровище, направляясь въ Моравію: однажды, усталый, онъ пріостановился въ одномъ «пріятномъ мѣстѣ», какихъ въ Италіи много, для отдохновенія; когда же, отдохнувъ, Меѳодій хотѣлъ продолжать путь, онъ никоимъ образомъ не могъ сдвинуть съ мѣста святое тѣло: въ крайности Меѳодій прибѣгаетъ къ молитвѣ и проситъ, чтобъ ему было указано, куда онъ долженъ отнести святое тѣло брата;

тогда Кириллъ приподымаетъ правую руку и указываетъ на Римъ, давая тѣмъ знать, что Меѳодій долженъ отнести его обратно въ Римъ: Меѳодій несетъ его обратно въ Римъ, гдѣ папа и народъ снова кладутъ его на прежнее мѣсто, въ церкви св. Климента. Но Меѳодій былъ не одинъ: спутники его видѣли это чудо, и ихъ разсказъ, переходя отъ потомства къ потомству, достигъ до составителя моравской легенды, со словъ которой мы передали разсказъ объ этомъ чудѣ.

Не стало Константина. Меѳодій остался одинъ. Святое дѣло просвѣщенія славянъ, начатое совмѣстно съ братомъ, сосредоточиваетъ теперь на себѣ все его вниманіе, становится главною цѣлью его жизни. Если прежде Меѳодій отказывался отъ чести быть посвященнымъ въ епископскій санъ, находя себя недостойнымъ того, то теперь онъ принялъ посвященіе въ архіепископы, считая то необходимымъ для самаго дѣла.

Отправляя архіепископа Меѳодія въ Моравію, папа снабдилъ его особымъ посланіемъ къ герцогу Ростиславу, въ которомъ увѣщавалъ его быть вѣрнымъ законамъ христіанской вѣры, дозволилъ служить обѣдню на славянскомъ языкѣ [1]) и, быть можетъ, извѣщалъ его о смерти Кирилла. Прибывъ въ Моравію, Меѳодій былъ повсюду, въ городахъ и селахъ, съ радостью встрѣчаемъ народомъ; но вѣсть о смерти Кирилла, вызывая искреннія слезы сожалѣнія, ложилась темною тѣнью на радостный день встрѣчи Меѳодія.

Недолго оставался Меѳодій въ Моравіи: Ростиславъ, вызвавшій византійскихъ миссіонеровъ въ свою страну, томится въ баварскихъ темницахъ; его племянникъ Святополкъ занимаетъ герцогскій тронъ Моравіи; война моравовъ съ нѣмцами поглощаетъ всѣ силы, сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе моравскаго народа, и Меѳодій переноситъ свою славянскую проповѣдь въ другую землю, болѣе мирную, болѣе доступ-

[1]) *Бильбасовъ*, I, 110.

ную святому дѣлу просвѣщенія, въ Паннонію. Долго ли оставался Меѳодій въ Панноніи—легенды не знаютъ; не знаютъ того и документальные источники; по соображеніямъ нѣкоторыхъ данныхъ мы можемъ лишь догадываться, что въ 874 году Меѳодій снова прибылъ въ Моравію.

Какъ въ Панноніи, такъ и въ Моравіи Меѳодій учитъ народъ, укрѣпляетъ его въ вѣрѣ, служитъ на славянскомъ языкѣ, продолжаетъ дѣло, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какъ прежде, такъ и теперь эта дѣятельность Меѳодія возбуждаетъ неудовольствія, противодѣйствія, наконецъ официальный протестъ со стороны нѣмецкаго духовенства [1]).

Легендамъ извѣстны нѣкоторыя черты изъ этой борьбы Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ, черты исторически вѣрныя и чрезвычайно важныя для общей ея характеристики; но форма, въ которой эта борьба записана въ легендахъ, носитъ на себѣ отпечатокъ своего легендарнаго происхожденія.

Легенды знаютъ, что вопросъ объ исхожденіи Св. Духа входилъ въ борьбу, какъ одинъ изъ элементовъ раздора и ненависти нѣмецкаго духовенства, страдавшаго «іопаторскою ересью», противъ Меѳодія, который всѣми силами противодѣйствовалъ «введенной франками порчѣ, учившей, что Сынъ рожденъ отъ Отца и что Св. Духъ исходитъ отъ Сына». Легенды знаютъ, что нѣмецкое духовенство, «обманувъ лестью Святополка, сдѣлало его полнымъ сторонникомъ своего ученія», что Святополкъ, «человѣкъ варварскій, не понимавшій добра, рабъ плотскихъ наслажденій, утопавшій въ грязи срамныхъ поступковъ, вовсе не обращалъ вниманія на слова Меѳодія, посрамлявшаго всякую горечь наслажденія, вреднаго для души, и обращался съ нимъ какъ съ врагомъ». Такое поведеніе Святополка легенды приписывали вліянію дьявола. Въ нѣсколько иномъ свѣтѣ представляется Святополкъ историку, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести

[1]) Возможно полное изложеніе этого вопроса по документальнымъ источникамъ см. *Бильбасовъ*, I, 73 и слѣд.

прекрасныя слова Ф. Палацкаго: «Если величіе историческихъ личностей измѣрять только результатомъ ихъ дѣяній, то Святополкъ долженъ быть поставленъ въ исторіи гораздо выше своего предшественника, Ростислава. Чего Ростиславъ не вполнѣ достигъ послѣ долгихъ войнъ, того Святополкъ достигъ скорѣе и полнѣе, ибо съ того времени верховность Германіи надъ Моравіей стала лишь буквою и зависѣла отъ доброй воли моравскихъ государей. Но Святополкъ ниже своего дяди какъ по величію мысли, такъ и по чистотѣ и твердости воли. Ростиславъ боролся болѣе за благородную идею, за независимость своей земли и народа; Святополкъ же болѣе ради увеличенія своей силы и власти. И какъ бы козни его враговъ не оправдывали употребленіе имъ тѣхъ же средствъ, все-таки благородное чувство никогда не можетъ примириться съ дѣяніями, лишенными честности и правды. Правда, Святополкъ былъ сильный властелинъ: онъ расширилъ во всѣ стороны границы своего царства, былъ страшенъ врагамъ и, казалось, прочно устроилъ свое царство; но онъ далъ собою еще одно лишнее доказательство тому часто подтверждающемуся въ исторіи положенію, что новыя государства и новыя династіи основываются всегда духовною мощью, но очень рѣдко на моральномъ величіи» [1]).

Борьба Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ представлена легендами въ формѣ суда надъ Меѳодіемъ. Гдѣ и когда производился этотъ судъ—неизвѣстно, но извѣстно, что членами суда были нѣмецкіе епископы, предсѣдателемъ суда—Святополкъ.

Подсудимый Меѳодій велъ себя съ достоинствомъ. Пренія продолжались долго; Меѳодію было предложено нѣсколько вопросныхъ пунктовъ, но легенды упоминаютъ лишь объ одномъ, который они справедливо считали самымъ главнымъ источникомъ борьбы: Моравія и Паннонія уже давно были причислены

[1]) *Palacky*, II, 5, str. 151.

къ Зальцбургской церковной провинціи, и нѣмецкое духовенство видѣло нарушеніе своихъ правъ въ архіепископскомъ санѣ Меѳодія; оно не признавало за нимъ этого сана, не дозволяло ему отправлять въ тѣхъ земляхъ епископскія обязанности: «въ нашемъ царствѣ учишь», говорили ему съ укоромъ баварскіе епископы. Меѳодій отвергалъ самый фактъ принадлежности Моравіи и Панноніи Зальцбургской провинціи: его отвѣтъ формулированъ легендою въ довольно оригинальныхъ словахъ: «Если бы я сознавалъ, что эти страны принадлежатъ вамъ, я удалился бы: но онѣ принадлежатъ св. Петру; если же вы, вслѣдствіе честолюбія и другихъ нечистыхъ побужденій, будете препятствовать божескимъ постановленіямъ, то берегитесь, чтобъ, желая пробить головою желѣзную гору, не повредили вы себѣ мозга!» Такая рѣчь раздражила судей: «За такую гнѣвную рѣчь худо тебѣ будетъ, Меѳодій». Эта угроза вызвала прекрасныя слова Меѳодія: «Я говорю истину передъ королями, и не стыжусь; вы же можете дѣлать со мною, что хотите: я не лучше тѣхъ, которые приняли мученическій вѣнецъ за слово правды». Когда споръ такимъ образомъ продолжался и Меѳодій заставлялъ своихъ враговъ молчать, король вмѣшался въ судебныя пренія и сказалъ съ насмѣшкою: «Не утомляйте моего Меѳодія; онъ уже начинаетъ потѣть, какъ будто бы стоитъ близъ печки». Меѳодій понялъ насмѣшку и отвѣчалъ: «Да, государь; когда одного философа спросили, отчего онъ вспотѣлъ, мудрецъ отвѣчалъ, что спорилъ съ глупцами». Поняли, въ свою очередь, и судьи намекъ Меѳодія: они приговорили его къ ссылкѣ въ Швабію, гдѣ онъ содержался въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. Только спустя два съ половиною года узналъ папа, что поставленный имъ архіепископъ морав-паннонской церкви содержится въ заточеніи. Разгнѣвался папа: онъ наложилъ интердиктъ на землю тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ судѣ надъ Меѳодіемъ, запретилъ совершать богослуженіе въ ихъ церквахъ до тѣхъ поръ, пока они не освободятъ Меѳодія.

Такой приговоръ папы испугалъ судей Меѳодія: онъ тотчасъ же былъ освобожденъ; но, отсылая его къ Коцелу, они грозили ему враждою, если онъ удержитъ при себѣ Меѳодія. Заступникомъ же за Меѳодія является самъ св. ап. Петръ: четверо изъ епископовъ, осудившихъ Меѳодія, умерли.

Въ настоящее время уже невозможно пренебрегать законами исторической критики настолько, чтобы признавать въ приведенномъ легендарномъ разсказѣ историческій фактъ: но, быть можетъ, въ немъ высказалось представленіе потомства о судѣ, произведенномъ папою, въ Римѣ, надъ мораво-паннонскимъ архіепископомъ.

Въ подобной же сказочной формѣ высказанъ легендами фактъ подлога, сдѣланнаго Вихингомъ, и составлявшаго, какъ извѣстно, одно изъ средствъ борьбы нѣмецкаго духовенства съ Меѳодіемъ. Въ легендахъ это передано въ слѣдующемъ видѣ: Дьяволъ возбудилъ противъ Меѳодія тѣхъ, которые страдали «попаторскою» ересью, и они говорили, что папа вручилъ имъ всю власть, а Меѳодія повелѣлъ изгнать вмѣстѣ съ его ученіемъ. Опечалились моравляне, стали грустить, теряя своего любимаго учителя, и лишь люди слабые, которыхъ заблужденіе носитъ въ разныя стороны, какъ вѣтеръ листья, оставались равнодушны къ предстоящей потерѣ. Но не повѣрили моравскіе люди словамъ нѣмецкихъ епископовъ: они потребовали, чтобъ имъ было прочтено папское посланіе, которымъ Меѳодій изгонялся изъ ихъ страны. Прочитавъ же апостольское посланіе, нашли, что въ немъ папа съ похвалою отзывается о Меѳодіѣ и передаетъ ему въ управленіе всѣ славянскія области. И посрамленные, разошлись нѣмецкіе епископы, какъ туманъ, со стыдомъ.

Когда моравляне ознакомились съ нѣмецкимъ духовенствомъ, они изгнали его представителей изъ земли своей; когда Меѳодій прибылъ въ землю Моравскую, съ того времени стало расти ученіе Божіе и границы Моравскаго царства стали расширяться на счетъ побѣжденныхъ ими сосѣдей.

Но ни то, ни другое обстоятельство не послужило урокомъ и указаніемъ для Святополка: онъ попрежнему принималъ сторону нѣмецкаго духовенства въ борьбѣ его съ Меѳодіемъ, попрежнему допускалъ всякаго рода несправедливости относительно своего архіепископа. Меѳодій долго и много терпѣлъ; со смиреніемъ сносилъ онъ обиды и оскорбленія; но дальнѣйшая уступчивость съ его стороны была уже предосудительною. дальнѣйшее объясненіе съ нѣмецкимъ духовенствомъ становилось невозможнымъ, и Меѳодій отлучилъ отъ церкви своихъ противниковъ, наложилъ интердиктъ на ихъ области. Легенды догадываются, что Меѳодій, прежде чѣмъ приступить къ такой крайней мѣрѣ, часто повторялъ слова Псалмопѣвца, видя въ нихъ указаніе, примѣръ для себя; Меѳодій говорилъ: «Не сяду въ совѣтѣ злыхъ и со злодѣями не пребуду, но примкну къ невиннымъ и окружу алтарь Бога моего».

Оставляя Византію для сопровожденія своего брата въ славянскія земли, Меѳодій оставилъ въ Константинополѣ свою старушку мать. Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ. Кирилла не было уже въ живыхъ, умерла, вѣроятно, и мать его. Византія, хранившая останки милыхъ сердцу Меѳодія, отца и матери, стала для него теперь еще дороже. Желаніе Меѳодія посѣтить Царьградъ является слишкомъ естественнымъ, чтобъ можно было серьезно отвергать его. Труды, понесенные Меѳодіемъ на пользу просвѣщенія славянскихъ племенъ, нѣкогда столь страшныхъ для Византіи, были слишкомъ велики, чтобъ можно было сомнѣваться въ благодарности со стороны императора; эти труды, разносившіе свѣтъ христіанскаго ученія по бѣднымъ хижинамъ языческихъ славянъ, заслуживали Меѳодію искреннее благословеніе со стороны константинопольскаго патріарха. Встрѣчая въ легендахъ указаніе на поѣздку Меѳодія въ Царьградъ, на радушный пріемъ, оказанный ему императоромъ и патріархомъ, мы не можемъ отказать этому извѣстію въ извѣстной степени исторической до-

стовѣрности, хотя самый разсказъ носитъ на себѣ черты легендарныхъ сказаній.

Злоба нѣмецкаго духовенства не имѣла предѣловъ: они говорили, что императоръ такъ разгнѣвался на Меѳодія, что, конечно, онъ не останется въ живыхъ, если попадетъ въ руки императора. Господь же милосердый не потерпѣлъ такой хулы своего раба и научилъ императора пригласить къ себѣ Меѳодія особымъ посланіемъ. «Достопочтенный отецъ,—писалъ императоръ,—очень желаю тебя видѣть: будь добръ, прибудь поскорѣе къ намъ, чтобъ мы тебя видѣли, пока ты еще на семъ свѣтѣ, и приняли бы твою молитву». Меѳодій прибылъ въ Царьградъ, былъ принятъ императоромъ и патріархомъ съ великою почестью и радостью; они одобрили его ученіе; императоръ выполнилъ всю его волю, что тотъ только хотѣлъ, ни въ чемъ ему не отказалъ, и передъ отъѣздомъ Меѳодія обратно въ Моравію, много одарилъ его.

Уже въ этомъ разсказѣ легенда выводитъ на сцену божеское вмѣшательство въ дѣла Меѳодія: Господь служитъ посредникомъ между византійскимъ императоромъ и моравскимъ архіепископомъ. Мы видимъ въ этомъ лишь особенный, свойственный легендамъ складъ мысли и образъ представленія, чѣмъ нельзя уже объяснять другихъ извѣстій, носящихъ иной характеръ. Если Кириллъ, по смерти своей, творилъ чудеса, то Меѳодій, еще при жизни, обладалъ пророческимъ даромъ. Легенды знаютъ много пророчествъ Меѳодія, которыя всѣ исполнялись; онѣ передаютъ намъ въ видѣ примѣра и назиданія только нѣкоторыя изъ нихъ.

Польскій князь, язычникъ, сильный повелитель привислянскихъ областей, ругался надъ христіанами, мучилъ ихъ. Меѳодій послалъ къ нему гонца съ такою рѣчью: «Лучше тебѣ, сынъ, окреститься добровольно, на своей землѣ, чѣмъ, будучи взятымъ въ плѣнъ, на чужбинѣ, по принужденію»;—еже и бысть, прибавляетъ легенда, не входя въ дальнѣйшія объясненія.

Въ другой разъ, когда Святополкъ велъ войну съ языч-

никами и не только не имѣлъ успѣха, но былъ принужденъ отступить, Меѳодій послалъ сказать Святополку: «Обѣщай мнѣ, что проведешь у меня на молитвѣ со всѣми твоими воинами наступающій день св. Петра, и я вѣрую во Господа, что за это враги скоро будутъ преданы въ руки твои»:— еже и бысть.

Третій примѣръ болѣе замѣчателенъ, такъ какъ въ немъ пророчество Меѳодія соединяется съ чудомъ Господа. Одинъ изъ совѣтниковъ Святополка, человѣкъ очень богатый, былъ женатъ на сестрѣ жены своего брата; Меѳодій много наставлялъ, долго убѣждалъ, но никакъ не могъ расторгнуть бракъ ихъ; нѣмецкіе же священники, принявъ личину смиренныхъ рабовъ Божіихъ, льстили богатому вельможѣ ради денегъ, тайно потворствовали разврату, чтобы тѣмъ вѣрнѣе отдалить его отъ представителя славянской церкви; Меѳодій сказалъ этой четѣ: «Придетъ время, когда нѣмецкіе священники не въ состояніи будутъ помочь вамъ; тогда вы вспомните мои слова, но будетъ уже поздно». И внезапно отступился отъ нихъ Господь, и постигла ихъ пакость велія, и исчезло даже мѣсто ихъ, какъ будто вихрь разсѣялъ все прахомъ...

Украсивъ своего героя сверхъестественными дарами, легенды относятъ къ нему, приписываютъ Меѳодію то, что совершилось во время его жизни, но, быть можетъ, не имъ.—мы разумѣемъ разсказъ о крещеніи чешскаго герцога.

Христіанство проникло въ Чехію въ половинѣ IX вѣка; болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ концѣ того столѣтія былъ окрещенъ въ христіанскую вѣру и герцогъ чешской земли. Легенды такъ передаютъ ближайшій мотивъ и послѣдствія крещенія:

«Въ домѣ Святополка большой пиръ; хозяинъ, указывая гостямъ ихъ мѣста, посадилъ чешскаго герцога Боривоя подъ столъ, говоря, что непристойно язычнику сидѣть за столомъ, рядомъ съ христіанами. Неизвѣстно, во время ли нахожденія Боривоя подъ столомъ или послѣ, только Меѳодій склонилъ

его къ принятію христіанской вѣры, соблазняя его предсказаніями, что какъ онъ, такъ и его потомки будутъ самыми могущественными изъ всѣхъ князей и королей. Языческій князь не устоялъ предъ такимъ соблазномъ и крестился; по возвращеніи его на родину, въ Чехію, приняла крещеніе и его супруга, Людмила: они долго еще жили послѣ того и, наконецъ, умерли, оставивъ въ своей благочестивой жизни примѣръ намъ въ назиданіе».

Съ именемъ же Меѳодія легенды связываютъ разсказъ о посѣщеніи имъ венгерскаго короля въ землѣ придунайской,— разсказъ, въ которомъ Меѳодій не могъ быть дѣйствующимъ лицомъ: «Когда венгерскій король прибылъ въ придунайскія земли [1]), онъ страстно восхотѣлъ видѣть Меѳодія; многіе не совѣтовали Меѳодію идти къ нему, полагая, что король замучитъ святого, но Меѳодій отправился; венгерскій король принялъ его почетно и торжественно, какъ то прилично государю, бесѣдовалъ съ нимъ, одарилъ его подарками при прощаніи и сказалъ Меѳодію: «Поминай меня, честной отецъ, въ твоихъ святыхъ молитвахъ».

Труденъ и тяжелъ былъ жизненный путь Меѳодія; со времени смерти своего брата Кирилла, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, онъ былъ поставленъ въ необходимость вести постоянную борьбу съ врагомъ сильнымъ, лукавымъ; ему выпало на долю вынести первому на своихъ плечахъ всѣ честолюбивые ковы латино-нѣмецкаго духовенства, зародыши которыхъ уже въ то время ясно пробивались изъ-подъ оболочки благочестія и религіозности. Еще не сплотили въ то время враги славянъ свои замыслы въ одну цѣльную систему, еще въ Римѣ не было произнесено слово отверженія всѣхъ народовъ, получившихъ христіанство не изъ Рима, и личные, частные мѣстные виды и цѣли вызвали цѣлый рядъ преслѣдованій и бореній тѣмъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ были они мелочнѣе. При-

[1]) Что случилось нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Меѳодія.

поминая всѣ невзгоды, претерпѣнныя Меѳодіемъ, всѣ боренія, имъ перенесенныя, всѣ бѣдствія, имъ испытанныя, легенды примѣняютъ къ нему рѣчь ап. Павла, въ которой онъ описываетъ свои страданія. «На всѣхъ путяхъ,—говорятъ легенды,—Меѳодій былъ вводимъ дьяволомъ въ опасности, отъ разбойниковъ на сушѣ и на морѣ отъ бурь; онъ проводилъ жизнь въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, голодѣ и жаждѣ». Самая же изнурительная изъ всѣхъ опасностей была та борьба, которую объявили мораво-паннонскому архіепископу баварскіе епископы съ зальцбургскимъ первосвященникомъ во главѣ; эта опасность, кромѣ открытой борьбы, выражалась въ тайной враждѣ, и нѣмецкое духовенство постоянно, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, оскорбляло Меѳодія цѣлымъ рядомъ несправедливостей, мучило его всякаго рода искушеніями.

Меѳодій усталъ отъ этой борьбы; тревоги бурной жизни изнурили его; года лишили его прежней бодрости; онъ состарѣлся отъ прожитыхъ лѣтъ, еще болѣе отъ вынесенныхъ невзгодъ, и не находилъ уже въ себѣ ни прежнихъ силъ, ни прежней энергіи. Въ послѣдніе годы жизни его мы видимъ, какъ онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ общества, рѣже посѣщаетъ дворъ герцога, чаще остается въ своей кельѣ; спокойный, умственный трудъ онъ предпочитаетъ безпокойной соціальной борьбѣ съ нѣмецкою партіею...

Этотъ умственный трудъ Меѳодія готовилъ славянамъ самое надежное оружіе для борьбы съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ: продолжая дѣло, начатое вмѣстѣ съ братомъ, Меѳодій занялся теперь переводомъ греческаго текста Св. Писанія на славянскій языкъ. Единогласное свидѣтельство всѣхъ легендъ не оставляетъ сомнѣнія, что Кириллъ и Меѳодій переводили Св. Писаніе, но что̀ именно перевелъ Меѳодій—вопросъ, который надолго, если не навсегда, останется неразрѣшеннымъ для ученыхъ, но не для легендъ. Легенды знаютъ, что̀ именно было переведено Меѳодіемъ; онѣ знаютъ

даже внѣшнія подробности перевода и не думають ошибиться, высчитывая дни, употребленные имъ для этого труда.

Меѳодій выбралъ изъ своихъ учениковъ двухъ пресвитеровъ, которые отличались не только умѣньемъ скоро писать, но и знаніемъ обоихъ языковъ, греческаго и славянскаго: при помощи ихъ онъ перевелъ всѣ книги Св. Писанія, за исключеніемъ Маккавейскихъ: переводъ былъ сдѣланъ въ самое короткое время, въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ марта по 26-е октября. Окончивъ трудъ, Меѳодій отслужилъ благодарственный молебенъ Господу и установилъ праздновать день памяти св. Димитрія, какъ день окончанія своего труда.

Окончивъ трудъ перевода Св. Писанія, Меѳодій какъ бы выполнилъ важнѣйшее назначеніе своей дѣятельности, главную задачу своей жизни, и умеръ. Про него болѣе, чѣмъ про Кирилла, можно сказать, что «ему дозволено было пребывать въ тѣлѣ лишь время, необходимое для перевода Св. Писанія». Наступило для Меѳодія время предстать предъ Всевышнимъ Судіею и принять награду за труды. Легенды сохранили намъ подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Меѳодія.

Любимѣйшие изъ учениковъ Меѳодія окружали его въ последніе дни и съ грустью видѣли, какъ постепенно слабѣли силы ихъ учителя; они не отходили отъ постели Меѳодія, которую онъ съ трудомъ лишь могъ покидать, и то на короткое время. Предвидя неминуемый исходъ болѣзни и озабочиваясь судьбою устроенной имъ славянской церкви, ученики Меѳодія желали, чтобъ онъ самъ назначилъ себѣ преемника. Меѳодій указалъ на Горазда: «Вотъ благородный мужъ вашей родины; онъ и свѣдущъ въ Писаніи и вполнѣ православенъ; да будетъ онъ угоденъ Богу и вамъ, какъ онъ угоденъ мнѣ». Наступило вербное воскресенье. Меѳодій собралъ свои послѣднія силы и былъ перенесенъ въ церковь, гдѣ благословилъ Святополка и окружавшихъ его вельможъ, духовенство и народъ. Къ народу онъ обратилъ свое послѣднее слово увѣщанія: «Возлюбленныя дѣти мои,—сказалъ онъ —вы знаете,

какъ сильны еретики въ злобѣ; вы знаете, какъ они, искажая слово Божіе, стараются напоить ближнихъ ученіемъ ложнымъ, нечистымъ; вы знаете тѣ средства, которыя они употребляютъ—убѣжденіе для невѣдущихъ, жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь на васъ и молюсь за васъ; молюсь, да устоите противъ тѣхъ средствъ; надѣюсь, что, основанные на камнѣ апостольскаго ученія, на которомъ основана и сама церковь, вы не увлечетесь убѣдительностью ихъ словъ, не соблазнитесь лестью, не отступите передъ страхомъ жестокости; вспомните слова Писанія: «Не страшитесь тѣхъ, которые хотя и убиваютъ тѣло, но не могутъ погубить душу». Я говорю и предваряю васъ,—и вы такимъ образомъ становитесь отвѣтственными за грѣхъ, о которомъ вы были упреждены. Я не повиненъ болѣе въ вашей крови: я не молчалъ изъ страха; я всегда бодрствовалъ на стражѣ, и теперь говорю вамъ: будьте осторожны; охраняйте сердца ваши и братій вашихъ: вы будете ходить среди козней. Дни мои сочтены; послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ стараться соблазнить народъ; но вы тѣмъ противустойте, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщаетъ вамъ св. ап. Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ и отъ Него предвѣчно рожденный Сынъ и Св. Духъ, отъ Отца исходящій, да научатъ васъ всякой истинѣ и да сохранятъ васъ непорочными». Таково было прощальное слово Меѳодія къ народу; оно глубоко запало въ душу его учениковъ, которые повторяли его, какъ предсмертный завѣтъ учителя, передавали, какъ святыню, своимъ послѣдователямъ и сохранили его до нашего времени.

6-е апрѣля 885 г. было тяжелымъ днемъ для всѣхъ славянскихъ священниковъ: Меѳодій предсказалъ, что тотъ день будетъ послѣднимъ днемъ его жизни, и ученики были убѣждены, что слова учителя сбудутся. Съ самаго утра его окружили любимѣйшіе изъ учениковъ; пресвитеры и іереи поддерживали его, такъ какъ онъ не могъ уже сидѣть на постели.

«Господи, въ руки Твои предаю духъ мой», сказалъ Меѳодій и скончался.

Никогда еще столица Моравіи не видѣла такихъ торжественныхъ похоронъ, какъ тѣ, которыми была отдана послѣдняя честь первому славянскому архіепископу. Въ сопровожденіи многочисленнаго народа тѣло было принесено въ соборъ. Обрядъ отпѣванія былъ совершенъ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ—въ соборной церкви; здѣсь же, за алтаремъ св. Богородицы, на лѣвой сторонѣ, въ стѣнѣ, былъ положенъ гробъ Меѳодія...

Умеръ Меѳодій, и вслѣдъ за его смертью «ересь подымаетъ главу свою».

Латино-нѣмецкое духовенство и его представители въ Моравіи хорошо понимали значеніе выбора Горазда въ архіепископы мораво-паннонской церкви; они сознавали, что, умирая, Меѳодій выставлялъ въ немъ живого противника ихъ притязаніямъ. Усиліями нѣмецкой партіи, захватившей теперь въ свои руки всю власть при дворѣ моравскаго герцога, Гораздъ былъ лишенъ своего епископскаго достоинства, въ которое былъ поставленъ личный врагъ Меѳодія, ярый противникъ славянскаго богослуженія, епископъ нистранскій, Алеманъ Вихингъ.

Ученикамъ Меѳодія была объявлена со стороны нѣмецкаго духовенства открытая борьба; легенды выставляютъ главнымъ предметомъ раздора вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, но не забываютъ упомянуть также и о противодѣйствіи, которое ученики Меѳодія оказывали Вихингу, котораго они не признавали архіепископомъ; они не соглашались отказаться отъ ученія Меѳодія, не считая того ученія «сгнившимъ уже и мертвымъ». Твердая увѣренность послѣдователей Меѳодія въ правоту преподаннаго имъ ученія, ихъ спокойная рѣшимость защищать то ученіе, наконецъ, неопровержимость доводовъ по вопросу объ исхожденіи Св. Духа раздражали нѣмецкую пар-

тію. Во время преній, они зажимали себѣ уши, кричали, производили безпорядокъ, готовы были поднять руки на славянскихъ священниковъ, видя въ насиліи лучшую помощь для своего безсильнаго слова.

Во главѣ нѣмецкой партіи стоялъ Вихингъ, человѣкъ, какъ мы видѣли, безнравственный настолько, что не только оправдывалъ, но и самъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, лишь бы они вели къ цѣли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ прибѣгнулъ къ подлогу для оклеветанія Меѳодія въ глазахъ Святополка; теперь, вскорѣ послѣ смерти Меѳодія, Вихингъ сталъ представлять моравскому герцогу учениковъ Меѳодія людьми неблагонамѣренными, которые готовятъ возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи со своимъ государемъ,—противиться ученію государя равносильно противодѣйствію его власти. Такимъ образомъ, въ распрю духовныхъ лицъ объ одномъ изъ догматовъ церкви былъ вовлеченъ самимъ духовенствомъ представитель свѣтской власти въ Моравіи, Святополкъ, человѣкъ, чуждый вопросу, ничего не понимавшій въ богословіи, какъ потому, что онъ получилъ дурное образованіе, такъ и потому, что своею порочною жизнью онъ заглушилъ въ себѣ и тѣ умственныя способности, которыя онъ получилъ отъ природы. Святополкъ, несмотря на всѣ старанія Горазда и Климента, не понялъ вопроса, принялъ сторону нѣмецкой партіи и объявилъ, что всякій, уличенный въ противодѣйствіи «франкскому ученію», будетъ выдаваемъ головою латино-нѣмецкой партіи, которая распорядится съ «невѣрующимъ», какъ то ей будетъ угодно. Нѣмецкая партія одержала верхъ.

Тяжелыми чертами описываютъ легенды то положеніе славянской партіи въ Моравіи, въ которое она была поставлена вышеприведеннымъ распоряженіемъ Святополка. «Какое слово въ силахъ изобразить то, что сдѣлала злоба, послѣ того, какъ получила власть? Одни принуждали принять коварное ученіе, другіе защищали вѣру отцовъ. Одни готовы были все сдѣ-

лать, другіе—все претерпѣть. Однихъ подвергали безчеловѣчнымъ мученіямъ, у другихъ грабили ихъ имущество, присоединяя корыстолюбіе къ нечестію; нѣкоторыхъ волочили нагими по терновымъ кустамъ, и этому подвергали людей престарѣлыхъ»... Еще съ большимъ ожесточеніемъ обращалась нѣмецкая партія со славянскими священниками и дьяконами, поставленными Меѳодіемъ: злоба противъ нихъ была такъ велика, что, по словамъ легенды, ихъ предавали іудеямъ. Но для нѣмецкой партіи не были столь опасны пресвитеры и дьяконы, еще менѣе сторонники славянскаго богослуженія изъ народа; наибольшую злобу антиславянской партіи вызывали тѣ изъ учениковъ Меѳодія, которые были учителями и, такимъ образомъ, прямыми продолжателями дѣла святыхъ славянскихъ первоучителей; въ лицѣ ихъ «Меѳодій и по смерти являлся живымъ противникомъ» латино-нѣмецкаго духовенства.

Изъ числа многихъ пять человѣкъ были любимѣйшими учениками Меѳодія; они, по смерти Меѳодія, стали во главѣ славянскаго дѣла; имена ихъ сохранены намъ легендой: Гораздъ, избранный Меѳодіемъ, его преемникъ, Климентъ, ученѣйшій изъ всѣхъ, Лаврентій, Наумъ, Ангеларій. Эти лица были главными, наиболѣе опасными противниками нѣмецкой партіи; противъ нихъ были приняты наиболѣе строгія мѣры: «этихъ и многихъ другихъ знаменитыхъ мужей, заковавши въ кандалы, держали въ темницѣ, въ заключеніи, не допуская къ нимъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ». Легенда знаетъ, что за несчастныхъ заключенныхъ вступился Господь, трижды ниспосылавшій «трусъ велій», отъ котораго оковы спадали съ мучениковъ; раздраженные, быть можетъ, этимъ враги, пользуясь дозволеніемъ князя, подвергаютъ заключенныхъ новымъ истязаніямъ: ихъ вывели изъ темницы и безчеловѣчно били, не обращая вниманія ни на сѣдины, ни на слабость. Муки и истязанія не могли, однако, поколебать тѣхъ, которые непосредственно отъ Меѳодія научились быть твердыми

въ вѣрѣ; представители нѣмецкой партіи, видя безуспѣшность своихъ жестокостей, рѣшились изгнать навсегда изъ Моравіи любимѣйшихъ учениковъ Меѳодія. Легенды такъ описываютъ самое изгнаніе: «Еретики отдали ихъ воинамъ, приказавъ отвести ихъ въ придунайскія земли, какъ людей, обреченныхъ на вѣчное изгнаніе. Воины, люди грубые—нѣмцы бо—сняли съ нихъ одежды и повлекли ихъ нагими; они прикладывали къ ихъ шеямъ мечи и подставляли къ ихъ бокамъ копья, глумясь и муча несчастныхъ. Затѣмъ воины покинули ихъ и возвратились въ городъ».

А исповѣдники Христовы направились въ Болгарію: въ Болгарію стремился духъ ихъ, въ Болгаріи надѣялись они найти успокоеніе...

ЖЕНЩИНА-ПАПА.

(Средневѣковое сказаніе).

Труды Кіев. Духовн. Академіи. 1871.

ПАПИССА IОАННА.

I.

Въ Латеранѣ, въ которомъ, какъ въ монастырѣ или во храмѣ, должны бы появляться лишь святыя монахини, насъ невольно удивляетъ блистательный рядъ величественныхъ женщинъ, стоящихъ у папскаго трона и руководящихъ главою католическаго міра, женщинъ красивыхъ и очаровательныхъ, по мнѣнію папъ, сладострастныхъ и безстыдныхъ, по отзывамъ современныхъ имъ лѣтописцевъ. Этотъ темный періодъ папской исторіи, обнимающій все X столѣтіе, обозначается въ исторической наукѣ сильнымъ выраженіемъ, неудобнымъ для нашей печати: то былъ періодъ царства публичныхъ женщинъ, эпоха разврата и прелюбодѣянія, охватившихъ всѣ слои средневѣковаго общества и осквернившихъ ступени папскаго трона плотскими нечистотами... Современникъ Ліудпрандъ, говоря о вліятельнѣйшихъ женщинахъ того періода, не щадитъ для нихъ такихъ выраженій, какъ *scortum impudens*, *meretrix perversa* и т. п. Кардиналъ Бароній отзывается объ нихъ еще рѣзче; его отзывъ мы должны предоставить догадливости читателя...

Теодора и Мароція, мать и дочь, играютъ наиболѣе видную роль въ исторіи папъ того времени. Красивая и смѣлая женщина, Теодора, какъ Семирамида Рима, появляется на темномъ фонѣ современнаго ей папства и мужественно правитъ папскою областью; сладострастная римлянка, она сумѣла воз-

вести на папскій престолъ своего любовника, Петра, архіепископа города Равенны, и не стыдилась оскверднять Латеранъ своими прелюбодѣйными связями съ папою Іоанномъ X. Дочь была красивѣе, соблазнительнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣлѣе, рѣшительнѣе своей матери: Мароція не только жила съ папою Сергіемъ III, но возвела на папскій тронъ прижитаго въ этой связи ребенка, извѣстнаго папу Іоанна XI.

Неопровержимый фактъ, что нѣкоторое время женщины распоряжались папскою короною и владѣли Римомъ, конечно, безчеститъ римлянъ той эпохи; но мы, по нашему мнѣнію, не имѣемъ права смотрѣть на тотъ періодъ чрезъ увеличительное стекло моральныхъ тенденцій. Въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ въ исторіи средневѣковаго Рима не появляется ни одного женскаго образа, и во все то полутысячелѣтіе мы видимъ лишь нѣсколько святыхъ монахинь; и это не удивительно—Римъ есть городъ по преимуществу церковный. Когда же въ X столѣтіи появляются на сценѣ нѣсколько знатныхъ римлянокъ, увлекавшихъ современниковъ своею красотою и развратомъ, потомство—своею бурною жизнью и трагическою судьбою, то онѣ ясно указываютъ на перемѣну, совершившуюся во внутренней жизни римлянъ, указываютъ на ослабленіе церковнаго элемента и на преобладаніе свѣтскаго общества.

Въ тотъ періодъ всеобщаго разложенія государственнаго и церковнаго строя, феодализмъ, создавъ двойную землевладѣльческую аристократію и закрѣпивъ неравенство сословныхъ отношеній, распространилъ во всѣхъ слояхъ общества самую грубую чувственность. Страсти, не сдерживаемыя нравственнымъ вліяніемъ церкви, пришли въ разнузданное состояніе. Благочестивыя Теутберги должны были уступить первенство безстыднымъ Вальдрадамъ. На блистательную побѣду, одержанную, во имя христіанскихъ законовъ морали, папою Николаемъ I надъ похотями нравственно-разслабленнаго короля Лотарія, на эту блистательную побѣду міръ отвѣчалъ безграничною эманципаціею плоти. Эта эманципація плоти заразила

въ то время не только свѣтское общество, но духовенство и даже монашество. Вотъ изъ чего народились тѣ Теодоры, Мароціи, Стефаніи, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Римѣ, тѣ Вальдрады, Берты, Ирменгарды, огонь страстей которыхъ развился до демоническихъ размѣровъ... Эти женщины не были смягчены внѣшнимъ блескомъ классическаго образованія, какъ, напримѣръ, Лукреція Борджіа, дочь папы; эти женщины не умѣли ни читать, ни писать [1]); онѣ жили во время самаго глубокаго варварства, и тѣмъ не менѣе, то общество, къ которому онѣ принадлежали, не было такъ испорчено, какъ въ утонченный вѣкъ Лукреціи или M-me de Pompadour. Въ Теодорѣ или Мароціи нельзя видѣть портретовъ Мессалины или Агриппины, какъ онѣ обрисованы Тацитомъ; нѣтъ,—это были честолюбивыя женщины, съ большимъ умомъ и характеромъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ женщины, онѣ были преисполнены сладострастія, властолюбія, хитрости. Ихъ образы даютъ предчувствовать, правда, грубую, но болѣе развитую жизнь свѣтскаго общества въ церковной атмосферѣ Рима, ихъ образы прерываютъ на время монастырскую монотонность римской исторіи среднихъ вѣковъ...

Мужчины въ этомъ отношеніи всегда виновнѣе и хуже женщинъ. Разсматриваемая эпоха не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, ни даже въ духовномъ сословіи.

Зависимость церкви отъ государства уничтожила духовную власть, обративъ ее въ чисто свѣтскую, со всѣми страстями и наклонностями послѣдней. Епископы и аббаты сопровождали короля на войну, какъ феодальные бароны. Капитуляріи Карла В., запрещавшіе духовенству выступать въ поле, утеряли свою силу предъ требованіями феодализма. Въ XI столѣтіи военная служба была личною обязанностью, отъ которой могло освободить епископа лишь особое разрѣшеніе; сами папы

---

[1]) На одномъ актѣ вмѣсто подписи Мароціи находится приписка съ слѣдующимъ откровеннымъ сознаніемъ: Signum † manu suprascripta Marozza nobilissima femina donatrice qui supra lra n. (literae nescia).

призывали епископовъ на войну, подобно тому, какъ они вызывали ихъ на соборъ; прелаты католической церкви участвовали въ битвахъ, командовали войсками; быть храбрымъ воиномъ составляло такую же славу для епископа, какъ быть добрымъ пастыремъ.

Нравы духовенства соотвѣтствовали ихъ воинскимъ наклонностямъ. «Священники, — по словамъ одного современника, —проводятъ дни въ кабакахъ; они являются къ обѣднѣ пьяными со вчерашней еще попойки и оскверняютъ своею рвотою тѣло и кровь божественнаго агнца». Лица духовныя отличались отъ свѣтскихъ лишь «бритою бородою», какъ увѣряетъ одно духовное лицо. Архіепископъ Вероны, собравъ духовныхъ лицъ своего діоцеза, нашелъ, что многія изъ нихъ не знаютъ Символа Вѣры, не могутъ прочесть *Credo.*

Пьянство и невѣжество привели католическое духовенство къ такой деморализаціи, разсказами о которой мы боимся оскорбить чувство стыдливости нашихъ читателей. Папа Бенедиктъ VIII, публично, на соборѣ, укорялъ священниковъ въ томъ, что «они бросаются на женщинъ, какъ жеребцы на кобылъ, и, подобно свиньямъ Епиктета, считаютъ сладострастіе высшимъ благомъ». Другой современникъ записалъ: «Всякій знаетъ мѣста, гдѣ развратничаютъ священники; всякій знаетъ имена ихъ любовницъ; всѣ видятъ, какъ слуги носятъ къ нимъ записочки и подарки; всѣ слышатъ громкій, полупьяный смѣхъ; невозможно скрыть беременность женщинъ, невозможно заглушить крикъ новорожденныхъ». Не только святость мѣста, даже святость совершаемаго таинства не спасала женщину отъ развратной похотливости духовныхъ лицъ. Описывая нравы духовенства Даміани писалъ папѣ Льву IX, между прочимъ, слѣдующее: «Мерзости, которыя я раскрою вамъ, такъ ужасны, что я стыжусь довести ихъ до свѣдѣнія Вашей Святости; но я вооружаюсь храбростью медика: если врачъ отступитъ отъ гнойной язвы, кто же ее вылѣчитъ? Противуестественный развратъ сталъ язвою, свирѣпствующею въ чле-

нахъ церкви. Какое изобрѣсть наказаніе для священника, который предается разврату со своими духовными дѣтьми? Изъ кающейся онъ дѣлаетъ развратницу; ту, которую онъ долженъ бы возродить къ новой жизни таинствомъ покаянія, предаетъ онъ во власть дьявола соблазномъ своего разврата!..»

Развратъ былъ повсемѣстенъ; не только въ Римѣ, онъ возсѣдалъ на папскомъ престолѣ въ лицѣ римскихъ первосвященниковъ. Римскій народъ, въ жалобѣ своей на папу Іоанна XII, поданной императору Оттону I. писалъ между прочимъ: «Что мы пишемъ, то знаетъ весь міръ; свидѣтель тому—вдова Ренье, которой онъ дарилъ драгоцѣнные кресты и золотые сосуды изъ церкви св. Петра; другой свидѣтель—Стефанетта, ея тетка, которая умерла въ родахъ, послѣ продолжительной связи съ нимъ. Но если бы даже онѣ молчали. латеранскій дворецъ громко говоритъ объ его безстыдствѣ: обиталище святыхъ стало мѣстомъ разврата... Женщины боятся входить во храмъ св. Апостоловъ, — онѣ знаютъ, сколькихъ вдовъ, женъ и дѣвицъ обезчестилъ папа».

Приводя подобныя извѣстія, кардиналъ Бароній восклицаетъ: «Іисусъ Христосъ спалъ глубокимъ сномъ во время той страшной бури!» Но не спалъ. не дремалъ здоровый духъ, трезвый смыслъ націи; народная фантазія жестоко отомстила за поруганіе дорогихъ народу чувствъ и вѣрованій; она отомстила созданіемъ колкой сатиры на высшихъ представителей духовенства, и та сатира въ теченіе многихъ вѣковъ лежала клеймомъ позора на римскихъ первосвященникахъ, въ теченіе вѣковъ ей всѣ вѣрили, и даже въ настоящее время, когда уже историческая критика вполнѣ разоблачила ея сказочный характеръ, она не перестаетъ тревожить безпокойный сонъ римскихъ епископовъ... Мы разумѣемъ созданіе фантастическаго образа паписсы Іоанны.

Сказаніе о паписсѣ Іоаннѣ, полное сказаніе, со всѣми подробностями и изукрашеніями, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«Молодая, красивая дѣвушка, дочь англосакса, рожденная въ Ингельхеймѣ, отличалась въ майнцскихъ школахъ своими необыкновенными способностями. Юный схоластъ, избѣгая чаръ ея красоты, постригся въ монахи Бенедиктинскаго ордена. Соблазнительная Агнеса нарядилась въ мужской костюмъ и приняла постриженіе въ томъ же монастырѣ. Они любили другъ друга: вмѣстѣ изучали они духовныя и свѣтскія человѣческія познанія, вмѣстѣ путешествовали—были въ Англіи, посѣтили многія страны Европы, жили въ Аѳинахъ, гдѣ красивая дѣвушка прошла высшую школу философской мудрости. Въ Аѳинахъ умеръ возлюбленный Агнесы; она переселяется въ Римъ, гдѣ принимаетъ мужское имя—*Iohannes Anglicus*. Ея познанія удивили всѣхъ римскихъ философовъ; знаменитые ученые вѣка стекались въ Римъ для слушанія ея философскихъ бесѣдъ и богословскихъ поученій; кардиналы были обворожены ею, и, тщательно скрывая отъ всѣхъ свой прекрасный полъ, она скоро стала чудомъ Рима. Ее избрали сперва въ нотаріи римской куріи, затѣмъ она была облечена въ санъ кардинала. Но это не удовлетворило Агнесу: ея честолюбивый геній стремился къ папской тіарѣ, и, по смерти Льва IV, кардиналы единогласно избрали ее, какъ теологическое совершенство. Агнеса стала папой. Первое время она вела себя хорошо, какъ было прилично если не ея полу, то ея сану; но скоро изнѣживающія удобства папскаго двора и вліяніе скоромной пищи роскошнаго папскаго стола взяли верхъ надъ честолюбіемъ и философіей,—Агнеса бросилась въ объятія своего прислужника. Долгое время все было скрыто длинною папскою одеждою; прошли роковые девять мѣсяцевъ и Агнеса, идя въ торжественной процессіи, почувствовала приближеніе родовъ: на улицѣ, между Колизеемъ и церковью св. Климента, родила она ребенка и умерла.

«Papa Pater Patrum peperit papissa papellum!

«Удивились римляне, никакъ не ожидавшіе, чтобы папа [рождать] имъ дѣтей: испугались римляне возможной на-

слѣдственности папскаго престола! Агнеса была тутъ же на улицѣ, похоронена. И на томъ мѣстѣ поставили римляне статую, изображавшую прекрасную женщину въ папскомъ облаченіи, съ ребенкомъ въ рукахъ; а возлѣ той статуи положили римляне плиту, на которой вычеканили стихъ, описывающій роды паписсы; и съ тѣхъ поръ папы обходятъ эту улицу во время торжественныхъ процессій, чтобъ избѣжать напоминанія о бывшемъ скандалѣ; и съ тѣхъ поръ вновь избранный папа садится на дырявое кресло, *ubi dicitur probari papa an sit homo*, чтобъ убѣдить кардиналовъ, что новоизбранный обладаетъ тѣмъ, чего не было у Агнесы прекрасной».

Это сказаніе о паписсѣ Іоаннѣ до настоящаго времени не потеряло того интереса, который оно возбуждаетъ въ области исторической критики: до настоящаго времени въ западной исторической литературѣ появляются труды, въ которыхъ предлагается то или другое рѣшеніе этой загадки. Вопросъ о паписсѣ Іоаннѣ представляетъ довольно обширную литературу, о которой нельзя еще сказать, что она не увеличится со временемъ новыми трудами. Всякая загадка пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, чѣмъ болѣе умовъ потрудилось надъ ея разрѣшеніемъ; загадка же о паписсѣ Іоаннѣ обратила на себя особенное вниманіе, когда нѣкоторые ученые объявили ее не разрѣшимою [1]). Какъ бы въ отвѣтъ на это заявленіе, набрасывавшее нѣкоторую тѣнь на историческую науку и выражавшее убѣжденіе въ слабости исторической критики, въ Германіи появился новый ученый трудъ [2]), въ которомъ все сказаніе о паписсѣ Іоаннѣ разобрано настолько обстоятельно, что удовлетворяетъ всѣмъ строгимъ требованіямъ исторической критики и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ

---

[1]) Der Sage muss zwar nach der vorliegenden Zeugnissen alle historische Geltung abgesprochen werden; dennoch ist sie, auch abgesehen von der theils am Tage liegenden, theils nur geargwöhnten Fälschung der Akten, als ein noch immer ungelöstes und wahrscheinlich nie zu lösendes Räthsel der historischen Kritik zu bezeichnen. *Kurtz*, Handb. der Kircheng., 1856, II. I. 225.

[2]) *Döllinger*, Die Papst-Fabeln des Mittelalters. 1863.

томъ, что «женщина-папа» принадлежитъ къ области сказочныхъ вымысловъ.

Не такъ давно, въ нашей русской литературѣ, написса Іоанна была объявлена лицомъ историческимъ, дѣйствительно существовавшимъ, въ сочиненіи, предназначенномъ для руководства нашего русскаго юношества. Свящ. Михайловскій, основываясь на трудѣ, лишенномъ научнаго характера [1]), объявилъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій [2]), что «результатомъ всѣхъ изслѣдованій о паписсѣ Іоаннѣ остается убѣжденіе, что на римскомъ папскомъ престолѣ болѣе двухъ лѣтъ возсѣдала женщина въ мужскомъ одѣяніи съ юношескими слабостями».

Интересы строгой науки и педагогическое требованіе здоровой пищи для развитія юнаго ума побуждаютъ насъ подробно разсмотрѣть сказаніе о паписсѣ Іоаннѣ и способствовать тому, чтобы въ русской литературѣ не принималось за историческій фактъ такое явленіе, сказочный характеръ котораго вполнѣ раскрытъ и объясненъ историко-критическою школою въ Германіи.

II.

Разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ не извѣстенъ современнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ [3]); отнесенный народною фантазіею

[1]) *O. Andreae*, Ein Weib auf dem Stuhle Petri oder das wieder geöffnete Grab der Päpstin Iohanna. Eine Vergleichung der für und wider dieselbe sprechenden Zeugnisse, mit den Zeugnissen für und wider das Papstthum. Gütersloh. 1866. Это сочиненіе, написанное сельскимъ пасторомъ въ формѣ небольшой брошюры, общедоступной по изложенію и по цѣнѣ, имѣетъ главною цѣлью назиданіе протестантской паствы автора, а не требованія строгой науки; брошюра отличается спокойнымъ, но замѣтнымъ церковно-полемическимъ характеромъ. Свящ. *Михайловскій* не правъ, называя эту брошюру самымъ добросовѣстнымъ трудомъ по вопросу о паписсѣ Іоаннѣ (стр. 312); таковымъ остается попрежнему вышеупомянутый нами трудъ Деллингера.

[2]) *Михайловскій*, Очеркъ исторіи христіанской церкви. Часть первая: до конца IX вѣка. Спб. 1868.

[3]) Въ XVI и XVII стол., когда историко-литературныя произведенія среднихъ вѣковъ были впервые издаваемы въ текстъ вкрались нѣкоторыя позд-

къ половинѣ IX столѣтія, онъ былъ однако же составленъ гораздо позже, и непремѣнно позже конца XI столѣтія. Папа

нѣйшія вставки въ рукописные кодексы. Намъ извѣстно нѣсколько такихъ вставокъ по занимаемому насъ вопросу:

a) Въ извѣстномъ трудѣ, приписываемомъ Анастасію Библіотекарю,—*Liber pontificalis* seu Vitae pontificum Romanorum, -въ которомъ біографіи папъ IX стол. составлены современниками (*Röstell*, Beschreibung Roms, I. 207 sqq.), разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ не встрѣчается, и за жизнеописаніемъ папы Льва IV (февраль 847 — 17 іюля 855) непосредственно слѣдуетъ біографія папы Бенедикта III (29 сент. 855—8 апр. 858). Между тѣмъ въ первомъ изданіи этого сборника Анастасія Библіотекаря—Anastasii bibliothecarii vitae seu gesta Romanorum pontificum, ed. I. Busaeus, Moguntiae, 1602, in 4° — этотъ разсказъ былъ вставленъ, при чемъ извѣстіе о немъ взято изъ позднѣйшихъ хроникъ. Эта вставка вошла лишь въ два экземпляра того изданія 1602 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ *A. Potthast*. Bibl. hist. medii aevi, S. 423. Мы не имѣли случая видѣть ни одного изъ тѣхъ двухъ экземпляровъ; не видѣлъ ихъ и O. Andreae, авторъ вышеупомянутой нами брошюры, но, желая приписать Анастасію Библіотекарю, какъ современнику папъ Льва IV и Бенедикта III, первое упоминаніе о паписсѣ, онъ самопроизвольно вставляетъ въ латинскій текстъ слѣдующія двѣ строчки, заимствованныя имъ изъ хроники Мартина-Поляка: Iohannes Anglicus sedit annos duos. Non reperitur in catalogo summorum pontificum papa hic mulieris (т.-е.: Іоаннъ англичанинъ возсѣдалъ на папскомъ престолѣ два года. Этотъ папа-женщина не упоминается въ перечнѣ верховныхъ первосвященниковъ). Въ нач. XVIII стол., Муратори, при изданіи сборника Анастасія Библіотекаря, упоминаетъ, что вслѣдъ за окончаніемъ біографіи папы Льва IV нѣкоторыми издателями вставляется папа-женщина, и тогда уже онъ обозначилъ подобную вставку *ложною* (*Muratori*, Scr. rer. Ital., III, 247). Краткая, въ двѣ строчки, вставка о паписсѣ Іоаннѣ идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ сборника Анастасія, отличающагося обстоятельнымъ изложеніемъ жизни папъ. *Gabler*. Kleine theol. Schriften, 446.

b) Въ концѣ XVI стол. была издана хроника Маріана Скота, монаха Фульдскаго монастыря, умершаго въ 1086 г.—*Mariani Scoti*, monachi S. Martini Coloniensis, chronicon ab O. C. usque ad a. 1082, ed. *Pistorius*, Scr. rer. Germ., Francof. ad M. 1583, I, 266;—въ этомъ изданіи, подъ 853 годомъ читаемъ: Leo papa obiit Kal. Augusti. Huic succesit Iohanna mulier annis duobus, mensibus quinque, diebus quatuor (т.-е.: папа Левъ умеръ перваго августа. За нимъ слѣдовала Іоанна-женщина два года, пять мѣсяцевъ, четыре дня). Кардиналъ Бароній вполнѣ признаетъ подлинность вышеприведенной выписки и считаетъ Маріана Скота первымъ, записавшимъ въ своей хроникѣ о паписсѣ Іоаннѣ (Ann. Eccles. ad a. 853, § 93), такъ что, согласно указанію ученаго кардинала, большинство ученыхъ относили *первое* упоминаніе въ лѣтописяхъ

Левъ IX, въ посланіи къ константинопольскому патріарху Михаилу, отъ 1054 года, между прочимъ писалъ: «Мы не хотимъ вѣрить той сказкѣ, которая всѣми повторяется, будто

о паписсѣ ко втор. пол. XI стол. Между тѣмъ въ новѣйшемъ, лучшемъ изданіи хроники Маріана Скота—ed. *Waitz*, ap. Pertz, Monum. hist. germ., scr. V, p. 481 sqq.—издатель Вайцъ доказалъ, что ни въ одной рукописи не встрѣчается упоминанія о паписсѣ Іоаннѣ, и вышеприведенное мѣсто должно быть признано если не за вставку самихъ издателей, то во всякомъ случаѣ за позднѣйшую вставку въ ту рукопись, съ которой было сдѣлано изданіе Писторіемъ въ концѣ XVI столѣтія. Изслѣдованіе Вайца о рукописяхъ хроники Маріана Скота (Idid. V, p. 481; XVII, p. 5) не было извѣстно O. Andreae, который относится съ полнымъ довѣріемъ къ вышеприведенному мѣсту хроники по изданію Писторія и повторяетъ мнѣніе кардинала Баронія. Брошюра O. Andreae ввела въ заблужденіе священника Михайловскаго, который полагаетъ, что «самое древнее свидѣтельство объ этомъ сказаніи находится въ современной ей почти „Liber pontificalis“, римскаго библіотекаря Анастасія. Послѣ Анастасія самый древній свидѣтель Маріанъ Скотъ» (стр. 311).

c) Chronographia Sigeberti Gemblacensis coenobitae († 1112) издана въ настоящее время Бетманомъ: ed. *Bethmann*, ap. Pertz, l. s. c., VI, p. 300 sqq. — Это изданіе признано наилучшимъ (*Reiffenberg*, Monum. pour servir à l'hist. d. prov. de Namur), и въ немъ не упоминается о паписсѣ Іоаннѣ. Издатель говоритъ, что ни въ одной рукописи нѣтъ ни слова о паписсѣ и что упоминаніе ея было вставлено въ хронографію Сигберта въ нач. XVI стол. первыми ея издателями: in nullo quem noverimus Sigeberti codice occurrit locus famosus de Iohanna papissa, quem hoc loco editio princeps exhibit... nemo igitur restat nisi primus editor, sive is Antonius Rufus fuerit, sive Henricus Stephanus (ibid. p. 340, 470). Въ первомъ же изданіи -A. Rufus, 1513, s. l. -- эта вставка сдѣлана въ слѣдующей формѣ: Iohannes papa Anglicus: Fama est, hunc Iohannem feminam fuisse, et uni soli familiari tantum cognitam, qui eam complexus est, et gravis facta peperit papa existens, quare eam quidem inter pontifices non numerant (т.-е.: папа Іоаннъ-Англичанинъ: Идетъ молва, что этотъ Іоаннъ былъ женщина, о чемъ зналъ одинъ только изъ приближенныхъ, жившій съ нею; она забеременила и родила, отчего ее не считаютъ въ числѣ папъ).

d) Въ хроникѣ Оттона Фрейзингенскаго, скончавшагося въ 1158 г., издателемъ Урстизіемъ, въ концѣ XVI стол., къ имени папы Іоанна VII прибавлена вставка: *foemina* (Chron. lib. VII, cap. 35, ed. *Urstisius*, Germ. hist. illust., I, 363); это выраженіе не встрѣчается въ рукописяхъ (Döllinger, s. 7, 1). In der Chronik Otto's ist der Zusatz zum Namen Iohann's VII offenbar die That eines späteren Abschreibers oder Lesers, der auf's gerathewohl, weil man nun einmal einen weiblichen Iohannes unter den Päpsten haben wollte, das Wort beischrieb; dass dieser Iohannes schon in das Jahr 705 falle, irrte ihn um

бы въ константинопольской церкви, въ которой, вопреки первому канону Никейскаго собора, евнухи получаютъ посвященіе, будто бы въ той церкви была однажды возведена на патріаршій престолъ женщина» [1]). Папа Левъ IX не могъ бы такъ писать, если бы зналъ о существованіи болѣе скандальнаго разсказа про папскій престолъ [2]).

Если этотъ разсказъ былъ составленъ позже конца XI столѣтія, то онъ былъ впервые записанъ лишь во второй половинѣ XIII столѣтія. Французскій доминиканецъ Стефанъ Бурбонскій, умершій въ 1261 году, первый упоминаетъ о паписсѣ Іоаннѣ; въ своемъ сочиненіи *О семи дарахъ духа святаго* [3]) онъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ 1100 году случилась чудная, даже безумная дерзость, какъ то отмѣчено въ хроникѣ [4]).

so weniger, als das Papstverzeichniss dieser Chronik keine Jahreszahlen gibt (Ibid. s. 6).

Эти и нѣкоторыя другія упоминанія о паписсѣ Іоаннѣ въ средневѣковыхъ сочиненіяхъ IX, X, XI и XII стол. принадлежатъ къ числу позднѣйшихъ вставокъ. Было мнѣніе, что не первоначальные издатели XVI и XVII стол. вставляли въ свои изданія, но позднѣйшіе уничтожали въ рукописяхъ упоминаніе о паписсѣ. Это мнѣніе было высказано Курцомъ (Kurtz, l. s. c., III, 228) и повторено въ брошюрѣ O. Andreae (s. 9). Деллингеръ, видѣвшій многія изъ тѣхъ рукописей, опровергаетъ это мнѣніе (s. 6). И кто же рѣшится серьезно обвинять протестантовъ Вайца, Перца, Бетмана и др. въ томъ, что они ложно объясняли рукописи ради спасенія чести папскаго престола?

[1]) Mansi, Coll. Conc., XIX, 649.

[2]) *Baur*, Die christliche Kirche des Mittelalters, 1861, S. 79. Деллингеръ не упоминаетъ объ этомъ письмѣ папы Льва IX къ патріарху Михаилу, что, конечно, должно быть поставлено ему въ вину. Histor. Zeits., XI, 210.

[3]) *De septem donis spiritus* до настоящаго времени не издано; рукописные списки его находятся преимущественно во французскихъ библіотекахъ; одинъ списокъ хранится въ Мюнхенѣ. Большіе отрывки изъ этого сочиненія приведены въ двухъ трудахъ *Echard*, Sancti Thomae Summa suo auctori vindicata, Paris, 1709, гдѣ на стр. 568 помѣщенъ разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ, и въ Scriptores ordinis Praedicatorum, v. I.

[4]) *Ut dicitur in chronicis*: здѣсь разумѣется одна хроника: на языкѣ средневѣковой латини выраженіе *chronica*, мн. ч., часто употребляется въ смыслѣ *chronicon*, ед. ч. Если бы авторъ разумѣлъ многія хроники, онъ написалъ бы ut dicitur in *variis* или *pluribus* chronicis.

Какая-то женщина, образованная и опытная въ искусствѣ писать, облачившись въ мужскую одежду и выдавая себя за мужчину, прибыла въ Римъ и здѣсь, какъ за свою дѣятельность, такъ и за образованіе, была сдѣлана сперва нотаріемъ куріи, затѣмъ, по наущенію дьявола, кардиналомъ, наконецъ папою. Идя въ процессіи уже беременною, она родила. Когда римская справедливость узнала это, написса была привязана за ноги къ ногамъ лошади и такимъ образомъ вытащена за городъ и въ разстояніи полумили отъ города побита народомъ каменьями; она была погребена на томъ же мѣстѣ, гдѣ умерла, и на камнѣ, который былъ надъ нею положенъ, былъ написанъ стихъ: Parce pater patrum papissae prodere partum». Таково первое письменное упоминаніе о паниссѣ Іоаннѣ.

Сочиненія Стефана Бурбонскаго не были распространены, и сказка о паниссѣ только тогда стала всѣмъ извѣстна и получила кредитъ, когда ее прочли въ хроникѣ, которая ходила по Европѣ во множествѣ списковъ, всѣми читалась, пользовалась уваженіемъ современниковъ и довѣріемъ потомства.

Монахъ доминиканскаго ордена, братъ Мартинъ, болѣе извѣстный подъ общепринятымъ наименованіемъ Мартина-Поляка (Martinus Polonus [1]), по своему положенію придавалъ уже сказкѣ о паниссѣ извѣстный авторитетъ: онъ былъ долгое время папскимъ капелланомъ (capellanus apostolicus) и исповѣдникомъ (poenitentiarius major), жилъ всегда при папскомъ дворѣ, и его *хроника верховныхъ первосвященниковъ и императоровъ* [2]) разсматривалась какъ офиціальная, самою куріею

[1]) Мартинъ родился въ г. Троппау, который въ то время принадлежалъ Моравіи; въ 1278 г. папа Николай III назначилъ его архіепископомъ Гнѣзненскимъ, но Мартинъ умеръ на дорогѣ изъ Рима къ мѣсту своего назначенія. *Wattenbach.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Berlin, 1866, S. 512.

[2]) Chronica summorum pontificum imperatorumque ad septem aetatibus mundi (ed. *Phil. Klimes.* Pragae, 1859),—синхронистическая исторія папъ и императоровъ, въ формѣ сухихъ біографическихъ замѣтокъ, составленная, по сознанію автора, въ видѣ руководства для теологовъ и канонистовъ.

написанная исторія папъ; многія сказанія, записанныя въ этой хроникѣ, получили кредитъ и гражданственность въ наукѣ, такъ какъ они были заимствованы отсюда въ другія хроники, повторены во многихъ анналахъ и лишь спустя нѣсколько вѣковъ была доказана ихъ сказочность [1]). Къ числу такихъ сказаній относится разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ, изложенный въ слѣдующей формѣ: «Послѣ Льва на папскомъ престолѣ возсѣдалъ Іоаннъ-Англичанинъ, уроженецъ города Майнца, два года, пять мѣсяцевъ, четыре дня, и умеръ. Этотъ папа, какъ говорятъ, былъ женщина; въ юношескій свой возрастъ она была отвезена какимъ-то своимъ любовникомъ въ знаменитѣйшій городъ Аѳины, гдѣ сдѣлала такіе успѣхи въ наукахъ, что не имѣла себѣ равнаго, такъ что позже, поучая въ Римѣ, она привлекала знаменитыхъ учителей, которые становились ея учениками и слушателями. Она пріобрѣла позже въ Римѣ такую извѣстность, что была единогласно избрана въ папы. Во время своего папствованія она забеременила отъ одного изъ приближенныхъ... идя изъ церкви св. Петра въ Латеранъ, въ узкой улицѣ, между Колизеемъ и церковью св. Климента, родила ребенка, тотчасъ же умерла и была тамъ же, какъ говорятъ, погребена. Нѣкоторые говорятъ, что съ тѣхъ поръ папы обходятъ эту улицу, вслѣдствіе отвращенія къ подобному поступку. Въ перечнѣ верховныхъ первосвященниковъ этотъ папа-женщина не упоминается за его развращенность». Такой разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ, записанный лицомъ, столь приближеннымъ къ папскому престолу, естественно былъ разсматриваемъ всѣми какъ фактъ исторически вѣрный. Хроника Мартина была переводима на всѣ языки, и въ то время, какъ разсказъ о паписсѣ по редакціи Стефана Бурбонскаго сохранился лишь въ его сочиненіи, редакція, данная разсказу хроникою Мартина, встрѣчается въ анналахъ

---

[1]) *Wattenbach*. S. 513. См. *Cave*, de scriptor. eccles., London, 1688, гдѣ доказывается, что въ рукописяхъ хроники Мартина нѣтъ этого мѣста (v. I, p. 739 sqq.).

всѣхъ странъ, на всѣхъ языкахъ,—ей вполнѣ вѣрятъ, всѣ списываютъ, и никто не сомнѣвается въ томъ, что было время, когда на папскомъ престолѣ возсѣдала женщина... Между тѣмъ новѣйшія изысканія показали, что самъ Мартинъ-Полякъ не упоминалъ въ своей хроникѣ о паписсѣ, что этотъ разсказъ вставленъ въ хронику Мартина уже по смерти автора.

Форма хроники Мартина-Поляка довольно оригинальна: изъ двухъ страницъ первая предназначена для папъ, вторая для императоровъ; на каждой страницѣ 50 строкъ; каждая строка соотвѣтствуетъ одному году; каждому лицу посвящено столько строкъ, сколько лѣтъ онъ занималъ престолъ. Такая механическая форма хроники легко допускаетъ вставки въ тѣхъ строкахъ, которыя отчислены по числу лѣтъ жизни папы или императора, но не замѣщены авторомъ. Для вставки сказанія о паписсѣ Іоаннѣ, и именно послѣ папы Льва IV, были два основанія: въ *формѣ* той хроники, въ которую вставленъ разсказъ, и въ *содержаніи* самаго разсказа.

Какъ извѣстно, Левъ IV занималъ папскій престолъ въ теченіе восьми лѣтъ—отъ февраля 847 г. до іюля 855 г.: сообразно съ этимъ, Мартинъ-Полякъ отдѣлилъ для него восемь строчекъ, изъ которыхъ онъ исписалъ лишь пять съ половиною; въ остальныя же двѣ съ половиною строчки былъ вписанъ разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ, откуда и явилось общее убѣжденіе, что Агнеса занимала папскій престолъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ.

Если форма хроники представляла такія внѣшнія удобства для вставки, то содержаніе самаго разсказа о паписсѣ заключало въ себѣ внутреннюю необходимость, въ силу которой разсказъ этотъ долженъ былъ быть помѣщенъ послѣ папы Льва IV.

Невѣроятность выбора женщины въ санъ римскаго первосвященника мотивируется въ сказкѣ научными познаніями Агнесы; естественно, что для паписсы, если ей хотѣли дать хронологическую основу—въ устахъ народа разсказы ходятъ

безъ точнаго опредѣленія времени—должны были выбрать болѣе раннее время, во всякомъ случаѣ ранѣе папы Григорія VII; такимъ образомъ выборъ историческаго мѣста для паписсы долженъ былъ совпадать съ тѣмъ временемъ, когда былъ примѣръ избранія въ папы ради учености. Послѣ папы Григорія В., ни одинъ папа не отличался познаніями; въ теченіе четырехъ столѣтій, отъ папы Іоанна VI. 701 г., до Григорія VII, 1073 г., Мартинъ-Полякъ называетъ только одного папу человѣкомъ ученымъ, именно папу Льва IV, который, по его словамъ, былъ избранъ римлянами въ первосвященники за свою ученость. Тогда, слѣдовательно, было время, въ которое голоса римлянъ склонялись на сторону болѣе свѣдущаго; тогда, слѣдовательно, римляне, не зная пола «философа изъ Аѳинъ», могли вотировать въ пользу Агнесы, какъ наиболѣе ученой. Вотъ почему паписса Іоанна вставлена непосредственно за Львомъ IV; объ учености и единогласномъ избраніи паписсы записано въ выраженіяхъ, тождественныхъ съ тѣми, какими Мартинъ-Полякъ обрисовываетъ ученость Льва IV и говоритъ объ его единогласномъ избраніи. Правда, въ указанныя выше четыре столѣтія былъ еще одинъ папа, отличавшійся ученостью—знаменитый математикъ Гербертъ, ставшій въ 999 г. папою Сильвестромъ II; но разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ не могъ быть вставленъ вслѣдъ за упоминаніемъ Сильвестра уже и потому, что Мартинъ-Полякъ не признавалъ его человѣкомъ ученымъ и считалъ, что Гербертъ обязанъ своимъ избраніемъ не учености, но сатанѣ....

Такимъ образомъ, сказка, созданная народною фантазіею, была вставлена въ историческое произведеніе, которое было любимымъ чтеніемъ того времени и къ которому всѣ относились съ полнымъ довѣріемъ. Рѣдко кто, читая въ хроникѣ Мартина разсказъ о паписсѣ, высказывалъ, подобно ученому философу, скромное недоумѣніе насчетъ его истинности: «Я не знаю, сказка это или истина, но въ папскихъ хроникахъ не встрѣчается ничего подобнаго». Въ то время, въ концѣ

XIII стол., трудно было не вѣрить—въ существованіе папы-женщины вѣрили въ то время сами папы: португалецъ Петръ (Petrus Hispanus), ставъ въ 1276 году папою Іоанномъ, назвался Іоанномъ XXI, хотя по счету папъ того имени онъ былъ лишь двадцатымъ,—папа принялъ въ счетъ паписсу.

Какъ только разсказъ о паписсѣ былъ вставленъ въ хронику Мартина-Поляка, онъ тотчасъ же повторяется, переписывается, дополняется и распространяется во многихъ хроникахъ, анналахъ, исторіяхъ и зерцалахъ; разсказъ получаетъ полный кредитъ и обходитъ всю Европу. Прослѣдимъ распространеніе этого сказанія о паписсѣ, отмѣчая варіаціи и новыя прибавки.

III.

Первыми и самыми усердными распространителями сказанія о паписсѣ являются члены различныхъ духовныхъ орденовъ католической церкви; въ этомъ отношеніи первое мѣсто должно быть отдано доминиканцамъ. Галфридъ Курлонскій, дополнившій разсказъ упоминаніемъ соблазнительнаго испытанія папъ; Бернардъ Гвидонскій, выводящій Агнесу изъ Германіи, Левъ Орвіетскій, Іоаннъ Парижскій, Сигфридъ Мейссенскій, Вильгельмъ Оккамскій, непобѣдимый докторъ, Амальрикъ Аугерій и мног. друг. съ какою-то любовью останавливаются на разсказѣ о паписсѣ Іоаннѣ и обставляютъ его всѣми подробностями, которыя, по ихъ понятіямъ, могли придать ему наибольшую вѣроятность.

Для римскаго престола, какъ и для всей римской церкви, подобный случай являлся позорнымъ безчестіемъ. Паписса правила римскою церковью болѣе двухъ лѣтъ; она дѣлала распоряженія, подписывала акты, утверждала избранія, рукополагала, имѣла вліяніе на церковь и государство—всѣ эти ея отправленія становились ничтожны, теряли свою силу. Паписса разрѣшилась отъ бремени на улицѣ, во время торже-

ственной религіозной процессіи,—что скажутъ магометане? съ какимъ презрѣніемъ отнесутся они къ римской церкви! Современники сознавали весь позоръ подобнаго скандала: Johane la Papesse fist un grand esclandre à la papalité, повторяло потомство. Понятно, что всѣ лица духовныя, а еще болѣе монашествующія, постараются скрыть или, по крайней мѣрѣ, не распространять разсказъ о паписсѣ, не развивать его въ подробностяхъ; и что же? именно напротивъ: доминиканцы болѣе всего старались о повсемѣстномъ распространеніи скандальнаго, для римской куріи и католической церкви позорнаго разсказа.

Это обстоятельство удивляло многихъ; ученые издатели *Литературной Франціи* откровенно сознаются, что «они не въ состояніи объяснить, какимъ образомъ могло случиться, что именно въ рядахъ столь преданнаго святѣйшему престолу воинства встрѣчаются наиболѣе наивные распространители и, быть можетъ, изобрѣтатели исторіи, столь оскорбительной для папства». Это недоумѣніе легко разрѣшается, если обратимъ вниманіе на ту эпоху, въ теченіе которой доминиканцы при помощи своихъ сочиненій распространяли по всей Европѣ обидную для папства сказку о паписсѣ. То было время, когда папскій престолъ занималъ Бонифацій VIII, врагъ доминиканцевъ и францисканцевъ, особенно же первыхъ: оттого-то доминиканцы такъ дурно отзываются о немъ въ своихъ произведеніяхъ; оттого-то они принимаютъ такое враждебное папскому престолу положеніе во время раздоровъ папы Бонифація VIII съ королемъ Филиппомъ-Красивымъ. Вотъ причины, по которымъ члены духовныхъ орденовъ католической церкви съ такою любовью останавливаются на разсказѣ о паписсѣ, дополняютъ, развиваютъ его и разносятъ по всей Европѣ вмѣстѣ съ своими сочиненіями.

Благодаря усиліямъ доминиканскаго ордена, разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ получаетъ такой кредитъ, что уже въ XIV вѣкѣ въ немъ никто не сомнѣвается, всѣ довѣрчиво читаютъ

о прекрасной Агнесѣ въ произведеніяхъ Боккачіо. Петрарки, и въ XV ст. всѣ убѣждены, что дѣйствительно было время, когда на папскомъ престолѣ возсѣдала женщина. Это убѣжденіе было такъ велико, что въ началѣ XV стол., въ Сьеннѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, статуя паписсы была поставлена на своемъ мѣстѣ, въ ряду другихъ папъ. Сьеннская церковь дала католическому міру троихъ папъ—Пія II, Пія III, Марцелла II—и ни одинъ изъ нихъ не считалъ себя въ правѣ уничтожить ненавистную статую, которая стояла тамъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, пока Клименту VIII удалось, наконецъ, послѣ усиленныхъ настояній, измѣнить досадное изображеніе: женское лицо паписсы Іоанны было перелѣплено на мужской ликъ папы Захарія. Когда Гусъ, на Констанцкомъ соборѣ, доказывая, что церковь можетъ существовать и безъ папы, сослался на паписсу Іоанну—никто ему не противорѣчилъ. Гусъ былъ искренно убѣжденъ, что «прекрасная Агнеса» была папою: въ своемъ сочиненіи *О церкви* онъ охотно останавливается на паписсѣ и видитъ въ ней ясное доказательство противъ вѣрованія въ непогрѣшимость папъ,—«паписса Іоанна со всею коллегіею осталась ли не запятнанною послѣ того, какъ Агнеса родила ребенка?»

Не только политическіе и религіозные противники папскаго института, но сторонники и защитники папства, люди близкіе и преданные папскому престолу, искренно вѣрятъ и наивно повторяютъ разсказъ о паписсѣ Іоаннѣ.

Кардиналъ Торрекремата, написавшій особое сочиненіе въ защиту папства, признаетъ, что однажды женщина была папою, и видитъ въ этомъ могущество папскаго института, который не можетъ быть потрясенъ никакою «случайностью».

Мартинъ Франкъ (Martin le Franc), секретарь двухъ папъ, Феликса V и Николая V, въ своемъ стихотвореніи [1]), подробно описываетъ паписсу Іоанну, вполнѣ убѣжденный, что гово-

[1]) *Martin le Franc*, Le champion des dames, ap. Oudin, Comm. de Scr. eccl., III, 2466.

ритъ о фактѣ исторически вѣрномъ. Онъ, правда, удивленъ, что Господь попустилъ совершиться такой случайности:

Comment endura Dieu, comment
Que femme ribaulde et prestresse
Eut l'Eglise en gouvernement?

онъ не считалъ бы чудомъ, если бы самъ Господь сошелъ на землю, чтобъ судить человѣчество за предоставленіе женщинѣ, хотя бы и красивѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, господства надъ всѣмъ католическимъ міромъ; но онъ выставилъ бы въ такомъ случаѣ адвоката подсудимой паписсы, которому было бы не трудно выиграть процессъ:

Or laissons les péchés, disans,
Qu'elle étoit clergesse lettrée,
Quand devant les plus suffisant
De Rome eut l' issue et l' entrée.
Encore te peut-être montrée
Mainte Préface que dicta,
Bien et saintement accoustrée
Où en la foy point n' hésita.

Только теперь, въ половинѣ XV стол., когда сказка о паписсѣ Іоаннѣ обошла уже всю Европу и получила полный кредитъ, только теперь была она занесена на страницы византійскихъ лѣтописей. Халкокондилъ [1]), описывая обрядъ папскаго избранія, упоминаетъ объ испытаніи пола вновь избраннаго папы, разсказываетъ при этомъ о паписсѣ и прибавляетъ, что подобный случай возможенъ только въ католической церкви, представители которой брѣютъ бороды. При этомъ грекъ вставилъ въ разсказъ о паписсѣ нѣкоторыя подробности, неизвѣстныя на Западѣ: паписса должна была родить во время богослуженія, на глазахъ всего народа, присутствовавшаго во храмѣ.

[1]) *Chalcocondylas*, Historia de origine atque rebus Turcorum et imperii Graecorum interitu libri X, ap. Corp. scr. hist. Byzant., ed. *Bekker*, Bonn, 1843. Греческій монахъ Варлаамъ упоминаетъ въ XIV стол. о паписсѣ Іоаннѣ (*Barlaam*, de papae principatu, cap. IV, p. 120, post Salm. de primatu papae), но онъ былъ грекъ итальянскій.

И не только на Востокѣ, въ далекой Византіи, имѣвшей много поводовъ относиться къ папскому институту всегда болѣе или менѣе враждебно, разсказъ о паписсѣ записанъ въ хроникахъ, составлявшихся въ Италіи на глазахъ самихъ папъ [1]), нерѣдко по ихъ просьбѣ [2]); мало того: сказка о прекрасной Агнесѣ, со всѣми ея соблазнительными подробностями, была внесена въ официальное, римскою куріею просмотрѣнное и одобренное изданіе *Путеводителя по городу Риму* [3]). Этотъ путеводитель издавался не разъ, онъ предлагался каждому путешественнику, посѣщавшему столицу католическаго міра, и до конца XVI стол. въ Римѣ не нашлось ни одного человѣка, который заподозрилъ бы этотъ разсказъ, отнесся бы къ нему съ недовѣріемъ и исключилъ бы его, какъ разсказъ, оскорбительный для папскаго достоинства, изъ официальнаго изданія римской куріи.

Папы и кардиналы, священники и монахи относятся съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу о паписсѣ; нѣмцы и французы, греки и итальянцы не сомнѣваются въ существованіи прекрасной Агнесы, занимавшей нѣкогда папскій престолъ. Общее довѣріе къ разсказу о паписсѣ такъ живо, такъ сильно

---

[1]) *Cancellieri*, Storia de' solenni possessi. Rom. 1802, p. 238. Разсказъ о паписсѣ встрѣчается между прочимъ въ сочиненіи венеціанскаго священника *Stella*, Vita paparum Romanorum, Basil., 1507, и въ трудѣ епископа *Іоанна Чіемзейскаго*, Onus Ecclesiae, 1631, cap. 19, § 14. (О *Chiemsee* см. *Ebeling*, Die deutschen Bischöfe, I, 136).

[2]) *Platina*, Liber de vita Christi ac de vitis summorum pontificum Romanorum, Colon., 1562. Авторъ написалъ свое сочиненіе во второй пол. XVI стол. *по просьбѣ папы Сикста IV* и въ немъ помѣстилъ разсказъ о паписсѣ. Въ тѣхъ рукописяхъ Платины, которыя хранятся въ Ватиканской библіотекѣ, разсказъ о паписсѣ не встрѣчается. *Bernartius*, de utilitate legendae hist., lib. II, p. III.

[3]) *Mirabilia urbis Romae*—родъ указателя всѣхъ церковныхъ достопримѣчательностей города Рима, предназначавшійся спеціально для чужестранцевъ, желавшихъ осмотрѣть городъ, и для поломниковъ, тысячами приходившихъ въ Римъ для поклоненія мощамъ святыхъ угодниковъ. Первоначально это изданіе называлось *Indulgentiae ecclesiarum urbis Romae*. О паписсѣ упомянуто даже въ изданіи 1563 г.

укоренено въ умахъ, что даже въ концѣ XVI стол. никто не осмѣливался умалчивать о ней, говоря о папахъ, никто не дерзалъ высказывать свое сомнѣніе,—почти всѣ вѣрили въ дѣйствительное существованіе паписсы.

Уваженіе къ ученымъ дѣятелямъ прошлыхъ вѣковъ и къ требованіямъ современной намъ науки, почтеніе къ папскому институту, бывшему въ теченіе многихъ столѣтій главнымъ нервомъ исторіи человѣчества, и къ римскимъ первосвященникамъ, величественный рядъ которыхъ внушаетъ невольное удивленіе, независимое отъ различія вѣроисповѣданій, — все это заставляетъ насъ не довольствоваться простымъ, голословнымъ отчисленіемъ сказанія о паписсѣ Іоаннѣ къ области сказочныхъ созданій народной фантазіи, но разсмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ и привесть несомнѣнныя доказательства, что этотъ разсказъ есть не болѣе, какъ сказка.

IV.

Какъ во всѣхъ сказкахъ, такъ и въ разсказѣ о паписсѣ, точныя подробности разсказа составлялись мало-по-малу, въ теченіе вѣковъ, пока наконецъ сформировался тотъ полный разсказъ, который приведенъ въ началѣ настоящей статьи.

Первоначально, въ устахъ народа, паписса не имѣла опредѣленнаго имени. Въ первыхъ письменныхъ извѣстіяхъ о ней сказано только, что «былъ какой-то лжепапа, имя котораго и года папствованія неизвѣстны, ибо то была женщина». Ея женское имя было впервые произнесено не ранѣе XIV стол.,—ее звали *Агнесой*, какъ то значится въ сочиненіи Гуса, затѣмъ *Гильбертой*, какъ о томъ записано у Боккачіо, наконецъ Изабеллой, Маргаритой, Доротеей, Юттой и др. Ея папское имя было выбрано изъ именъ наиболѣе обыкновенныхъ,—ее назвали *Іоанномъ* потому, что во время составленія разсказа было уже до двадцати папъ, носившихъ это имя.

Время, въ которое жила паписса, первоначально не было извѣстно,—народъ не заботится о хронологіи своихъ сказоч-

ныхъ героевъ. Стефанъ Бурбонскій, первый записавшій о паписсѣ, относитъ ее къ 1100 году, т.-е. именно къ тому времени, когда впервые упоминается употребленіе при церемоніи папскаго восшествія на престолъ особыхъ дырявыхъ креселъ. Позже, написса была отнесена рѣшительно всѣми къ пол. IX стол., къ 855 году, вслѣдствіе того, что, какъ мы видѣли, въ одной изъ хроникъ было подъ этимъ годомъ пустое мѣсто и предшествовавшій папа, Левъ IV, прдставлялъ нѣкоторое сходство съ Агнесой по своей учености.

Долгое время, однако, написса была не ученою женщиною, а просто опытною въ искусствѣ писанія [1]); нѣсколько позже, она уже изучаетъ философію въ Аѳинахъ [2]), наконецъ, является въ Римъ, гдѣ занимаетъ каѳедру въ высшемъ училищѣ и привлекаетъ къ себѣ толпу слушателей [3]). Въ началѣ XV стол. знали даже, гдѣ именно преподавала паписса, —Дитрихъ Нимскій говоритъ, что Агнеса преподавала въ *греческой школѣ* [4]), въ той самой, въ которой былъ нѣкогда св. Августинъ. Слѣды вѣрованія въ ученость паписсы сохранились до позднѣйшаго времени: въ требникахъ римской церкви помѣщалось въ прежнее время нѣсколько предисловій; позже, когда эти предисловія, неизвѣстно кѣмъ и по какимъ причинамъ, были уничтожены, то это объясняли тѣмъ, что тѣ предисловія были написаны паписсой Іоанной [5]). Эти-то предисловія имѣлъ въ виду Мартинъ-Франкъ въ тѣхъ стихахъ, которые приведены нами выше.

Если имя, время и познанія паписсы Іоанны были наконецъ точно опредѣлены, то мѣсто рожденія Агнесы такъ и

1) *Steph.* de Bourb. l. s. c.

2) *Eccard*, II, 1607.

3) Grosse Lesemeister begehrten ihre Schüler zu sinde, da sie alsus drüsor hielt die übersten Schulen zu Rome. *I. v. Königshofen*, Cronica von der hilliger Stat Coellen, 1499. см. *N. C. Kist*, die Päpstin Iohanna, ap. Histor. theolog. Zeitschrift, 1844, 2.

4) *Gregorovius*, III, 126.

5) *Maresius*, Iohanna papissa restit... p. 17.

осталось не выясненнымъ до настоящаго времени. Въ первоначальныхъ записяхъ она названа *англичанкою, родомъ изъ Майнца*; позже встрѣчаются нѣсколько попытокъ примирить это англійское происхожденіе Агнесы съ рожденіемъ въ Майнцѣ: одни называютъ ее англичанкою, родомъ изъ Маргана; другіе—просто нѣмкою. Это выведеніе Агнесы изъ Германіи очень скоро стало непопулярнымъ между ея соплеменниками,—нѣмцы стыдились признать свою Германію родиною женщины, опозорившей какъ себя, такъ и тотъ санъ, въ который она была облечена; нѣмцы въ этомъ видѣли главную причину того, что кардиналы избѣгаютъ избирать въ папы нѣмца. Это послѣднее обстоятельство заставило нѣмцевъ прибѣгнуть къ довольно крайней мѣрѣ: хотя выборъ родины для Агнесы постоянно, въ теченіе вѣковъ, колебался только между Англіей и Германіей, но такъ какъ Англія была хорошо знакома съ разсказомъ о паписсѣ и не преминула бы протестовать противъ всецѣлаго перенесенія Агнесы за Ламаншъ, то нѣмцы рѣшились избрать страну болѣе безотвѣтную въ этомъ отношеніи, и перенесли родину Агнесы изъ Германіи въ Грецію. Къ числу наиболѣе оригинальныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи должно отнести ту, которая отдавала Агнесу безраздѣльно Англіи, для чего въ текстѣ было сдѣлано небольшое измѣненіе: вмѣсто *Iohannes Anglicus, natione Maguntinus*, въ одной хроникѣ читается *Iohannes Anglicus natione. Magnanimus*. Трудно, конечно, сказать, въ чемъ именно подмѣтилъ авторъ великодушіе Агнесы,—ужъ не въ томъ ли, что она пожертвовала папскимъ саномъ, жизнью и даже добрымъ именемъ для удовлетворенія плотской страсти?

Кажется, народная фантазія съ особенною любовью занималась моментомъ родовъ; сохранилось нѣсколько варіацій на эту тему. По однимъ, Агнеса была уже беременна въ моментъ избранія и родила при торжественномъ вступленіи въ Латеранъ; затѣмъ она была привязана къ ногамъ лошади, которая поволокла ее за-городъ, при чемъ народъ бросалъ въ свою

паниссу каменьями. По другимъ, написса спокойно управляетъ римскою церковью болѣе двухъ лѣтъ, рожаетъ на улицѣ, тотчасъ же умираетъ и погребается народомъ на томъ же мѣстѣ. Боккачіо представилъ всю катастрофу болѣе мирно, не заканчивая ее трагическою смертью у хвоста лошади или на улицѣ: написса лишается своего сана, плачетъ и продолжаетъ жить въ Римѣ частнымъ человѣкомъ. Почти такъ же, но безъ слезъ, разсказана эта катастрофа въ одной, недавно изданной, довольно, впрочемъ, безцвѣтной хроникѣ XIV стол. Въ другой, неизданной еще хроникѣ, разсказъ изукрашенъ бесѣдою нечистой силы: къ Агнесѣ, которая была уже въ то время папою, является сатана и говоритъ: «О ты, папа! при родахъ твоихъ обнаружится, что ты написса; тогда-то я возьму тебя, твою душу и твое тѣло, къ себѣ, въ мое общество». Въ другихъ сочиненіяхъ сатана замѣненъ ангеломъ, который предлагаетъ написсѣ на выборъ—или позоръ публичныхъ родовъ на землѣ, или вѣчное осужденіе за гробомъ; Агнеса избрала первое. Эта послѣдняя варіація все на ту же нескромную тему была любимѣйшею,—въ устахъ народа она пережила всѣ предыдущія варіаціи [1]).

Очевидно: образъ женщины, возведенной въ папскій санъ, и представленіе папы, разрѣшающагося отъ бремени, былъ довольно любимою темою, на которую народная фантазія представила много варіантовъ. Что же послужило поводомъ къ составленію тѣхъ соблазнительныхъ подробностей, которыми обставленъ разсказъ о написсѣ Іоаннѣ?

---

[1]) Dieu desirant qu'une si scelerée meschanceté ne demeurast impunie, envoya un Ange à ce Pontife, lequel luy dit, que son peché luy serait pardonné, pourveu qu'elle accouchast en pleine rue sans secours, ny appeller aucune femme pour la servir ou assister en telle nécessité. Que cela luy serviroit de penitence: et ceste amende honorable, de peine. Ce qu'elle fit, pour obeyr au commendement de Dieu. Cest autheur avoit aprins ce conte de quelque bonne vieille Romaine: car ceux qui ont voulu prendre la peine de s'en informer m'ont asseuré qu'il est encor en la bouche de plusieurs que cest Ange luy donna le chois ou d'accoucher privement et sans honte et d'aller en Enfer; ou publiquement, et aller en Paradis. *Florimond de Remond*, Erreur populaire de la papesse Ieanne, 1599, ch. XXIII, n. 3, f. 429.

Четыре предмета послужили главнымъ поводомъ къ изукрашенію сказанія о прекрасной Агнесѣ: *статуя*, которую, по ея облаченію, принимали за изображеніе женщины; *камень съ надписью*, который былъ признанъ за могильную плиту; *дырявыя кресла*, употреблявшіяся при церемоніи папскаго восшествія на престолъ, и, наконецъ, *улица*, которую папы обыкновенно обходили при торжественныхъ процессіяхъ.

Найденная на одной изъ улицъ Рима статуя открывала обширное поле для изысканій археологовъ и догадокъ народа, такъ какъ въ ней недоставало самаго главнаго— головы. Статуя изображала скорѣе мужскую, чѣмъ женскую фигуру, въ длинномъ облаченіи, въ правой рукѣ—пальмовая вѣтвь, по лѣвую сторону—мальчикъ. Болѣе чѣмъ, вѣроятно, что это было изображеніе какого-нибудь жреца съ прислужникомъ или какого-либо языческаго божества; но длинная одежда и фигура ребенка наталкивали народную фантазію на иное представленіе: это мать съ ея ребенкомъ, говорили римляне, и такая догадка была тѣмъ охотнѣе принимаема, что подтверждала народное сказаніе о папѣ-женщинѣ. Первое упоминаніе объ этой статуѣ записано въ концѣ XIII стол., т.-е. именно во время распространенія этого сказанія по всей Европѣ. Въ настоящее время мы лишены возможности представить не только объясненіе, но и болѣе точное описаніе той статуи, такъ какъ папа Сикстъ V, въ концѣ XVI стол., уничтожилъ предметъ, дававшій народу поводъ къ толкованіямъ, столь непріятнымъ для папскаго престола.

На той же улицѣ, неподалеку отъ статуи, лежалъ камень съ загадочною надписью, которую никто не могъ дешифрировать и которую римляне смѣло приводили въ связь съ паписсой и ея родами. Сколько можно догадываться, надпись эта состояла изъ слѣдующихъ знаковъ:

P Pater Patrum P P P

Послѣднія три буквы не представляютъ особенныхъ затрудненій для прочтенія: *propria pecunia posuit*, выраженіе, ко-

торое встрѣчается всегда въ сокращенномъ видѣ и всегда въ формѣ трехъ начальныхъ буквъ каждаго изъ тѣхъ словъ. *Pater Patrum*—титулъ жрецовъ Митры, древнеперсидскій культъ котораго впервые появился въ Римѣ въ 67 г. до Р. Хр., начиная со II вѣка былъ сильно распространенъ, особенно при императорѣ Коммодѣ; въ 378 г. митрскія мистеріи были запрещены въ Римѣ. Титулъ митрскихъ жрецовъ, Pater Patrum, часто встрѣчается на древнихъ монументахъ. Первоначальный знакъ P обозначалъ, вѣроятно, собственное имя жреца, быть можетъ, *Papirius*; сохранилось много надписей съ подобнымъ сокращеніемъ. Такимъ образомъ, вышеприведенная надпись могла быть читаема:

Papirius Pater Patrum Propria Pecunia Posuit.

Мы представляемъ возможное, но условное объясненіе той надписи, такъ какъ самый камень давно уже уничтоженъ и въ записяхъ современниковъ не сохраненъ точный списокъ надписи. Какъ бы въ облегченіе нашего труда, современники, скрывъ отъ насъ самую надпись, представляютъ намъ нѣсколько образцовъ средневѣкового искусства дешифрированія. Въ загадочныхъ знакахъ надписи всѣ видѣли какъ бы графическое дополненіе къ близъ лежавшей статуѣ; одни читали:

Parce Pater Patrum Papissae Prodere Partum,

другіе нѣсколько иначе:

Papa Pater Patrum Papissae Pandito Partum,

наконецъ, было представлено и болѣе игривое чтеніе:

Papa Pater Patrum Peperit Papissa Papellum.

Такимъ образомъ загадочная надпись была прочтена: камень сталъ могильною плитою несчастной паписсы, и хронистъ съ увѣренностью говоритъ: «Агнеса была похоронена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умерла послѣ родовъ; надъ ея могилой былъ положенъ камень, а на томъ камнѣ вырѣзана вышеприведенная надпись».

Если подобная надпись на могильной плитѣ можетъ пред-

ставляться подозрительною для насъ, знакомыхъ съ характеромъ латинскихъ надписей на древнихъ монументахъ, то для народа, фантазія котораго разыгрывалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ накопленія матеріала, эта надпись казалась неудовлетворительною по своей краткости; народъ по своему объяснялъ происхожденіе той надписи. По этому поводу въ Римѣ ходили разные толки: одни говорили, что сатана, знавшій тайну беременности паписсы, произнесъ прочтенныя на камнѣ слова въ засѣданіи коллегіи кардиналовъ, въ которомъ присутствовала Агнеса; другіе разсказывали, что въ самый моментъ публичнаго разрѣшенія паписсы отъ бремени слышны были тѣ слова въ воздухѣ,—то былъ крикъ сатаны, ликовавшаго о пріобрѣтеніи души злосчастной Агнесы; наконецъ, нѣкоторые представляли такое объясненіе надписи: паписса заклинала злой духъ выйти изъ одного бѣсноватаго, на что дьяволъ отвѣчалъ презрительнымъ стихомъ:

Papa Pater Patrum papissae pandito partum,
Et tibi tunc dicam de corpore quando recedam [1]).

Вѣроятно, въ народѣ ходило много подобныхъ сказокъ на эту игривую тему, но тѣ разсказы, не записанные современниками, не дошли до насъ.

Въ то время, какъ найденная на одной изъ улицъ Рима загадочная надпись могла занимать образованный классъ средневѣковаго общества и вообще людей грамотныхъ, народную фантазію болѣе привлекали тѣ дырявыя кресла, на которыя, по обычаю, садился вновь избранный папа.

Съ конца XI стол., со времени папы Пасхалиса II, упоминается обычай, по которому избранный въ папы, при торжественной латеранской церемоніи восшествія на престолъ,

---

[1]) Это двустишіе было переведено въ началѣ XVII в. слѣдующимъ образомъ: «Di moi quand une Papesse enfantera et je te dirai quand j'en sortirai». *Du Plessis Mornai*, Mystère d'Iniquité, 1611, p. 162. Это сочиненіе вызвало въ свое время большую полемику: *Coiffeteau*, Réponse au Mystère d'Iniquité, 1613; *Rivet*, Remarques sur la Réponse au Mystère d'Iniquité и др.

садился на два дырявыя кресла. Эти кресла были изъ свѣтло-розоваго мрамора, античной работы: подобныя кресла составляли принадлежность античныхъ бань и служили для извѣстнаго употребленія, почему на самомъ сидѣньи каждаго изъ нихъ находилась дыра, довольно правильной формы [1]). Древность креселъ, дорогой мраморъ, прекрасная работа соблазнили папъ и кресла были поставлены на видное мѣсто въ церкви св. Сильвестра, близъ Латерана. Во время церемоніи папскаго посвященія, новоизбранный садился сперва на кресло, стоявшее по правую сторону—ему надѣвали поясъ съ семью ключами и семью печатями и вручали посохъ; затѣмъ онъ переходилъ къ другому креслу, садился на него и отдавалъ поясъ и посохъ пріору церкви св. Лаврентія, послѣ чего на него надѣвали особое украшеніе наподобіе іудейскаго ефода левитовъ. Это возсѣданіе на креслахъ было символомъ принятія власти надъ римскою церковью и ввода во владѣніе римскими патримоніями.

То обстоятельство, что эти кресла были дырявыя, было совершенно случайно, они были выбраны для употребленія при церемоніи единственно за древнеримскую форму и прекрасный цвѣтъ мрамора. Тѣмъ не менѣе эти дырья креселъ естественнымъ образомъ обращали на себя вниманіе; что они употреблялись въ античныхъ баняхъ—о томъ никто не зналъ въ то время; и именно въ средніе вѣка, въ Италіи, никому не могла придти въ голову мысль о баняхъ. Символизмъ церемоніи папскаго посвященія былъ теменъ, непонятенъ народу; народъ объяснялъ возсѣданіе папы на дырявыя кресла по своему и со свойственнымъ ему юморомъ: кресла свѣтлы и дырявы—чтобъ убѣдиться, что избранный въ папы дѣйствительно мужчина, а убѣдиться въ томъ необходимо, такъ какъ однажды была уже женщина папою.

О такомъ испытательномъ назначеніи тѣхъ дырявыхъ креселъ впервые записано въ концѣ XIII стол.: доминиканецъ Ро-

---

[1]) Въ музеяхъ западной Европы можно видѣть много подобныхъ сѣдалищъ.

бертъ Узецкій разсказываетъ, что духъ его былъ однажды, во время сна, перенесенъ въ Римъ, гдѣ онъ видѣлъ въ латерановскомъ дворцѣ мраморныя сѣдалища, «на которыхъ испытываютъ, мужчина ли избранный въ папы». Въ началѣ XV стол., въ 1405 г., одинъ итальянецъ, въ письмѣ къ знаменитому греку Эммануилу Хризолору, въ которомъ онъ, какъ очевидецъ, описываетъ восшествіе на престолъ папы Григорія XII, называетъ подобное испытаніе папъ *безсмысленною выдумкою народа*; въ концѣ же XV стол., другой итальянецъ, писавшій свое сочиненіе по просьбѣ папы Сикста IV, не считаетъ это испытаніе сказкою и такъ объясняетъ значеніе возсѣданія папъ на дырявыя кресла: «Я думаю, что дырявое кресло устроено для того, чтобы напомнить тому, который облекается такимъ высокимъ саномъ, что онъ не Богъ, но человѣкъ, и что онъ попрежнему подверженъ всѣмъ нуждамъ человѣческой природы, въ томъ числѣ и возсѣданію по временамъ на дырявомъ креслѣ, почему то кресло справедливо называется *sedes stercoraria*». Этой сказкѣ вѣрили во всѣхъ странахъ Европы, не только въ отдаленныхъ отъ Рима, какъ напр., въ Англіи, Швеціи [1]), Франціи, ей вѣрили въ самой Италіи, и не только въ XV стол.,—эта испытательная церемонія упоминается, какъ фактъ несомнѣнный, при описаніи восшествія на тронъ папы Иннокентія X, слѣдовательно въ

[1]) ***Laur. Banck***, Roma triumphans. Franecker, 1645 (Cancellieri, l. s. c.). Книга Банка принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей. Мы получили недавно изъ Вильны слѣдующее извѣстіе: «При разборѣ библіотеки Виленскаго Музея, между сваленнымъ въ уголъ разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена латинская книга, весьма любопытная по своему содержанію, подъ заглавіемъ ***Roma triumphans***, объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году и иллюстрирована многими рисунками». Эти указанія не оставляютъ сомнѣнія, что найденная книга есть именно одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ книги Лаврентія Банка. Находка относится ко времени управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ И. П. Корнилова, иждивеніемъ котораго сдѣлано нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ рисунка, изображающаго процессъ испытанія и къ нему приложены литографическія выписки мѣстъ, относящихся къ паписсѣ Іоаннѣ. Тѣмъ и другимъ мы обязаны академической дружбѣ Н. П. Барсова.

половинѣ XVII стол. Этого мало: итальянецъ Болцани, литературный другъ папы Льва X, осыпанный его щедрыми милостями, подробно описываетъ скандальное испытаніе папъ и говоритъ, что о результатѣ испытанія составляется формальный протоколъ; и это сочиненіе Болцани, посвященное кардиналу Ипполиту Медичи, было издано не только съ соизволенія Иннокентія X, но съ папскою привилегіею. Удивительно ли, что сказка пользовалась большимъ кредитомъ?

Испытаніе папъ, издуманное народнымъ юморомъ итальянцевъ, записано въ средневѣковыхъ произведеніяхъ довольно обстоятельно, со всѣми его грязными подробностями; это испытаніе дало поводъ одному современному даже намъ нѣмецкому ученому къ неприличнымъ соображеніямъ; не трудно поэтому догадаться, въ какой грязной, даже сальной формѣ жила эта сказка въ устахъ народа. Такъ какъ поводомъ къ составленію этой сказки служили тѣ дырявыя кресла, то папа Левъ X, въ началѣ XVI стол., запретилъ употребленіе ихъ при церемоніи папскаго восшествія на престолъ. Это запрещеніе, въ свою очередь, послужило новою пищею для народной сатиры, которая въ развратной жизни кардиналовъ видѣла достаточную причину для уничтоженія соблазнительнаго испытанія, какъ вовсе не нужнаго. Огромное число любовницъ и еще большее число незаконнорожденныхъ дѣтей ручались въ томъ, что каждый изъ кардиналовъ мужчина, въ избыткѣ обладающій всѣми мужскими способностями. Въ этомъ смыслѣ было составлено тогда же латинское четверостишіе, переведенное на всѣ языки:

Prendre les clefs des cieux personne ne pouvoit,
Sans monstrer ses tesmoins d'une coustume sale.
Pourquoy ceste coustume aujourd'huy ne se voit?
Chacun auparavant se monstre estre bon masle [1]).

Мы должны до извѣстной степени согласиться съ тѣмъ, что, начиная съ XVI стол., жизнь кардиналовъ, кандидатовъ

[1]) Florimond de Remond. chap. XVIII. fol. 410 verso.

на папскую тіару, не оставляла никакого сомнѣнія насчетъ ихъ пола; но если подобное испытаніе и было когда-либо необходимо, то, конечно, болѣе всего надъ папою, непосредственно слѣдовавшимъ за сказочною паписсою; между тѣмъ употребленіе дырявыхъ креселъ началось лишь въ концѣ XI стол., а сказка объ испытаніи пола новоизбраннаго была составлена лишь въ половинѣ XIII стол. Желая исправить эту несообразность, очень обыкновенную и естественную въ сказкѣ, созданной народомъ, одинъ писатель XVII стол. помѣстилъ въ своей хроникѣ, что Бенедиктъ III, избранный въ папы, по его мнѣнію, вслѣдъ за несчастною смертью прекрасной Агнесы, подвергался уже предварительному испытанію.

Объясняя статую надписью на камнѣ, или надпись статуею, и приводя то и другое, статую и надпись, въ связь съ дырявыми сѣдалищами, народная фантазія обладала уже достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобъ создать довольно цѣльное представленіе о паписсѣ и ея злосчастной судьбѣ. Тѣмъ не менѣе народная фантазія воспользуется всякимъ, даже мелкимъ обстоятельствомъ, всякою случайностью, чтобъ нанизать на разсказъ новую подробность, которая можетъ сдѣлать сказку болѣе вѣроятною, можетъ придать ей лишнюю любопытную для народа черту.

При торжественныхъ процессіяхъ, въ которыхъ участвовалъ папа и которыя, слѣдовательно, привлекали большое стеченіе духовенства и народа, шествіе изъ Ватикана въ Латеранъ должно было совершаться по улицамъ, наиболѣе широкимъ; подобныя религіозныя процессіи избѣгали узкихъ улицъ, хотя бы для того потребовался нѣкоторый обходъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась народная фантазія. Народъ видѣлъ даже въ этомъ обходѣ одной узкой улицы, лежавшей на пути слѣдованія процессіи, подтвержденіе сказки о паписсѣ и говорилъ, что папы обходятъ ту улицу именно потому, что на ней Агнеса разрѣшилась отъ бремени, и что такимъ обходомъ папы хотятъ высказать свое отвращеніе къ родамъ па-

писсы. Такое объясненіе маршрута религіозныхъ процессій между Ватиканомъ и Латераномъ, записанное во всѣхъ произведеніяхъ, передающихъ подробности о паписсѣ Іоаннѣ, подвергалось въ устахъ народа различнымъ варіаціямъ и дополненіямъ: одни говорили, что папы обходили ту улицу, чтобъ не напоминать народу о бывшемъ на ней скандалѣ съ паписсою; другіе же объясняли это желаніемъ папъ избѣжать двусмысленныхъ намековъ и насмѣшекъ со стороны плебейскихъ остряковъ и т. п. Эти объясненія, представленныя по этому поводу народною сказкою о паписсѣ, не заключаютъ въ себѣ никакой исторической достовѣрности,—незнакомство съ топографіей города Рима обличаетъ сказочный характеръ тѣхъ объясненій, такъ какъ въ указанномъ сказкою мѣстѣ—между Колизеемъ и церковью св. Климента—никакой *узкой* улицы, на которой должна была родить Агнеса, не было. Упоминаемый сказкою обходъ узкой улицы, при всей естественности такого обхода, является недоразумѣніемъ, очень обыкновеннымъ въ сказкахъ; подобныя неточности способны лишь облегчить задачу исторической критики [1]).

[1]) Данный случай, однако, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ представленныя по поводу этого недоразумѣнія соображенія нѣмецкихъ ученыхъ, по нашему мнѣнію, значительно затемнили вопросъ. Мѣстность, на которой сказка заставляетъ паписсу разрѣшиться отъ бремени, опредѣляется всѣми хрониками совершенно согласно: паписса родила между Колизеемъ и церковью св. Климента: entre le theatre de Colosse et s. Clement (Bouchet, s. c.), при чемъ та улица, на которой происходили эти публичные роды, называется нѣкоторыми *узкою* улицею: angusta via Coliseum inter et s. Clementis ecclesiam. Процессія, идущая изъ Ватикана въ Латеранъ, перерѣзываетъ весь Римъ изъ конца въ конецъ; перейдя Тибръ, она проходитъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ, узкихъ улицъ, пока не вступитъ въ Колизейскую улицу (*Via del Colosseo*, собственно продолженіе *Via del Tor de' Conti*), довольно широкую и ведущую прямо къ Колизею. На этомъ пути, отъ Ватикана до Колизея, процессія обходитъ не одну узкую улицу; но въ своемъ дальнѣйшемъ шествіи, отъ Колизея до церкви св. Климента, процессія не встрѣчаетъ уже такихъ узкихъ улицъ, переулковъ. Отъ Колизея по направленію къ Латерану идутъ три большія, широкія улицы: сѣверная—*Via Lanicana*, южная—*Via di santi Quattro coronati* и средняя между тою и другою, имъ параллельная—*via di s. Giovanni*; всѣ эти три улицы, въ недалекомъ разстояніи отъ Коли-

Таковы тѣ четыре предмета—статуя, надпись, кресла, улица — которые послужили главнымъ матеріаломъ къ изукрашенію разсказа о паниссѣ въ его подробностяхъ. Каждое изъ тѣхъ четырехъ, упоминаемыхъ въ сказкѣ обстоятельствъ давало народному юмору обильную пищу, способную возбудить фантазію римлянъ, но, какъ мы видѣли, всѣ онѣ такого свойства, что не могутъ ввести въ заблужденіе насчетъ ихъ исторической достовѣрности: ни одно изъ нихъ не можетъ быть отнесено къ половинѣ IX стол., когда, по смерти папы Льва IV, должна была взойти на престолъ написса Іоанна.

Такими же качествами отличаются и тѣ *географическія*

зея, пересѣкаются широкою улицею, которая начинается отъ Via Lanicana, перерѣзываетъ Via di s. Giovanni и впадаетъ въ Via di santi Quattro coronati; на этой улицѣ, почти на углу ее и Via di s. Giovanni, находится одна изъ древнѣйшихъ церквей города, *San Clemente*, сохранившая форму древнеримскихъ базиликъ. Via di s. Giovanni составляетъ самый прямой путь отъ Колизея къ церкви *S. Giovanni in Laterano*; но если бы даже папскія процессіи шли по Via Lanicana, то онѣ должны бы были повернуть въ улицу, на которой стоитъ церковь св. Климента, и продолжать затѣмъ путь по Via di s. Giovanni; мы не говоримъ о Via di santi Quattro coronati, такъ какъ она лежитъ не между Колизеемъ и церковью св. Климента, какъ то обозначено въ сказкѣ, а между Колизеемъ и церковью ss. Quattro coronati. Очень могло быть, что процессія обходила какую-либо узкую улицу на своемъ пути отъ Ватикана къ Колизею; народъ же, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, перенесъ этотъ обходъ съ одной стороны Колизея на другую и пріурочилъ его къ сказанію о паниссѣ Іоаннѣ. Къ этому должно еще прибавить, что маршруты религіозныхъ процессій въ Римѣ среднихъ вѣковъ нигдѣ и никогда не обозначались, и въ Римѣ тѣхъ временъ подобныя обозначенія означались не по улицамъ, а по церквамъ и монументамъ. Наконецъ Римъ не разъ измѣнялъ съ тѣхъ поръ свою топографію: Сикстъ V далъ ему совершенно иной видъ; Урбанъ VIII заслужилъ злой стихъ за свою любовь къ перестройкамъ—Quod non fecerunt Barbari, fecere Barberini—смыслъ котораго скрыть въ томъ обстоятельствѣ, что папа Урбанъ былъ изъ фамиліи Барберини. Нѣмецкіе ученые, принимая извѣстіе сказки за фактъ, затемнили вопросъ своими толкованіями. Такъ, Деллингеръ говоритъ: Die gemiedene Strasse ward übrigens unter Sixtus V ihrer Enge wegen abgebrochen (s. 34). Die Gegner der Iohanna geben als Grund des Umweges an, jener Platz sei für das bedeutende Gefolge des Papstes zu enge, jedoch später als man keine Befürchtungen mehr der Geschichte wegen hegen zu müssen glaubte, zog der Papst trotz der Enge über den ominösen Platz (s. 23).

подробности. которыя встрѣчаются въ сказкѣ о прекрасной Агнесѣ: родъ ея выводится изъ Англіи, сама она рождается въ Майнцѣ, высшее же образованіе получаетъ въ Аѳинахъ. Такія географическія крайности—Англія, Майнцъ, Аѳины—вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру средневѣковыхъ сказаній.

Англійское происхожденіе паписсы Іоанны объясняется какъ тѣмъ, что англійскія женщины часто паломничали въ Римъ, гдѣ ихъ двусмысленное поведеніе вызвало горькій упрекъ св. Бонифація, такъ и тѣмъ, что зарожденіе и распространеніе этой сказки относится ко времени наиболѣе жаркихъ раздоровъ между папою Иннокентіемъ III и королемъ Іоанномъ, когда всѣ въ Римѣ считали Англію страною наиболѣе враждебною папскому престолу. Сказка составлена съ очевидною цѣлью уколоть, уязвить папство, и рана должна быть тѣмъ чувствительнѣе, что родъ паписсы выводится изъ страны враждебной. Историческія сказки любятъ подобныя сопоставленія: сказочный польскій король Попелъ, съѣденный мышами за преступленіе противъ своихъ дядей, былъ женатъ, по словамъ сказки, на дочери нѣмецкаго князя, чтобы такимъ образомъ вся тяжесть обвиненія въ подговорѣ на преступленіе пала бы на женщину изъ чуждаго, всегда славянамъ враждебнаго племени...

Майнцъ, какъ родина Агнесы, объясняется тѣмъ, что зарожденіе сказки относится ко времени великой борьбы папъ съ императорами, когда нѣмецкія войска безпокоили не только Римъ, но даже папъ, которыхъ брали въ плѣнъ, принуждали къ бѣгству; *omne malum ab Aquilone,* говорили въ то время римляне. Римъ, столица папства, не могъ быть сопоставленъ со столицею императорства, такъ какъ таковой не было — императоры не имѣли опредѣленной резиденціи—и Римъ былъ сопоставленъ съ Майнцемъ, сильнѣйшимъ въ то время городомъ имперіи.

Аѳины, какъ городъ, въ которомъ Агнеса получаетъ высшее образованіе, составляютъ черту, вѣрно обрисовывающую

понятія средневѣковаго общества. Въ теченіе всего средневѣковаго тысячелѣтія никто, конечно, не ѣздилъ изъ западной Европы въ Аѳины для полученія тамъ образованія, не ѣздилъ по той простой причинѣ, что въ то время въ Аѳинахъ уже ничему нельзя было научиться; но во всѣ средніе вѣка сохранялось, какъ воспоминаніе, то убѣжденіе, что Аѳины—корень учености. Средневѣковый складъ мысли требовалъ, искалъ и находилъ во всемъ единство: какъ было одно папство, одно императорство, такъ точно было одно знаніе. Въ одной хроникѣ записано, что въ мірѣ есть три института, три силы: папство, имперія, знаніе, и какъ папство имѣетъ своею резиденціею Римъ, такъ столица знанія въ Парижѣ. Это знаніе было сперва въ Аѳинахъ, потомъ въ Римѣ и лишь при Карлѣ В. перенесено въ Парижъ. Въ средніе вѣка хорошо знали, когда и кѣмъ перенесено знаніе изъ Аѳинъ въ столицу Франціи: это произошло въ 830 году и было совершено Алкуиномъ. Такимъ образомъ представленіе объ Аѳинахъ, какъ главномъ источникѣ знанія, сохранялось въ западной Европѣ, и кто хотѣлъ достигнуть какихъ-либо отличій въ области знанія, тотъ долженъ былъ, по мнѣнію средневѣковыхъ сказаній, ѣхать въ Аѳины. Въ средніе вѣка, по представленію сагъ, только два пути вели къ высшему священническому сану, къ папской тіарѣ—благочестіе и ученость. Разсказъ о паписсѣ не могъ вести Агнесу на папскій тронъ путемъ благочестія,—этому противорѣчила ея позднѣйшая беременность, и тѣмъ болѣе ея публичные роды; Агнесѣ ничего не оставалось болѣе, какъ обратить на себя вниманіе своею ученостью и тѣмъ склонить въ свою пользу голоса избирателей; а эту ученость она могла пріобрѣсти только въ Аѳинахъ, которыя ничего не потеряли отъ перенесенія знанія въ Римъ и затѣмъ въ Парижъ—«престолъ знанія въ Греціи», говорятъ средневѣковыя хроники.

Разсмотрѣвъ отдѣльно каждую черту разсказа, мы необходимо приходимъ къ тому заключенію, что весь разсказъ есть не болѣе, какъ сказка; мы не допускаемъ даже того, чтобъ раз-

сказанное нами «если и не было, то могло быть». Если каждая черта разсказа, отдѣльно взятая, не выдерживаетъ исторической критики, то весь разсказъ, взятый всецѣло, разбивается объ одно общее соображеніе, по которому для паписсы Іоанны нѣтъ мѣста въ ряду римскихъ первосвященниковъ.

Относительно времени папствованія Агнесы сохранилось два извѣстія: по одному она отнесена къ 1100 году, по другому къ 855 г. Эти числовыя данныя хроникъ опровергаются несомнѣнно достовѣрными историческими фактами.

Первое извѣстіе, записанное Стефаномъ Бурбонскимъ и относящее паписсу Іоанну къ 1100 году, не можетъ быть принято, въ виду имѣющихся положительныхъ извѣстій о жизни и дѣятельности папы, занимавшаго въ то время престолъ римскихъ первосвященниковъ. Клюнійскій монахъ, позже кардиналъ Райнеръ, сталъ папою Пасхалисомъ II вслѣдъ за смертью Урбана II, и былъ посвященъ въ этотъ санъ 14 августа 1099 г.; онъ занималъ папскій престолъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 21 января 1118 года. Бурное, полное интригъ, возстаній и войнъ, тяжелое папствованіе выпало на долю Пасхалиса II: великая борьба за инвеституру, унаслѣдованная имъ отъ своего предшественника, ставила его во враждебныя отношенія съ императорами Конрадомъ и Генрихомъ V; притязанія римской аристократіи заставляли его воевать въ самой Папской Области противъ подчиненныхъ ему сильныхъ вассаловъ изъ фамилій Колонна и Корси; онъ велъ войну въ самомъ Римѣ противъ цѣлаго ряда антипапъ, которые не разъ заставляли его покидать Латеранъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. Такая бурная эпоха управленія Пасхалиса «суднышкомъ Петровымъ», могла, спустя два столѣтія, казаться Стефану Бурбонскому временемъ, когда въ Римѣ могла быть избрана на папскій престолъ женщина; 1100 годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ годомъ смерти антипапы Климента III.

Второе извѣстіе, заставляющее Агнесу занять папскій тронъ вслѣдъ за смертью Льва IV, въ 855 году, и возсѣдать

на немъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, равнымъ образомъ опровергается несомнѣнными фактами исторіи того времени.

Папа Левъ IV скончался 17 іюля 855 года; на монетахъ вновь избраннаго папы Бенедикта III вычеканено на одной сторонѣ: *Hlotharius Imp.*, на другой: *S. Petrus* и крестообразно расположенныя буквы *B. N. E. P. A.*, т.-е Benedictus Papa. Такъ какъ извѣстно, что императоръ Лотарь скончался 28 сентября 855 г., то, слѣдовательно, для паписсы Іоанны нѣтъ двухъ съ половиною лѣтъ, которыя ей удѣляютъ. Кромѣ того, сохранился дипломъ, подписанный папою Бенедиктомъ и помѣченный 7 октября 855 года. Но, быть можетъ, два съ половиною года составляютъ преувеличеніе, созданное фантазіею народа; быть можетъ, Агнеса занимала папскій престолъ двѣ съ половиною недѣли? Реймскій архіепископъ Гинкмаръ, въ письмѣ къ папѣ Николаю I, говоритъ, что «его посолъ находился на пути въ Римъ, когда узналъ о смерти Льва IV; прибывъ въ Римъ, посолъ засталъ на папскомъ престолѣ Бенедикта III». Для паписсы нѣтъ, слѣдовательно, и двухъ съ половиною недѣль... Современники Бенедикта III не допускали ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его предшественникомъ былъ Левъ IV; они ничего не знаютъ о паписсѣ. Аббатъ Феррьерскій Лупъ, въ письмѣ къ папѣ Бенедикту III, говоритъ, что онъ былъ посломъ у его предшественника Льва IV; епископъ Труасскій Пруденцій, въ своихъ анналахъ, современныхъ той эпохѣ, пишетъ: «Въ августѣ мѣсяцѣ умеръ Левъ, глава апостольскаго престола, а за нимъ слѣдовалъ Бенедиктъ».

Подробное разсмотрѣніе сказанія о паписсѣ Іоаннѣ необходимо приводитъ къ убѣжденію, что это сказка. Но историческая сказка должна же заключать въ себѣ какую-либо опредѣленную мысль? къ составленію подобной сказки долженъ же быть какой-либо поводъ?

V.

Литература вопроса о паписсѣ чрезвычайно богата. Число сочиненій, написанныхъ по поводу сказки о прекрасной Агнесѣ, достигаетъ въ настоящее время довольно почтенной цифры: начиная съ конца XIII стол. до начала XVII в., до 1600 г., было извѣстно болѣе 150 трактатовъ, въ которыхъ паписса Іоанна представляется лицомъ историческимъ, лицомъ, дѣйствительно существовавшимъ; между тѣмъ XVII стол. было вѣкомъ, наиболѣе плодовымъ въ этомъ отношеніи: намъ извѣстно до 50 названій трактатовъ, брошюръ и памфлетовъ, появившихся на свѣтъ въ теченіе того столѣтія; съ тѣхъ поръ вопросъ о паписсѣ Іоаннѣ не переставалъ интересовать ученыхъ всѣхъ странъ и литература его постоянно обогащалась новыми трудами. Такое громадное число произведеній, касающихся занимаемаго насъ вопроса, объясняется какъ интересомъ самого сюжета сказки и ея подробностей, такъ и значеніемъ той сказки въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ: сказка о паписсѣ Іоаннѣ затрогиваетъ самыя чувствительныя стороны католичества, какъ религіознаго учрежденія, и папства, какъ политическаго института. Папа Бенедиктъ XIV былъ до извѣстной степени правъ, когда обвинялъ протестантовъ въ созданіи сказки о паписсѣ,—она ихъ созданіе въ томъ смыслѣ, что протестантство пользовалось ею, какъ оружіемъ, удобнымъ для борьбы съ католичествомъ, и искусственно поддерживало въ теченіе вѣковъ убѣжденіе въ дѣйствительномъ существованіи паписсы Іоанны; до настоящаго времени въ протестантской литературѣ появляются сочиненія, написанныя въ этомъ смыслѣ,—брошюра О. Андреэ вышла въ свѣтъ въ 1866 году...

Тѣмъ не менѣе честь перваго, ученымъ образомъ раскрывшаго и доказавшаго сказочный характеръ сказанія о паписсѣ, принадлежитъ протестанту, не католику. Давидъ Блондель, извѣстный историкъ, издалъ въ половинѣ XVII стол. не-

большое сочиненіе, въ которомъ подробно разсматриваетъ вопросъ о томъ, «занимала ли женщина папскій престолъ въ періодъ времени отъ Льва IV до Бенедикта III» [1]), и доказываетъ, что всѣ извѣстія о паписсѣ Іоаннѣ должны быть приняты за сказку. Это сочиненіе произвело въ свое время большой эффектъ въ кругу ученыхъ и имѣло громадное вліяніе на современное ему общество. Протестанты видѣли въ этомъ сочиненіи личное оскорбленіе, нанесенное имъ авторомъ-протестантомъ; они осуждали это сочиненіе, называли его скандальнымъ, даже не читая самой книги, единственно въ силу того досаднаго для нихъ соображенія, что Блондель лишалъ ихъ возможности пользоваться сказкой о паписсѣ какъ явленіемъ, наносящимъ безчестіе всему католическому міру. Со времени выхода въ свѣтъ сочиненія Блонделя, всѣ ученые, занимавшіеся вопросомъ о паписсѣ Іоаннѣ, рѣзко дѣлятся на двѣ партіи: сторонники Блонделя признаютъ разсказъ объ Агнесѣ за сказку, противники его доказываютъ, что дѣйствительно было время, когда папскій престолъ былъ занятъ женщиною.

Ряды противниковъ Блонделя замѣтно, съ каждымъ столѣтіемъ, все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, и со временъ реформаціи они пополнялись исключительно изъ протестантовъ. Если Пиктетъ, въ началѣ XVIII стол., находилъ очень возможнымъ, что паписса Іоанна была никто иной, какъ законная супруга Льва IV, правившая римскою церковью нѣкоторое время по смерти своего супруга; если Луденъ, въ началѣ XIX стол., не видитъ съ чьей бы то ни было стороны никакой цѣли и никакой пользы отъ подобнаго вымысла [2]), то уже въ наше время подобныя заявленія невозможны, и хотя Андреэ

[1]) *David Blondel*, Eclaircissement de la question si une femme a été assise au siège papal de Rome entre Leon IV et Benoist III. Amsterdam, 1647.

[2]) Es ist nicht zu begreifen wie irgend jemand auf den Gedanken gekommen sein könne, eine solche tolle Lüge zu erfinden. *Luden*, Geschichte des deut. Volkes, VI, 513.

въ своемъ сочиненіи имѣлъ цѣлью набросить въ этомъ отношеніи тѣнь на папскій престолъ, но и онъ, какъ мы видѣли. не рѣшается признать паписсу Іоанну лицомъ историческимъ Бо́льшая часть протестантскихъ ученыхъ перешла уже въ число сторонниковъ Блонделя; оставшіеся же его противниками довольствуются лишь упоминаніемъ, что въ основѣ разсказа о паписсѣ можетъ лежать какой-либо дѣйствительный фактъ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ было доказано, что извѣстіе о паписсѣ есть не болѣе, какъ сказка, и до настоящаго времени вопросъ о значеніи той сказки, о той мысли, которая легла въ ея основаніе, остается вопросомъ нерѣшеннымъ и, по своему характеру, останется таковымъ надолго, если не навсегда. По этому поводу было высказано нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ, нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній.

Блондель первый высказалъ догадку, что источника этой сказки должно искать въ той слабой и безчестной, по его мнѣнію, полемикѣ, которую папа Іоаннъ VIII выказалъ въ дѣлѣ константинопольскаго патріарха Фотія: современники считали, что Іоаннъ VIII велъ себя въ этомъ дѣлѣ со слабостью, не достойною мужчины, они называли его женщиной и сложили въ этомъ смыслѣ сказку о паписсѣ, которая должна быть сатирой на папу Іоанна VIII. *Авентинъ* [2]) полагаетъ, что въ этой сказкѣ заключается дѣйствительно сатира, но не на папу Іоанна VIII, а на ту эпоху римскаго папства, когда въ немъ царили развратныя женщины, въ родѣ тѣхъ Теодоръ и Мароцій, о которыхъ мы упоминали въ началѣ настоящей статьи. *Панвини* [3]) находитъ, что эту сказку должно относить къ папѣ Іоанну XII, который въ числѣ многихъ любовницъ почтилъ своею особенною привязанностью

[1]) *Schmidt*, Kirchengeschichte, IV, 266.

[2]) I. Aventini Annalium Bojorum libri VII, ed. *Cisneri*. Basil. 1580.

[3]) Panvinii, Epitome romanorum pontificum usque ad Paulum IV. Venet. 1567.

распутную красавицу Іоанну Райнери. *Аллаци* [1]), основываясь на извѣстіи о томъ, что въ Германіи, въ половинѣ IX вѣка, появилась какая-то мечтательная дѣвушка, именемъ Тіота (Thiota), выдававшая себя за пророчицу и общественную учительницу, полагаетъ, что въ этомъ извѣстіи заключается главное основаніе для созданія сказки о паписсѣ Іоаннѣ. *Лейбницъ* [2]) находитъ, что подобная случайность могла быть съ какимъ-либо епископомъ, который могъ разрѣшиться отъ бремени въ Римѣ, во время папской процессіи, что и дало народу поводъ перенести эту случайность, для большаго эффекта, на папу. *Генке* [3]) видитъ въ сказаніи о паписсѣ сатиру на Лжеисидоровы Декреталіи. *Гфререръ* соединяетъ два объясненія, первое и послѣднее, въ одно: онъ видитъ въ этой сказкѣ сатиру не только на Іоанна VIII, но и на Лжеисидоровы Декреталіи [4]).

Таковы главнѣйшія изъ тѣхъ догадокъ и соображеній, которыя были высказаны въ западной литературѣ за послѣднія три столѣтія; перечислять ихъ всѣ было бы безцѣльною и безполезною работою, хотя мы и не можемъ признать мнѣнія, высказаннаго по этому поводу Блонделемъ и заключающагося въ томъ, что «не стоитъ труда занимать умъ безполезнымъ разслѣдованіемъ источника и значенія этой сказки» Мы не можемъ согласиться съ тѣми изъ французскихъ протестантовъ, которые находятъ, что написса Іоанна сдѣлала бы даже честь папскому престолу, какъ избранная единственно за свои ученыя заслуги; равнымъ образомъ не можемъ мы согласиться съ тѣми германскими протестантами, которые

---

[1]) L. Allatii, De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione, Colon. 1648.

[2]) Leibnitz, Flores sparsi in tumulum papissae, ap. *Scheid*, Bibl. hist. Goetting.

[3]) *Henke*, Kirchengeschichte, Helmstädt, 1788.

[4]) *Gfrörer*, Kirchengeschichte, III, 978.

оправдываютъ появленіе паписсы другими женщинами, занимающими въ исторіи видное мѣсто и дѣлающими честь тѣмъ націямъ, къ которымъ онѣ принадлежали. Мы видимъ въ сказаніи о паписсѣ не болѣе, какъ сказку, но сказку историческую, разслѣдовать основную мысль которой и указать поводъ къ ея зарожденію составляетъ одну изъ задачъ исторической критики, безъ чего эта критика была бы не полна.

Всматриваясь въ отдѣльныя черты разсказа, очевидно, что первоначально этой сказкой не имѣлось въ виду оскорбленіе папства; папскій престолъ вплетенъ въ разсказъ позже, ради бо́льшаго эффекта: папа и роды—сопоставленіе игривое и заманчивое. Главный, основной сюжетъ разсказа—маскированіе дѣвушки, ея притворство, обманъ и разоблаченіе обмана естественнымъ путемъ, безъ ея воли—ясно указываетъ въ немъ зародышъ романа или новеллы; упоминаемыя въ разсказѣ мѣстности—Англія, Майнцъ, Аѳины, Римъ—очевидно, составляютъ романическое изукрашеніе. Тѣмъ не менѣе разсказъ о паписсѣ не представляется чистымъ вымысломъ, пустымъ созданіемъ фантазіи; въ немъ чуется какая-то историческая точка опоры, какой-то историческій намекъ, который натолкнулъ народную фантазію на созданіе разсказа о паписсѣ Іоаннѣ, при чемъ статуя и надпись, кресла и улица служили лишь орнаментами разсказа. Этотъ намекъ могъ быть самъ по себѣ не болѣе, какъ вымысломъ, но признаваться за историческій фактъ тою эпохою, фантазія которой выткала изъ него разсказъ о паписсѣ.

Въ концѣ X столѣтія, въ Италіи, въ городѣ Салерно, однимъ изъ мѣстныхъ жителей составлена небольшая хроника, написанная дурнымъ латинскимъ языкомъ, полная басенъ и сказокъ [1]). Между прочимъ, въ ней разсказывается слѣдующая сказка: «Въ Константинополѣ былъ однажды па-

[1]) *Pertz*, s. c., III, 467 sqq.

тріархъ, человѣкъ довольно хорошій, который, ради плотской любви, держалъ при себѣ свою племянницу, переодѣтую въ евнуха. Патріархъ любилъ своего милаго евнуха и наряжалъ его въ дорогія парчевыя одѣянія. Умирая, патріархъ предложилъ своего евнуха себѣ въ преемники, и племянница патріарха была возведена на патріаршій престолъ, который занимала около полутора года. Господь явился мстителемъ за такое поруганіе патріаршаго сана, и моровая язва страшно опустошала Новый Римъ, столицу Византійской имперіи; сатана явился избавителемъ Константинополя отъ такого бѣдствія: ночью явился онъ въ лагерь лонгобардскаго герцога Арихиза Беневентскаго, назвалъ его по имени и сказалъ ему: «Я хочу повѣдать тебѣ мою продѣлку,—патріархъ византійцевъ не мужчина, а женщина, потому-то кара Божія гнететъ ту землю». Герцогъ далъ знать объ этомъ въ Константинополь, и, по произведенному дознанію, обнаружилось, что дьяволъ говорилъ правду. Патріархъ былъ низложенъ; моръ прекратился».

Этой сказкѣ вѣрили въ то время; на нее намекаетъ папа Левъ IX въ своемъ письмѣ къ патріарху Михаилу; она дала главную основу для созданія сказки о паписсѣ Іоаннѣ.

Въ спорахъ между греческою и римскою церковью, первую нерѣдко упрекали, особенно въ IX стол., послѣ назначенія Фотія патріархомъ, въ томъ, что она легко относится къ первосвященническому сану, возводитъ въ патріархи даже евнуховъ, при чемъ, какъ говорили въ Римѣ, очень возможно, что не только евнухъ, но даже женщина взойдетъ на патріаршій престолъ. Возможность была тотчасъ же облечена въ дѣйствительность и дѣйствіе перенесено въ Римъ. Здѣсь, въ Римѣ, сказка долго жила въ устахъ народа, варьировалась сообразно условіямъ времени, дополнялась мѣстными матеріалами, росла мало-по-малу, была кратко отмѣчена въ современныхъ запискахъ, пока, наконецъ, ею не воспользовались доминиканцы, которые записали ту сказку со всѣми

ея соблазнительными подробностями и разнесли по всей Европѣ.

Обставивъ сказку о паписсѣ Іоаннѣ мѣстными, чисто римскими подробностями, народная фантазія сохранила какъ историческую основу, такъ и главную пружину всего механизма: подобно тому, какъ въ разсказѣ Салернской хроники все приписано сатанѣ, такъ точно въ сказкѣ о паписсѣ Іоаннѣ все совершается *procurante diabolo*.

МОНАХИНЯ РОСВИТА.

(Писательница X вѣка).

Монахиня Росвита, писательница X вѣка.

Десятое столѣтіе отмѣчено въ исторіи Германіи рѣзкими чертами, исполнено крупныхъ явленій. Зарождавшееся народное самосознаніе Германіи, едва только успѣвъ создать свой національный политическій органъ, было осуждено выдержать тяжелую борьбу съ космополитическимъ стремленіемъ къ всемірному господству. Историческій интересъ десятаго столѣтія сосредоточенъ на этой борьбѣ, окончившейся, нѣсколько вѣковъ позже, торжествомъ національныхъ стремленій.

14-го апрѣля 919 года, въ Фрицларѣ, герцогъ саксонскій Генрихъ былъ избранъ въ короли Германіи. Когда, вслѣдъ за избраніемъ, архіепископъ майнцскій предложилъ новому королю свои услуги къ помазанію и коронованію, Генрихъ I скромно, но рѣшительно отказался отъ такой чести: «Для меня довольно и того преимущества предъ моими предками, что я называюсь королемъ и избранъ къ тому Божіею милостью и вашимъ соизволеніемъ; помазаніе же и корона пусть будутъ предоставлены болѣе меня достойнымъ». Отклоняя отъ себя церковное помазаніе, Генрихъ I тѣмъ самымъ ясно говорилъ, что онъ отрекается отъ сана римскаго императора, созданнаго теократическимъ стремленіемъ, и довольствуется титуломъ вполнѣ самостоятельнаго короля нѣмецкаго народа. Семнадцатилѣтнее правленіе Генриха доказало, насколько его національная политика была разумна и согласна съ интересами народа: во время его жизни не было ни возстаній, ни междоусобій, и послѣ его смерти, духовенство, которому Генрихъ

не дозволялъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, такъ отзывалось о немъ: «Недостаточно и цѣлаго дня,—говоритъ клирикъ Руотгеръ,—чтобъ разсказать, какимъ образомъ Генрихъ достигъ, что въ государствѣ, которое онъ получилъ въ самомъ печальномъ состояніи, водворился прекрасный, величественный миръ, въ государствѣ, всѣ части котораго были страшно обезпокоиваемы какъ безпрестанными нападеніями сосѣдей, такъ и ужасными раздорами между его союзниками и друзьями. Здѣсь — дикій, сильный на сушѣ и морѣ датскій народъ грозитъ бѣдствіями и разореніями; тамъ—скрежещутъ зубами разъединенныя славянскія племена: въ это же время, грозный венгерскій народъ огнемъ и мечомъ опустошаетъ земли государства; по ту сторону Рейна, одно возстаніе смѣняетъ другое; а вельможи государства, со всѣхъ сторонъ окруженнаго врагами, свирѣпѣютъ противъ собственной плоти и крови, и, казалось, невозможно прекратить всѣ эти бѣдствія. Но Генрихъ достигъ этого, и въ короткое время распространился въ чужихъ краяхъ, по милости Божіей, такой страхъ предъ его силою, какого никогда не было прежде, и такое единеніе связало все населеніе государства, какое не встрѣчалось прежде ни въ одной странѣ» [1]). Клирикъ Руотгеръ былъ правъ: это единеніе потому и было сильно и крѣпко, что основывалось на національномъ принципѣ. Генрихъ—первый король чисто нѣмецкаго государства; имъ начинается исторія нѣмецкаго народа.

Путь національной политики, указанный Генрихомъ, былъ отвергнутъ его же собственнымъ сыномъ, Оттономъ I, принявшимъ титулъ императора. За прославленнымъ «вѣкомъ Карла Великаго» слѣдовалъ хваленый «вѣкъ Оттона Великаго», своимъ императорскимъ блескомъ затмившій свѣтлую личность короля Генриха, который стоитъ одиноко въ исторіи X вѣка и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ служитъ примѣромъ и указаніемъ людямъ новаго времени.

[1]) *Pertz*. v. IV, p. 257.

Германскіе бытописатели почтили Оттона I титуломъ «великаго», который онъ сохраняетъ въ исторіи до настоящаго времени, хотя именно Германіи стоило слишкомъ дорого это чисто внѣшнее величіе. Нѣмецкіе историки сравниваютъ обыкновенно Оттона I съ Карломъ Великимъ, забывая однако, что въ этомъ сравненіи заключено осужденіе всѣхъ его стремленій, какъ антинаціональныхъ и теократическихъ. Оттоны не поняли національныхъ стремленій своей родной страны и всецѣло отдали себя на служеніе космополитическимъ цѣлямъ не чуждой имъ церкви. Они стремились, силою императорскаго сана, распространить повсюду истинную вѣру, христіанскую дисциплину и богоугодную жизнь, для чего считали необходимымъ подчинить мірянина священнику, священника епископу, епископа папѣ и папу императору; они не замѣчали, что были лишь орудіями духовенства, и наивно радовались, видя, что папы съ любовью помогаютъ ихъ планамъ. Смыслъ оттоновой политики не только въ Германіи, но и въ сосѣднихъ земляхъ, въ Италіи и Даніи, въ Лотарингіи и Франціи, заключался въ стремленіи сохранить единство имперіи при помощи однообразнаго церковнаго строя, при посредствѣ епископовъ, во всемъ угодливыхъ императору. Этой новой политической системѣ было найдено и новое выраженіе: имперія, созданная Оттономъ Великимъ, назвалась «Священною Римскою имперіей», и въ этомъ выраженіи сказалось уже то церковно-клерикальное направленіе императорской политики, которое было завѣщано ей Карломъ Великимъ и принесло столько зла развитію Западной Европы.

Должно сознаться, что въ Священной Римской имперіи было слишкомъ достаточно того внѣшняго блеска, который всегда способенъ ослѣпить современниковъ и подкупить приговоръ потомства. Власть Оттона I простиралась отъ Сены до Вислы и отъ Эйдера до Абруццъ; онъ воевалъ съ датчанами въ Шлезвигѣ, съ славянами на Одерѣ, съ бургундцами на Ронѣ, съ византійцами на Гарильяно, и остался побѣдителемъ

во всѣхъ войнахъ; онъ былъ королемъ Германіи и Италіи, сюзереномъ вендовъ, чеховъ, поляковъ и датчанъ. онъ покровительствовалъ Бургундіи и вмѣшивался въ дѣла Франціи. Въ Европѣ не было ни одной страны, въ которой не чувствовалось бы такъ или иначе оттоновой власти. О Россіи, конечно, не могло быть тогда и рѣчи, Испанія была слишкомъ отдалена, Англія была защищена моремъ отъ имперіи, у которой не было флота. На всемъ европейскомъ континентѣ, гдѣ только была латинская вѣра, не было ни одной страны, которая не признавала бы властительной воли Оттона. Это, конечно, льстило честолюбію императора; но не менѣе справедливо, что этотъ блескъ имперіи покупался дорогою цѣною нѣмецкой крови и національныхъ интересовъ Германіи. Чтобъ быть королями Италіи и защитниками папъ, державшихъ въ своихъ рукахъ императорскую корону, Оттоны совершили рядъ походовъ за Альпы, гдѣ нѣмецкое войско билось за интересы, ему чуждые, и проливало кровь ради цѣлей, ему враждебныхъ. Это истощало Германію, и истощало совершенно безплодно: для нѣмцевъ невозможно было воевать въ одно и то же время въ Ломбардіи и Апуліи, на Эйдерѣ и Одерѣ, какъ не возможно было позже для французовъ воевать разомъ въ Мадридѣ и Москвѣ. Подобно Каролингамъ, Оттоны заботились болѣе о нуждахъ Италіи, чѣмъ объ интересахъ своей родины, и вопросы церкви ставили выше задачъ политики; подобно Каролингамъ, Оттоны скоро выродились, и уже внукъ перваго императора, Оттонъ III, стремился, по его собственнымъ словамъ, «отбросить племенную саксонскую грубость, и ставъ истымъ римляниномъ, окружить себя византійскою пышностью». Германія должна считать большимъ для себя счастіемъ, что Оттонъ III рано умеръ,—онъ слишкомъ уже усердно заботился объ искорененіи грубой нѣмецкой натуры!

Въ итогѣ, оттоновская политика, внѣшняя и внутренняя, привела къ тѣмъ же результатамъ. что и политика каролинг-

ской династіи,—къ полному политическому банкротству. Оттоны болѣе всего заботились объ упроченіи своей власти въ Италіи, а между тѣмъ, по словамъ современнаго имъ хрониста, «въ Италіи нѣмцевъ никто не любитъ, и многіе нѣмцы умираютъ тамъ отъ яда» [1]). Если же итальянцы встрѣчали войска императоровъ ядомъ, то нѣмцы провожали ихъ въ итальянскіе походы проклятіями. Занятые итальянскими дѣлами, императоры не пекутся объ организаціи національной государственной власти въ Германіи: князья, герцоги и графы подрываютъ существенныя права монархическаго начала и пріобрѣтаютъ наслѣдственность своихъ правъ и должностей; ослабляя королевскую власть и уничтожая народныя права, нѣмецкіе князья достигаютъ свободы закрѣплять за собою народъ и продавать крѣпостныхъ, какъ домашнихъ животныхъ, при чемъ человѣкъ продается дешевле головы рогатаго скота! Желая противодѣйствовать усиленію княжеской власти, императоры возвышаютъ въ Германіи церковныхъ сановниковъ, и въ борьбѣ съ князьями, опираются на епископовъ, подвергая центральную власть большой опасности: если бъ епископы измѣнили королю, если они когда-нибудь измѣнятъ коронѣ,—центральная власть рухнетъ, что, какъ извѣстно, и случилось. Путь, указанный Оттономъ Великимъ, привелъ императорскую власть, послѣ 150-лѣтнихъ напряженныхъ усилій, къ полному уничиженію, сдѣлалъ императора въ Германіи игрушкою нѣмецкихъ курфюрстовъ и заставилъ его въ Италіи униженно преклоняться предъ папскимъ всемогуществомъ, созданнымъ ошибками императорской же политики.

Политическое состояніе Германіи X столѣтія довольно точно отразилось на исторіографіи того времени. Къ началу вѣка, вмѣстѣ съ паденіемъ Каролингской монархіи, прекращаются главнѣйшія историческія записи: *Annales Fuldenses* обрываются на 901 годѣ а *Chronicon Reginonis* останавливается на 905 годѣ; въ теченіе слѣдующаго затѣмъ полусто-

[1]) *Pertz*, v. III, p. 782.

лѣтія современныя извѣстія ограничиваются сухими и отрывочными замѣтками въ монастырскихъ анналахъ, при чемъ обращается преимущественное и почти исключительное вниманіе на мелкіе мѣстные интересы, не выходящіе часто за ограду монастыря. Только со второй половины X столѣтія анналы становятся болѣе интересны, и выходя за предѣлы мѣстныхъ извѣстій, касаются вопросовъ государственныхъ. Анналы монастырей Рейхенау, Санъ-Галлена и Кельна являются, въ этомъ случаѣ, какъ бы предвѣстниками болѣе солиднаго, хотя все еще анонимнаго, «сборнаго» труда, извѣстнаго въ исторіографіи подъ названіемъ Continuatio Reginonis: продолжатель хроники аббата Регинона хорошо знаетъ описываемыя имъ событія, интересуется судьбами имперіи, и какъ очевидецъ, живо изображаетъ происшествія, оттѣняя болѣе важныя и принимая въ нихъ сердечное участіе. Этотъ трудъ обрывается на 967 годѣ, на томъ самомъ, съ которымъ связаны два наиболѣе извѣстныя историческія произведенія X вѣка: въ этомъ году монахъ Видукиндъ Корвейскій оставляетъ заниматься переработкою житій, чтобы посвятить себя на болѣе важный историческій трудъ, плодомъ котораго была *Res gestae Saxonicae*, и до 967 же года доведенъ извѣстный *Carmen de gestis Oddonis I imperatoris*, написанный саксонкою Росвитою, монахинею Гандерсгеймскаго монастыря, трудамъ которой посвящена настоящая статья.

Классическое изрѣченіе: *habent et sua fata libelli*, какъ нельзя болѣе оправдалось на трудахъ занимающей насъ писательницы X-го вѣка. Возбудивъ при жизни автора общее сочувствіе и удостоившись изысканныхъ похвалъ отъ современныхъ ученыхъ, произведенія Росвиты хранились въ теченіе слѣдующихъ пяти вѣковъ въ монастырскихъ архивахъ, всѣми забытыя и никому неизвѣстныя, пока, въ 1501-мъ году, поэтъ Цельтисъ не издалъ большей части случайно найденныхъ имъ рукописныхъ трудовъ Гандерсгеймской монахини [1]).

[1]) *Opera Hrosvite illustris virgi[illegible] [illegible]lis germane gente saxonica orte nuper a Conrado Celte inventa.* [illegible] Finis operum Hrosvithae cla-

Появленіе въ свѣтъ драгоцѣнныхъ памятниковъ германской старины было принято ученымъ міромъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они вполнѣ заслуживали. Въ теченіе послѣднихъ трехъ съ половиною вѣковъ произведенія Росвиты были неоднократно издаваемы; ихъ читали, коментировали, переводили на современные языки, и когда, наконецъ, въ 1858 году, было издано первое полное собраніе произведеній Росвиты [1]), они всѣ, безъ исключенія, были объявлены подложными, не заслуживающими никакого вниманія, никуда негодными произведеніями Цельтиса и нѣсколькихъ гуманистовъ конца XV вѣка [2]). Мнѣніе о подложности произведеній Росвиты было высказано не въ формѣ сомнѣнія, а какъ фактъ научно-достовѣрный; подлинность сохранившейся въ Мюнхенѣ рукописи стихотвореній и драмъ Росвиты была отвергнута не какимъ-либо дилетантомъ въ наукѣ, а дѣйствительнымъ членомъ Вѣнской академіи наукъ, Іосифомъ Ашбахомъ, извѣстнымъ въ исторической литературѣ своими обширными изслѣдованіями по исторіи Испаніи [3]); наконецъ, трудъ Ашбаха былъ читанъ въ историко-филологическомъ отдѣленіи Вѣнской академіи, которая напечатала его въ своихъ мемуарахъ [4]), что́ придало ему извѣстный авторитетъ. Мнѣніе о подложности тѣхъ про-

---

rissimae virginis et monialis. Germanicae gente Saxonica orte Impressum Norimbergae sub Privilegio Sodalitatis Celticae a Senatu Rhomani Imperii impetrato. Anno Christi Quingentesimo primo supra Millesimum. Изданіе это давно уже стало библіографическою рѣдкостью; его подробно описалъ *Maugerard*, въ *Esprit des journaux*, avril 1788, p. 257.

[1]) *K. A. Barack*, Die Werke der Grotswitha. Nürnberg. 1858. Мы ссылаемся постоянно на это изданіе, какъ лучшее и полнѣйшее.

[2]) *J. Aschbach*, Roswitha und Conrad Celtes. Wien. 1868.

[3]) Geschichte der Ommajaden in Spanien, nebst einer Darstellung des Entstehens des spanischen christlichen Reichs, 2 B. Wien, 1860. Первый трудъ Ашбаха, составившій ему имя, былъ написанъ болѣе 40 лѣтъ назадъ, именно: „Hat Franken im zehnten Jahrhundert Landesherzoge gehabt?“ Эта небольшая статья была помѣщена въ *Schlosser* und *Bercht*, *Archiv f. Gesch. u. Liter.*, II, 1831, p. 162 sqq.

[4]) Sitzungsberichte der phil. hist. Classe der k. k. Akademie der Wissenschaften. Mai. 1867.

изведеній, которыя составляли одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ исторіи X вѣка, произвело большое впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ: несмотря на чисто ученый вопросъ, академическій рефератъ Ашбаха выдержалъ два отдѣльныя изданія въ теченіе одного года; извѣстнѣйшіе нѣмецкіе ученые поспѣшили заявить свое полное несочувствіе подобному мнѣнію [1]; французская и англійская печать обратили на трудъ Ашбаха вниманіе своихъ соотечественниковъ [2]) и, тѣмъ не менѣе, въ теченіе протекшихъ пяти лѣтъ, не появилось ни одного сколько-нибудь серьезнаго, тѣмъ менѣе рѣшительнаго изслѣдованія по этому вопросу. Для того, чтобы рѣшить, подлинны ли произведенія Росвиты, или поддѣланы Цельтисомъ и его друзьями, членами Рейнскаго общества (Sodalitas Rhenana), необходимо познакомиться съ содержаніемъ самыхъ этихъ произведеній и опредѣлить отношеніе Цельтиса къ сохранившейся рукописи.

I.

Въ Мюнхенской придворной библіотекѣ хранится рукопись произведеній Росвиты (Cod. lat. 14; 485). По своему внѣшнему виду, рукопись никогда и ни въ комъ не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія; ею пользовались многіе ученые, и она давно уже подробно описана. Рукопись состоитъ изъ 150 листовъ хорошаго пергамента, въ четверку; каждый листъ $9^1/_2$ дюймовъ длины и $6^1/_2$ дюймовъ ширины; на каждой сторонѣ листа 24 строки, обозначенныя линейками, по которымъ написаны гексаметры характернымъ тонкимъ почеркомъ XI-го столѣтія [3]); начальныя буквы и заглавія писаны красною краскою.

---

[1]) *Waitz* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, S. 1261; *Maurenbrecher* въ *Hist. Zeit.*, XX, 416 и др.

[2]) *Revue critique*, 1868. № 11, p. 168; *The Chronicle*, 1867, № 33, p. 784.

[3]) *A. Ruland*, Der Original-Codex der Roswitha und die Herausgabe desselben durch Conrad Celtes. Помѣщено въ *Serapeum*, *Zeit. f. Bibliothekwiss.*, *Handschriftenk. und ältere Litter.*, 1857, № 2.

Таковы существенныя особенности внѣшняго вида рукописи; посмотримъ на внутреннее ея содержаніе.

Рукопись начинается введеніемъ или предисловіемъ, написаннымъ прозою. Росвита, со свойственною ей, какъ женщинѣ и къ тому же монахинѣ, скромностью, поручаетъ свой слабый трудъ, нуждающійся въ исправленіяхъ, благосклонному вниманію всѣхъ образованныхъ людей; она извиняетъ свои ошибки монастырскимъ уединеніемъ, слабостью своего пола и возрастомъ, не достигшимъ еще полной зрѣлости; она сознаетъ свое несовершенство въ метрикѣ и латинскомъ языкѣ и высказываетъ опасеніе, что основала свои поэтическіе разсказы на источникахъ, быть можетъ, не во всемъ надежныхъ: свое невѣжество она старалась загладить вставками изъ сочиненій, имѣющихся въ монастырѣ, и, сверхъ того, ея недостатки устранялись совѣтами ея учительницъ — монахини Риккардисы и аббатиссы Герберги; если же она написала свое произведеніе дактилическими стихами, то этимъ она обязана не своему таланту, но милости Всевышняго. За предисловіемъ слѣдуетъ небольшое, въ 12 строкъ, посвященіе аббатиссѣ Гербергѣ.

За посвященіемъ слѣдуютъ восемь стихотвореній, составляющихъ, по словамъ Росвиты, первую книгу ея трудовъ. Содержаніе этихъ стихотвореній заимствовано изъ легендъ, которыя Росвита собрала *intra decum Gandeshemensis coenobii*; легенды переданы почти дословно, безъ всякихъ прибавокъ, и стихотворенія эти являются лишь переложеніемъ прозы въ гекзаметры. Первая книга распадается на двѣ неравныя части: въ первой пять, во второй шесть стихотвореній; передъ каждою частью помѣщено особое посвященіе аббатиссѣ Гандерсгеймскаго монастыря Гербергѣ; во второмъ изъ этихъ посвященій Росвита называетъ свои три послѣднія стихотворенія *versiculi novelli*. Легенды, переложенныя въ гекзаметры, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Maria Historia nativitatis laudabilisque conversationis in-*

tactae Dei genitricis, quam scriptam repperi sub nomine sancti Jacobi, fratris Domini. Росвита нашла въ монастырѣ апокрифическое евангеліе св. Іакова [1]) и по немъ разсказала, въ 859 гекзаметрахъ, важнѣйшія событія всей жизни Богоматери, отъ рожденія до бѣгства въ Египетъ. Разсказъ простъ и во всемъ вѣренъ легендѣ: «Іоакимъ и Анна, изъ рода Давидова, долгое время остаются бездѣтными, вслѣдствіе чего лишаются права жертвоприношеній; послѣ долгихъ и усердныхъ молитвъ къ Богу, у нихъ рождается дочь Марія, которая скоро превосходитъ всѣхъ своимъ благочестіемъ. Когда, по приказанію левитовъ, она должна была избрать себѣ мужа, то всѣ неженатые мужчины принесли лозы во храмъ, и такъ какъ изъ лозы Іосифа вылетѣлъ бѣлый голубь и взвился къ небу, то онъ и былъ нареченъ ея мужемъ. Вслѣдъ затѣмъ является ангелъ и возвѣщаетъ Маріи, что она родитъ сына Всевышняго; Марія рождаетъ въ Виѳлеемѣ Іисуса Христа, божественность котораго признается волхвами и магами, являющимися съ Востока для поклоненія. Иродъ узнаетъ и ищетъ младенца; по указанію ангела, Іосифъ съ Маріей и младенцемъ бѣгутъ въ Египетъ, гдѣ чудеса указываютъ его божественное происхожденіе: змѣи и драконы, львы и леопарды прислуживаютъ ему въ пустынѣ; по слову Христа, высокая пальма нагнула свою вершину, предлагая малюткѣ плоды свои, и при появленіи его въ языческомъ храмѣ, всѣ идолы падаютъ съ своихъ пьедесталовъ на землю».

2) *De ascensione Domini. Hanc narrationem Johannes episcopus a Graeconia in latinum transtulit.* Епископъ Іоаннъ перевелъ съ греческаго разсказъ о вознесеніи Господнемъ, а Росвита передала его въ 150 гекзаметрахъ. Разсказъ во всемъ согласенъ съ Евангеліями и Дѣяніями Св. Апостоловъ, за исключеніемъ лишь поэтической прибавки, принадлежащей Росвитѣ, что въ сонмѣ ангеловъ и святыхъ, сопровождавшихъ торжественный путь Спасителя, находился также будто

[1]) *J. A. Fabricius,* Codic. apocryph. Novi Testamenti, t. I, p. 40 sqq.

бы и Давидъ, который, игрою на лирѣ, прославлялъ Отца и Сына:

v. 97. Conveniunt illec veterum cunei quoque vatum,
Inter quos medius David, rex psallere doctus,
Cantans in citharis, hortatur talibus ossis etc.

Въ концѣ стихотворенія, Росвита, называя себя, проситъ читателя умолить Бога, чтобъ Онъ умилосердился надъ нею и даровалъ бы ей силы воспѣть славу Ему и въ другихъ еще духовныхъ стихахъ:

v. 147. Haec quicumque legat, miseranti pectore dicat:
Rex die, Hrostvithae parcens miserere misellae,
Et fac divinis persistere coelitos odis
Hanc, quae laudando cecinit tua facta stupenda [1]).

3) *Passio sancti Gongolfi, martyris* [2]). Лучшій изъ духовныхъ стиховъ Росвиты, состоящій изъ 564 строкъ элегическаго размѣра, или точнѣе, изъ 282 леонинскихъ двустишій, не считая 18-ти первыхъ строкъ, въ которыхъ заключается обращеніе Росвиты къ Богу. Разсказъ Росвиты совершенно сходенъ, въ главныхъ чертахъ, съ извѣстною легендой о св. Гонгольфѣ, которая была очень распространена въ средніе вѣка [3]). Гонгольфъ жилъ въ половинѣ VIII вѣка и принадлежалъ къ королевскому дому Бургундіи; за свое благочестіе и за святость жизни, онъ обладалъ даромъ совершать чудеса. Возвращаясь однажды изъ похода, онъ прельстился и купилъ себѣ великолѣпный садъ, принадлежавшій какому-то бѣдняку. Мѣстоположеніе, тѣнистыя деревья, ключевая вода и другія прелести сада описаны Росвитою въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ (v. 89 sqq.). Гонгольфа осуждали за дорогую цѣну, предложенную бѣдняку, и укоры приближенныхъ усилились, когда бассейнъ съ ключевою водою внезапно высохъ,— Гонгольфъ воткнулъ свой посохъ въ то мѣсто, гдѣ былъ родникъ, и когда на другой день вытащили посохъ, изъ образо-

[1]) *Ашбахъ*, стр. 20. [2]) *Barack*, p. 44—62. [3]) *Acta Sanct.* подъ 11-мъ мая (v. II, p. 642—655).

вавшейся дыры забила ключомъ вода, имѣвшая къ тому же цѣлебныя свойства. 338-мъ стихомъ оканчивается описаніе жизни св. Гонгольфа, и съ 339-го начинается разсказъ объ его мученичествѣ. Гонгольфъ женился на красавицѣ, regalem genere et nitidam facie (v. 350), женщинѣ страстной и невоздержной, которую легенда окрещиваетъ соотвѣтствующимъ ея нраву именемъ *Ганеи* [1]). Какъ и слѣдовало ожидать, на сцену является домашнее духовное лицо, съ которымъ Ганея входитъ въ преступную связь; по всей окрестности прошла дурная молва о женѣ Гонгольфа; мужъ требуетъ, чтобы жена оправдалась «Божіимъ судомъ», и предлагаетъ ей опустить правую руку въ холодную воду,—Ганея согласилась и вынула руку обугленною. Гонгольфъ прощаетъ жену, преступность которой была такимъ образомъ доказана, но требуетъ, чтобы *dampnandus clericus* (v. 425) немедленно покинулъ его владѣнія. Клирикъ слѣдующею же ночью убиваетъ Гонгольфа и скрывается съ Ганеей. Гонгольфа хоронятъ съ почестями [2]), и на его гробѣ совершаются чудеса. Ганея не вѣритъ чудесамъ, глумится надъ ними, говоритъ, что это такія же чудеса, какъ и тѣ, о которыхъ ей разсказывалъ оракулъ; за такое глумленіе Ганея была немедленно наказана: съ этихъ поръ каждое ея слово повторялъ оракулъ. Росвита, какъ женщина, измѣнила конецъ своей легенды, довольно нескромный: Ганея, по словамъ легенды, *miracula non secus ut ventris crepitum existimavit*, за что и была достойно наказана: *in poenam perfidiae venter illi quod viveret perpetuo crepabat*.

4) ***Passio sancti Pelagii, pretiosissimi martyris, qui nostris temporibus in Corduba martyrio est coronatus*** [3]). Духовный

[1]) *Ganea* или *ganeum* обозначаетъ собственно всякое мѣсто для отдохновенія, но употребляется для выраженія увеселительнаго, въ порочномъ смыслѣ, заведенія. *Ganeo* гуляка, мотъ, развратникъ. Росвита три раза упоминаетъ имя жены Гонгольфа и всегда пишетъ маленькою буквою, какъ имя нарицательное: см. vv. 449, 472, 530.

[2]) По легендѣ, Гонгольфъ былъ похороненъ въ городѣ Тулѣ, Toul; въ разсматриваемомъ стихѣ *Tul*, см. vv. 494, 525.

[3]) *Barack*, 65—77.

стихъ о мученичествѣ св. Пелагія, состоящій изъ 404 гекзаметровъ, написанъ Росвитою по разсказамъ очевидца, «уроженца того города, въ которомъ происшествіе совершилось» [1]). Кордова, какъ и бо́льшая часть Испаніи, подпала власти мавровъ; калифы избрали ее своею резиденціей, и во время разсказа въ ней жилъ Абдерахманъ III (v. 74: Abdrahemen), превосходившій своихъ предшественниковъ ненавистью къ христіанамъ и, вслѣдствіе того, ходившій войною въ Галицію [2]). Война кончилась успѣшно для мавровъ, и они отвели въ плѣнъ знаменитыхъ мужей Галиціи, и въ томъ числѣ отца Пелагія, который не могъ представить назначеннаго ему слишкомъ большого выкупа. Послѣ долгихъ просьбъ, сыну удалось уговорить отца выдать его, въ придачу къ денежному выкупу, какъ заложника. Пелагій отличался отъ своихъ сверстниковъ и тѣломъ, и душою:

v. 143: Cui fuerat natus praeclari germinis unus
Omni praenitida compostus corpore forma,
Nomine Pelagius, formae splendore decorus,
Consilio prudens, tota bonitate refulgens,
Qui, vix transactis jam tunc puerilibus annis,
Attigit aetatis primos flores juvenilis.

Мальчикъ понравился сластолюбивому Абдерахману; но на всѣ предложенія калифа удовлетворить его страсть Пелагій отвѣчалъ презрительными отказами и за одно намѣ-

---

[1]) *Barack*, p. 133. Пелагій умеръ мученической смертью 26-го іюня 925 года, а въ 953 году императоръ Оттонъ I посылалъ въ Испанію, къ Абдерахману III, посольство; болѣе, чѣмъ вѣроятно, что прибывшій съ этимъ посольствомъ въ Германію какой-нибудь испанецъ могъ разсказывать Росвитѣ и, болѣе подробно, аббатиссѣ Гербергѣ мученичество Пелагія, которое въ то время было еще такъ свѣжо въ памяти каждаго испанца. По неточности нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей разсказа можно думать, что разсказчикъ только выдавалъ себя за очевидца, чтобы возбудить тѣмъ большее довѣріе къ своему разсказу. *Schäfer*, Gesch. d. Spanien, II. 179; *Aschbach*, Gesch. d. Ommajaden, II, 101; *Magnin*, Théatre de Hrotsvitha (Paris. 1845), p. XXXII; *Barack*, p. XXIII.

[2]) v. 107 et 111. Абдерахманъ III не ходилъ походами въ ту испанскую область, которую мы въ настоящее время называемъ Галиціею. *Aschbach*, Gesch. d. Omm., II, 23 sqq.

реніе Абдерахмана поцѣловать его ударилъ калифа по губамъ (v. 269) [1]). Раздраженный калифъ приказалъ бросить Пелагія съ городской стѣны въ рѣку, разбивъ его объ утесы; приказаніе было исполнено, но Пелагій остался невредимъ; тогда ему отрубили голову, изрѣзали тѣло на части и бросили въ рѣку. Магометанскіе рыбаки изловили куски тѣла и за дорогую цѣну продали ихъ христіанамъ, которые убѣдились, что это дѣйствительно тѣло Пелагія, такъ какъ голова не горѣла въ огнѣ.

5) *Theophilus. Lapsus et conversio Theophili Vicedomini* [2]). Сказаніе о Ѳеофилѣ, записавшемъ свою душу сатанѣ, было любимою темою средневѣковой сказочной литературы; постепенно развиваясь, оно перешло, наконецъ, въ сагу о Фаустѣ [3]). Росвита посвятила этому сказанію 455 стиховъ. Въ IX вѣкѣ [4]), еще будучи молодымъ человѣкомъ, Ѳеофилъ былъ избранъ въ архидіаконы [5]), и только по собственной скромности отказался быть епископомъ, несмотря на единогласное избраніе народа и духовенства. Избранный, вслѣдствіе отказа Ѳеофила, новый епископъ лишилъ Ѳеофила даже мѣста архидіакона. Сожалѣніе по утраченной власти и желаніе вновь получить почетное мѣсто мучатъ Ѳеофила, и при содѣйствіи какого-то еврея, *qui magica plures decepit fraude fideles* (v. 84), онъ предается сатанѣ: Ѳеофилъ отрекается отъ Христа, св. Дѣвы и вновь

---

[1]) Священникъ Рагуель, очевидецъ окончательнаго мученичества Пелагія, описалъ это иначе. Flores Espana Sagrada. v. XXIII, p. 234. Такъ какъ искушеніе Абдерахманомъ Пелагія происходило безъ свидѣтелей, то сцена соблазна была передаваема каждымъ разсказчикомъ сообразно личнымъ взглядамъ.

[2]) *Barack*, p. 80 - 94.

[3]) Слуга Ѳеофила, Eutychianus, оставилъ описаніе ѳеофиловскаго приключенія (*Fabric.* Bibl. Graeca, X, p. 339); латинскій переводъ см. Acta Sanct., Febr., I, p. 480. Въ XIII столѣтіи Рютбефъ, знаменитый трубадуръ временъ Людовика Св., написалъ драму *Miracle de Théophile*, которая, въ свое время, была извѣстна всей Европѣ (*A. Jubinal*, Oeuvres de Rutebeuf. Paris, 1840, 2 vls).

[4]) Въ 835 году онъ далъ сатанѣ запись на свою душу (*Barack*, p. XXVI). Если Маньенъ, Théatre de Hrotsv., p. XXXIV, называетъ 538 годъ, то это, очевидно, опечатка.

[5]) Ѳеофилъ бы[illegible]онъ антіохійской церкви въ Киликіи.

получаетъ свое прежнее мѣсто. Скоро, однако, Ѳеофилъ раскаивается, обращается съ мольбою къ Богоматери и, при ея содѣйствіи, вновь получаетъ обратно не только запись, данную имъ сатанѣ, но и милость Божію.

6) *Conversio cujusdam juvenis desperati per S. Basilium episcopum* [1]). Духовный стихъ въ 294 строки на ту же тему, что и предыдущій: Кесарійскій рабъ записалъ себя сатанѣ, чтобы при его помощи добиться руки дочери своего господина, Протерія, предназначенной отцомъ къ монастырской жизни; рабъ достигъ своей цѣли, но долженъ былъ во всемъ признаться женѣ, которая тотчасъ замѣтила, что рабъ избѣгаетъ богослуженія. Жена немедленно потребовала развода и вступила въ монастырь, чтобы замолить свой грѣхъ; послѣ же чистосердечнаго раскаянія раба, Василій, епископъ кесарійскій, отнялъ у демона запись раба, при чемъ, однако, долженъ былъ долго спорить съ сатаною.

7) *Passio sancti Dionysii, egregii martyris* [2]). Описывая въ 266 гекзаметрахъ страданія св. Діонисія мученика, Росвита впадаетъ въ ту ошибку, которая повторяется многими и въ настоящее время, несмотря на то, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія эта ошибка была разъяснена: Росвита приписываетъ одному и тому же лицу событія изъ жизни двухъ—Діонисія Ареопагита, умершаго въ 95 г., и Діонисія, апостола Галліи, мученически пострадавшаго въ 272 году [3]) Діонисій, изучавшій въ Египтѣ астрономію, былъ крайне удивленъ солнечному затменію, происшедшему въ моментъ рожденія Іисуса Христа, такъ какъ это затменіе не предвидѣлось учеными и астрономами того времени. Возвратясь въ

---

[1]) *Barack*, p. 98—106. [2]) *Barack*, p. 108—116.

[3]) Еще Абеляръ велъ по этому поводу горячій споръ съ монахами въ St.-Denis. *Fr. Lübker* (Evang. Kal., 1855, S. 93), говоря о Діонисіѣ Ареопагитѣ, считаетъ необходимымъ прибавить: Es gab noch andere Diener der ältesten christlichen Kirche, die den Namen Dionysius trugen und mit dem hier bezeichneten nicht zu verwechseln sind, unter welchen vor den übrigen derjenige hervorragt, welcher für den Apostel von Gallien gilt.

Аѳины. онъ воздвигъ алтарь тому «неизвѣстному Богу», чье рожденіе сопровождалось такимъ астрономическимъ явленіемъ. У этого-то алтаря апостолъ Павелъ проповѣдывалъ Христа и обратилъ многихъ слушателей, въ томъ числѣ и Діонисія, котораго Павелъ назначилъ старшиною надъ христіанскою общиною въ Аѳинахъ. Діонисій, вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія, отправился въ Римъ, желая заслужить вѣнецъ мученичества за новую вѣру; изъ Рима, по приказанію Климента, ученика св. Петра,—въ Галлію для проповѣди Евангелія. Въ это время Домиціанъ издалъ указъ о строгомъ преслѣдованіи христіанъ, вслѣдствіе чего *praeses Sisinnius* (v. 160) приговорилъ христіанина Діонисія къ смертной казни чрезъ обезглавленіе. Послѣ казни Діонисій взялъ въ руки отрубленную свою голову и пошелъ съ горы, на которой былъ казненъ; онъ прошелъ такимъ образомъ двѣ мили и остановился на томъ мѣстѣ, которое самъ избралъ достойнымъ для погребенія своего тѣла [1]):

v. 229: Truncatum quoque pontificis corpus morientis
Erigitur subito, nitidum splendore sereno,
Atque, caput brachiis portans proprium bene firmis,
Descendit recto gressu de monte profundo,
In duo martyrium consummavit pretiosum,
Transiliensque viae citius duo milia durae,
Venit ad usque locum, servando corpore dignum.
Quem descendentem cursuque cito gradientem,
Coetus angelici comitantur, luce sereni,
Alleluia Deo resonantes voce sonora.

8) *Agnes. Incipit passio sanctae Agnetis, virginis et martyris* [2]). Послѣдній духовный стихъ Росвиты, состоящій изъ 459 гекзаметровъ, разсказываетъ страданіе и мученическую смерть св. Агнесы, во всемъ согласно съ описаніемъ св. Амвросія [3]). Агнеса, молодая, красивая римлянка—mundo celeberrima (v. 19), meritis clarissima virgo (v. 25)—приняла

---

[1]) ***Magnin***, p. XXXV. ***Barack***, p. XXIX. [2]) ***Barack***, p. 118—132.
[3]) Acta Sanct., Januar., II, p. 351; Jul., II, p. 228.

христіанскую вѣру и дала обѣтъ цѣломудрія; сынъ Симпронія, префекта города Рима (v. 43), влюбился въ Агнесу и не щадилъ ни льстивыхъ словъ, ни дорогихъ подарковъ, чтобы склонить ее на бракъ; но Агнеса, обрученная Христу, отвергла всѣ мольбы земной страсти. Огорченный отказомъ, сынъ Симпронія заболѣлъ; его жизнь была въ опасности. Симпроній призываетъ Агнесу, уговариваетъ ее удовлетворить страсти любимаго сына, проситъ ее, затѣмъ совѣтуетъ посвятить себя служенію богинѣ Вестѣ (v. 155); наконецъ, грозитъ и, раздраженный твердостью Агнесы, приказываетъ раздѣть ее и голую бросить въ самый грязный притонъ разврата:

v. 207: Coelestis sponsam regis jussit venerandam
Vestibus exutam, toto quoque corpore nudam,
Concurrente trahi conventiculo populari,
In quo lupanaris nigrum concludier antrum,
In quo lascivi juvenes, rationis egeni,
Colloquio scelerosarum gaudent mulierum [1]).

Едва, однако, сорваны были одежды съ Агнесы, какъ коса ея мгновенно выросла и волосами покрыла все обнаженное тѣло до пятокъ; когда же ее привели въ мѣсто разврата, явился ангелъ съ небеси и крылами своими защитилъ Агнесу отъ преступныхъ взоровъ прелюбодѣйной римской молодежи. Распаленный страстью, сынъ Симпронія палъ мертвымъ при первомъ нечистомъ взглядѣ на нареченную невѣсту Христа. Отецъ, въ отчаяніи, обвиняетъ Агнесу въ колдовствѣ; желая оправдаться, Агнеса обращается съ молитвою къ Богу, и, по ея предстательству, сынъ префекта города Рима воскресаетъ. Свидѣтели такого чуда, отецъ и сынъ, увѣровали въ единаго Бога и приняли христіанство; языческіе же жрецы, узнавъ о такомъ чудѣ, настойчиво требовали казни Агнесы, какъ колдуньи, и преемникъ Симпронія въ должности городского префекта, Аспазій—dictus rituque profanus (v. 357)—приговариваетъ ее къ смертной казни чрезъ сожженіе. Огонь костра

[1]) *Barack*, p. 124.

опалялъ зрителей, жегъ исполнителей казни, но Агнеса пребыла невредимою среди пламени. Аспазій приказалъ отрубить «чародѣйкѣ» голову, что и было исполнено вполнѣ успѣшно. Агнеса, по совершеніи надъ нею казни, вознеслась на небо, сопровождаемая сонмомъ ангеловъ.

Послѣднимъ, 459-мъ стихомъ «Агнесы» заканчивается первая книга сочиненій Росвиты и начинается вторая, содержащая въ себѣ драматическія ея произведенія, что довольно точно обозначено выраженіемъ: *Explicit liber primus, incipit secundus, dramatica serie contextus.* За этимъ объясненіемъ, въ мюнхенскомъ кодексѣ, слѣдуютъ нѣсколько строкъ въ прозѣ, которыя служатъ какъ бы эпилогомъ къ «духовнымъ стихамъ» и прологомъ къ «драмамъ»:

«Содержаніе настоящей книги, равно какъ и предыдущей, я заимствовала изъ древнихъ произведеній, написанныхъ авторами, имена которыхъ хорошо извѣстны, за исключеніемъ описанныхъ выше страданій св. Пелагія, мученичество коего разсказалъ мнѣ уроженецъ того города, гдѣ происшествіе совершилось, увѣряя, что онъ самъ видѣлъ этого прекраснѣйшаго изъ людей, и свидѣтельствуя, что дѣйствительно таковъ былъ исходъ дѣла. Такимъ образомъ, если въ мои стихи или драмы вкралось что-либо ложное, то не по моей винѣ, потому что я точно подражала лживымъ разсказамъ» [1]).

Драмы Росвиты интереснѣе, живѣе ея духовныхъ стиховъ; онѣ производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе и тѣмъ сильнѣе приковываютъ наше вниманіе, что писаны рукою женщины X вѣка, въ ту тяжелую эпоху церковнаго сплоченія и общественнаго разъединенія, когда, казалось, не было для драматическихъ произведеній ни поэтовъ, ни актеровъ, ни зрителей, когда самое слово драма было неизвѣстно и звучало какимъ-то анахронизмомъ, вызывавшимъ лишь память о языческой древности. Содержаніе же шести драмъ Росвиты способно лишь усилить наше удивленіе: онѣ переносятъ насъ

---

[1]) *Barack*, p. 133.

изъ убогой кельи непорочной монахини въ темные притоны разврата публичныхъ женщинъ, и хотя въ послѣднихъ актахъ этихъ драмъ всегда «добродѣтель торжествуетъ и порокъ наказывается», но во время дѣйствія порокъ не всегда стѣсняется въ своихъ выраженіяхъ, а добродѣтель нерѣдко заставляетъ опасаться за свою твердость.

Росвита сознавала, что ея драмы возбудятъ сомнительные толки, и предпослала имъ два объясненія. въ прозѣ: одно въ видѣ предисловія, другое—въ формѣ письма къ своимъ «цѣнителямъ и судьямъ». Оба объясненія чрезвычайно оригинальны и важны для характеристики Росвиты, какъ писательницы.

«Многіе христіане», говоритъ Росвита въ предисловіи [1]), «изъ числа которыхъ мы не можемъ исключить и себя, предпочитаютъ суетныя книги язычниковъ, ради бо̀льшаго изящества ихъ слога, книгамъ Священнаго Писанія. Другіе. даже вполнѣ преданные священнымъ страницамъ и презирающіе всѣ другія языческія произведенія, перечитываютъ. однако, довольно часто вымыслы Теренція и, прельщенные красотою слога, пятнаютъ себя познаніемъ вещей непотребныхъ. Вотъ почему я, звучный голосъ Гандерсгеймскій [2]), не задумалась подражать въ моихъ произведеніяхъ тому, кого многіе читаютъ, чтобы, по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ, прославить достойную хвалы чистоту святыхъ дѣлъ тою же формою произведеній, какою возвеличены безбожныя непотребства безстыдныхъ женщинъ. Однако то обстоятельство, что, занимаясь такого рода произведеніями, я должна была обдумывать и изображать непозволительно гнусное безуміе развратниковъ и ихъ безстыдные разговоры, которые намъ не позволено даже слушать, нерѣдко заставляетъ меня стыдиться

[1]) Hrotsvithae Praefatio. Barack. p. 137—139.

[2]) *Clamor validus Gandesheimensis*—такъ переводитъ Росвита свое саксонское имя на латинскій языкъ. *Grimm und Schmeller*, Lateinische Gedichte des X und XI Jahrh. 1838. S. IX, Anm.

и краснѣть. Но если бъ я, устыдившись, не трудилась бы надъ подобными произведеніями, то не могла бы достигнуть своей цѣли, не могла бы выразить, по мѣрѣ силъ моихъ, похвалу невиннымъ, потому что чѣмъ соблазнительнѣе льстивыя рѣчи людей развратныхъ, тѣмъ величественнѣе слава божественной помощи и тѣмъ славнѣе побѣда восторжествовавшихъ, особенно же когда женская слабость побѣждаетъ и мужская сила терпитъ пораженіе. Не сомнѣваюсь, нѣкоторые найдутъ, что мои слабыя произведенія гораздо ниже, гораздо ограниченнѣе и нимало не похожи на тѣ, которымъ я предположила подражать. Пусть, я уступаю такому сужденію; но я, однако, объявляю, что по справедливости не могу быть обвиняема въ дерзкомъ желаніи уподобиться тѣмъ, которые своими познаніями далеко превосходятъ мою слабость. Не настолько я хвастлива, чтобы дерзнула сравнивать себя хотя бы съ послѣднимъ изъ учениковъ древнихъ авторовъ; я стараюсь лишь, хотя и не считаю себя къ тому способною, смиренно употребить мои дарованія на прославленіе того, кто даровалъ мнѣ ихъ. Не настолько я самолюбива, чтобъ, избѣгая упрековъ, перестала проповѣдывать всюду, гдѣ только можно, благость Христа, проявляющуюся въ жизни святыхъ. Если мое благочестіе понравится кому-либо, я буду рада; если же, по моей ничтожности или по неправильности моего грубаго слога, никому не понравится, все-таки я сама порадуюсь тому, что сдѣлала; ибо, между тѣмъ какъ ничтожествомъ собственныхъ трудовъ я, въ прежнихъ произведеніяхъ моего невѣжества, слагала героическія строфы и въ нынѣшнихъ изобразила рядъ драматическихъ сценъ, я все же избѣгла пагубныхъ соблазновъ язычниковъ».

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается «письмо Росвиты къ ученымъ покровителямъ ея книги» [1]), хотя, по содержанію, оно многимъ сходно съ предисловіемъ:

---

[1]) *Barack*, pag. 140–142.

«Вполнѣ знающимъ и добродѣтельнымъ, успѣху другого не завидующимъ, но какъ прилично истинно мудрымъ, поощряющимъ, Росвита, малосвѣдущая и многогрѣшная, желаетъ здравія нынѣ и радости вовѣки. Не могу достаточно надивиться вашему похвальному смиренію, ни достойнымъ образомъ возблагодарить васъ за снисхожденіе и благосклонность вашу ко мнѣ, такъ какъ вы, вскормленные преимущественно философскими занятіями и усовершенные познаніями, нашли достойными одобренія мои произведенія, труды простой женщины, и, съ братскою добротою поздравляя меня, вы воздавали тѣмъ хвалу подателю способности, во мнѣ присущей, находя, что и мое малое знаніе наукъ далеко превосходитъ мой женскій умъ. Сверхъ того, до настоящаго времени я едва осмѣливалась показывать мои грубыя произведеньица очень немногимъ, и то лишь близкимъ мнѣ лицамъ, вслѣдствіе чего я почти перестала сочинять что-либо въ этомъ родѣ, потому что было очень мало такихъ лицъ, которымъ я считала бы нужнымъ представлять мои труды, и немного такихъ, которыя могли бы указать мнѣ требующее исправленія или поощрить меня на продолженіе подобныхъ трудовъ. Но теперь, такъ какъ говорятъ, что свидѣтельство трехъ лицъ всегда справедливо, подкрѣпленная вашими сужденіями, я чувствую въ себѣ болѣе увѣренности и сочинять, если дозволитъ Господь, и подвергать мои труды критикѣ какихъ бы то ни было ученыхъ мужей. Между тѣмъ меня волнуютъ противоположныя чувства, именно радость и боязнь: радуюсь отъ всего сердца, что въ лицѣ моемъ воздана хвала Богу, одною лишь милостью котораго я то, что есть; но боюсь, что я кажусь болѣе того, что есть, ибо сознаю, что равно постыдно и отрицать милостивые дары Господа, и похваляться ими, не имѣя ихъ. Вотъ почему я не отрицаю, что, вспомоществуемая милостью Создателя, я пріобрѣла по волѣ Божіей нѣкоторыя познанія, будучи способна къ усвоенію ихъ; но сознаюсь, что, предоставленная собственнымъ

силамъ. я ничего не познала бы [1]). Я признаю, что Божествомъ удѣленъ мнѣ умъ свѣтлый, но вслѣдствіе отсутствія заботливости учителей, необразованный и по природѣ склонный къ лѣности. И для того-то, чтобы, по моей небрежности, не уничтожился во мнѣ даръ Божій, я, какъ только мнѣ удастся случайно собрать какія-нибудь нитки или кусочки лохмотьевъ, оторванныхъ отъ плаща философіи, стараюсь вставить ихъ въ мое произведеніе, чрезъ что негодность моего невѣжества изукрашивается примѣсью болѣе благороднаго матеріала и податель благъ восхваляется во мнѣ тѣмъ справедливѣе, чѣмъ ограниченнѣе считается женскій разсудокъ. Такова цѣль моихъ сочиненій такова единственная причина моихъ усилій: не стараюсь казаться знающею при незнаніи, но что касается лично меня, сознаю, что я ничего не знаю. И такъ какъ, тронутая вашими похвалами и просьбами, я, наклоняясь подобно тростнику, передаю на ваше усмотрѣніе эту книгу, которую я и писала съ этимъ намѣреніемъ, но которую до настоящаго времени, по причинѣ ея негодности, предпочитала болѣе скрывать, чѣмъ открыто показывать, то подобаетъ, чтобъ вы разсмотрѣли и исправили ее съ неменьшимъ стараніемъ, чѣмъ ваши собственные труды. Исправивъ же книгу какъ слѣдуетъ, возвратите ее мнѣ, чтобъ я могла изъ вашихъ указаній увидѣть, въ чемъ я болѣе всего грѣшу».

Всѣ драмы написаны прозою, не раздѣлены на «дѣйствія» [illegible]вленія», и передъ каждою помѣщенъ какъ перечень главнихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и краткое содержаніе [illegible] (argumentum). Въ основу каждой драмы положена не[illegible]нно легенда, и Росвита довольно рабски слѣдуетъ ле[illegible]рному разсказу, лишь перерабатывая его въ драмати-

[1]) Magnin, p. 454, сопровождаетъ это мѣсто слѣдующимъ общимъ при[illegible]: Nous trouvons dès ces premières pages, un exemple frappant du [illegible] et des subtilités aristotéliques, dans lesquels se complait la docte [illegible] On voit combien elle affectionne la langue de l'école et qu'elle ne [illegible] de la terminologie la plus prétentieusement scolastique.

ческую форму. Всѣхъ драмъ шесть; ни въ одной изъ нихъ не указано мѣсто дѣйствія: легенды были въ то время хорошо извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ, и читатели не нуждались въ подобныхъ подробностяхъ. Познакомимся ближе съ этими драматическими произведеніями X вѣка, какъ они записаны въ мюнхенскомъ кодексѣ.

1) *Gallicanus* [1]). Единственная драма, въ основу которой вошли двѣ легенды и которая, поэтому, распадается на двѣ части [2]): обращеніе Галликана [3]) и мученичество св. Іоанна и Павла [4]). Во времена Константина, главный начальникъ войскъ имперіи [5]), язычникъ Галликанъ влюбляется въ дочь императора, Констанцію, христіанку, посвятившую себя Богу. Констанція, не желая лишать имперію важныхъ услугъ храбраго военачальника, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ руку Галликана, но не ранѣе, какъ послѣ побѣды надъ врагами. Въ знакъ согласія, Констанція принимаетъ во дворецъ двухъ сестеръ Галликана и, въ свою очередь, посылаетъ на войну двухъ христіанъ, своихъ придворныхъ, Іоанна и Павла. Въ Ѳракіи, близъ

---

[1]) *Barack*, p. 145—175. Въ XVI и XVII стол., этой драмѣ давали иное и ложное названіе: *Conversio Gallicani principis*; а въ XVIII стол. одинъ нѣмецкій ученый, очевидно, не читавшій самой драмы, перевелъ это заглавіе такъ: *Von der Bekehrung eines französischen Prinzen! Leuckfeld*, Antiq. Handersh., p. 274.

[2]) Нѣкоторые ученые принимаютъ обѣ части этой драмы за двѣ отдѣльныя драмы, основываясь на томъ, что 1) передъ второю частью, въ мюнхенскомъ кодексѣ, помѣщенъ списокъ дѣйствующихъ лицъ; 2) первая часть оканчивается выраженіемъ *Amen*, которое въ средневѣковыхъ религіозныхъ мистеріяхъ соотвѣтствуетъ извѣстному *Plaudite* древнихъ комедій, и 3) обращеніе Галликана и мученичество св. Іоанна и Павла чествуется церковью не въ одинъ день, но въ два различные—24-го и 25-го іюня. (*Gottsched*, Nöthiger Vorrath zur Geschichte der deutschen dramatischen Dichtkunst, II, 19; *Magnin*, p. XXXIV et 459). Это мнѣніе не можетъ быть принято: 1) для обѣихъ частей Росвита составила одно содержаніе (argumentum); 2) вторая часть не носитъ особаго заглавія, и 3) вторая часть слишкомъ коротка для отдѣльной драмы и служитъ лишь заключеніемъ первой части. Barack, p. XXXV.

[3]) Acta Sanct., 24 Junii, t. V, p. 35.

[4]) Ibid., 25 Junii, t. V, p. 158.

[5]) Gallicanus, *princeps militiae* (Barack, p. 144) и Gallicanus *dux* (ibid., p. 149).

Филиппополиса, въ битвѣ съ сарматами [1]), Галликанъ даетъ обѣтъ принять христіанскую вѣру, если только онъ побѣдитъ врага, начинающаго уже торжествовать побѣду. Галликанъ побѣждаетъ, принимаетъ христіанство, и узнавъ, что Констанція посвятила себя Богу, отказывается отъ ея руки и удаляется въ Остію, гдѣ ведетъ схимническую жизнь, вмѣстѣ со святымъ мужемъ Гиларіаномъ. Галликанъ такъ разсказываетъ императору то чудо, которое заставило его принять христіанство:

«*Галликанъ*. Мнѣ явился величественный юноша, несшій крестъ на плечѣ, и приказалъ мнѣ съ обнаженнымъ мечомъ слѣдовать за нимъ.

«*Константинъ*. Кто бы онъ ни былъ, — онъ былъ небесъ посланникъ.

«*Галликанъ*. Я въ этомъ убѣдился: тотчасъ предстали мнѣ справа и слѣва вооруженные воины, лица которыхъ были неизвѣстны, обѣщая мнѣ свою помощь» [2]).

Вторая часть переноситъ читателя въ эпоху Юліана Апостата и открывается ссылкой Галліана въ Александрію, гдѣ графъ Рауціанъ [3]) заключаетъ его въ темницу, и онъ погибаетъ отъ меча. Затѣмъ Юліанъ призываетъ Іоанна и Павла, убѣждаетъ ихъ принести Юпитеру жертву [4]), и видя ихъ твердость, приказываетъ Теренціану убить ихъ, но не публично, а тайно, такъ какъ они придворные. Казнь была совершена, но на могилѣ святыхъ сынъ Теренціана «скрежещетъ зубами, испускаетъ пѣну, поводитъ безумно глазами, — онъ одержимъ нечистымъ духомъ» [5]). Теренціанъ сознаетъ свою вину и молится христіанскому Богу; сынъ исцѣляется и, вмѣстѣ съ отцомъ, обращается въ христіанскую вѣру.

[1]) Eusebius, Vita Const., I, IV, стр. 3—5 (ap. *Heinichen*, Lipsiae, 1830).

[2]) *Barack*, p. 161, in fine.

[3]) *Barack*, p. 167.

[4]) *Villemain*, Cours de littér. franç., II, p. 218 (ed. 1862), перевелъ эту сцену, какъ образецъ драмъ Росвиты, которую онъ относитъ къ XI вѣку.

[5]) *Barack*, p. 171.

2) *Dulcitius* [1]). Въ средніе вѣка была очень распространена легенда о дѣяніяхъ трехъ сестеръ (Acta trium sororum), замученныхъ по приказанію Діоклеціана въ 290 году, въ Өессалоникахъ; на этой легендѣ основана драма, отличающаяся своимъ комическимъ элементомъ. Три сестры, Агапія, Хіонія и Ирина брошены въ темницу подъ надзоръ Дулицція, который хочетъ обезчестить ихъ, но мгновенно сходитъ съ ума: обнимаетъ печку, цѣлуетъ уголь, прижимаетъ къ груди грязные котлы и обезображиваетъ себя до того, что даже собственная прислуга не узнаетъ его. На этомъ построенъ рядъ довольно комическихъ сценъ. Драма во всемъ слѣдуетъ за легендой: Агапія и Хіонія преданы огню, умираютъ на кострѣ, а Ирина погибаетъ отъ стрѣлы, измучивъ предварительно своихъ палачей тѣмъ, что, при помощи двухъ ангеловъ, заставляетъ ихъ дѣлать рядъ промаховъ, не лишенныхъ комизма.

3) *Calimachus* [2]). Въ числѣ апокрифическихъ сказаній романтическая исторія Калимаха и Друзіаны принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ народной фантазіи [3]): язычникъ Калимахъ влюбленъ въ христіанку Друзіану, жену Андроника; Друзіана, желая остаться непорочною и прекратить страданія Калимаха, проситъ у Господа смерти и умираетъ; Андроникъ и апостолъ Іоаннъ хоронятъ Друзіану и поручаютъ Фортунату стеречь могилу. Является Калимахъ и подкупаетъ Фортуната, который вырываетъ тѣло Друзіаны для удовлетворенія страсти все еще влюбленнаго Калимаха.

Фортунатъ. Вотъ тѣло; оно не обратилось въ трупъ, члены еще свѣжи; пользуйся имъ, сколько хочешь.

Калимахъ. О Друзіана, Друзіана! Какую пламенную любовь я питалъ къ тебѣ! Какъ чистосердечно и глубоко я любилъ тебя! Но ты всегда отвергала меня, моимъ желаніямъ противилась. Теперь въ моей власти безчестить тебя, сколько пожелаю [4]).

[1]) *Barack.* p. 177–189. [2]) *Barack.* p. 193—211. [3]) *Fabricius.* Codices apocryph. Nov. Test., II. 542. [4]) *Barack.* p. 199—200.

Калимахъ не привелъ своей угрозы въ исполненіе: змѣя ужалила святотатцевъ, и они мгновенно умерли. Къ могилѣ Друзіаны приходитъ Андроникъ со св. Іоанномъ и видятъ три трупа; чтобъ узнать, кто вынулъ изъ гроба Друзіану и кто убилъ Фортуната и Калимаха, св. Іоаннъ воскрешаетъ Друзіану и Калимаха, который разсказываетъ о своемъ преступномъ намѣреніи, о наказаніи, его постигшемъ, и принимаетъ христіанскую вѣру; Друзіана воскрешаетъ Фортуната. Злой и преступный Фортунатъ не исправляется и послѣ чуда: «Если, какъ вы говорите, Друзіана меня воскресила и Калимахъ увѣровалъ во Христа, я отрекаюсь отъ жизни и добровольно избираю смерть,—я желаю лучше не жить, чѣмъ сознавать въ нихъ столько милости и благодати» [1]). Св. Іоаннъ отвѣчалъ на эту нечестивую рѣчь осужденіемъ Фортуната: «Moriatur, sitque incola gehennae, qui propter alieni invidiam profectus recusavit vivere».

4) *Abraham* [2]). Легенда о св. Авраамѣ полна драматизма [3]). Отшельникъ Авраамъ воспитываетъ свою племянницу Марію; когда ей минуло уже 20 лѣтъ, молодой человѣкъ, переодѣвшись въ монаха, соблазнилъ ее, увезъ и, обезчестивъ, бросилъ; Марія стала публичною женщиною. Авраамъ, которому указали мѣсто жительства Маріи, переодѣвается воиномъ и ѣдетъ въ трактиръ, гдѣ ужинаетъ и пьетъ съ Маріей, послѣ чего, уже въ спальнѣ, открывается Маріи и спасаетъ ее. Марія бѣжитъ вторично, но уже изъ публичнаго дома въ келью, приготовленную Авраамомъ, гдѣ молитвами искупаетъ грѣхи свои. Встрѣча Авраама съ Маріей въ трактирѣ—лучшая изъ сценъ драмы.

Трактирщикъ. Войди, войди, Марія, и покажи твои прелести нашему новичку.

Марія. Я здѣсь.

Трактирщикъ. Счастливая Марія, радуйся: не только,

---

[1]) **Barack**, p. 209. [2]) **Barack**, p. 215—236. [3]) Acta Sanct., Martii, t. II, p. 443.

какъ всегда, твои сверстники, но даже старики гоняются за тобою, спѣшатъ выказать свою любовь къ тебѣ.

Марія. Тѣ, которые меня любятъ, получаютъ отъ меня равнымъ образомъ любовь.

Авраамъ. Приблизься, Марія, и поцѣлуй меня.

Марія. Я не только подарю тебя сладчайшимъ поцѣлуемъ, но и обниму руками твою шею, согбенную годами.

Авраамъ. Мы хорошо поужинали, хорошо выпили, благодаря твоей услужливости, добрый трактирщикъ; позволь теперь мнѣ встать изъ-за стола, чтобы успокоить въ постели мое усталое тѣло.

Марія. Встань, сударь, встань; я тоже лягу съ тобою въ постель.

Авраамъ. Хорошо. Ничто не принудило бы меня выйти отсюда, еслибъ ты не сопровождала меня.

Марія. Вотъ комната, удобная для насъ; вотъ постель не изъ дурныхъ тюфяковъ. Садись, я сниму съ тебя сапоги, чтобы ты не утруждалъ себя.

Авраамъ. Запри сперва на ключъ дверь, чтобы никто не могъ войти.

Марія. Объ этомъ не заботься; я такъ сдѣлаю, что никто не войдетъ къ намъ.

Авраамъ. Время снять шляпу и обнаружить, кто я такой [1])...

Разсматриваемая драма, по мнѣнію знатоковъ, лучшая изъ всѣхъ, и сюжетъ ея нравился современникамъ на столько, что Росвита написала на эту же тему другую драму [2]),

5) *Paphnutius* [3]), представляющуюся лишь варіацией «Авраама» и основанную на подобной же легендѣ [4]). Не приводя подробнаго разсказа, передадимъ содержаніе драмы, argumentum, какъ оно составлено Росвитою: «Обращеніе публичной женщины Таисіи, которую отшельникъ Пафнутій, подъ

[1]) *Barack*, p. 227—229. Въ переводѣ выпущены монологи Авраама и Маріи.

[2]) *Barack*, p. XXXVI; *Magnin*, p. 469. [3]) *Barack*, p. 239—269.

[4]) Acta Sanct., Octobrii, t. VI, p. 223.

13

видомъ любовника, подобно Аврааму, обращаетъ и, налагая на нее эпитемію, запираетъ на пять лѣтъ въ тѣсную келью, пока она не примиряется съ Богомъ, и пятнадцать дней послѣ исполненія эпитеміи, не усыпаетъ во Христѣ». Драма заключаетъ въ себѣ довольно много признаковъ жизненной правды. Такъ, утопавшая въ нѣгѣ и роскоши Таисія приходитъ въ ужасъ при видѣ грязной кельи, въ которой должна оставаться нѣсколько лѣтъ безвыходно: «Что можетъ быть хуже, что можетъ быть неудобнѣе, какъ быть принужденною исполнять всѣ требованія тѣла въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Не сомнѣваюсь, что келья скоро станетъ невозможною для жилья отъ чрезмѣрнаго зловонія». Въ драму вставлены длинные метафизическіе діалоги между Пафнутіемъ и его учениками: эти діалоги, конечно, взяты изъ жизни X-го столѣтія и не могутъ быть отнесены къ IV-му вѣку, къ отшельнической жизни Пафнутія; они не принадлежатъ Росвитѣ и составляютъ тѣ «остатки лохмотьевъ, оторванные отъ плаща философіи», о которыхъ упоминаетъ Росвита въ письмѣ къ ученымъ мужамъ.

6) *Sapientia* [1]), шестая и послѣдняя драма, основана на извѣстной легендѣ о трехъ сестрахъ: Вѣрѣ, Надеждѣ, Любви и матери ихъ Софіи, которыя борятся и одерживаютъ побѣду надъ глупостью, олицетворенною въ Адріанѣ [2]). Росвита не отступаетъ отъ легенды и вѣрна ей во всѣхъ подробностяхъ, за исключеніемъ теоріи чиселъ, которую Софія развиваетъ ...редъ Адріаномъ и которая служитъ Росвитѣ какъ бы до...зательствомъ ея учености.

Между второю и третьею книгами въ Мюнхенскомъ ко...ксѣ помѣщены два стихотворенія. Первое состоитъ изъ че...рехъ двустишій, представляющихъ не столько поэтическую ...ру, сколько стихотворную забаву на чисто монастырскую ...му: *Quicumque viam cupit ire salutis, dicat Amen.* Послѣд... слово, Amen, составляется изъ первыхъ буквъ четырехъ ...заметровъ, и первое слово каждаго гекзаметра образуетъ

...., p. 273—298. [2]) Acta Sanct., Aug. t. I, p. 16.

заключеніе пентаметра [1]). Второе стихотвореніе, изъ 35-ти леонинскихъ стиховъ, посвящено св. Іоанну и рисуетъ апокалипсическій его образъ [2]). Въ произведеніяхъ Росвиты не упомянуты поводы къ составленію этихъ двухъ стихотвореній. Мы знаемъ, что въ Гандерсгеймскомъ монастырѣ была капелла св. Іоанна [3]); но заключать изъ этого, что поводомъ къ составленію второго стихотворенія было особое почитаніе Росвитою св. Іоанна [4]), нельзя уже и потому, что это почитаніе выразилось бы въ какомъ-либо произведеніи Росвиты, а между тѣмъ она не упоминаетъ о капеллѣ св. Іоанна даже и въ стихотвореніи, спеціально посвященномъ описанію монастыря [5]).

Третья и послѣдняя книга произведеній Росвиты состоитъ изъ историческаго труда—Carmen de gestis Oddonis I imperatoris.

«Стиху о дѣяніяхъ Оттона I императора» предпосланы: 1) Небольшое письмо, въ прозѣ [6]), въ которомъ Росвита проситъ Гербергу «просмотрѣть то, что, какъ ей извѣстно, со-

---

[1]) *Barack*, p. 360:
Quicumque viam cupit ire salutis
D
I
C
A
T
Aspice nupta deo, quae sit tibi gloria terris
Quae maneant coelis, aspice nupta deo!
Munera laeta capis, festiva, fulgida taedis,
Ecce venit sponsus, munera laeta capis.
Et nova dulcisona modularis carmina plectro,
Sponsa hymno exultans et nova dulcisona
Nullus ab altithrono comitatu regregat agni
Quam affectu tulerat nullus ab altithrono.

[2]) *Barack*, p. 361.

[3]) *Leuckfeld*. Antiquitates Gandersheimenses. 1709. cap. IX, p. 53.

[4]) *Barack*, p. XLVI.

[5]) Barack, p. 540. Росвита упоминаетъ о св. Іоаннѣ (v. 41), но крестителѣ, а не евангелистѣ.

[6]) *Barack*, p. 302.

ставлено по ея же приказанію»: «Вы возложили на меня,— говоритъ Росвита,—трудъ переложить въ метрическую форму дѣянія цезаря августа, которые я не была въ состояніи даже по наслышкѣ ясно себѣ представить. Сколько трудностей предстояло мнѣ, по причинѣ моего невѣжества, при исполненіи этого предпріятія, вы сами можете себѣ представить, потому что я ничего не нашла писаннаго объ этомъ прежде и не могла ни отъ кого услышать правильнаго и подробнаго разсказа». 2) Небольшое стихотвореніе, въ 34 строки, къ императору Оттону [1]), въ которомъ Росвита повторяетъ, что «ей никто не служилъ образцомъ, никакая «прежде написанная» книга не учила ее писать, но основа ея произведенія заключается единственно въ преданности сердца»; впрочемъ, прибавляетъ Росвита, что «все дѣйствительно происходило такъ, какъ описано, говорили ей тѣ, которые понудили писать», и 3) Стихотвореніе къ императору Оттону II [2]), въ 39 строкъ, въ которомъ Росвита называетъ малолѣтняго Оттона II «нашимъ Соломономъ» и напоминаетъ ему, что онъ самъ приказалъ ей представить свой трудъ предъ его «ясные глазенки».

Послѣднія два стихотворенія, вмѣстѣ взятыя, состоятъ изъ 73-хъ строкъ, и только съ 74-й строки начинается собственно «Стихъ о дѣяніяхъ Оттона I», извѣстный также подъ названіемъ «Панегирика въ похвалу Оттона Великаго» [3]).

По указанію самой Росвиты, заключающемуся въ упомянутомъ письмѣ къ Гербергѣ, «Панегирикъ» написанъ ею по требованію аббатиссы Герберги, дочери баварскаго герцога Генриха и племянницы императора Оттона I [4]), и представленъ прежде всего незаконнорожденному сыну императора, Вильгельму, архіепископу майнцскому. Такъ какъ въ «Панегирикѣ» упомянуто о короновaніи Оттона II императорскою короною, а въ письмѣ говорится о майнцскомъ архіепископѣ Вильгельмѣ, то, слѣдовательно, «Панегирикъ» былъ оконченъ между

[1]) *Barack*, p. 305. [2]) *Barack*, p. 307. [3]) *Ruland*, Serapeum. № 2, p. 24.
[4]) *A. Cohn*, Stammtafeln, I, Taf. 27. *Broemmel*, Geneal. Tabellen, Tab. 29.

25-мъ декабря 967 года, днемъ императорскаго коронованія Оттона II, и 1-мъ марта 968 года, днемъ смерти Вильгельма.

При составленіи этого историческаго труда, Росвита, какъ мы видѣли, не пользовалась никакимъ писаннымъ источникомъ; но ея «Панегирикъ» прежде еще, чѣмъ получилъ ту окончательную форму, въ которой онъ является въ Мюнхенскомъ кодексѣ, послужилъ уже руководствомъ для Видукинда, монаха Корвейскаго монастыря, при составленіи имъ извѣстнаго труда *Res gestae Saxonicae* [1]).

Полный текстъ «Панегирика» не сохранился. Въ Мюнхенскомъ кодексѣ два довольно значительные пропуска: первый—между 148 и 149 листомъ, второй—между 149 и 150 листомъ [2]); въ нихъ должна была заключаться исторія 953—962 годовъ. Собственно говоря, Carmen de gestis Oddoms I imperatoris доводитъ исторію перваго императора до 953 года, обрываясь на 825 стихѣ, разсказомъ о побѣдѣ Лудольфа въ Италіи; затѣмъ сохранился небольшой отрывокъ изъ 957 года, въ 48 строкъ, въ которыхъ передано отвѣтное письмо императора Лудольфу и возвращеніе Лудольфа на родину (v. 826—873), и заключительныя 39 строкъ, начинающіяся (v. 874) разсказомъ о коронованіи въ Римѣ императоромъ Оттона I (2-го февраля 962 г.), упоминающія (v. 899) объ императорской коронаціи Оттона II (25-го декабря 967 года) и заканчивающіяся сознаніемъ Росвиты, что пора окончить трудъ, такъ какъ для дальнѣйшаго окончанія событій, столь важныхъ, необходимо болѣе значительное произведеніе.

---

1) ***Köpke,*** Widukind von Korvei, Berlin, 1867, p. 40.

2) ***Rulawl,*** въ ***Serapeum,*** № 2, p. 25. Всегда старательные нѣмецкіе ученые сосчитали даже число утерянныхъ, недостающихъ строкъ: въ первомъ пропускѣ должно было быть 388 строкъ, во второмъ—290 строкъ! ***Pertz,*** Mon. Germ, VI, p. 304; ***Barack,*** p. 335; ***Pfund,*** Geschichtschr. d. deut. Vorzeit, Lief. 38, переводъ гекзаметрами включаетъ эти пропущенныя строки въ счетъ переведенныхъ и за 752 стихомъ ставится 1140-й стихъ, причитывая 388 недостающихъ, а за 1188 стихомъ слѣдуетъ у него 1478-й стихъ, восполняющій второй пропускъ въ 290 строкъ! См. ***Contzen,*** Geschquell. d. sächs. Kaiserzeit, p. 112.

Вслѣдъ за послѣднимъ, 912-мъ по счету, стихомъ «Панегирика», на послѣднемъ 150 листѣ Мюнхенскаго кодекса приписанъ старымъ почеркомъ греческій алфавитъ [1]).

Такова внѣшняя форма и внутреннее содержаніе Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты (Cod. lat. 14485). Его читали и изслѣдовали, списывали и сличали съ позднѣйшимъ спискомъ такіе ученые авторитеты въ палеографіи, какъ Яковъ Гриммъ и Перцъ, Руландъ, Зендтнеръ, Баракъ, Яффè, и ни одинъ изъ нихъ не высказалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности кодекса; спеціалисты по изученію историческихъ источниковъ Германіи—Ваттенбахъ и Кенке, Гизебрехтъ и Конценъ—признали Мюнхенскій кодексъ, записанный почеркомъ X столѣтія. Въ настоящее время вѣнскій ученый Іосифъ Ашбахъ представилъ рядъ доводовъ въ пользу мнѣнія, что Мюнхенскій кодексъ произведеній Росвиты писанъ въ концѣ XV столѣтія членами «Рейнскаго общества» (Sodalitas Rhenana), и преимущественно гуманистомъ Конрадомъ Цельтисомъ, первымъ издателемъ сочиненій Росвиты въ 1501 году и главнымъ виновникомъ подлога, сдѣланнаго съ такимъ искусствомъ, что даже знатоки и ученые были обмануты [2]).

II.

Извѣстный гуманистъ Конрадъ Цельтисъ [3]), латинистъ и ...тъ, философъ, бывшій профессоромъ Вѣнскаго универси...а, объѣздившій всю Италію, посѣтившій Польшу и Вен...ю, довольно потрудился въ монастырскихъ архивахъ Гер...ніи надъ собираніемъ матеріаловъ для своихъ сочиненій.

---

1) *Ruland* въ *Serapeum*, № 2, p. 25.

2) *Aschbach*, p. 113

3) *Celtis*, въ лучшихъ изданіяхъ (*Waitz* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, стр. ... по гречески Κέλτης; встрѣчается также *Celtes*, даже *Zeltes*. Это—латин...нное, по обычаю того времени, фамильное имя *Pickel*, или *Bickel*, то ... *celtis*, отъ *caelare*.

Подобно своимъ современникамъ, Стабію, исторіографу императора Максимиліана I, и Сунтгейму, собирателю историческихъ матеріаловъ, онъ былъ поощряемъ въ своихъ трудахъ императорами Фридрихомъ III и Максимиліаномъ I, которымъ исторіографія Германіи столь многимъ обязана. Въ 1494 году, разыскивая матеріалы для составленія исторіи города Нюрнберга, Цельтисъ нашелъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ св. Эммерама, въ Регенсбургѣ, небольшую рукопись, въ четверку, въ 150 листовъ, исписанную «стихами и прозою». Въ монастырѣ никто не читалъ этой рукописи, и ни одинъ монахъ не зналъ, что̀ заключалось въ ней, и кто была та «монахиня», которая писала ее. Цельтисъ первый прочелъ рукопись и узналъ, что заключающіяся въ ней произведенія относятся къ X вѣку и принадлежатъ перу монахини Гандерсгеймскаго монастыря Росвиты, о которой до того времени не встрѣчалось ни малѣйшаго упоминанія.

Едва ли можно сомнѣваться, что «не только древность рукописи, но еще болѣе то обстоятельство, что женщина, и къ тому же X столѣтія, вѣка Оттоновъ, является писательницей,—возбудили полное вниманіе Цельтиса» [1]), и онъ рѣшился издать эту рукопись. Только теперь, послѣ опредѣленія Цельтисомъ значенія манускрипта, какъ драгоцѣннаго памятника исторіи X вѣка, монастырскія власти сознаютъ цѣну рукописи, хранящейся въ монастырской библіотекѣ: по настоятельной просьбѣ Цельтиса, пріоръ Лаврентій и священникъ Эразмъ рѣшаются отдать Цельтису рукопись для изданія, и то не иначе, какъ составивъ объ этомъ официальный актъ и потребовавъ отъ Цельтиса поручительства извѣстнаго монастырю нюренбергскаго гражданина Фридриха Розенриттера. Актъ, за подписью пріора и священника, съ приложеніемъ монастырской печати, свидѣтельствуетъ, до какой степени монастырь св. Эммерама дорожилъ рукописью, которую онъ выдавалъ съ тѣмъ, чтобы, по минованіи надобности,

1) *Aschbach*, p. 4.

рукопись была возвращена. Этотъ важный документъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ego *frater Laurentius, Aicher.* Prior coenobii sancti Emmerami Ratisponae, ordinis sancti Benedicti, et *frater Erasmus Australis,* ejusdem monasterii et ordinis professus et sacerdos, recognoscimus per praesentes literas, nos ex favore et benevolentia *Conrado Celti* poetae ad usum et utilitatem suam accomodasse librum quendam, in quo continetur metrice et prosaice editio cujusdam monialis, quem ipse proprio cyrographo nobis promisit (se redditurum) postea quam usus fuerit (et) Norimbergae provido viro civi ibidem Friderico videlicet Rosenritter praesentavit. In hujus rei testimonium hanc hartam ego praedictus Prior sigillo prioratus communivi. Datum Ratisponae in nostro coenobio quinta feria ante festum Purificationis Virginis Mariae anno salutis 94» [1]).

Неопредѣленно обозначенный въ документѣ срокъ, на который была выдана Цельтису рукопись,—postea quam usus fuerit—протянулся цѣлыя семь лѣтъ, и только въ 1501 году вышло въ свѣтъ то первое изданіе, о которомъ мы уже упоминали. Это изданіе посвящено Цельтисомъ курфюрсту саксонскому Фридриху. Въ посвященіи Цельтисъ говоритъ о своей любви къ отечественной исторіи: «Accessit mira mihi quaedam historiarum germanicarum vicinarumque nobis nationum cupido. Ut si quos invenissem de regibus et imperatoribus nostris codices, aut illorum clare gesta, aut dicta ab externis vel nostraciis literis mandata: illos in lucem ederem aut ad «Illustratam nostram Germaniam», quae in manibus est, insererem, aut argumenta scribendi acciperem. Cum itaque nuper ejus gratia peregre profectus fuissem: forteque *in coenobium ordinis sancti Benedicti* concessissem: reperi *vetustissimum litera ferme gothica et mulieris manu conscriptum codicem* sub titulo et inscriptione virginis et monialis germanae gente Saxonica. Quo continebantur

---

[1]) Cod. epist. Celtis. lib. IV, ep. 13, p. 36. *Aschbach*, p. 33. *Engelb. Klüpfel*, de vita et scriptis Conradi Protucii pars alt., p. 78; *Ruland* въ *Serapeum*, № 2, p. 19; *Barack*, p. LXI. Мы привели сводный текстъ.

ea, quae in fronte et indice hujus voluminis [1]) continentur. Incredibile dictu quanto stupore et gaudio correptus fuerim dum mulierem germanam post sexcentos annos, tot enim ab Oddone primo in nostram usque etatem fluxere: latina oratione et versu loquentem legissem» [2]). Мы уже знаемъ, что не названный здѣсь «монастырь св. Бенедикта» былъ именно регенсбургскій монастырь св. Эммерама, которому, согласно условію, Цельтисъ возвратилъ рукопись и въ которомъ она хранилась подъ № 485-мъ, обозначенная въ монастырскомъ каталогѣ, какъ *Codex E. CVIII*; послѣ закрытія монастыря, рукопись была перевезена въ Мюнхенъ, гдѣ хранилась до настоящаго времени, какъ *Cod. lat 14.485*, который мы подробно описали.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Цельтисъ возвратилъ монастырю св. Эммерама ту именно рукопись, которую получилъ въ силу офиціальнаго акта и за поручительствомъ Розенриттера: затруднивъ выдачу рукописи всевозможными формальностями, монастырскія власти, конечно, не попустили бы, чтобы Цельтисъ присвоилъ себѣ эту рукопись или выдалъ бы вмѣсто нея, какую-либо другую; между тѣмъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы между монастыремъ и Цельтисомъ была какая-либо непріятная переписка по поводу взятой имъ изъ монастыря рукописи. Если монастырь св. Эммерама и имѣлъ поводъ быть недоволенъ Цельтисомъ, то единственно за его безцеремонное отношеніе къ рукописи, такъ какъ вся она испорчена различными приписками и поправками, сдѣланными его рукою.

Ученые XV и XVI столѣтій обращались съ рукописями крайне небрежно и Цельтисъ, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключенія. Рукопись произведеній Росвиты находилась не менѣе 7 лѣтъ въ рукахъ Цельтиса, и не смотря на то, онъ не позаботился даже списать ее и отдалъ въ типографію, для набора, самый манускриптъ, въ данномъ случаѣ единственный,—при чемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на

---

[1]) То-есть, въ изданіи 1501 года. [2]) *Ruland* въ *Serapeum*, № 2, p. 18.

поляхъ, позволилъ себѣ даже написать замѣтки для наборщиковъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Ille titulus praeponitur ibi: Mundi labentis»; или: «Hic ensere argumentum». Этою же небрежностью объясняется, что Цельтисъ, въ приведенномъ посвященіи, называетъ тонкій почеркъ рукописи litera ferme gothica!

Небрежно относился Цельтисъ къ рукописи, небрежно и къ собственному ея изданію. Такъ, не объясняя причины и не имѣя ни малѣйшаго повода, онъ измѣнилъ въ своемъ изданіи тотъ порядокъ статей, какой приданъ имъ въ рукописи: мы видѣли, что въ Мюнхенскомъ кодексѣ помѣщены сперва «духовные стихи», затѣмъ драмы; въ изданіи же Цельтиса драмы поставлены на первомъ мѣстѣ, при чемъ небольшое заявленіе Росвиты, служащее эпилогомъ для стиховъ и прологомъ для драмъ, утеряло свой смыслъ, и тѣмъ не менѣе, оставлено Цельтисомъ и помѣщено послѣ драмъ и передъ стихами, то-есть, прямо противоположно самому смыслу заявленія [1]). Мы видѣли, что въ Мюнхенскомъ кодексѣ, передъ каждою драмою Росвита помѣстила краткое содержаніе ея, argumentum; Цельтисъ написалъ подобныя же «содержанія» и къ каждому духовному стиху, чего въ рукописи нѣтъ. Мюнхенскій кодексъ, бывшій у Цельтиса, начинается небольшимъ введеніемъ, написаннымъ прозою: Цельтисъ вставилъ предъ этимъ введеніемъ или предисловіемъ слѣдующую фразу: «Hrotsuithe illustris mulieris germane gente Saxonica orte in opera sua carmine conscripta prefacio feliciter incipit» [2]). Цельтисъ не только исправляетъ нѣкоторые стихи, но вставляетъ свои собственные тамъ, гдѣ это ему кажется необходимымъ, измѣняетъ, исправляетъ по собственному усмотрѣнію и доходитъ, наконецъ, до того, что даже имя Росвиты пишетъ различно: Hrosvita, Hrosuitha, Hrotsuitha...

[1]) *Magnin*, p. 453; *Barack*, p. 133. Celtes übersah, dass er durch diese Umstellung in Wiederspruch mit sich und dem Codex gerieth. *Aschbach*, p. 13.

[2]) *Ruland*, p. 20.

Что первое изданіе произведеній Росвиты, сдѣланное Цельтисомъ, неудовлетворительно, было уже давно замѣчено; но лишь недавно, въ 1867 году, было высказано мнѣніе, что Цельтисъ издалъ въ 1501 году не произведенія Росвиты, а свои собственныя и своихъ друзей. «Форма и содержаніе мнимыхъ произведеній Росвиты,—говоритъ Ашбахъ,—стремленія Цельтиса и намеки, встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, наконецъ, многія не напечатанныя еще письма его друзей доказываютъ, что эти поэтическія произведенія составлены не саксонской монахиней Росвитой въ X столѣтіи, но Цельтисомъ и нѣкоторыми членами Рейнскаго ученаго общества въ эпоху возрожденія». Доказательства, приводимыя Ашбахомъ, въ высшей степени интересны, такъ какъ онъ пользовался рукописнымъ сборникомъ писемъ Цельтиса [1]), и чрезвычайно оригинальны.

Въ вопросѣ о подлинности какой-либо рукописи, надписи, акта и вообще письменнаго документа, изслѣдованіе его содержанія, конечно, важнѣе изученія его формы; внѣшніе признаки—бумага, пергаментъ, камень, почеркъ, чернила и т. п., менѣе надежны, чѣмъ признаки внутренніе—языкъ, обороты и формы рѣчи, способъ счисленія при хронологическихъ отмѣткахъ, состояніе культуры и т. п. Изъ этого, впрочемъ, нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы внѣшняя форма должна была быть оставлена безъ всякаго вниманія, какъ то дѣлаетъ Ашбахъ, доказывая подложность Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты. Если старшій библіотекарь въ Вюрцбургѣ, Антонъ Руландъ, хорошо изслѣдовавшій Мюнхенскій кодексъ именно съ внѣшней стороны, признаетъ его почеркъ «характеристическимъ тонкимъ почеркомъ XI столѣтія», то Ашбахъ, не отвергая этого, довольствуется замѣчаніемъ, что «въ средніе вѣка были мастера поддѣлывать древніе почерки»; замѣчая въ кодексѣ нѣкоторыя оригинальныя особенности, Ашбахъ

[1]) Въ императорско-королевской придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ хранится сборникъ писемъ, писанныхъ къ Цельтису его друзьями: *Codex epistolaris Celticae*. Ашбахъ приводитъ отрывки изъ нѣсколькихъ писемъ.

довольно наивно высказываетъ желаніе, чтобы знатоки въ палеографіи подвергли кодексъ возможно точному изслѣдованію; даже вопросъ о замѣчаніи Цельтиса, который характеризовалъ тонкій почеркъ выраженіемъ *litera ferme gothica*, оставленъ Ашбахомъ безъ изслѣдованія. Всѣ эти вопросы подлежали прежде всего изслѣдованію самого Ашбаха, рѣшающагося отвергать подлинность всѣми признаннаго кодекса; взывать въ настоящее время къ палеографамъ о помощи, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, крайне оригинальнымъ и вовсе несерьезнымъ способомъ,—а если палеографія подтвердитъ принадлежность кодекса XI столѣтію, не перейдетъ ли тогда положеніе вѣнскаго профессора изъ несерьезнаго въ довольно смѣшное? Ашбахъ не останавливается на внѣшнихъ признакахъ, сознавая, вѣроятно, что они не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, послѣ того, какъ Перцъ и Яффè, не говоря уже о другихъ авторитетахъ въ подобныхъ вопросахъ, отнесли Мюнхенскій кодексъ къ концу X или къ началу XI столѣтія.

Не съ большимъ вниманіемъ относится Ашбахъ и къ нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ. Здѣсь на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о языкѣ, какъ существеннѣйшій пунктъ для рѣшенія задачи—въ X, XI или въ XV столѣтіи писана рукопись произведеній Росвиты. Ашбахъ отнесся къ вопросу о языкѣ болѣе чѣмъ легко [1]), и ограничился посвященіемъ ему слѣдующихъ, ничего не рѣшающихъ, пяти строчекъ: «Латинскій языкъ X столѣтія варварскій и тяжелый, въ произведеніяхъ же Росвиты онъ довольно правиленъ, легокъ и походитъ на языкъ лучшихъ писателей XV столѣтія» [2]). Послѣ изданія Перца и, особенно, Барака, отмѣ-

[1]) Ашбахъ, напримѣръ, говоритъ: Es wäre nicht uninteressant, im Einzelnen nachzuweisen, welche Idiotismen bei der Roswitha mit denen bei den deutschen Humanisten am Ende des XV Jahrh. übereinstimmen (p. 24, Anm. 1). Вайцъ на это прекрасно замѣчаетъ: Es wäre das nicht blos interessant, sondern für seine Aufgabe nothwendig, ganz unerlässlich gewesen: mit blossen Behauptungen ohne Nachweis ist in der That gar (*Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 1264).

[2]) *Aschbach*, p. 24.

тившаго всѣ особенности кодекса и возстановившаго даже грамматическія неправильности языка, отзывъ Ашбаха не можетъ никого удовлетворить, такъ какъ всякому легко изучить языкъ Росвиты, не видавъ даже кодекса. Изданіе Барака важно еще и потому, что въ немъ текстъ Мюнхенскаго кодекса, испорченный во многихъ мѣстахъ Цельтисомъ, возстановленъ по такъ называемому Поммерсфельдскому списку, сдѣланному съ Мюнхенскаго кодекса до изуродованія его поправками Цельтиса.

Въ чемъ же заключаются особенности языка Росвиты, женщины и монахини?

Всѣ произведенія Росвиты дышатъ воодушевленіемъ къ побѣдѣ добродѣтели надъ порокомъ и исполнены хваленій въ честь Творца; такое настроеніе автора высказывается довольно ясно и въ языкѣ, въ выборѣ словъ для выраженія мыслей. Какъ монахиня, Росвита часто употребляетъ слова: *oltithronus*, *celsithronus*, *aethereus*, *lucisator*, *gaudimonium* и т. п.; какъ женщина, она любитъ уменьшительную форму: *gloriola*, *gratiola*, *pellicula*, *infantula*, *carminulus*, *tempusculum*, *amniculus* и т. п., особенно съ окончаніемъ *cola*: *christicola*— любимое слово Росвиты, *eremicola* и т. п.; чтимое монахиней слово *amen* служитъ нерѣдко приставкой къ окончанію словъ: *famulamen*, *juvamen*, *peccamen* и т. п.

Ашбахъ хочетъ увѣрить насъ, что языкъ Росвиты настолько правиленъ, что соотвѣтствуетъ скорѣе языку лучшихъ писателей XV столѣтія, нежели X вѣка; но намъ кажется, что ни одинъ гуманистъ, тѣмъ менѣе членъ Рейнскаго ученаго общества, не позволилъ бы себѣ такихъ сочетаній, какъ *vitaliter aura*, *spem habere mansuris bonis*, такихъ производствъ, какъ *penitius*—сравнительная степень отъ penitus; Цельтисъ и его ученые друзья не составляли такихъ словъ, какъ *cunctigenus*, вмѣсто omnigenus, или *insensatus* вмѣсто mente destitatus; такихъ adverb., какъ *clarum* вмѣсто *clare*, или *meatim* вмѣсто meo more; и вѣроятно, всѣ гуманисты

знали латинскую грамоту настолько, чтобы не смѣшивать *hic* и *huc*, *illic* и *illuc* и не писать постоянно *istec* вм. *istic*. Въ произведеніяхъ Росвиты часто встрѣчается древняя форма Infinitiv. на *ier* и Infin. fut. act. на *ire*, что̀, конечно, могли знать въ XV столѣтіи и поддѣлать; но Цельтисъ, конечно, не поблагодаритъ Ашбаха за приписываемое ему, какъ «лучшему писателю XV столѣтія», употребленіе Activ. вм. Passiv. (*volutes* вм. voluteris), неправильностей спряженія, въ родѣ *fatigar* вм. fatigabor, *succensit* отъ succendo, неудачной постановки Imperf., Perf. и Plusquamperf. не тамъ, гдѣ слѣдуетъ; какой же гуманистъ употребитъ существительную форму Infin. praes. отъ velle, posse, esse? Неужели филологъ Цельтисъ могъ употреблять сочетаніе: *spes de aliqua re?* Мы привели лишь незначительную часть имѣющихся примѣровъ; но и приведенныхъ совершенно достаточно, чтобы показать несостоятельность увѣренія Ашбаха, будто языкъ произведеній Росвиты соотвѣтствуетъ XV, а не X столѣтію. Не смотря на знакомство съ Видукиндомъ и Руотгеромъ, современниками Росвиты, мы должны были употребить усиліе, чтобы вчитаться въ «духовные стихи», особенно же въ «драмы» саксонской монахини, хотя относительно языка Видукинда мы охотнѣе раздѣляемъ мнѣніе Ваттенбаха, чѣмъ Вайца [1]). Не беремся рѣшить, кому отдать предпочтеніе относительно языка, Видукинду или Росвитѣ, но утверждаемъ, что Ашбахъ былъ слишкомъ пристрастенъ къ Росвитѣ, когда писалъ: Die Latinität von Roswitha ist eine ziemlich correcte und gewandte, welche der im fünfzehnten Jahrhunderte bei den besten Schriftstellern vorkommenden entspricht». Подобное увѣреніе, ничѣмъ не доказанное, ни мало не служитъ въ пользу той предвзятой мысли, ради которой оно написано.

Передавая вкратцѣ содержаніе «духовныхъ стиховъ», мы привели нѣсколько отрывковъ, изъ которыхъ можно видѣть,

[1]) *Wattenbach*, Deut. Geschichtsq., 1866, p. 214. Ср. *Waitz*, въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 12.140.

что Росвита писала леонинскимъ или риѳмованнымъ стихомъ гекзаметромъ; Ашбахъ находитъ, что гекзаметры Росвиты слишкомъ хороши для X столѣтія, что цѣлыя произведенія, писанныя леонинскимъ гекзаметромъ, встрѣчаются лишь въ XIV и XV столѣтіяхъ [1]). Не находя особой прелести въ гекзаметрахъ Росвиты, должно признать, что Я. Гриммъ, судья въ данномъ случаѣ наиболѣе компетентный, имѣлъ основанія отличить эти гекзаметры отъ современныхъ имъ и поставить ихъ выше убогихъ двустишій XII вѣка [2]). Какимъ же образомъ достоинство гекзаметровъ Росвиты можетъ служить доводомъ къ ея уничтоженію? Ашбахъ не приводитъ доказательствъ осужденію, высказанному такъ рѣзко. Гекзаметры были обычною формою стихотвореній того времени и именно леоновскіе, съ тупою риѳмою [3]). Росвита употребляла еще другой метръ, встрѣчающійся въ X вѣкѣ довольно рѣдко, именно элегическое сочетаніе леонинскаго гекзаметра съ пентаметромъ, иногда риѳмованнымъ. Подобное сочетаніе чрезвычайно соотвѣтствуетъ цѣли и настроенію церковныхъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ; позже, въ XII и XIII столѣтіяхъ, оно встрѣчается довольно часто, у Росвиты же составляетъ исключеніе,—имъ написаны лишь духовный стихъ о св. Гонгольфѣ и четыре мелкія стихотворенія [4]).

---

[1]) *Aschbach*, p. 25, Anm. 1.

[2]) *J. Grimm* und *A. Schmeller*, Latein. Gedichte des X und XI Jahrh., 1837, p. 305.

[3]) Ibid. p. XXIV. Риѳмованный гекзаметръ называется *леонинскимъ*, вѣроятно, вслѣдствіе того, что монахъ сенъ-викторскій *Leontius*, XII столѣтія, риѳмовалъ полустишія своихъ гекзаметровъ. Такія риѳмы встрѣчаются и у древнихъ писателей, у Виргилія и Овидія. Леонинскій стихъ монотоненъ, утомителенъ и пригоденъ лишь для духовныхъ произведеній средневѣковой музы. Кажется, Росвита сознавала это, и въ стихѣ о дѣяніяхъ Оттона она нерѣдко старается усилить впечатлѣніе подборомъ такихъ словъ, которыя наиболѣе выражаютъ мысль своимъ внѣшнимъ звукомъ:

v. 582: Clausam carcereis claustris servare cubilis.
v. 696: Altibus accinctas altis intraverat oras.

[4]) Passio s. Gondolfi martyris; посвященіе Герберґѣ первой книги (12 строкъ), предисловіе къ стиху о св. Маріи (44 строки), посвященіе Герберґѣ послѣднихъ

Ашбахъ проходитъ молчаніемъ прозу Росвиты, между тѣмъ какъ эта проза даетъ возможность правильнѣе судить и о стихахъ саксонской монахини. Изъ всѣхъ произведеній Росвиты написаны прозою только шесть драмъ, но эта проза такова, что уже давно въ ней были замѣчены риѳмы [1]). Въ этомъ отношеніи разсматриваемыя драмы тѣмъ оригинальнѣе, что въ нихъ эта «риѳмованная проза» употребляется не постоянно и перемѣшана съ чистою прозою, такъ что, собственно говоря, слогъ драмы не представляетъ ни прозу, ни поэзію, а скорѣе полупрозаическую и полупоэтическую форму. Эта форма намъ, русскимъ, хорошо извѣстна изъ нашихъ народныхъ сказокъ,

---

трехъ стиховъ (6 строкъ) и, наконецъ, приведенная нами выше стихотворная забава въ 8 строкъ.

[1]) *Bendixen*, Comoediae Hrotsuitae, Lübeck, 1858, хотѣлъ даже переложить эту «риѳмованную прозу» въ гекзаметры, но это ему не удалось. Такимъ же слогомъ написаны: письмо къ ученымъ покровителямъ и посвященіе Гербергѣ, которыя мы привели выше въ дословномъ переводѣ. Какова именно эта риѳмованная проза, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, въ которыхъ, для большей очевидности, прозаическія строки переданы нами въ стихотворной формѣ:

1) воины въ драмѣ «Dulcitius» говорятъ (Barack, p. 183):

Frustra sudamus,
In vanum laboramus.
Ecce, vestimenta
Virgineis corporibus inhaerent velut coria.

2) «Calimachus», воскрешенный св. Іоанномъ, говоритъ (Barack, p. 204):

Nam nimium confundor,
Cordetenus contristor,
Anxio,
Gemo,
Doleo super gravi impietate mea.

3) трактирщикъ въ драмѣ «Abraham» говоритъ Маріи (Ibid. p. 227):

Fortunata Maria,
Laetare, quia
Non solum, ut hactenus, tui coaevi,
Sed etiam senio jam confecti
Te adeunt
Te ad amandum confluunt.

слушая которыя, недоумѣваешь, прозой или стихами говоритъ разсказчикъ; на Западѣ она употреблялась за нѣсколько столѣтій до появленія Росвиты, и ею написаны даже такія большія сравнительно произведенія, какъ житіе св. Галла [1]), основателя знаменитаго Сентъ-галленскаго монастыря. Еслибъ Ашбахъ обратилъ вниманіе на «риѳмованную прозу» Росвиты, то, конечно, ея «риѳмованный гекзаметръ» представился бы ему въ иномъ свѣтѣ» [2]).

Въ предисловіи къ драмамъ Росвита сама говоритъ, что ими она желала вытѣснить чтеніе Теренція, слишкомъ распространенное. Какъ драмы, такъ и стихи Росвиты обличаютъ въ ней знакомство съ Горацiемъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и особенно съ Плавтомъ; слѣды вліянія Плавта встрѣчаются чаще, и они замѣтнѣе, чѣмъ заимствованія и подражанія Теренцію. Ашбахъ же находитъ, что кругъ древнихъ классиковъ, читавшихся въ эпоху Оттоновъ, былъ довольно ограниченъ и не простирался далѣе Виргилія, Лукана, Стація и Горація; что Овидій и Теренцій рѣдко или вовсе не читались, и что сомнительно еще былъ ли даже Плавтъ извѣстенъ Германіи въ X вѣкѣ. Затронувъ такой серьезный вопросъ, Ашбахъ не считалъ уже возможнымъ оставить его безъ доказательства; но его доказательства такъ оригинальны, что мы вынуждены привести ихъ полностью: въ подтвержденіе своихъ словъ,— что въ X столѣтіи не читали Овидія и Теренція, а о Плавтѣ вовсе не знали,—Ашбахъ говоритъ, что «Алкуинъ, пользовавшійся болѣе, чѣмъ какой-либо другой ученый VIII столѣтія классиками въ Іоркской архіепископской библіотекѣ, не упоминаетъ въ числѣ римскихъ поэтовъ, имѣвшихся въ этой библіотекѣ, ни Теренція, ни Овидія, ни Плавта» [3]). Въ доказательство мнѣнія о Германіи X столѣтія приводится извѣстіе

[1]) Vita s. Galli abbatis et fundatoris coenobii Sangallensis, auctore anonymo, ap. Pertz. II, p. 1.

[2]) *G. Freitag.* De Hrotsuitha poetria, 1839, 12 и сл.

[3]) *Aschbach*, p. 26, Anm. 1.

объ Англіи VIII вѣка!.. Алкуинъ вообще жаловался Карлу даже въ 801 году, что во Франціи нѣтъ тѣхъ книгъ, какія находятся въ Британіи [1]), но при чемъ же тутъ Германія времени Оттоновъ? Относительно заботъ о просвѣщеніи своего народа Оттонъ I не уступаетъ Карлу Великому: не смотря на то, что Оттонъ не получилъ образованія, лишь въ зрѣломъ возрастѣ «изучилъ грамоту» и до конца жизни былъ въ ней нетвердъ [2]), онъ не жалѣлъ средствъ для привлеченія въ Германію знаменитыхъ ученыхъ: Гунцонъ и Стефанъ Наварскіе, Ратгерій Веронскій, Ліудпрандъ Кремонскій, Экгардъ Сентъ-Галленскій, Гербертъ, Отрикъ Магдебургскій и многіе другіе схоластики и грамматики распространяютъ просвѣщеніе въ Германіи X вѣка; именно въ саксонскихъ монастыряхъ проявляется литературная дѣятельность, и монастыри въ Гандерсгеймѣ, Корвеѣ, Кведлинбургѣ, Гильдесгеймѣ, Магдебургѣ и Мерзебургѣ становятся центрами современной учености. Въ X столѣтіи классическіе поэты, и именно: Овидій, Теренцій, Плавтъ, были извѣстны въ монастыряхъ Ломбардіи и Франціи, не только Германіи [3]). Ашбахъ оказалъ бы большую услугу исторической наукѣ, если бы дѣйствительно доказалъ, что въ саксонскихъ монастыряхъ X столѣтія не было рукописей тѣхъ классиковъ, которые были въ ломбардскихъ и французскихъ.

Таковы доводы Ашбаха противъ формы произведеній Росвиты. «Не только одна форма, но и содержаніе противорѣчитъ,—по мнѣнію Ашбаха,—тому, что ихъ авторомъ была монахиня» [4]). Мы довольно подробно познакомились уже съ содержаніемъ тѣхъ произведеній Росвиты, которыя записаны въ Мюнхенскомъ кодексѣ, и намъ остается только обратить вниманіе на тѣ именно мѣста, на которыя указываетъ Ашбахъ, находя, что они не могли принадлежать перу женщины-монахини.

[1]) Ep. 43. Coll. *Migne*. l. c. [2]) *Pertz*. II, 139. 146; III. 172. [3]) *Delisle*, Bibl. de l'école des Chartes, v. XXI. p. 138. [4]) *Aschbach*, p. 27.

Первая книга Мюнхенскаго кодекса занята «духовными стихами», въ которыхъ Росвита разсказала почти дословно содержаніе легендъ, житій святыхъ, придавъ своему разсказу форму гекзаметровъ. Что же въ этомъ необыкновеннаго? Современникъ Росвиты, и подобно ей, монахъ, бенедиктинецъ Видукиндъ также точно занимался составленіемъ разсказовъ по легендамъ, прежде чѣмъ приступилъ къ своему историческому труду. Въ первой главѣ первой книги своихъ Res gestae Saxonicae Видукиндъ говоритъ: «Пусть никто не удивляется, что, посвятивъ первыя мои произведенія прославленію побѣдъ подвижниковъ Всевышняго Повелителя, я хочу теперь описать дѣянія нашихъ герцоговъ» [1]). Какъ Росвита, такъ и Видукиндъ перерабатывали матеріалъ, представляемый легендами, съ единственною цѣлью доставить современникамъ назидательное чтеніе; передѣлки Видукинда не дошли до насъ, но, вѣроятно, и онъ, подобно Росвитѣ, точно придерживался содержанія и смысла легендъ. Росвита въ этомъ отношеніи была до крайности щепетильна, и намъ удалось встрѣтить только двѣ прибавки чисто, впрочемъ, поэтическаго характера, которыя мы и отмѣтили въ своемъ мѣстѣ.

Изъ замѣчаній Ашбаха относительно «духовныхъ стиховъ», нѣкоторыя носятъ явные слѣды пристрастія, желанія, во что бы то ни стало, увидѣть подлогъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что три части перваго стиха рознятся языкомъ и «могли быть написаны» различными авторами. Другія замѣчанія обличаютъ въ Ашбахѣ самое поверхностное знакомство съ тѣми произведеніями, о которыхъ онъ говоритъ: такъ, мы замѣтили уже, что содержаніе заключительныхъ строкъ второго стиха передано имъ невѣрно; далѣе, говоря о седьмомъ стихѣ, описывающемъ страданія св. Діонисія, Ашбахъ даже не подозрѣваетъ, что стихъ составленъ по житіямъ двухъ различныхъ Діонисіевъ, и наивно приписываетъ Діонисію Ареопагиту путешествіе въ Галлію и мученичество

[1]) *Pertz*, III. p. 1.

Діонисія Гальскаго [1]). Упоминая о третьемъ стихѣ—Passio s Gongolfi — Ашбахъ замѣчаетъ, что характеристика развратной жены Гонгольфа «не соотвѣтствуетъ мыслямъ и возрѣніямъ благочестивой монахини». Ашбахъ довольно часто высказываетъ подобное мнѣніе не только относительно стиховъ, но и драмъ Росвиты, забывая, конечно, что эти возрѣнія и мысли были почерпаемы изъ легендъ, изъ житій святыхъ, которыя во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ составляли и составляютъ по настоящее время любимое, послѣ Священнаго Писанія, чтеніе монаховъ и монахинь; что, по уставу св. Бенедикта, для подобнаго чтенія назначались особые часы. Правила св. Бенедикта предписываютъ: «Во время великаго поста—съ утра до третьяго часа заниматься чтеніемъ; въ эти дни пусть всякій беретъ книги изъ библіотеки и читаетъ ихъ *всѣ по порядку*. Одинъ или двое изъ старцевъ должны обходить монастырь и смотрѣть, нѣтъ ли между братьями какого-либо лѣнивца, который предается праздности или болтовнѣ, вмѣсто того, чтобы заниматься чтеніемъ. По воскреснымъ днямъ *всѣ рѣшительно* должны посвящать время чтенію» [2]). Гандерсгеймскій монастырь слѣдовалъ уставу св. Бенедикта; Росвита была обязана читать, и, конечно, читала *всѣ по порядку* имѣвшіяся въ монастырѣ книги, въ числѣ которыхъ житія святыхъ занимали первое мѣсто въ книгохранилищѣ, послѣ *библіотеки* [3]), то-есть, Священнаго Писанія. Доморощенная мораль можетъ находить чтеніе легендъ «вредными и опасными», здравый смыслъ—скучными и безплодными; но историкъ не имѣетъ права игнорировать факты и не долженъ произносить обвинительный приговоръ, противорѣчащій понятіямъ вѣка и положенію обвиняемаго лица. Росвита менѣе всего можетъ подлежать въ этомъ отноше-

[1]) *Aschbach*, p. 22.

[2]) *Muratori*, Scr. rer. Ital., IV, p. 209.

[3]) Въ средніе вѣка всякое книгохранилище называлось *armarium*; подъ словомъ же *bibliotheca* разумѣлось спеціально собраніе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

нія обвиненію: мы видѣли, что именно въ стихѣ о св. Гонгольфѣ Росвита умолчала о нескромныхъ отзывахъ Ганеи по поводу чудесъ мужа.

Изъ восьми духовныхъ стиховъ Росвиты Ашбахъ обращаетъ особенное вниманіе на четвертый—Passio s. Pelagii, посвящая ему особую главу въ своей брошюрѣ. Ашбахъ разсматриваетъ прежде всего краткое содержаніе (argumentum). предпосланное стиху, и удивляется, что оно не соотвѣтствуетъ содержанію самаго стиха. Дѣйствительно, въ стихѣ Пелагій названъ сыномъ галлиційскаго короля, въ содержаніи--кордовскаго гражданина; въ стихѣ Абдеррахманъ завоевываетъ Галицію, въ содержаніи—Кордову; наконецъ, въ содержаніи Абдеррахманъ ложно названъ мавританскимъ тираномъ. Страннымъ образомъ Ашбахъ видитъ въ этомъ доказательство, что стихъ поддѣланъ Цельтисомъ [1]), между тѣмъ, какъ разность между стихомъ и содержаніемъ свидѣтельствуетъ, что именно Цельтисъ никоимъ образомъ не могъ быть составителемъ стиха! Дѣло въ томъ, что краткое содержаніе къ стиху о св. Пелагіѣ, какъ и ко всѣмъ стихамъ, составлено именно Цельтисомъ; если Цельтисъ былъ авторомъ стиха, какимъ образомъ могла произойти разница между стихомъ и содержаніемъ? Обращаясь къ самому стиху и видя въ немъ историческія невѣрности, Ашбахъ заключаетъ, что стихъ писанъ не въ X, а въ XV вѣкѣ, такъ какъ въ X столѣтіи этотъ эпизодъ изъ исторіи Испаніи былъ извѣстенъ въ Германіи лучше и вѣрнѣе, чѣмъ въ XV столѣтіи. Когда же и какая легенда сообразовалась съ историческою истиною, и вообще, по самому существу дѣла, возможно ли предъявлять къ легендѣ подобныя требованія? Легенда никогда еще не стѣснялась ни временемъ, ни мѣстомъ, ни какими-либо иными соображеніями. кромѣ «назиданія сердца во спасеніи», которое составляетъ ея цѣль. Казнь Пелагія произвела большое впечатлѣніе на современниковъ; по поводу ея составлялись

[1]) *Aschbach*. p. 91.

и передавались изъ устъ въ уста самые разнорѣчивые разсказы, и чѣмъ болѣе противорѣчилъ разсказъ естественности, возможности, тѣмъ болѣе внушалъ къ себѣ довѣрія; народная фантазія скоро овладѣла имъ и изукрасила своими вымыслами. Одинъ изъ такихъ вымысловъ дошелъ до монахинь Гандерсгеймскаго монастыря; Росвита изукрасила его поэтическими описаніями мѣстности, лицъ, чудесъ, и такимъ образомъ составился тотъ стихъ, который, подобно всякой легендѣ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто исторически-достовѣрное. Берега Гвадалквивира, при которомъ стоитъ Кордова, плосскіе, безъ скалъ и утесовъ, являются подъ перомъ Росвиты совершенно иными:

v. 286. Funda Pelagium jacientes martyrijandum
Urbis famosae trans maxima mornia longe.
Sed licet ingentes obstantes undique ripes
Artarent textis corpus frædulce cadentis.
Attamen illæsus Christi permansit amicus,
Certe regales citius pervenit ad aures,
Martyris allisi corpus non posse secari,
Infigi scopolis ripæ quod jussit acutis и т. д.

Строже, чѣмъ къ духовнымъ стихамъ, относится Ащбахъ къ драмамъ Росвиты, которыя онъ называетъ комедіями [1]).

Что такое драмы Росвиты? Въ предисловіи ко второй части своихъ произведеній, заключающей въ себѣ драмы, Росвита говоритъ, что она подражала въ нихъ Теренцію,

[1]) Росвита нигдѣ не называетъ своихъ драмъ *комедіями*. Первый Цельтисъ придалъ имъ такое названіе, вписавъ своею рукой въ Мюнхенскій кодексъ выраженіе: *præfatio in comædias*, которое вошло въ его изданіе и повторялось затѣмъ всѣми до тѣхъ поръ, пока *Magnin*, p. 454, и за нимъ *Barack*, p. XXXII, не обратили вниманія на неточность такого опредѣленія этихъ произведеній Росвиты. Драмы Росвиты—не комедіи: ихъ содержаніе исполнено трагизма и комическій элементъ выступаетъ лишь во второй драмѣ (Dulcitius); сама Росвита называетъ ихъ драмами и не могла назвать комедіями уже и потому, что въ средніе вѣка подъ комедіей разумѣли болѣе эпическій разсказъ, чѣмъ представленіе дѣйствій въ діалогѣ; поэтому-то Данте и назвалъ свое произведеніе комедіей. Ашбахъ, слѣдуя Цельтису, продолжаетъ называть драмы Росвиты комедіями.

желая «прославить достойную хвалы чистоту святыхъ дѣлъ тою же формою произведеній, какою возвеличены безбожныя непотребства безстыдныхъ женщинъ». Изъ словъ Росвиты видно уже, что ея подражаніе Теренцію имѣетъ отрицательный характеръ. Росвита писала свои драмы исключительно съ тою цѣлью, чтобы дать современникамъ пріятное чтеніе, которымъ могъ бы быть замѣненъ Теренцій, такъ какъ «его вымыслы пятнаютъ читателей познаніями вещей непотребныхъ». Драмы Росвиты предназначались ею самою для чтенія, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые находятъ, что эти драмы были представляемы на сценѣ. Росвита писала свои драмы, чтобы вытѣснить Теренція изъ чтенія, но не со сцены; Теренція, вѣроятно, не представляли въ монастыряхъ X столѣтія: откуда же явилось предположеніе, что драмы Росвиты писаны для сцены? Менѣе всего, конечно, изъ самихъ драмъ,—не говоря уже о томъ, что въ нихъ являются лошади и змѣи, самое мѣсто дѣйствія мѣняется слишкомъ часто и слишкомъ рѣзко; такъ, въ «Галликанѣ» дѣйствіе переходитъ съ улицы Рима въ долину Ѳракіи. Французскій переводчикъ драмъ, Маньенъ, первый высказалъ, что драмы Росвиты не только читались, но и представлялись; онъ нашелъ даже въ самихъ драмахъ указаніе для игры актеровъ, дидаскаліи, и такъ какъ такихъ дидаскалій онъ могъ привести только двѣ, то напомнилъ, что и въ древнихъ драматическихъ произведеніяхъ они были довольно рѣдки [1]). Обѣ дидаскаліи отысканы Маньеномъ по недоразумѣнію: первая основана на превратномъ чтеніи текста, вторая—на невѣрномъ его пониманіи. Что драмы Росвиты не ставились на сцену, которой ранѣе XII столѣтія и не было въ Германіи [2]), было доказано за десять лѣтъ до появленія брошюры Ашбаха; и тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ повторять мнѣніе, ни на чемъ не основанное и противо-

---

[1]) *Löher*, Hrotsvitha und ihre Zeit, помѣщ. въ *Wissenschaftl. Vorträge gehalten zu München*. 1858, p. 497, 451.

[2]) *Mone*, Schauspiele des Mittelalters, I, p. 1.

рѣчащее словамъ самой Росвиты. Трудно себѣ представить, какова могла быть mise en scène въ X столѣтіи?

Содержаніе трехъ первыхъ драмъ Росвиты—Gallicanus, Dulcitius, Kallimachus—и шестой, послѣдней.—Sapientia,—не безпокоитъ Ашбаха и онъ останавливаетъ свое вниманіе лишь на четвертой и пятой—Abraham и Paphnutius. Эти драмы сходны между собою по содержанію: въ обѣихъ пустынники покидаютъ свое отшельничество и идутъ въ города спасать погибшихъ женщинъ. «Должно удивляться смѣлости,—говоритъ Ашбахъ,—приписывать составленіе обѣихъ пьесъ, представляющихъ такія соблазнительныя сцены, монахинѣ непорочной и чуждой суетѣ міра». Мы перевели уже одну изъ этихъ «соблазнительныхъ» сценъ, предоставляя всѣмъ судить, во что̀ обращались эти соблазны подъ перомъ Росвиты; приводимъ и вторую подобную же сцену, изъ пятой драмы:

Пафнуцій. Ты здѣсь ли, Таисія, которую я ищу?

Таисія. Какой это незнакомецъ говоритъ мнѣ?

Пафнуцій. Любящій тебя.

Таисія. Кто ко мнѣ питаетъ любовь, получаетъ въ замѣнъ равнымъ образомъ любовь [1]).

Пафнуцій. О, Таисія, Таисія, какой тяжелый путь прошелъ я, чтобы только имѣть счастіе поговорить со тобою и созерцать твое лицо!

Таисія. Я не избѣгаю взглядовъ и не отказываюсь отъ разговоровъ.

Пафнуцій. Секретная наша болтовня требуетъ болѣе скрытнаго мѣста.

Таисія. Вотъ комната, хорошо убранная и пріятная для обитанія.

Пафнуцій. Нѣтъ ли болѣе уединенной, гдѣ мы могли бы побесѣдовать секретнѣе?

[1]) *Thais*: Quicumque me amore colit, aequam vicem amoris a me recipit. То же самое, въ четвертой драмѣ, говоритъ Марія Авврааму: Quicumque me diligunt aequalem amoris vicem a me recipiunt.

Таисія. Есть еще одна, отдаленная и такая секретная, что ее, кромѣ меня и Бога, никто не знаетъ.

Пафнуцій. Какого Бога?

Таисія. Истиннаго.

Пафнуцій. Ты вѣришь, что Онъ что-нибудь знаетъ?.

Таисія. Мнѣ не безызвѣстно, что отъ него ничего не сокрыто [1]).

Затѣмъ Таисія раскаивается въ своихъ грѣхахъ, и эта «соблазнительная» сцена оканчивается обращеніемъ ея на путь истинный. Можно ли подобную сцену называть «соблазнительною» въ томъ дурномъ смыслѣ, какой хочетъ придать ей Ашбахъ? Чтобы вполнѣ понять то впечатлѣніе, которое производила эта сцена на читателей, необходимо привести непосредственно слѣдующую за нею, гдѣ Росвита на нѣсколько вѣковъ упредила Саванароллу.

Таисія раскаялась: она рѣшилась «предать огню и обратить въ пепелъ» все нажитое грѣхомъ; она устраиваетъ костеръ изъ своихъ платьевъ, нарядовъ, драгоцѣнностей, украшеній и созываетъ своихъ любовниковъ:

Таисія. Идите, поспѣшите ко мнѣ всѣ мои безпутные любовники!

Любовники. Голосъ Таисіи! Она зоветъ насъ. Поспѣшимъ чтобы не оскорбить ее промедленіемъ.

Таисія. Придите, приблизьтесь; хочу обмѣняться съ вами нѣсколькими словами.

Любовники. О, Таисія, Таисія, что значитъ этотъ костеръ, который ты сооружаешь? Зачѣмъ валишь на костеръ всю эту массу драгоцѣнностей?

Таисія. Вы желаете знать?

Любовники. Мы слишкомъ удивлены!

Таисія Я скоро вамъ скажу.

Любовники. Мы этого и желаемъ.

---

[1]) *Barack*, p. 252.

Таисія. Смотрите!

Любовники. Перестань, успокойся! Что ты дѣлаешь? Ты съ ума сошла?

Таисія. Не сошла, а теперь только поумнѣла.

Любовники. Зачѣмъ губить четыреста ливровъ золота и другія богатства?

Таисія. Хочу пожечь огнемъ все, что грѣховно исторгла у васъ, чтобъ никто уже не надѣялся, что вновь склонюсь на любовь.

Любовники. Подожди минутку, остановись! Повѣдай намъ причину твоихъ волненій.

Таисія. Ни ждать, ни говорить съ вами не хочу. Пустите меня; не рвите одежды моей, желая меня удержать. Довольно съ васъ, что и до сей поры я соглашалась грѣшить съ вами. Пора перестать грѣшить Пора намъ разстаться. Иду туда гдѣ уже никто изъ васъ не увидитъ меня!»... [1]).

Желая подражать Теренцію не только формою своихъ произведеній, но и силою впечатлѣнія, производимаго на читателя, желая прославить чистоту помысловъ, непорочность жизни и твердость вѣры христіанскихъ мучениковъ, чтобы тѣмъ принизить классическіе типы Теренція, Росвита выбираетъ для своихъ драмъ такія легенды, въ которыхъ прославляется торжество непорочности и слабость невинныхъ женщинъ беретъ верхъ надъ животною грубостью мужчинъ. Подобный выборъ оправдывается уже и тѣмъ, что такія именно легенды, какъ о св. Авраамѣ или Пафнуціѣ, были всегда любимыми, наиболѣе читались и переводились на народные языки. Чтобы выставить во всемъ блескѣ женщинъ, Росвита должна была подвергнуть ихъ добродѣтель самой большой опасности и остановилась на двухъ легендахъ, назидательныхъ по цѣли и полныхъ морали, но, по содержанію, способныхъ встревожить стыдливую скромность. Для оцѣнки, въ этомъ отношеніи, пи-

1) *Farack.* p. 255.

сательницы X вѣка должно обращать вниманіе не столько на матеріалъ, который былъ уже данъ въ легендахъ, всѣми читавшихся, сколько на его переработку подъ перомъ женщины и монахини; перо же это, по словамъ знатока драмъ Росвиты, остается всегда такъ же цѣломудренно и скромно, какъ чисты и безупречны ея намѣренія [1]).

Разсматривая произведенія Росвиты со стороны ихъ формы и содержанія, Ашбахъ, какъ мы видѣли, высказываетъ сужденіе, противорѣчащее фактамъ, и въ подтвержденіе своихъ сужденій не приводитъ никакихъ доказательствъ, или ограничивается доводами, не выдерживающими критики. Не путемъ добросовѣстнаго, научнаго изслѣдованія трудовъ саксонской монахини дошелъ онъ до отрицанія той литературной ея дѣятельности, которую сохранилъ намъ Мюнхенскій кодексъ Росвиты; иныя основанія, лежащія внѣ разсматриваемыхъ произведеній, навели Ашбаха на мысль, что Мюнхенскій кодексъ поддѣланъ, и именно въ послѣдніе годы XV столѣтія, гуманистомъ Цельтисомъ и его литературными друзьями.

Цельтисъ пользовался у своихъ современниковъ большимъ уваженіемъ, какъ глубокій ученый и знатокъ воскресшей тогда классической литературы, какъ талантливый поэтъ и трудолюбивый профессоръ, лекціи котораго въ Ингольштадтѣ и потомъ въ Вѣнѣ производили серьезное впечатлѣніе на слушателей, наконецъ, какъ гуманистъ и патріотъ, горячо сочувствовавшій чести и славѣ своей родины [2]). Цельтисъ много путешествовалъ и имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ; всѣ ученыя и литературныя знаменитости вѣка были съ нимъ въ перепискѣ; Пейтингеръ, Ульзенъ, Рейхлинъ, Толгофъ, Трите-

---

[1]) *Magnin*, p. XXXVIII. Маньенъ напоминаетъ, что легенды о св. Авраамѣ и Пафнуціѣ послужили темой для многихъ произведеній новѣйшаго времени и находитъ, что въ XVI и XVII столѣт. эта тема разрабатывалась далеко не такъ деликатно, какъ въ X вѣкѣ. Ibid. p. LIII. Приведенные нами въ текстѣ отрывки изъ двухъ драмъ подтверждаютъ справедливость словъ французскаго ученаго.

[2]) *Wattenbach*, p. 3.

мій. Ентингемъ, Стурхи, Сильбербергъ находились съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Вѣнской придворной библіотекѣ хранится около 250 писемъ, полученныхъ Цельтисомъ отъ своихъ академическихъ друзей въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1491—1505). Это-то собраніе писемъ—Codex epistolaris Celticus—и послужило Ашбаху главнымъ основаніемъ для высказаннаго имъ мнѣнія о подложности Мюнхенскаго кодекса Росвиты: Ашбахъ перечелъ эти письма, нашелъ въ нихъ намеки, по его собственному сознанію, *краткіе и загадочные*, дополнилъ ихъ своими личными догадками, произвольными толкованіями, и такимъ образомъ, сдѣлалъ ихъ операціоннымъ базисомъ своей, какъ мы видѣли, довольно смѣлой атаки на Мюнхенскій кодексъ.

Въ приложеніи къ брошюрѣ «Росвита и Конрадъ Цельтисъ» помѣщено девять писемъ цѣликомъ [1]), именно всѣ тѣ, въ которыхъ Ашбахъ вычиталъ свои «краткіе и загадочные» намеки. Мы не думаемъ, чтобы вѣнскій профессоръ умолчалъ о письмахъ, свидѣтельствующихъ противъ защищаемой имъ, довольно неблагодарной, темы: подобный подлогъ въ столь важномъ для исторической науки вопросѣ, конечно, немыслимъ; но и изъ напечатанныхъ девяти писемъ можно составить довольно опредѣленное понятіе о характерѣ всего кодекса. Во всѣхъ девяти письмахъ рѣчь идетъ о литературныхъ занятіяхъ, при чемъ переписывающіеся обмѣниваются извѣстіями о положеніи того или другого труда, извѣщаютъ о мѣстопребываніи того или другого ученаго друга, пересылаютъ поклоны, и все это въ выраженіяхъ краткихъ, понятныхъ только для непосредственныхъ корреспондентовъ, почеркомъ неразборчивымъ, слогомъ небрежнымъ до неряшливости, какимъ пишется большая часть писемъ въ дружеской перепискѣ. Что же прочелъ въ этихъ письмахъ Ашбахъ?

[1]) *Aschbach*, p. 56—70.

Стурнъ [1]), въ крайне льстивомъ письмѣ, отъ 22-го августа 1504 года, изъ Брюна, пишетъ Цельтису, что онъ тѣмъ болѣе радъ находкѣ и изданію произведеній Росвиты, что въ нихъ упоминается «избранная имъ невѣста Агнеса». Какую Агнесу разумѣетъ Стурнъ—неизвѣстно: говоритъ ли онъ о св. Агнесѣ или о какой-либо земной, съ которою онъ былъ помолвленъ, — въ настоящее время рѣшить невозможно. Ашбахъ понимаетъ это мѣсто письма по своему, и зная, что восьмой духовный стихъ Росвиты озаглавленъ именемъ Агнесы, переводитъ такъ: «Изданіе Росвиты тѣмъ болѣе обрадовало Стурна. что въ число стихотвореній Росвиты принято и его произведеніе объ Агнесѣ» [2]). Прежде всего, конечно, должно замѣтить, что латинская *sponsa* не поддается переводу въ нѣмецкій *Production*; и сверхъ того, Стурнъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ гуманистовъ, можетъ быть заподозрѣнъ въ сочиненіи такого духовнаго стиха, какъ «Агнеса». Стурнъ, правда, далъ нѣсколько стихотвореній подъ своимъ именемъ, но вскорѣ обнаружилось, что онъ ихъ цѣликомъ списалъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти ученаго Гассенштейна [3]), а въ «Агнесѣ» 459 леонинскихъ гекзаметровъ!

По мнѣнію Ашбаха, Цельтисъ, въ предисловіи къ изданію произведеній Росвиты, называетъ саксонскую монахиню *Mulier Cymbrica*. Это несправедливо: въ той фразѣ, на которой Ашбахъ основалъ свое мнѣніе, выраженію «*nostra Cymbrica mulier*» противополагается выраженіе «*haec virgo nostra*»; въ самомъ же предисловіи, посвященномъ курфюрсту Фридриху Саксонскому, Цельтисъ называетъ Росвиту *virgo germana*, *mulier germana*; поэтому, какъ ни темна фраза пре-

---

[1]) *Jodocus* Sturnus или *Sturlinus*, родомъ изъ Шмалькальдена, воспитывалъ дѣтей одного чешскаго ученаго. и потому называется иногда *Paedagogus*. Около 1500 г. былъ въ Италіи.

[2]) *Aschbach*, 40.

[3]) *Klüpfel* II, 154. *Kaltenbäck*, Jod. Sturnus, помѣщ. въ *Oesterr. Zeitschrift für Geschichte*, III, p. 86.

дисловія [1]), все же болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Росвита разумѣется въ ней подъ выраженіемъ *virgo nostra*, а не *Cymbrica mulier*; и какъ бы искусственно Ашбахъ ни объяснялъ обозначеніе саксонки Росвиты прилагательнымъ *Cymbrica*, оно къ ней не идетъ: Росвита—mulier *germana*, или, точнѣе, virgo *germana*, но никакъ не Cymbrica. Между тѣмъ, Ашбахъ идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: «Такъ какъ надменные итальянцы обзывали саксонцевъ, какъ и нѣмцевъ вообще, *варварами*, то Цельтисъ иронически придалъ Росвитѣ, Кимврской женщинѣ, которая въ X столѣтіи такъ превосходила итальянцевъ своимъ образованіемъ, названіе *Cymbrica Barbara*». При этомъ Ашбахъ не указываетъ, гдѣ именно, въ какомъ изъ произведеній и когда Цельтисъ придавалъ такое названіе Росвитѣ, и эта осторожность со стороны Ашбаха была необходима, такъ какъ никогда и нигдѣ Цельтисъ не называетъ Росвиту *Кимврскою варваркой*, и это названіе всецѣло принадлежитъ фантазіи Ашбаха.

Для цѣлей Ашбаха необходимо было отнести къ Росвитѣ неясное выраженіе Цельтиса *nostra Cymbrica mulier*, умолчавъ о болѣе опредѣленномъ *virgo germana*, затѣмъ уже построить на этомъ выраженіи свое собственное предположеніе, что Цельтисъ называлъ Росвиту *Cymbrica Barbara*, и выдать это предположеніе за фактъ. Это было необходимо потому, что въ сборникѣ писемъ къ Цельтису Ашбахъ встрѣтилъ выраженія *Cymbrica Barbara*, которыя, по его мнѣнію, подтверждаютъ подозрѣніе о подлогѣ Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты. Даже принимая вмѣстѣ съ Ашбахомъ, что Росвита въ дружескихъ письмахъ Ульзена [2]) къ Цельтису была называема «Кимврскою варваркой», нельзя не замѣтить, до какой степени Ашбахъ произвольно объясняетъ приводимыя имъ два мѣста: 1) Ульзенъ, въ письмѣ отъ 1492 го-

[1]) Diese Stelle ist noch undeutlich, говоритъ Вайцъ объ этой фразѣ. *Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 1267.

[2]) Theodoricus Ulsenius—извѣстный юмористъ, другъ Цельтиса.

да, пишетъ: «Quod de re tua scribam, nihil est, quam omnino sileas et moreris me. Dabo operam, ut aliquid quod hris (sic) sim: *tota tua Barbara Cymbrica inter aniles fabulas cogatur perpetue versare*». Мѣсто это довольно темно, быть можетъ, невѣрно прочтено, но, во всякомъ случаѣ, едва ли въ немъ заключенъ тотъ смыслъ, который придаетъ ему Ашбахъ: «Вся твоя Кимврская варварка, которая принуждена постоянно заниматься древними легендами» [1]), предполагая, что Кимврская варварка обозначаетъ дѣйствительно Росвиту. Ульзенъ здѣсь скорѣе говоритъ, что «Цельтисъ не долженъ все молчать и медлить; его Кимврская варварка не должна оставаться постоянно бабьими сказками», то-есть, она должна быть издана, напечатана, чтобы не подумали, что это только бабья сказка [2]). 2) Два года спустя, въ 1494 году, Ульзенъ пишетъ Цельтису: «Credo ego nec dubito, *Cymbricam tuam barbaram* plurimam (?) ejus comodi pleni (verius arborticios [aborticios?]) aliquid digne enixuram: *Nemesi vero matre orta est, patrem te geris* (si recte sentio) non omnino inertem ad ulciscendas injurias, nec sequem prorsus atque stupidum». Ашбахъ придаетъ особенную важность этому мѣсту, хотя сознается, что оно мало понятно и объясняетъ это умышленнымъ искаженіемъ словъ [3]). Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-то мщеніи, въ которомъ Кимврская варварка должна явиться средствомъ; но напрасно Ашбахъ такъ настаиваетъ на тѣхъ словахъ, въ которыхъ Цельтисъ названъ отцомъ: выраженіе *pater* также точно идетъ

---

[1]) Aschbach. p. 41. При такомъ пониманіи этого мѣста, выраженіе *Cimbrica Barbara* также точно относится къ Росвитѣ, какъ и ко всякой другой женщинѣ, занимающейся почему-либо легендами (aniles fabulas). Въ предисловіи къ своему изданію, Цельтисъ называетъ двухъ современныхъ ему женщинъ-писательницъ: Анну, писавшую стихи, ученую, знакомую съ гражданскимъ и церковнымъ правомъ, занимавшуюся философіей, и Любовь (Charitas), нюренбергскую монахиню, которая находилась съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и съ которою мы еще встрѣтимся. Въ концѣ же XV столѣтія, когда писано разсматриваемое письмо, переработкою легендъ занимались многіе.

[2]) *Waitz* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867. p. 1266.

[3]) Ibid. p. 64. Anm.

къ издателю, какъ и къ сочинителю [1]), и опять повторяемъ, въ приведенной фразѣ ничто не даетъ повода разумѣть подъ Кимврскою варваркой именно Росвиту. Кого называли друзья въ своей интимной перепискѣ «Кимврскою варваркой» останется, вѣроятно, навсегда неизвѣстнымъ: но, конечно, они разумѣли какую-либо современницу, хорошо знакомую, быть можетъ, близкую имъ даму: въ другихъ письмахъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ приведенныхъ Ашбахомъ. Ульзенъ говоритъ сперва о свадьбѣ. затѣмъ о разводѣ Кимврской варварки. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ семейными дрязгами, лишенными всякаго значенія при рѣшеніи нашего научнаго вопроса.

Еще одинъ и послѣдній примѣръ, какъ неосторожно относится Ашбахъ къ письмамъ друзей Цельтиса, и какъ произвольно объясняетъ ихъ. Ашбахъ старается доказать, что «Цельтисъ, получивъ изъ библіотеки монастыря св. Эммерама сборникъ легендъ Росвиты, изготовилъ, при помощи искуснаго палеографа, ту рукопись, которая хранится въ Мюнхенѣ, а старую, подлинную, которая могла обнаружить подлогъ, уничтожилъ, возвративъ монастырю, вмѣсто подлинной рукописи, подложную». Само собою разумѣется, что въ письмахъ ни о чемъ подобномъ нѣтъ и рѣчи. Между тѣмъ, въ подтвержденіе того, что, будто бы, для «окончательнаго сокрытія ученаго подлога», друзья переписывались объ уничтоженіи подлинной рукописи Росвиты, Ашбахъ ссылается на письмо Матвѣя Паппенгейма къ Цельтису, въ которомъ, будто бы, «говорится о тайномъ уничтоженіи рукописи, упоминается спонгеймскій аббатъ Тритгемъ, какъ посвященный въ эту тайну, и наконецъ указывается, что Сунтгеймъ [2]), видѣвшій въ монастырѣ

[1]) *Waitz* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867. p. 1267.

[2]) Владиславъ Сунтгеймъ, капелланъ и гофмаршалъ двора императора Максимиліана I, занимавшійся собираніемъ историческихъ матеріаловъ; въ запискахъ императора находится собственноручная отмѣтка: «Herr Lassla Priester soll die österreichisch, sächsisch und bairisch Chroniken zusammenzustimmen». Сунтгеймъ былъ не въ ладахъ съ Цельтисомъ.

св. Эммерама подлинную рукопись Росвиты, готовъ былъ открыть императору ученый подлогъ, но былъ остановленъ императорскими совѣтниками Крахенбергеромъ, Цуспиніаномъ и Матѳеемъ Лангомъ, благоволившими къ Цельтису» [1]). Письмо, на которое ссылается Ашбахъ, служитъ самымъ вѣрнымъ и наиболѣе категорическимъ опроверженіемъ вѣнскаго профессора; вотъ это письмо:

Matthaeus Pappenheim imperialis aulae marescalcus Conrado Celti.

Commendatione praemissa. excellentissime vir fautorque dilecta, Transmitto hic quaedam scripta solatii causa, affectorque intime adventum vestrae humanitatis, ut aliquos vetustos codices videre et ut intendebamus indagare possimus. In quibus sicuti pollicitus sum vos fideliter juvabo. Praeterea vir humanissima *vobis dudum significare volui: sed tradidi oblivioni secretum illud, quod insignis pater albas Trithemius Sponhaim, vobis bona fide insinuavit.* In gloriatur dominus Ladislaus presbyter oculte venditasse et per monactum quendam latentor abstulisse. Ea dicam (?), ne praefatur Ladislaus vos praeveniat apud regiam majestatem, volo vos habere avisatum. Ceteris nihil praeterquam latorem praesentium vobis commendatum habere: necnon ea quae ipse vobis significabit mihi mittere, aut vos ipse personaliter comparere velitis, plurimum rogo. Valete feliciter. Ex castro N. III Kalend. Octobris 1503 [2]).

Итакъ, въ письмѣ рѣчь идетъ не объ уничтоженіи, а о находкѣ и тайномъ пріобрѣтеніи рукописи; Тритгемъ не былъ «посвященъ въ эту тайну» (in das Geheimniss gezogen), но онъ ее сообщилъ (insinuavit); о Росвитѣ не упомянуто ни слова и не могло быть упомянуто, такъ какъ письмо писано въ 1503 году, то-есть, десять лѣтъ послѣ полученія Цельтисомъ руко-

[1]) *Aschbach*, p. 46.

[2]) Cod. epist. Celt. XIII, ep. 3, fol. 148. Ашбахъ ссылается лишь на то мѣсто письма, которое напечатано здѣсь курсивомъ (p. 40).

писи Росвиты изъ Эммерамскаго монастыря (1494) и спустя два года послѣ изданія ея. Относительно Владислава Сутгейма въ письмѣ сказано только, что онъ взялъ къ себѣ кодексъ, наслѣженный (indagare) Цельтисомъ, и Паппенгеймъ извѣщаетъ его объ этомъ, чтобъ Сутгеймъ не могъ предупредить Цельтиса предъ императоромъ и не лишилъ бы Цельтиса славы на сдѣланное имъ открытіе: ни объ обвиненіи Цельтиса предъ императоромъ за какой-то подлогъ, ни о совѣтникахъ, упросившихъ Сутгейма молчать, ни о чемъ подобномъ нѣтъ въ письмѣ ни единаго слова! Цельтисъ открылъ какую-то рукопись: Сутгеймъ взялъ ее и хотѣлъ представить императору, приписавъ себѣ честь открытія: объ этомъ узналъ Паппенгеймъ и предупреждаетъ Цельтиса: все это выражено въ письмѣ ясно, обстоятельно, и письмо не заключаетъ въ себѣ ничего, что давало бы Ашбаху право ссылаться на него въ подтвержденіе своего предположенія, болѣе чѣмъ произвольнаго.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ писемъ, Ашбахъ основываетъ свое мнѣніе о подложности Мюнхенскаго кодекса на самой личности Цельтиса: онъ разсматриваетъ его ученую дѣятельность, разбираетъ его сердечныя привязанности, подслушиваетъ его помыслы и предугадываетъ его намѣренія. Какъ ни страненъ подобный пріемъ въ рѣшеніи ученаго вопроса о подлинности рукописи, но должно сознаться, Ашбахъ выказалъ въ немъ глубокую эрудицію профессора и подозрительную пытливость австріака. Для нашей цѣли интересенъ лишь вопросъ, какимъ образомъ, по мнѣнію Ашбаха, у Цельтиса явилось грѣшное желаніе выдать свои стихотворенія и драмы за произведенія X столѣтія.

Какъ и всѣ гуманисты XV вѣка, Цельтисъ стремился распространить гуманизмъ на своей родинѣ и въ своихъ одахъ взывалъ къ Аполлону, приглашая его переселиться съ лирою изъ Италіи въ Германію. Ашбахъ, не приводя, конечно, доказательствъ, находитъ, что это стремленіе было главною за-

дачею всей жизни Цельтиса [1]): съ этою цѣлью Цельтисъ хлопоталъ объ основаніи Рейнскаго общества, sodalitas Rhenana [2]), задача котораго состояла въ изученіи классическаго міра вообще и классической поэзіи въ особенности; для этой цѣли было необходимо доказать, что Аполлонъ съ своею лирою встрѣтилъ бы въ германцахъ не варваровъ, какими ихъ считали тщеславные итальянскіе гуманисты, но народъ, среди котораго еще въ глубокой древности, въ X столѣтіи, когда Италія не имѣла даже понятія о классическомъ языкѣ, могла явиться женщина, монахиня, писавшая прекраснымъ латинскимъ языкомъ и выказавшая въ своихъ произведеніяхъ знаніе версификаціи и философскаго образованія. Если этого нельзя было доказать открытою въ Эммерамскомъ монастырѣ рукописью, въ которой были помѣщены легендарные разсказы въ прозѣ и историческія замѣтки объ Оттонѣ Великомъ, то Цельтисъ готовъ былъ, по мнѣнію Ашбаха, самъ написать, на основѣ тѣхъ разсказовъ и замѣтокъ, свои собственныя стихотворенія, поддѣлать пергаментъ, почеркъ, чернила и замѣнить подлинную рукопись поддѣльною.

Кромѣ стремленія принизить тщеславіе итальянскихъ гуманистовъ, и соображеніе чисто личнаго характера возбудило въ Цельтисѣ, по словамъ вѣнскаго профессора, желаніе поддѣлать произведенія Росвиты. Цельтисъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ знатною нюренбергскою фамиліей Пиркгеймеровъ: Виллибальдъ Пиркгеймеръ, знаменитый гуманистъ, былъ его товарищемъ и другомъ: Любовь Пиркгеймеръ, сестра Виллибальда, монахиня Нюренбергскаго монастыря св. Клариссы, была съ нимъ въ постоянной перепискѣ, уважала, любила его, и Цельтисъ посвятилъ ей одну изъ лучшихъ сво-

[1]) *Aschbach.* p. 5.

[2]) Общество это было основано, впрочемъ, не ранѣе 1491 года, и первымъ предсѣдателемъ его былъ вормскій епископъ Иванъ Дальберъ. *Klüpfel.* I, p. 109. *Endlicher,* Ueber Klüpfel's Werk, помѣщ. въ Wiener Jahrb., 1829, S. 146.

ихъ одъ [1]). Между тѣмъ, вообще враждебные гуманизму францисканцы, имѣвшие право высшаго надзора за монастыремъ св. Клариссы, преслѣдовали переписку сестры Любови съ Цельтисомъ, безпощадно преслѣдовавшимъ духовенство, и запретили ей писать что бы то ни было по-латыни. Желая доказать францисканцамъ, обижавшимъ его Любовь, что латинское писаніе—дѣло не грѣховное, Цельтисъ прибѣгнулъ, будто бы, къ фальши и издалъ свои стихотворенія и произведенія своихъ друзей подъ именемъ монахини Росвиты, которая еще въ X столѣтіи «будто бы» писала латинскіе стихи и посвящала ихъ не только императору Оттону, человѣку свѣтскому, но и его брату Вильгельму, архіепископу майнцкому, и дѣлала это съ вѣдома, согласія и при поддержкѣ игуменьи своего монастыря [2]). Нечего и говорить, что эти «личныя соображенія» поддѣлки, приводимыя Ашбахомъ, не имѣютъ никакого основанія, такъ какъ главнѣйшее ихъ доказательство помѣчено заднимъ числомъ: первое изданіе произведеній Росвиты вышло въ свѣтъ въ 1501 году, а запрещеніе латинскаго писанія послѣдовало въ 1504 году, то-есть, три года спустя. «Францисканцы,—пишетъ Цельтису Виллибальдъ Пиркгеймеръ отъ 14-го марта 1504 года,—внушили Любови, чтобъ она *впредь* не писала по-латыни» [3]). Такимъ образомъ, чтобы доказать поддѣлку Мюнхенскаго кодекса Цельтисомъ, Ашбахъ самъ прибѣгаетъ къ фальши.

Но почему у Ашбаха явилась мысль, что Мюнхенскій кодексъ поддѣланъ именно Цельтисомъ?

Въ 1507 году Цельтисъ издалъ «стихотвореніе Гунтера Лигурина о дѣяніяхъ императора Фридриха I» [4]), найденное имъ будто бы въ одной древней рукописи XII столѣтія, хранившейся въ Эбрахскомъ монастырѣ; это произведеніе Лигурина было нѣсколько разъ издаваемо и считалось однимъ изъ ...шихъ источниковъ для эпохи Фридриха Барбароссы; между

...pfel. II, p. 45. [2]) *Aschbach*, p. 8. [3]) Cod. epist. Celt. lib. XIV, ...5. [4]) *Klüpfel*. II, p. 123.

тѣмъ, историческая критика доказала, что это произведеніе есть подлогъ, состоящій въ простой перефразировкѣ исторіи Оттона Фрейзингенскаго (Historia de gestis Friderici I imperatoris) и его продолжателя Родевика [1]). Поддѣлалъ Цельтисъ трудъ Оттона Фрейзингенскаго, — почему же не поддѣлать ему и произведеніе Росвиты, думаетъ Ашбахъ; подобный литературный обманъ, по его мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру Цельтиса [2]). Но Ашбахъ забываетъ при этомъ, что если подлогъ произведенія XII столѣтія не удался Цельтису и былъ раскрытъ, несмотря на то, что онъ не приносилъ большого вреда, такъ какъ во всемъ согласовался съ тѣми источниками, по которымъ былъ составленъ [3]),—то какимъ же образомъ могъ Цельтисъ такъ поддѣлать произведеніе X столѣтія, и притомъ столь важное для исторической науки, что до настоящаго времени никто не только не сомнѣвается въ подлинности Мюнхенской рукописи, но даже всѣ возстаютъ противъ сомнѣній, высказанныхъ вѣнскимъ профессоромъ? Ашбахъ забываетъ, что въ то время, какъ «стихъ о дѣяніяхъ Фридриха I» не оставилъ по себѣ ни одной рукописи [4]), произведенія Росвиты, писанныя двумя вѣками ранѣе, сохранились въ рукописи, принадлежащей концу X или началу XI вѣка: если бы Мюнхенскій кодексъ былъ поддѣлкой, онъ, конечно, исчезъ бы такъ же безслѣдно, какъ пропала и та мнимая рукопись Ебрахскаго монастыря, съ которой будто бы Цельтисъ сдѣлалъ первое изданіе своего Лигурина.

---

[1]) Сенкенбергъ въ XVIII столѣтіи первый открылъ подлогъ *J. Grimm*, Kleine Schriften, III, 12. — Der Verfasser des Heldengedichtes Ligurinus aller Wahrscheinlichkeit nach war Celtis selbst. *Wattenbach*, Deuts. Gesch. Quel., p. 3. Одно мѣсто въ письмѣ Якова Вимфелинга къ Цельтису можетъ служить подтвержденіемъ Я. Гримма и Ваттенбаха: «Ego jam occupor in costiganda historia Ottonis Phrisingensis cras nostro praeposito mittenda. O utinam ut alterum habeamus exemplar, magis castigatum. Tu de hoc cogitabis» (Cod. epist. Celt. lib. VI, ep. 10, fol. 64). Ср. *Pertz*, въ *Archiv*, X, p. 85; *Stälin*, Wirtemb. Gesch., II, p. 23.

[2]) *Aschbach*, p. 47. [3]) *Wattenbach*, p. 3. [4]) *J. Grimm*, Kl. Schriften, III, p. 13.

Если подлогъ Лигурина, съ большею или меньшею вѣроятностью приписываемый Цельтису, могъ навести Ашбаха на мысль, что Цельтису же должна принадлежать и поддѣлка Росвиты, которую не признаетъ вѣнскій профессоръ, то ему кажется, что литературная дѣятельность Цельтиса въ состояніи лишь утвердить эту мысль. Дѣйствительно, подобно Росвитѣ, въ трудахъ Цельтиса можно найти духовные стихи, драмы и даже героическую эпопею. Мы упоминали уже о духовномъ стихѣ, написанномъ Цельтисомъ на основѣ древней легенды — *Carmen de s. Sebaldo*, и объ его героической эпопеѣ—*Carmen de gestis Friderici Primi;* что же касается драмъ, то Цельтисъ не только писалъ ихъ, но и былъ актеромъ при ихъ представленіи—въ 1501 году, въ Линцѣ, Цельтисъ участвовалъ въ исполненіи пьесы *Ludus Dianae*, имъ сочиненной. Но вѣдь и Рейхлинъ также точно писалъ драмы и участвовалъ въ исполненіи ихъ [1]); писали драмы и духовные стихи также точно и другіе гуманисты конца XV и начала XVI столѣтій, современники Цельтиса, отъ которыхъ онъ, въ этомъ отношеніи, отличался лишь своими дарованіями и познаніями, но вовсе не родомъ литературной дѣятельности.

Быть можетъ, однако, находя несостоятельными отдѣльные доводы и соображенія Ашбаха, мы должны будемъ признать, что въ совокупности они настолько значительны, что дѣлаютъ неоспоримою его основную мысль о поддѣлкѣ именно Цельтисомъ Мюнхенскаго кодекса. Намъ кажется, что какъ отдѣльныя соображенія, такъ и совокупность ихъ теряютъ все свое значеніе передъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что Цельтисъ не имѣлъ даже достаточно времени, чтобы сочинить всѣ тѣ произведенія, которыя сохранились въ Мюнхенскомъ кодексѣ. Изъ документа, выданнаго властями монастыря св. Эммерама, мы знаемъ, что Цельтисъ получилъ рукопись Росвиты въ 1494 году; если въ документѣ не обозначенъ мѣсяцъ, то изъ

[1]) *Zapf*, Leben J. v. Dahlberg, Augsb. 1789, p. 59.

письма Опфельпеха къ Цельтису видно, что 11-го мая того года велись еще только переговоры объ этой рукописи съ братомъ Эразмомъ, подписавшимъ документъ; а между тѣмъ, Шпонгеймерскій аббатъ, извѣстный Тритгемъ, въ своемъ «Перечнѣ церковныхъ писателей», напечатанномъ въ 1494 же году, говоритъ уже о Росвитѣ, при чемъ довольно подробно перечисляетъ всѣ ея произведенія, находящіяся въ Мюнхенскомъ кодексѣ и изданныя позже Цельтисомъ. Такимъ образомъ, для сочиненія восьми духовныхъ стиховъ леониновскими гекзаметрами, шести драмъ прозою, стихотворенія о дѣяніяхъ Оттона Великаго и многихъ мелкихъ предисловій, посвященій и стиховъ остается всего какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ.

Не только, однако, времени, но и познаній Цельтиса было недостаточно для того, чтобъ исправлять произведенія Росвиты, не говоря уже о томъ, чтобы создать ихъ. Мы упоминали, что Цельтисъ дѣлалъ поправки въ Мюнхенскомъ кодексѣ; одна изъ этихъ поправокъ служитъ доказательствомъ подлинности произведеній Росвиты или, точнѣе, опроверженіемъ мнѣнія, что эти произведенія составлены въ концѣ XV столѣтія Цельтисомъ. Въ Мюнхенскомъ кодексѣ, въ духовномъ стихѣ о страданіи св. Діонисія, встрѣчаются слѣдующія два стиха:

v. 33: Festinat subito *clamari* cum conjuge cara
Pergere, quo Paulum cognoverat esse beatum [1]).

Очевидно, ошибочное *clamari* Цельтисъ исправилъ въ *cupidus*, хотя отъ этого стихъ ни мало не выигрывалъ; а между тѣмъ всякій, кто рѣшился бы писать о св. Діонисіѣ, конечно зналъ бы, что жена Діонисія Ареопагита называлась Дамарь, *Damaris* [2]), и *clamari* есть не болѣе, какъ ошибка переписчика, вмѣсто *Damari* [3]). Такимъ образомъ, познаній

[1]) [illegible] [2]) Дѣян. ап., XVII, 34. [3]) *Hist. Zeitschrift*, XX, p. 418, [illegible] W. Maurenbrecher.

Цельтиса въ Священномъ Писаніи оказывается недостаточно даже для возстановленія собственнаго имени въ древнемъ спискѣ произведеній Росвиты; можетъ ли же быть послѣ этого рѣчь о томъ, что всѣ эти произведенія составлены Цельтисомъ и лишь приписаны Росвитѣ?

Но если не Цельтисъ, то, быть можетъ, кто-нибудь другой составилъ, въ концѣ XV столѣтія, Мюнхенскій кодексъ, фальшивый, по мнѣнію Ашбаха? Безусловная подлинность произведеній Росвиты доказывается несомнѣннымъ фактомъ, не зависящимъ ни отъ Мюнхенскаго кодекса, ни отъ перваго его изданія, сдѣланнаго Цельтисомъ. Кромѣ тѣхъ произведеній, которыя вошли въ Мюнхенскій кодексъ, Росвитѣ принадлежитъ еще «Стихъ о построеніи Гандерсгеймскаго монастыря» [1]); Цельтисъ, не зная этого «Стиха», не упоминаетъ о немъ въ своемъ изданіи, и онъ былъ впервые напечатанъ въ началѣ XVIII столѣтія [2]). Что этотъ «Стихъ» принадлежитъ Росвитѣ, видно изъ находящейся въ немъ ссылки на «Стихъ о дѣяніяхъ Оттона I», безспорно принадлежащій Росвитѣ и находящійся въ Мюнхенскомъ кодексѣ; говоря объ императорскомъ величіи Оттона, Росвита ссылается на скромную книгу, ею написанную, въ которой то изложено подробнѣе:

v. 87: Haec egitur modici demonstrat pagina libri
Plenius, e causis rerum quem scripsimus harum [3]).

Этотъ-то Стихъ о построеніи Гандерсгеймскаго монастыря сохранился въ нижне-саксонской передѣлкѣ начала XIII столѣтія, именно 1216 года [4]), писанный, слѣдовательно, за 300 лѣтъ до того времени, когда Цельтисъ впервые увидѣлъ неполный списокъ произведеній Росвиты, и за 650 лѣтъ до того, когда Ашбахъ впервые заподозрилъ принадлежность этихъ произведеній монахинѣ X вѣка.

---

[1]) *Barack*, p. 340—359.
[2]) *Leuckfeld*, p. III (des Auctoris Vorrede); ср. также p. 276.
[3]) *Barack*, p. 343.
[4]) *Leuckfeld*, p. 353. Авторъ говоритъ, что, спустя 360 лѣтъ послѣ по-

III.

Вѣнскій профессоръ Ашбахъ, въ своей брошюрѣ «Росвита и Цельтисъ», старается доказать, что Мюнхенскій кодексъ произведеній Росвиты поддѣланъ и что поддѣлка сдѣлана именно Цельтисомъ. Мы видѣли, что ни одно изъ этихъ положеній не выдерживаетъ критики и что оба онѣ вызвали протестъ со стороны ученыхъ историковъ и палеографовъ, довольно горячій [1]), если и не столь обстоятельный. Для разбора и критики мнѣній Ашбаха мы познакомились съ Мюнхенскимъ кодексомъ и съ доводами въ подтвержденіе поддѣлки его Цельтисомъ; намъ остается только познакомиться съ самою Росвитою, съ тою монахинею Гандерсгеймскаго монастыря, произведенія которой подали поводъ къ ученому спору.

Современники не оставили намъ свѣдѣній о монахинѣ Росвитѣ; даже и тѣ скудныя извѣстія о ней, которыя мы имѣемъ, она сама даетъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. Чѣмъ скупѣе были, въ этомъ отношеніи, современники, тѣмъ щедрѣе было потомство,—и въ настоящее время накопилось довольно много чертъ, не только затемняющихъ настоящій образъ Росвиты, но даже представляющихъ ее въ ложномъ свѣтѣ. Не всегда, конечно, можно замѣнить ложное извѣстіе истиннымъ, но всегда должно его отмѣтить и отвергнуть, какъ ни на чемъ не основанное. Росвита, впрочемъ, много потрудилась, и по ея произведеніямъ мы можемъ представить себѣ довольно полный образъ ея, какъ писательницы X вѣка.

строенія монастыря, которое онъ относитъ къ 856 году, то-есть, въ 1216 году онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ эту книжку:

Cap. XVII: Von den jaren waren vorgangen, dat is war,
Verdehalff hundert unde dorover theyn jar,
Do dût boeckelin to Düde wart ghekart
Van einen Papen, do het Everhart.

Начало представляетъ переводъ стиха Росвиты; въ концѣ сдѣланы прибавленія, и произведеніе доведено до временъ Генриха.

[1]) Вайцъ въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 1270.

Саксонскій герцогъ Лудольфъ, по просьбѣ своей супруги Оды, основалъ женскій монастырь въ Брунсгаузенѣ; наплывъ лицъ, желавшихъ спастись въ этомъ монастырѣ, былъ такъ великъ, что въ 852 году онъ былъ переведенъ въ болѣе обширную и удобную мѣстность,—на гористый берегъ рѣки Ганды, отчего и монастырь назвался Гандерсгеймскимъ. Лудольфъ и умеръ, не успѣвъ окончательно устроить монастырь на новомъ мѣстѣ, вдова Ода, будучи уже 63 лѣтъ, поселилась въ монастырѣ и, переживъ почти всѣхъ родныхъ, умерла въ немъ 107 лѣтъ. Гандерсгеймская обитель принимала подъ свой кровъ только знатныхъ дѣвицъ и дамъ, которыя жили въ немъ, какъ при дворѣ: сюда приходили знаменитые рыцари навѣщать своихъ родственницъ, вносили дорогіе вклады и жертвовали обширныя помѣстья; королевская фамилія часто посѣщала обитель и оставалась здѣсь по-долгу со всею своею блестящею свитою; король и королева осыпали своими милостями Гандерсгеймъ, богатствомъ превосходившій всѣ монастыри и роскошью непохожій на мирную обитель. Въ спискѣ аббатиссъ Гандерсгеймскаго монастыря упоминаются исключительно принцессы владѣтельныхъ домовъ. Первыми аббатиссами были три дочери Лудольфа и Оды—Гатумоза, Герберга I и Христина; седьмою аббатиссою была Герберга II, дочь Генриха, герцога Баварскаго: во время ея игуменства и жила въ монастырѣ монахиня Росвита.

Росвита писала свое имя *Hrotsuitha* [1]), а переводила его на латинскій языкъ выраженіемъ: *clamor validus* [2]). Она, къ сожалѣнію, умолчала о своемъ происхожденіи, и, только зная уставъ Гандерсгеймскаго монастыря, мы можемъ догадываться, что Росвита была саксонка знатнаго рода [3]). Въ своихъ про-

[1]) Такъ написано это имя въ Мюнхенскомъ кодексѣ четыре раза и только разъ *Hrotsvith*, именно въ предисловіи къ драмамъ (*Barack*, p. 140).

[2]) *J. Grimm*, Lat. Ged., p. IX, Anm., подтверждаетъ, что *Hrotsuitha* въ переводѣ на латинскій языкъ означаетъ *clamor validus*, звучный голосъ.

[3]) Въ монастырь принимали только знатныхъ родомъ. Roswitis —puella saxonica, insignis patria. *Bodo*, Chron. epi[illegible] ap. Leibnitz, scr. rer. Brunsw, II, p. 787.

изведеніяхъ Росвита оставила нѣсколько намековъ, по которымъ можно опредѣлить приблизительно время, когда она жила. Говоря о смерти Оттона, отца Генриха Птицелова, Росвита прибавляетъ, что она «въ то время не покидала еще утробы матери и родилась гораздо позже» [1]), а въ предисловіи къ духовнымъ стихамъ говоритъ, что аббатисса Герберга «моложе ея лѣтами»; Герберга родилась около 940 года и Оттонъ умеръ въ 912 г., слѣдовательно, Росвита родилась гораздо позже 912 года и нѣсколько ранѣе 940 г., приблизительно между 930 и 935 годами. Годъ смерти Росвиты нельзя опредѣлить даже и приблизительно; мы знаемъ только, что она жила въ 968 году, такъ какъ «Стихъ о дѣяніяхъ Оттона I» упоминаетъ о 967 годѣ, а послѣ этого труда Росвита написала еще «Стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители» [2]). Не подлежитъ лишь сомнѣнію, что Росвита жила во второй половинѣ X столѣтія [3]).

---

[1]) Carmen de primordiis cœnobii Gandersheimensis, v. 530:

Necdum maternis quæ tunc erupimus alvis
Sed fuimus vere longo post tempore natæ.

[2]) Генрихъ Бодонъ, въ одномъ мѣстѣ своей Cron. episc. Hildenshemensium, говоритъ: Roswitis, quæ sex comœdias sacras scripsit et *trium imperatorum Ottonum* res gestas omnes, и на этомъ основаніи многіе опредѣляютъ годъ смерти Росвиты годомъ смерти послѣдняго изъ трехъ Оттоновъ, то-есть, 1002 годомъ, забывая, что Бодонъ, какъ писатель половины XVI стол., не можетъ служить въ данномъ случаѣ надежнымъ авторитетомъ и что въ предисловіи къ «Стиху о дѣяніяхъ Оттона I» Росвита, обращаясь къ императору, говоритъ:

v. 30: Et licet imperii teneas decus Octavioni,
Non dedigneris vocitari nomine regis,
Donec perscripto vitæ regalis honore,
Ordine digesto necnon sermone decoro
Dicatur sceptri decus imperiale secundi.

Тотъ же Бодонъ относитъ Росвиту къ IX вѣку: Coætanea Joannis Anglici fuit, quæ doctrina sua papatum meruit (*Leibnitz*, Ser. rer. Brunsw., III, p. 712). *Ducange* относитъ ее къ XII стол.: Roswita, sanctimonialis in Saxonia vixit a. 1120 (Gloss. med. et inf. lat.).

[3]) Claruit temporibus Ottonis primi et secundi clarissimorum imperatorum. Trithem., Catal. illustr. vir., p. 129.

Воспитаніе Росвиты, ея юность, жизнь до поступленія въ монастырь, какъ и время ея посвященія, намъ рѣшительно неизвѣстны, и мы не считаемъ даже нужнымъ повторять догадки новѣйшихъ ученыхъ, иногда совершенно произвольныя [1]), иногда довольно безсовѣстныя [2]). Въ монастырѣ Росвита пользовалась наставленіями сперва монахини Риккардисы, потомъ игуменьи Герберги. Какъ всѣ монастыри бенедиктинскаго ордена, Гандерсгеймская обитель была образовательной школой, въ которой чтеніе Священнаго Писанія соединялось съ изученіемъ свѣтскихъ познаній, и въ этомъ отношеніи Гандерсгеймъ рано пріобрѣлъ извѣстность: сохранилось свѣдѣніе, что четвертая аббатисса монастыря отличалась своею ученостью, особенно же познаніями въ логикѣ и риторикѣ; она написала даже особый трактатъ о логикѣ, который очень цѣнится хронистомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Росвита выказала довольно разностороннія познанія: въ драмѣ «Paphnutius» говорится о раздѣленіи музыки на духовную, свѣтскую и инструментальную, о симфоніи, и приводится математическая теорія аккордовъ и интерваловъ; въ драмѣ «Sapientia» высказывается теорія чиселъ; очевидно, что Росвита была знакома съ сочиненіями Боеція, Цензорина, Кассіодора, Марціана Капеллы, Макробія. Самый языкъ произведеній Росвиты, выраженія и обороты рѣчи свидѣтельствуютъ, что ей хорошо были извѣстны классическія произведенія Овидія, Горація, Виргилія [3]), особенно же Теренція

[1]) Hrotsvitha entra au monastère de Gandersheim un peu après Gerberge, c'est-à-dire, avant 959, à l'âge d'environ vingt-trois ans. *Magnin*, p. XXII.

[2]) *Scherr*, Geschichte deutscher Cultur und Sitte, p. 85. Отвѣтъ на подобныя замѣчанія уже сдѣланъ: Wer nur einige Blätter der von dem edelsten Hauche jungfräulicher Unschuld durchwehten Gedichte und Dramen unserer Dichterin liest, wird diese Anschuldigung als ein ungerechte und gewissenlose erkennen. *Barack*, p. VIII.

[3]) Такъ, подражая Горацію, она употребляетъ *gaudere* съ Infinit.: «Gauderet mundum loquis retinere malignis» (Maria, v. 222), или: «Nam Deus in templo gaudet requiescere mundo» (Ibid. v. 391). Такія выраженія, какъ, напримѣръ: «si mens non fuisset laeva (*Barack*, p. 221), указываютъ на вліяніе Виргилія. См. *Zappert*, Virgils Fortleben im Mittelalter, помѣщ. въ *Denkschriften d. k. k. Akad. d. Wiss.*, II. Abth. 2. p. 40.

и Плавта [1]); едва ли нужно упоминать, что Росвита читала Тертулліана, Лактанція, Августина и хорошо знала Священное Писаніе. Много читала Росвита, много и писала. Мы не знаемъ ея орѳографіи, но если Мюнхенскій кодексъ есть точный списокъ съ ея собственной рукописи, то должно признать, что Росвита была болѣе, чѣмъ слаба въ правописаніи, такъ какъ Мюнхенская рукопись переполнена орѳографическими ошибками [2]). Въ сочиненіяхъ Росвиты насчитывается десятка три греческихъ словъ [3]), изъ чего многіе заключаютъ, что она знала греческій языкъ. Заключеніе это намъ кажется нѣсколько смѣлымъ; могла знать, могла и не знать: ея греческія слова или общеупотребительныя, или термины, заимствованные изъ другихъ книгъ: а греческая конструкція, въ родѣ *nocere aliquem*, могла явиться вслѣдствіе безсознательнаго употребленія.

Литературное развитіе писателя сказывается въ его произведеніяхъ, и для характеристики Росвиты, какъ писательницы, необходимо узнать хронологическую послѣдовательность ея сочиненій. Въ этомъ отношеніи исходною точкою должны быть два указанія, сдѣланныя самою Росвитою: въ «Стихѣ о построеніи Гандерсгеймской обители» авторъ ссылается на «Панегирикъ Оттону I» — слѣдовательно, «Панегирикъ» написанъ ранѣе «Стиха»; и во введеніи къ драмамъ авторъ говоритъ, что въ «предыдущихъ» своихъ трудахъ онъ основывался на извѣстныхъ авторитетахъ, при чемъ упоминается духовный стихъ о св. Пелагіи,— слѣдовательно, ду-

[1]) У Росвиты часто встрѣчается заимствованный у Плавта *genit.* (не *dativ. gen.*, какъ думаетъ Ашбахъ, p. 25, Anm. 2) *mis* и *tis*, вмѣсто *mei* и *tui*:

v. 179: Accipe, care meus, *mis* jam venerabile corpus (Passio s. Dionisyi).

v. 219: Quo *tis* secretum scrutarer mysteriorum (Ibid).

Такихъ мѣстъ много, и не только въ гекзаметрахъ, но и въ прозѣ: «*Mis* familiares socii, Johannes et Paulus, suaserunt mihi votum fecisse Creatori» (Gallic., *Barack*, p. 161). Выраженіе: vetula virgo, mœstitudo, amatrix и др. напоминаютъ Теренція.

[2]) *Magnin*, p. LXII.

[3]) Такихъ словъ всего 27; они приведены въ изданіи произведеній Росвиты. *Barack*, p. LCIV.

ховные стихи писаны ранѣе драмъ; изъ предисловія же къ «Панегирику», и изъ воззванія къ Оттону II, которому было въ то время лѣтъ тринадцать и по «повелѣнію» котораго писанъ «Панегирикъ», очевидно, что легенды и драмы составлены ранѣе «Панегирика» и «Стиха». Такимъ образомъ, въ составленіи сочиненій Росвиты оказывается тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ они являются въ Мюнхенскомъ кодексѣ: духовные стихи, драмы, «Панегирикъ» и не вошедшій въ кодексъ «Стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители».

Указать послѣдовательный порядокъ составленія восьми духовныхъ стиховъ невозможно; мы знаемъ лишь несомнѣнно, что послѣдніе три писаны позже первыхъ пяти: сама Росвита называетъ ихъ новѣйшими стишками, versicoli novelli; по содержанію же, можно думать, что они составлялись въ томъ порядкѣ, какъ помѣщены въ Мюнхенскомъ кодексѣ. Конечно, духовные стихи о жизни Богоматери и о вознесеніи Господнемъ, въ которыхъ строгое, совершенно историческое настроеніе не нарушается никакою примѣсью изъ «грѣховнаго» міра, написаны ранѣе страданій св. Гонгольфа, причина которыхъ заключается въ его распутной женѣ, и ранѣе страданій св. Пелагія, въ которыхъ выступаютъ на сцену грубые инстинкты изнѣженной восточной натуры калифа.

Содержаніе духовныхъ стиховъ, какъ мы видѣли, во всемъ согласно съ легендами, и обращаетъ на себя вниманіе лишь то обстоятельство, что страданія всѣхъ мучениковъ, описанныхъ Росвитою—св. Пелагія, Діонисія, Агнесы, оканчиваются не иначе, какъ отсѣченіемъ головы. Въ этомъ отношеніи Росвита осталась вѣрна духу средневѣковыхъ сказаній о святыхъ мученикахъ. „Читая легенды и исторію мученій, видишь, что моральное величіе мучениковъ проявляется въ физической апатіи, въ неуязвимости тѣла ни огнемъ, ни мечомъ, за исключеніемъ головы: съ тѣхъ поръ, какъ, по преданію, пала отъ римской сѣкиры голова св. Павла, ни одна легенда не осмѣлилась притупить мечъ палача настолько, чтобы чья-либо шея могла остат[...]мою. Св. Пелагія бро-

саютъ съ утесовъ, св. Агнесу жгутъ въ огнѣ. и они остаются невредимыми, но только шея христіанскихъ мучениковъ, напоминая греческую пяту Ахилла, даруетъ имъ желанный мученическій вѣнецъ. Сюжеты всѣхъ духовныхъ стиховъ разнствуютъ между собою, за исключеніемъ пятаго и шестого. въ которыхъ повторяется одинъ и тотъ же мотивъ—запись души сатанѣ. Это сказаніе, бывшее любимою темою средневѣковыхъ поэтовъ, имѣло, быть можетъ, для Гандерсгеймской обители особое значеніе: сохранилось извѣстіе, что четвертая Гандерсгеймская аббатисса исторгла у дьявола запись, писанную кровью юноши. Если это извѣстіе идетъ, по преданію, со времени Росвиты, то въ немъ не трудно увидѣть причину, почему саксонская монахиня посвятила подобному сюжету два духовные стиха.

На драмахъ яснѣе всего отразился постепенный ходъ развитія Росвиты. Между тѣмъ какъ въ первыхъ своихъ драматическихъ опытахъ Росвита довольно боязливо подчиняется легендѣ и почти рабски [1]) слѣдуетъ ей, въ послѣдующихъ она все болѣе и болѣе становится самостоятельною: она придаетъ легендарнымъ образамъ болѣе рѣзкія черты, вводитъ въ дѣйствіе новыхъ лицъ или же, уступая вкусу вѣка, помѣщаетъ въ пьесы ученыя вставки. Въ письмѣ къ своимъ ученымъ покровителямъ Росвита разсказываетъ, какъ она долго колебалась и лишь послѣ громкаго одобренія первыхъ драматическихъ попытокъ рѣшилась продолжать: «Я едва осмѣливалась показывать мои грубыя произведенія очень немногимъ и то лишь близкимъ мнѣ лицамъ; я почти перестала уже сочинять что-либо въ этомъ родѣ и только теперь, подкрѣпленная похвалами, чувствую въ себѣ болѣе увѣренности» [2]).

Намъ неизвѣстна жизнь Росвиты до вступленія въ монастырь, и мы не можемъ поэтому указать тѣ намеки на пережитое и перечувствованное ею, которые, быть можетъ,

[1]) Во второй части первой драмы (Gallicanus) глумленіе Юліана надъ ученіемъ Христа, выраженнымъ въ ев. Луки. XIV. 33, дословно взято изъ легенды (*Barack*, p. 166). [2]) *Barack*, p. 141.

встрѣчаются въ драмахъ. Быть можетъ, Росвита скрылась въ монастырь вслѣдствіе какого-либо столкновенія, изъ котораго она вышла съ разбитымъ сердцемъ, и, воспѣвая пережитое, думала тѣмъ взять верхъ надъ своими страданіями; что-то подобное слышится въ похвальбѣ, что въ ея драмахъ «побѣждаетъ женская слабость и мужская сила терпитъ пораженіе» [1]), и, быть можетъ, еще болѣе въ откровенномъ признаніи, что «удостоятся ли ея драмы похвалы или порицанія, она сама все-таки рада, что, изображая рядъ драматическихъ сценъ, она избѣгла пагубныхъ соблазновъ язычниковъ» [2]). Но если не въ сокрытой отъ насъ жизни самой Росвиты, то въ извѣстной намъ исторіи Гандерсгеймскаго монастыря могутъ быть усмотрѣны нѣкоторые мотивы, побудившіе ее избрать ту или другую легенду сюжетомъ для драмы.

Въ «Стихѣ о построеніи Гандерсгеймской обители» приведенъ прекрасный разсказъ изъ жизни аббатиссы Герберги, во многомъ сходный по содержанію съ первою драмою Росвиты — Gallicanus. Мы приведемъ этотъ разсказъ, живо рисующій жизнь монахинь въ Гандерсгеймѣ:

«Послѣ того, какъ Гатумоза, счастливая дѣва Христа, дважды одиннадцать лѣтъ имѣла заботу о паствѣ, она, умирая во Христѣ, отошла въ небесное царство и поручила управленіе Гербергѣ. Эта была обручена съ нѣкіимъ свѣтлымъ и чрезвычайно могущественнымъ мужемъ, по имени Бернгардомъ. Но она сама тайно посвятила себя Христу, истинно небесному жениху, презирая всею душою жениха смертнаго. Она не могла вдругъ сбросить свои блестящія золотомъ одежды, чтобъ избѣжать соблазна, и одѣвалась попрежнему въ дорогія платья. Между тѣмъ, явился тотъ, кого отвергла невѣста Бога, желая открыто переговорить съ нею. Онъ слышалъ, что она сама добровольно дала обѣтъ непорочно сохранить дѣвическую стыдливость. Когда же она медлила и не хотѣла выйти къ нему, онъ очень устрашился, чтобы не

[1]) *Ibid.*, p. 138. [2]) *Ibid.*, p. 139.

было правдой то, что онъ прежде слышалъ. Не теряя времени, онъ безпокоилъ своими мольбами Оду до тѣхъ поръ пока она не приказала явиться дочери, великолѣпно изукрашенной дорогими одеждами и драгоцѣнными камнями, какъ украшаются невѣсты. Когда Бернгардъ увидѣлъ ту, которую такъ страстно желалъ, онъ, какъ говорятъ, сказалъ своей возлюбленной подругѣ: «Печальная вѣсть прошла; я слышалъ не разъ уже, что ты стремишься нарушить данное обѣщаніе. По повелѣнію короля, нашего государя, я долженъ тотчасъ же отправиться отсюда на войну, и такъ какъ теперь у меня нѣтъ времени переговорить объ этомъ, то знай напередъ, что если я вернусь здравъ и невредимъ, я соединюсь съ тобою и уничтожу твой обѣтъ, какъ ничего не значущій!» Онъ сказалъ и, взволнованный, поднявъ правую руку, поклялся своимъ мечомъ, что, по мѣрѣ силъ, приведетъ свои слова въ исполненіе. Герберга скромно отвѣчала ему: «Христу посвятила я себя всю и свою жизнь; я молю, да исполнится надо мною Его святая воля». Когда она окончила свою рѣчь, Бернгардъ ушелъ и вскорѣ почувствовалъ на себѣ, что могущество сердца ничто передъ Господомъ: такъ какъ онъ слишкомъ нагрѣшилъ своими безумными рѣчами, онъ палъ въ битвѣ, побѣжденный небесными силами».

Этотъ разсказъ, хорошо извѣстный въ Гандерсгеймской обители, побудилъ, быть можетъ, Росвиту драматизовать легенду о Галликанѣ: язычникъ Галликанъ, военачальникъ, отправляясь на войну противъ сарацинъ, проситъ руку дочери императора Константина, христіанки Констанціи, посвятившей себя Богу. Констанція, зная, какъ важна для имперіи полководческая слава Галликана, соглашается, но требуетъ сперва окончанія войны, а между тѣмъ, молится, чтобы Господь просвѣтилъ язычника свѣтомъ христіанскаго ученія и, такимъ образомъ, дозволилъ ей исполнить свой обѣтъ. Галликанъ отправляется на войну, побѣждаетъ во имя Христа, крестится, и все оканчивается къ общему удовольствію.

Правда, Галликанъ самъ отказывается отъ руки своей невѣсты и не походитъ на Бернгарда, но положеніе Констанціи во всемъ сходно съ Гербергой, и обѣты, данные обѣими, приводятся въ исполненіе при посредствѣ войны.

Какъ первая, такъ и послѣдняя драма—Sapientia—могла быть написана въ воспоминаніе прошлыхъ судебъ Гандерсгеймской обители: Ода, основательница монастыря, похоронившая въ ней трехъ своихъ дочерей и, наконецъ, сама упокоившаяся въ стѣнахъ возлюбленной обители, рядомъ съ дочерьми, напоминаетъ Софію, которая своими руками хоронитъ своихъ дочерей — Вѣру, Надежду, Любовь, а затѣмъ сама умираетъ во Христѣ. Софія, схоронивъ своихъ дочерей, говоритъ: «Я вручила тебѣ, земля, цвѣты, рожденные моею утробою, чтобы ты сохранила ихъ на своемъ лонѣ до дня общаго воскресенія, когда они расцвѣтутъ съ большею славою»; съ тою же мыслью провожаетъ Росвита въ могилу престарѣлую Оду:

Vitam fine bono consumens transit ad astra,
Expectans spe felici tempus redeundi
Flatus, atque resurgendi de pulvere pleni
Corporis in tumulo, quod nunc sub tegmine duro [1]).

Лучшая драма изъ всѣхъ шести, безспорно, Callimachus, какъ по фабулѣ, полной романической прелести и жизненной правды, такъ и по выполненію, въ которомъ страстная нѣжность чувствъ вѣрно передана въ развитіи драмы и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ. Есть положительныя указанія, что духовный стихъ Росвиты о св. Пелагіи былъ хорошо извѣстенъ въ Испаніи, но мы не знаемъ, насколько ея драмы были извѣстны въ Англіи. Мы не можемъ въ настоящее время разгадать—читалъ ли Шекспиръ драмы Росвиты, но съ увѣренностью можемъ сказать, что если онъ читалъ ихъ, то именно «Каллимахъ» произвелъ на него самое глубокое впечатлѣніе; или, быть можетъ, сходство «Каллимаха» съ «Ромео и Джульетой» совершенно случайно? Быть можетъ, то чувство, которое легло въ основу фабулы обѣихъ драмъ, проявлялось одина-

[1]) *Barack*, p. 359.

жово какъ въ X, такъ въ XIII столѣтіи и даже въ XIX, когда мы съ равнымъ интересомъ относимся къ тожественнымъ произведеніямъ какъ Росвиты, такъ и Шекспира? Какъ бы то ни было, но сходство обѣихъ драмъ бросается въ глаза. Заключительная сцена, при всей своей своеобразности, одна и та же въ обѣихъ драмахъ: на гробѣ — трупъ красивой женщины; у ногъ его—два мужскія тѣла, умершихъ вслѣдствіе любви къ той женщинѣ; къ этой неживой сценѣ подходятъ—у Шекспира—принцъ и монахъ, у Росвиты — государь и апостолъ; въ довершеніе сходства этой сцены, въ обѣихъ драмахъ, помыслы дѣйствующихъ лицъ возвышенны и рѣчи ихъ равно торжественны. Начало обѣихъ драмъ можно считать тожественнымъ: Ромео выступаетъ на сцену такъ же меланхолически, такъ же страшится открыть свою любовь, какъ и Каллимахъ; веселые, но преданные друзья также точно просятъ каждаго повѣдать имъ его тайну. Всѣмъ извѣстна постепенность отвѣтовъ Ромео: сперва—«я люблю», потомъ—«я люблю женщину», наконецъ—«и та, которую я люблю, прекрасна», затѣмъ уже идетъ рѣчь объ обѣтѣ непорочности, данномъ любимою женщиной, и Ромео заключаетъ словами: «и этотъ обѣтъ есть смерть для того, который любитъ, потому что живетъ». Въ первой сценѣ «Каллимаха» тотъ же ходъ мыслей, почти тѣ же выраженія. На сценѣ Каллимахъ, полный грусти; его окружаютъ друзья:

Друзья. Повѣдай намъ твою печаль, и если она велика, мы будемъ страдать вмѣстѣ съ тобою; если же нѣтъ, мы постараемся отвлечь твой умъ отъ печальной мысли.

Каллимахъ. Я люблю.

Друзья. Кого?

Каллимахъ. Нѣчто прекрасное и полное граціи.

Друзья. По этому нельзя узнать, что ты любишь.

Каллимахъ. Я люблю женщину!

Затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что любимая Каллимахомъ женщина посвятила себя Богу, въ чемъ Каллимахъ предвидитъ для себя смертельный приговоръ.

Историческія произведенія Росвиты хорошо извѣстны и оцѣнены по достоинству: «Панегирикъ» Оттону II былъ и навсегда останется важнымъ источникомъ исторіи [1]); «Стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители», основанный на документахъ, до насъ не дошедшихъ, служитъ отраднымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ умственной дѣятельности одного изъ центровъ средневѣковой образованности [2]). Оба эти произведенія Росвиты подробно разсмотрѣны исторической германскою литературою, и, не повторяя уже извѣстнаго, мы можемъ ограничиться лишь упоминаніемъ ихъ, равно какъ пройти совершеннымъ молчаніемъ тѣ произведенія, которыя приписываются Росвитѣ по недоразумѣнію и которыя, вѣроятно, никогда не существовали [3]).

---

[1]) *Pertz*, Monum., VI, B; *Contzen*, Die Geschichtsschreiber der sächsischen Kaiserzeit, p. 109; *Giesebrecht*, Gesch. d. deutschen Kaiserzeit, I, p. 214.

[2]) «Стихомъ» Росвиты, какъ историческимъ матеріаломъ, пользовались уже давно, и на немъ, главнѣйшимъ образомъ, основанъ трудъ *H. Bodonis*, Syntagma de ecclesia Gandesiana, помѣщенный въ *Leibnitz*, Scr. rer. Brunsw., v. III.

[3]) Бодо, желая перечислить сочиненія Росвиты, говоритъ: Hrotsvithae operae sunt: *Ad virgines sacras, castitatem et continentiam hortando*, latina sermone conscripsit: in laudes Beatae Virginis elegiaco et hexametro versu librum unum etc. (L. s. c., p. 712). Историкъ Гандерсгеймскаго монастыря, Лейкфельдъ, въ началѣ XVIII столѣтія, принялъ подчеркнутыя нами слова, выражающія характеристику произведеній Росвиты, за названіе отдѣльнаго труда и, пересчитывая, съ своей стороны, произведенія Росвиты, приписалъ ей девятый духовный стихъ: „Die Beschreibung der Keuschheit der Nonnen“. Ошибка нѣмецкаго ученаго тѣмъ непростительнѣе, что Бодо при этомъ замѣчаетъ: „et praescripta quidem in lucem per calcographos edita habentur“, такъ что Лейкфельдъ легко могъ разъяснить свое сомнѣніе простымъ просмотромъ изданія Цельтиса. Въ «Стихѣ о Гандерсгеймской обители» Росвита упоминаетъ о патронахъ обители, св. Анастасіи и Иннокентіи (v. 168), что дало нѣкоторымъ ученымъ поводъ утверждать, будто бы Росвита написала подробныя житія этихъ святыхъ, до насъ не дошедшія (*Bodo*, l. c.; *Fabricius*, Biblioth., v. I, p. 834). Росвитѣ приписываютъ также *Liber diversorum carminum et epigrammatum*, какъ отдѣльное произведеніе (*Trithem.*, De viris illustr., p. 129 *Schröck*, Lebensbeschr. berühmter Gelehrten, p. 10, см. *Pertz*, Monum., VI, p. 305, n. 17). Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Росвита составила житія св. Виллибальда и Вунибальда, какъ то говоритъ *Casimir Oudin*, Supplem. de script. eccles. a Bellarmino omissis, ad a. 890, сознавая, впрочемъ, что эти житія болѣе ранняго происхожденія (Comment. de script. eccles., v. II, p. 508). Всѣ перечисленныя шесть произведеній Росвитѣ не принадлежатъ и только два послѣднія дѣйствительно существуютъ (*Mabillon*, saecul. IX, sanctor. s. Bened., v. II, p. 176).

ДОКУМЕНТЫ
Матвѣя Парижскаго.

Документальные источники хроники Матвѣя Парижскаго.

Къ началу XIII стол. историко-литературная дѣятельность въ Германіи замираетъ; самостоятельность этой литературы проявляется лишь въ сухихъ монастырскихъ каталогахъ аббатовъ да въ перечнѣ государей; смыслъ и любовь къ подобнымъ занятіямъ теряется настолько, что подъ рукою переписчика XIII стол. нерѣдко пропадаетъ смыслъ въ великихъ историческихъ произведеніяхъ, завѣщанныхъ предшествовавшими столѣтіями; мы разумѣемъ три хроники, изъ которыхъ каждая послужила образцомъ для той или другой полосы Германіи: Экгардъ — для сѣвера, Сигбертъ — для с.-востока, Германъ Хромой—для юга Германіи. Ваттенбахъ, въ своемъ образцовомъ сочиненіи, на-дняхъ вышедшемъ вторымъ изданіемъ [1]), справедливо говоритъ, что сами матеріалы ограничиваютъ его трудъ половиною XIII стол.: позже встрѣчаются лишь компиляціи, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе уродующія тѣ три произведенія, которыя служатъ имъ образцами.

Въ это убогое для Германіи время, именно въ XIII столѣтіи, историческая литература Англіи представила одно изъ лучшихъ своихъ средневѣковыхъ произведеній, извѣстное подъ заглавіемъ *Matthaei Parisiensis historia major Anglorum* [2]). Разъ усвоенное, это заглавіе сохраняется до настоящаго времени, несмотря на двойную его неточность: это, *во-первыхъ*, не мѣстная какая-либо англійская исторія,—это все-

[1]) Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, 1866.

[2]) *Matthaei Paris*, monachi Albanensis, Angli, Historia Major, a Guilielmo Conquaestore ad ultimum annum Henrici tertii. Tiguri, 1606, in fol.

мірная хроника, достойная этого названія, быть можетъ, болѣе, чѣмъ знаменитая нѣмецкая Ekkehardi Urangiensis chronica; и *во-вторыхъ*, изъ длиннаго ряда годовъ, которые обнимаетъ эта «Исторія», Матвѣю Парижскому принадлежатъ лишь нѣсколько лѣтъ. Постараемся указать, что собственно принадлежитъ Матвѣю Парижскому въ этомъ трудѣ—этимъ опредѣлятся сами собою границы нашей задачи: разсказать о документальныхъ источникахъ Матвѣя Парижскаго.

Historia major Anglorum обнимаетъ время отъ 1065 до 1273 г., время девяти англійскихъ королей [1]): едва упомянувъ въ началѣ о Гарольдѣ, она заканчивается смертью короля Генриха III. Авторами ея считаются три монаха С.-Албанскаго монастыря, хотя это, какъ мы увидимъ, не вполнѣ точно.

I. Rogerius Wendover de Wendovre, членъ одной изъ богатыхъ фамилій *Buckinghamshire'a*, вѣроятно, норманскаго происхожденія [2]); онъ написалъ хронику отъ сотворенія міра до 1235 г., извѣстную подъ названіемъ *Flores historiarum*. Съ очень небольшими измѣненіями, авторъ, почти можно сказать, списалъ хронику Рожера Говедена, который умеръ въ первый годъ XIII стол., подобно тому, какъ *Howden* или *Hoveden*, въ свою очередь, списалъ хронику Бенедикта—*Benedict Peterborough*, лучшимъ и любопытнѣйшимъ сочиненіемъ о которомъ до настоящаго времени остается соч. XVII стол.—*Gunton*, *History of the Church of Peterburgh*, 1686. На основѣ этихъ-то

---

1) Haroldus

Guillielmus Conquestor	1067—1088
Guillielmus Rufus	1088—1099
Henricus Primus	1100—1134
Stephanus	1135—1152
Henricus Secundus	1153—1188
Richardus Primus	1189—1198
Johannes	1199—1216
Henricus Tertius	1217—1273

2) *Wendover*—8 миль отъ Оксфорда. *Vandoeuvre*—мѣстечко въ Нормандіи.

двухъ, хроникъ Бенедикта и Р. Говедена, составилъ Р. Вендоверъ свой трудъ *Flores historiarum*. Онъ вполнѣ самостоятеленъ лишь послѣ трехъ лѣтъ царствованія Іоанна и до 1235 г., до года своей смерти [1]). Что Р. Вендоверъ писалъ, однако, до конца своей жизни, до 1235 г., ясно изъ двухъ указаній: 1) въ хроникѣ Матвѣя Вестминстерскаго, списавшаго хронику Р. Вендовера, при концѣ 1235 г. прямо сказано, что до этихъ поръ довелъ свою хронику Р. Вендоверъ [2]), и 2) въ такъ называемомъ Вендоверскомъ манускриптѣ, подъ 1235 г., сказано: до этихъ поръ писалъ хронику Рожеръ Вендоверъ [3]). Въ срединѣ 1235 г., желая защитить выборъ англійской принцессы въ супруги императору Фридриху II и доказать, что Изабелла англійская по своему рожденію вполнѣ достойна быть императрицею, Р. Вендоверъ раскрываетъ предъ нами знатность рода Изабеллы: онъ приводитъ ее въ прямое родство съ Эльфредомъ Великимъ, «а въ исторіяхъ Англіи эту генеалогію доводятъ до Адама, перваго отца. И по такой-то знатности своихъ предковъ Изабелла считается достойною императорскаго ложа» [4]). На этихъ словахъ замерла рука Р. Вендовера, по указаніямъ лучшихъ манускриптовъ и, между прочимъ, *Ms. Cotton*'скаго [5]). Собственно продолжателемъ Р. Вендовера былъ

II. *Matthaeus Paris*, Parisius, de Parisio, de Parisiis, Parisiensis. Въ концѣ царствованія Іоанна Безземельнаго, нѣкто Матвѣй вступилъ послушникомъ въ монастырь св. Албана [6]); въ первый же годъ царствованія Генриха III (21-го янв. 1217 года), послушникъ Матвѣй постригся въ монахи. Его обыкновенно называютъ *Парижскимъ;* такъ какъ во всей своей хроникѣ онъ постоянно является истымъ англичаниномъ, то

---

[1]) *Wats.* Praef ad Matth. Par., p. 3: Rogerus secundo nonas (6) sacerdos demoritur. [2]) Hucusque Rogerus de Wendower chronica sua digessit. [3]) Hucusque scripsit chronica Rogerus de Wendover. [4]) *Matth. Par.*, p. 402. [5]) Лучшее изданіе хроники Р. Вендовера сдѣлано *Coxe* для *English Historical Society*, 5 vv. 1841—44. [6]) Obit. monach. S. Albani. ap. *Wats.* Praef. ad Matth. Par.

очень вѣроятно, что къ такому названію его былъ данъ поводъ обученіемъ его, согласно обычаю и необходимости того времени, въ Парижѣ, подобно тому, какъ монахъ Ричардъ, англичанинъ, получилъ прозваніе Сиракузскаго только потому, что сопровождалъ въ Сицилію дочь Генриха II, невѣсту короля Вильгельма. О происхожденіи и жизни Матвѣя Парижскаго, до вступленія въ С.-Албанскій монастырь, ничего не извѣстно. Въ сборникѣ Римера есть указаніе, что въ 1215 г., въ числѣ пословъ Іоанна въ Римъ, былъ нѣкій капелланъ, прозываемый Парижскимъ [1]); но, вѣроятно, этотъ нѣкій капелланъ не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ монахомъ Матвѣемъ.

Матвѣй Парижскій оставилъ три сочиненія: a) *Vita Offae*, b) *Vita viginti trium S. Albani abbatum* и c) *Historia major Anglorum*.

Historia major Anglorum, отъ 1065 до 1259 г. Все начало до самаго 1235 г. почти слово въ слово списано съ хроники Р. Вендовера. Судя по отзывамъ Матвѣя Парижскаго о Р. Вендоверѣ, надо заключить, что они были личные враги. Матвѣй Парижскій, не упоминая, присвоилъ себѣ всю работу своего врага, съ весьма небольшими выпусками и вставками, изъ которыхъ многія—выдумка и ложь, въ родѣ посольства, отправленнаго Іоанномъ въ 1243 г. въ Испанію, къ эмиру Al-Mumenim. Всѣ эти отличія, выпуски и вставки, указаны и собраны у *Coxe* въ пятомъ томѣ. Разсказъ не связенъ, скачками; отъ 1241 г. до 1258 г. авторъ даетъ въ концѣ года краткій обзоръ политическихъ событій и атмосферическихъ явленій,—очевидное подражаніе Benedict Peterborough. Только съ 1235 г., съ того времени, на которомъ остановился Р. Вендоверъ, Матвѣй Парижскій вполнѣ самостоятеленъ—современникъ, часто очевидецъ, нерѣдко участникъ передаваемыхъ фактовъ. Свою исторію онъ довелъ собственно до 1250 г., года смерти Фридриха II, какъ о томъ онъ самъ оповѣщаетъ насъ, въ прозѣ и стихахъ:

[1]) *Rymer*, Foedera et convent., I, 120: quidam capellanus dictus de Paris.

«Здѣсь оканчивается хроника брата Матвѣя Парижскаго, монаха С.-Албанскаго, который изложилъ все это на пользу потомства, ради любви къ Богу, для чести блаженнаго Албана, первомученика Англіи, да не исчезнетъ, вслѣдствіе старости или забывчивости, память о событіяхъ новѣйшихъ» [1]).

Стихи: „Здѣсь оканчивается Матвѣя
Хроника; это юбилейный
Годъ отпущенія,
Время, обѣщающее покой;
Да будетъ же данъ ему покой
Здѣсь и въ небесномъ царствѣ“ [2]).

Еще: „Остановись, Матвѣй, прекрати твой трудъ,
Не пытай того, что породитъ будущее время“ [3]).

Но Матвѣй не остановился: не высказывая причины, побудившей его продолжать свою хронику, онъ доводитъ ее до 1259 года, оставляя по себѣ еще *Additamenta* и *Adversaria* для пополненія своего труда. Подъ 1259 годомъ, разсказавъ о язвѣ, свирѣпствовавшей въ то время въ Англіи, Матвѣй Парижскій записалъ нѣкоторыя подробности о судѣ, бывшемъ надъ сенешаломъ графа Глочестерскаго, обвиненномъ въ отравленіи многихъ лицъ и приговоренномъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе,—и остановился. Въ этомъ мѣстѣ, во всѣхъ изданіяхъ, помѣщается небольшая *Nota*, въ которой сказано, что все предыдущее писано блаженнымъ братомъ Матвѣемъ Парижскимъ, а все, что слѣдуетъ—другимъ монахомъ [4]). Эта замѣтка принадлежитъ, вѣроятно, первому издателю «Вели-

---

[1]) Matth. Par., p. 780.

[2]) Matth. Par., p. 780: Terminantur hic Matthaei
Chronica; jam jubilei
Anni dispensatio
Tempus spondet requiei,
Detur ergo quies ei,
Hic et coeli solio.

[3]) *Ibid*: Siste tui metas studii Matthaee quietas
Nec ventura petas, quae postera proferet aetas.

[4]) *Matth. Par*., p. 957. *Nota*.

кой исторіи Англіи»—*Matthew Parker*, едва ли продолжателю Матвѣя Парижскаго—В. Риченжеру.

III. *William Rishanger*, тоже монахъ С.-Албана; онъ продолжилъ хронику отъ 1260 г. до 1273 года.

Если вспомнить, что *Rogerius Wendover de Wendovre* самостоятеленъ съ 1201 г., и если къ двумъ названнымъ его продолжателямъ, Матвѣю Парижскому и Вильяму Риченжеру, присовокупить Матвѣя Вестминстерскаго, который довелъ свою хронику до смерти Эдуарда I, т.-е. до 1307 г., то ясно, что ни одно столѣтіе изъ періода среднихъ вѣковъ не только Англіи, но, быть можетъ, всей Европы не представило такой богатой исторической литературы; называемъ ее богатою, такъ какъ всѣ четыре лица—люди образованные, игравшіе болѣе или менѣе роль въ политическихъ событіяхъ родной страны и, что всего важнѣе, относившіеся съ интересомъ къ судьбамъ другихъ европейскихъ народовъ.

Трудъ, оставленный Матвѣемъ Парижскимъ, возбуждалъ въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, мы почти можемъ сказать до послѣднихъ дней, такое «нескромное» удивленіе и вызывалъ такія преувеличенныя похвалы, что въ этомъ отношеніи его можно сравнить лишь съ впечатлѣніемъ, которое производилъ и производитъ на англичанъ другой историкъ, новѣйшаго уже времени, Гиббонъ: указать ошибки и пристрастное увлеченіе Матвѣя Парижскаго значило сдѣлать такую же неловкость, какъ поднять голосъ противъ Гиббона. Люди, отъ которыхъ менѣе всего можно ожидать сочувствія ко взглядамъ и мнѣніямъ Матвѣя Парижскаго, отзывались о немъ съ искреннею похвалою. «Откиньте изъ хроники Матвѣя Парижскаго,—говоритъ Бароній,—откиньте клеветы, богохульства, неправды, злобу его противъ римскаго папства и вы получите *золотую книгу*, всю переплетенную и какъ бы сотканную изъ документовъ». Англійскіе историки рѣшались высказываться противъ любимаго хрониста лишь съ извини...ми оговорками: «Хроника Матвѣя Парижскаго,—гово-

ритъ Лингардъ,—содержитъ въ себѣ много оригинальныхъ и драгоцѣнныхъ документовъ; но авторъ, осмѣивающій всѣхъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ лицъ, казалось, нарочно собралъ всѣ скандальные анекдоты, которые давали пищу его страсти все критиковать. Можетъ показаться неприличнымъ мой рѣзкій отзывъ о всѣми любимомъ историкѣ, но можно положительно сказать, что, сравнивая передаваемыя имъ извѣстія съ подлинными извѣщеніями и современными историками, оказывается, что его трудъ походитъ болѣе на романъ, чѣмъ на исторію» [1]). Лучшимъ цѣнителемъ Матвѣя Парижскаго остается до настоящаго времени *Coxe;* уничтоживъ то нескромное обожаніе, которое ему воздавалось, Coxe выставилъ наружу всѣ недостатки Матвѣя Парижскаго, не умолчавъ и объ его достоинствахъ, изъ которыхъ главное, никѣмъ неоспариваемое—сохраненные имъ документы.

Ограничивая самостоятельную дѣятельность Матвѣя Парижскаго по составленію хроники періодомъ въ двадцать четыре года, временемъ отъ 1235 до 1259 г., разсмотримъ документы, помѣщенные въ это время, и постараемся указать какъ степень ихъ достовѣрности, такъ и путь, которымъ они могли войти въ сводъ хроникъ, извѣстный подъ названіемъ Historia major Anglorum.

Во всей «Великой исторіи Англіи», обнимающей періодъ въ 207 лѣтъ, помѣщено 250 съ небольшимъ документовъ; изъ этого числа, тому небольшому періоду двадцати четырехъ лѣтъ, въ которое хроника писана Матвѣемъ Парижскимъ, принадлежитъ 139, т.-е. съ небольшимъ болѣе половины. Изъ 139-ти приведено вполнѣ лишь 102 документа; изъ остальныхъ 37—18 документовъ помѣщены въ «Книгѣ Прибавленій», какъ ее называетъ нашъ историкъ; 19 же помѣчены лишь какъ извѣстные автору.

Документы, приводимые Матвѣемъ Парижскимъ, касаются вопросовъ самыхъ разнообразныхъ; мы ихъ классифицируемъ

[1]) *John. Lingard,* A history of England, ed. 1826, v. III, p. 178, n. 3.

на 8 отдѣловъ, начиная съ болѣе мѣстныхъ, т.-е. тѣхъ, которые могли быть болѣе доступны Матвѣю Парижскому, именно:

1)	Документы, относящіеся къ Албанскому монастырю, числомъ	18	
2)	» » » церковнымъ дѣламъ Англіи	33	
3)	» » » » » вообще....	8	
4)	» » » дѣламъ англійск. не церковнымъ.	14	
5)	» изъ переписки англійскаго короля.	9	(—2)
6)	» » » англійск двора съ императорскимъ.	18	(—6)
7)	» изданные канцеляріею римской куріи.........	41	(—2)
8)	» » императорскою канцеляріею	22	(—4)
	Итого......	153 — 14 = 139.	

Не говоря уже о суммѣ, самое разнообразіе документовъ приводитъ въ недоумѣніе. Если подъ 1250 г. приведено письмо о дѣлахъ египетскихъ, о военныхъ движеніяхъ и плѣненіи Людовика IX, то это еще сколько-нибудь можетъ быть объяснено тѣмъ, что письмо было адресовано къ Ричарду, графу Корнваллійскому [1]); но чѣмъ, напримѣръ, объяснить документъ. вполнѣ приведенный подъ 1243 годомъ: огромное письмо неизвѣстнаго лица къ Гиральду, архіепископу Бордосскому, о жестокости татаръ [2])? Какъ отыскать путь, которымъ это письмо попало въ руки Матвѣя Парижскаго? Паули, по смерти знаменитаго Лаппенберга, лучшій знатокъ англійской исторіи въ Германіи и едва ли не во всей Европѣ, высказываетъ лишь полное свое удивленіе по этому поводу; особенно письма императора, вошедшія въ хронику,—какимъ бразомъ они извѣстны Матвѣю Парижскому [3])? Отвѣчать на этъ вопросъ можно лишь послѣ обзора тѣхъ восьми отдѣвъ, на которые мы классифицируемъ всѣ 139 документовъ.

1. *Документы, относящіеся къ Албанскому монастырю.* сломъ 18. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что документы этого дѣла были болѣе другихъ доступны Матвѣю Парижскому: нъ изъ этихъ документовъ, подъ 1248 г.—письмо папы окентія IV къ аббату св. Албана, съ просьбою отослать

Matth. Par. ad a. 1250. p. 769—770. [2]) *Matth. Par* ad a 1243, 588. [3]) *Pauli*, Gesch. von England. III. 881.

Матвѣя же Парижскаго въ норвежскій монастырь *Holm*, для возстановленія порядка [1]. Въ 1240 г. аббатъ имѣлъ тяжбу съ нѣкоторыми баронами, которые охотились въ Албанскихъ выгонахъ за зайцами; аббатъ выигралъ дѣло и получилъ отъ короля посланіе въ этомъ смыслѣ [2]); онъ не преминулъ сообщить этотъ документъ хронисту,—документъ, который могъ послужить какъ юридическое доказательство на будущее время, что̀ дѣйствительно и случилось: въ 1248 г. возникло подобное же дѣло и судъ даже оправдалъ бароновъ, охотившихся на монастырскихъ земляхъ; но когда аббатъ прочелъ «хартію—сконфуженные противники онѣмѣли» [3]). Что документы вписывались именно съ этою цѣлью—сохранить и, въ случаѣ надобности, воспользоваться ими, говоритъ самъ Матвѣй Парижскій, вписывая подъ 1258 годомъ королевскую хартію, утвердившую вопросъ о провіантѣ, бывшій долгое время предметомъ споровъ между аббатомъ и братіею [4]).

Изъ 18-ти документовъ только 7 приведены; изъ остальныхъ же: о 9-ти лишь упомянуто и сказано, что они приведены въ «Прибавленіяхъ», а 2-хъ совершенно нѣтъ. Ссылки на «Прибавленія» не всегда вѣрны: въ 1247 г. аббатъ шлетъ жалобу папѣ на оскорбленія, нанесенныя ему миноритомъ Іоанномъ, пріѣхавшимъ съ папскимъ полномочіемъ [5]) для сбора денегъ; разсказавъ объ этомъ, Матвѣй Парижскій прибавляетъ, что подлинное письмо помѣщено *in libro additamentorum* [6]); но его тамъ не оказывается. Еще: въ 1256 г. былъ заключенъ миръ между аббатами Албана и Вестминстера; опять ссылка на «Прибавленія» [7]) и опять ничего нѣтъ.

Двухъ же документовъ, писемъ папы къ аббату, совершенно нѣтъ: 1) подъ 1256 г. папа разослалъ ко всѣмъ англійскимъ аббатамъ посланія съ «дерзкимъ» требованіемъ денегъ; Матвѣй Парижскій именно записалъ, что и аббатъ св. Албана

---

[1]) *Matth. Par.* ad a. 1248, p. 731. [2]) *Ibid.* ad a. 1240, p. 519. [3]) *Ibid.* ad a. 1248, p. 725—726. [4]) *Matth. Par.* ad a. 1258, p. 931—932. [5]) *Ibid.* ad a. 1247. p. 706. [6]) *Ibid.* ad a. 1247. p. 707. [7]) *Ibid.* ad a. 1256, p. 900.

получилъ подобное посланіе[1]), но не только не приводитъ его, даже не вписываетъ въ «Прибавленія», и 2) подъ 1257 г. сказано, что папа прислалъ къ аббату *mandatum imperiosum*[2]), но его нѣтъ даже въ «Прибавленіяхъ». Отсутствіе этихъ документовъ тѣмъ болѣе непонятно, что, какъ въ настоящее время уже доказано, Матвѣй Парижскій, упоминая подъ 1248 г. о вольностяхъ и привилегіяхъ С.-Албанской церкви[3]), представляетъ дословныя выписки изъ подлинныхъ актовъ, которые, очевидно, были у него въ рукахъ.

II. *Документы, относящіеся къ церковнымъ дѣламъ Англіи.* Числомъ 33. Аббатъ С.-Албанскаго монастыря, какъ прелатъ англійской церкви, былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ тѣхъ вопросахъ, по которымъ Матвѣй Парижскій сохранилъ документы. Такъ, изъ числа этихъ документовъ: *шесть* писемъ всего англійскаго духовенства къ папѣ, изъ которыхъ одно, подъ 1246 г., спеціально отъ англійскихъ аббатовъ[4]). *Восемь* писемъ папъ Григорія IX и Иннокентія IV, болѣе или менѣе касающихся всѣхъ англійскихъ прелатовъ, такъ какъ почти во всѣхъ рѣчь идетъ о сборѣ денегъ; подъ 1239 годомъ, письмо Григорія IX ко всѣмъ вельможамъ Англіи[5]); подъ 1244 г. ко всѣмъ прелатамъ Англіи съ требованіемъ денегъ[6]): въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, и къ аббату С.-Албанскому. *Два* постановленія мѣстныхъ англійскихъ соборовъ, бывшихъ въ Лондонѣ въ 1237 и 1246 годахъ,—неудивительно, если Матвѣй Парижскій приводитъ изъ перваго 31 статью[7]) и изъ второго 7 привилегій[8]). *Одиннадцать* писемъ различныхъ англійскихъ прелатовъ, по преимуществу епископовъ Кантерберійскаго и Винчестерскаго. *Три* письма короля: къ папѣ, по поводу сбора денегъ, къ епископу *Durham* и привилегія Вестминстерскому аббатству. Наконецъ *три* документа не

[1]) *Ibid.* ad a. 1256, p. 895. [2]) *Ibid.* ad a. 1257, p. 928. [3]) *Matth. Par.* ad a. 1248. Libertates et privilegia ecclesiae S. Albani, p. 729. См. *Gul. Wats.* Auctarium, p. 154. [4]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 678—679. [5]) *Ibid.* ad a. 1239, p. 496. [6]) *Ibid.* ad a. 1244, p. 622—623. [7]) *Ibid.* ad a. 1237, p. 455. [8]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 671.

приведены, но помѣчены помѣщенными въ «Прибавленіяхъ», гдѣ они дѣйствительно и находятся: такъ, подъ 1252 г., говоря о правѣ, данномъ папою архіепископу Cantorbery быть благочиннымъ, прибавлено: «подлинныя сюда относящіяся письма внесены въ книгу Прибавленій» [1]), и дѣйствительно тамъ помѣщены два документа по этому поводу.

III. *Документы, относящіеся къ церковнымъ дѣламъ вообще.* Числомъ 8. Сюда относятся всѣ документы, которые по существу своему, обнимая всѣ церкви католическаго міра, могли быть сообщены и церквамъ Англіи, въ томъ числѣ и аббатству С.-Албанскому. Такъ, напр., булла, которою папа Григорій IX отлучилъ императора Фридриха II отъ церкви въ 1239 г. [2]); письмо, подъ 1244 г., прелатовъ Св. Земли всѣмъ прелатамъ Европы о бѣдственномъ положеніи Св. Земли [3]); подъ 1246 г. двѣ привилегіи, данныя Григоріемъ IX и Иннокентіемъ IV монахамъ проповѣдникамъ, изъ которыхъ первая относится къ 1227 [4]), а вторая къ 1244 г. [5]), хотя Матвѣй Парижскій приводитъ обѣ подъ 1246 г.

IV. *Документы, относящіеся къ дѣламъ англійскимъ не церковнымъ.* Числомъ 14. Изъ нихъ: *шесть* касаются всего королевства и, между прочимъ, два могли быть доставлены аббату, именно: подъ 1246 г. письмо короля Генриха III къ папѣ объ освобожденіи Англіи отъ папскихъ поборовъ и притѣсненій [6]), и второе, подъ тѣмъ же годомъ, запрещеніе, изданное королемъ, давать папѣ сборъ, извѣстный подъ именемъ tallagium [7]). *Четыре* хартіи довольно частнаго интереса; изъ нихъ одна безъ помѣты, а остальныя три помѣчены «двадцать пятымъ годомъ царствованія короля» [8]), т.-е. 1242 г., и ошибочно вписаны Матвѣемъ Парижскимъ подъ 1244 г. *Три* документа, всѣ лишь упомянуты; изъ нихъ два Матвѣй Па-

---

[1]) *Ibid.* ad a. 1252, p. 814. [2]) *Matth. Par.* ad a. 1239, p. 170—171. [3]) *Ibid.* ad a. 1244, p. 611—614. [4]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 672. [5]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 573. [6]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 679. [7]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 686—687. [8]) *Ibid.* ad a. 1241, p. 604, 605, 606.

рижскій, вѣроятно, имѣлъ случай прочесть, а третій—новый законъ [1])—могъ слышать: dominus rex... voce praeconia jussit pro lege acclamari. ne praesumat quis, nisi pro conjuge, adulterium membris mutilare genitalibus. Наконецъ *одно* письмо, неизвѣстно чье, о положеніи военныхъ дѣйствій при *Gannock*. во время пребыванія тамъ короля, въ 1245 г. [2]).

V. *Документы изъ переписки англійскаго короля.* Числомъ 9. О нѣкоторыхъ изъ нихъ было уже говорено, какъ, напримѣръ, о письмахъ короля къ аббату С.-Албана. Между другими, здѣсь помѣщено письмо, которымъ король Генрихъ III проситъ денегъ у англійскихъ прелатовъ [3]), и письмо короля Генриха III къ папѣ Александру IV, которое двое изъ Албанскихъ же монаховъ везли въ Римъ [4])—понятно, что эти письма были извѣстны Матвѣю Парижскому.

VI. *Документы изъ переписки англійскаго двора съ императорскимъ.* Числомъ 18. Въ томъ числѣ *восемь* писемъ императора къ королю: семь о государственныхъ дѣлахъ и одно—о семейныхъ, извѣщеніе о смерти императрицы Изабеллы, сестры короля [5]), отъ 1242 г. Изъ писемъ общегосударственнаго интересса должно обратить вниманіе на два письма: а) подъ 1241 г. императоръ извѣщаетъ англійскаго короля о взятіи г. Фавенціи и о морской битвѣ, въ которой нѣкоторые изъ прелатовъ были взяты въ плѣнъ [6]). По одной и той же формѣ были разосланы письма почти ко всѣмъ государямъ Европы: слѣдовательно, по этому письму можно узнать, насколько Матвѣй Парижскій заслуживаетъ довѣрія [illegible] передаваемыхъ имъ документовъ [illegible] трудъ [illegible] сравненія сдѣлать [illegible]; не только докумен[illegible] [illegible]ходитъ [illegible] [illegible]скихъ и съ другими [illegible]

[illegible] 1245. p. [illegible]

[illegible] Ibid. [illegible]

[illegible]

итальянскихъ архивахъ, но его списокъ точнѣе и лучше всѣхъ остальныхъ, и б) подъ 1244 г. помѣщено письмо Фридриха II къ Генриху III [1]), въ которомъ императоръ проситъ короля прислать депутата для веденія переговоровъ о мирѣ императора съ церковью,—того же года и съ такою же просьбою обращался Фридрихъ II и къ французскому королю [2]). *Четыре* письма императора къ графу Ричарду Корнваллійскому: три государственнаго и одно семейнаго интереса—Фридрихъ II извѣщаетъ Ричарда въ 1238 г., что у него родился сынъ [3]). Къ этому же отдѣлу отнесены два извѣстія, оба довольно сомнительнаго свойства: *во-первыхъ*, подъ 1246 г. сказано, что Вальтеръ Окрскій писалъ королю о томъ, какъ императоръ избѣжалъ сѣтей апулійскихъ заговорщиковъ — едвали онъ дѣйствительно писалъ, такъ какъ нѣсколько строкъ выше помѣщено подлинное письмо самого императора объ этомъ [4]), и *во-вторыхъ*, подъ 1249 г. сказано: Фридриха сынъ Генрихъ писалъ королю Франціи, за короля Англіи [5]). Какой же это сынъ Фридриха и къ кому же Генрихъ могъ писать въ 1249 году?

VII. *Документы папскіе*. Числомъ 41. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько категорій: a) письма папъ относительно ихъ спора съ императоромъ — между прочимъ, Матвѣй Парижскій сохранилъ намъ точный списокъ буллы, которою Фридрихъ II былъ низложенъ на ліонскомъ соборѣ въ 1245 г. [6]), постановленія котораго сохранились только у него; b) письма папъ Григорія IX, Иннокентія IV и Александра IV къ тому или другому епископу Англіи, въ томъ числѣ упомянутыя уже нами въ первомъ отдѣлѣ посланія къ Албанскому аббату, и c) письма папъ къ королевскому двору. Многія изъ этихъ писемъ Матвѣй Парижскій легко могъ имѣть подъ руками,

---

[1]) *Matth. Par.* ad a. 1241, p. 609. См. Hist. dipl., VI, 197—199. [2]) Huill. Bréh., Hist. dipl. Fr., II, VI, 147. [3]) *Matth. Par.* ad a. 1238, p. 451. [4]) *Ibid.* ad a. 1246, p. 609 — 692. *Ibid.* ad a. 1246, p. 692—693. [5]) *Ibid.* ad a. 1249, p. 740. [6]) *Ibid.* ad a. 1245, p. 648 —652.

какъ, напримѣръ, письмо папы Иннокентія IV къ англійскимъ прелатамъ [1]) отъ 1244 г., въ которомъ папа рекомендуетъ англійскому духовенству дать королю Генриху III щедрыя субсидіи на борьбу съ шотландскимъ королемъ; понятно, что король старался дать возможно большее распространеніе подобному письму. Одно изъ писемъ этого отдѣла чрезвычайно любопытно: помѣщено оно подъ 1255 г. [2]); интересна его внѣшняя форма: Alexander etc. episcopo Herefordensi etc. Cum te sciamus pro utilitatibus Abbatis et conventus Sancti... ac monasterii Sancti... pro quibus etc. Откуда эти пробѣлы? Не имѣлъ ли Матвѣй Парижскій одной изъ тѣхъ бланокъ, которыми папы обильно снабжали своихъ агентовъ на всякій случай, агенты уже вставляли на мѣстѣ соотвѣтствующее названіе монастыря, аббатства и т. п.?

VIII. *Документы императорскіе.* Числомъ 22. Это документы, которые наименѣе могли быть извѣстны Матвѣю Парижскому. Въ это число входятъ посланія императора, напр., къ римскому народу, къ кардиналамъ,—посланія, которыя наименѣе всего ожидаешь встрѣтить въ англійскомъ монастырѣ. Изъ числа 22 сюда относящихся документовъ 19 приведены вполнѣ и по найденнымъ въ другихъ архивахъ спискамъ оказываются совершенно вѣрными. Изъ 3-хъ же указаній одно довольно сомнительно: подъ 1237 г. сказано, что Фридрихъ II чрезъ торжественныя посольства и *императорскія письма* [3]) приглашалъ всѣхъ христіанскихъ государей на съѣздъ въ *Vaucouleurs*; но остальныя два очень вѣроятны: а) упоминая подъ 1241 г. о томъ, что императоръ запрещалъ прелатамъ ѣхать въ Римъ на соборъ, Матвѣй Парижскій говоритъ, что Фридрихъ запрещалъ это особыми *своими письмами* къ прелатамъ [4]), и б) подъ 1244 г. сказано, что императоръ прислалъ въ Лондонъ магистра Вальтера Окрскаго и двухъ пословъ, убѣждая не платить контрибуціи папѣ, и что на быв-

[1]) *Ibid.* ad a. 1244, p. 620. [2]) *Matth. Par.* ad a. 1255, p. 885—886.
[3]) *Ibid.* ad a. 1237, p. 432. [4]) *Ibid.* ad a. 1241, p. 535.

шемъ по этому поводу соборѣ въ Лондонѣ было читано *императорское письмо* [1]).

Вопросъ о подлинности всѣхъ пересмотрѣнныхъ нами документовъ не возбуждаетъ никакого на этотъ счетъ сомнѣнія. Изъ 139 писемъ, 102 приведены вполнѣ; мы провѣрили всѣ документы императорскіе, числомъ 19, и всѣ они оказываются однимъ изъ наиболѣе точныхъ списковъ, а мы обратили вниманіе именно на императорскіе, такъ какъ они наименѣе могли быть доступны Матвѣю Парижскому. Кромѣ того, мы сличали папскіе документы по Baronius, Ann. Eccl. Общій итогъ тотъ, что изъ числа 102 приведенныхъ вполнѣ документовъ, 36 изъ отдѣловъ. наименѣе доступныхъ Матвѣю Парижскому, совершенно подлинны.

Остается послѣдній вопросъ, на который до настоящаго времени историческая наука Запада не даетъ отвѣта: откуда Матвѣй Парижскій получалъ эту массу документовъ? Встрѣчая въ хроникѣ Матвѣя Парижскаго, монаха монастыря св. Албана, большое количество документовъ, возможно сдѣлать два предположенія по этому поводу: *или* монастырь св. Албана стоялъ въ какомъ-либо особенномъ отношеніи къ королевскому дому, такъ что изъ королевской канцеляріи присылались документы для внесенія въ хронику, документы, которые впослѣдствіи могли служить для этого же королевскаго дома источникомъ юридическихъ основаній его правъ; *или* же самъ монахъ, по личнымъ своимъ отношеніямъ ко двору и другимъ лицамъ, могъ собирать подобные документы. Разберемъ то и другое предположеніе, опираясь главнымъ образомъ на извѣстіяхъ, заключенныхъ въ самой хроникѣ.

Въ шотландской хроникѣ Іоанна Фордуна [2]) говорится, между прочимъ, что англійскіе монастыри, основанные королями, были обязаны имѣть анналиста, и что по смерти каждаго короля, всѣ хроникеры собирались, подвергали свои

---

[1]) *Ibid.* ad a. 1244, p. 623. [2]) *Iohannes Fordun*, Chr. reg. Scotiae, ap. *Gale*, Hist. Brit. script.

труды разбору «старѣйшихъ лицъ», которые сравнивали ихъ и выбирали все заслуживавшее быть списаннымъ въ одну общую, главную хронику. Основываясь на этомъ извѣстіи, англійскій ученый Берингтонъ дѣлаетъ предположеніе, что суду этихъ старѣйшинъ предлагались и документы предшествовавшаго царствованія для внесенія въ хронику [1]). Не говоря уже о томъ, что самъ хронистъ, записавшій это извѣстіе, прибавляетъ: *ut audivi* [2]), оно ужъ слишкомъ походитъ на распоряженіе, которое восточные писатели приписываютъ азіатскимъ владыкамъ. Отчего же не встрѣчается документовъ въ другихъ хроникахъ Англіи? Ихъ, конечно, очень много у Benedict Peterborough, монаха Canterbery'скаго, но вѣдь онъ былъ другъ короля Ричарда; даже Вендоверъ и Риченжеръ не оставили такой массы официальныхъ документовъ, какъ Матвѣй Парижскій. Хрониками, правда, пользовались для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ: въ 1300 году король Эдуардъ I по хроникамъ старается доказать свои права на Шотландію и въ письмѣ къ папѣ цитируетъ Rishanger'a, но едва ли кто изъ англійскихъ королей могъ бы съ пользою для себя сослаться на хронику Матвѣя Парижскаго; едва ли въ монастырѣ св. Албана былъ официальный анналистъ.

Монастырь св. Албана пользовался благосклонностью англійскаго двора; королевская фамилія посѣщала его и всегда относилась къ нему съ уваженіемъ. Объ этомъ упомянуто подъ 1244 г.: король пріѣхалъ въ монастырь и оставался въ немъ три дня [illegible] г. сказано, что когда Эдуардъ, сынъ Генриха [illegible] то король велѣлъ молиться объ его выздор[illegible] прочимъ, писалъ особенно аббату и братіи [illegible] посланіе это, страннымъ образомъ, не [illegible] 51—король пробылъ въ монастырѣ св. [illegible] подъ 1252—король пріѣзжалъ въ мо-

[1]) History of the middle ages. London, 1829.
[illegible] [2]) *Matth. Par.* ad a. 1244, p. 618.
[3]) *Ibid.* ad a. 1251, p. 799.

настырь [1]), и въ другой разъ, подъ тѣмъ же годомъ, упоминая о томъ, какъ король несправедливо раздавалъ деньги и имущества людямъ недостойнымъ, даже шутамъ, Матвѣй Парижскій прибавляетъ: «*мы видѣли* этого капеллана, родомъ изъ Пуату, полнаго невѣжу по нравамъ и знаніямъ, какъ онъ преслѣдовалъ государя короля, Готфрида, его брата, и другихъ синьоровъ во время ихъ прогулки въ монастырскомъ фруктовомъ саду» [2]). Подъ 1255—въ то время, какъ сынъ короля Эдуарда былъ въ Гасконіи, король прибылъ въ монастырь и оставался въ немъ шесть дней [3]); король молится, раздаетъ подарки, даже болѣе драгоцѣнные, чѣмъ давалъ король Оффа, основатель обители: «всѣ эти подарки сполна внесены въ монастырскую книгу». Въ 1256 г. король посылаетъ двухъ монаховъ Албанской обители въ Римъ съ письмомъ къ папѣ [4]). Подъ 1257 г., королева посѣтила монастырь въ сопровожденіи супруга Эдуарда и многихъ другихъ дамъ [5]). Изъ этихъ указаній, конечно, нельзя не видѣть, что С.-Албанскій монастырь пользовался благоволеніемъ королевской фамиліи и что Генрихъ III пріѣзжалъ по временамъ отдохнуть и погулять въ садахъ обители; но всякій дальнѣйшій выводъ намъ кажется ужъ слишкомъ смѣлымъ, даже, быть можетъ, неосновательнымъ.

Что касается лично Матвѣя Парижскаго, то онъ былъ человѣкъ для своего вѣка прекрасно образованный и личность, опережавшая своимъ развитіемъ тотъ вѣкъ, въ который ему суждено было жить. Baronius не могъ назвать его труда *золотою* книгою; упрекъ же его мы понимаемъ теперь иначе, да и съ Матвѣемъ Парижскимъ въ этомъ отношеніи согласны его предшественники и послѣдователи: Edmer, Malmesbury, Newborough, Wendover, Matthew Westminster, Walsingham. Извѣстія, которыя онъ передаетъ о себѣ въ своей хроникѣ, чрезвычайно важны по отношенію къ занимающему насъ вопросу.

1) *Ibid.* ad a. 1252, p. 820. 2) *Matth. Par.* ad a. 1252, p. 823. 3) *Ibid.* ad. a. 1255, p. 874. 4) *Ibid.* ad a. 1256, p. 894—895. 5) *Ibid.* ad a. 1257, p. 926.

Подъ 1247 г. говорится о томъ, что Генрихъ III, въ октябрѣ, собралъ соборъ англійскихъ священниковъ для обсужденія дѣла о вазѣ съ кровью Іисуса Христа, которую привезъ одинъ изъ храмовниковъ отъ патріарха іерусалимскаго и которая возбуждала сомнѣнія; между прочимъ, при этомъ разсказано [1]): «И когда король, какъ сказано, возсѣлъ на своемъ царскомъ тронѣ, онъ, увидѣвъ того, *который и это написалъ*, подозвалъ его и, приказавъ ему сѣсть на ступени, между трономъ и поломъ, сказалъ: «Ты все здѣсь видѣлъ, и все, что видѣлъ, твердо запечатлѣлъ въ сердцѣ своемъ». Тотъ въ отвѣтъ: «Да, государь, ибо это достойно запоминанія». Король прибавилъ: «Сегодня я дѣйствительно убѣдился, что Господь Богъ, по своей благодати, удостоилъ совершить славное чудо, которое обѣщаетъ намъ обильныя благодѣянія и будущія блага. И я радуюсь, что это случилось предъ глазами всѣхъ. Я тебя прошу и, прося, приказываю тебѣ записать все это точно и подробно, вмѣстить въ свою книгу замѣчательныя подробности всего, что ты видѣлъ, чтобъ какъ-нибудь не пропала память объ этомъ въ будущія времена». И король пригласилъ того, съ кѣмъ разговаривалъ, къ обѣденному столу, вмѣстѣ съ тремя его товарищами».

Въ томъ же 1247 г. Матвѣй Парижскій ѣздилъ къ норвежскому королю Гакону V, въ качествѣ посла отъ Людовика IX, съ письмомъ [2]), которымъ французскій король проситъ Гакона идти съ нимъ во Святую Землю, предоставляя ему команду надъ войскомъ. Когда Гаконъ высказалъ недовѣріе къ тому пріему, который онъ получитъ во Франціи, то *«разговаривающій съ нимъ, т.-е. авторъ настоящей исторіи»*, вручилъ ему подлинный эдиктъ Людовика IX, которымъ онъ приказывалъ сдѣлать почетный пріемъ Гакону, гдѣ бы тотъ ни высадился во Франціи [3]). Разговоръ Гакона съ Матвѣемъ Париж-

[1]) *Matth. Par.* ad a. 1247, p. 714. [2]) *Ibid.* ad a. 1247, p. 712

[3]) Замѣчательно, что Матвѣй Парижскій не приводитъ письма Людовика IX французскаго къ Гакону норвежскому и помѣщаетъ [illegible] эдиктъ св. Людовика.

скимъ очень откровененъ, и Матвѣй Парижскій приводитъ тому причину: «*душа короля довѣряла ему*» [1]).

Подъ концомъ 1248 г. записано, что Матвѣю Парижскому было поручено исправить финансовую и нравственную сторону норвежскаго монастыря Гольма (coenobium s. Benedicti de Holm in Norvegia). Въ Албанъ прибылъ «*пріоръ того монастыря, сопровождаемый монахомъ, съ 300 марками денегъ и съ письмомъ отъ государя короля Гакона къ брату Матвѣю Парижскому, чтобъ тотъ занялся дѣятельно исправленіемъ монастыря*» [2]). Когда по этому же дѣлу аббатъ и нѣкоторые изъ гаконской братіи прибыли къ Иннокентію IV, то просили папу назначить именно Матвѣя Парижскаго реформаторомъ и устроителемъ ихъ дѣлъ, «*такъ какъ они испытали уже его мудрость и вѣрность, и къ тому же онъ очень близокъ и очень друженъ съ ихъ королемъ*» [3]). Въ хроникѣ Матвѣя Парижскаго приведено подлинное письмо папы къ аббату св. Албана съ приглашеніемъ отослать Матвѣя Парижскаго въ монастырь *Holm* [4]).

Когда въ 1250 г. Генрихъ III даровалъ аббату Вестминстерскому замокъ *Aldenham* съ землями и *Galfridus'у Rufus'у* право охоты на земляхъ С.-Албанскихъ, то «*авторъ этой книги, т.-е. братъ Матвѣй Парижскій, сильно укорялъ короля за это*» [5]).

Подъ 1251 г. Гаконъ разсказываетъ Матвѣю Парижскому, какъ онъ отказался принять отъ папы императорскую корону, говоря, что готовъ воевать противъ враговъ церкви, но не противъ враговъ папы. «*И король, подтверждая свои слова клятвою, разсказалъ это мнѣ, Матвѣю, который написалъ это*» [6]).

Въ концѣ 1251 г., говоря о постройкѣ графомъ Ричардомъ Корнваллійскимъ одной церкви (ecclesia de Hales). Матвѣй

[1]) *Matth. Par.* ad a. 1247, p. 712. [2]) *Ibid.* ad a. 1248, p. 730. Самое же письмо не [illegible] ad a. 1248, p. 731. [4]) *Ibid.* ad a. 1248, p. 731. [5]) *Ibid.* ad a. [illegible] *Matth. Par.* ad a. 1251, p. 781.

Парижскій прибавляетъ: «Mihi autem Matthaeo Parisiensi super hoc edoceri cupienti, ne falsa huic libro insererem, sub indubitata certitudine Comes significavit, quod omnibus sumptibus computatis, in ipsius ecclesiae constructione decem millia marcarum exposuerat» [1]).

Подъ 1254 г., когда Генрихъ III былъ въ Парижѣ, разсказанъ обѣдъ, бывшій при дворѣ, съ такими подробностями, которыя Матвѣй Парижскій могъ знать лишь изъ разсказа очевидца. Гости сидѣли въ такомъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ король Франціи; по правую — король Англіи; по лѣвую—король Наварры; затѣмъ 25 герцоговъ, каждый занималъ мѣсто по чину; 12 епископовъ, изъ которыхъ иные сидѣли выше герцоговъ; къ епископамъ примыкали бароны; множество знатныхъ рыцарей; 18 графинь, въ томъ числѣ три сестры королевы Обѣдъ былъ роскошенъ и великолѣпенъ, хотя день былъ постный [2]).

Наконецъ, подъ 1257 г. отмѣчено указаніе [3]), изъ котораго видно, что Матвѣй Парижскій писалъ почти подъ диктовку короля. Въ этотъ годъ король прибылъ въ С.-Албанъ и роздалъ подарки церкви и ея служителямъ. «Онъ оставался въ монастырѣ цѣлую недѣлю, и такъ какъ при немъ постоянно находился, за его столомъ, въ его покояхъ и въ опочивальнѣ, тотъ, кто пишетъ эти строки, то король старательно и любезно управлялъ перомъ пишущаго»; король называлъ ему курфирстовъ, отъ которыхъ зависѣло избраніе Ричарда, графа Корнваллійскаго, въ короли Германіи; имена всѣхъ королей Англіи, которые были канонизированы; перечислялъ всѣ королевскія бароніи, которыя вспомнилъ, насчитывая ихъ числомъ до 250, и т. п. Во время этого недѣльнаго пребыванія короля въ С.-Албанѣ, явилось 9 преподавателей Оксфордскаго университета съ жалобою на притязанія линкольнскаго епископа. «Въ этотъ же день братъ (который и эти строки

[1]) *Ibid.* ad a. 1251. p. 801. [2]) *Ibid.* ad a. 1254. p. 871. [3]) *Ibid.* ad a. 915.

пишетъ) сказалъ частнымъ образомъ государю королю» нѣсколько словъ въ пользу Оксфордскаго университета, и король внялъ его представленіямъ [1]).

Принимая во вниманіе, что всѣ эти извѣстія о Матвѣѣ Парижскомъ переданы имъ же самимъ, при чемъ, быть можетъ, его нельзя обвинить въ скромности, въ результатѣ все-таки остается историкъ, принимавшій участіе въ государственныхъ дѣлахъ какъ своей родины, такъ и другихъ странъ Европы: онъ везетъ письмо Людовика св. къ Гакону, участвуетъ въ соборѣ всего англійскаго духовенства, инспектируетъ и исправляетъ норвежскій монастырь — человѣкъ, извѣстный не только королю своей родины, но королямъ Франціи и Норвегіи, извѣстный папѣ. Очень вѣроятно, что Генрихъ III, поручавшій ему одно записать въ составляемую имъ хронику, другое — записать именно въ извѣстномъ направленіи, могъ по временамъ знакомить его и съ офиціальными документами; но нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобъ утверждать, что эта передача документовъ была постоянна и систематична, — напротивъ того, такое мнѣніе должно быть отвергнуто по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во-первыхъ, Матвѣй Парижскій, такъ старательно записывавшій даже число дней, проведенныхъ членами королевской фамиліи въ монастырѣ С.-Албана, внося въ свою хронику документъ по порученію короля, не преминулъ бы упомянуть, что документъ этотъ полученъ отъ короля и вставленъ по его просьбѣ,—этого не встрѣчается во всей хроникѣ ни разу.

Во-вторыхъ, если изъ имѣющихся въ хроникѣ документовъ, нельзя доказать, что они результатъ хотя бы оффиціозныхъ сообщеній, то изъ документовъ, не вошедшихъ въ хронику, можно доказать довольно положительно, что такихъ сообщеній не существовало. Встрѣчая у Матвѣя Парижскаго документы по египетскимъ дѣламъ, изъ переписки бордосскаго архіепископа, императора съ римскою куріею, даже пам-

[1]) *Matth. Par.* l. s. c.

флетъ французскихъ бароновъ противъ папы Иннокентія IV. на родномъ галльскомъ языкѣ [1]), мы въ правѣ ожидать, что ему были извѣстны документы изъ переписки короля, которому, по его собственнымъ словамъ, онъ нерѣдко высказывалъ горькую правду, съ императоромъ. И что же? Матвѣю Парижскому не было извѣстно письмо Фридриха II къ Генриху III, которымъ тотъ извѣщалъ короля о смерти папы Григорія IX, отъ августа 1241 г. [2]); у него не помѣщено посланія Генриха III къ императору, съ извѣстіемъ «о союзѣ противъ всѣхъ, за исключеніемъ, однако, римской церкви» [3]), отъ іюня 1242 г.; мы не встрѣчаемъ въ его хроникѣ посланія Генриха III къ императору Фридриху II, въ которомъ говорится о присылкѣ пословъ на соборъ для возстановленія мира [4]), отъ іюня 1245 г.; не встрѣчаемъ многихъ важныхъ актовъ, которые могли бы ожидать найти въ хроникѣ оффиціознаго характера.

Въ-третьихъ, акты, помѣщенные у Матвѣя Парижскаго, если бы они были получены оффиціознымъ путемъ, то, конечно, они были бы полнѣе, не встрѣчались бы документы безъ начала и конца [5]), или безъ начала, какъ, напр., одно посланіе императора къ англійскому королю отъ 1240 г. [6]).

Изъ подробнаго разсмотрѣнія документовъ, помѣщенныхъ въ той части Historia major Anglorum, которая принадлежитъ перу Матвѣя Парижскаго, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что накопленіе этихъ документовъ носитъ на себѣ характеръ чисто личный, случайный: человѣкъ, лично извѣстный тремъ королямъ—Англіи, Норвегіи и Франціи, хорошо знакомый съ прелатами англійской церкви—Cantorbery, Westminster, Winchester, врагъ епископа Lincoln, монахъ монастыря, члены

[1]) *Ibid.* ad a. 1247, p. 697.
[2]) *Hist. diplom.*, t. V, p. 1165—1167.
[3]) *Rymer*, Foedera et convent., v. I, p. 142 (19 junii 1242).
[4]) *Rymer*, l. s. c., v. I, p 152 (28 junii 1242).
[5]) *Matth. Par.* ad a. 1236, p. 418 etc.
[6]) *Ibid.* ad a. 1240, p. 524. См. Hist. diplom. V, 1037—1041.

котораго ѣздили гонцами короля въ Римъ, Парижъ, Неаполь, онъ собиралъ свѣдѣнія о чужихъ странахъ, не упускалъ случая списать попавшій подъ руку документъ, который, быть можетъ, не менѣе случайно достался въ руки монаховъ С.-Албанскаго монастыря, во время ихъ пребыванія въ чужихъ краяхъ. Если къ этому прибавить документы, офиціально адресованные на имя аббата монастыря, документы, полученные чрезъ кого-либо изъ королевской канцеляріи, то, быть можетъ, мы попадемъ на вѣрный путь для объясненія предложеннаго вопроса.

Еще одно обстоятельство не должно быть упущено изъ виду. Подъ 1215 годомъ Р. Вендоверъ вписалъ въ свою хронику небольшую хартію Іоанна Безземельнаго, утвержденную въ томъ же году папою Иннокентіемъ III. Матвѣй Парижскій, списывая хронику Вендовера, списалъ и оба эти документа, помѣстивъ ихъ попрежнему подъ 1215 годомъ. Спустя лѣтъ двадцать, уже подъ 1256 годомъ, Матвѣй Парижскій говоритъ о привилегіяхъ, добытыхъ этою хартіею, и, *сознавая всю ея важность, если бы она только исполнялась»*, Матвѣй Парижскій, забывъ о томъ, что эти документы уже вписаны, не ссылается на 1215 г. хроники, какъ онъ то дѣлаетъ не разъ, но вписываетъ подъ 1256 г. снова и хартію короля, и утвержденіе папы [1]). И что же? Текстъ этихъ документовъ въ обоихъ случаяхъ точенъ отъ слова до слова. Быть можетъ, здѣсь можетъ имѣть мѣсто догадка, что Р. Вендоверъ и Матвѣй Парижскій оба списывали съ одного и того же документа: не хранилась ли въ S.-Albanum книга, въ которую вписывались всѣ документы, интересные для духовенства Англіи, и которою пользовались мѣстные хронисты?

---

[1]) *Matth. Par.* ad a. 1256, p. 891—892 (*Ibid.* ad a. 1215, p. 252, 253).

ЧЕХЪ

ЯНЪ ГУСЪ ИЗЪ ГУСИНЦА.

1369—6-е iюля—1869.

С. Петербургъ, 1869.

Шестое іюля 1369 года ознаменовано въ исторіи человѣчества рожденіемъ одного изъ сильнѣйшихъ борцовъ за свободу совѣсти: чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ отмѣченнымъ печатью міроваго величія. Составляя достояніе всего мыслящаго человѣчества, онъ, своимъ именемъ, приноситъ честь народу чешскому, его создавшему, и, своими убѣжденіями, составляетъ славу православной идеи, его вскормившей.

Пять вѣковъ, отдѣляющіе насъ отъ того знаменательнаго дня, даютъ возможность безпристрастно взглянуть на минувшія явленія и трезво отнестись къ прошлымъ событіямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Янъ Гусъ былъ сожженъ на кострѣ приговоромъ католической церкви, память великаго мученика была не разъ оскорбляема и поносима не только политическими нѐдругами его родины и религіозными противниками его убѣжденій, но даже тѣми, за честь и славу которыхъ онъ страдалъ и умеръ.

Въ Россіи, въ то время, когда имя Гуса едва долетало до насъ въ числѣ другихъ явленій западной жизни, предки наши долго повторяли о немъ сужденіе церкви католической, намъ враждебной, признавшей его величайшимъ еретикомъ и гонителемъ правды; мы безотчетно соединялись съ католическою церковью въ общемъ чувствѣ *неразумной* ненависти къ человѣку, который, за пять столѣтій до нашихъ временъ, изъ мрака невѣжества и суевѣрія Запада взывалъ къ намъ о помощи и въ лицѣ друга своего, Іеронима, протягивалъ руку братскаго единенія православной Руси.

Но не одни мы, русскіе, повинны въ этомъ отношеніи передъ страдальческимъ образомъ Гуса: въ Чехіи, въ собственномъ отечествѣ, Гуса постигла еще болѣе жалкая участь. Когда время воинственнаго разгара въ народѣ замѣнилось религіознымъ и нравственнымъ изнеможеніемъ, Констанцкій соборъ, несмотря на пророчество Гуса, перешагнулъ предѣлы Чехіи. Чехи скоро забыли Гуса; лишь очень немногое осталось въ памяти чеховъ отъ величественной личности Гуса, но и это немногое сохранило свое существованіе въ образѣ св. Непомука, увеличившаго собою культъ католическихъ святыхъ. Новыя поколѣнія, чуждыя великимъ преданіямъ предковъ, развѣнчали страдальческую тѣнь Гуса: самые пламенные патріоты отзывались о немъ съ омерзѣніемъ, считали его вѣчнымъ укоромъ народной славѣ.

А между тѣмъ, подъ чужимъ небомъ, при другихъ условіяхъ, изъ костра Гуса зарождалась славная реформація Лютера. Въ Германіи, подъ знаменами чужой народности, черезъ сто лѣтъ по смерти Гуса, совершалось торжественное преображеніе его существа. Германія, рукою Лютера, подписала себѣ приговоръ за кровавое участіе въ погибели великаго предтечи его реформаціи. Предъ лицомъ всей Германіи, Лютеръ умывалъ свои руки въ знакъ неповинности въ крови праведника; онъ ставилъ его живой укоризной «римскому антихристу» и именемъ Гуса безпощадно бичевалъ всю латинскую церковь. Отъ Лютера до нашихъ временъ Германія постоянно хранила уваженіе къ личности Гуса; но въ новѣйшее время ему суждено было пройти чрезъ новое униженіе. Оторванный отъ единства съ народомъ, волей и неволей отрекшимся отъ родного сокровища, Гусъ явился лицомъ служебнымъ, поставленнымъ отъ Провидѣнія для того, чтобы достойнѣе приготовить явленіе Лютера, чтобы очистить путь великому реформатору XVI стол. Новѣйшая нѣмецкая школа признала ученіе Гуса неразвившимся протестантизмомъ, уче[illegible]вангельскимъ въ зародышѣ, со всѣми недостатками и

противорѣчіями младенческаго разумѣнія вѣры. Всѣ изслѣдователи, вся историческая школа провозгласила какимъ-то лютераниномъ того, кого Лютеръ ставилъ на ряду съ апостолами, самого себя смиренно называя гуситомъ.

Но судъ исторіи правдивъ и неложенъ; исполнились надъ Гусомъ его собственныя слова: «истина все побѣждаетъ»; и судъ исторіи сказался: въ день пятисотлѣтія Гуса, все славянское племя, оживотворенное сознаніемъ единства, весь православный Востокъ, нерушимо хранящій истину, соединяется въ одну семью на братское празднованіе торжества истины.

Желаніе принять посильное участіе въ этомъ православно-славянскомъ празднествѣ вызвало настоящій трудъ. Воскресить величавый образъ Яна Гуса, предоставивъ ему самому высказать свои убѣжденія и взгляды, на сколько они были имъ изложены въ письмахъ, писанныхъ 500 лѣтъ назадъ, рукою, ослабѣвшею отъ тяжелыхъ цѣпей—такова была задача, которую имѣлъ въ виду переводчикъ. Тѣ четыре письма Гуса, которыя теперь впервые предлагаются въ русскомъ переводѣ, справедливо были названы «торжественною отходною» христіанскаго мученика. Выборъ этихъ четырехъ писемъ сдѣланъ Лютеромъ; изданная имъ болѣе 300 лѣтъ назадъ брошюра возстановлена возможно точно: пусть Германія узнаетъ, какъ отзывался о Гусѣ лучшій изъ ея сыновъ, какою желчью кипѣлъ Лютеръ противъ тѣхъ, что̀ казнили великаго чеха за исповѣданіе существеннаго догмата христіанской религіи. Цѣль, для которой Лютеръ издалъ эти письма Гуса, и русскій ихъ переводъ, появляющійся предъ созваніемъ вселенскаго собора папою Піемъ IX, составляютъ не болѣе, какъ случайное совпаденіе, хотя и не лишенное, быть можетъ, нѣкотораго интереса.

Введеніе не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; составитель его имѣлъ въ виду напомнить то, что ему казалось достойнымъ напоминанія въ день пятисотлѣтія Гуса.

ВВЕДЕНІЕ.

Истекало первое тысячелѣтіе со времени греко-славянской проповѣди свв. Кирилла и Меѳодія, когда словакъ Штуръ, гонимый мадьярами и преслѣдуемый нѣмцами за глубину и силу своихъ вѣрованій въ будущность славянства, пророческимъ голосомъ завѣщевалъ всему славянскому міру видѣть въ православіи главное начало, объединяющее славянскіе народы, и самый надежный оплотъ отъ чужеземнаго, преимущественно нѣмецкаго, порабощенія. Передъ закатомъ своей страдальческой жизни, Людевитъ Штуръ обратился къ славянскому міру съ патріотическою рѣчью, которую заканчивалъ слѣдующими строками:

«О, возвратись къ намъ снова, святая церковь нашихъ отцовъ, подавшая нашимъ племенамъ первое благословеніе съ высотъ Нитры, Велеграда и Вышеграда! Нѣкогда ты уже была готова духовно объединить всю нашу народную семью. Вознеси сердца наши къ Непреходящему и укрѣпи нашъ духъ для исполненія нашего высокаго призванія! Почти всѣ наши племена, чехи и словаки, поляки и хорваты, были уже въ твоемъ лонѣ, мать славянъ, и лишь только утвердилось господство чужеземцевъ, постаралось оно о твоемъ изгнаніи и о введеніи на твое мѣсто чужой католической церкви, которая закрѣпила чужеземное надъ ними господство и отдала ихъ въ добычу иноплеменникамъ. Да и нынѣ подкапывается оно подъ тебя, гдѣ ты у себя дома; но оно скоро падетъ, а ты говоришь будущему и руководишь живымъ даровитымъ народомъ, вполнѣ отвѣчая его духу и призванію. Едва лишь будетъ

сломлено и свержено это ненавистное иго, какъ сердца славянъ возликуютъ съ тобою и радостно потекутъ къ тебѣ благостной» [1]).

Исторія греко-славянской церкви, судьба православія въ западно-славянскихъ земляхъ заключаетъ въ себѣ секретъ всей исторической жизни западно-славянскихъ народовъ, въ особенности же чеховъ Исторія Чехіи непонятна безъ исторіи тѣхъ православныхъ сѣмянъ, что были посѣяны въ ней проповѣдью свв. Кирилла и Меѳодія, политы кровью свв. Людмилы и Вячеслава, и освящены огнемъ тѣхъ костровъ, на которыхъ были сожжены Янъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій. Эпоха реформаторскаго движенія Чехіи въ XV стол., запечатлѣнная жизненною дѣятельностью и мученическою смертью Яна Гуса, «когда чешскій народъ позвалъ на судъ римское духовенство и свою собственную латино-нѣмецкую гражданственность», эта эпоха, со всею ея историческою, міровою многозначительностью, объясняется лишь присутствіемъ православной стихіи въ историческомъ организмѣ чешскаго народа.

Поучительна въ высшей степени и многознаменательна страдальческая исторія несчастной Чехіи. «Конечно, каждому историческому народу суждено положить свой участокъ въ великую книгу страданій падшаго Адама; но чехи преимущественно предъ другими оросили слезами и кровью лучшія страницы своей исторіи. Чехія представляется намъ теперь

---

[1]) Рѣчь Людевита Штура, написанная на нѣмецкомъ языкѣ, издана въ русскомъ переводѣ *В. И. Ламанскимъ*, въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» (1867, кн. первая, стр. 1—191), подъ заглавіемъ: «Славянство и міръ будущаго». Въ небольшомъ предисловіи, переводчикъ справедливо говоритъ, что «это сочиненіе съ необычайною ясностью ставитъ и разбираетъ самые коренные и жгучіе вопросы относительно всѣхъ славянскихъ племенъ *безъ изъятія*»; но эта рѣчь Штура, кромѣ своего всеславянскаго значенія, имѣетъ особенный интересъ для насъ, русскихъ, такъ какъ «мысль о внѣшнемъ сближеніи славянскихъ племенъ съ Россіею и объ общеславянскомъ значеніи русскаго языка» была основнымъ убѣжденіемъ Л. Штура; ею проникнуто все его сочиненіе. Въ приведенной нами въ текстѣ выпискѣ, подъ «живымъ, даровитымъ народомъ» разумѣется народъ русскій.

обширною могилою знаменитыхъ лицъ и событій, погребенныхъ со славою на кладбищѣ всемірнаго дѣеписанія. Въ этой обители мира она долго покоилась тяжелымъ сномъ, навѣяннымъ на нее бурными вѣками протекшей жизни, истощившей ея духовныя силы; лишь на нашихъ глазахъ начинается въ Чехіи пробужденіе. Но за 500 лѣтъ тамъ разыгрывалась высокоторжественная драма жизни народа въ цвѣтущую пору его зрѣлаго мужества; на Констанцкомъ соборѣ рѣшалась задача всего прошедшаго и будущаго великаго племени, и Европа съ любопытствомъ слѣдила за изумительнымъ единоборствомъ воинственной горсти съ соединенными силами цѣлаго Запада».

Пятисотлѣтнее празднованіе памяти Яна Гуса снова приковываетъ вниманіе всей Европы къ великому образу великаго мученика и воскрешаетъ въ нашей памяти минувшія судьбы чешскаго народа. Какъ самая личность Гуса, такъ равнымъ образомъ его дѣятельность и послѣдующая судьба гуситскаго движенія могутъ быть поняты лишь въ связи съ непрерывною преемственностью греко-восточныхъ преданій въ Чехіи [1]).

Православіе составляло нѣкогда первоначальное исповѣданіе всѣхъ славянскихъ племенъ. Первые начатки христіанской вѣры занесены къ хорватамъ, словенцамъ и моравамъ изъ западной церкви; но полное торжество христіанства со-

[1]) Вопросъ о преемственности греко-восточныхъ преданій въ Чехіи отъ временъ свв. Кирилла и Меѳодія до гуситской эпохи составляетъ одинъ изъ коренныхъ вопросовъ чешской исторіи. Какъ извѣстно, *Ф. Палацкій* отвергаетъ всякое вліяніе греко-восточныхъ преданій на религіозное развитіе чеховъ (F. Palacky, Gesch. von Böhmen, III, 157). По этому поводу *В. Елагинъ* напечаталъ особую статью «объ исторіи Чехіи Франца Палацкаго» (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс., 1848, № 7, стр. 1—44), въ которой впервые въ Россіи, на русскомъ языкѣ, печатно высказано мнѣніе о непрерывности греко-восточныхъ преданій въ Чехіи отъ временъ свв. Кирилла и Меѳодія до Яна Гуса. Почти одновременно съ небольшимъ трудомъ Елагина появилось болѣе обширное изложеніе того же вопроса, составленное *Е. Новиковымъ*, извѣстнымъ авторомъ лучшаго труда о «Гусѣ и Лютерѣ», подъ заглавіемъ: «Православіе у чеховъ» (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1848, № 9, стр. 1—94).

вершилось у нихъ лишь съ появленіемъ свв. Кирилла и Меѳодія, да и самое начало ихъ обращенія совпадаетъ со временемъ церковнаго единенія Запада съ Востокомъ. Но булгары, сербы, русскіе, чехи и поляки были искони духовными чадами византійской церкви. Изъ Булгаріи и Моравіи распространилась славянская литургія по всѣмъ сосѣднимъ вѣтвямъ славянскаго племени; только Польша и Чехія приняли крещеніе непосредственно изъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія. О Польшѣ это извѣстно изъ паннонскаго житія св. Меѳодія; въ польскихъ церковныхъ молитвахъ Кириллъ и Меѳодій до сихъ поръ называются просвѣтителями польской земли. Чехія, до появленія въ ней Солунскихъ братьевъ, оставалась страною языческою и крещеніе нѣсколькихъ чеховъ въ 845 году, какъ явленіе частное, вынужденное политическою необходимостью, не имѣло никакого вліянія на убѣжденія народа [1]). Чешскій князь Боривой былъ крещенъ паннонскимъ архіепископомъ Меѳодіемъ, по единогласному показанію всѣхъ источниковъ и въ особенности Козьмы Пражскаго, который, какъ католикъ, врагъ православія и славянской литургіи, охотно умолчалъ бы о Меѳодіи, если бы апостольскіе труды его въ Чехіи не были извѣстны всѣмъ современникамъ. Св. Кириллъ посѣтилъ Чехію въ 867 году, въ лютомышльскомъ храмѣ св. Климента положилъ мощи св. папы и трудился въ Чехіи вмѣстѣ съ братомъ надъ распространеніемъ свѣта евангельской истины [2]). Единство вѣры и языка въ Чехіи и Россіи IX стол. доказывается не только извѣстнымъ мѣстомъ русской лѣтописи Нестора [3]), но и чешскою риѳмованною хроникою Далимила, въ которой Меѳодій называется «русскимъ архіепископомъ» [4]). Труды св. Меѳодія въ Чехіи не остались безъ послѣдствій; поэтическая же религія древнихъ

[1]) Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители, въ Чтеніяхъ 1846, № 9, стр. 11, прим. 22. *Gr. Valer Krasinsky*, Gesch. der Reform. in Polen, S. 5.

[2]) *Safarik*, Slow. Starož., 779, 59; 810, 72.

[3]) Лаврент. Лѣт., подъ 6406 годомъ, изд. Арх. Ком., стр. 11

[4]) Ten arcibiscup Rusin bieše, mši swatau Slowensky slúžiese.

славянъ, при всей относительной чистотѣ своей, не могла устоять противъ слова евангельскаго, возвѣщаемаго мирными проповѣдниками на родномъ языкѣ, и тѣмъ легче могла переселиться въ христіанскую вѣру, что имѣла къ ней, быть можетъ, тайное сочувствіе и соотношеніе. Къ концу царствованія Боривоя, православіе уже процвѣтало въ Чехіи: «христіанская вѣра, насажденная Кирилломъ, приверженцемъ греческой церкви, по обряду не римскому, а греко-восточному, съ каждымъ днемъ возрастала среди непрерывныхъ гоненій язычниковъ, и производила благотворное вліяніе на убѣжденія народа» [1]). Это были начатки, которымъ суждена была тяжелая борьба съ латинствомъ. «Во времена моравскаго епископа св. Меѳодія, свѣтъ евангельскій впервые просвѣтилъ чеховъ; но не безъ креста посылаетъ его распятый Христосъ, собственною кровью основавшій церковь», говорятъ составители *Исторіи тяжкихъ страданій чешской церкви* [2]), и послѣдующія событія давали имъ право высказать необходимость страданій за истину.

Въ 894 г. умираетъ Боривой; Людмила удаляется отъ шума двора. При Спитигнѣвѣ (894 — 912), совершается, не безъ сильныхъ потрясеній, важное событіе, обусловившее во всей послѣдующей исторіи Чехіи борьбу двухъ началъ, православнаго и католическаго: вслѣдствіе вторженія венгровъ, разорвавшихъ непрерывную связь славянскихъ племенъ отъ лѣсовъ Чешской земли до береговъ Чернаго моря, Спитигнѣвъ отдался подъ покровительство нѣмецкаго императора Арнульфа, что на средневѣковомъ языкѣ равнялось подчиненію не только политическому, но и религіозному. Храмъ Петра и Павла, построенный при Спитигнѣвѣ, былъ первымъ

---

[1]) *Stransky*, Resp. Boh., cap. 6, p. 269.

[2]) Чешскій переводъ этой книги изданъ *Амосомъ Коменскимъ*.— Hystoria o těžkých protiwenstwich Cýrkwe České. Латинскій подлинникъ напечатанъ въ 1648 г. Книга переведена на англійскій и французскій языки; неужели не найдется переводчика на русскій?

проявленіемъ латинскаго начала въ Чехія. Вратиславъ (912—926), братъ и преемникъ Спитигнѣва, еще поддерживаетъ равновѣсіе между тѣми двумя началами; его мать, Людмила, является еще представительницею православія въ Чехіи, но уже падаетъ подъ ударами гоненія язычницы Драгомиры, супруги Вратислава [1]). Внукъ Людмилы, король Вячеславъ, возросшій на попеченіи своей православной бабки, открываетъ собою рядъ государей, приверженныхъ къ католицизму. Данникъ нѣмецкаго короля Генриха I, Вячеславъ дозволилъ нѣмецкимъ священникамъ свободный входъ въ Чехію: «какъ пчелы въ улья,—говоритъ его современный біографъ,—устремились священники и служители Божіи къ христолюбивому князю изъ Баваріи, Швабіи и другихъ областей, принося съ собою множество мощей святыхъ, съ обширными книгохранилищами, и получали благосклонный пріемъ, осыпаемые благодѣяніями». Тѣмъ не менѣе, особыя обстоятельства жизни и мученичество Вячеслава сосредоточили около него православныя воспоминанія, окружили его народною любовью и его святой образъ проходитъ чрезъ всю чешскую исторію [2]).

Со времени Вячеслава, съ половины X стол., исторія Чехіи раздвояется; въ ней можно услѣдить какъ бы два церковно-религіозные потока: съ одной стороны—государи, дворянство и высшее духовенство отдаются всецѣло западной, латинской церкви, которая становится какъ бы государственною религіею Чехіи; съ другой—народъ и низшее духовенство свято хранятъ въ себѣ и оберегаютъ отъ внѣшняго гнета преданія греко-восточной церкви. Въ Чехіи, по словамъ Странскаго, одни слѣдовали обряду латинскому, другіе—греческому: «дво-

[1]) Въ Четьи-Минеѣ митрополита Макарія, подъ 16 сентября: «св. мученицы Людмилы, бабы св. Вячеслава». Значитъ, у митрополита Макарія, въ XVI вѣкѣ, были подъ руками источники, изъ которыхъ взято преданіе о Людмилѣ. Оглавленіе Четій-Миней, въ Чтеніяхъ, 1847, № 4, стр. 4.

[2]) Въ оглавленіи Четій-Миней (ibid., стр. 6): «28 сентября, св. Вячеслава, князя Чешска».

рянство, вступившее въ непрерывныя сношенія съ нѣмцами, оставило вѣру отцовъ, и лишь народъ, дорожившій своими преданіями, остался при греко-восточныхъ обрядахъ» [1]). Борьба этихъ двухъ началъ, борьба слишкомъ неравная, составляетъ внутреннее содержаніе чешской исторіи; лѣтописи и хроники, преимущественно латинскіе, не оставили намъ указаній того народнаго потока чешской жизни въ средніе вѣка, который позже вызвалъ изъ народа Яна Гуса и въ теченіе многихъ лѣтъ давалъ кровавую пищу гуситскимъ волненіямъ; какъ православное начало въ Чехіи, такъ и борьбу его съ католическимъ началомъ можно прослѣдить лишь по немногимъ, скуднымъ указаніямъ, не всегда, впрочемъ, отрицательнаго только характера.

Во второй половинѣ X стол., главнѣйшими двигателями католичества въ Чехіи является Млада, сестра короля Болеслава II (967—999) и Войтѣхъ, второй пражскій епископъ. Млада ѣздила въ Римъ, гдѣ окончательно укрѣпилась въ догматахъ западной церкви, и привезла отъ папы Іоанна XIII буллу, въ силу которой въ Прагѣ учреждалась особая епископская каѳедра, «впрочемъ,—какъ сказано въ буллѣ,—не по обрядамъ племени булгарскаго, или Руси, или славянскаго языка, но по уставамъ и постановленіямъ апостольскимъ». Изъ этихъ словъ буллы видно, что греко-восточные обряды были настолько сильны въ Чехіи, что папа считаетъ необходимымъ оградить отъ нихъ самое устройство новой епархіи. Въ жизнеописаніи Войтѣха, въ разсказахъ латинскаго біографа о борьбѣ его съ язычествомъ въ Чехіи, ясно выступаетъ присутствіе въ Чехіи греко-восточной стихіи: такъ, въ числѣ языческихъ обрядовъ упоминается бракъ священниковъ, обычай чисто православный. Чехи до того ненавидѣли Войтѣха, что отказались принять его въ третій разъ и убили четырехъ его братьевъ, совершавшихъ латинское богослуженіе.

[1]) Stransky, l. c., p. 271.

Это избіеніе приверженцевъ латинства совершилось въ 995 г., и такимъ образомъ на самомъ концѣ X стол. народное начало снова торжествуетъ въ Чехіи Къ этому именно времени сочинители «исторіи тяжкихъ страданій чешской церкви» относятъ начало борьбы чеховъ съ римскимъ духовенствомъ, и, вслѣдъ за разсказомъ о мученичествѣ Войтѣха, прибавляютъ: «Освободившись такимъ образомъ отъ суевѣрій языческихъ, чешская земля начинаетъ воевать съ суевѣріями римскими, ибо чехи пріяли свою вѣру отъ моравлянъ, а моравляне отъ грековъ. Около того же времени римскій епископъ началъ гордо господствовать надъ другими церквами, желая привести всѣхъ къ принятію римскихъ обычаевъ и церемоній, тогда уже вполнѣ языческихъ. И чеховъ принуждалъ къ такимъ же вещамъ, какими не мало была огорчена благочестивая мысль многихъ мужей, особливо же къ употребленію латинскаго языка въ богослуженіи, къ безбрачію священниковъ, а вскорѣ затѣмъ и къ принятію Вечери Господней подъ однимъ видомъ. Мы повѣдаемъ извѣстія, которыя находимъ о томъ въ исторіи, ибо это было начало *воспламененія* чеховъ, это были первыя искры, изъ которыхъ потомъ, во времена Гусовы и послѣдующія, загорѣлся великій огонь [1]).

Въ XI стол., когда католичество распространилось по всей западной Европѣ, гонимое православіе все еще довольно сильно сказывается въ чешской жизни. Элементъ православія нашелъ въ XI вѣкѣ, между прочимъ, сильнаго себѣ защитника въ чешскомъ князѣ Брячиславѣ I (1037—1055), который былъ другомъ не только славянской народности, но и православной вѣры, что въ то время начало уже разъединяться: такъ, его преемникъ Спитигнѣвъ II былъ заклятымъ врагомъ нѣмцевъ и ревностнымъ защитникомъ католицизма. Брячиславъ хотѣлъ, какъ кажется, возстановить древнее епископство Ме-

[1]) Елагинъ, l. s. c., стр. 26.

оодія [1]) и, какъ то достовѣрно извѣстно [2]), плакалъ, послѣ завоеванія Моравіи, на священной почвѣ, *гдѣ началось христіанство*, желая возстановить въ Оломуцѣ старинную церковь св. Климента, освященную солунскими братьями. Во второй половинѣ XI стол., при Спитигнѣвѣ II, нѣмцы были изгнаны изъ Чехіи, что еще болѣе утвердило народную стихію и она дошла до такой силы, что папа Александръ II тщетно стремился воспретить чехамъ употребленіе славянскаго языка при богослуженіи [3]). На рубежѣ двухъ столѣтій, въ 1100 году, при погребеніи чешскаго князя Брячислава II, въ краткой, но краснорѣчивой надгробной рѣчи, сказанной однимъ изъ духовныхъ лицъ, упоминаются два греческихъ слова,—произносившій ихъ принадлежалъ къ скуднымъ остаткамъ греко-славянскаго духовенства. Исторія православія въ Чехіи XI стол. тѣсно связана съ исторіею Сазавскаго монастыря, который былъ главнымъ центромъ славянскаго богослуженія и является послѣднею, блестящею развалиною православія въ Чехіи того времени. Въ теченіе 70 лѣтъ, славянское богослуженіе жило въ Сазавской обители, узаконенное римскимъ престоломъ, до самаго 1097 года, когда сильное вмѣшательство папы Григорія VII въ церковныя дѣла Чехіи и убійственное для народнаго начала княженіе Брячислава II (1092—1100) уничтожили навсегда это тихое убѣжище славянскаго богослуженія и православной вѣры: славянскіе монахи были изгнаны и аббатъ Дитгардъ утвердилъ торжество латинской мессы на развалинахъ православнаго богослуженія. Лѣтописецъ коротко упоминаетъ объ этомъ: «тогда исполнилось слово евангельское—поражу пастыря и разыдутся овцы стада; книги ихъ языка истреблены и разсѣяны, и никогда болѣе не будутъ возглашаться на этомъ мѣстѣ».

Въ XII вѣкѣ православныя воспоминанія въ Чехіи крайне

[1]) Palacky, l. c., I, 278, Anm. 87. [2]) Ibid. I, 272, Anm. 80.

[3]) *Lenfant.* Hist. de concile de Bâle, 1731, I, 1, p. 8. На всѣ сочиненія Ланфана (кромѣ названнаго, также Hist. du concile de Pise, 1724, и Hist. du ... de Constance, 1727) Римъ наложилъ запрещеніе (index).

скудны и заключаются лишь въ общеславянской, народной молитвѣ: Hospodine, pomiluj ny! которая упоминается два раза въ латинской хроникѣ Козьмы Пражскаго: въ 1109 году, по смерти Святополка, убитаго рукою измѣнника въ станѣ Генриха V, на войнѣ съ Болеславомъ, королемъ польскимъ, вѣрный слуга убитаго князя, графъ Вацекъ, просилъ императора назначить чешскимъ княземъ Оттона, брата убитаго; Генрихъ согласился, и «глупый» [1]) народъ трижды, прокричалъ въ своемъ лагерѣ: Господи помилуй! и въ 1121 году, когда, по убѣжденію чешскаго народа, краткая молитва: Господи помилуй! доставила побѣду Собѣславу надъ королемъ Лотаремъ въ Хлумскомъ (Кульмскомъ) сраженіи. Кромѣ этихъ двухъ указаній, есть еще цѣлый рядъ явленій, указывающихъ на занимающій насъ вопросъ: въ Чехіи проявляется усиленное стремленіе къ Востоку, болѣе частое сношеніе чеховъ съ Россіею [2]) и Византіею [3]), которое можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что въ XII вѣкѣ, съ уничтоженіемъ Сазавской обители, въ Чехіи прекращается общественное богослуженіе съ обрядами греческими, и чехи обращаются къ самимъ источникамъ грекославянской обрядности — въ Константинополь, Кіевъ, Новгородъ...

XIII стол. представляетъ намъ полное торжество католичества въ Чехіи. Царствованіе Вячеслава II (1230—1253) есть время глубокаго паденія славянской народности и совершенной покорности папскому престолу. Какъ нѣкогда въ X стол. Млада, сестра Болеслава, такъ въ XII вѣкѣ Агнеса, сестра Вячеслава, является связующимъ звѣномъ между Римомъ и Чехіею. Вячеславъ пишетъ черезъ нее папѣ: «Испол-

---

[1]) Козьма Пражскій, всегда придаетъ народу подобные эпитеты; populus simplicior, idiota, insipiens.

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. II, 458, пр. 282; II, 188; Новгор. Лѣт., изд. Арх. Ком., стр. 9; Кіев. Лѣт., изд. Арх. Ком., стр. 45; Palacky, l. c. I, 400, 427, 457.

[3]) Palacky, l. c. I, 407, 413, 428, 450, 451. Contin. Cosmae. Scr. rer. Bohem., I, 27.

няя желаніе сестры моей, ты святѣйшій отецъ, *во всѣхъ отношеніяхъ* подчинишь меня своей власти, потому что я люблю сестру свою, какъ жену, дѣтей и всѣ блага міра, даже болѣе кого бы то ни было изъ смертныхъ». Лучшій изъ королей чешскихъ питаетъ глубокое отвращеніе ко всему православному Востоку! Между тѣмъ, это именно XIII стол. имѣетъ особенное значеніе, какъ для гуситства, которое было вызвано преимущественно запрещеніемъ причащать мірянъ подъ обоими видами, такъ и по вопросу о греко-восточныхъ преданіяхъ въ Чехіи, который проясняется появленіемъ сектъ.

Въ 1215 году, постановленіемъ Латеранскаго собора, римская церковь уничтожила чашу для мірянъ; но въ Чехіи причащеніе подъ обоими видами доводитъ православный вопросъ до самого Гуса. Хотя въ источникахъ нѣтъ указаній на этотъ догматъ въ XIII стол., но религіозныя событія въ XIV столѣтіи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ непрерывномъ его существованіи въ Чехіи; слѣдовательно, въ Чехіи былъ особенный рядъ православныхъ священниковъ, удержавшихся, не смотря на усилія западной церкви. При этомъ соображеніи получаетъ особую важность свидѣтельство Странскаго, который дѣлитъ все церковное управленіе на двѣ іерархіи, латинскую и греческую, при чемъ называетъ по именамъ православныхъ священниковъ [1]).

Въ XIII стол. вся Чехія наполняется еретиками, дѣлается главнымъ убѣжищемъ ересей, гонимыхъ западною церковью. По просьбѣ Премысла Оттокара II, папа Александръ IV прислалъ въ 1257 году инквизиторовъ въ Чехію, для уничтоженія еретиковъ [2]). Изъ всѣхъ сектъ, порожденныхъ западною церковью, три секты по преимуществу посѣтили Чехію — вальденцы, флагелланты (хлыстовщики) и бегарды, бегунны или пикарды. Не касаясь отношеній этихъ сектъ къ православію, какъ вопроса, не разрѣшеннаго еще наукою, обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что эти секты не

---

[1]) Stransky, l. c., p. 304. [2]) *Raynaldi*, Ann. Eccl., XVI, p. 29.

могли бы избрать Чехію постояннымъ мѣстопребываніемъ, еслибъ въ ней умолкли протесты противъ католичества, еслибъ въ ней не было элементовъ, враждебныхъ латинской церкви. Что главнѣйшимъ изъ такихъ элементовъ было именно православіе, можно заключить изъ распространенія въ Чехіи вальденцевъ и катаровъ: въ ученіи этихъ двухъ сектъ очень много сходнаго съ ученіемъ греко-восточнымъ и вальденцы нашли въ православномъ ученіи чеховъ какъ бы отзвукъ своихъ собственныхъ вѣрованій.

Въ XIV стол., преимущественно же съ царствованія Карла IV, не смотря на молчаніе лѣтописей, становится уже легко прослѣдить раздѣленіе чешскаго народа на двѣ группы, католическую и православную, такъ какъ теперь православіе въ Чехіи приходитъ въ сознаніе своей силы, охватываетъ большую часть народа и все громче требуетъ себѣ права гражданства, при чемъ отличіе его отъ католичества все рѣзче и рѣзче выступаетъ наружу.

Римская церковь, утвердившая престолъ свой въ той славянской землѣ, которую современники съ гордостью называли разсадникомъ человѣческой и божественной мудрости, образцомъ христіанской религіи [1]), римская церковь носила въ себѣ самой зародыши паденія. Ослѣпленные внѣшнимъ великолѣпіемъ, католики не замѣчали той внутренней порчи, которая медленно, но съ ужасною силою заражала внутренность больного тѣла и подтачивала его жизненныя силы. При внѣшнемъ богатствѣ исчезаетъ внутренній духъ христіанства; роскошь становится общею язвою католическаго духовенства [2]). Государственныя отношенія вторгаются въ церковь: пражскіе владыки мѣняютъ страннической посохъ миссіонера Войтѣха на мечъ императорскихъ ленниковъ. Всѣ великія

[1]) *Cochlaei*. Historia Hussitarum, p. 264.

[2]) *Theobald*. Hussitenkrieg. 152 156, разсказываетъ о трехъ подземельяхъ, которыя игуменъ Опатовицкаго монастыря показывалъ Карлу IV: одно было наполнено золотомъ, другое—серебромъ, третье драгоцѣнными каменьями.

вѣрованія, вынесенныя западною церковью изъ одного источника съ православіемъ, нисходятъ на степень обрядовъ: законъ милосердія подчиняется строгимъ формуламъ благотворительности; размножается поддѣлка святыхъ и мощи святыхъ разносятся на торжищахъ алчными монахами; продажа индульгенцій усиливается; почитаніе святыхъ доходитъ до грубаго суевѣрія; новые угодники создаются мановеніемъ папы; строгая иконопись въ суровомъ византійскомъ стилѣ принимаетъ характеръ пластической чувственности и иконы замѣняются статуями съ изящными формами человѣческаго тѣла... Кровавыя распри между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ отвращаютъ вниманіе Рима отъ православной стихіи въ Чехіи, которая сильно трудится надъ возстановленіемъ народнаго начала.

Православные чехи, меньшая, гонимая часть чешскаго народа, сохранили чистоту евангельскаго ученія и регулировали по ней жизнь свою. Современники не безъ основанія называли чеховъ народомъ *по преимуществу христіанскимъ* и восхваляли ихъ религіозный характеръ: суровый католикъ, папа Мартинъ V, отзывался о нихъ какъ о вѣрнѣйшихъ хранителяхъ евангельскаго ученія. Дѣйствительно, во времена феодальнаго варварства чехи могли служить образцомъ для западнаго человѣчества и считаться драгоцѣннѣйшимъ камнемъ въ тіарѣ римскаго первосвященника, еслибъ Римъ могъ понимать всю духовную силу православія, воодушевлявшаго чеховъ. Говоря о православіи у чеховъ въ XIV стол., считаемъ нужнымъ оговориться: Чехія того времени не сохранила *чистаго* ученія восточной церкви: явные приверженцы греко-славянскаго церковнаго преданія были рѣдки: но, тѣмъ не менѣе, западная церковь, римская вѣра не была въ Чехіи того времени не только всенародною, она не была даже просто народною: народъ жилъ иною вѣрою и иною жизнью, не умѣстившеюся въ латинской вѣрѣ и латинской образованности, не упомянутой въ латинскихъ памятникахъ, долго таившеюся

подъ наружными формами западной образованности и, наконецъ, проложившею себѣ широкій путь къ самостоятельному развитію въ эпоху Гуса и гуситства [1]). Въ началѣ XIV стол. православіе является въ Чехіи въ обширныхъ размѣрахъ,—народъ, духовенство и бо́льшая часть дворянства исповѣдуютъ уже вѣру отцовъ своихъ: на это указываетъ загадочное извѣстіе лѣтописца подъ 1301 годомъ: «Приходскіе священники были наемники, а не пастыри; они служили обѣдни и преподавали церковныя таинства по власти своихъ покровителей» [2]). Епископъ желалъ лучше подвергнуть жизнь свою опасности, чѣмъ терпѣть такія беззаконныя дѣйствія; онъ возсталъ противъ короля и вельможъ, увѣщевая ихъ не подвергать себя и своихъ подданныхъ вѣчному осужденію, и отставилъ священниковъ. Тогда одинъ изъ вельможъ, въ порывѣ негодованія и злобы, сказалъ ему въ присутствіи многихъ дворянъ: «мы скорѣе перейдемъ снова къ язычеству, чѣмъ согласимся на твои требованія!» Въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи высказался тайный намекъ на причащеніе подъ обоими видами и на славянское богослуженіе, совершавшееся уже открыто подъ покровительствомъ сильныхъ вельможъ. Необходимость родного языка при богослуженіи до того сильно проникла въ убѣжденія народа, что вынудила основаніе славянскаго монастыря: Эммаусская обитель была основана императоромъ Карломъ IV, который, въ новомъ своемъ уложеніи (Majestas Carolina), провозглашалъ католическую вѣру единственною религіею въ Чехіи, присуждалъ еретиковъ и ослушниковъ западной церкви къ изгнанію, даже къ костру, и облекалъ не только духовныя, но и свѣтскія лица въ страшныя права инквизиціи! Что въ Эммаусскомъ монастырѣ сохранялось причащеніе подъ обоими видами, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: «при входѣ въ церковь, находишь поверхъ купели знаменательную

[1]) Прекрасную постановку этого вопроса см. Елагинъ, l. c., стр. 10.

[2]) Т.-е. богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ по греческому обряду, и причащеніе подъ обоими видами.

надписк: эта церковь монастыря славянскаго католиковъ *подъ обоими...* послѣднія слова нѣсколько стерлись».

Вся послѣдняя четверть XIV стол. отличается необыкновенною дѣятельностью во всѣхъ сословіяхъ чешскаго общества. Борьба между католическимъ и православнымъ началомъ, веденная въ Чехіи въ теченіе вѣковъ, близится къ развязкѣ. Чехія наполняется ересями; защитники православія явно отказываются отъ участія въ латинскомъ богослуженіи; по всѣмъ концамъ Чехіи происходятъ кровавыя сцены, предвѣстники ужасовъ таборитскихъ. «Вѣра и любовь исчезли,—говоритъ лѣтописецъ,—люди предались удовольствіямъ міра, перестали покланяться Богу и святымъ». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду моровая язва опустошаетъ Чехію... Среди народныхъ бѣдствій, православіе вступаетъ въ открытую борьбу съ католичествомъ; чѣмъ ниже падаетъ римское духовенство, тѣмъ сильнѣе выступаютъ представители православнаго начала, бывшаго въ Чехіи началомъ народнымъ, тѣмъ опредѣленнѣе формулируютъ они свои требованія и настойчивѣе идутъ къ своей цѣли. XIV столѣтіе представило цѣлый рядъ такихъ передовыхъ людей Чехіи, рядъ непрерывный настолько, что въ годъ смерти Конрада Щекны (Conradus de Sczekna) [1]) рождается Янъ Гусъ. Въ числѣ сторонниковъ перваго и предшественниковъ [2]) второго обращаютъ на себя осо-

[1]) Его обыкновенно смѣшиваютъ или съ Конрадомъ Вальдгаузеномъ, который умеръ тоже въ 1369 г., или съ Яномъ Штѣкною (Jan ze Stèkna).

[2]) Австрійская цензура не дозволила Палацкому напечатать небольшой его трудъ о «предшественникахъ гуситства», написанный имъ на чешскомъ языкѣ и еще въ 1842 г. читанный въ Чешскомъ ученомъ Обществѣ, вслѣдствіе чего онъ появился нѣсколько лѣтъ позже отдѣльною брошюрою, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Лейпцигѣ, съ подписью Іордана, какъ автора: *Dr. J. P. Jordan.* Die Vorläufer der Husitenthums in Böhmen, Leipzig. 1846. Въ брошюрѣ разсматриваются четыре предтечи Гуса: Конрадъ Вальдгаузенъ (Conradus in Waldhausen, котораго Е. Новиковъ, въ указанномъ выше трудѣ, неправильно пишетъ *Вальдгаузеръ*), Миличъ (Milič Kroměříže), Матвѣй изъ Янова (Matthias de Janow) и Янъ Штѣкна (Jan ze Stèkna). Ф. Палацкій, въ своей чешской исторіи, посвятилъ нѣсколько страницъ біографіи Милича, при

бенное вниманіе реформаторскимъ направленіемъ своей дѣятельности два славянина—моравъ Миличь и чехъ Матвѣй Парижскій [1]).

Янъ Миличь Кремзирскій [2]) (Milič Kroměříže), секретарь и вицеканцлеръ чешскаго короля и императора Карла IV, отличался своимъ благочестіемъ, проявлявшимъ окраску аскетической строгости; онъ носилъ нерѣдко вериги, желѣзныя цѣпи на голомъ тѣлѣ. Его, какъ и многихъ въ то время, возмущала крайняя распущенность корыстолюбиваго латинскаго духовенства и занимала идея «быть послѣдователемъ Христа въ благовѣствованіи Евангелія въ бѣдности и смиреніи». Дворъ одного изъ самыхъ роскошныхъ императоровъ, съ его утонченнымъ развратомъ и грубымъ индифферентизмомъ, сталъ невыносимъ для Милича: онъ отказался отъ всѣхъ своихъ почестей и имѣній, покинулъ столицу и удалился къ своимъ православнымъ братьямъ, которые не смѣли еще показаться въ Прагѣ, но уже близко подступали къ ней. По возвращеніи въ Прагу, Миличь говоритъ къ народу проповѣди на чешскомъ языкѣ, при чемъ его моравское произношеніе вызываетъ въ слушателяхъ сначала улыбку, даже насмѣшку, но скоро внутренній смыслъ проповѣди взялъ верхъ надъ внѣшнею странностью произношенія, и Миличь, удовлетворяя требованію народа, долженъ былъ проповѣдывать по нѣскольку, нерѣдко по пяти разъ въ день. Его проповѣдь была сурова: нападая на пороки духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, онъ не щадилъ никого и однажды доказывалъ императору въ глаза, что

чемъ онъ пользовался неизданнымъ еще жизнеописаніемъ его, составленнымъ Матвѣемъ Парижскимъ (Geschichte von Böhmen, III, S. 164–173). См. Jordan, l. c., S. 18—46.

[1]) Жизнь Милича до того искажена католическимъ писателемъ Бальбиномъ (Miscell., lib. IV, parte 2, pag. 44–64), который умышленно утаиваетъ его православный характеръ, что только ощупью можемъ добраться до истины. Сочиненія же Матвѣя, его послѣдователя, досель лежатъ неизданными въ библіотекѣ Пражской. *Новиковъ*, l. s. c., стр. 57.

[2]) *Kremsier* или *Kromerzig*, городъ въ Прерavскомъ округѣ Моравіи, при Мархѣ; въ 18 верстахъ къ ю.-з. отъ Оломюца.

онъ великій антихристъ [1]), за что и былъ заключенъ въ темницу. Обвиняемый пражскими богословами, Миличь апеллировалъ къ папѣ Урбану V и отправился въ Римъ, гдѣ, на глазахъ кардиналовъ, прибилъ къ дверямъ храма св. Петра объявленіе о бывшемъ ему божественномъ откровеніи, что антихристъ давно уже явился и сидитъ въ церкви Христовой. Римскій инквизиторъ тотчасъ же, въ самомъ храмѣ, арестовалъ его и заключилъ въ темницу, къ миноритамъ, злѣйшимъ врагамъ Милича. Нищенствующіе монахи, убѣжденные, что Миличь не избѣжитъ на этотъ разъ казни, радостно объявляли съ пражскихъ каѳедръ о скоромъ сожженіи Милича. Но съ пріѣздомъ въ Римъ Урбана V все измѣнилось: неизвѣстно, о чемъ разговаривалъ папа съ проповѣдникомъ, но Миличь былъ немедленно освобожденъ и никогда уже болѣе не проповѣдывалъ явленіе антихриста.

По возвращеніи въ Прагу, Миличь является «отчаяннымъ демагогомъ»: онъ исповѣдуетъ тысячи народа, кормитъ нищихъ, утѣшаетъ печальныхъ, предстательствуетъ за виновныхъ; сбросивъ съ себя личину католика, онъ громитъ нищенствующихъ монаховъ и все духовенство; заботясь о благѣ народномъ, онъ на закатѣ дней своихъ выучиваетъ нѣмецкій языкъ и начинаетъ проповѣдывать на этомъ языкѣ, убѣдившись, быть можетъ, на практикѣ, что нѣмецкіе обитатели Праги болѣе чешскихъ нуждаются въ наставленіи. Его слово было сильно, его рѣчь убѣдительна; по его настоянію женщины перестали наряжаться, и особый кварталъ Праги, пріютъ разврата, «Малая Венеція» (Benatky), преобразился въ «Малый Іерусалимъ» [2]). Особенно сильно громилъ Миличь нищенствующихъ монаховъ, подвергая такимъ образомъ самую свою жизнь опасности. Преслѣдовать Милича въ Прагѣ, тайно или

[1]) Миличь написалъ особый трактатъ Libellus de Antichristo, много проповѣдывалъ въ Прагѣ и въ Римѣ о пришествіи антихриста, и лишь послѣ свиданія съ папою Григоріемъ XI Миличь отказался отъ любимой темы своихъ проповѣдей.

[2]) *Palacky*, l. c., S. 170, Anm. 266

явно, было уже въ то время невозможно, и враги послали на него доносъ къ папѣ, формулировавъ въ двѣнадцати статьяхъ [1]) свои обвиненія Милича въ еретичествѣ. Папа Григорій XI вызвалъ Милича къ суду, предписалъ архіепископу пражскому и епископамъ вратиславскому, оломуцкому, краковскому и лютомышльскому [2]) преградить путь дальнѣйшему распространенію ереси и просилъ императора Карла IV принять мѣры къ истребленію лжеученія [3]) Противъ мѣръ, предпринятыхъ пражскимъ инквизиторомъ, Миличь апеллировалъ къ папѣ и постомъ 1371 г. отправился въ Авиньонъ, гдѣ легко оправдался отъ взведенныхъ на него обвиненій, но простудился, заболѣлъ и умеръ 29 іюня 1374 года.

Всѣ католическіе писатели, говоритъ Новиковъ [4]), отзываются съ ненавистью о Миличѣ; Матвѣй же Парижскій возноситъ его до небесъ, говоритъ, что Миличь напоминалъ собою первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія. Что Миличь проповѣдывалъ причащеніе подъ обоими видами, объ этомъ сохранилось преданіе въ книгѣ «О тяжкихъ страданіяхъ церкви чешской». Въ его проповѣди таится зародышъ ближайшихъ явленій, совершившихся въ началѣ XV стол.: въ лицѣ Ми-

---

[1]) Эти двѣнадцать статей, которыя считались навсегда утерянными (*Gieseler*, Kircheng., II, 4, s. 285), найдены Палацкимъ: wir haben diese noch ungedructen Klageartikel in einer gleichzeitigen Handschrift des Prager Domcapitels aufgefunden (Palacky, l. c., III, S. 171, Anm. 209). Эти *Articuli domini Milleczii* подробно изложены у Іордана, l. s. c., S. 40 sq.: 1) его ученіе о пришествіи антихриста; 2 и 3) слишкомъ широкое пониманіе ростовщичества; 4 и 5) частое употребленіе св. причащенія; 6) строгость его къ исповѣдницамъ; 7) униженіе всего духовенства, отъ монаха до папы; 8) неуваженіе къ отлученію отъ церкви; 9) причисленіе къ грѣхамъ занятій искусствами; 10) возстаніе на украшенія женскихъ нарядовъ; 11) гордость и защита своей гордости свѣтскою властью и 12) проповѣди противъ личнаго имущества духовенства. Вслѣдъ за этими. въ рукописи слѣдуютъ еще семь статей, Articuli declaratorii contra eundem, приведенныя Іорданомъ въ подлинникѣ.

[2]) Ein Beweis, dass Milič's Lehre bis in diese Diöcesen durchgedrungen, справедливо замѣчаетъ Палацкій. Ibid., S. 172.

[3]) Rayn., Ann. Eccl., a. 1374, v. XVI, p. 526 sqq.

[4]) *Новиковъ*, Православіе у чеховъ, стр. 59.

лича православіе ступило огромный шагъ и стало твердою ногою на католической почвѣ доселѣ нетронутой Праги.

Матвѣй изъ Янова (Matthias de Janow) занимаетъ, по мнѣнію Палацкаго, высшее мѣсто въ ряду предшественниковъ Гуса [1]). Ученикъ Милича въ Пражскомъ университетѣ, Матвѣй закончилъ свое образованіе въ Парижѣ, гдѣ получилъ степень магистра, отчего и былъ извѣстенъ какъ «Магистръ Парижскій», Magister Parisiensis. Въ 1381 году, папа Урбанъ VI, особою буллою [2]), назначилъ его канонокомъ пражскаго собора; постоянно сохраняя за собою это мѣсто, Матвѣй и умеръ исповѣдникомъ въ соборной церкви, въ 1394 г. Бѣдная внѣшностью жизнь Матвѣя, тѣмъ богаче и разнообразнѣе по своему внутреннему развитію, которое все высказалось въ его знаменитомъ трудѣ о заповѣдяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта,—De regulis veteris et novi testamenti [3]). Матвѣй не былъ, какъ Миличь, практикъ, и потому не подготовлялъ въ собственномъ смыслѣ реформаторскаго движенія въ Чехіи; но его сочиненія, въ особенности же вышеназванное, имѣли большое вліяніе на Гуса и современниковъ. Матвѣй бичевалъ въ немъ пороки міра и пророчески предсказывалъ, что «близко то время, когда будутъ уничтожены всѣ постановленія, вредныя для доброй нравственности». Въ одновременномъ существованіи двухъ папъ, Урбана VI въ Римѣ и Климента VII въ Авиньонѣ, Матвѣй прозрѣвалъ кару Божію за преступленія католическаго духовенства и указаніе Про-

---

[1]) In der Reihenfolge der sogenannten Vorläufer Huses nimmt der Mag. Matthias von Janow gewöhnlich die dritte, nach meiner Meinung aber die höchste Stelle ein. Jordan, l. c., S. 47.

[2]) Подлинникъ, см. Jordan, l. s. c., S. 48.

[3]) Довольно подробное изложеніе содержанія и выдержки изъ этого обширнаго труда, еще не изданнаго, см. Jordan, l. c., S. 51—81. По мнѣнію Палацкаго, этотъ трудъ представляетъ «eines der denkwürdigsten Bücher überhaupt, welches jemals in Böhmen geschrieben worden ist» (Jordan, S. 51); онъ находитъ, что этому труду, судя по его содержанію, болѣе соот[illegible] щее заглавіе: «Untersuchungen über das wahre [illegible] lacky. l. s. c., III. 175).

видѣнія на необходимость реформировать римскую церковь во главѣ и членахъ. Онъ призывалъ народъ къ покаянію, убѣждалъ мірянъ къ ежедневному принятію св. причастія и преподавалъ его подъ обоими видами. Когда пражскій мѣстный соборъ 1388 г. заставилъ его отречься отъ необходимости ежедневнаго причащенія, Матвѣй не переставалъ причащать народъ Тѣлу и Крови Христа, какъ онъ то самъ свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря: «Я получилъ удостовѣреніе того... отъ цѣлой массы людей, съ которыми я трудился отъ первыхъ дней моего священства въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1380 — 1392), предлагая имъ въ пражскомъ каѳедральномъ соборѣ Тѣло и Кровь Іисуса, какъ представитель моего господина и отца во Христѣ, господина архіепископа вышеназванной церкви, отъ котораго я получилъ власть исповѣдывать». Уважая одинъ изъ основныхъ обычаевъ *православной* церкви, совершая богослуженіе по *греческому* обряду [1]), Матвѣй, говоря о раздѣленіи церквей, открыто отдаетъ преимущество церкви греко-восточной: «Первый жезлъ владычества римскаго сокрушился, когда греки отдѣлились отъ римской церкви за дарованіе папѣ свѣтской власти; другой, когда франки, вмѣстѣ съ другими народами Запада, отпали отъ римскаго первосвященника, и тогда-то совершилось окончательное раздѣленіе, возвѣщенное ап. Павломъ прежде суднаго дня. Всѣ бѣдствія римской церкви начались съ того времени, когда папа сталъ раздавать по своему произволу духовныя должности, требовать себѣ поклоненія отъ всѣхъ частей церкви, помимо ихъ непосредственныхъ владыкъ; тогда-то совершилось отторженіе грековъ» [2]). 30 ноября 1394 г. умеръ Матвѣй Яновскій, парижскій магистръ; въ

---

[1]) *Новиковъ*, стр. 62.

[2]) De sacerdotum et monachorum abhorrenda abominatione desolationis in [illegible]sia Christi, ap. Hist. et Mon. I, f. 407 (Мы пользовались первымъ изда[illegible] сочиненій Гуса: Johannis Hus et Hieronymi Pragensis confessorum Chri[illegible] et monumenta. Norimbergae. 1558, 2 v. in fol., и отмѣчаемъ сокра[illegible] *et Mon.*).

то время Гусу было уже 25 лѣтъ,—онъ не выступалъ еще на свою великую богословскую дѣятельность, но уже задумывался надъ первымъ своимъ трудомъ, надъ сочиненіемъ: *De corpore Christi.*

Отъ смерти Матвѣя Яновскаго до начала Гусовой проповѣди, въ теченіе двадцати лѣтъ, представители католичества въ Чехіи не имѣли уже причинъ скрывать свою ненависть къ народной партіи, свято хранившей преданія греко-восточной церкви и вѣрно исполнявшей завѣты свв. Кирилла и Меѳодія. «Православное богослуженіе, по словамъ гуситскаго преданія, было изгнано изъ вышеградской церкви королевскаго замка и изъ всѣхъ храмовъ во всемъ королевствѣ: противъ исповѣдниковъ греческой вѣры начались страшныя насильственныя дѣйствія. Замѣтивъ, что ненавистная имъ литургія еще держится частью въ замкахъ вельможъ, не измѣнившихъ истинѣ, частью же въ глуши лѣсовъ, при стеченіи многочисленной толпы посѣтителей всякаго званія, и что церковныя проклятія не дѣйствуютъ, попы и монахи прибѣгли къ насилію и, вооруженною рукою нападая на странниковъ, возвращавшихся съ священныхъ собраній, преслѣдовали ихъ, грабили, уводили въ неволю, подвергали пыткамъ, истребляли огнемъ и мечомъ, бросали въ рудники Кутногорскіе». Что въ Чехіи существовала, отдѣльно отъ господствовавшей латинской вѣры, иная христіанская община, сохранявшая истину евангельскаго ученія, о томъ довольно ясно, хотя и съ соблюденіемъ наружныхъ формъ уваженія къ западной церкви, сказано въ офиціальной грамотѣ на основаніе Виѳлеемской часовни, бывшей главнымъ мѣстомъ дѣятельности Гуса: «Хотя въ Прагѣ множество храмовъ, назначенныхъ для общественнаго богослуженія, но въ ней нѣтъ ни одного, исключительно посвященнаго евангельской проповѣди: проповѣдники, особенно же говорящіе на языкѣ чешскомъ, принуждены скрываться въ глуши домовъ истинно вѣрующихъ: а потому, для утѣшенія душъ христіанскихъ, и

построенъ *домъ хлѣба*, чтобы христіане могли безпрепятственно наслаждаться здѣсь пищею духовнаго слова» [1]).

Таково было церковное состояніе Чехіи къ концу XIV стол., наканунѣ появленія Гуса на каѳедрѣ Виѳлеемской часовни. Если справедливо, что жизнь и дѣятельность этого великаго чеха имѣли глубокое вліяніе на умственное развитіе всей Европы, то тѣмъ болѣе не подлежитъ сомнѣнію, что на его дѣятельность и смерть имѣло сильное вліяніе политическое и церковное состояніе Европы того времени.

Европа доживала XIV стол. при общемъ одряхленіи политическихъ силъ; все сильное и мощное въ политическомъ мірѣ сходило въ могилу, оставляя по себѣ слабыхъ, неспособныхъ преемниковъ и завязывая новыя столкновенія и раздоры въ будущемъ. Императоръ и король Чехіи, Карлъ IV, въ теченіе тридцати лѣтъ стоявшій во главѣ средневѣковой имперіи, виновникъ Золотой буллы, обусловившей на много вѣковъ политическое развитіе Германіи, умеръ въ 1378 году. Въ то же время сходятъ съ исторической сцены другіе монархи, отличавшіеся силою воли, твердостью характера и вліяніемъ, уступая свое мѣсто слабымъ, безхарактернымъ, но властолюбивымъ своимъ наслѣдникамъ. Англійскому королю Эдуарду III наслѣдуетъ 13-ти-лѣтній внукъ, Ричардъ II, сынъ знаменитаго Чернаго Принца. Во Франціи, Карлу V Мудрому, создателю постоянныхъ армій и строителю Бастильи, наслѣдовалъ 12-ти-лѣтній мальчикъ, и съ нимъ раздоры регентства и умственная слабость болѣзненнаго Карла VI. Великій король Венгріи и Польши, Людовикъ I умеръ въ 1382 г., оставивъ лишь двухъ несовершеннолѣтнихъ дочерей, Марію и Ядвигу, раздѣлившихъ его державу: первая принесла Венгрію въ приданое Сигизмунду, вторая Польшу—литовцу Ягеллу.

Печальнѣе всего было состояніе Германіи и Италіи, разорванныхъ на мелкія части, выдвигающія свои личныя инте-

---

[1]) Объ этомъ упоминаетъ и Гусъ въ своей апелляціи къ папѣ на архіепископа- Tenor appellationis M. Joannis Hus. Hist. et Mon. I, f. 91.

ресы, безъ единства въ государственныхъ цѣляхъ, безъ морали въ практическихъ средствахъ, безъ разумнаго патріотизма и здраваго политическаго смысла... Европа представляла своего рода политическое равновѣсіе,—равновѣсіе слабости, при которомъ, казалось, молодому императору и чешскому королю не трудно будетъ удержать свои наслѣдственныя земли и спокойно править хотя бы королевствомъ, если не имперіею; но Вячеславъ IV былъ лишь способенъ заслужить отъ современниковъ названіе «пьяницы». Грубый и жестокій, онъ всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ низкихъ страстей: жадный къ деньгамъ, онъ умертвилъ и обокралъ до трехъ тысячъ евреевъ во время пражскаго возстанія [1]); страстный охотникъ, онъ, полупьяный, не уберегъ свою первую супругу, которая была растерзана его злыми собаками..

Италія, утомленная вѣковыми раздорами партій и господствомъ чужеземцевъ, достигшимъ при Людовикѣ Анжуйскомъ крайнихъ предѣловъ, возлагала свои надежды на чешскаго короля и радостно звала Вячеслава принять въ Римѣ императорскую корону и освободить страну отъ ненавистныхъ ей французовъ. Пять лѣтъ тщетно ждала Италія, что Вячеславъ воспользуется счастливою комбинаціею, когда-либо представлявшеюся его предшественникамъ. Вячеславъ не исполнилъ своего обѣщанія, не пошелъ за Альпы, и назначилъ намѣстникомъ Италіи своего родственника и личнаго врага, маркграфа моравскаго Іодока. Удерживаемый отъ итальянскаго похода общественными дѣлами Германіи, онъ довелъ свои заботы о Германіи до того, что имперскіе чины принудили его въ 1400 году отречься отъ императорскаго достоинства «за то, что онъ не помогалъ водворенію мира въ церкви, умалилъ права имперіи, не соблюдалъ земскаго мира и совершилъ много жестокихъ насильственныхъ злодѣяній». На мѣсто низложеннаго былъ избранъ пфальцграфъ Рупрехтъ, и.

[1]) Passio Judaeorum Pragensium, см. *Pelzel*, Wenzel's Gesch., I, 214.

такимъ образомъ, въ римской имперіи было два короля, подобно тому, какъ въ римской церкви было въ то же время двое папъ.

Вячеславъ утерялъ императорское достоинство, но сохранилъ до смерти титулъ чешскаго короля, не на радость себѣ и своимъ подданнымъ. Несправедливость, даже жестокость вооружили, наконецъ, противъ короля всѣхъ, кому дорога была свѣжая память объ управленіи Чехіею его отцомъ, Карломъ IV. Политическая неспособность Вячеслава, его пустое честолюбіе и страсть играть первую роль ставили его въ непріязненныя отношенія къ лицамъ наиболѣе къ нему близкимъ, даже родственнымъ. Нельзя читать безъ сожалѣнія о пустотѣ и мелочности Вячеслава простого разсказа о томъ, какъ его родной братъ Сигизмундъ Венгерскій и родственникъ Іодокъ Моравскій захватили короля и таскали по укрѣпленнымъ замкамъ, пока, наконецъ, онъ не былъ освобожденъ однимъ изъ своихъ вассаловъ [1]). Спустя нѣсколько лѣтъ, Сигизмундъ снова взялъ его въ плѣнъ въ самомъ королевскомъ замкѣ, со всею его свитою. Вячеславъ отличался способностью избирать всегда наиболѣе вредныя для себя пути и испытывать на себѣ всѣ дурныя послѣдствія своихъ дурныхъ мѣропріятій: поставленный во главѣ имперіи, онъ довелъ свое управленіе ею до насильственнаго отреченія; король Чехіи въ періодъ дѣятельности Гуса, онъ, послѣ нерѣшительнаго колебанія въ ту и другую сторону, высказался противъ гуситства именно въ тотъ моментъ, когда вся Чехія готовилась пролить свою кровь за родныя убѣжденія, за народную вѣру...

Такое политическое состояніе европейскихъ государствъ сопровождалось совершенной безурядицей римской церкви.

---

[1]) Этотъ разсказъ переданъ Ф. Палацкимъ по неизданной еще рукописи: Forma curialis et veridica, qualiter serenissimus D. Wenceslaus Rom. et Boh. rex per barones Bohemiae juste et meritorie fuit arrestatus (Gesch. von Böhm., III, 75). Палацкій, какъ извѣстно, пристрастенъ къ Вячеславу IV.

Семидесятилѣтнее пребываніе папъ въ Авиньонѣ воскресило въ римлянахъ мысль о римской республикѣ и создало великій образъ несчастнаго Кола ди Ріенцо, но въ то же время заставило римское духовенство, ради собственныхъ матеріальныхъ выгодъ, желать возвращенія въ Латеранъ «господина дома своего». Когда Григорій XI, избранный французскою партіею въ Авиньонѣ, посѣтилъ Римъ и въ немъ умеръ, римская чернь, наущенная римскими монахами, силою заставила кардиналовъ избрать въ папы итальянца, если не римлянина, и неаполитанецъ Варѳоломей Приньяно сталъ папою Урбаномъ VI. Не прошло, однако, и полугода, какъ кардиналы раскаялись въ своемъ выборѣ и, считая его вынужденнымъ, слѣдовательно незаконнымъ, избрали въ папы женевца Роберта, извѣстнаго подъ именемъ Климента VII. Такимъ образомъ въ римской церкви явилось двое папъ—итальянскій въ Римѣ и французскій въ Авиньонѣ. Этотъ расколъ, вызванный не борьбою духовной власти со свѣтскою, но внутреннимъ раздоромъ самой церкви, называютъ обыкновенно великимъ, но, намъ кажется, его умѣстнѣе было бы называть долгимъ: расколъ этотъ, унизившій основной принципъ римской традиціи, былъ продолжительнѣе всѣхъ, до него бывшихъ, и даже казался нескончаемымъ. Надежда всѣхъ истинныхъ католиковъ, что смертью одного изъ папъ водворится въ церкви единство, оказалась тщетною, когда, по смерти папъ-соперниковъ, на ихъ мѣста были избраны новые,—Бонифацій IX въ Римѣ и Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ. Казалось, что паденіе римской церкви достигло крайнихъ предѣловъ, что далѣе идти уже было некуда, и что только рѣшительныя мѣры могутъ спасти ее. Такъ думали современники и ошиблись: когда въ 1409 г., по предложенію знаменитаго канцлера Парижскаго университета ученаго Жерсона, собранъ былъ соборъ въ Пизѣ для уничтоженія раскола и избранія единаго папы, то оказалось, что къ бывшимъ уже въ то время папамъ, Григорію XII римскому и Бенедикту XIII

авиньонскому, былъ избранъ новый, Александръ V пизанскій. Вмѣсто двухъ папъ явилось теперь трое. Проклиная другъ друга за порождаемый ими соблазнъ въ церкви, ни одинъ изъ папъ и никто изъ ихъ избирателей, ни одинъ кардиналъ, не желалъ отказаться отъ своихъ правъ на избраніе, и смерть одного изъ трехъ папъ тотчасъ же вела къ новому избранію.—такъ, по смерти Александра V былъ избранъ Іоаннъ XXIII.

Таково было церковное состояніе Европы въ концѣ XIV и въ первые годы XV стол. Расколъ римской церкви грозилъ стать постояннымъ явленіемъ; высшіе представители католической церкви, величавшіе себя намѣстниками Христа на землѣ, снизошли до взаимныхъ проклятій, соблазняя паству своими раздорами и памфлетами, роняя въ ея глазахъ достоинство и санъ римскаго первосвященника, высказывая своимъ одновременнымъ существованіемъ необходимость коренной реформы церкви... Эта реформа была выставлена какъ главная задача «вселенскаго собора», который былъ назначенъ папою Іоанномъ XXIII и императоромъ Сигизмундомъ на 1415 годъ въ городѣ Констанцѣ. На этотъ же соборъ вызывался и представитель народной вѣры въ Чехіи, Янъ Гусъ...

Янъ Гусъ, изъ Гусинца [1]), родился 6-го іюля 1369 года; по своему происхожденію онъ принадлежалъ къ низшему со-

[1]) Гусинецъ, Husinec, въ современныхъ актахъ «oppidum Husinec», мѣстечко въ Прахинскомъ округѣ Чехіи, граничащемъ съ Баваріею, было приписано въ разсматриваемое нами время къ королевскому замку *Haus*, т.-е. домъ, или, по баварскому и мѣстному чешскому произношенію, *Hus*. Въ изданныхъ письмахъ и сочиненіяхъ Гуса, онъ всегда называетъ себя и подписываетъ *Ioannes Hus*; современники, кромѣ этого общепринятаго наименованія, писали иногда Ioannes *Husinetz*, Joannes *de Husin*, Ioannes *de Husenitz*. На основаніи этихъ указаній мы пишемъ *Гусъ*, находя неправильнымъ общеупотребительное, какъ въ нашей, такъ и въ иностранныхъ литературахъ, удвоеніе послѣдней согласной—*Гуссъ*. Общенѣмецкое *Haus*, бавар. *Hus*, не имѣетъ по своему значенію ничего общаго со словомъ *Gans*, *auca*, *гусь*; если самъ Гусъ, въ своихъ письмахъ, и позднѣйшее преданіе связываютъ эти два слова, то единственно вслѣдствіе того случайнаго обстоятельства, что Hus, по-чешски, значитъ гусь, что и подавало поводъ къ извѣстной игрѣ словъ.

словію чешскаго народа. Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ его родителяхъ, мы знаемъ изъ собственныхъ указаній Гуса, что у него былъ братъ, о сыновьяхъ котораго онъ постоянно заботился, вспоминая объ нихъ даже наканунѣ своей казни, въ письмѣ къ магистру Мартину [1]), одному изъ любимѣйшихъ своихъ учениковъ: «Сыновей моего брата обучи ремесламъ, такъ какъ я опасаюсь, что они, посвятивъ себя духовному званію, не будутъ въ состояніи должнымъ образомъ послужить ему». Кромѣ того, у него была еще родственница, быть можетъ сестра, именемъ Екатерина.

Гусъ посѣщалъ первоначально училище въ Прахатицахъ, уѣздномъ городѣ своего округа, при чемъ, по его собственнымъ словамъ [2]), онъ «учился пѣть» и «пѣлъ, какъ въ школѣ, такъ и въ церкви, молитвы, одобренныя церковью». Позже, выступивъ уже на общественную дѣятельность, Гусъ слѣдитъ за Прахатицкой церковью, въ которой нѣкогда пѣлъ, и шлетъ мѣстному священнику письмо [3]), въ которомъ укоряетъ его въ небреженіи къ своей паствѣ. Кромѣ этого указанія о пѣніи, въ современныхъ памятникахъ не сохранилось никакихъ подробностей о его жизни до того времени, когда его имя было внесено въ акты Пражскаго университета: въ 1393 г. онъ получилъ степень баккалавра свободныхъ искусствъ, въ 1394 г.—баккалавра теологіи и въ 1396 г.—магистра свободныхъ искусствъ. Судя по тому, что въ университетскихъ спискахъ онъ никогда не встрѣчается въ числѣ первыхъ, можно, кажется, заключить, что Гусъ не отличался отъ своихъ товарищей особенными способностями и дарованіями; но направленіе молодого магистра рано опредѣлилось и было высказано имъ довольно точно: принятый въ 1398 г. въ число преподавателей Пражскаго университета, Гусъ, въ слѣдующемъ же году, рѣзко разошелся со своими университетскими товарищами по преподаванію, публично защищая нѣкоторыя изъ положеній англійскаго ученаго и реформатора Джона

[1]) Hist. et Mon., I, f. 66, ep. 28. [2]) Ibid., I. f. 40. [3]) Ibid., I, f. 69.

Виклефа [1]). Хотя Виклефъ былъ уже въ то время признанъ римскою церковью еретикомъ, но защита его положеній, какъ

[1]) John Wickliffe, род. въ 1324 г., ум. въ 1387 г.; по приказанію папы, кости его, какъ еретика, были вырыты изъ земли и сожжены въ 1428 году. Отвергая всякій человѣческій авторитетъ, онъ основалъ свое ученіе единственно на свидѣтельствѣ Св. Писанія и поэтому отвергалъ всѣ нововведенія римской церкви, какъ измышленія, составленныя лишь ради корыстныхъ цѣлей. Важнѣйшій его трудъ есть переводъ библіи на англійскій языкъ. Онъ былъ признанъ еретикомъ, такъ какъ отвергалъ догматъ пресуществленія. Англійскіе духовные ученые такъ отзываются о немъ: Wickliffe was a most extraordinary man considering the times in which he lived: it was, however, his misfortune, as it was his greatest glory, that he anticipated, by almost two centuries, the principles of a more enlightened generations; and scattered his holy lessons on a soil, not yet prepared to give them perfect life and maturity. *R. Eden*, Churchm. theolog. diction., London, 1859, p. 364. Гусъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; они посѣяли уже въ Чехіи тѣ принципы, которые, развиваясь въ сознаніи чешскаго народа, необходимо должны были вызвать то движеніе, которое напрасно слишкомъ много относятъ къ вліянію Виклефа. Между англійскимъ и чешскимъ движеніемъ большая разница: въ оксфордскихъ положеніяхъ преобладаетъ спекулятивный духъ, въ требованіяхъ же Гуса, и въ особенности гуситовъ,—практическое направленіе. Виклефъ имѣлъ вліяніе на Гуса, какъ на ученика извѣстной теологической и философской школы; но, какъ народный проповѣдникъ и практическій реформаторъ, Гусъ находился подъ вліяніемъ тѣхъ національныхъ, славянскихъ стремленій, которыя были посѣяны еще въ IX стол. и развиты предшественниками Гуса. Исторія гуситства доказала, что въ этомъ движеніи былъ довольно сильный національный элементъ. Вліяніе Виклефа, конечно, было и не могло не быть: когда чешская княжна Анна, сестра короля Вячеслава, вышла замужъ за англійскаго короля Ричарда II, то между Прагой и Оксфордомъ завязались довольно частыя сношенія; ученики Виклефа, разносившіе повсюду его ученіе, еще чаще стали посѣщать Чехію и имѣли вліяніе на Гуса; мы указываемъ лишь на предѣлы и характеръ этого вліянія. Гусъ самъ выразилъ довольно опредѣлительно степень и характеръ этого вліянія: Меня влечетъ къ Виклефу та слава, которою онъ пользуется у хорошихъ, не у дурныхъ священниковъ, въ Оксфордскомъ университетѣ и вообще у народа; меня привлекаютъ его сочиненія, которыми онъ призываетъ къ исполненію заповѣдей Христа всѣхъ, особенно же священниковъ, которые должны оставить роскошь и господство въ мірѣ и должны вести жизнь апостольскую; меня влечетъ къ нему его любовь къ закону Христа, истину котораго онъ всегда провозглашалъ, говоря, что въ ней нѣтъ и не можетъ быть никакой лжи. Hist. et Mot., I, f. 109. *Neander*, Gesch. d. christl. Kirche, IV, 3. 248. О первой защитѣ Гусомъ нѣкоторыхъ положеній Виклефа, см. Depositiones testium contra M. Joannes Hus.

видно, не повредила университетской карьерѣ Гуса: 15 окт. 1401 г. онъ былъ избранъ въ деканы философскаго факультета; спустя годъ, Гусъ сталъ ректоромъ Пражскаго университета [1]). Академическая дѣятельность Гуса, при всей ея важности для его умственнаго развитія, не имѣла однако столь рѣзкаго, рѣшительнаго вліянія на судьбу чешскаго народа, какъ его дѣятельность чисто общественная. Эта послѣдняя распадается на три главнѣйшіе періода: въ первомъ Гусъ воздѣйствуетъ на чешскій народъ какъ проповѣдникъ въ Виѳлеемской часовнѣ; во второмъ онъ является открытымъ противникомъ папы Іоанна XXIII и обращаетъ на себя вниманіе всей Европы; наконецъ, въ третьемъ Гусъ горитъ на кострѣ,—этому послѣднему періоду никогда уже не суждено закончиться, постоянно воздѣйствуя на развитіе пытливаго ума всего человѣчества [2]).

Чехъ Янъ Мильгеймскій, изъ Пардубицъ, строитель Виѳлеемской часовни, зналъ, слышалъ Гуса въ университетѣ, и просилъ архіепископа назначить именно его въ проповѣдники при той часовнѣ; 14 марта 1402 г. Гусъ получилъ отъ архіепископскаго викарія офиціальное утвержденіе его въ этой должности [3]), которая болѣе всего послужила къ сближенію Гуса съ тѣмъ низшимъ классомъ народа, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Народныя проповѣди Гуса составляютъ важнѣйшее явленіе чешской исторіи того времени. Суровый и рѣзкій Конрадъ Вальгаузенъ сильно потрясалъ своихъ слушателей; мечтательный и мрачный Янъ Миличъ

---

[1]) Мы привели послужной списокъ Яна Гуса по Палацкому (Gesch. von Böhm., III, 191); въ Hist. et Monum. встрѣчаются нѣсколько отличныя указанія, взятыя изъ какой-то древней рукописи: «In vetusto quodam codice haec extabant: M. Joannes Hus factus est Baccalaureus in artibus A. D. 1393, Magister artium—1396, sacerdos et praedicator in Bethlehem—1400, Decanus—1401, Rector Universitatis—1409 (?).

[2]) *Baur*, Die christl. Kirche des Mittelalters, 1861, S. 526. Иное раздѣленіе, на четыре періода, см. *A. Neander*, Kleine Gelegenheitsschriften, Berlin, 1829, S. 230.

[3]) *Pelzel*, Lebensgeschichte der Königs Wenzel, Urkundenbuch, II, S. 95, № 189.

пугалъ ихъ; но ни тотъ, ни другой не оставляли своими проповѣдями такого глубокаго, серьезнаго впечатлѣнія, какъ Янъ Гусъ: онъ обращался преимущественно къ здравому, неиспорченному схоластикой разсудку своихъ слушателей и поучалъ ихъ, возбуждалъ въ нихъ новыя думы; онъ взывалъ къ чистому, не оскверненному развратомъ сердцу чешскаго народа и своими наставленіями, побуждалъ его къ добрымъ дѣламъ. Направленіе проповѣдей Гуса оказалось направленіемъ болѣе практическимъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ то, которому слѣдовали его предшественники. Гусъ говорилъ понятно для всѣхъ, ясно опредѣляя вопросы и отчетливо отвѣчая на нихъ: его проповѣди легко слушались, его положенія принимались безъ труда. Его познанія, его начитанность, особенно въ Св. Писаніи, его глубокая по тому времени эрудиція не были выставляемы имъ въ публичныхъ проповѣдяхъ и не пугали народъ, который полюбилъ Гуса за ясность, простоту и внутреннюю правду его рѣчи. Поставивъ задачею своихъ проповѣдей поднять моральный уровень жизни чешскаго народа, Гусъ громилъ порокъ всею внутреннею глубиною своего убѣжденія и внѣшнею силою своего слова, не щадя ни укоренившихся обычаевъ, ни установившихся привычекъ. Сознавая важное вліяніе религіи и церкви на народную нравственность, Гусъ открыто и прямо касался вопросовъ, въ которыхъ заключалось зерно народныхъ убѣжденій, вѣрованій и поступковъ. Нападая на духовенство за его небрежное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, за его развратную, не менѣе свѣтской, жизнь, Гусъ указывалъ народу на явленія, которыхъ народъ былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ и которыя уже давно и глубоко презиралъ, но не высказывалъ, не имѣя къ тому средствъ, не видя возможности успѣха. Виѳлеемскія проповѣди завязали моральную связь между Гусомъ и чешскимъ народомъ, ту нравственную солидарность, интересъ которой заключался въ общности религіозныхъ вѣрованій и сила которой подняла потомъ всю чеш-

скую землю на борьбу за казнь народнаго любимца [1]). Эти же проповѣдя обратили на него вниманіе королевы Софіи, которая часто приходила его слушать и сдѣлала Гуса своимъ духовникомъ, и такимъ образомъ пріобрѣли народной партіи опору, хотя и довольно слабую, при дворѣ чешскаго короля. Чѣмъ тѣснѣе становился союзъ между чешскимъ народомъ и Гусомъ, тѣмъ яснѣе проявлялась вражда къ нему латинскаго духовенства, оскорбленнаго не столько вопросами догматическими, сколько подрывомъ его матеріальныхъ выгодъ [2]). Пока Гусъ нападалъ въ своихъ проповѣдяхъ на пороки свѣтскихъ лицъ, «духовенство, по словамъ одной чешской хроники [3]), говорило, что св. Духъ глаголетъ его устами»; но какъ только Гусъ напалъ на папу, на высшее и низшее духовенство, порицая его гордость, корыстолюбіе, симонію и другіе пороки, и проповѣдуя, что духовенство не должно имѣть имуществъ, то все духовное сословіе возстало на него и говорило, что дьяволъ вселился въ его тѣло, и называло его еретикомъ. Латинское духовенство жаловалось на Гуса чешскому королю, но Вячеславъ отвѣчалъ: «пока ма-

---

[1]) Палацкій, характеризируя дѣятельность Гуса, какъ проповѣдника, находитъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующія черты: «ungemessene Kühnheit und Rücksichtlosigkeit, Hartnäckigkeit und unbiegsamer Eigensinn, auffalende Sucht nach Popularität, und ein Ehrgeiz, der die Märtyrerkrone als das höchste Ziel eines Menschenlebens ansah» (Gesh. v. Böhm. S. 225). При этомъ авторъ ссылается на чешскія сочиненія Гуса: Diese Charakterschilderung gründet sich vorzüglich auf Hussens in böhmischer Sprache hinterlassene Schriften, in welchen seine Eigenthümlichkeit sich schärfer ausprägte, als in den mehr nach Schulregeln entworfenen lateinischen (Ibid. Anm. 278). Мы не имѣли подъ руками чешскихъ сочиненій Гуса, но, судя по латинскимъ переводамъ ихъ, находимъ очеркъ, сдѣланный Палацкимъ, по меньшей мѣрѣ, пристрастнымъ.

[2]) Девять проповѣдей Гуса, дошедшихъ до насъ и изданныхъ, могутъ дать понятіе о взглядѣ его на современное духовенство (Conciones synodicae, quas habuit diversis temporibus M. Joannes Hus Pragae ad clerum, cujus vicia et impietatem acerrime taxavit, Hist. et Mon. II. f. 25 sqq.); а двадцать восемь проповѣдей, обращенныхъ къ паствѣ, указываютъ направленіе его бесѣдъ съ народомъ (Sermones XXVIII M. Joannis Hus ad populum. Ibid., II. f. 54 sqq.).

[3]) Pelzel. II, 553.

гистръ Гусъ проповѣдывалъ противъ насъ, мірянъ, вы радовались тому: теперь же дошла очередь и до васъ—будьте же довольны и тѣмъ, что вы теперь слышите».

Къ этому первому періоду дѣятельности Гуса относятся его первыя столкновенія съ представителями господствующей въ Чехіи латинской церкви, которыя, яснѣе проповѣдей, обрисовываютъ его народное направленіе. Пражскій архіепископъ, Збинекъ Заяцъ, питалъ къ Гусу полное довѣріе и, вскорѣ послѣ своего возведенія въ санъ архіепископа, просилъ Гуса «передавать ему лично, а въ случаѣ его отсутствія, письменно о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковнаго устава, замѣчаемыхъ имъ въ его діоцезѣ» [1]). Такое доброе согласіе между Гусомъ и Збинкомъ продолжалось до конца 1407 года, когда Гусъ, по просьбѣ архіепископа, во время синода, говорилъ рѣчь передъ пражскимъ клиромъ и эта рѣчь была принята всѣми съ восторгомъ [2]); но скоро эти добрыя отношенія измѣнились вслѣдствіе различія взглядовъ того и другого на вопросы вѣры и церковной іерархіи.

За предѣлами Англіи ученіе Виклефа нигдѣ въ Европѣ не встрѣтило такого сочувствія, какъ въ Чехіи, которой именно въ то время принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ странъ, какъ землѣ, отличавшейся своимъ мощнымъ духовнымъ развитіемъ: въ лицѣ Карла IV

---

[1]) Saepissime reitero, qualiter in principio Vestri regiminis mihi pro regula Paternitas Vestra instituerat, ut quotiescunque aliquem defectum erga regimen conspicerem, mox personaliter, aut in absentia per literam, defectum hujusmodi nuntiarem. Изъ неизданнаго письма Гуса къ архіепископу отъ іюля 1408 года, см. Palacky. III. 216. Anm. 279. Такое согласіе Збинка съ Гусомъ не могло быть прочно: реформаторъ, конечно, не удержится въ тѣхъ предѣлахъ, которые поставилъ себѣ архіепископъ! Даже не обращая вниманія на тѣ политическіе интересы, которые примѣшались позже, Гусъ и Збинекъ должны были придти въ столкновеніе: Гусъ, руководимый христіанскимъ интересомъ, долженъ былъ все болѣе и болѣе нападать на порчу духовенства и церкви; Збинекъ же, руководимый іерархическими цѣлями, не могъ войти въ борьбу съ іерархической системой.

[2]) Hist. et Monum. II. 47 sqq. (ed. 1715; Palacky).

Чехія дала нѣмецкой имперіи одного изъ образованнѣйшихъ государей и учрежденіемъ Пражскаго университета Чехія возжгла въ Европѣ третій послѣ Парижа и Оксфорда интеллектуальный свѣточъ, послужившій прообразомъ многимъ германскимъ университетамъ. Въ то время, когда чехи занимали высшія должности въ Пражскомъ университетѣ, когда Николай Лютомышльскій былъ вице-канцлеромъ, а Гусъ деканомъ и потомъ ректоромъ [1]), въ университетѣ преобладало реалистическое направленіе философіи, и нѣмцы, придерживавшіеся по преимуществу номинализма, не имѣли большого значенія; вмѣстѣ съ реализмомъ, въ немъ получило широкое развитіе и ученіе Виклефа, какъ высшаго въ то время представителя реализма въ вопросахъ религіи. «Я и члены нашего университета,—пишетъ Гусъ [2]),—уже болѣе двадцати лѣтъ читаемъ книги Виклефа». Когда же, въ 1403 г., обѣ высшія должности университета были заняты нѣмцами, то образовалась реакція реалистическому направленію, которая скоро приняла оттѣнокъ національной вражды. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій членовъ Пражскаго университета силезецъ Іоаннъ Гюбнеръ, магистръ, предложилъ дать заключеніе о 45 статьяхъ ученія Виклефа, находя ихъ еретическими; несмотря на протестъ чешскихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Гуса, который заявлялъ, что большинство этихъ статей не составляютъ положеній Виклефа, но измышлены самимъ Гюбнеромъ, совѣтъ университета большинствомъ голосовъ постановилъ, что всякій членъ Пражскаго университета обязывается отказаться отъ всѣхъ 45 статей и, подъ страхомъ академической клятвы, никто не долженъ распространять ученіе Виклефа [3]). Это постановленіе совѣта официально

---

[1]) Monum. histor. univers. Prag., I. 368 sqq.

[2]) Replica magistri Joannis Hus contra anglicum Joannem Stokes, Wicleffi columniatorem. Hist. et Monum. I, f. 108.

[3]) V. d. *Hardt*, IV, 652. Chronicon universitatis Pragensis, ad a. 1403 (см. *Palacky*, l. c., III, 197).

засвидѣтельствовало, что въ Чехіи существуетъ глубокое несогласіе современниковъ во взглядѣ на церковь и догматы вѣры: но оно не было въ силахъ заглушить въ чехахъ сочувствіе къ тѣмъ положеніямъ Виклефа, въ которыхъ онъ нападалъ на злоупотребленія латинскаго духовенства, протестуя противъ власти папы и всей римской іерархіи. Что это постановленіе не имѣло никакого практическаго значенія, видно изъ того, что, спустя пять лѣтъ, въ 1408 году, состоялось новое постановленіе, по которому «ни одинъ членъ Пражскаго университета не можетъ учить или распространять тѣ 45 статей ученія Виклефа *въ еретическомъ, ложномъ, возбуждающемъ соблазнъ смыслѣ*». Эта послѣдняя прибавка уничтожала самое запрещеніе, и не трудно догадаться, что это новое постановленіе было составлено преимущественно чехами. Между тѣмъ архіепископъ Збинекъ собралъ провинціальный синодъ и особымъ опредѣленіемъ постановилъ, что всякій, обладающій какимъ-либо сочиненіемъ Виклефа, обязанъ представить его архіепископу для болѣе точнаго изслѣдованія о томъ, не заключается ли въ немъ чего-либо еретическаго [1]). Такое требованіе архіепископа вызвало протестъ со стороны проповѣдника: Гусъ еще сильнѣе нападаетъ въ своихъ проповѣдяхъ на власть, предоставленную архіепископамъ, и уже провидитъ въ этомъ распоряженіи Збинка вліяніе нѣмецкой партіи. Противодѣйствуя этому вліянію, Гусъ принимаетъ живѣйшее участіе въ поднятомъ не имъ вопросѣ объ университетскихъ правахъ различныхъ націй; вслѣдствіе усиленныхъ домогательствъ при дворѣ, тяжело отозвавшихся на здоровьи Гуса [2]), чешская нація одержала побѣду: королевскимъ декретомъ 18-го января 1409 г.

---

[1]) Hist. et Monum. I, 109 (ed. 1715; Palacky).

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Гусъ въ соч. Depositiones testium. Споръ о правахъ національностей въ Пражскомъ университетѣ см. Pelzel, l. c., II, 543, *J. Held*, Tentamen historicum illustrandis rebus anno MCCCCIX in universitate Pragena gestis, Pragae, 1827, p. 26; Palacky, l. c., III, 228 sqq.

чешской націи было предоставлено право трехъ голосовъ, а нѣмецкой—одного, между тѣмъ какъ прежде существовало обратное отношеніе. Нѣмецкіе члены Пражскаго университета обидѣлись; считая себя призванными германизировать славянскіе народы, нѣмцы тысячами [1]), покидали «неблагодарную» Прагу, о чемъ сами потомъ крайне сожалѣли. Уходя изъ Праги, они разносили съ собою по Европѣ ненависть къ чешской націи, къ ея университетскимъ представителямъ, особенно же къ Яну Гусу, имя котораго скоро обратило на себя вниманіе всей Европы.

Проповѣди Гуса въ Виѳлеемской часовнѣ носили на себѣ такой же національный отпечатокъ, какъ и его университетскіе споры съ нѣмцами, но въ нихъ, кромѣ того, выступало на первый планъ нравственное начало, законы морали, давно забытые латинскимъ духовенствомъ; когда Гусъ указывалъ народу на это духовенство, какъ на примѣръ нравственнаго паденія, и съ натуры рисовалъ картину ихъ развратной жизни, «мѣра ихъ терпѣнія исполнилась» и они обратились къ архіепископу съ жалобою на виѳлеемскаго проповѣдника. Въ этой жалобѣ они обвиняли Гуса «въ возбужденіи народа противъ лицъ духовнаго званія, въ возбужденіи чеховъ противъ нѣмцевъ, въ неуваженіи къ церкви, въ названіи Рима резиденціею антихриста, между тѣмъ какъ Гусъ не стыдится публично восхвалять еретика Виклефа и высказывать желаніе соединиться съ нимъ душою по смерти». Вслѣдствіе такой жалобы дѣло было передано для изслѣдованія пражскому инквизитору; между нимъ и Гусомъ завязалась переписка, къ сожалѣнію, еще не изданная [2]); здѣсь Гусъ вполнѣ оправдалъ себя. Между тѣмъ, вслѣдствіе настояній архіепископа Збинка, папа Александръ V издалъ особую буллу, которою

---

[1]) Въ первый же день ушло болѣе 2.000 человѣкъ. Aen. Sylv. histor. Bohem., cap. 35. Всего же покинули Прагу до 20.000 нѣмцевъ. Scr. rer. Bohem. III, 11.

[2]) Палацкій приводитъ начало четырехъ писемъ, см. l. c. III, 247, Anm. 324.

предоставлялъ ему употребить всѣ зависящія отъ него мѣры къ искорененію въ Чехіи «виклефовой ереси» [1]). Пока Гусъ апеллировалъ «отъ папы не знающаго положенія дѣла въ Чехіи къ тому папѣ, который будетъ подробно ознакомленъ съ нимъ» [2]), думая тѣмъ ослабить значеніе буллы, архіепископъ потребовалъ къ себѣ всѣ сочиненія Виклефа, у кого они ни находились бы, для разсмотрѣнія; въ числѣ другихъ, Гусъ также принесъ имѣвшіяся у него книги Виклефа. Результатомъ этого новаго разсмотрѣнія былъ декретъ пражскаго архіепископа, отъ 16-го іюня 1410 г., по которому всѣ отобранныя книги Виклефа были приговорены, какъ еретическія, къ сожженію, и публичныя проповѣди въ капеллахъ были запрещены [3]). Это распоряженіе Збинка произвело самое тяжелое впечатлѣніе на всѣ сословія чешскаго народа. Король, королева, университетъ, граждане, чернь, вся Прага и Чехія были противъ архіепископа [4]). 25-го іюня Гусъ апеллировалъ на архіепископа Збинка къ папѣ Іоанну XXIII, а черезъ три недѣли, 16-го іюля, на архіепископскомъ дворѣ, въ присутствіи клира, при торжественномъ пѣніи *Te Deum laudamus*, были сожжены всѣ книги Виклефа, собранныя Збинкомъ. Гусъ писалъ по этому поводу: «Я называю сожженіе сочиненій Виклефа дурнымъ дѣломъ, такъ какъ подобное уничтоженіе книгъ не извлекаетъ изъ сердца человѣческаго ничего злого, но уничтожаетъ многія истины и добрыя мысли». Два дня спустя, 18-го іюля, архіепископъ отлучилъ отъ церкви Яна Гуса и его сторонниковъ, оповѣщая о томъ во всѣхъ церквахъ своего діоцеза [5]).

Прага пришла въ волненіе. Весь городъ раздѣлился на

[1]) Rayn., Ann. Eccles., ad a. 1409, № 89.

[2]) A papa male informato ad papam melius informandum.

[3]) Hist. et Monum. I, 113, 294; I, 17; I, 113 (ed. 1715; Palacky).

[4]) *Pelzel*, l. c., II, 568.

[5]) Chronicon Universitatis Pragensis ap. Palacky, Gesch. von Böhm., III, 252. Ein Originalexemplar des Bannspruchs vom 18 Juli 1410 befindet sich im Wit- [illegible] Archive (Ibid., Anm. 336).

двѣ партіи, осыпавшія другъ друга насмѣшками и бранью; въ различныхъ концахъ города раздраженіе выразилось дракой и насиліемъ [1]). Король, не смотря на свою вражду къ архіепископу, долженъ былъ принять строгія мѣры къ успокоенію города и запретить подъ страхомъ смертной казни всякое возбужденіе ненависти со стороны какой бы то ни было партіи. Разрывъ между Збинкомъ и Гусомъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ: не обращая вниманія на декреты архіепископа, Гусъ продолжаетъ проповѣдывать въ Виѳлеемской часовнѣ и въ торжественномъ собраніи университета говоритъ рѣчь въ защиту трактата Виклефа о св. Тройцѣ [2])...

Въ это бурное для Праги время, осенью 1410 года, прибыло извѣстіе, что папа Іоаннъ XXIII вполнѣ оправдываетъ всѣ распоряженія пражскаго архіепископа и требуетъ Яна Гуса въ Римъ къ отвѣту. Вячеславъ былъ оскорбленъ, какъ король; онъ написалъ папѣ собственноручное письмо [3]), въ которомъ изъявлялъ свою непремѣнную волю, чтобъ права Виѳлеемской часовни оставались ненарушимы и чтобъ «папа уничтожилъ личный призывъ Гуса въ Римъ, такъ какъ не согласно съ достоинствомъ королевства отдать столь полезнаго проповѣдника въ руки враговъ и тѣмъ возбудить волненіе въ народѣ» Это письмо не привело ни къ какимъ результатамъ и дѣло о Гусѣ шло своимъ обычнымъ путемъ: Гусъ отправилъ въ Римъ своихъ прокураторовъ, которые не были выслушаны, и въ Прагѣ, незадолго до смерти Збинка, было вновь возглашено во всѣхъ церквахъ отлученіе Гуса отъ церкви. Только смерть Збинка упразднила раздоръ Гуса съ «необразованнымъ и честолюбивымъ» архіепископомъ Праги. Временемъ смерти Збинка, сентябремъ 1411 г., заканчивается первый періодъ общественной дѣятельности Гуса, во все

---

[1]) Scr. rer. Bohem. III, 12.

[2]) Разсужденія Палацкаго по этому поводу крайне односторонни, см. Gesch. v. Böhm. III, 254.

[3]) Письмо напечатано Палацкимъ, ibid., S. 258, Anm. 347.

время котораго онъ оставался проповѣдникомъ въ Виѳлеемской часовнѣ и не покидалъ Праги, и наступаетъ второй.

Іоаннъ XXIII, какъ и его предшественники, былъ не только папа римской церкви, но и государь одной изъ итальянскихъ областей. Слабый, какъ государь, чтобъ бороться съ неаполитанскимъ королемъ Ладиславомъ, стремившимся къ объединенію подъ своею властью всей Италіи, Іоаннъ XXIII прибѣгъ къ средству, которымъ онъ владѣлъ, какъ папа, и въ концѣ 1411 года издалъ двѣ буллы: одною изъ нихъ онъ призывалъ весь католическій міръ на крестовый походъ противъ своего политическаго врага, другою—папа обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто такъ или иначе приметъ участіе или окажетъ содѣйствіе этому крестовому походу [1]). Подобныя буллы были явленіемъ столь обыкновеннымъ, что ни король Вячеславъ, ни архіепископъ Альбикъ не ожидали тѣхъ послѣдствій, какія произошли, когда въ Прагу прибылъ папскій легатъ Венцель Тимъ и начался сборъ денегъ и отпущеніе грѣховъ [2]).

Гусъ и его сторонники, въ особенности Іеронимъ Пражскій, всенародно, съ церковной каѳедры, стали проповѣдывать противъ правъ духовенства разрѣшать отъ грѣховъ за извѣстную сумму, давать индульгенціи [3]). Гусъ открыто и громко называлъ такое отпущеніе постыднымъ обманомъ; онъ говорилъ: «Если папа хочетъ побѣдить враговъ, то пусть слѣдуетъ примѣру Христа, намѣстникомъ котораго онъ себя величаетъ; пусть молится онъ за враговъ своихъ; пусть скажетъ: «царство мое не отъ міра сего; пусть дѣлаетъ добро врагамъ, пусть благословляетъ проклинающихъ его и тогда, только тогда Господь, по обѣщанію своему, дастъ ему такой языкъ и такую мудрость, которой не въ силахъ будутъ противиться всѣ враги его». Вслѣдъ за тѣмъ Гусъ, особыми при-

[1]) Hist. et Monum. I, f. 171 et 172.

[2]) *Pelzel*, l. c., II, 604, 607.

[3]) Contra bullam papae Joannis XXIII in qua erexit crucem adversus Ladislaum regem Apuliae, replica magistri Joannis Hus. Hist. et Monum. I, f. 189.

глашеніями, призывалъ всѣхъ на публичный диспутъ [1]), на которомъ онъ подвергнетъ обсужденію вопросъ о сообразности папской буллы съ заповѣдями христіанской религіи. Не смотря на противодѣйствіе короля и архіепископа, диспутъ состоялся: рѣчь Гуса, какъ всегда умѣренная, спокойная, произвела на слушателей глубокое, но не рѣзкое впечатлѣніе, между тѣмъ какъ огненная рѣчь Іеронима Пражскаго возбудила всѣхъ слушателей, особенно же молодежь, которая наградила оратора торжественными проводами. Этого мало: народъ устроилъ костеръ и сжегъ обѣ буллы Іоанна XXIII [2]). Защитники папскихъ распоряженій встрѣтили сопротивленіе въ народѣ: 10 іюля, въ воскресенье, трое молодыхъ людей изъ простого званія публично возражали латинскимъ сторонникамъ папскихъ буллъ и, не смотря на всѣ усилія Гуса, были тотчасъ же приговорены городскимъ совѣтомъ къ казни чрезъ обезглавленіе. Народъ видѣлъ въ нихъ мучениковъ, съ торжествомъ, при пѣніи церковной молитвы: *Isti sunt sancti*, отнесъ тѣла ихъ въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ была совершена торжественная, народная молитва за упокой душъ за народъ пострадавшихъ...

Раздраженіе обѣихъ партій, католико-нѣмецкой и чешско-православной дошло до крайнихъ предѣловъ. Противъ Гуса, какъ любимца народа, принимаются самыя строгія мѣры; папа Іоаннъ XXIII отлучилъ его отъ церкви и наложилъ интердиктъ на его мѣстопребываніе [3]); нѣмцы, члены городского совѣта, постановили взять Гуса въ самой часовнѣ, среди про-

[1]) Quaestio magistri Joannis Hus, disputata ab eo de indulgentiis, sive de cruciata papae Joannis XXIII fulminata contra Ladislaum Apuliae regem. Ibid. I, f. 174.

[2]) Die umständliche Schilderung des ganzen Aufzugs hat uns der bekannte M. Martin Lupac (1468) hinterlassen (M. S.) der als Student selbst daran Theil genommen hatte. *Palacky*. l. c., S. 278, Anm. 373.

[3]) Hist. et. Monum. I, 393 (ed. 1715). Die Forma processus moderni dati contra M. Joan. Hus findet sich undatirt in mehren Handscriften. *Palasky,* l. c. 286, Anm. 385.

повѣди, и когда народъ не допустилъ до такого насилія, рѣшились разрушить Виѳлеемскую часовню. «Вотъ,—говорилъ Гусъ,—образчикъ дерзости нѣмецкой!—безъ королевской воли не посмѣли бы разрушить печь у сосѣда, а дерзнули покуситься на храмъ Божій». Опасность, предстоявшая возлюбленному народомъ храму Божію, вызвала новыя волненіи въ Прагѣ; народъ рѣшился защищать свою часовню... Между тѣмъ, латинское духовенство прекратило всѣ церковныя требы—не вѣнчало, не причащало, не хоронило—такъ какъ на Прагу былъ наложенъ интердиктъ самимъ пребываніемъ въ ней Гуса. Янъ Гусъ, призывавшій всѣхъ къ молитвѣ и къ жизни, сообразной съ евангельскими заповѣдями, становился предметомъ удаленія народа отъ церковныхъ требъ,—онъ не желалъ подвергать Прагу церковному запрещенію: Гуссъ апеллируетъ на папу главѣ церкви Іисусу Христу и удаляется изъ Праги въ небольшое мѣстечко (Kosi hradec), на которомъ позже возникъ знаменитый Таборъ. Здѣсь Гусъ продолжалъ свою дѣятельность или проповѣдью въ полѣ, или сочиненіями: знаменитый *Tractatus de Ecclesia* [1]) былъ здѣсь задуманъ, составленъ и написанъ. Гусъ удалился со сцены ненадолго: вскорѣ латинское духовенство вызвало его вновь на сцену, и наступилъ третій актъ его жизненной дѣятельности, заключившійся трагическою смертью, которая поставила его такъ высоко въ глазахъ современниковъ и отнесла къ числу христіанскихъ мучениковъ приговоромъ потомства.

Въ мукахъ и страданіяхъ изживало средневѣковое обще-

---

[1]) Tractatus Magistri Joannis Hus de Ecclesia. Hist. et Monum., I, f. 196 255. Самое замѣчательное сочиненіе Гуса; въ немъ, между прочимъ, находимъ объясненіе тому обстоятельству, что соборъ поставилъ Гусу въ вину его исповѣданіе *единой*, *святой*, *каѳолической или вселенской церкви*. Ученіе Гуса о церкви уничтожало всю католическую систему и папство: церковь есть общеніе вѣрующихъ; она обнимаетъ всѣ народы земного шара; глава ея есть Господь Іисусъ Христосъ, *не имѣющій на землѣ своего намѣстника*; нѣтъ ни греко-восточной, ни западно-римской церкви, есть лишь одна церковь Христа,—греко-восточная ея часть сохранила истину, западно-римская же уклонилась отъ истины.

ство свою религію плоти: трое папъ—Іоаннъ XXIII, Григорій XII и Бенедиктъ XIII—были живымъ укоромъ католическому міру, распавшемуся на три части; крайній матеріализмъ и вопіющій развратъ латинскаго духовенства смущалъ религіозный покой вѣрующихъ; а между тѣмъ, на окраинахъ католическаго міра уже выступали сильные умы и предъявляли грозныя требованія: новыя мысли Джона Виклефа и истины Яна Гуса тревожили умъ и заронялн въ душу сѣмена иныхъ вѣрованій и иной жизни... Всѣ въ Европѣ требовали выхода изъ такого тяжелаго состоянія и вѣсть о созваніи собора была принята всюду съ восторгомъ. Стараніями короля Сигизмунда, папа Іоаннъ XXIII, буллою отъ 9 декабря 1413 года, созывалъ соборъ къ ноябрю слѣдующаго года въ имперскій городъ Констанцъ, въ Швабіи [1]). Здѣсь должны были разрѣшиться всѣ религіозныя и церковныя сомнѣнія средневѣковаго человѣка: въ Констанцѣ долженъ быть произнесенъ судейскій приговоръ надъ ученіемъ Яна Гуса и его сторонниковъ.

Гусъ не колеблясь согласился явиться въ Констанцъ; убѣжденный въ истинѣ своихъ проповѣдей, онъ видѣлъ въ Констанцкомъ соборѣ новое средство болѣе всесторонняго обсужденія и распространенія своего ученія. Въ письмѣ къ королю Сигизмунду [2]), Гусъ проситъ лишь о томъ, чтобъ ему было дозволено публично изложить свои взгляды и убѣжденія: «такъ какъ я ничему не училъ втайнѣ, то я желаю быть выслушаннымъ и разслѣдованнымъ не секретно, но въ публичномъ засѣданіи собора, и проповѣдывать и отвѣчать, какъ то повелитъ св. Духъ, всѣмъ, кто только пожелаетъ узнать истину; не страшусь исповѣдывать Господа Христа и готовъ, если

---

[1]) Акты Констанцкаго собора изданы *Herm v. d. Hardt*, Magnum oecumenicum Constantiense Concilium. Francof. et Lips. 1700. 6 v. in fol. Позже, въ 1742 г., былъ изданъ въ Берлинѣ седьмой томъ, заключающій въ себѣ указатель къ предъидущимъ шести.

[2]) Письмо отъ 1 сентября 1414 г.; оно еще не издано, но важнѣйшіе отрывки его напечатаны у Палацкаго, Gesch. von Böhm., III, 312, Anm. 423.

потребуется, пострадать смертью за его истинныя заповѣди». Еще задолго до открытія собора, въ первомъ же актѣ къ нему относящемся, Гусъ проситъ гласнаго, открытаго обсужденія, въ чемъ, какъ мы увидимъ, ему было отказано, и высказываетъ предчувствіе мученической смерти, въ чемъ, какъ извѣстно, предчувствіе не обмануло его. Гусъ писалъ это письмо къ Сигизмунду изъ Праги, куда онъ прибылъ на нѣсколько лишь дней, чтобъ явиться на созванный пражскимъ архіепископомъ синодъ мѣстнаго духовенства и дать отвѣтъ на всѣ взводимыя на него обвиненія, — «высокопочтенное собраніе, занятое разсмотрѣніемъ королевскаго порученія», отказалось выслушать Гуса; но, въ то же время, епископъ назаретскій Николай, поставленный папою инквизиторомъ въ Чехіи, далъ Гусу формальное удостовѣреніе [1]) въ томъ, что находитъ Гуса, «во всѣхъ его рѣчахъ, дѣяніяхъ и поступкахъ, добрымъ католикомъ, никогда не высказывавшимъ ничего дурного, подозрительнаго или ложнаго». Такой официальный актъ, данный важнѣйшимъ въ настоящемъ случаѣ представителемъ духовной власти въ Чехіи, долженъ былъ служить для Гуса солиднымъ обезпеченіемъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что его ученіе подвергнется на соборѣ серьезному обсужденію; охранная же грамота, полученная имъ отъ императора Сигизмунда, высшаго представителя свѣтской власти, должна была обезпечить его личность отъ какихъ бы то ни было случайностей [2]). Въ этомъ послѣднемъ актѣ сказано: «Мы, Сигизмундъ, Божіею милостію король римлянъ и т. д., принимаемъ достопочтеннаго магистра Гуса, баккалавра богословія и магистра искусствъ, подъ наше и Священной Имперіи покровительство и защиту; поэтому предписываемъ всѣмъ, чтобъ ему было дозволено про-

[1]) Datum Pragae, anno 1414 die penultima mensis Augusti (т.-е. 30 августа) Hist. et Monum. I, f. 2.

[2]) Datum Spirae anno Domini 1414 die Octobris 18. Hist. et Mon. I, f. 1. Гусъ былъ уже въ Констанцѣ, когда Вячеславъ изъ Дубы, одинъ изъ чешскихъ вельможъ, назначенныхъ королемъ для проводовъ Гуса, привезъ эту грамоту.

ѣхать въ Констанцъ, оставаться тамъ и свободно возвратиться, при чемъ, для охраны его и сопровождающихъ его лицъ, должно давать проводниковъ, ради чести и уваженія нашего величества».

Оба акта, инквизитора Николая и императора Сигизмунда, ручались чехамъ въ личной безопасности ихъ любимца; но никто не довѣрялъ этимъ актамъ, всѣ уговаривали Гуса не ѣхать въ Констанцъ, оставаться въ родной Чехіи, подъ защитою народной любви. Чехъ Двоки [1]) говорилъ Гусу, при прощаніи: «Тебя осудятъ, магистръ, будь въ томъ увѣренъ»; бѣдный портной полякъ Андрей [2]), разставаясь съ Гусомъ, говорилъ со слезами: «Господь да будетъ съ тобою; мнѣ сдается, дорогой и твердый Янъ, что ты едва ли возвратишься невредимымъ; да подастъ же тебѣ король, не венгерскій (т.-е. Сигизмундъ), но небесный, всѣ блага за твое вѣрное и старательное наставленіе въ томъ ученіи, которое я слышалъ отъ тебя». Самъ Гусъ довѣрялъ не обѣщаніямъ людей [3]), но собственному упованію на истину слова Божія—въ своемъ прощальномъ посланіи къ чехамъ [4]), Гусъ, наканунѣ выѣзда изъ Праги, писалъ: «Число моихъ враговъ превысить число враговъ, бывшихъ противъ нашего Спасителя — епископы, магистры, князья міра сего и фарисеи! Но я уповаю на Господа, моего всемогущаго Искупителя, что онъ, по обѣщанію своему и по молитвѣ моей, даруетъ мнѣ разумъ и мудрый языкъ, такъ что они не будутъ въ состояніи противустать ни тому, ни другому, и, сверхъ того, пошлетъ мнѣ св. Духа, чтобъ я твердо пребылъ въ его истинѣ, такъ чтобъ никакія «врата

---

[1]) Hist. et Mon., I, f. 68. ep. 34.

[2]) Ibid. ep. 33.

[3]) Палацкій высказываетъ взглядъ, совершенно противный нашему: Huss verliess sich auf das königliche Wort, auf den Schutz der ihn begleitenden Barone, und endlich auf die in dem Einberufungsschreiben von Kaiser und Papst im Namen des Reichs und der Kirche verkündigte Sicherheit aller Derjenigen, welche das Concilium besuchen würden. Gesch. von Böhm., III. 316.

[4]) Hist. et Monum., I, f. 57. ep. 2.

адовы» не могли отвлечь меня отъ нея. Господь дастъ мнѣ силу презирать темницу и мученическую смерть. Если моя смерть можетъ прославить Его имя, то пусть Господь поскорѣе пошлетъ ее и дастъ мнѣ милость перенесть всѣ страданія; если же я долженъ возвратиться къ вамъ, то помолимся вмѣстѣ Господу, чтобъ это не повредило евангельской истинѣ, чтобъ мы болѣе чисто познали ту истину, искоренили бы ученіе антихриста и могли бы дать нашимъ братьямъ примѣръ, достойный подражанія. Быть можетъ, вы меня не увидите болѣе въ Прагѣ, но Господь да дозволитъ намъ свидѣться въ вѣчной жизни».

Переѣздъ Гуса изъ Праги въ Констанцъ былъ рядомъ торжествъ. Во всѣхъ городахъ народъ выходилъ къ нему навстрѣчу, желая видѣть его лицо и слышать его рѣчь; во всѣхъ городахъ Гусъ вызывалъ желающихъ состязаться съ нимъ, вызывалъ публично, особыми объявленіями [1]). Хозяева домовъ, въ которыхъ онъ останавливался, радушно принимали его; народъ «знаменательно прислущивался къ евангельской проповѣди Гуса на нѣмецкомъ языкѣ». Прибывъ въ Нюрнбергъ, Гусъ такъ описывалъ свое путешествіе въ письмѣ къ своимъ пражскимъ друзьямъ [2]): «Знайте, что съ того самаго дня, какъ я выѣхалъ изъ Чехіи, мнѣ уже не нужно было скрывать подъ капюшономъ своего лица. Во-первыхъ, въ городѣ Перновѣ приходской священникъ ожидалъ меня со своими викаріями; когда я вошелъ въ его домъ, онъ поднесъ мнѣ большую чашу вина, вмѣстѣ съ своими товарищами любезно выслушалъ мое ученіе и объявилъ, что всегда былъ моимъ другомъ. Затѣмъ, въ Нейбургѣ всѣ нѣмцы приняли

[1]) Hist. et Monum., I, f. 4. Historia sanctissimi martyris Joannis Hus, digna quae a piis hominibus cognoscatur (I, f. 1—29). Es ist eine im XVI Jahrh. unternommene freie Ueberarbeitung des Werken von Mladenowic, mit vielfachen Interpolationen und noch häufigeren Weglassungen. Palacky, l. c., III. 316, Anm. 428.

[2]) Epistola quam Norimbergae scriptam Pragam transmisit suis fidelibus amicis. Hist. et Monum. I. f. 57, ep. 3.

меня весьма благосклонно. Вейденъ проѣхали мы при великомъ стеченіи народа, выражавшемъ свое удивленіе. Прибывъ въ Зульцбахъ, мы остановились въ томъ домѣ, въ которомъ собрался земскій судъ, *Landgericht*; я сказалъ, обращаясь къ думнымъ совѣтникамъ и старшинамъ: «Я тотъ самый магистръ Янъ Гусъ, о которомъ, полагаю, вы слышали много дурного. Испытайте же меня сами». Много бесѣдуя со мною, они весьма милостиво приняли мои положенія. Затѣмъ мы проѣхали Гершпругъ и ночевали въ городѣ Лауффѣ, гдѣ посѣтилъ меня приходской священникъ, великій законовѣдецъ, съ своими викаріями: я съ нимъ бесѣдовалъ и онъ согласился со мною. Такъ мы прибыли въ Нюрнбергъ, гдѣ прибытіе наше было возвѣщено заранѣе купцами, опередившими насъ, вслѣдствіе чего народъ стоялъ на площадяхъ, озираясь и спрашивая, кто Янъ Гусъ?.. Во время обѣда, меня извѣстили, что на дворѣ собралось много гражданъ и магистровъ, желавшихъ видѣть и бесѣдовать со мною; я тотчасъ всталъ изъ-за стола и вышелъ къ нимъ. Магистры говорили, что желаютъ бесѣдовать со мною на-единѣ, но я объявилъ имъ: «Я проповѣдую всенародно и потому хочу, чтобъ всѣ желающіе слышали меня». И съ того времени до поздней ночи мы разговаривали въ присутствіи думныхъ совѣтниковъ и простыхъ гражданъ... Въ заключеніе всѣ магистры и граждане остались мною довольны и сказали: все, что мы слышали отъ тебя, магистръ, совершенно согласно съ истинной вѣрой; и мы въ теченіе многихъ лѣтъ учили тому же, хранили то же ученіе и хранимъ. И если противъ васъ не будетъ ничего иного, то вы, конечно, съ честію возвратитесь съ собора [1]). Затѣмъ мы разстались друзьями».

Чѣмъ болѣе приближался Гусъ и его спутники къ цѣли своего путешествія, тѣмъ затруднительнѣе и дороже стано-

---

[1]) Эта рѣчь магистровъ и гражданъ къ Гусу напечатана не въ текстѣ, но на полѣ (ibid. f. 58); весьма возможная и вѣроятная по содержанію, она отличается по своей формѣ отъ состава всего письма.

вился путь,—не доѣзжая лишь нѣсколькихъ миль до Констанца, они продали своихъ лошадей, содержаніе которыхъ не соотвѣтствовало ихъ средствамъ. «У меня остается,—пишетъ Гусъ [1]),—только одна лошадь, которая лучше другихъ переноситъ трудъ; быть можетъ, она будетъ нужна, чтобъ выѣхать за городъ, на встрѣчу королю». Всѣ дороги, ведущія въ Констанцъ, были запружены всадниками, экипажами, фурами; окрестныя деревни были заняты прислугою прибывшихъ въ городъ господъ; самый городъ былъ переполненъ представителями всѣхъ націй и сословій: около 100.000 иностранцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, мужчинъ и женщинъ, прибыли въ небольшой городъ; болѣе 40.000 лошадей, верховыхъ и вьючныхъ, расположились въ городѣ и его окрестностяхъ. Кромѣ императора и папы, прибывшихъ съ огромною свитою, въ Констанцъ пріѣхали всѣ курфюрсты, 53 князя, 132 графа, болѣе 700 рыцарей, послы всѣхъ державъ и вольныхъ городовъ, много музыкантовъ и пѣсенниковъ, шутовъ и фигляровъ, всякой челяди свѣтскаго общества среднихъ вѣковъ; духовенство было представлено на соборѣ не менѣе блестяще: 4 патріарха, 29 кардиналовъ, 47 архіепископовъ, 160 епископовъ, болѣе 200 аббатовъ, множество докторовъ богословія, еще большее число монаховъ, и «болѣе 700 продажныхъ красавицъ, не считая тѣхъ, которыя тайно занимались тѣмъ же», говоритъ Ульрихъ Рейхенталь [2]), которому было поручено вести списокъ всѣхъ пріѣзжающихъ. Гусъ пріѣхалъ въ Констанцъ довольно поздно,—въ субботу, 3-го ноября, послѣ праздника всѣхъ святыхъ, и остановился въ домѣ вдовы Фиды [3]). Черезъ два дня, 5-го ноября, послѣдовало торжественное открытіе собора, что и подало поводъ думать, что папа Іоаннъ XXIII ожидалъ

[1]) Hist. et Mon., I, f. 58, ep. 5.

[2]) *Weber*, Das Papsthum und die Päpste, II, 237.

[3]) Hist. et Mon., I, 4 et 58. Ср. противорѣчивыя указанія Новикова (Русск. Бес., 1858, 1, 16) и Палацкаго (Gesch. von Böhm., III, 317).

Гуса и потому откладывалъ день открытія засѣданій перваго общеевропейскаго конгресса [1]).

Еще на родинѣ, Гусъ приготовилъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ онъ думалъ исповѣдать свою вѣру и свои убѣжденія предъ епископами и докторами всѣхъ народовъ; намъ извѣстны три [2]) изъ его рѣчей: *о достаточности заповѣдей Христа для управленія церковью,* въ которой онъ высказываетъ свои убѣжденія относительно устройства и управленія церковью на основѣ Св. Писанія; *рѣчь для уясненія своей вѣры*, въ которой Гусъ предлагаетъ отчетъ относительно своихъ вѣрованій, и *рѣчь о мирѣ*, въ которой онъ разсматриваетъ вопросъ, наиболѣе интересный для собора—средства къ возстановленію мира внутри церкви. Первое время своего пребыванія въ Констанцѣ Гусъ былъ совершенно свободенъ отъ занятій: всѣхъ засадили за работу, пишетъ онъ [3]), меня одного оставляютъ въ покоѣ. Въ это-то время, не вызываемый еще на судъ и оставленный въ покоѣ, Гусъ написалъ свое знаменитое сочиненіе о необходимости причащенія мірянъ подъ обоими видами. Это сочиненіе произвело въ Чехіи большое волненіе и, въ рукахъ его враговъ, было новымъ обвиненіемъ въ ереси [4]); но тѣ три рѣчи не были произнесены Гусомъ на соборѣ,—три недѣли спустя послѣ прибытія въ Констанцъ, 28-го ноября, вечеромъ, Гусъ былъ арестованъ: въ ту же ночь онъ былъ спрятанъ въ домѣ одного констанцкаго каноника, гдѣ содержался подъ большою стражею восемь дней, и 6-го декабря отведенъ въ доминиканскій монастырь, на берегу Рейна, гдѣ посаженъ въ мрачную, сырую темницу, смежную съ отхожими мѣстами монастыря [5]).

---

[1]) Dilato in tertium Novembris concilio, nondum visus Hussus, a tertio in quintum differri sua mora suasisse videtur etc. V. d. Hardt, l. c. IV, p. 11. Первоначально соборъ былъ назначенъ на 1 сентября. Эту догадку высказываютъ *Неандеръ* (Kleine Schrift., 236) и Палацкій (l. s. c., III, 319).

[2]) Всѣ три рѣчи см. Hist. et Mon., I, 44—48; 48—51; 52—56.

[3]) Ibid. I, f. 58, ep. 7. [4]) Ibid. I, f. 42. [5]) *Palacky*, Gesch. von Böhm, III, 326, Anm. 438.

Заточеніе Гуса, противъ котораго сильно и рѣзко протестовалъ рыцарь Янъ изъ Хлума [1]), было нарушеніемъ охранной грамоты, данной Сигизмундомъ, и, потому, оскорбленіемъ императорскаго достоинства. Сигизмундъ, извѣщенный объ арестованіи Гуса, видѣлъ въ этомъ личное свое оскорбленіе, приказалъ освободить его и, если нужно, «разломать двери темницы» [2]); но вскорѣ по прибытіи въ Констанцъ, уступилъ настояніямъ членовъ собора и, 29-го декабря, въ общемъ собраніи оправдалъ мѣру, принятую соборомъ противъ Гуса, требуя, однако, чтобы Гусъ былъ выслушанъ въ полномъ собраніи, на публичномъ засѣданіи. Друзья Гуса скрывали отъ него предательство Сигизмунда и Янъ изъ Хлума, въ письмѣ къ Гусу, умалчиваетъ объ этомъ: «Король былъ сегодня въ полномъ собраніи представителей всѣхъ націй и говорилъ о дѣлахъ твоихъ, особенно же о публичномъ выслушаніи тебя; на это послѣдовалъ единодушный утвердительный отвѣтъ. Друзья твои настоятельно просили о перемѣщеніи тебя въ болѣе здоровое и опрятное мѣсто, гдѣ бы ты могъ отдохнуть и собраться съ силами. Но, ради Бога, ради святой истины и вѣчнаго спасенія, не отрекайся отъ истины, изъ страха лишиться ничтожной, временной жизни» [3]).

Темница дѣйствительно была до того сыра и вредна для здоровья, что Гусъ немедлено заболѣлъ. «У меня зубы болятъ,—пишетъ Гусъ [4]),—меня безпокоитъ кровохарканье, головная боль и каменная болѣзнь».

Но увѣщаніе друга пребывать твердымъ въ истинѣ было совершенно излишнимъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ изъ темницы Гусъ пишетъ [5]): «Только теперь научился я понимать псалтырь, хорошо молиться и вѣрно судить о страданіяхъ Христа и мучениковъ». Въ тюрьмѣ, удрученный болѣзнями, Гусъ не покидаетъ увѣренности въ томъ, что про-

---

[1]) Hist. et Mon., I, f. 75.—V. d. *Hardt*, l. c., IV, 27. [2]) V. d. Hardt, l. c., IV, 26; II, 155. [3]) Hist. et Mon., I, f. 72, ep. 47. [4]) Ibid. I, f. 69, ep. 37. [5]) Ibid. I, f. 734, ep. 50.

повѣданное имъ ученіе истинно, что оно не погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ, но восторжествуетъ послѣ его смерти и станетъ истиною всего міра [1]): «Я надѣюсь, что говоренное мною подъ кровлею, будетъ проповѣдываться съ кровли». Уже совсѣмъ разстроенный, въ горячкѣ, Гусъ видитъ сны, но сны, въ которыхъ ясно проявляется то же сознаніе истинности его ученія; вотъ одинъ изъ такихъ сновъ, переданный имъ въ письмѣ къ Яну изъ Хлума [2]): «Мнѣ снился сонъ въ нынѣшнюю ночь. Я видѣлъ, что они хотѣли разрушить и разрушили всѣ изображенія Христа въ Виѳлеемѣ; вставъ на другой день, я увидѣлъ многихъ живописцевъ, которые расписывали въ большемъ числѣ и болѣе изящныя иконы, на которыя я радостно взиралъ; живописцы же вмѣстѣ съ многочисленнымъ народомъ говорили: «Пусть же теперь являются епископы и священники и уничтожаютъ эти наши иконы». Этому радовались многіе въ Виѳлеемской часовнѣ, и я съ ними. Проснувшись, я много смѣялся». Его вѣра такъ сильна, что онъ даже болѣзни свои объясняетъ «наказаніемъ за грѣхи» и видитъ въ страданіяхъ своихъ «знакъ Божіей къ нему милости». Въ другомъ письмѣ [3]) Гусъ говоритъ: «Милосердный Господь ниспосылаетъ мнѣ то утѣшеніе, то скорбь; но я уповаю, что Господь всегда пребываетъ со мною въ моихъ страданіяхъ». Янъ изъ Хлума проситъ Гуса не отрекаться отъ истины ради страха лишиться жизни; такая просьба была излишня для того, кто презиралъ смерть: «Я возлагаю мою надежду на Господа,—пишетъ Гусъ [4]),—и въ этомъ упованіи, я надѣюсь, при помощи святыхъ и вашей, пребыть вѣрнымъ истинѣ до самой моей смерти». Заточеніе не страшило его, но смущало, отрывая у него надежду громко и публично изложить предъ соборомъ свое вѣроученіе; онъ пишетъ по этому поводу своему защитнику, рыцарю Яну изъ Хлума [5]): «Тамъ, на соборѣ, я, при помощи Божіей, ясно изложу истину; я лучше хочу, чтобъ

[1]) Ibid. I, f. 72, ep. 48. [2]) Ibid. I, f. 71, ep. 44. [3]) Ibid. I, f. 73, ep. 51.
[4]) Ibid. I, f. 66, ep. 29. [5]) Ibid. I, f. 69, ep. 35.

мое тѣло было сожжено огнемъ, чѣмъ оставаться здѣсь, постыдно спрятаннымъ; я хочу, чтобъ весь христіанскій міръ узналъ, наконецъ, что я говорю».

Во все время пребыванія Гуса въ темницѣ доминиканскаго монастыря, сперва въ сырой и нездоровой, затѣмъ въ болѣе опрятной, куда онъ былъ переведенъ 8 января 1415 г. [1]), велись частные допросы Гуса особыми комиссарами [2]), назначенными отъ собора. Объ этихъ частныхъ допросахъ ничего не говорится въ соборныхъ актахъ и, по справедливому замѣчанію Новикова, они относятся къ темной сторонѣ римской инквизиціи [3]). При этихъ допросахъ были свидѣтели, но «свидѣтели эти были все люди столь презрѣнные, что ихъ не нужно было бы и опровергать, если бъ они не были въ то же время и судьями» [4]). Больной, Гусъ просилъ, чтобъ ему дозволено было имѣть адвоката; ему въ этомъ отказали. «Такъ пусть же,—сказалъ Гусъ [5]),—самъ Господь Іисусъ будетъ моимъ адвокатомъ и прокураторомъ; Онъ скоро самихъ васъ призоветъ на судъ». Желая во что бы то ни стало осудить Гуса, соборъ не могъ дозволить ему имѣть защитника,—членъ собора, одинъ изъ представителей французской націи, публично заявилъ [6]): «Если бы Янъ Гусъ получилъ адвоката, то онъ никогда не былъ бы обвиненъ» [7]). Ходъ частныхъ допросовъ тѣмъ менѣе можетъ быть возстановленъ во всей ихъ подробности [8]), что

---

[1]) Ibid. II, f. 6 (ed. 1715), *Palacky*, Gesch. von Böhm., III, 330.

[2]) Іоаннъ, патріархъ константинопольскій, нѣмецъ Іоаннъ, епископъ лебушскій, и итальянецъ Бернардъ, епископъ кастельскій (Citta di Castello). Rayn., Ann. Eccl., a. 1414, § 10. Ср. V. d. *Hardt*, l. c., IV, 23. Послѣ бѣгства папы Іоанна XXIII изъ Констанца (20 марта 1415 г.), назначенные имъ три комиссара теряли свое полномочіе и соборъ, 6-го апрѣля, назначилъ слѣдующихъ четырехъ комиссаровъ: кардиналовъ Петра изъ Альяко и Вильгельма Кордіанскаго, епископа дольскаго и аббата цистерцкаго.

[3]) Русск. Бес., 1858, I, 33. [4]) Hist. sanct. mart. Hus, I, f. 7. [5]) Hist. et Mon., I, f. 71, ep. 46. [6]) Opp. Gerson. ed. Du-Pin. IV, 444.

[7]) Johannes Huss... si habuisset advocatum nunquam fuisset convictus.

[8]) Прекрасныя изысканія по этому поводу предложены *Новиковымъ*, l. s. c., стр. 33 sqq.

въ это именно время тайная переписка Гуса съ друзьями, служащая въ данномъ случаѣ единственнымъ руководителемъ, была открыта и, вслѣдствіе усиленнаго надзора, стала болѣе затруднительною. Причину того объясняетъ самъ Гусъ въ одномъ изъ писемъ [1]): «Помните ли мое письмо къ Якубку [2]), въ которомъ я говорилъ: *враги угрожаютъ мнѣ, что я не получу публичной аудіенціи, если не заплачу 2.000 червонцевъ служителямъ антихриста?* Копію съ этого письма и отвѣтъ магистра Якубка, какъ кажется, отдалъ довольно обстоятельный и рѣзкій Михаилъ [3]) и, придя вмѣстѣ съ патріархомъ, нотаріями и свидѣтелями въ темницу, сталъ противъ меня. Одинъ изъ комиссаровъ, вручивъ мнѣ копію, спросилъ меня подъ присягой: «Твое ли это письмо?» Я отвѣчалъ утвердительно... Меня жестоко поразило это письмо въ рукахъ противниковъ, *перехваченное* хитростью Михаила и его сыщиковъ. Досадно было мнѣ и на магистра Якова, который постоянно твердитъ, что должно остерегаться лицемѣровъ, а самъ больше всѣхъ довѣряется имъ и попадаетъ въ сѣти ихъ. Я полагаю, что письмо его должно быть грозно: я не читалъ его,—оно не дошло до меня». Теперь не только самъ Гусъ становится осторожнѣе, но и друзьямъ совѣтуетъ быть осмотрительнѣе [4]): «Кланяйтесь друзьямъ, но будьте осторожнѣе, чтобъ враги не спросили: почему вы знаете, что онъ вамъ кланяется?» Тѣмъ не менѣе, переписка продолжалась, такъ какъ тюремщики забывали за стаканомъ вина суровость своихъ обязанностей. Изъ числа темничныхъ стражей Гусъ особенно полюбилъ одного, Роберта, для котораго написалъ во-

[1]) Hist. et Mon., I., f. 71, ep. 43.

[2]) M. Iakúbek ze Stříbra; Iacobus de Misa, отъ *Misa*, небольшого города въ Пильскомъ округѣ Чехіи. Подробности см. *Palacky*, l. c., III, 332, Anm. 443.

[3]) Самый ревностный гонитель Гуса, бывшій священникъ пражской церкви св. Адальберта, Михаилъ (von Deutschbrod), назначенный папою въ прокураторы вѣры, procurator *de causis* fidei,—отчего онъ и извѣстенъ подъ болѣе употребительнымъ сокращеннымъ названіемъ— *Michael de Causis*.

[4]) Hist. et Mon., I. f. 72, ep. 46.

семь небольшихъ трактатовъ [1]); о немъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ [2]).

Гусъ, производившій всегда глубокое впечатлѣніе, очаровывавшій своихъ собесѣдниковъ, скоро побѣдилъ и суровость своихъ темничныхъ стражей, нѣмецкихъ тюремщиковъ. Въ концѣ января, недѣли черезъ три послѣ перевода его въ болѣе покойный и здоровый казематъ, съ вѣдома, конечно, властей предержащихъ, Гуса навѣстили его чешскіе друзья [3]). Мѣсяца два спустя, въ концѣ марта, подобное свиданіе повторилось [4]). Эти два свиданія, преимущественно съ чехами, много облегчили изстрадавшуюся душу Гуса: въ своихъ письмахъ [5]) Гусъ не разъ, съ горечью, упоминаетъ о томъ, что «ни одинъ чехъ не посѣщаетъ его темницы», и съ точностью передаетъ, что тогда-то «меня посѣтили поляки и между ними только одинъ чехъ». Но еще большее утѣшеніе доставили Гусу его чешскіе друзья, обѣщавъ ему прислать библію: Гусъ настойчиво напоминаетъ друзьямъ объ этомъ обѣщаніи [6]), видитъ въ немъ «доброе дѣло», указываетъ путь, которымъ можно переслать ему библію, и успокоивается, лишь получивъ ее.

Въ новѣйшее время, когда «злоба дня» устранила всякое безпристрастіе въ обсужденіи прошлыхъ судебъ чешской исторіи, отношенія Гуса къ его соотечественникамъ, къ чехамъ, подали поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Къ приведеннымъ выше упоминаніямъ Гуса о томъ, что чехи не посѣщаютъ его темницы, присоединяли отзывъ папы Іоанна XXIII [7]), который отказался защищать Гуса отъ публичныхъ поруга-

---

[1]) Всѣ эти трактаты изданы въ первомъ томѣ Hist. et Mon.: 1) De mandatis Domini, f. 29. 2) De oratione Dominica, f. 31. 3) De peccato mortali, f. 32. 4) De matrimonio, f. 33. 5) De cognitione et dilectione Dei, f. 35. 6) De tribus hostibus hominis et septem peccatis mortalibus, f. 36. 7) De poenitentia, f. 37. 8) De sacramento corporis et sanguinis Domini, f. 38—42.

[2]) Ibid. I, f. 74, ep. 51; см. примѣч. 178. [3]) Ibid. [4]) Ibid. I, f. 75, ep. 55. [5]) Ibid. I, f. 74, ep. 51; ep. 52. [6]) Ibid. I, f. 74, ep. 52; ep. 53.

[7]) Hist. et Mon. I, f. 58, ep. 5; Новиковъ, l. c., стр. 17.

ній, такъ какъ «его поносятъ его же собственные соотечественники»; вспоминали, что злѣйшій врагъ Гуса на соборѣ. Палечъ, и пражскіе священники и ученые, свидѣтельствовавшіе противъ него, были чехи, и отсюда выводили, что въ погибели Гуса болѣе всего повинна «вражда къ нему его соотечественниковъ»; собственное признаніе Гуса, высказанное имъ письменно [1]), что «уроженцы Чехіи враждебнѣе всѣхъ настроены противъ него», подтверждало, казалось, такой выводъ. Въ подобномъ вопросѣ всякое недоразумѣніе было бы крайне прискорбно; въ данномъ же случаѣ тѣмъ болѣе, что оно связано съ вопросомъ, безъ яснаго уразумѣнія котораго остается непонятнымъ ни появленіе Гуса, ни значеніе его дѣятельности. Дѣло въ томъ, что вѣроисповѣдное развитіе Чехіи раздѣлило, какъ мы видѣли, все населеніе на двѣ группы, отличныя по своимъ идеямъ и вѣрованіямъ,—на группу католическую, вскормленную на основахъ латинской вѣры и латинской образованности, и на группу православную, сохранявшую тѣ грековосточныя преданія, которыя вызвали появленіе Гуса и дали его дѣятельности извѣстное направленіе и значеніе. Противъ Гуса была католическая партія чеховъ; чехи были противъ Гуса не какъ соплеменники, а какъ католики, религіозные противники выставленнаго Гусомъ ученія. Это различіе тѣмъ болѣе важно, что въ дѣлѣ развитія чешской образованности католическая партія представляла западное, а православная—народное начало. Раздѣленіе, вызванное религіознымъ развитіемъ, скоро приняло культурный оттѣнокъ и затѣмъ дало обѣимъ партіямъ извѣстную политическую окраску. Этимъ-то, въ новѣйшее время, хотѣли воспользоваться враги чешскаго народа: если справедливо, что чехи были главными врагами Гуса, то у него не было друзей—изъ нѣмцевъ. Гусъ отзывается съ участіемъ лишь о тюремщикѣ Робертѣ! Печатаемыя нами четыре письма Гуса и событія, сопровождавшія по-

---

[1]) Ibid., ср. 3

слѣдніе мѣсяцы его жизни, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно разсматриваемаго вопроса.

Насильственное, обманное заточеніе Гуса вызвало общее негодованіе въ Чехіи; протестъ за протестомъ, одинъ сильнѣе другого, ясно указывали отношеніе чеховъ къ Гусу. Заточеніе Гуса послѣдовало 28 ноября 1414 г., а первый протестъ [1]) чешскихъ вельможъ подписанъ 8 декабря: чехи, обращаясь къ императору, «на котораго, послѣ Бога, они болѣе всего надѣются», просятъ его, «велѣть вывести Гуса изъ темницы на публичное засѣданіе собора, дозволить ему свободно говорить и защищать истину, прекращая разомъ всѣ ложныя обвиненія, наносящія безславіе *чешскому народу*». Спустя два мѣсяца, въ началѣ февраля 1415 г., прибылъ въ Констанцъ второй протестъ [2]), въ которомъ «князья и вельможи, богатые и бѣдные, удивляются дерзости папы, заточившаго безъ причины человѣка невиннаго и праведнаго, который поѣхалъ на Констанцкій соборъ, чтобъ оправдаться въ клеветѣ, взведенной на него и на весь *чешскій народъ*». Вельможи Чехіи и Моравіи не отдѣляютъ Гуса отъ народа и въ двухъ официальныхъ актахъ признаютъ интересы Гуса вполнѣ солидарными съ интересами всего чешскаго народа!

Близорукій Сигизмундъ былъ непреклоненъ; послѣ бѣгства папы Іоанна XXIII въ Шафгаузенъ, къ своему покровителю, несчастному австрійскому герцогу Фридриху, императоръ передаетъ Гуса въ руки личнаго его врага, епископа констанцкаго. «Боясь, чтобъ Гусъ не былъ освобожденъ друзьями изъ темницы доминиканскаго монастыря, такъ какъ стражей было очень немного, а монастырь находился въ стѣнахъ города, епископъ, въ среду же на Страстной недѣлѣ, 27 марта, ночью, въ сопровожденіи 170 воиновъ, перевезъ Гуса въ замокъ Гот-

---

[1]) Epistola baronum regni Bohemiae, quam scripserunt Romanorum et Hungariae regi Sigismundo ad Constantiam. Ibid. I, f. 75, ep. 58.

[2]) Epistolam subscriptam domini et barones regni Bohemiae et marchionatus Moraviae direxerunt Constantiam Sigismundo regi Romanorum et Hungarorum pro liberatione M. Ioh. Hus. Ibid. I, f. 76, ep. 59.

либенъ, лежащій неподалеку отъ Констанца, на берегу Боденскаго озера, гдѣ приставилъ къ нему сильную стражу и заковалъ въ ножныя кандалы»[1]). Здѣсь томился Гусъ, изнуряемый голодомъ[2]), лишенный св. причастія, о чемъ онъ вспоминалъ за нѣсколько дней, въ письмѣ къ друзьямъ въ Прагу[3]): «Возрадуйтесь всѣ, собранные во имя Господа, привѣтствуйте другъ друга и приготовьте себя къ тому, чтобъ быть достойными принять передъ Пасхой тѣло Христово. Я лишенъ на время причастія и буду его лишенъ, пока то угодно будетъ Богу. Это не удивительно—апостолы Христовы и многіе другіе святые, будучи въ темницахъ и пустыняхъ, были лишены причастія».

Занятый низложеніемъ Іоанна XXIII, бѣглаго папы, соборъ вновь обратилъ свое вниманіе на Гуса лишь спустя мѣсяцъ, когда изъ Чехіи явился третій протестъ[4]), въ которомъ чехи, моравы и поляки говорятъ, что до нихъ «дошли возмутительные слухи, будто Гусъ переведенъ констанцкимъ епископомъ въ другую темницу и тамъ, подъ суровою и невыносимою стражею, изнемогая отъ голода, терпитъ недостойныя оскорбленія». Вслѣдствіе такихъ настояній соотечественниковъ Гуса и соплеменниковъ, онъ, въ началѣ іюня, былъ переведенъ изъ Готлибена въ Констанцъ, въ монастырь францисканцевъ, а въ его готлибенскій казематъ былъ помѣщенъ низложенный Іоаннъ XXIII...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался Гусъ въ Готлибенѣ, и отъ того времени не сохранилось ни одного письма, ни

---

[1]) Ein nach Böhmen geschriebener noch ungedruckter Brief. *Palacky*, l. c., III, 339, Anm. 448. Ср. Hist. et Mon., I, f. 7: usque ad diem Mercurii *ante* festum Palmarum, конечно, вм. *post* f. P., такъ какъ въ Вербное воскресенье Гусъ находился еще въ прежней темницѣ. *Новиковъ*, l. c., 48. Пасха въ 1415 г. была 31 марта; потому среда на Страстной недѣлѣ- 27, а не 28 марта.

[2]) Fame et siti angustiatus... diaeta levissima attenuatus. Ibid. I, f. 7.

[3]) Hist. et Mon. I, f. 73, ep. 50.

[4]) Literam subscriptam direxerunt barones Constantiam regi Romanorum et Hungariae. Ibid. I, f. 77, ep. 60.

одного извѣстія о немъ и отъ него; мы слышимъ опять его голосъ лишь 5 іюня, когда состоялось первое публичное засѣданіе, послѣ шестимѣсячнаго заточенія.

Гусу были даны три аудіенціи, на которыхъ онъ долженъ былъ защищаться отъ обвиненій, формулированныхъ главнѣйшимъ образомъ Михаиломъ De Causis и ученымъ Жерсономъ, который выбралъ изъ сочиненій Гуса 19 статей, по его мнѣнію, «еретическихъ и поэтому подлежащихъ осужденію».

Первая аудіенція (5-го іюня, въ среду), собственно говоря, не состоялась: шумъ, крикъ и общее смятеніе заставили закрыть засѣданіе. «Смятеніе и безпорядокъ были такъ велики,—говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ чеховъ,—что, казалось, это дикіе звѣри, а не ученые мужи, сошедшіеся для обсужденія великихъ и важныхъ дѣлъ». Гусъ заявилъ о томъ публично: «Право, я думалъ, что на этомъ соборѣ все должно идти приличнѣе, лучше и порядочнѣе». Тогда старшій кардиналъ отвѣчалъ: «Какъ ты можешь такъ говорить? въ замкѣ ты говорилъ разумнѣе». Тогда я сказалъ: «Въ замкѣ никто не кричалъ противъ меня, теперь же вы всѣ кричите разомъ». Эта первая аудіенція важна лишь тѣмъ, что на ней ясно высказалось, насколько соборъ былъ безпристрастенъ въ дѣлѣ Гуса: прежде чѣмъ Гусъ былъ введенъ, были читаны протоколы предварительнаго слѣдствія; одинъ чехъ, стоявшій сзади чтеца, увидѣлъ изготовленный и подписанный уже приговоръ Гуса; онъ передалъ это Петру изъ Младеновицъ, этотъ Вячеславу изъ Дубы и Яну изъ Хлума, а они Сигизмунду.

На второмъ засѣданіи (7 іюня, въ четвергъ) присутствовалъ императоръ Сигизмундъ. Михаилъ De Causis, кардиналъ камбрейскій, извѣстный *malleus haereticorum*, кардиналъ Петръ Альяко, кардиналъ флорентійскій Францискъ Забарелла, англичанинъ Джонъ Стоксъ и мн. др. выступили на этомъ засѣданіи обвинителями Гуса Общій характеръ преній заключался въ томъ, что Гусъ долженъ былъ или отвергать

ложно на него взведенное, или указывать точный смыслъ своихъ словъ, превратно истолкованныхъ. Императоръ, по обычаю, долженъ былъ самъ закрыть засѣданіе; Сигизмундъ закрылъ его слѣдующимъ обращеніемъ къ Гусу: «Я обѣщалъ тебѣ мое покровительство на время путешествія и по пріѣздѣ, чтобъ тебѣ не было сдѣлано ни малѣйшей обиды и чтобъ ты могъ свободно, передъ цѣлымъ соборомъ, изложить свои мнѣнія и дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Ты видишь самъ, какъ добросовѣстно и снисходительно выполнили мое обѣщаніе кардиналы и епископы, за что я обязанъ имъ благодарностью» [2]). S'il ne s'agissait pas d'une affaire très sérieuse,— замѣчаетъ французскій историкъ Констанцкаго собора [3]),— ne dirait-on pas que l'empereur se moquait des cardinaux et qu'en même temps il insultait à la misère de Jean Hus? О результатѣ этого второго засѣданія Гусъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [4]): «Всемогущій Господь даровалъ мнѣ сегодня сердце неустрашимое и твердое. Двѣ статьи сняты съ меня; надѣюсь на милость Божію, что снимутся и другія. Противъ меня всѣ кричали, какъ іудеи противъ Іисуса».

Третье и послѣднее засѣданіе было вслѣдъ за вторымъ (8 іюня, въ пятницу). Судя по тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались на немъ, оно должно быть признано самымъ важнымъ и наиболѣе рѣшительнымъ въ судьбѣ Гуса, такъ какъ на немъ выступили обвиненія, болѣе предыдущихъ раздражавшія судей его. Здѣсь, между прочимъ, Гусъ защищалъ положенія, что «кардиналы, не живущіе жизнью апостоловъ, не суть ихъ преемники» и т. под., непріятныя для слуха членовъ собора, и они, объявляя его еретикомъ и намекая на близкое сожженіе, поспѣшили поручить епископу рижскому отвести Гуса въ темницу. Янъ изъ Хлума провожалъ его въ темницу, утѣшая и ободряя своего несчастнаго друга. «О, какъ милостиво было,—пишетъ Гусъ [5]),—пожатіе руки

---

[1]) Wer dieser U. gewesen, ist nicht zu errathen. *Palacky*, c., III, Anm. 457.

[2]) Hist. et Mon., I, f. 12. [3]) *Новиковъ*, l. c., 69. [4]) Hist. et Mon., I, 59, ep. 36. [5]) Ibid. I, f. 68, ep. 33.

рыцаря Яна, который не отказался протянуть мнѣ съ участіемъ руку, мнѣ, презрѣнному еретику, закованному въ кандалы, всѣми отверженному». Когда Гусъ былъ уведенъ изъ собора, Сигизмундъ, закрывая засѣданіе, произнесъ рѣчь, любопытную по многимъ, вызваннымъ ею послѣдствіямъ: «Вы слышали здѣсь обвиненія противъ Гуса, подтвержденныя несомнѣнными доводами и его собственнымъ сознаніемъ (?); изъ этихъ обвиненій, по моему мнѣнію, достаточно было бы и одного для преданія Гуса *смертной казни чрезъ сожженіе*; а потому, если онъ будетъ упорствовать въ ереси, то, я полагаю, что онъ долженъ быть сожженъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что если бы онъ и принесъ покаяніе предъ святымъ соборомъ, то отреченіе осталось бы у него лишь на языкѣ: возвратившись въ Чехію, къ своимъ друзьямъ и покровителямъ, онъ будетъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, еще болѣе уклоняясь отъ чистоты вѣры, и послѣдняя будетъ горше первыхъ» [1]). Король Сигизмундъ, давшій Гусу охранную грамоту на пріѣздъ въ Констанцъ, пребываніе въ немъ и возвращеніе въ Чехію, посмѣявшійся надъ нимъ во второмъ засѣданіи, первый подаетъ теперь голосъ въ пользу сожженія Гуса! Это было безчестно со стороны Сигизмунда и являлось большою политическою ошибкою со стороны короля: «слова, произнесенныя въ углу трапезной босыхъ миноритовъ, быстро откликнулись по всей Чехіи и стоили ему ни болѣе, ни менѣе, какъ чешской короны» [2]). Кажется, Гусъ скоро узналъ объ этой рѣчи императора, по крайней мѣрѣ въ письмѣ [3]), пи-

---

[1]) Hist. et Mon,. I, f. 24.

[2]) Die in einer Ecke eines Barfüsser-Refectoriums gesprochenen Worte halten bald in ganz Böhmen nach, und kosteten dem Redner nicht viel weniger, als die Erbschaft eines Königreichs. *Palacky*, l. c., III, 357.

[3]) Hist. et Mon., I, f. 68, ep. 33. Въ этомъ же письмѣ Гусъ, между прочимъ, говоритъ: Si saltem tenuisset modum gentilis Pilati, qui auditis accusationibus dixit: «Nullam causam invenio in hoc homine», vel saltem dixisset: «Ecce, ego dedi ei salvum conductum; si ergo ipse non vult pati decisionem

санномъ вскорѣ послѣ третьяго засѣданія, онъ говоритъ о немъ: «Я полагалъ, что Сигизмундъ разумѣетъ законъ Господа и правду, но теперь убѣжденъ, что и то, и другое —пустыя слова для него; онъ осудилъ меня раньше даже враговъ моихъ».

Не смотря на всѣ его просьбы и на старанія друзей, Гусу не было дано болѣе ни одного публичнаго засѣданія. Соборъ, не выводя Гуса изъ темницы, старался склонить его къ отреченію, но встрѣтилъ и теперь, какъ прежде [1]), непреклонную твердость убѣжденій и силу вѣры, побѣдившія всѣ искушенія духа и восторжествовавшія надъ всѣми страданіями тѣла. На всѣ увѣщанія враговъ Гусъ отвѣчалъ одно и то же: «Пусть лучше повѣсятъ мнѣ на шею жерновъ осельскій и потону въ пучинѣ морской! Люблю истину и ненавижу неправду; твердо уповаю на Бога, что ни одно изъ моихъ положеній не противно ни закону Христа, ни ученію св. отцовъ. Съ дѣтской покорностью поручаю себя наставленію всемогущаго и всеблагаго Учителя, который испытуетъ сердца и, по безконечному своему милосердію, очиститъ меня отъ тайныхъ грѣхопаденій». Послѣ такого отвѣта Гусъ сталъ спокойнѣе: онъ «отложилъ всякое попеченіе» о земныхъ дѣлахъ и смиренно приготовлялся къ смерти. Тотчасъ послѣ третьяго засѣданія духъ Гуса обуревается еще тяжелыми видѣніями, навѣянными послѣдними, бурными столкновеніями съ врагами. «Я много боролся съ сновидѣніями; я видѣлъ во снѣ бѣгство папы и

concilii, ego remittam eum regi Bohemiae cum sententia vestra et attestationibus, ut ipse cum suo clero ipsum dijudicet». Quia sic mihi intimavit per Henricum Lefl, et per alios, quod vellet mihi ordinare sufficientem audientiam; et si me non submitterem judicio, quod vellet me salvum dirigere vice versa. *Палацкій* замѣчаетъ по этому поводу, не приводя, къ сожалѣнію, доказательствъ: Es scheint kaum glaublich dass Sigmund letzteres Versprechen geleistet habe: that er es aber wirklich, so hätte man auf so unbedachte Reden um so weniger bauen sollen, je mehr sie nicht nur seine Rechte und Befügnisse, sondern auch seine Macht überstiegen. Gesch. von Böhm., III, 357, Anm. 464.

[1]) Hist. et Mon. I, f, 63, ep. 18; f. 64, ep. 20; f. 65, ep. 27; f. 70, ep. 39 и 41. См. *Новиковъ*, l. c., стр. 88.

заточеніе друга моего Іеронима; всѣ темницы, чрезъ которыя суждено мнѣ было пройти, раскрывались передъ моими глазами въ неопредѣленныхъ образахъ, но ясно. Я видѣлъ змѣй съ головами на хвостахъ и ужасъ обнималъ меня, но ни одна змѣя не смѣла ко мнѣ прикоснуться. О, сколько искушеній терпѣлъ я и тѣломъ, и духомъ! о, какъ боялся я изнемочь въ исполненіи заповѣди Господа Іисуса Христа»! [1]). Вскорѣ однако прекращаются видѣнія символовъ и начинаются откровенія вѣры; высота его духа растетъ въ спокойномъ созерцаніи неземныхъ видѣній; онъ всецѣло предается восторженнымъ чувствамъ души, отрѣшившейся уже отъ земли, и языкъ его писемъ блещетъ особенною чистотою. «Богъ всемогущій утвердитъ сердца своихъ вѣрныхъ, избранныхъ прежде сложенія міра, и сподобитъ ихъ неувядаемыхъ вѣнцовъ славы. Пусть свирѣпствуетъ на всей волѣ своей антихристъ,—онъ не одолѣетъ Христа, и Христосъ умертвитъ его дыханіемъ устъ Своихъ... «Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ человѣки и когда разлучатъ васъ, и изгонятъ, и пронесутъ имя ваше, какъ злое, Сына человѣческаго ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша велика на небесахъ». О чудное утѣшеніе! о слово Божіе, невмѣстимое для немощи человѣческой» [2])! Въ этомъ же настроеніи написаны издаваемыя нами четыре письма Гуса: то же ясное спокойствіе, то же чистое созерцаніе, та же теплая вѣра сквозитъ въ тѣхъ письмахъ, признанныхъ Лютеромъ достойными наибольшаго распространенія.

Между тѣмъ соборъ спѣшно идетъ къ своей цѣли и готовитъ уже костеръ... Никакія увѣщанія и діалектическіе пріемы не могли склонить Гуса къ отреченію [3]), и соборъ

[1]) Ibid. I, f. 68, ep. 33.

[2]) Ibid. I, f. 67, ep. 30. Какъ это, такъ и предыдущее письмо приведены, по прекрасному, хотя и не вполнѣ точному переводу *Новикова*, см. l. s. c. стр. 89.

[3]) Hist. et Mon., I, f. 66, ep. 30; f. 67, ep. 31; f. 68, ep. 32.

все болѣе и болѣе склоняется къ мысли о смертной казни чрезъ сожженіе.

15-го іюня, въ общемъ собраніи собора, осуждено причащеніе подъ обоими видами и въ изданной по этому случаю буллѣ сказано, что «хотя причащеніе подъ обоими видами, хлѣба и вина, установлено Іисусомъ Христомъ и оправдано примѣромъ апостоловъ и всей первоначальной церкви, но послѣ вышло изъ употребленія въ отношеніи къ мірянамъ и образовался похвальный обычай, котораго никто не смѣетъ преступать». 24-го іюня соборъ осудилъ всѣ сочиненія Гуса и приговорилъ ихъ къ сожженію, о чемъ Гусъ пишетъ въ третьемъ изъ печатаемыхъ нами писемъ. 5-го іюля, соборъ, по настоянію Сигизмунда, отправилъ къ Гусу четырехъ епископовъ и нѣсколькихъ чешскихъ друзей узника, съ цѣлью попытаться въ послѣдній разъ склонить Гуса къ отреченію. Попытка эта, какъ и предыдущія, не имѣла успѣха. Это было наканунѣ казни.

6-го іюля 1415 года, въ субботу, епископъ рижскій вывелъ Гуса изъ темницы и, подъ охраною стражи, привелъ его въ соборную церковь, гдѣ уже находился императоръ и всѣ члены собора. Окруженный воинами, Гусъ былъ поставленъ въ притворѣ, у входа, чтобъ «присутствіе еретика не осквернило храма». По окончаніи обычной литургіи, когда епископъ лодійскій началъ свою проповѣдь на слова ап. Павла: «да упразднится тѣло грѣховное» [1]), Гусъ былъ введенъ въ церковь, на приготовленный для того амвонъ, и начался тяжелый обрядъ упраздненія грѣховнаго тѣла, тяжелый настолько, что соборъ, особымъ узаконеніемъ, приглашалъ «всѣхъ предстоящихъ, не исключая особы императора, подъ опасеніемъ проклятія и двухмѣсячнаго заключенія въ темницѣ, не нарушать тишины никакимъ изъявленіемъ чувства, ни словомъ, ни рукоплесканіемъ, ни всякимъ инымъ тѣлодвиженіемъ».

---

[1]) Посл. къ Рим. VI, 6.

Спустя пятьсотъ лѣтъ, нельзя безъ мучительнаго чувства читать подробный разсказъ о событіи, произведшемъ въ свое время глубокое впечатлѣніе на всю Европу, и тяжело повторять его; мы отмѣтимъ лишь главнѣйшіе моменты печальнаго акта.

Папскій аудиторъ, Бертольдъ фонъ-Вильдунгенъ, прочелъ слѣдственную бумагу Гуса; затѣмъ епископъ Конкордіи произнесъ два приговора—о книгахъ Гуса, подлежащихъ сожженію, и о самомъ Гусѣ, приговоренномъ къ лишенію церковнаго сана. Началось разстриженіе.

Въ полномъ священническомъ облаченіи, со св. чашею въ рукѣ, Гусъ стоялъ на возвышеніи, какъ бы готовясь начать богослуженіе. Густая толпа двигалась мимо, безъ шума, таинственно молчаливая, но и въ эту минуту, какъ всегда, жадная до зрѣлищъ. Епископы, выбранные соборомъ для исполненія обряда разстриженія, въ послѣдній разъ предложили Гусу отречься. Обращаясь къ толпившемуся народу, Гусъ громко сказалъ: «Эти епископы уговариваютъ меня всенародно отречься—нѣтъ! не могу измѣнить своей совѣсти и посрамить вѣру Христа. Если отрекусь отъ истины, то какими глазами воззрю на небо? Какъ дерзну посмотрѣть въ глаза народу, если по моей винѣ поколеблются вѣковыя его убѣжденія? Никогда! Спасеніе стольких душъ народа для меня дороже моего бреннаго тѣла!» Епископы повторили обвиненіе въ упорствѣ и приступили къ разстриженію: отбирая отъ Гуса св. чашу и совлекая съ него всѣ священническія одежды, они произносили при этомъ грозныя заклинанія, созданныя пугливымъ мистицизмомъ среднихъ вѣковъ. Приступая къ остриженію, епископы заспорили — бритвою или ножницами должны быть обрѣзаны волосы уже «проклятаго». Гусъ улыбнулся и сказалъ императору: «Государь, помири ихъ—они сами недоумѣваютъ, какъ лучше довершить мое поруганіе!» Затѣмъ на Гуса былъ надѣтъ бумажный колпакъ въ видѣ

митры съ надписью: *Eresi Archa* [1]). На это дѣтское глумленіе Гусъ спокойно замѣтилъ: «Господь, ради меня, понесъ вѣнецъ терновый; изъ любви къ нему, радостно надѣваю эту шапку поруганія».

Церковный обрядъ закончился простою рѣчью епископовъ къ Гусу: «Церковь не знаетъ тебя болѣе; она передаетъ твое тѣло свѣтской власти и твою душу—дьяволу». Въ силу Швабскаго Зерцала, по которому «еретики предаются власти гражданской», епископы, окончивъ церковный обрядъ, обратились къ императору съ обычною формулою: «Св. Констанцкій соборъ вручаетъ суду и гражданской власти растригу Яна Гуса, исключеннаго изъ церковнаго вѣдомства». Императоръ передалъ его курфюрсту баварскому пфальцграфу Людовику: «Любезный герцогъ! ты, держащій мечъ свѣтской власти для наказанія злыхъ, возьми этого человѣка, Яна Гуса, и именемъ моимъ соверши надъ нимъ казнь, подобающую еретикамъ». Людовикъ, въ свою очередь, передалъ его палачамъ: «Возьмите Яна Гуса, который, по рѣшенію всемилостивѣйшаго государя нашего, короля римскаго, и по собственному моему повелѣнію, долженъ быть сожженъ».

Гуса вели на казнь среди огромной толпы народа, сочувственно относившейся къ несчастному страдальцу. Рѣчи Гуса къ народу, на пути къ костру, производили глубокое впечатлѣніе. Гусъ просилъ молиться за него, невиннаго. Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виноватъ», раздавалось со всѣхъ сторонъ; «онъ молится и говоритъ, какъ истинный праведникъ». Шествіе двигалось тихо, часто останавливалось,—народъ запружалъ узкія улицы; поле между Готлибенской слободой и садами замка, мѣсто казни, было усѣяно народомъ. Взойдя на костеръ, Гусъ обратился къ народу съ рѣчью, но католики, опасаясь послѣдствій той про-

[1]) *Palacky*, l. c., III, S. 365; ***Новиковъ***, l. c., стр. 103. Передаемъ надпись, какъ она сохранилась на одномъ старинномъ рисункѣ, представляющемъ шествіе Гуса изъ собора на мѣсто казни.

щальной рѣчи, ускорили казнь. Палачи обложили тѣло Гуса, до пояса, дровами и соломой, скрутили руки назадъ и привязали ихъ къ столбу мокрой веревкой; онъ былъ поставленъ лицомъ къ западу и засмоленная веревка вокругъ шеи и столба не дозволяла шевельнуться... Вмѣстѣ съ первымъ огненнымъ языкомъ, охватившимъ дрова и солому, Гусъ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Христе, Сыне Бога живаго! помилуй мя грѣшнаго!» И эта пѣснь, заглушая трескъ горящихъ дровъ, болѣзненно отдавалась въ сердцахъ присутствовавшихъ и молитвенно возносилась къ небу... Католикъ-фанатикъ такъ описалъ послѣднія минуты Гуса: «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости; среди пламени, онъ до послѣдняго вздоха возносилъ молитву ко Господу»...

Гуса не стало. Трагическая катастрофа сожженія, дающая Гусу особое, такое видное мѣсто въ исторіи реформаторскихъ усилій человѣчества и рѣзко выдвигающая его надъ образами Виклефа и Лютера, придаетъ ему еще болѣе всемірно-историческаго значенія, чѣмъ, быть можетъ, все, что онъ, словомъ или дѣломъ, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, произвелъ реформаторскаго. Своею многострадальною смертью, Гусъ явился не только вѣрнымъ и твердымъ свидѣтелемъ евангельской истины [1]), но въ то же время поставилъ своихъ враговъ и судей въ поразительное противорѣчіе, безпримѣрное въ исторіи церкви: соборъ, созванный для реформированія церкви, осудилъ того, кто ничего болѣе не требовалъ, кромѣ реформы церкви, но реформы не въ интересахъ іерархіи, а на основѣ моральныхъ принциповъ евангельскаго христіанства.

Твердость характера и сила воли, выказанныя Гусомъ во время суда и казни, глубина убѣжденій и искренность вѣрованій, отличавшія его на всѣхъ ступеняхъ жизни, поражали современниковъ, внушаютъ удивленіе потомству и возбуж-

[1]) *Baur*, S. 527.

даютъ въ изслѣдователѣ невольное желаніе раскрыть секретъ этой внутренней силы, указать ея источникъ.

Если въ жизни великихъ историческихъ героевъ «отъ міра сего» насъ особенно интересуетъ тотъ моментъ ихъ духовнаго развитія, въ который они впервые сознаютъ всю мощь своего духа, то въ жизни великихъ мучениковъ «не отъ міра сего», въ святыхъ борцахъ за царство Божіе, самымъ интереснымъ является тотъ именно моментъ, когда они вполнѣ сознаютъ свое ничтожество и всецѣло отдаются волѣ своего божественнаго прообраза, пріобрѣтая духовную мощь, при которой не чувствуется никакое физическое утомленіе и легко переносится всякое земное страданіе...

Извѣстенъ разсказъ о впечатлѣніи той бурной ночи, которая произвела внутренній переворотъ въ Лютерѣ и сдѣлала изъ августинскаго монаха религіознаго реформатора. Подобный переворотъ проявился въ Гусѣ болѣе сознательно и онъ самъ отмѣтилъ его въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]): «Я долго былъ погруженъ въ сладкую дремоту мірскихъ наслажденій, пока Господу Іисусу Христу не угодно было меня, несчастнаго раба своихъ страстей, какъ нѣкогда Лота, вопреки моей воли, спасти изъ огня Содома и ввести въ жилище страданій, позора и униженія. Тогда, впервые, сталъ я бѣднымъ и сокрушеннымъ и, со страхомъ и трепетомъ читая слово Господа, началъ я дивиться заключеннымъ въ нихъ богатствамъ мудрости. Тогда, впервые, позналъ я, какъ сатана кладетъ повязку на глаза мудрецовъ міра сего, и сердце мое проникнулось новымъ, мощнымъ огнемъ, ведущимъ ко спасенію, огнемъ, который пребываетъ во мнѣ постоянно и тѣмъ пламеннѣе горитъ, чѣмъ полнѣе отдаюсь я молитвѣ ко Господу и распятому Іисусу. И этотъ огонь исчезаетъ лишь тогда, когда я забываю Христа. Въ такіе моменты я становлюсь слѣпъ и неспособенъ на добрыя дѣла, до тѣхъ поръ, пока я не обращаюсь всѣмъ сердцемъ ко Господу, единствен-

[1]) Hist. et Mon., I, 367—471.

ному врачу и строгому Судіѣ нашей жизни, вѣдающему наше каждое безполезное слово, каждую безполезную мысль нашу» [1]). Сознавая свое ничтожество, Гусъ обращается всею душою къ созерцанію путей Божіихъ и молитъ Господа о помощи: «Я стоялъ на перепутьи двухъ дорогъ—узкой, ведущей въ вѣчную жизнь, и широкой, что̀ ведетъ къ погибели; эта послѣдняя прекрасно устроена, всевозможно изукрашена и покойна, такъ что люди считаютъ ее путемъ праведнымъ. Я же, воздымая библію горѣ, молилъ Господа Іисуса Христа: не попусти меня, Господи, соблазниться мыслями и совѣтами злыхъ и не дай мнѣ того, что прельщаетъ мои глаза» [2]). Такъ совершился въ Гусѣ, сознательно и ясно, тотъ внутренній переворотъ, который, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего ничтожества, придалъ силу его мысли и мощь его рѣчи. Гусъ вполнѣ преобразился уже и сталъ тѣмъ Гусомъ, что радостно шелъ въ огонь, когда, задолго еще до казни, онъ писалъ: «Только смиренные сердцемъ стараются познать слово и ученіе Христа; они презираются міромъ, но самый міръ и его страсти являются для нихъ ничтожествомъ» [3]). Въ 1410 году, за пять лѣтъ до сожженія, Гусъ писалъ: «Истину, которую Господь сподобилъ меня познать, особенно же ту, которая открыта намъ въ Св. Писаніи, я всегда буду защищать, хотя бы то стоило мнѣ смерти; я убѣжденъ, что истина вѣчно пребываетъ и всегда побѣждаетъ. Боязнь смерти не устрашитъ меня: я надѣюсь на Господа и на помощь св. Духа, что Господь дастъ мнѣ твердости, и если я удостоюсь его милости, то Онъ даруетъ мнѣ вѣнецъ мученичества,— но развѣ есть побѣда выше этой?» Удивительно ли, что, спустя пять лѣтъ, Гусъ шелъ на костеръ, «какъ на веселый пиръ», и, объятый пламенемъ, «не обнаружилъ ни малѣйшаго признака слабости»?

Гуса не стало, но не погибли тѣ идеи, за которыя онъ шелъ въ ссылку, въ темницу, въ огонь.. Тѣ идеи, за кото-

[1]) Ibid. cap. 22, f. 398. [2]) Ibid. cap. 78, f. 461. [3]) Ibid. cap. 51, f. 432.

рыя пострадалъ Гусъ, распадаются на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ относятся къ внѣшней сторонѣ церкви и могутъ быть названы общехристіанскими,—непризнаніе папы главою церкви, отнятіе имуществъ у духовенства, требованіе морали въ жизни и т. п.; другія же принадлежатъ къ внутренней сторонѣ религіи и составляютъ догматы христіанства,—первое мѣсто между этими послѣдними принадлежитъ догмату объ евхаристіи, какъ по его существенной важности, такъ и по тому значенію, которое занимаетъ онъ въ исторіи страданій не только Гуса, но всей Чехіи.

Вслѣдъ за арестованіемъ и заточеніемъ Гуса, его обвинители, природные чехи, выставили противъ него восемь статей, при чемъ на первомъ планѣ былъ поставленъ греческій догматъ причащенія мірянъ тѣла и крови Христа; эта первая статья перваго обвиненія формулирована слѣдующимъ образомъ: «Гусъ заблуждается прежде всего относительно таинства причащенія, ибо онъ всенародно проповѣдывалъ о необходимости причащать мірянъ подъ обоими видами тѣла и крови. Это явствуетъ изъ того, что ученики Гуса практикуютъ уже въ Прагѣ этотъ догматъ учителя» [1]). Факты, изложенные въ этой обвинительной статьѣ, совершенно вѣрны и не подлежатъ сомнѣнію. Въ 1401 году, «въ первый годъ проповѣди», Гусъ говорилъ проповѣдь *о тѣлѣ Христовомъ* [2]); затѣмъ, позднѣе, вслѣдъ за прибытіемъ въ Констанцъ, онъ написалъ сочиненіе *о крови Христа* [3]), въ которомъ Гусъ доказываетъ необходимость причащать мірянъ не только тѣла, но и крови Христовой; наконецъ, уже въ Констанцѣ, составленъ имъ небольшой трактатъ *о причащеніи тѣла и крови Христа* [4]). Въ равной степени вѣрно и то, что

[1]) *[illegible]*, [illegible] у чеховъ, стр. 77.

[2]) Sermo de corpore Christi, quem scripsi primo anno meae praedicationis, fuit ut aestimo a. D. 1401. Hist. et Mon, I, f. 39.

[3]) De sanguine Christi sub specie vini a laicis sumendo: quaestio M. J. Hus. Constantiae conscripsit, priusquam in carcerem conjiceretur. Ibid. I, f. 42.

[4]) Tractatus M. J. Hus. De sacramento corporis et sanguinis Christi e carcere editus. Ibid. I, 38.

въ концѣ 1414 года ученики и сторонники Гуса приводили это ученіе въ исполненіе,—29-го декабря Гусу пишутъ изъ Праги: «Покорно просимъ объявить намъ окончательно твое мнѣніе о причащеніи мірянъ крови Христовой и приложить его къ письму, чтобы при случаѣ показать его друзьямъ; это необходимо потому, что между братьями произошло раздвоеніе и многіе изъ нихъ соблазняются,—ссылаются на твои сочиненія и требуютъ твоего послѣдняго слова». Въ отвѣтъ на это требованіе Гусъ ясно и категорически высказываетъ свой взглядъ на вопросъ объ евхаристіи: «О таинствѣ чаши у васъ есть мое сочиненіе, писанное въ Констанцѣ; тамъ приведены доказательства. Чего еще требуете? Непреложны слова Евангелія и посланія ап. Павла; яснѣе солнца обычай церкви первоначальной! Если возможно, постарайтесь, чтобъ особою буллою было дозволено причащаться подъ обоими видами». Въ концѣ января 1415 года Гусъ пишетъ своему преемнику въ Виѳлеемской часовнѣ [1]): «Причащеніе мірянъ подъ двумя видами, установленное Іисусомъ Христомъ и апостолами, вполнѣ согласно со Св. Писаніемъ и противно лишь обычаю римской церкви; но мы должны слѣдовать не обычаю, но примѣру Христа и истинѣ». Чехи вѣрили Гусу, съ радостью возстановили обычай предковъ и торжественно, публично принимали православное причащеніе.

Возстановленіе въ Чехіи греческаго обряда причащенія окончательно исторгало страну изъ лона римской церкви; соборъ понималъ это и принялъ рѣшительныя мѣры: 15-го іюня соборъ подтвердилъ римскій обычай, объявивъ *чашниковъ* еретиками, и 6-го іюля сжегъ Гуса, признававшаго православное причащеніе истиною... Это вызвало въ Чехіи сильныя волненія: вопреки постановленію собора, священники причащаютъ подъ обоими видами, народъ причисляетъ Гуса къ лику свя-

---

[1]) Domino Haulikon, ne impugnare velit ministrationem sanguinis Christi laicis sub specie vini. Ibid. I, f. 62, ep. 16.

тыхъ мучениковъ, вельможи шлютъ собору горькій упрекъ [1]) и заключаютъ между собою союзъ на шесть лѣтъ для защиты «истиннаго ученія Евангелія» [2])... Соборъ, ставившій себя выше воли не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ народовъ, не обратилъ вниманія на эти грозные признаки поднимавшагося народнаго отмщенія и въ отвѣтъ на заявленія чеховъ и моравовъ сжегъ Іеронима Пражскаго, осудилъ приверженцевъ Гуса, какъ еретиковъ, приговорилъ ихъ къ строгому наказанію, а папа послалъ въ Чехію своихъ легатовъ для приведенія того приговора въ исполненіе... Истощилась мѣра народнаго долготерпѣнія: народъ возсталъ поголовно для самозащиты. На горѣ Таборѣ гуситы впервые пересчитали свои толпы, сознали свою силу и зажглись фанатизмомъ. Король Вячеславъ былъ равнодушенъ къ религіозному вопросу и слишкомъ слабъ, чтобъ утушить междоусобные безпорядки; по смерти Вячеслава, народъ не призналъ Сигизмунда. Исполнилась народная месть надъ измѣнникомъ! Въ Чехіи поднялась бурная анархія и полилась кровь чеховъ, моравовъ, нѣмцевъ...

Среди смутъ и волненій ясно и рѣзко выступаютъ тѣ же два направленія, католическое и православное, что раздѣляли народъ въ теченіе многихъ уже вѣковъ. Въ продолженіе XV и XVI стол., во всѣхъ значительныхъ событіяхъ, во всѣхъ представителяхъ народнаго мнѣнія Чехіи, отъ мученика Гуса до архіепископа Рокицаны, отъ предводителя Жижки до короля Юрія, во всѣхъ государственныхъ грамотахъ, во всѣхъ

[1]) Epistolam subscriptam magnates, barones, proceres et cum ipsis fere alii mille nobiles, milites et militares hic non expressi regni Bohemiae et marchionatus Moraviae post mortem sanctae memoriae magistri Ioannis Hus, a concilio Constantiensi inique combusti eidem concilio direxerunt, injustam ejus mortem ac dictorum regni et marchionatus sinistram infamiam animose et viriliter refellentes. Ibid. I. f. 78.

[2]) Syngrapha quaedam magnatum et procerum regni Bohemiae et marchionatus Moraviae, circiter sexaginta, qua promittunt se communi opera veram Evangelii doctrinam, in Constantiensi concilio damnatam, summo studio defensuros esse. Ibid. I, f. 77, ep. 61.

договорахъ съ *иновѣрцами* можно услѣдить одну неизмѣнную мысль, одно стремленіе сохранить въ чистотѣ православный обрядъ причащенія Чаши. Православіе и католицизмъ сохранили и здѣсь свой сложившійся вѣками характеръ: православіе выступило съ твердыми убѣжденіями, со словами мира и любви, католичество же обнажило тотчасъ свою злобу, нетерпимость и насиліе.

Флорентійскій соборъ 1450 года отлучилъ чеховъ отъ церкви, признавъ ихъ еретиками. Чехи отправили въ Царьградъ депутацію, съ просьбою о принятіи ихъ въ лоно православной церкви. Представленное патріарху исповѣданіе вѣры чешскаго народа было вполнѣ одобрено греческимъ духовенствомъ. Въ отвѣтъ на заявленіе чеховъ патріархъ отправилъ къ нимъ грамоту, подписанную шестью греческими епископами [1]). Гуситы старались о соединеніи съ восточною православною церковью [2]), но паденіе Константинополя прервало всѣ переговоры и разрушило всякія надежды.

Представители католическаго міра хорошо понимали, что греко-восточный обрядъ причащенія отторгнетъ Чехію и Моравію отъ римской церкви, и, вѣрные своей вѣковой традиціи, они вносили ненависть и злобу въ обсужденіе религіознаго вопроса объ евхаристіи и ложными софизмами надѣялись затмить чистое ученіе. Эней Сильвій, будущій папа Пій II, говорилъ таборитамъ: «Греція не должна вводить васъ въ заблужденіе: хотя греки и не погрѣшаютъ, слѣдуя древнему обычаю, но вамъ, воспитаннымъ римлянами, непростительно отвергать вашею собственною властью чистый, похвальный и несомнѣнный обрядъ римской церкви: поступая такимъ обра-

---

[1]) Эта грамота была отыскана въ XVI ст. и тогда же обнародована совѣтникомъ императора Максимиліана II: она писана на пергаментѣ и къ греческому подлиннику приложенъ плохой латинскій переводъ. *Елагинъ*, l. c., стр. 21. Подлинникъ этой грамоты хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) *D. Chytraei*, Oratio de statu ecclesiarum in Graecia, Asia, Bohemia etc. Francf. 1583; *Freherus*, Ser. Bohem., p. 235.

зомъ, вы нарушаете правило или обычай, одобренный долговременнымъ своимъ существованіемъ. Зачѣмъ охотнѣе повинуетесь греческой, нежели латинской церкви? Что даетъ вамъ право такъ превозносить греческую церковь? Развѣ не видите, что латинская церковь процвѣтаетъ несравненно болѣе! Наша церковь повсюду владычествуетъ, греческая же находится подъ игомъ магометанъ; наша церковь управляется однимъ главою, греческая же раздирается расколами; наша церковь украшена великолѣпными храмами, греческая же лишена всякаго блеска. Я не скажу, какъ Цицеронъ, что Римъ ничего не взялъ отъ грековъ, и все, что взялъ, усовершенствовалъ; глубоко уважаю грековъ, — отъ нихъ наши предки пріяли истинное ученіе; но Греція состарѣлась: она холодна, и некому разогрѣть ее; нѣкогда повелительница народовъ стала теперь данницею; властительница Азіи, стала теперь ученицею латынянъ».

Церковь православная иначе относилась къ гуситамъ и представитель православія не то говорилъ имъ: истина не нуждалась въ софизмахъ, и простой языкъ патріарха убѣдительнѣе краснорѣчія будущаго папы. Въ грамотѣ, о которой мы упоминали, патріархъ константинопольскій увѣщеваетъ гуситовъ соединиться съ восточною церковью, «не по примѣру злого, притворнаго флорентійскаго соединенія, которое скорѣе разъединеніе, нежели соединеніе, почему мы отвергли его и никогда не принимали... Союзъ, предлагаемый вамъ отъ насъ, да будетъ основанъ на правилѣ непоколебимомъ, на Св. Писаніи. Съ радостью узнаемъ мы, что это именно правило противопоставили вы опаснымъ нововведеніямъ церкви римской, хотя намъ и говорили, будто вы не сильно возстаете на эти нововведенія, будто даже во многомъ отдаляетесь отъ преданій церкви восточной. Недавно получили мы дост... ное о васъ извѣстіе и вполнѣ убѣдились, что вы ... оживаете, сообразуясь съ обрядами христіанъ и съ ... вѣрою, и что вы имѣете пламенное желаніе къ...

объятія истинной вашей матери. Все это вполнѣ объяснилось для насъ присутствіемъ и свидѣтельствомъ вашего достопочтеннаго пресвитера [1]); онъ подробно разсказалъ намъ обо всемъ, происходящемъ у васъ, и представилъ свое собственное исповѣданіе вѣры,—оно во всемъ согласно съ исповѣданіемъ св. матери церкви. Мы сообщили ему ученіе истинной вѣры: онъ передастъ вамъ его, да сообразуются съ нимъ всѣ, желающіе спастись. Если, возлюбленные братья и дѣти, все, что мы узнали и чего желаемъ, справедливо, то спѣшите присоединиться къ намъ. Только на лонѣ истинной матери и на основаніи истиннаго спасенія можете укрѣпиться противъ вашихъ враговъ. Гдѣ же найдете вы прохладу, если не у источника живыхъ водъ... Уповаемъ, что благодатью Божіею вы во всемъ согласитесь съ нами. Тогда мы вмѣнимъ себѣ въ особенную обязанность дать вамъ пастырей, да пасутъ ваши души словомъ жизни: ихъ правленіе не будетъ тягостно для васъ. По примѣру апостола, *охотно снисходя къ вашимъ богослужебнымъ обрядамъ* во всемъ, что имѣетъ добросовѣстное и доброе основаніе, во всемъ, что, назидая васъ, не противно назиданію св. матери церкви, думаемъ, что *не должно затрудняться разностью въ обычаяхъ*, если обычаи невинны. Да поддержитъ же васъ всемогущій Господь въ томъ состояніи, въ которое Онъ самъ васъ поставилъ; да возрастаетъ Его благодатью число ваше къ умноженію сыновъ истинной церкви, къ нашей общей радости и ко славѣ Бога! Аминь» [2]).

Приведенный отрывокъ ясно показываетъ, какой церкви сочувствовали чехи XV стол. и каково было направленіе религіозныхъ убѣжденій Гуса, главнаго учителя гуситства. Янъ Гусъ не былъ, конечно, православнымъ, но онъ былъ представителемъ того православно-народнаго направ-

[1]) Константина Ангелика. Патріархъ призналъ его братомъ о ...еческой церкви; онъ привезъ въ Прагу патріаршую грамоту.
... стр. 21.

ленія въ Чехіи, которое въ теченіе вѣковъ хранило греко-восточныя преданія, отступивъ отъ нихъ лишь въ «богослужебныхъ обрядахъ и обычаяхъ». Это необходимо знать для яснаго уразумѣнія высокой личности чешскаго реформатора; это не должны никогда забывать католики и протестанты на западѣ, это должны всегда помнить православные на востокѣ, и въ особенности мы, русскіе, которыхъ исторія поставила во главѣ православной семьи славянъ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, хранится (24, XXVII, 2.142) небольшая брошюра, изданная въ Виттембергѣ болѣе трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Она заключаетъ въ себѣ четыре письма Яна Гуса, переведенныя Лютеромъ на нѣмецкій языкъ, при чемъ переводчикъ помѣстилъ небольшое предисловіе и послѣсловіе. Какъ самыя письма Гуса, писанныя имъ въ послѣдній мѣсяцъ его жизни, въ темницѣ, такъ и мнѣнія Мартина Лютера о христіанскомъ мученикѣ казались намъ заслуживающими перевода на русскій языкъ. Въ русской литературѣ есть нѣсколько трудовъ о Гусѣ, но мы не знаемъ ни одного изъ его писемъ, не говоря уже о сочиненіяхъ, которое было бы переведено на русскій языкъ; мнѣнія Мартина Лютера о Гусѣ извѣстны русскимъ читателямъ, но его трудъ, посвященный спеціально Гусу, не переведенъ еще на русскій языкъ

Издаваемая нами брошюра Лютера составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; она была нѣсколько разъ перепечатываема, но всегда въ полныхъ собраніяхъ сочиненій Лютера, мало для кого доступныхъ [1]), и терялась въ общей массѣ его трудовъ; при нынѣшнемъ же на-

[1]) Wittenb., XII, 277; Ien., VI, 530; Altenb., VI, 1099; Leipz., XXI, 175; *Walch.*, XVI, 2.535. Послѣдняго изъ названныхъ изданій не имѣетъ даже Публичная Библіотека. Наиболѣе доступное изданіе, новѣйшее, равнымъ образомъ перепечатало эту брошюру, но также въ 65-мъ томѣ,—Martin Luther's Sämmtliche Werke, Frankf. a. M. 1855. Bd. LXV, S. 59—85, № 50. *I. Graesse* Trésor de livres rares, Dr. M. Luther (v. IV, p. 306).

правленіи нѣмецкихъ трудовъ о Гусѣ, нельзя, конечно, ожидать отдѣльнаго изданія той брошюры, въ которой Лютеръ высказываетъ свой взглядъ на Гуса,—взглядъ, какъ извѣстно, прямо противоположный господствующему въ Германіи. Принявъ на себя трудъ изданія, мы старались сохранить не только правописаніе, но и форматъ страницъ; заглавный же листокъ можетъ служить образцомъ размѣщенія строкъ въ подлинникѣ.

Нѣкоторыя отступленія отъ оригинала казались намъ не только возможными, но и необходимыми: мы расположили письма Гуса въ хронологическомъ порядкѣ, поставивъ третье письмо первымъ и первое третьимъ, и опустили посланіе чешскихъ и моравскихъ вельможъ къ Констанцкому собору, отъ 2 сентября 1416 г., какъ относящееся не столько къ Гусу, сколько къ гуситской эпохѣ вообще.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ
ЯНА ГУСА,
СВЯТАГО МУЧЕНИКА,
ПИСАННЫХЪ
ИЗЪ КОНСТАНЦКОЙ ТЕМНИЦЫ
КЪ ЧЕХАМЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Доктора Мартина Лютера.

ПРЕДИСЛОВІЕ
МАРТИНА ЛЮТЕРА [1]).

Эти письма магистра Яна Гуса я просилъ перевести для меня съ чешскаго на латинскій языкъ, съ тою цѣлью, чтобы я могъ ихъ напечатать, и именно въ настоящемъ году, когда, по требованію нашего любезнаго государя императора Карла, созывается соборъ; не для того, чтобъ я желалъ этимъ возбудить ненависть и вражду къ Констанцкому собору (что̀ я во всякомъ случаѣ охотно сдѣлалъ бы и впредь всегда отъ чистаго сердца сдѣлать готовъ, ради его вредныхъ и окаянныхъ дѣяній, равнымъ образомъ же ради необходимости и справедливости какъ моей, такъ и всей святой церкви), но, желая поучить тѣхъ, которые нуждаются въ поученіи, дабы они, если Господу будетъ угодно, чтобъ названный соборъ состоялся, поостереглись примѣра Констанцкаго собора, на которомъ, и долгое время послѣ котораго, истина была оспариваема съ большимъ насиліемъ. Но теперь истина одержала побѣду, высоко подняла свою главу, выставила публично, на показъ, тотъ злодѣйскій соборъ и съ полною радостью отняла у него его силу и тиранство.

Главная задача того собора, особенно же для кардиналовъ и высшихъ чиновъ, состояла въ прекращеніи церковной схизмы, и потому они предоставили вопросъ о вѣрѣ на

---

[1]) Praefatio D. Martini Lutheri praefixa quattuor epistoli Iohannis Hus germanice editis 1536. Hist. et Mon., I, praef.

волю отчаянной и злой толпы тѣхъ, которыхъ мы называемъ монахами и софистами и отъ которыхъ, какъ отъ старшихъ, произошла въ то время, по слову пророка, порча вавилонская [1]). Слѣдствіемъ этого были въ Германіи и Чехіи бѣдствіе, война, битвы, кровопролитіе и такая ненависть, которая никогда уже не утихнетъ.

Между же тѣмъ, папство, снова оправясь отъ раскола, не теряло времени и наполнило всѣ церкви во всемъ мірѣ страшными неправдами, отпусками, продажными мессами и разными рынками добрыхъ дѣлъ, на которыхъ торговали попы и монахи [2]). Таковы были плоды всесвятѣйшаго собора.

Поэтому, право, никакой не будетъ пользы, если дѣла вѣры будутъ предоставлены такимъ чортовымъ головамъ [3]): короли, князья и епископы должны сами позаботиться, чтобъ изъ этого собора не вышло что-либо подобное тому собору или еще худшее; право, Господь достаточно уже показалъ на Констанцкомъ соборѣ, какъ Онъ противится гордымъ, уничтожаетъ всѣхъ гордыхъ духомъ и не зритъ на лица.

---

[1]) Въ латинскомъ переводѣ выпущено это мѣсто съ указаніемъ на пророка и замѣнено слѣдующей вставкой: a quibus (monachis sc. et sophistis) cum innumera mala orta essent, non ante eis medicina adhiberi potuit, quam utraque regio, Germania et Bohemia etc. Тѣ два изданія писемъ Гуса (edd. 1558 и 1715), которыми до настоящаго времени всѣ пользовались (новое изданіе, Палацкаго, только надняхъ получено въ Россіи), сдѣланы чрезвычайно небрежно. Палацкій говоритъ по этому поводу: „Ueberhaupt müssen wir ein-für allemal bemerken, dass die vielen ursprünglich böhmisch geschriebenen Briefe Hussens, die man lateinisch a. a. O. gedrukt findet, dem Uebersetzer des XVI Iahrh. äusserst schlecht gerathen sind, und nicht allein häufigen Unsinn, sondern mitunter auch ganz das Gegentheil von dem geben, was Hus sagen wollte (Ibid., III, S. 315, Anm. 427). Онъ приводитъ примѣры ошибочнаго чтенія издателями латинскихъ писемъ (ibid., S. 317, Anm. 429) и невѣрнаго перевода чешскихъ (ibid., S. 321, Anm. 433).

[2]) Въ латинскомъ переводѣ: Interea hac discordia composita, pontificii ubique locorum perniciosis mendaciis, indulgentiis, missis aliisque monachorum et sacrificulorum cultibus, quos quaestui habuerunt, horribiles turbas dederunt.

[3]) Эти чортовы головы обратились въ латинскомъ переводѣ въ perversis et insanis asinis (monachos dico et sophistas).

Вотъ тѣ причины, по которымъ я издаю эти письма; именно для увѣщанія: кто часто обжигается и все же неосторожен, пусть тотъ убирается къ чорту,—онъ пропадетъ не по моей винѣ. Нашъ милостивый Господь Іисусъ Христосъ, даруй намъ своего Св. Духа, чтобъ молиться, а тѣмъ, которые будутъ управлять соборомъ, чтобъ домогаться того, что принадлежитъ Богу, и забыть или пренебречь тѣмъ, что принадлежитъ имъ лично. Аминь.

Нѣсколько писемъ, писанныхъ магистромъ Яномъ Гусомъ въ Констанцкой темницѣ къ чехамъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ [1]).

Магистръ Янъ Гусъ, уповающій быть служителемъ Божіимъ, желаетъ всѣмъ вѣрующимъ въ Чехіи, которые любятъ Господа, жить и умереть въ милости Божіей и такимъ образомъ достичь вѣчной жизни. Аминь.

Васъ, начальствующихъ надъ другими, надъ богатыми и бѣдными, возлюбленныхъ о Господѣ и вѣрныхъ, я прошу и увѣщаю, чтобъ вы были послушны Господу, слушали бы охотно Его слово и доказывали бы то дѣлами своими. Я прошу васъ прилѣпиться къ истинѣ Божіей, о которой я писалъ и которую я проповѣдывалъ, взявъ ее изъ Свящ. Писанія и изъ поученій св. отцовъ. Я прошу также, чтобы всякій, кто слышалъ отъ меня, въ публичной ли проповѣди или въ частномъ разговорѣ, или же прочелъ въ сочиненіяхъ что-либо противное истинѣ Господа, не слѣдовалъ бы тому, хоть я и не сознаю, чтобъ я что-нибудь подобное когда-либо сказалъ или написалъ.

---

[1]) Hanc epistolam scripsit Iohannes Hus manu propria Constantiae in carcere ad commune faciendum et consolandum regem atque regnum Bohemiae, ne deserant veram doctrinam Euangelii, neque locum Bethlehem, neque [illegible] fides Doctores, etiam si propter hoc furiat Satan et mundus, sed et [illegible] pro modulo suae vocationis, pie et juste vivant in hoc saeculo. [illegible] f. 60, ep. 11.

Я прошу также, чтобы всякій, кто замѣтилъ легкомысліе въ моихъ словахъ или сочиненіяхъ, не слѣдовалъ бы въ этомъ отношеніи за мною, но молилъ бы Бога за меня, чтобъ Господь отпустилъ мнѣ грѣхъ такого легкомыслія. Я прошу васъ любить набожныхъ, благочестивыхъ священниковъ и почитать ихъ преимущественно передъ другими, особенно же тѣхъ, которые трудятся по слову Божію. Я прошу васъ, чтобы вы остерегались коварныхъ людей, особенно же безбожныхъ поповъ, о которыхъ нашъ Спаситель говоритъ, что они ходятъ въ овечьей одеждѣ, внутренно же суть хищные волки [1]).

Я прошу государей, чтобъ они разумно обходились со своими подданными и справедливо управляли бы ими.

Я прошу гражданъ, чтобъ они добросовѣстно поступали въ своемъ сословіи.

Я прошу ремесленниковъ, чтобъ они старательно занимались своимъ ремесломъ и доходы его потребляли бы со страхомъ Божіимъ.

Я прошу слугъ, чтобъ они вѣрно служили господамъ своимъ.

Я прошу мастеровъ, чтобъ они вели себя благопристойно и наставляли бы своихъ учениковъ хорошо и добросовѣстно; чтобъ они учили ихъ прежде всего бояться Бога, затѣмъ изучать свободныя искусства во славу и къ чести Господа, на пользу міра и для ихъ собственнаго спасенія, а не для корысти или земного великолѣпія.

Я прошу студентовъ, воспитанниковъ высшей школы, и всѣхъ другихъ учениковъ, чтобъ они во всѣхъ честныхъ дѣлахъ были бы послушны своимъ магистрамъ, слѣдовали бы ихъ примѣру и учились бы какъ можно прилежнѣе, чтобы такимъ образомъ были людьми полезными и тѣмъ прославили бы честь Господа и спасли бы самихъ себя и другихъ.

[illegible] ъ всѣхъ, чтобъ вы были благодарны благород-

нымъ господамъ Богуславу изъ Дубы [1]), Яву изъ Хлума, Генриху Плумлавскому, Вильгельму Зацкому, Николаю и всѣмъ другимъ господамъ Чехіи, Моравіи и Польши [2]), и да будетъ

[1]) Bohuslaw von Düben, вѣроятно, ошибка того переводчика, который приготовлялъ для Лютера переводъ этихъ четырехъ писемъ Гуса на латинскій языкъ: въ исторіи Гуса извѣстенъ Вячеславъ изъ Дубы, а не Богуславъ, почему и въ латинскомъ переводѣ того изданія, которымъ мы пользовались, значится: *Wenceslaus* Dubensis, и въ этомъ же письмѣ, нѣсколько строкъ ниже, упоминается Herr *Wentzel* aus Düben; но въ древнѣйшемъ латинскомъ изданіи всѣхъ извѣстныхъ въ XVI стол. писемъ Гуса, равнымъ образомъ съ предисловіемъ Лютера (Epistolae quaedam piissimae et eruditissimae Iohannis Hus, quae solae satis declarant papistarum pietates esse Satanae furias. Addita est D. Martini Lutheri praefatio. Vitembergae, ex officina Ioannis Lufft. Anno MDXXXVII, in 16-o), онъ названъ Богуславомъ—Bohuslaus.

[2]) Изъ лицъ, упомянутыхъ въ настоящемъ письмѣ, особенно замѣчательны первые два, по той роли, которую они играли въ послѣдній годъ жизни Гуса, преимущественно же второй. Ихъ обоихъ вспоминаетъ Гусъ еще разъ въ третьемъ письмѣ.—Янъ изъ Хлума, по прозванію Кепка, изъ прославившагося позже рода Славатъ (*Palacky*, l. c., III, 313; Dejiny, III, 1, 154), и Вячеславъ изъ Дубы на Лештнѣ, родной племянникъ верховнаго земскаго судьи, получили отъ короля Сигизмунда порученіе провожать Гуса въ Констанцъ, защищать его на пути и по пріѣздѣ въ городъ. Они были свидѣтелями тѣхъ торжественныхъ пріемовъ, которыхъ удостоился Гусъ въ Германіи, на пути изъ Праги въ Констанцъ. Въ Нюрнбергѣ Вячеславъ изъ Дубы простился съ Гусомъ и поѣхалъ въ Шпейеръ, къ королю Сигизмунду, за охранной грамотой, а Янъ изъ Хлума неотлучно оставался при Гусѣ и 3 ноября 1414 г. въѣхалъ съ нимъ въ Констанцъ. На другой день пріѣзда, 4 ноября, Янъ изъ Хлума представился папѣ Іоанну XXIII и извѣстилъ его о прибытіи Гуса. 5-го ноября пріѣхалъ въ Констанцъ Вячеславъ изъ Дубы и привезъ охранную грамоту. Когда противники Гуса публично позорили его въ Констанцѣ и вывѣсили въ церквахъ объявленія, въ которыхъ объявляли Гуса еретикомъ, то Янъ изъ Хлума тотчасъ же обратилъ вниманіе папы на неблаговидность подобныхъ поступковъ и просилъ воспретить ихъ (*Новиковъ*, l. s. c., стр. 19). 28 ноября пріѣхали къ Гусу послы отъ собора и звали его къ папѣ и кардиналамъ, на частный допросъ; Янъ изъ Хлума опять заявилъ протестъ, говоря, что Гусъ находится «подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля и Священной Имперіи» и что «до пріѣзда Сигизмунда дѣло Гуса, согласно желанію короля, не должно быть начинаемо». Когда же Гусъ согласился ѣхать на этотъ частный допросъ, то Янъ изъ Хлума сопровождалъ его. Вечеромъ этого же дня, по заранѣе составленному плану, Гусъ былъ арестованъ. Янъ изъ Хлума сильно укоряетъ за это папу, протестуетъ, пишетъ къ королю о нарушеніи охранной грамоты, выданной Гусу Сигизмундомъ, и, наконецъ, прибиваетъ къ

вамъ всѣмъ угодно ихъ вѣрное стараніе; ибо они, какъ мужественные защитники истины Божіей, часто противустояли всему собору, желая меня освободить, и всѣми силами дѣйствовали противъ этого собора, особенно же Вячеславъ изъ Дубы и Янъ изъ Хлума. Этимъ вы можете вполнѣ довѣрять всему, что они станутъ вамъ говорить, потому что они сами были на соборѣ въ то время, когда я долженъ былъ отвѣчать. Они знаютъ, что за люди чехи и какія многоразличныя неспра-

дверямъ констанцкихъ церквей свой протестъ на латинскомъ языкѣ (Hist. et Mon., I, f. 75). Во время заключенія Гуса, Янъ изъ Хлума утѣшаетъ его письмами, ободряетъ, хлопочетъ о немъ (Ibid. I, f. 72, epp. 42, 45, 46, 47). Гусъ вполнѣ довѣряетъ рыцарю Яну: онъ называетъ его своимъ другомъ, передаетъ ему всѣ свои думы и желанія и безпокоится, не получая долгое время никакихъ о немъ извѣстій (Ibid. I. f. 78, epp. 51, 54, 56). Позже, когда переписка становится болѣе затруднительною, всѣ друзья Гуса называются вымышленными именами, и Янъ изъ Хлума скрывается подъ *Бибрахскимъ докторомъ* (dominus *doctoralis* de Pibrach, doctor de Pebrach, потому что Янъ изъ Хлума богословскими доводами защищалъ Гуса въ Бибрихѣ). Вскорѣ послѣ бѣгства папы, при общемъ смятеніи, славянскіе друзья Гуса навѣстили его; упоминая объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, Гусъ говоритъ, что Вячеславъ изъ Дубы прослезился отъ радости (Dominum Wenceslaum de Duba consideravi lachrymantem), но не упоминаетъ объ Янѣ изъ Хлума. Оба упоминаемые здѣсь чешскіе вельможи присутствовали на всѣхъ трехъ публичныхъ засѣданіяхъ собора, и Янъ изъ Хлума публично защищалъ Гуса на второмъ засѣданіи (по *Новикову*, l. c., стр. 68; на третьемъ по Палацкому, l. c., III, S. 351), когда Гусу ставили въ укоръ его заявленіе, что онъ *добровольно* явился на соборъ. 8-го іюня, провожая Гуса изъ послѣдняго засѣданія въ темницу, рыцарь Янъ пожалъ Гусу руку, что Гусъ вспоминаетъ съ такою радостью въ одномъ изъ своихъ писемъ. 5-го іюля, наканунѣ мученической смерти, Сигизмундъ, дѣлая послѣднюю попытку склонить Гуса къ отреченію, посылаетъ къ нему въ темницу особое посольство изъ четырехъ епископовъ и двухъ чешскихъ вельможъ — Яна изъ Хлума и Вячеслава изъ Дубы. Здѣсь, за нѣсколько часовъ до сожженія, Гусъ услышалъ отъ своего друга и покровителя, рыцаря Яна, утѣшительныя и величественныя слова: «Магистръ Янъ! Я человѣкъ не книжный и не могу давать совѣты такому ученому мужу, какъ ты; но я прошу, если ты сознаешь въ своей совѣсти которое-либо изъ тѣхъ заблужденій, что приведены противъ тебя публично на соборѣ, то измѣни свое мнѣніе согласно волѣ собора; если же нѣтъ, то я не желаю совѣтовать тебѣ поступить противъ совѣсти, но убѣждаю тебя скорѣе подвергнуться казни, чѣмъ отречься отъ истины, тобою сознанной!» (sed ut quodvis supplicium feras, potius, quam negas eam, quam cognovisti veritatem. Hist. et Mon., I, f. 25).

ведливыя вещи представляли они противъ меня [1]), и какъ этотъ соборъ кричалъ противъ меня, и какъ я отвѣчалъ на все, о чемъ я былъ спрашиваемъ.

Я прошу васъ также, чтобы вы молились за римскаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть теперь и вашъ король, и за его супругу, вашу королеву, да милосердный Господь пребудетъ съ ними и съ вами, нынѣ и затѣмъ въ вѣчной жизни. Аминь.

Это письмо я написалъ въ темницѣ и въ кандалахъ, такъ какъ я долженъ на завтра ожидать приговора суда о моей смерти. И я не сомнѣваюсь въ Господѣ, что Онъ меня не покинетъ и не попуститъ, чтобъ я отрекся отъ Его истины или чтобъ отказался отъ ложныхъ статей, которыя они измыслили противъ меня при помощи лжесвидѣтелей.

Какъ милостиво поступаетъ со мною мой Господь Богъ и пребываетъ со мною, въ совершенно странныхъ соблазнахъ, вы узнаете, когда мы съ радостью возсоединимся при помощи Христа въ будущей жизни.

То же самое я слышу о моемъ возлюбленномъ товарищѣ магистрѣ Іеронимѣ [2]), именно, что онъ въ строгомъ заточеніи

---

[1]) О чехахъ, противникахъ Гуса, см. во введеніи и въ этомъ же письмѣ нѣсколько строкъ ниже.

[2]) Іеронимъ, Hieronymus Pragensis, личный другъ и сторонникъ Гуса какъ по философскимъ убѣжденіямъ, такъ и по религіознымъ вѣрованіямъ. Пренебрегая всѣми опасностями, руководимый единственно желаніемъ видѣть друга и защищать его, Іеронимъ, никѣмъ не узнанный, прибылъ 4-го апрѣля въ Констанцъ; 7-го апрѣля публично объявилъ о цѣли своего пріѣзда, но вскорѣ же бѣжалъ, былъ пойманъ и привезенъ обратно въ Констанцъ. Строгое темничное заключеніе поколебало Іеронима; въ сентябрѣ 1415 г. онъ отрекся отъ Гуса и отъ своихъ убѣжденій; но потомъ раскаялся, взялъ назадъ свое отреченіе, былъ судимъ, осужденъ и сожженъ 30-го мая 1416 г. Подробности для характеристики Іеронима см. Hist. et Mon., v. II, Narratio de magistro Hieronymo Pragensi, pro Christi nomine Constantiae exusto, f. 349; Alia de eodem narratio, f. 354; Poggius Florentinus Leonardo Aretino, f. 658. Іеронимъ и Гусъ были друзья, но во многомъ не были похожи другъ на друга: Гусъ—спокоенъ, задумчивъ, твердъ, но мягкаго нрава, никогда не преступаетъ мѣру, склоненъ къ уединенію; Іеронимъ—полонъ огня, предпріимчивъ, краснорѣчивъ, всегда

и долженъ ожидать смерти равнымъ образомъ, какъ и я, и все ради вѣры, которую онъ старательно открывалъ чехамъ. Но нѣкоторые чехи, наши злѣйшіе враги, предали насъ во власть другихъ враговъ и въ темницу. Я прошу васъ молиться за нихъ.

Сверхъ того, я прошу, особенно васъ, обитателей Праги, любить церковь, называемую Виѳлеемомъ, и стараться, пока то угодно будетъ Господу, чтобы въ ней проповѣдывалось слово Божіе; ибо ради этого именно мѣста сатана пришелъ въ озлобленіе и возстановилъ какъ священниковъ, такъ и прелатовъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что именно изъ этого мѣста изойдетъ сила, которая ослабитъ его царство. Я уповаю

въ поѣздкахъ, бывавшій въ Оксфордѣ, Парижѣ, Іерусалимѣ, Витебскѣ, Псковѣ... При жизни, какъ и послѣ смерти, до послѣдняго времени. Іерониму суждено было играть особенную роль по отношенію къ Россіи: одно изъ важнѣйшихъ обвиненій его соборомъ заключалось въ томъ, что онъ, посѣтивъ Псковъ и Витебскъ, открыто перешелъ изъ католичества въ православіе; въ Россіи, нѣсколько дней тому назадъ, было высказано мнѣніе, что Іеронимъ не чехъ, а нѣмецъ *Faulfisch*, при чемъ, ради извѣстныхъ, открыто, дерзко заявленныхъ политическихъ цѣлей, смѣшиваются два лица, не имѣющія ничего общаго— Іеронимъ Пражскій и Николай Фаулфишъ (Nikolaus Faulfisch); о послѣднемъ упоминается при третьемъ засѣданіи Констанцкаго собора по дѣлу о Гусѣ: Illam literam cum sigillo universitatis Oxoniensis duo studentes Pragam attulerunt. Tunc Anglici requisiverunt eum (M. S. Hus), ut nominet illos studentes, quia dixerunt, illam literam fuisse falsificatam et non debite emanasse. Et M. Hus ostendens super Palecz, dixit: «Ille amicus meus novit bonae memoriae Nicolaum Faulfiss, qui illas literas apportavit cum alio, quem non scio, quis fuerit». Et interrogarunt eum Anglici, ubi esset ille? Et magister dixit: «mortuus est alicubi, credo inter Hispaniam et Angliam»; et deriserunt eum. Et Palecz dixit: «Ah! ille Faulfiss non fuit Anglicus, sed Boemus; et ecce, Reverendissime patres! ille idem Faulfiss portavit unam petiam lapidis de sepulcro ipsius Wiklef, quam postea Pragae pro reliquiis venerabuntur ei habebant. Et horum omnium iste Hus conscius erat (Hist. et Mon., I, f. 22). Эней Сильвій передаетъ тѣ же подробности объ его происхожденіи: vir quidam genere nobilis, ex domo quam «Putridi piscis» vocant, apud Oxoniam Angliae civitatem literis studens etc. (cap. 35). По поводу этихъ словъ Палацкій прибавляетъ: Offenbar meinte Aeneas Sylvius hier den Niklas Faulfisch, den er noch keineswegs mit Hieronymus verwechselte; letzteres thaten erst seine leser, die den Faulfisch und Hieronymys für *eine* Person hielten (l. c., III, S. 102—193, Anm. 245).

на Господа, что Онъ сохранитъ эту святую церковь (доколѣ то Ему угодно) и создастъ въ ней больше пользы своему слову чрезъ другихъ, чѣмъ сколько сдѣлано мною, ничтожнымъ. Я прошу, наконецъ, чтобы вы любили другъ друга и никому не отказывали въ истинѣ Божіей и надзирали, чтобъ благочестивые не были бы угнетаемы насиліемъ. Писано въ понедѣльникъ, наканунѣ дня св Вита [1]), при помощи добраго ангела [2]). Аминь.

ПИСЬМО ВТОРОЕ [3]).

Магистръ Янъ Гусъ, уповающій быть служителемъ Божіимъ, желаетъ всѣмъ вѣрующимъ, которые любятъ Бога и Его слово, истину и милость Божію.

Я долженъ васъ, многовозлюбленные, предварить, чтобы вы не боялись и не страшились, что противники пригово-

---

[1]) Въ латинскомъ переводѣ: die Lunae noctu ante Viti, т.-е. въ понедѣльникъ, въ ночь передъ днемъ св. Вита. Мы не имѣемъ подъ руками чешскаго подлинника, въ нѣмецкомъ же и латинскомъ переводѣ вкралась одна и та же ошибка: память св. Вита, заимствованнаго католическою церковью изъ славянской миѳологіи, празднуется 15-го іюня; канунъ этого дня, т.-е. 14 іюня, приходился въ 1415 году не въ понедѣльникъ, а въ пятницу, такъ какъ Пасха въ томъ году была 31 марта (см. Туркестановъ, Календарь на тысячу лѣтъ, стр. 60). Настоящее письмо, писанное 14 іюня, должно занимать первое мѣсто въ ряду четырехъ писемъ Гуса, переведенныхъ Лютеромъ, такъ какъ остальныя три писаны позже.

[2]) Въ латинскомъ переводѣ: per fidum et bonum germanum. Очень можетъ быть, что въ обоихъ случаяхъ разумѣется одно и то же лицо—тюремщикъ-нѣмецъ Робертъ; не желая компрометировать своихъ друзей и сторонниковъ, Гусъ, даже въ секретной перепискѣ, называлъ ихъ вымышленными именами и Робертъ могъ стать «добрымъ ангеломъ» или «вѣрнымъ и добрымъ нѣмцемъ».

[3]) Hortatur et confirmat suos hac epistola, ne terreantur propterea quod ejus libros igni tradendos judicaverit Concilium. Asserens eam esse fortunam sacrorum librorum, nec deesse hujus rei exempla. Deinde recenset hujus congregationis perversissimos mores; denique papae Iohannis condemnationem. Hist. et Mon., I, f. 61, ep. 13.

рили мои книги къ сожженію [1]). Вспомните, какъ израильтяне сожгли проповѣди пророка Іереміи, но все же не могли избѣжать того, что въ нихъ было предсказано. Ибо, такъ какъ эти были сожжены, то Господь повелѣлъ вновь и точнѣе написать тѣ же предсказанія, что и было сдѣлано: ибо Іеремія сидѣлъ въ темницѣ и сочинялъ, а его слуга Барухъ долженъ былъ записывать, какъ это находится у Іереміи въ главѣ 35 или 45 [2]), равнымъ образомъ въ книгахъ Маккавеевъ сказано, какъ безбожники сожгли законъ Господа и тѣхъ, которые имѣли его у себя, умертвили.

Затѣмъ, во времена Новаго Завѣта тоже сожигали святыхъ вмѣстѣ съ книгами Свящ. Писанія. Осудили же и сожгли кардиналы нѣкоторыя книги св. Григорія, и если бы дьяконъ св. Григорія, именемъ Петръ, не сберегъ ихъ, то они сожгли бы всѣ книги [3]). Два собора епископовъ назвали св. Златоуста [4]) еретикомъ, но милосердный Господь сдѣлалъ, по смерти Златоуста, эту ихъ ложь очевидною.

---

[1]) Приговоръ о сожженіи всѣхъ сочиненій Гуса былъ постановленъ Констанцкимъ соборомъ 24 іюня; настоящее письмо, писанное нѣсколько часовъ спустя послѣ произнесенія приговора, показываетъ, какъ спокойно относился Гусъ къ подобнымъ мѣрамъ своихъ судей.

[2]) Іерем. гл. 36. Гусъ, сидя въ констанцкой темницѣ, былъ лишенъ библіи и цитовалъ ее по памяти, чѣмъ и объясняется указанная неточность. По собственному указанію Гуса, онъ привезъ съ собою въ Констанцъ библію, сентенціи Петра Ломбарда и нѣсколько своихъ сочиненій (Hist. et Mon., I, f. 69); но, какъ извѣстно, библія была у него отобрана во время спора, о которомъ говоритъ Лютеръ въ послѣсловіи,

[3]) Упоминаемый св. Григорій есть папа Григорій I, занимавшій престолъ отъ 590 до 604 года. Сказаніе о сожженіи сочиненій папы Григорія и о «чудесномъ» доказательствѣ дьякона Петра въ пользу бесѣды Св. Духа съ Григоріемъ I (S. Marthe, Histoire de S. Grégoire, l. IX, cl. VII, p. 613) носитъ на себѣ слѣды сказки, и впервые солидно опровергнуто въ сочиненіи Lau, Gregor der Grosse, Leipz. 1845. Въ *Діалогахъ*, лучшемъ сочиненіи Григорія I, посвященномъ ломбардской королевѣ Теоделиндѣ, упоминается дьяконъ Петръ и, быть можетъ, это то самое лицо, о которомъ упоминаетъ Гусъ; но сказка приписываетъ сожженіе народной мести за расточительность папы, а не кардиналамъ.

[4]) Такъ какъ Лютеръ предназначалъ свою брошюру для мірянъ, то противъ имени св. Хризостома, на полѣ, напечатано слѣдующее поясненіе: Chry-

Итакъ, смотрите и остерегайтесь, не переставайте, страха ради, читать мои книги и не отдавайте ихъ моимъ противникамъ для преданія ихъ огню; вспоминайте изреченіе нашего милосерднаго Спасителя, по Матв. гл. 24[1]): «Ибо тогда будетъ скорбь великая, какой не бывало отъ начала міра донынѣ, и не будетъ. И если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; но для избранныхъ сократятся тѣ дни». Вспоминайте это, мои возлюбленные, и будьте неустрашимы.

Я[2]) полагаюсь на Господа, что эта школа антихриста побоится васъ и оставитъ въ покоѣ, что Констанцкій соборъ не проникнетъ въ Чешскую землю: ибо я думаю, что многіе изъ тѣхъ, которые засѣдаютъ на соборѣ, умрутъ, прежде чѣмъ исторгнутъ отъ васъ мои книги; и они, по окончаніи собора, разсѣятся по всѣмъ мѣстамъ міра, какъ аисты, и, когда наступитъ зима, испытаютъ, что они сдѣлали во время лѣта.

Посмотрите же, какъ они свою собственную главу, папу, за нѣкоторыя мерзкія его злодѣянія, осудили на смерть. Лучше отвѣтьте мнѣ, вы, проповѣдники, которые кричите, что папа есть земной Богъ; что онъ не можетъ продавать священства (какъ говорятъ юристы); что онъ глава всей святой церкви и хорошо управляетъ ею; что онъ есть сердце церкви, которую онъ духовно животворитъ; что онъ родникъ, изъ котораго истекаютъ всѣ добродѣтели и все доброе: что онъ солнце святой церкви; что онъ самое надежное прибѣжище, къ которому долженъ притекать всякій христіанинъ! Смотрите же: эта глава отсѣчена теперь мечомъ, этотъ земной Богъ находится теперь въ плѣну, его плутовство осуждено публично, этотъ родникъ изсякъ, это солнце потеряло

sostomus griechisch heist Gülden mund. Also ward der selb Bischoff genennet, das er wol beredt war.

[1]) Матв. XXIV, 21 и 22.

[2]) Противъ этого мѣста письма, на полѣ брошюры, напечатано: Prophetia, что объясняется заключ[...] [...]товами послѣсловія Лютера.

свой блескъ, это сердце вырвано и выброшено, чтобы никто не прибѣгалъ къ нему болѣе.

Такого-то папу самъ соборъ осудилъ ради плутовства, за то, что онъ продавалъ отпуски, епископства и т. п. Въ числѣ тѣхъ, которые его осудили, были однако многіе, которые въ то же время покупали у него все это и, перепродавая опять другимъ, сдѣлали изъ этого предметъ торговли. При этомъ былъ епископъ лютомышльскій, Іоаннъ, который два раза хотѣлъ купить пражское епископство, но другіе его предупредили. Развѣ это не отчаянные негодяи? Почему же они не вынули бревно прежде всего изъ своего глаза, такъ какъ ихъ же право говоритъ: кто получитъ прелатуру за деньги, тотъ долженъ быть лишенъ ее? Такимъ образомъ должны быть равно осуждены оба, покупщикъ и продавецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, который одобрилъ подобную куплю. Такъ св. Петръ осудилъ и проклялъ Симона, который хотѣлъ купить силу Св. Духа [1]). Но эти осудили только продавца; покупатели же и тѣ, которые одобрили подобную куплю, были освобождены отъ отвѣтственности.

Что же я долженъ сказать? У себя дома они производятъ подобный же торгъ. Здѣсь, въ Констанцѣ, находится одинъ епископъ, который теперь продалъ другому свое епископство, папа взялъ отъ обоихъ подарки и утвердилъ куплю. То же дѣлается и въ Чешской землѣ, какъ вы знаете. О, если бы Господь сказалъ этому собору: кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый произнеси приговоръ надъ папою Іоанномъ, то, безъ сомнѣнія, всѣ, одинъ за другимъ, оставили бы соборъ.

Зачѣмъ же преклонялись вы предъ нимъ, прежде чѣмъ это несчастіе постигло его? Зачѣмъ вы лобызали его ноги? Зачѣмъ называли его всесвятымъ? Вѣдь они видѣли, что онъ былъ еретикъ, убійца, отчаянный негодяй, какъ они теперь обзываютъ его публично. Зачѣмъ же кардиналы избрали его

[1]) Дѣян. Апп. VIII, 19—20.

въ папы, вѣдь они же знали, что онъ убилъ [1]) всесвятого отца? Зачѣмъ они допустили его торговать священными вещами, когда онъ возсѣдалъ на папскомъ престолѣ? Вѣдь они же для того и находятся въ конклавѣ, чтобъ подавать папѣ наилучшій совѣтъ. Не виновны ли они всѣ въ томъ же преступленіи, что и онъ? Да, они терпѣли въ немъ этотъ порокъ: въ нѣкоторыхъ же они сами виновны. Отчего, прежде чѣмъ онъ бѣжалъ изъ Констанца, никто не осмѣлился ни въ чемъ укорять его, но всѣ боялись его, какъ святѣйшаго отца: когда же, по попущенію или по волѣ Божіей, свѣтская власть вмѣшалась въ это дѣло, то они сговорились противъ него, чтобъ онъ не могъ избѣжать смерти?

Теперь злоба, омерзѣніе и вредъ антихриста стали, право, очевидны въ папѣ, равно какъ и въ другихъ, которые засѣдаютъ на соборѣ; теперь слуги Господа могутъ понять, что значатъ слова нашего Спасителя, когда Онъ говоритъ: Когда вы увидите мерзость запустѣнія, предреченную пророкомъ Даніиломъ (читающій да разумѣетъ) [2]). Конечно, наибольшая мерзость есть гордость, корысть, симонія въ мѣстѣ запустѣломъ, то-есть, въ духовныхъ сановникахъ, которые лишены смиренія, доброты и другихъ добродѣтелей, какъ мы то ясно видимъ на тѣхъ, которые обладаютъ прелатурами и духовными чинами.

О, какъ бы я желалъ, чтобъ у меня было время написать

---

[1]) Неаполитанецъ, кардиналъ Косса, впослѣдствіи папа Іоаннъ XXIII, отравилъ, по сказанію итальянцевъ, папу Александра V въ 1410 г., въ Болоньѣ. Судя по характеру Іоанна XXIII, это обвиненіе представляется очень вѣроятнымъ; но Александръ V равнымъ образомъ не многимъ отличался отъ своего любезнаго кардинала и очень можетъ быть, что неумѣренное употребленіе вина, а не Косса, послужило отравою для всесвятого отца: lubenter bene et laute vivebat bibendo vina fortia fortiter et frequenter. *Weber*, l. s. c., II, 235.

[2]) Матв. XXIV, 15. Лютеръ приводитъ не вполнѣ точный переводъ; см. Matth. l. s. c.: Cum videritis abominationem desolationis, quæ dicta est a Daniele propheta, stantem in loco sancto etc.; cp, Dan. XII, 11, 12: tempus, quo ablatum fuerit juge sacrificium et [illegible] abominatio in desolationem etc.

о негодности людей, которую я теперь испыталъ, чтобы служители Господа могли оберечь себя отъ этого.

Но надѣюсь на Господа: Онъ ниспошлетъ послѣ меня такихъ мужей (каковые есть уже и теперь), которые хорошо примутся за дѣло, ясно обнаружатъ плутовство антихриста и жизнь свою предадутъ смерти за истину нашего Господа Іисуса Христа, который да подастъ вамъ и мнѣ радость вѣчной жизни. Писано въ день св. Іоанна Крестителя [1]), въ темницѣ, въ ножныхъ кандалахъ, при воспоминаніи, что св. Іоаннъ былъ обезглавленъ въ темницѣ, ради слова Господня.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ [2]).

Магистръ Янъ Гусъ, уповающій быть служителемъ Божіимъ, желаетъ всѣмъ вѣрующимъ въ Чехіи, что Бога любятъ, милость Божію.

Я вспомнилъ еще, мои возлюбленные друзья о Господѣ и вѣрующіе, что я васъ долженъ предостеречь, чтобъ вы замѣтили, какъ Констанцкій соборъ, полный гордости, корысти и другихъ мерзостей, осудилъ, какъ еретическія, мои книги, писанныя на чешскомъ языкѣ, которыя они (члены собора) никогда не видѣли и не слышали чтенія ихъ. И если бы имъ даже прочли ихъ, они все-таки не могли бы ихъ понять, такъ какъ на соборѣ были итальянцы, французы, англичане, нѣмцы и другихъ языковъ люди. Итакъ, ихъ могли понять лишь епископъ лютомышльскій, бывшій также на этомъ соборѣ вмѣстѣ съ другими чехами, которые были мнѣ враждебны, и нѣсколькими пражскими священниками, которые

---

[1]) Т.-е. 24 іюня, въ понедѣльникъ. Въ подлинникѣ настоящему письму предшествуетъ письмо, помѣченное 26 іюня, вслѣдствіе чего въ подлинникѣ, на полѣ, прибавлено замѣчаніе Лютера: Das datum zeiget, das dis der erste Brieff gewest sey, und der erste der ander sey.

[2]) Quomodo M. Ioannem Hus per falsos testes et per ejus libros, quos nunquam viderunt, condemnaverit Concilium. Hist. et Mon., I, f. 60, ep. 12.

болѣе всего посрамили и оклеветали истину Божію и нашу Чешскую землю. Земля же эта, я полагаю (уповая на Господа), сохранитъ чистѣйшую вѣру, ибо она такъ сердечно стремится не только къ слову Божію. но также къ похвальному благочинію и доброй нравственности.

И если бы вы были въ Констанцѣ, то вы видѣли бы всю мерзость и срамность собора, который однако же желаетъ быть названнымъ всесвятымъ и не могущимъ заблуждаться. Я самъ слышалъ, какъ швабы говорятъ по этому поводу, что ихъ городъ Констанцъ никакими покаяніями не смоетъ съ себя въ теченіе тридцати лѣтъ тѣхъ грѣховъ, что были совершены въ немъ соборомъ самымъ постыднымъ образомъ; почти всѣ они враждебны собору и недовольны, что въ ихъ городѣ совершались такія порочныя дѣла.

Когда я въ первый разъ предсталъ предъ ними для отвѣта и увидѣлъ, какъ безпорядочно все идетъ, и услышалъ, какъ чрезмѣрно они всѣ кричатъ, то сказалъ публично: «Право, я думалъ, что на этомъ соборѣ все должно идти приличнѣе, лучше и порядочнѣе, чѣмъ идетъ». Тогда старшій кардиналъ [1]) отвѣчалъ: «Какъ ты можешь такъ говорить? въ замкѣ ты говорилъ гораздо разумнѣе». Тогда я сказалъ: «Въ замкѣ никто противъ меня не кричалъ; теперь же вы всѣ кричите разомъ».

Такъ какъ на этомъ соборѣ не было вовсе никакого порядка и имъ сдѣлано гораздо болѣе злого, чѣмъ добраго, то вы, возлюбленные о Господѣ, вѣрующіе во Христа, не страшитесь приговора, который они произнесли на этомъ соборѣ надъ моими книгами: члены собора разойдутся во всѣ сто-

---

[1]) Старшій кардиналъ (supremus Cardinalis) былъ предсѣдательствовавшій кардиналъ камбрейскій Петръ изъ Альяко (Petrus ab Alliaco, Pierre d'Ailly). На основаніи словъ самого Гуса, который передаетъ здѣсь то, что случилось, когда онъ впервые предсталъ предъ соборомъ (cum primum coram illo ut responderem adversariis stetissem), западные ученые относятъ разсказанный Гусомъ эпизодъ къ первому засѣданію, Новиковъ же—ко второму, но приводимыя имъ доказательства мало убѣдительны.

роны, какъ порхающія бабочки, а приговоръ и рѣшеніе останутся на томъ же мѣстѣ, какъ паутина. Они охотно устрашили бы мое вѣрное сердце въ истинѣ Христа, но они не могли побороть во мнѣ силу Бога. Они не хотѣли опровергать меня Св. Писаніемъ, какъ то засвидѣтельствуютъ тѣ благородные господа, которые готовы были перенесть всякій позоръ ради истины Божіей, особенно же Вячеславъ изъ Дубы и Янъ изъ Хлума, такъ какъ эти были допущены на соборъ самимъ королемъ Сигизмундомъ.

И когда я сказалъ: «Охотно желалъ бы я быть наставленнымъ въ томъ, въ чемъ я ошибаюсь», то они услышали такой отвѣтъ старшаго кардинала: «Если ты хочешь, чтобъ тебя наставили, то ты долженъ сперва отречься отъ своего ученія, какъ то рѣшили пятьдесятъ докторовъ Св. Писанія». О, это было прекрасное наставленіе! Такимъ образомъ, и св. Екатерина [1]) должна была бы отказаться отъ истины Господа и вѣры Христа, потому что пятьдесятъ учителей были противъ нее. Но она, возлюбленное дѣво, не сдѣлала этого, но пребыла въ вѣрѣ до самой смерти. Наконецъ, она все же склонила своихъ учителей къ Господу Христу, я же никоимъ образомъ не могу склонить моихъ.

---

[1]) Екатерина, причисленная къ лику святыхъ какъ православною, такъ и католическою церковью, родилась, по преданію, въ девяностыхъ годахъ III стол., въ Александріи. Богато одаренная, блиставшая красотою, умомъ, образованностью, она плѣнила сладострастнаго императора Максимина II, который думалъ соблазнить ее богатствомъ, саномъ своимъ, и предлагалъ ей даже императорскую діадему; воспитанная въ христіанскомъ духѣ, Екатерина съ дѣтства посвятила себя Богу, отвергла всѣ предложенія императора и понесла за то мученическую смерть. Максиминъ, желая облечь свою ненависть къ христіанамъ вообще и месть къ Екатеринѣ въ форму законнаго преслѣдованія, созвалъ мудрецовъ и приказалъ имъ, въ публичномъ диспутѣ съ Екатериной, доказать ложь исповѣдуемаго ею ученія; но Екатерина опровергла всѣ доводы своихъ оппонентовъ ихъ же оружіемъ—Гомеромъ, Платономъ, Софокломъ и др. учителями классическаго міра; сами ея противники-мудрецы приняли вскорѣ христіанство. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, императоръ Максиминъ II приказалъ обезглавить красивую христіанку, и Екатерина была казнена 24-го ноября 307 года.

Я хотѣлъ вамъ написать это для того, чтобы вы знали, что они не опровергали меня ни ясными изреченіями Св. Писанія, ни вѣрными доводами, но ужасомъ и хитростью нападали на меня и желали уговорить, чтобъ я клятвенно отказался отъ моего ученія. Но милосердый Господь, слово котораго я прославлялъ, былъ со мною, пребываетъ еще по нынѣ и, какъ я надѣюсь, пребудетъ со мною и сохранитъ меня въ своей милости до самой смерти.

Писано въ среду, послѣ дня св. Іоанна Крестителя [1]), въ темницѣ, въ оковахъ, когда я ожидалъ смерти, хотя я, ради неисповѣдимаго суда Божія, не дерзаю сказать, что это будетъ мое послѣднее письмо, такъ какъ всемогущій Господь можетъ спасти меня и въ этотъ разъ. Аминь.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ [2]).

Миръ вамъ!

Многія причины заставляли меня полагать, мои возлюбленные друзья о Господѣ, что то письмо, которое я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, будетъ послѣднимъ, такъ какъ смерть была такъ близко; но, видя, что она отсрочена, я принялъ это съ радостью, такъ какъ я долѣе могу бесѣдовать съ вами письменно, и я еще разъ пишу, чтобъ высказать мою благодарность.

Что касается смерти, то Господь вѣдаетъ, зачѣмъ Онъ отсрочилъ смерть какъ мою, такъ и моего возлюбленнаго брата Іеронима, который, какъ я надѣюсь, умретъ свято и невинно; и я знаю уже теперь, что онъ переноситъ и страдаетъ болѣе мужественно, чѣмъ я, бѣдный грѣшникъ [3]).

---

[1]) Т.-е. 26-го іюня, такъ какъ день Іоанна Крестителя, 24-го іюня, приходился въ 1415 году въ понедѣльникъ.

[2]) Hac epistola ostendit suis, cur Deus non patiatur perire suos asserens, varia exempla, quibus seipsum confirmat et consolatur. Hist. et Mon., I, p. 62, ep. 14.

[3]) Іеронимъ оправдалъ мнѣніе о немъ Гуса послѣдними днями своей жизни, когда современники дивились его твердости, неустрашимости, презрѣнію къ

Господь даетъ намъ время, чтобъ мы тѣмъ лучше обдумали наши грѣхи и чистосердечнѣе покаялись въ нихъ. Онъ даетъ намъ время, чтобъ великое и продолжительное мученіе искупило бы великій грѣхъ и принесло бы намъ утѣшеніе. Онъ даетъ намъ время, чтобъ мы познали страшныя оскорбленія нашего царя Господа Іисуса Христа, подумали о Его горькой смерти и тѣмъ легче перенесли бы страданія; чтобъ мы помнили, что вѣчная радость будущей жизни не дается послѣ радости этой жизни, но что святые достигали царствія небеснаго путемъ многихъ истязаній.

Ибо нѣкоторые изъ святыхъ четвертованы, нѣкоторые проколоты, нѣкоторые замучены огнемъ [1]), съ нѣкоторыхъ заживо снята кожа, нѣкоторые заживо погребены, побиты камнями, распяты, разбиты мельничными жерновами, колесованы, утоплены, сожжены, повѣшены, разорваны на части, передъ смертью оскорблены, мучены въ темницѣ и въ оковахъ.

И кто можетъ разсказать всѣ мученія и страданія всѣхъ святыхъ, которыя они перенесли за Божескую истину въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, въ особенности же тѣхъ святыхъ, которые наказывали злобу духовныхъ лицъ и проповѣдывали противъ нихъ? Поэтому было бы чудомъ, если бы въ настоящее время тотъ не подвергся бы мученіямъ, кто такъ горячо противустоялъ злобѣ, и особенно злобѣ духовныхъ лицъ, которыя хотятъ оставаться ненаказанными. И я радуюсь, что они должны теперь читать мои книги, въ которыхъ злоба ихъ достаточно обрисована; и я знаю, что они читаютъ ихъ ста-

жизни; они сравнивали его съ Катономъ: stabat impavidus, intrepidus, mortem non contemnens solum, sed appetens, ut alterum Catonem dixisses, и ставили его въ этомъ отношеніи выше всѣхъ стоиковъ: nullus unquam stoicorum fuit tam constanti animo, tamque forti, mortem perpessus, quam iste appetiisse videtur (Ep. Pog. Flor. ad Leon. Arct. ap. Hist. et Mon., II, f. 359, in fine).

[1]) Ettliche gebraten, ettliche gesotten, собственно значитъ: нѣкоторые сжарены, нѣкоторые сварены, что дословно переведено на латинскій языкъ: alii cocti, nonnuli assati.

рательнѣе, чѣмъ святое евангеліе, и ищутъ, желая найти въ нихъ заблужденіе. Писано въ четвергъ, предъ канунюмъ св. Петра [1]). Аминь.

МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ [2]).

Я не сомнѣваюсь, что тотъ, кто прочтетъ или услышитъ эти письма, если онъ вообще въ разумѣ или имѣетъ совѣсть предъ Господомъ, тотъ долженъ сказать, что прекрасный и великій духъ обиталъ въ этомъ мужѣ, Янѣ Гусѣ, который такъ христіански пишетъ и поучаетъ, такъ рыцарски борется съ соблазнами смерти, такъ терпѣливо и смиренно все переноситъ и, наконецъ, такъ мужественно принимаетъ страшную смерть, ради истины, при столь сильныхъ вельможахъ, многихъ высокихъ сановникахъ, собранныхъ со всего міра, и среди нихъ онъ стоитъ одинокъ, какъ овечка среди многихъ львовъ и волковъ. Если онъ еретикъ, то, конечно, на землѣ не являлся еще ни одинъ истинный христіанинъ,—ибо по какимъ же плодамъ хотятъ распознавать истиннаго христіанина, если не по тѣмъ, какіе представилъ Янъ Гусъ?

Онъ не сдѣлалъ ничего дурного, кромѣ того, что училъ: если папа не благочестивъ, то онъ не есть глава св. церкви: онъ допускаетъ его быть главою церкви, но не св. церкви, подобно тому, какъ дурной іерей есть іерей, но не членъ истинно святыхъ въ своемъ приходѣ. Равнымъ образомъ это же говоритъ и Янъ Гусъ: если папа плутъ, то онъ не благочестивъ, хотя бы онъ былъ старѣйшимъ въ церкви; по-

[1]) Т.-е. 27-го іюня; день свв. Петра и Павла, 29-го іюня, приходился въ 1415 году въ субботу, канунъ этого дня, 28-го іюня—въ пятницу, а день передъ канунюмъ— въ четвергъ.

[2]) D. Martinus Lutherus hoc scriptum in fine literarum Iohannis Hus, anno 1536 editarum, addidit, ut theologi ad quodcunque papistarum Concilium accessuri, tyrannide judicum Constantiensis Concilii admoniti, cautiores sint. Hist. et Mon., I, praef.

добно тому, какъ ты или я говорю: если Іуда воръ и предатель, то онъ не благочестивъ, хотя бы онъ былъ даже апостоломъ. Но Гусъ долженъ былъ бы сказать такъ: если папа плутъ и злодѣй, онъ все-таки есть святой. не можетъ заблуждаться, и все, что онъ дѣлаетъ и говоритъ. то свято; и это должно быть принимаемо за догматъ вѣры и справедливости. Вотъ что хотѣли услышать эти господа на Констанцкомъ соборѣ. Не смотря на то, что они сами осудили и низложили, какъ злодѣевъ, трехъ папъ. ни одного изъ нихъ они не сожгли; но такъ какъ это было высказано Яномъ Гусомъ, то онъ долженъ былъ пострадать.

Дѣло началось съ того, что папа далъ міру отпущеніе грѣховъ и назначилъ въ буллѣ юбилейный годъ, чтобъ построить церкви во имя св. Петра и т. п., и въ числѣ многихъ другихъ римскихъ и папскихъ выдумокъ папа въ своей буллѣ обѣщалъ всѣмъ, которые умрутъ на пути въ Римъ, что они вознесутся тотчасъ же на небо; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ накрѣпко приказалъ ангеламъ (какъ земной Богъ и намѣстникъ Бога), чтобъ они души умершихъ несли тотчасъ же на небо, совершенно какъ Тецель, который принесъ кардиналу маинцкому отпущеніе, такъ же поучалъ, что при каждой новой денежкѣ, которая падаетъ въ кружку, тотчасъ же одна душа переходитъ изъ чистилища въ рай. Они перестали тогда приманивать на эту дудку и до сихъ поръ не употребляютъ ее, выжидая, пока наступитъ ихъ время.

Такъ какъ подобную мерзкую проповѣдь не могъ бы переносить никакой оселъ и никакая свинья, если бъ они были людьми (не говоря уже христіанами). то Янъ Гусъ Пражскій возсталъ противъ этого (такъ какъ онъ былъ проповѣдникъ въ часовнѣ Виѳлеемъ) и отрицалъ, чтобъ папа могъ бы дѣлать что-либо подобное, и доказывалъ несправедливость этого и многаго другого. И такъ какъ онъ зашелъ въ своихъ проповѣдяхъ такъ далеко, что говорилъ, что папа можетъ поступать несправедливо (что въ то время считалось большею

ересью, чѣмъ если бы ты отрекся отъ самого Христа!), то онъ былъ удаленъ и долженъ былъ защищать такое положеніе: если папа злодѣй, то онъ не благочестивъ. Тогда всѣ свиньи захрюкали противъ него, ощетинились, наострили свои рыла и собрались всѣ въ кучу, пока предательски и злодѣйски не сожгли его. Ибо то было одно изъ главныхъ положеній: папа не можетъ заблуждаться, какъ и юристы [1]) изъ своей мышьей норки въ Римѣ [2]) говорятъ: Non praesumitur tantae celsitudinis apex errare,—нельзя дерзнуть думать, что такая высокая глава можетъ ошибаться. Подобнымъ «не дерзнуть», къ сожалѣнію, слишкомъ много дерзаютъ.

Но они сдѣлали его столь смѣлымъ и радостнымъ потому, что принялись за дѣло неловко, даже грубо, насильно, безстыдно нанесли ему насиліе и несправедливость. Ибо сердце, сознающее себя ни въ чемъ невиновнымъ передъ Богомъ и міромъ, придаетъ человѣку бодрости; но если это дѣлается ради Господа, то Св. Духъ является утѣшителемъ робкихъ и помогаетъ противъ всего міра и дьявола, какъ то обѣщалъ Господь Христосъ, Матв. X [3]): «Ибо не вы говорить будете, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ», и Лук. X [4]): «Я дамъ вамъ языкъ и мудрость, которымъ всѣ враги ваши не противустоятъ».

Я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что императоръ Максимиліанъ говаривалъ о Гусѣ: «Э, э! они несправедливо поступили съ благочестивымъ мужемъ». И Эразмъ Роттердамскій въ своемъ первомъ трактатѣ, который я еще имѣю, публично, въ печати, пишетъ: *Iohannes Hus est exustus, non convictus*, т.-е. Янъ Гусъ сожженъ, но не опровергнутъ [5]). И всѣ

---

[1]) Въ подлинникѣ игра словъ и насмѣшка: jurisperditi вм. jurisperiti.

[2]) Rauchloch zu Rom; въ латинскомъ переводѣ вѣрно схваченъ смыслъ: curia romana.

[3]) Матв. X, 20.

[4]) Лук. XXI, 15: «Ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противустоять всѣ противящіеся вамъ».

[5]) Подлинныя слова Эразма Роттердамскаго: Iohannem Hus exustum quidem, sed non convictum esse

честные люди постоянно говорятъ, что ему было нанесено насиліе и несправедливость.

Но я долженъ здѣсь разсказать, что я слышалъ отъ самого доктора Стаупица, какъ его предокъ Андрей Пролъ, въ свое время прекрасный и знаменитый человѣкъ, разговаривалъ однажды съ нимъ про розу доктора Іоанна Захаріи (ибо они рисовали иногда въ нашихъ монастыряхъ розу на баретѣ Захаріи, въ честь своего ордена и на посрамленіе Яна Гуса). Пролъ, взглянувъ на эту картину, сказалъ: «Я не желалъ бы носить розу за подобную честь», послѣ чего Стаупицъ спросилъ: «Почему же?» Тогда Пролъ отвѣчалъ ему слѣдующее:

На Констанцкомъ соборѣ, когда они дѣйствовали противъ Гуса, говоря, что папа никѣмъ не долженъ и не можетъ быть наказываемъ, Захарія привелъ стихъ Іезекіила, XXXIV: *ecce ego ipse super pastores, et non populus*, т.-е. я самъ надъ пастырями, а не народъ [1]); то Янъ Гусъ отрицалъ, чтобъ такія слова (non populus) стояли на томъ мѣстѣ. Тогда Захарія сослался на собственную библію Гуса, привезенную имъ съ собою изъ Чехіи; ибо Захарія посѣщалъ его (какъ и многіе то дѣлали, желая убѣдить его) и случайно прочелъ это мѣсто въ его библіи. Когда эту библію принесли, то нашли такъ, какъ утверждалъ Захарія. При этомъ не помогло Яну Гусу и то, что онъ сказалъ: «эта библія не вѣрна, въ другихъ нѣтъ этого мѣста», на его закричали, и онъ проигралъ. Захарія же получилъ за это почетную розу, которую соборъ подарилъ ему на вѣчную память. Далѣе Пролъ сказалъ: однако то справедливо, что и въ настоящее время такое слово не находится ни въ одной вѣрной библіи, ни въ печатной, ни въ рукописной, но всѣ онѣ свидѣтельствуютъ противъ Захаріи. Haec Proles [2]).

---

[1]) Іезек., XXXIV, 11: «се азъ взыщу овецъ моихъ и присѣщу ихъ»—совершенно согласно указанію Гуса. Приводимыя Лютеромъ слова неполны и неточны, такъ какъ въ латинскомъ текстѣ стихъ этотъ долженъ читаться: visitabo ego ipse pastores, et non populus meus.

[2]) Этотъ разсказъ Прола, о которомъ Лютеръ часто вспоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, не записанъ ни въ соборныхъ актахъ, ни въ современныхъ

И это справедливо: нигдѣ не встрѣчается иначе, какъ сказалъ Гусъ, во всѣхъ библіяхъ, въ нѣмецкой, латинской, греческой или еврейской; но въ Констанцѣ они не хотѣли смотрѣть въ другія библіи, иначе они не дали бы розу Захаріи, не онъ могъ бы ее носить, но Янъ Гусъ одержалъ бы побѣду. Это однако ему нисколько не помогло бы, потому что онъ не хотѣлъ признавать дурного папу благочестивымъ, чѣмъ и они сами его не считали, какъ то свидѣтельствуетъ Янъ Гусъ въ этихъ письмахъ. Изъ этого однако видно, что Андрей Пролъ былъ тоже того мнѣнія, что съ Яномъ Гусомъ было поступлено несправедливо: и Захарія, если онъ не покаялся, отправился къ дьяволу, хотя его и рисуютъ великимъ святымъ. Докторъ Стаупицъ равнымъ образомъ раздѣляетъ это мнѣніе. И я также.

Но повсюду очевидно, что даже противники его признали (что я самъ слышалъ 30 лѣтъ назадъ отъ лицъ высокопоставленныхъ въ богословіи), что онъ былъ очень ученый человѣкъ и ученѣе, чѣмъ всѣ доктора, бывшіе на соборѣ, что также хорошо доказываютъ его книги «О церкви» и «Проповѣди». Однажды, въ Эрфуртѣ, въ монастырской библіотекѣ, будучи еще юнымъ богословомъ, я напалъ на одну книгу, въ которой были записаны проповѣди Яна Гуса, и полюбопытствовалъ посмотрѣть, чему училъ архиеретикъ, такъ какъ книга эта, уцѣлѣвшая отъ огня, сохранялась въ публичной библіотекѣ. Я нашелъ въ книгѣ дѣйствительно такъ много, что пришелъ въ ужасъ, какимъ образомъ былъ сожженъ такой мужъ, который такъ по-христіански и такъ разумно могъ объяснять Св. Писаніе. Но такъ какъ его имя было такъ страшно осуждено, что я въ то время думалъ, что стѣны почернѣютъ и солнце потеряетъ свой блескъ, если кто произнесетъ съ сочувствіемъ имя Гуса, то я закрылъ книгу и вышелъ съ разстроеннымъ сердцемъ. Я утѣшилъ себя однако тою

записках; онъ сохранился какъ нѣмецкое преданіе, которое, по словамъ Новикова, «отмѣчено печатью истины» (Русск. Бес., 1858, I, стр. 76).

мыслью, что, быть можетъ, онъ написалъ это, прежде чѣмъ сталъ еретикомъ: ибо я не зналъ еще исторіи Констанцкаго собора.

Но послѣднее лучше всего. Они сами, его противники, свидѣтельствуютъ ясно, хотя очень необдуманно, такъ что имъ слѣдуетъ краснѣть, если бъ было возможно, чтобъ они могли видѣть слѣпыми глазами; ибо авторъ, который написалъ на нѣмецкомъ языкѣ со многими украшеніями «Дѣянія собора» и который охотно сдѣлалъ бы дурное Гусу, говоритъ, что Янъ Гусъ неустрашимо улыбался, когда его разстригали; когда его вели въ огонь, у него всегда было на устахъ: «О, Іисусъ, сынъ Божій, помилуй мя!» Когда же онъ увидѣлъ столбъ, у котораго онъ долженъ быть сожженъ, то упалъ на колѣни и воззвалъ: «О, Іисусъ, сынъ Божій, пострадавый за ны, помилуй мя!» Увидѣвъ бѣдную крестьянку, которая принесла вязанку дровъ, онъ съ нѣжной улыбкой произнесъ слова св. Іеронима: *Sancta simplicitas*—о, ты, святая простота [1]). Къ нему протискался священникъ и спросилъ, желаетъ ли онъ исповѣдываться: «Да,—сказалъ Гусъ,—охотно желаю исповѣдаться». Священникъ же возразилъ: «Но вы должны сперва отречься». «Нѣтъ,—сказалъ Гусъ,—такъ какъ я не виновенъ ни въ какомъ смертномъ грѣхѣ».

Когда онъ уже совершенно сгорѣлъ, то осталась митра, сдѣланная изъ бумаги, которую ему надѣли для позора, такъ какъ по обѣимъ ея сторонамъ были нарисованы черти съ надписью *Haeresiarcha*, архиеретикъ, такъ что палачъ долженъ былъ взять ее и бросить въ огонь. Это они сами пишутъ, и всякій желающій можетъ прочесть, такъ какъ книга недавно вновь вышла изъ печати. Они объясняютъ однако это тѣмъ, что Янъ Гусъ былъ такой ядовитый еретикъ, что дьяволъ сохранилъ его колпакъ въ огнѣ, подобно тому, какъ іудеи приписываютъ Вельзевулу чудеса Іисуса Христа [2]).

---

[1]) *Палацкій* съ недовѣріемъ относится къ этому разсказу. Gesch. von Böhm., III, 367, Anm. 472.

[2]) Матв. XII, 24; Лук. XI, 18, 19 и др.

Но тотъ, кто можетъ серьезно взывать ко Господу Іисусу, сыну Божію, за насъ пострадавшему, въ моментъ смерти ради подобныхъ дѣлъ, и идти въ огонь съ такою вѣрою и такимъ сознаніемъ, если тотъ не есть великій мученикъ Христа, то никто не спасется, ибо Онъ говоритъ: «Кто Меня исповѣдуетъ передъ міромъ, того и Я исповѣмъ». Итогъ: папа многихъ дѣлаетъ святыми, кто знаетъ, не въ аду ли они? Этого онъ низвергъ въ адъ, хотя, конечно, онъ долженъ быть на небесахъ. Да будетъ же чортъ твоимъ святымъ и ты, любезнѣйшій папа, да будешь ты святымъ чорта.

Вотъ что я хотѣлъ сказать въ предостереженіе нашимъ свѣтскимъ государямъ, которые, быть можетъ, будутъ на соборѣ; ибо если они будутъ походить на Констанцкій соборъ, то и съ ними случится то же самое, именно, что затѣмъ станутъ говорить то, что они сдѣлали и о чемъ запретили говорить. Ибо тѣ, что засѣдали на Констанцкомъ соборѣ, были также увѣрены, что никто, никогда не посмѣетъ противъ нихъ говорить или писать, тѣмъ менѣе признавать Яна Гуса святымъ и прославлять, или же ихъ осуждать, такъ какъ они все это страшно запретили. Но Янъ Гусъ предсказалъ, что это будетъ иначе, какъ то и исполнено многими другими и отчасти мною. Они же могутъ думать: «Не бѣда, мы суть главы, ничего! Мы дѣйствуемъ во имя Бога, какъ и во времена Яна Гуса»! Онъ сидитъ еще на престолѣ, сидѣвшій тогда; вы же встанете и должны будете уступить сѣдалище. Это не преминетъ случиться.

Аминь.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ВИТТЕМБЕРГѢ

Іосифомъ Клугомъ

въ 1537 году.

ІОАННА БЕЗУМНАЯ.

«Заря», 1869.

Открытія въ испанской исторіи.

Шестнадцатое столѣтіе останется надолго, если не навсегда, величайшимъ вѣкомъ изъ всѣхъ вѣковъ, пережитыхъ человѣчествомъ. Въ своихъ хорошихъ, какъ и дурныхъ чертахъ, XVI вѣкъ равно великъ: онъ не представилъ убожества даже въ низостяхъ, ни пустоты даже въ капризахъ. Люди XVI стол. удивляютъ насъ изобиліемъ своихъ силъ, смѣлостью своихъ замысловъ, крѣпостью своихъ характеровъ. Всматриваясь, однако, ближе въ то мѣсто, которое занимаетъ XVI столѣтіе въ ряду другихъ вѣковъ, должно признать, что ему легко было стать великимъ. Человѣческая натура въ теченіе многихъ поколѣній, подобно землѣ подъ паромъ, оставалась неподвижною, за исключеніемъ, быть можетъ, великаго умственнаго переворота XIII столѣтія, который былъ, впрочемъ, скорѣе насильственнымъ продуктомъ политическихъ институтовъ и соціальной организаціи, чѣмъ естественнымъ результатомъ усилій человѣческаго духа. Лишенный въ теченіе вѣковъ свободы мысли, въ теченіе столѣтій находившійся подъ опекою, человѣческій умъ прозябалъ, въ наивности невѣдѣнія. Поставленный въ такія условія, умъ, никогда не работавшій, сберегалъ, казалось, свои силы, чтобъ потомъ развернуться въ полномъ своемъ величіи, со всею мощью своего творчества.

Первый взглядъ на природу всегда самый живой, способный разомъ обнять наиболѣе предметовъ; первое впечатлѣніе всегда самое сильное, наиболѣе потрясающее. Этотъ за-

конъ человѣческой природы исполнился на XVI столѣтіи, когда разумъ бросилъ свой первый взглядъ на природу. Люди того времени не нуждались въ усиліяхъ, чтобъ изобрѣтать, творить—человѣкъ всѣмъ его окружающимъ вызывался на творчество: ничто не было разобрано, ничто не было приведено въ систему, мало что было извѣстно; умъ не былъ обремененъ тяжелою массою изобрѣтеній предшествовавшихъ вѣковъ, и воображенію, не затрудняемому, какъ въ наше время, воспоминаніемъ уже совершеннаго, была предоставлена полная свобода въ обширной области умозаключеній и гипотезъ; любопытство не было притуплено настолько, чтобъ, какъ въ наши дни, обращать вниманіе на мелочи, и разъ возбужденное, оно естественно обратилось къ общимъ истинамъ.

Съ другой стороны, подъ обаяніемъ сильныхъ ощущеній, подъ жаромъ первыхъ лучей новой цивилизаціи, человѣческій духъ безотчетно, жадно стремился насладиться жизнью и чувствомъ; отсюда тѣ преходящія всякіе предѣлы страсти, тѣ высокія добродѣтели, тѣ великія преступленія XVI столѣтія, предъ которыми останавливается нашъ умъ, какъ предъ эксцессами для него непонятными, и замираетъ наше сердце, какъ предъ чувствованіями для него уже чуждыми. Въ то время общество сохраняло еще въ себѣ столько варварства, что характеры тѣхъ людей ничего не потеряли еще въ своей первоначальной грандіозности, и уже накопилось настолько цивилизаціи, чтобъ тѣ характеры могли привязаться къ политической или религіозной цѣли, достойной быть преслѣдуемою со всею пылкостью пробужденнаго чувства, со всѣмъ жаромъ воскрешенной мысли.

Великій вѣкъ и великія личности! Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ императоръ Карлъ V, родившійся въ первый же годъ XVI столѣтія. Современники единогласно признаютъ его великимъ, и, читая ихъ хвалебные отзывы о немъ, необходимо было бы съ ними согласиться, если бы мы не были предостережены въ этомъ отношеніи великимъ изрѣче-

ніемъ: «горе вамъ, если всѣ будутъ говорить о васъ хорошо». Новыя открытія, сдѣланныя въ испанскомъ государственномъ архивѣ, подтверждаютъ справедливость этой мысли.

Нѣмецкій ученый, рано сошедшій въ могилу, Генрихъ Бергенротъ, посвятилъ нѣсколько лѣтъ труда на изученіе документовъ, хранящихся въ Симанкасскомъ архивѣ. По предложенію англійскаго правительства, онъ издалъ въ настоящее время документы, относящіеся до сношеній Англіи съ Испаніею въ періодъ династіи Тюдоровъ [1]). Опубликованные документы представляютъ богатый историческій матеріалъ, проливающій новый свѣтъ на главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей той эпохи; они заставляютъ измѣнить во многихъ отношеніяхъ укоренившіяся уже въ наукѣ точки зрѣнія, въ нѣкоторыхъ же подкрѣпляютъ прежде извѣстное. Кромѣ двухъ обширныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ документы, Бергенротъ посвятилъ небольшую статью вопросу о несчастной матери Карла V, которую исторія давно уже признала помѣшанною [2]). Между тѣмъ, новые документы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что королева Іоанна вовсе не страдала разстройствомъ умственныхъ способностей, но была объявлена сумасшедшею, заточена въ темницу и содержалась въ ней въ теченіе 49 лѣтъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ отецъ, мужъ и сынъ могли воспользоваться ея правами на корону Кастиліи.

Новые результаты, вытекающіе для исторической науки изъ этихъ документовъ испанскаго государственнаго архива, весьма любопытны: новыя черты для характеристики Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, разъясненіе цѣлей инквизиціи, обрисовка положенія папскаго вопроса на-

---

[1]) *Bergenroth*, Calendar of letters, despatches and state-papers relating to the negociation between England and Spain, preserved in the archive at Simancas. 1485—1525. London, 2 v. 1867.

[2]) *Bergenroth*, Kaiser Karl V und seine Mutter Iohanna. 1500—1555, въ Hist. Zeits., 1868.

канунѣ реформаціи, наконецъ грустная повѣсть сорокадевятилѣтняго заточенія королевы Іоанны, этой коронованной мученицы деспотизма, несчастной женщины, которую содержали въ заточеніи, оскорбляли и подвергали пыткѣ самыя близкія, самыя дорогія ея сердцу лица—отецъ, мужъ, сынъ.

Симанкасъ, Simancas, небольшая деревушка въ древней Кастиліи, въ десяти верстахъ отъ Вальядолида. Она расположена въ мѣстности довольно безплодной—девять мѣсяцевъ въ году ея жители не видятъ зелени; климатъ суровъ и рѣзокъ—зной африканскаго солнца смѣняется холоднымъ вѣтромъ сибирскихъ степей. Въ деревушкѣ нѣтъ ни одной сколько-нибудь сносной гостиницы; путешественникъ принужденъ останавливаться въ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинахъ—испанская гордость зажиточныхъ собственниковъ не дозволяетъ имъ принимать постояльцевъ въ свои домъ. Крестьянскія хижины представляютъ грустный, жалкій видъ: комнаты маленькія, полъ и кровля со щелями, въ которыя дуетъ вѣтеръ и льетъ дождь; ни окна, ни двери не притворяются какъ слѣдуетъ; все убого, грязно, гадко. Пища жителей еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ ихъ жилища. Ни книгъ, ни какихъ-либо развлеченій, ни бесѣдъ,—трудно себѣ представить мѣстность менѣе привлекательную. Въ этой-то деревушкѣ, въ самомъ ея центрѣ, находится древній зубчатый зàмокъ, бывшій нѣкогда крѣпостью, принадлежавшею адмираламъ древней Кастиліи. Въ томъ зàмкѣ хранятся государственные акты Испаніи,—драгоцѣннѣйшее собраніе распоряженій правительства, письма королей, донесенія пословъ. Въ зàмкѣ 48 комнатъ; всѣ онѣ наполнены бумагами, за исключеніемъ одной, предназначенной для занятій. Эта читальная зала расположена въ сѣверной части зàмка, и такъ какъ во всемъ зданіи запрещено употребленіе огня, то зимою холодъ становится невыносимъ,—температура въ комнатѣ доходитъ до 0, чернила замерзаютъ, коченѣетъ рука...

Въ XV и въ началѣ XVI столѣтій государственные акты хранились обыкновенно на дому у государственныхъ секретарей, которые разсматривали ихъ какъ частную собственность. Въ Испаніи же правительственныя лица хранили у себя лишь тѣ бумаги, которыя были необходимы для текущихъ дѣлъ, отсылая всѣ остальныя въ извѣстные склады для храненія. Когда лицо, имѣвшее у себя государственные акты, умирало или отставлялось отъ должности, особая комиссія, назначаемая отъ правительства, дѣлала точную перепись всѣхъ государственныхъ бумагъ, находившихся въ кабинетѣ бывшаго государственнаго дѣятеля, и представляла ихъ правительству. Храненіе государственныхъ бумагъ отличалось въ Испаніи одною особенностью, не встрѣчающеюся въ другихъ странахъ Европы: во всѣхъ придворныхъ зáмкахъ и дворцахъ Испаніи находилась особая комната, загроможденная сундуками и ящиками съ государственными актами; важные политическіе дѣятели, какъ, напр., губернаторы провинцій и посланники, имѣли въ каждомъ дворцѣ особый ящикъ, въ который складывались получаемыя отъ нихъ корреспонденціи. Неудобство такого храненія бумагъ по различнымъ мѣстностямъ всего государства сознавали уже современники: въ Симанкáсскомъ архивѣ есть много писемъ, въ которыхъ государственные секретари извѣщаютъ своихъ дипломатическихъ агентовъ, что требуемая ими бумага не можетъ быть доставлена, такъ какъ она хранится въ другомъ городѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, обычай хранить государственныя бумаги на мѣстѣ ихъ полученія былъ до того укорененъ въ Испаніи, что нерѣдко, во время путешествія короля, ящики съ испанскими государственными актами оставлялись въ чужихъ краяхъ: Фердинандъ Католическій, письмомъ отъ 14-го сентября 1509 г., извѣщаетъ французскаго короля Людовика XII, что, проѣздомъ по Италіи, онъ оставилъ въ Генуѣ ящикъ съ по-

---

[1]) I, 295, № 359.

лученными имъ въ томъ городѣ бумагами и проситъ прислать ихъ, такъ какъ онѣ ему «крайне нужны».

Такая разбросанность государственныхъ бумагъ по всѣмъ дворцамъ испанскихъ королей и по чужимъ странамъ была одною изъ главныхъ причинъ уничтоженія большей части государственныхъ актовъ Испаніи. Были, впрочемъ, и иныя причины. Въ началѣ XVI столѣтія въ Испаніи вспыхнуло возстаніе; дворцы прежде всѣхъ другихъ государственныхъ зданій подверглись разграбленію, при чемъ народъ съ особеннымъ стараніемъ жегъ государственныя бумаги, убѣжденный, что съ уничтоженіемъ ихъ онъ освободится отъ всѣхъ налоговъ и податей. Въ этомъ случаѣ народъ безсознательно, но мѣтко отомстилъ правительству за его намѣренное удержаніе народа въ невѣжествѣ; народъ хорошо зналъ, что всякому увеличенію подати, всякому новому налогу предшествовала бумага, королевское предписаніе; подобныя предписанія въ глазахъ народа были самыми важными государственными бумагами, и теперь, встрѣчая въ королевскихъ дворцахъ ящики съ бумагами, народъ видѣлъ въ нихъ именно тѣ несносныя предписанія, которыя одни имѣли въ его глазахъ достаточную цѣну, чтобъ быть хранимыми во дворцѣ. Много государственныхъ актовъ погибло во время того возстанія; уцѣлѣли лишь тѣ бумаги, которыя почему-либо находились въ частныхъ домахъ или въ монастыряхъ.

Карлъ V, тотчасъ послѣ «возстановленія порядка» въ Испаніи, однимъ изъ первыхъ актовъ своего царствованія повелѣлъ собрать всѣ государственныя бумаги, «уцѣлѣвшія отъ ярости возмутившагося народа». Онъ даже просилъ папу помочь ему въ этомъ дѣлѣ и своимъ апостольскимъ посланіемъ предписать всѣмъ, у кого есть какіе-либо офиціальные документы, выдать ихъ правительству. Декретомъ 19 февраля 1563 г., Карлъ назначилъ Симанкасскій замокъ главнымъ государственнымъ архивомъ Испаніи. Онъ такъ заботливо приводилъ свою мысль въ исполненіе, съ такою любовью отно-

сился къ своему начинанію, что справедливо считается основателемъ архивовъ. Въ 1562 г. онъ послалъ ученаго Берцозу въ Римъ для собиранія такихъ бумагъ, которыя относились «къ нему лично, къ его отцу-императору, къ его владѣніямъ или вообще къ исторіи Европы и потеря которыхъ составила бы непоправимую утрату для потомства» [1]); въ 1567 г. онъ поручилъ Іерониму Цуритѣ, извѣстному историку Арагоніи и образованнѣйшему человѣку того времени, объѣхать съ тою же цѣлью всю Испанію, такъ какъ, по словамъ Карла, «лѣтописцы и историки передаютъ ложныя извѣстія о государственныхъ событіяхъ; поэтому я желаю, чтобы въ архивѣ Симанкаса были собраны всѣ тѣ матеріалы, которые могутъ служить будущимъ историкамъ для уясненія тѣхъ событій».

Позже такія либеральныя мысли были признаны неудобными, высокія образовательныя цѣли, которыя имѣлъ въ виду Карлъ V, были забыты, и доступъ въ Симанкасскій архивъ сталъ очень труденъ: для этого требовался особый указъ короля, за собственноручною его подписью, именной высочайшій указъ, который давали лишь лицамъ, нуждавшимся въ архивѣ для отысканія историческихъ подкрѣпленій въ пользу абсолютизма. Прошло 300 лѣтъ со времени основанія Карломъ V Симанкасскаго архива, и лишь въ 1844 г. Гашаръ, комиссіонеръ бельгійскаго правительства, первый переступилъ порогъ Симанкасскаго зàмка [2])...

Въ Испаніи распространено общее убѣжденіе, что французскія войска, посѣтивъ страну во время первой имперіи, уничтожили бóльшую часть архива. Въ Испаніи разсказываютъ съ большими подробностями о томъ, какъ французы императорской арміи зажигали свои трубки государственными актами Испаніи. Едва ли это справедливо; по крайней мѣрѣ изслѣдованія, предпринятыя по этому поводу Бергенротомъ, не подтвердили подобныхъ разсказовъ. Кажется, источ-

[1]) Libros de Berzosa, v. XI.

[2]) Gachard, Correspondance de Philippe II, préface.

ника ихъ должно искать въ намѣреніи Наполеона I собрать въ Парижъ всѣ архивы Европы и выстроить въ столицѣ Франціи особое колоссальное хранилище для историческихъ документовъ. Это предположеніе перваго Наполеона, какъ извѣстно, дѣятельно приводилось въ исполненіе: 3.139 ящиковъ съ германскими документами были привезены изъ Вѣны; 102.405 связокъ были отосланы изъ Ватикана въ Парижъ; архивы Піемонта, Бельгіи, Голландіи подверглись той же участи; не было, конечно, сдѣлано исключенія и для Симанкасскаго архива, выславшаго въ Парижъ 7.861 связку. Но при этомъ французское правительство выказало заботливость, показывавшую не только любовь, но и пониманіе самаго дѣла: генералъ Келлерманъ пишетъ принцу Нейшательскому по поводу пересылки документовъ: «je m'empresse de lui annoncer que cet important dépôt est intact, et a été soigneusement conservé dans le même ordre où je l'ai trouvé établi». Въ 1814 г., послѣ занятія Парижа союзниками, захваченное насиліемъ изъ европейскихъ архивовъ было возвращено по принадлежности, и изъ громаднаго количества свезенныхъ отовсюду государственныхъ актовъ Европы въ Парижѣ осталось около 30.000 документовъ, которые и по настоящее время бережно сохраняются въ Archives de l'empire.

Не смотря, однако, на всѣ случайности, которымъ была подвержена въ Испаніи цѣлость ея государственныхъ актовъ, въ Симанкасскомъ архивѣ хранится въ настоящее время болѣе 100.000 связокъ, по 100 документовъ въ каждой, что составитъ, круглымъ числомъ, болѣе милліона актовъ всякаго рода. Это богатое собраніе раздѣлено на серіи, подъ довольно общимъ наименованіемъ бумагъ, относящихся къ финансовому управленію, къ военнымъ дѣламъ и т. п.; самая интересная серія носитъ названіе «Estado», т.-е. бумагъ, относящихся къ сношеніямъ съ иностранными государствами, или, на современномъ намъ языкѣ, архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Документы, изданные по настоящее время Бергенротомъ,

касаются, съ одной стороны, Генриха VII и Генриха VIII, съ другой—Фердинанда Католическаго и Карла V, т.-е. лицъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу всей Европы. Программа, предложенная нѣмецкому ученому англійскимъ правительствомъ, чрезвычайно обширна; но Бергенротъ расширилъ еще ее въ томъ смыслѣ, что помѣстилъ въ своемъ изданіи и такіе документы, которые хотя и выходятъ за предѣлы его программы, но имѣютъ общеевропейскій интересъ.

I.

14-го октября 1469 г., въ Вальядолидѣ, былъ заключенъ бракъ между королемъ арагонскимъ Фердинандомъ Католическимъ и королевой кастильской Изабеллой. Фердинанду было въ то время 17 лѣтъ; она была годомъ старше его. Короны Кастиліи и Арагоніи соединились.

Изабелла была очень хороша собою. Нѣсколько выше средняго роста, темнокаштановые волосы, голубые глаза, въ которыхъ свѣтится умъ, губы сложены въ тонкую улыбку, привѣтливая ко всѣмъ, веселая, даже игривая для королевы. Всѣ, кто имѣлъ случай ее видѣть, увлекались ею. По словамъ современника, это была «красивѣйшая дама, какую когда-либо видѣли, обладавшая обворожительными манерами»[1]). Всѣ восхваляли ее за простоту, которая была замѣтна даже въ ея одеждѣ; сама Изабелла любила ставить себѣ въ заслугу простоту своего гардероба и хвалиться тѣмъ, что должна была по два раза принимать французскаго посла въ одномъ и томъ же платьѣ, между тѣмъ какъ она издерживаетъ большія суммы денегъ «на прославленіе Бога и ради благоденствія всего міра». Уже давно и много подобныхъ ея писемъ было опубликовано Эти письма много способствовали къ со-

[1]) En hermasura, puestas delante S. A. todas las mugeres que yo he visto, ninguna vi tan graciosa, ni tanto de ver como su persona, ni de tal manera e sanctidad honestisima.

ставленію убѣжденія насчетъ благочестія Изабеллы и ея простоты. Но должно сказать, что эти письма не заслуживаютъ большого довѣрія—они писаны для обмана другихъ: лица, имѣвшія случай видѣть Изабеллу и наблюдать ея костюмъ, говорятъ совершенно иное. Англійскій посолъ Рожеръ Мэкадо, посѣтившій испанскій дворъ въ 1489 году, подробно описываетъ комнаты, видѣнныя имъ при дворѣ. Судя по мелочнымъ подробностямъ и мѣткимъ замѣткамъ, онъ былъ знатокъ по части дамскаго туалета; онъ видѣлъ Изабеллу шесть разъ—на четырехъ аудіенціяхъ, на турнирѣ и на боѣ быковъ; каждый разъ королева была въ новомъ костюмѣ и посолъ каждый разъ подробно его описываетъ; лишь одинъ разъ, на четвертой аудіенціи, занятый «нашею англійскою принцессою, донною Екатериною», посолъ проходитъ костюмъ королевы замѣчаніемъ: «само собою разумѣется, что королева была богато одѣта» [1]). Вотъ одинъ изъ костюмовъ Изабеллы, записанный англійскимъ посломъ Рожеромъ Мэкадо: «Король былъ въ дорогой одеждѣ изъ золотой парчи, затканной золотомъ и подбитой дорогими соболями; возлѣ него сидѣла королева: она была въ богатыхъ платьяхъ, сшитыхъ по модѣ той страны, какъ носятъ всѣ дамы королевства, и изъ той же золотой парчи, какъ и у короля. На королевѣ поверхъ платья былъ накинутъ плащъ изъ чернаго бархата, весь изрѣзанный полосами и съ большими дырьями, чтобъ изъ-подъ него было видно то дорогое платье, въ которомъ она была одѣта; по бокамъ бархатныхъ полосъ были, въ видѣ обшивки, продолговатыя пластинки, въ палецъ длины и въ полъ-пальца ширины, изъ массивнаго золота; каждая пластинка была украшена дорогими камнями,—никто еще не видѣлъ ничего столь драгоцѣннаго. На королевѣ былъ поясъ изъ бѣлой кожи, сходный по фасону съ мужскими кушаками; этотъ поясъ былъ украшенъ сумочкой, на которой красовался огромный рубинъ блѣднова-

[1]) Et de dire que la Reyne estoit bien richement abiellié, sy estoit. *Gairdner*, Journals of R. Machado, p. 180.

той воды, вокругъ него пять брильянтовъ и много другихъ драгоцѣнныхъ камней, каждый величиною съ бобъ. Самый поясъ былъ усыпанъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней. На шеѣ у нея было цѣнное золотое ожерелье, составленное изъ розъ бѣлыхъ и красныхъ; каждая роза украшена брильянтомъ. Кромѣ того, на груди двѣ широкія ленты, унизанныя брильянтами, рубинами и др. каменьями; на каждой лентѣ ихъ было по сотнѣ и, быть можетъ, еще болѣе. Поверхъ всего этого—короткій плащъ, изъ атласа малиноваго цвѣта, подбитый горностаемъ, очень красивый и величественный, небрежно наброшенный на бѣлое плечо. Голова совершенно не покрыта, исключая небольшой coiffe de plaisance на затылкѣ. По моему мнѣнію и судя по тому, что̀ я въ то время слышалъ, я полагаю, что одежда, которая была на королевѣ, стоила 200.000 скуди» [1]). Если къ этому прибавимъ увѣреніе англійскаго посла, что королева никогда не является одному и тому же лицу два раза въ одномъ и томъ же платьѣ, то станетъ ясно, что «прославленіе Бога» стояло у Изабеллы на второмъ планѣ, послѣ заботъ о туалетѣ.

Фердинандъ и Изабелла, какъ и бо̀льшая часть коронованныхъ особъ того времени, не получили, собственно говоря, никакого образованія; они умѣли читать и писать по-испански, на родномъ языкѣ, но не знали ни одного изъ иностранныхъ. Долгое время всѣ новѣйшіе историки высказывали, какъ фактъ несомнѣнный, что Фердинандъ умѣлъ лишь подписывать свое имя, и то боязливымъ, нетвердымъ почеркомъ; еще не такъ давно тѣ историки, которые дерзали утверждать, что Фердинандъ умѣлъ писать, считались смѣлыми новаторами, «унижающими научныя преданія»; всѣ же до послѣдняго времени полагали, что Фердинандъ не умѣлъ излагать своихъ мыслей на бумагѣ. И то, и другое увѣреніе, по меньшей мѣрѣ, неспра-

[1]) Certes, comme je quide et ausy comme je pour lors ouy dire je estyme que les abillemens que elle avoit pour lors sur elle estoint de la valleur de II. C. mille escus d'or. Ibid., p. 171.

ведливо. Въ испанскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько автографовъ Фердинанда; для примѣра, приводимъ письмо его къ Изабеллѣ, которое по своему содержанію не допускаетъ предположенія о томъ, что оно могло быть не имъ составлено и лишь переписано его рукою.

«Mi Senora,

«Теперь, наконецъ, стало ясно, кто изъ насъ любитъ больше. Судя по тому, о чемъ вы приказали меня извѣстить, я вижу, что вы можете быть счастливы въ то время, когда я страдаю и теряю сонъ, такъ какъ гонецъ пріѣзжаетъ за гонцомъ и не привозитъ отъ васъ писемъ. Причина тому вовсе не та, чтобъ у васъ не было бумаги, или чтобъ вы не умѣли писать, но та, что вы меня не любите и что вы горды. Вы живете въ Толедо, я же въ маленькой деревушкѣ! Ну, дастъ Богъ, вы когда-нибудь опять возвратитесь къ вашей старой привязанности. Если же этого не будетъ, то я умру, и это будетъ ваша вина.

«Напишите мнѣ и извѣстите меня, здоровы ли вы. Мнѣ нечего вамъ сказать о томъ дѣлѣ, которое меня здѣсь удерживаетъ, кромѣ того, что передалъ вамъ уже Фердинандъ Пульгаръ и что передастъ Сильва. Я прошу васъ вѣрить Сильвѣ Пишите же мнѣ.

«Дѣла принцессы не должны быть забыты. Ради Бога, вспоминайте о ней, равно какъ и объ ея отцѣ, который цѣлуетъ ваши милыя ручки и былъ и есть не болѣе, какъ вашъ слуга

Король».

Все письмо писано рукою Фердинанда; видѣвшіе автографъ удостовѣряютъ, что почеркъ очень бѣглъ и красивъ. Что же касается изложенія, то мы предоставляемъ самому читателю судить, многіе ли, даже не только въ концѣ XV столѣтія, въ состояніи такъ вѣрно изложить основную мысль письма, каждая строчка котораго дышитъ неподдѣльною любовью и сердечною простотою.

Королеву Изабеллу обыкновенно превозносятъ за ея про-

стосердечіе и благочестіе, королю же Фердинанду приписываютъ самыя темныя черты. Когда два лица такъ тѣсно связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Фердинандъ и Изабелла, конечно, трудно сказать, въ какой степени каждое изъ нихъ отвѣтственно за тотъ или другой поступокъ, сообща ими сдѣланный. Unica mente, unico spiritu gubernantur, говорили современники, не будучи въ состояніи разграничить вліяніе каждаго изъ этихъ лицъ. Между Фердинандомъ и Изабеллой бывали недоразумѣнія и даже ссоры, но единственно въ семейной жизни; относительно же захватовъ во внѣшней политикѣ и мѣръ къ притѣсненію собственныхъ подданныхъ они были всегда въ полномъ согласіи. Похвалы, разсыпаемыя королевѣ, много зависѣли отъ рыцарскаго характера испанцевъ, которые никогда не забывали, что королева все-таки *дама*; кромѣ того, въ этомъ можно услѣдить вліяніе стараго, не оконченнаго еще тогда спора между corona и coronilla. Изабелла была представительницею великаго королевства Кастиліи, большой короны, corona, между тѣмъ какъ Фердинандъ былъ обладателемъ малой арагонской короны, coronilla. Въ Кастиліи на Фердинанда смотрѣли, какъ на незванаго гостя, и такъ какъ Кастилія составляла большую часть Испаніи, то мнѣніе Кастиліи принималось новѣйшими учеными за выраженіе всей страны. Современники дѣйствительно не скупились на похвалы Изабеллѣ. Въ день смерти королевы одинъ изъ приближенныхъ ко двору лицъ писалъ архіепископу Гранады: «Рука опускается отъ страшнаго горя. Міръ потерялъ одно изъ благороднѣйшихъ своихъ украшеній: эта потеря будетъ оплакана не только Испаніей, которую она такъ долго вела на пути къ славѣ, но всѣми націями христіанскаго міра; она была образцомъ добродѣтели, защитою невинныхъ, карою виновныхъ. Я не знаю ни одной женщины, ни въ древнемъ мірѣ, ни въ новѣйшее время, которая, по моему мнѣнію, была бы достойна быть поставленною рядомъ съ этою несравненною женщиною» [1]). Разъ

[1]) Peter Martyr. Opus Epist., № 279.

установившееся въ наукѣ, это мнѣніе стало общимъ; но документы, хранящіеся въ Симанкасскомъ архивѣ, рисуютъ въ иномъ свѣтѣ какъ Фердинанда, такъ и Изабеллу.

Конечно, ни Фердинандъ, ни Изабелла не стѣснялись неправдою и ложными увѣреніями; но королева Изабелла превосходила своего супруга въ презрѣніи къ истинѣ и справедливости. Кажется, они условились разъ навсегда, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они считали необходимымъ прибѣгать ко лжи, королева Изабелла будетъ брать иниціативу на себя: письмо къ папѣ, въ которомъ торжественно объявляется, что инквизиція не приноситъ испанскому правительству никакой матеріальной пользы, было составлено Изабеллою; ея депеши относительно брака ея дочери, принцессы Екатерины, полны лжи и обмана. Слабая здоровьемъ, она была чрезвычайно нервнаго темперамента. Въ своихъ депешахъ и письмахъ она всегда раздражительна, употребляетъ рѣзкія выраженія, силится убѣдить другихъ, и очень возможно, что сама, наконецъ, убѣждалась въ истинности передаваемой ею лжи. Она много писала, но всегда перекладывала свои посланія въ шифры, а оригиналы жгла, какъ бы сознавая, что въ нихъ заключаются наилучшія свидѣтельства ея нечестнаго характера. Она была способна принимать собственные интересы за служеніе Богу, имя котораго не сходило у нея съ языка, и смѣшивать самонаслажденіе съ дѣйствительною любовью къ ней народа. Въ своемъ письмѣ къ доктору De Puebla, испанскому послу при англійскомъ дворѣ, Изабелла поручаетъ сказать королю Генриху VII, что она отправила особаго посла къ французскому королю Людовику XII, желая «избѣжать войны съ Франціею и тѣмъ послужить Богу и благоденствію міра. Даже болѣе: чтобъ отстранить всѣ тѣ бѣдствія и несчастія, которыя неминуемо повлечетъ за собою война, мы готовы послать не только одного или нѣсколькихъ пословъ, но если бы то было нужно, мы готовы сами лично отправиться къ королю, не останавливаясь ни предъ какими безпокойствами или муками» [1].

[1]) V. 1, p. 128, № 160.

Подобная рѣчь указываетъ въ Изабеллѣ великую и благочестивую королеву, но, къ сожалѣнію, въ той же самой депешѣ королева поручаетъ своему послу употребить всѣ усилія, чтобы Генрихъ VII объявилъ войну Людовику XII, и прибавляетъ, что «умѣренная война не может считаться вовсе войною». То обстоятельство, что Изабелла говоритъ о политическихъ комбинаціяхъ въ первомъ лицѣ. отъ своего имени, не должно удивлять. Изабелла была очень свѣдуща въ политикѣ и вызывала къ себѣ удивленіе современниковъ: за нѣсколько дней до ея смерти, когда Изабелла не вставала уже съ постели, въ Испанію прибылъ знаменитый итальянецъ, Проперъ Коллона, и объявилъ Фердинанду, что онъ пріѣхалъ въ Кастилію, чтобы «видѣть ту женщину, которая со смертнаго одра управляетъ міромъ» [1]).

Изабелла обращала большое вліяніе на свои фамильныя отношенія къ государямъ европейскихъ странъ, и Фердинандъ говорилъ, что «міръ долженъ быть управляемъ при помощи браковъ и фамильныхъ союзовъ». Это не было исключительно мнѣніемъ испанскихъ государей; все столѣтіе можетъ быть по справедливости названо вѣкомъ брачнаго союза династій, и браки никогда уже болѣе не имѣли такого огромнаго вліянія, какъ въ то время. И это понятно: въ тѣ времена договоры не имѣли никакой силы, не представляли никакой гарантіи—они нарушались вслѣдъ за произнесеніемъ торжественной клятвы въ сохраненіи ихъ. Казалось, въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку не было никакого прочнаго обязательства, кромѣ освященнаго церковью брака. И Фердинандъ и Изабелла понимали это и, нуждаясь для своихъ цѣлей въ поддержкѣ англійскаго короля, они старались связать свои интересы съ выгодами Англіи посредствомъ брака своей дочери съ наслѣдникомъ англійскаго престола. Переписка. касающаяся брака принцессы Екатерины, въ высшей степени любопытна и раскрываетъ вполнѣ характеръ Изабеллы.

---

[1]) Ver una senora que desde la cama mandava al mundo. *Sandoval*, I, 8.

Изабелла любила свою дочь, инфанту Екатерину, и оказывала ей предпочтеніе предъ другими дѣтьми [1]). Въ 1501 г., пятнадцатилѣтняя донна Екатерина, невѣста принца Артура Уэльскаго, отправляется въ Англію; англійскій дворъ готовитъ торжественную встрѣчу будущей наслѣдницѣ престола; Изабелла пишетъ по этому поводу своему послу въ Англію:

«Я слышала, что король, мой братъ, приказалъ сдѣлать великолѣпныя приготовленія и издержалъ уже много денегъ на пріемъ и свадьбу принцессы.

«Я рада была услышать это, такъ какъ это показываетъ щедрость моего брата, и всякое выраженіе радости при пріемѣ моей дочери мнѣ пріятно. Тѣмъ не менѣе было бы болѣе согласно съ моими чувствованіями и съ желаніями моего государя (короля Фердинанда), если бы расходы по этому поводу были бы болѣе умѣренны. Мы не желаемъ, чтобы наша дочь причинила Англіи какія-либо затраты, ни деньгами, ни чѣмъ-либо инымъ. Напротивъ, мы желаемъ, чтобъ она была источникомъ всякаго рода благъ, и мы надѣемся, что она исполнитъ наше желаніе. Мы поэтому просимъ короля, нашего брата, умѣрить затраты на ея пріемъ. Увеселенія, конечно, могутъ быть, но мы горячо желаемъ, чтобы главную основу торжества составила любовь, чтобъ принцесса была принята королемъ и королевой, какъ дочь, принцемъ же Уэльскимъ, какъ возлюбленная невѣста. Передайте это королю Англіи» [2]).

Эта депеша не лишена чувства. Намъ могутъ замѣтить, что это пишетъ мать о своей дочери; мы укажемъ на судьбу донъ-Карлоса, на муки королевы Іоанны, которая подверглась пыткѣ по приказанію своей матери Изабеллы. Такое было время, что историкъ радъ, если встрѣтитъ чувства искренней любви даже въ матери къ ея собственному ребенку.

---

[1]) Et estoit beau à veoir comme la Rayne tenoit sa fille la pleis jeunne sur son haule, laquelle estoit la Infante donne Katerine princesse de Wales, et pour lors elle estoit de l'ayge de trois ans. *Gairdner*, p. 181.

[2]) I, 253, № 293.

2-го октября 1501 г. инфанта донна Екатерина высадилась въ Плимутѣ; одинъ изъ провожавшихъ ее извѣщаетъ королеву Изабеллу, что «принцесса не могла бы быть принята съ большимъ восторгомъ, если бы даже она была спасителемъ міра» [1]). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, 2-го апрѣля 1502 г., принцъ Артуръ Уэльскій, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ, и Изабелла требуетъ прежде всего, чтобъ король Англіи возвратилъ ей тѣ 100.000 скуди, которыя были выданы ему въ счетъ приданаго инфанты Екатерины [2]). Нѣсколько дней спустя, Изабелла поручаетъ своему послу «похлопотать, приготовить кого слѣдуетъ и заключить» брачный договоръ между ея дочерью, молодою вдовою принцессою Екатериною Уэльскою, и младшимъ братомъ ея покойнаго супруга, принцемъ Генрихомъ Уэльскимъ [3]). Послѣднее полномочіе было дано послѣ долгаго раздумья...

Изабелла полна заботъ о своей любимой дочери: королева приказываетъ своему послу принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ принцесса Екатерина не оставалась долѣе въ томъ замкѣ, въ которомъ умеръ принцъ Артуръ, такъ какъ та мѣстность вообще вредна для здоровья [4]); чтобъ принцесса ни въ чемъ не нуждалась [5]) и не была бы принуждена занимать деньги [6]), чтобы посолъ какъ можно чаще посылалъ ей гонцовъ «сушею и моремъ» съ извѣстіями объ ея дочери [7])... но въ числѣ заботъ, главное, такъ много безпокоившее Изабеллу, если не какъ мать, любящую свою дочь, то какъ женщину опытную, высказано въ концѣ одного письма, цифрованнаго двумя ключами въ перебивку—посолъ долженъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобъ узнать, дѣйствительно ли былъ совершенъ бракъ между Екатериной и Артуромъ, или же только была исполнена брачная церемонія [8]). Для Изабеллы это былъ вопросъ очень важный: донна Эльвира, главная камерфрау опо-

[1]) I. 262, № 305. [2]) I, 267, № 317. [3]) Ibid. № 318. [4]) I, 267, № 319; 270, № 324. [5]) I, 270, № 323. [6]) 268, № 321. [7]) I, 268, № 319. [8]) I, 271, № 325.

чивальни [1]), доносила Изабеллѣ, что «какъ ей то положительно извѣстно», принцесса Екатерина и покойный принцъ Артуръ не жили еще, какъ мужъ и жена [2]). Та же донна Эльвира, въ другомъ письмѣ, извѣщала Изабеллу, свою королеву, что англійскій король желаетъ брака своего младшаго сына Генриха, теперь принца Уэльскаго, съ принцессою Екатериною, но избѣгаетъ взять на себя починъ, ждетъ предложенія со стороны Испаніи. Извѣщая объ этомъ своего посла, Изабелла совѣтуетъ ему быть какъ можно осторожнѣе и не подавать вида, что она очень того желаетъ: «въ противномъ случаѣ, узнавъ, что она того крайне желаетъ, король Генрихъ немедленно увеличитъ цифру приданаго и станетъ болѣе требователенъ» [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Изабелла, какъ истый знатокъ человѣческаго сердца и придворныхъ отношеній, вѣрно разсчитала, что король Генрихъ тѣмъ скорѣе выскажется и будетъ выведенъ изъ принятаго имъ выжидательнаго положенія, чѣмъ онъ болѣе убѣдится, что принцесса Екатерина готовится покинуть Англію. Поэтому Изабелла приказываетъ своему послу дѣлать всѣ нужныя къ отъѣзду принцессы приготовленія, но не увозить ее.

Это письмо Изабеллы, отъ 10-го августа 1502 г.—chef d'oeuvre дипломатическаго искусства того времени: въ немъ высказаны такія глубокія, симпатическія чувствованія матери и такія высокія моральныя чувства женщины, что оно легко могло обмануть всякаго насчетъ лица, его писавшаго. «Я приказываю вамъ,—пишетъ, между прочимъ, Изабелла,—ускорить сколько можно приготовленія къ отъѣзду принцессы, моей дочери, такъ чтобъ она немедленно прибыла къ намъ. Чѣмъ сильнѣе потеря, чѣмъ чувствительнѣе горе, ею понесенное, тѣмъ болѣе причинъ желать, чтобъ она была близь своихъ родителей. Сверхъ того, принцесса Уэльская можетъ выказать всю глубину чувствуемой ею потери болѣе непринужденно и дать бо́льшую волю своимъ воплямъ въ

[1]) I. 335, № 401. [2]) I, 272, № 327. [3]) I, 271, № 325.

Испаніи, такъ какъ обычаи нашей страны допускаютъ то въ большей степени, нежели въ Англіи. Вы скажете королю, что мы не можемъ допустить, чтобы дочь, столь нѣжно нами любимая, была бы столь далеко отъ насъ въ то именно время, когда она въ полномъ горѣ, и чтобъ она не видѣла при этомъ постоянно насъ, способныхъ ее утѣшить. Ей болѣе прилично быть при насъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Вы передадите королю нашу увѣренность, что дочь наша найдетъ всегда въ королѣ и королевѣ, нашей сестрѣ, добрыхъ отца и мать, но вы выразите въ то же время наше страстное желаніе видѣть нашу дочь на нашей груди, близь насъ, всегда на нашихъ глазахъ. Само собою разумѣется, что вы усилите наши доводы, чѣмъ вы то признаете нужнымъ» [1]). Въ концѣ письма, довольно длиннаго, прибавлено: «Вы скажете королю, что получили уже отъ насъ приказаніе зафрахтовать корабли, необходимые для отправки принцессы. Вообще вы должны вести дѣло такъ, чтобъ не только король, но даже всѣ лица, находящіяся въ штатѣ принцессы, были бы убѣждены, что отъѣздъ дѣйствительно немедленно состоится».

Дѣло о бракѣ принцессы Екатерины съ принцемъ Генрихомъ Уэльскимъ, потребовавшее участія папы [2]), затянулось; Екатерина не уѣзжаетъ изъ Англіи, хотя корабли для ея перевоза уже давно зафрахтованы, и сама Изабелла, такъ искренно излагавшая своему послу завѣдомую ложь, недоумѣвала насчетъ причины подобной проволочки въ дѣлѣ, столь ее интересовавшемъ. Смерть англійской королевы Елизаветы разрѣшила всѣ недоумѣнія: вслѣдъ за смертью Елизаветы, претендентомъ на руку принцессы Екатерины, вдовы одного изъ сыновей Генриха VII и невѣсты второго, является отецъ ихъ, самъ король-вдовецъ Генрихъ VII. Это невѣроятно, странно, дико, но это фактъ, подтверждаемый письмомъ Изабеллы къ своему чрезвычайному послу отъ 12-го апрѣля 1503 года: «Насъ извѣщаютъ, что въ Англіи ходитъ слухъ о

---

[1]) I, 278, № 363. [2]) I, 309, № 370.

желанiи короля жениться на принцессѣ, нашей дочери. Такъ какъ это былъ бы чрезвычайно постыдный союзъ—чего никогда прежде не видано и одно упоминанiе о чемъ оскорбляетъ уже слухъ—мы ни за что на свѣтѣ не допустимъ этого. Если вамъ намекнутъ объ этомъ, не догадывайтесь; если вамъ скажутъ объ этомъ что-либо, говорите, что мы никогда ничего подобнаго не потерпимъ. Вы будете говорить очень рѣшительно; вы скажете, что мы не желаемъ даже слышать подобнаго предложенiя, что вы не рѣшаетесь передать его намъ, короче, вы будете дѣйствовать такъ, чтобы король отбросилъ всякую надежду, если онъ могъ ее серьезно имѣть» [1]). Изабелла до того боялась этого нелѣпаго брака отца съ дочерью, что тотчасъ же нашла, въ видѣ отвода, иную невѣсту для Генриха VII и, боясь за свою дочь, готова была на себя принять роль свахи: «Возвращаясь къ вопросу о женитьбѣ короля Англiи, намъ кажется, что для него лучше всего... королева неаполитанская, наша племянница, потому что вдобавокъ... она еще... что совершенно хорошо для утѣшенiя и удобства англiйскаго короля, нашего брата [2]). Этимъ бракомъ связь и дружба, существующiя между обоими государствами, во всякомъ случаѣ усилятся. Поэтому, если вы услышите, что король хочетъ жениться, говорите и дѣйствуйте въ этомъ смыслѣ, сообразно тому, какъ вы то признаете за лучшее. Если королю понравится наше предложенiе, войдите съ нимъ въ подробности и передайте ихъ намъ. Но что бы ни случилось, держите все въ секретѣ».

Предложенiе Изабеллы понравилось Генриху. Слухъ о желанiи отца жениться на дочери затихъ. Начались переговоры о женитьбѣ Генриха VII на королевѣ Iоаннѣ неаполитанской,

---

[1]) I, 295. № 360.

[2]) Ibid., p. 298. Письмо это очень длинно и именно въ этомъ мѣстѣ испорчено: нѣкоторыхъ словъ недостаетъ и цѣлыя фразы остаются непонятны. Упоминаемая королева неаполитанская была дочь сестры Фердинанда Католическаго, королева Iоанна; въ то время ей было 26 лѣтъ.

при чемъ англійскій король выказалъ, что обращаетъ большое вниманіе на внѣшность своей будущей супруги: онъ просилъ выслать ему портретъ королевы-вдовы, и испанскій посолъ, извѣщая объ этомъ Изабеллу, прибавляетъ: «Ваше величество должны знать, что если королева неаполитанская не только не безобразна, но даже не очень красива, то король Англіи не пожелаетъ ее имѣть ни за какія блага въ мірѣ, и онъ даже не дерзнетъ взять ее, такъ какъ англичане вообще чрезвычайно требовательны насчетъ внѣшности» [1]). Впрочемъ, въ XVI стол. подобною требовательностью отличались не одни англичане, и если Изабеллѣ предстояли въ этомъ отношеніи хлопоты съ Генрихомъ VII,—хлопоты во всякомъ случаѣ не очень сложныя, такъ какъ королева неаполитанская была очень хороша собою, если и не красавица,—то Фердинанду Католическому предстояло болѣе хлопотъ съ Людовикомъ XII. Въ 1514 году французскій король овдовѣлъ и Фердинандъ имѣлъ неосторожность предложить ему свою внучку, Madame Eleonore [2]). Французскіе писатели выхваляютъ ея красоту, но въ сущности она была безобразна до уродливости—очень худая, невмѣру высокая, всегда болѣзненная и съ постояннымъ кашлемъ, съ мокротой во рту; она была до того худощава, что многіе сомнѣвались, можетъ ли она вообще вступить въ бракъ, и Фердинандъ приказываетъ своему послу убѣдить короля, что «тѣ ошибаются, которые выставляютъ худобу Элеоноры какъ какое-то неудобство; женщины худощавыя обыкновенно скорѣе заберемениваютъ и рожаютъ болѣе дѣтей, чѣмъ женщины слишкомъ полныя» [3]).

Предоставляя другимъ, болѣе опытнымъ въ этомъ отношеніи, рѣшить, насколько Фердинандъ былъ правъ въ своихъ

[1]) I, 344, № 419.

[2]) II, 201, № 162. Элеонора австрійская, дочь эрцгерцога Филиппа и несчастной Іоанны кастильской, старшая сестра императора Карла V. Позже, въ 1530 г., она дѣйствительно вышла за французскаго короля Франциска I и была какъ бы залогомъ примиренія между Австріею и Франціею.

[3]) II, 205, № 163.

нападкахъ на полныхъ женщинъ, мы, обращаясь къ вопросу о бракѣ принцессы Екатерины, встрѣчавшемъ столько нежданныхъ препятствій, можемъ лишь отмѣтить, что 23 іюня 1503 г., послѣ долгихъ усилій со стороны Изабеллы, былъ подписанъ, наконецъ, въ Ричмондѣ брачный контрактъ между принцессою Екатериною и принцемъ Генрихомъ, вторымъ сыномъ англійскаго короля Генриха VII [1]). Какъ прежде смерть мужа и влюбчивость отца не дозволяли принцессѣ Екатеринѣ насладиться спокойною брачною жизнью и тревожили королеву Изабеллу, всегда недовѣрчиво смотрѣвшую въ будущность, такъ теперь политическія и семейныя обстоятельства заставляли откладывать свадьбой, и лишь спустя шесть лѣтъ испанскій посолъ при англійскомъ дворѣ увѣдомилъ свою королеву, что 3 іюня 1509 года принцесса Екатерина сочеталась бракомъ съ Генрихомъ, но уже не принцемъ, а Генрихомъ VIII, королемъ Англіи [2]).

Генрихъ VIII и Екатерина любили другъ друга. Екатерина перенесла въ Англіи нечеловѣческія униженія и испытала на чужбинѣ некоролевскія оскорбленія [3]); она выдержала долгую борьбу, прежде чѣмъ получила руку Генриха VIII. Если бы она его даже не любила, то уже одинъ успѣхъ послѣ столькихъ лѣтъ ожиданій приносилъ удовлетвореніе и радость; но она любила Генриха. Выраженія ея довольства не ложны, она говоритъ правду: «я благодарю Бога и ваше величество за такого мужа, какъ мой», пишетъ она Фердинанду [4]), а, какъ извѣстно, Генрихъ VIII былъ дурнымъ мужемъ. Фердинандъ, въ свою очередь, былъ правъ, когда писалъ ей, что «добрый бракъ есть не только доброе дѣло само-по-себѣ, но и источникъ всѣхъ другихъ благъ; Господь выказываетъ свою милость къ добрымъ мужьямъ и женамъ» [5]). Екатерина была

---

[1]) I, 306, № 364. [2]) I, 19, № 17.

[3]) Она до того нуждалась, что продавала свои вещи и ея прислуга ходила въ лохмотьяхъ (I, VII, № 513); она нерѣдко не имѣла чѣмъ уплатить прогоны своему курьеру (I, 413, № 515); подобныхъ извѣстій много.

[4]) II, 38, № 43. [5]) II, 21, № 21.

довольна своимъ мужемъ; была ли Изабелла довольна своею дочерью? Мы не будемъ слѣдить далѣе переписку Изабеллы съ своими послами по поводу пребыванія въ Англіи ея дочери; представленнаго нами, кажется, совершенно достаточно, чтобъ составить себѣ понятіе о моральной личности испанской королевы; мы имѣемъ, кажется, право сказать, вопреки установившемуся мнѣнію, что Изабелла обладала двуличнымъ, безсовѣстнымъ, даже, какъ мы то увидимъ, безчестнымъ характеромъ.

Поведеніе Изабеллы не можетъ быть ничѣмъ оправдано, между тѣмъ какъ поступки Фердинанда объясняются тѣми великими планами, которые онъ имѣлъ въ виду. При великихъ и обширныхъ предпріятіяхъ, Фердинандъ не могъ съ равною справедливостью относиться ко всѣмъ интересамъ, которые сосредоточивались въ немъ, и ко всѣмъ обязанностямъ, которыя лежали на немъ. Ради достиженія главной цѣли, онъ нерѣдко былъ поставленъ въ необходимость не радѣть о побочныхъ интересахъ и пренебрегать второстепенными обязанностями. Политическіе виды Фердинанда обнимали всю Европу. Трудно сказать, когда именно его планы достигли полной зрѣлости—человѣкъ, подобный Фердинанду, никогда не объявляетъ о своихъ намѣреніяхъ. Они узнаются лишь тогда, когда наступаетъ уже время дѣйствовать, и очень вѣроятно, что его намѣренія зрѣли наравнѣ съ ходомъ событій. А этотъ ходъ событій, скрытый даже для наиболѣе проницательныхъ, заставлялъ иногда не слишкомъ щепетильно относиться къ вопросамъ, встрѣчавшимся на томъ пути, въ концѣ котораго Фердинандъ усматривалъ исполненіе своей главной цѣли.

Англійскій посолъ при испанскомъ дворѣ, John Stile, послѣ перваго же свиданія съ королемъ Фердинандомъ въ 1509 г., писалъ Генриху VII, что Фердинандъ «коситъ на лѣвый глазъ и шепелявитъ, за неимѣніемъ зубовъ» [1]), но вообще здоровый, видный мужчина, крѣпкаго сложенія; свѣтлокаштановые волосы, подрѣзанные на лбу, падали большими прядями на плечи;

---

[1]) I. 153 № 116.

на полномъ лицѣ едва замѣтны морщины; на губахъ постоянная улыбка. Онъ былъ расточителенъ не менѣе Изабеллы, и если менѣе ея тратилъ на дорогіе наряды, то развѣ потому только, что вообще мужской костюмъ не представлялъ возможности вогнать его въ 200.000 скуди. Моральная личность Фердинанда обрисована чрезвычайно тонкими чертами всѣми историками, даже Прескоттомъ, который, по временамъ, способенъ былъ увлекаться героемъ своего прекраснаго труда [1]), и должно сознаться, что историки не преувеличиваютъ, набрасывая на него слишкомъ густую тѣнь; но отзывы ихъ разрозненны, шатки, нетверды, и въ нихъ нельзя найти объясненія тѣмъ нерѣдко низкимъ поступкамъ, которые лежатъ пятномъ на имени Фердинанда. Эти поступки слишкомъ извѣстны; выставлять дурныя стороны человѣка всегда непріятно, и мы ограничимся лишь вопросомъ о главной, коренной ихъ причинѣ.

Фердинандъ ставилъ политику выше всего, выше морали и религіи, и его политическіе планы своею обширностью, своею грандіозностью указываютъ въ немъ человѣка новаго времени. Если бы событія, не зависящія отъ человѣческой воли и лежащія внѣ человѣческаго контроля, не воспрепятствовали ему привести свои планы въ исполненіе, карта Европы представляла бы уже въ его время тотъ видъ, какой она получила лишь въ нашу эпоху, 350 лѣтъ спустя по смерти Фердинанда. Изъ всѣхъ государственныхъ людей среднихъ вѣковъ Фердинандъ былъ первый, который сознавалъ, что сильное правительство не можетъ быть основано на разнородныхъ національностяхъ и разобщенныхъ областяхъ. Объединеніе Испаніи должно быть поставлено ему въ заслугу; неестественное же соединеніе Испаніи съ Германіею не можетъ быть поставлено ему въ укоръ.

Рожденный принцемъ въ маленькомъ королевствѣ Араго-

---

[1]) History of the reign of Ferdinand and Isabella, the Catholics, of Spain. London. 1850. 3 vls.

нiи, не имѣя даже правъ на корону, Фердинандъ соединилъ Арагонiю съ Кастилiею и присоединилъ къ созданному имъ такимъ образомъ государству три королевства: Гранадское, Неаполитанское, Наварское, и два графства—Руссильонъ и Сердану, и земли по ту сторону океана. Когда императоръ Максимилiанъ предложилъ, чтобы внукъ Фердинанда, принцъ Фердинандъ, былъ сдѣланъ королемъ Арагонiи, то Фердинандъ Католическiй сразу отвергъ подобное предложенiе и рѣшительно объявилъ, что никогда и ни отъ кого не будетъ даже слушать о подобномъ раздѣлѣ Испанiи: «Кастилiя и Арагонiя, разъ соединенныя, должны навѣки оставаться нераздѣльными». Склонные переносить нашъ взглядъ за триста лѣтъ назадъ и оцѣнивать давно минувшiя событiя современными намъ идеями, мы способны умалить значенiе дѣла Фердинанда по объединенiю Испанiи. Но вспомнивъ политическое положенiе Европы, увидимъ весь государственный умъ и политическiй генiй собирателя испанской земли и отдадимъ тогда ему должное.

Когда Фердинандъ родился, въ половинѣ XV стол., во всемъ христiанскомъ мiрѣ не было ни одного сильнаго государства. Восточная Имперiя уже не существовала. Германiя, кромѣ вольныхъ городовъ, состояла изъ цѣлаго легiона принцевъ, прелатовъ, графовъ, бароновъ, которые были лишь номинально подчинены, на дѣлѣ же являлись независимыми владѣтелями своихъ территорiй. Во Францiи сильные вассалы презирали законы страны и авторитетъ короля. Испанiя была подѣлена на пять королевствъ, постоянно враждовавшихъ между собою. Въ Италiи было множество мелкихъ графствъ и маркизатствъ, владѣтели которыхъ постоянно воевали другъ съ другомъ. Англiя была ослаблена междоусобною войною. Польша хотя и обладала обширными землями, но никогда не имѣла большого влiянiя на европейскую политику и не пользовалась большимъ значенiемъ въ Европѣ. Россiю едва лишь начинали узнавать и никто еще не интересовался ею. Но

именно въ то время, когда христіанскія государства были слабы и не организованы, Турецкая имперія была сильна, всегда готова къ наступательной политикѣ своего меча, находя себѣ на югѣ Испаніи, въ маврахъ, вѣрнаго союзника для нападеній на христіанскій міръ.

Въ такомъ положеніи была Европа, когда на политическую сцену выступилъ великій собиратель французской земли, король Людовикъ XI. Онъ укротилъ французскихъ вассаловъ, принудилъ ихъ уважать законъ страны, заставилъ ихъ признать права короны. Берри, Нормандія и Булонь, Бургундія, Анжу и Провансъ были присоединены къ коронѣ Франціи. Франція стала сильною державою. Слабые христіанскіе государи видѣли въ королѣ Франціи своего защитника, король же Франціи считалъ себя покровителемъ своихъ слабыхъ сосѣдей; слабые сосѣди, въ свою очередь, скоро увидѣли, что французскіе короли, сперва защитники, потомъ покровители, легко могутъ стать угнетателями, опасными для независимости слабыхъ христіанскихъ государствъ. Письменныя свидѣтельства того времени не многочисленны, но въ нихъ очень часто высказывается боязнь, что французскіе короли стремятся стать «властителями вселенной», желаютъ основать «всемірную имперію», домогаются «подчинить весь міръ своей волѣ» и т. п. Лучшее противодѣйствіе такимъ стремленіямъ Франціи заключалось въ созданіи другого, столь же сильнаго государства, которое представляло бы собою противовѣсъ стремленіямъ Франціи. Фердинандъ понялъ это, и принялъ на себя подобное, не легкое, конечно, предпріятіе. Онъ стремился создать соединенное королевство Испанское рядомъ, по сосѣдству, съ соединеннымъ королевствомъ Французскимъ, и онъ успѣлъ въ этомъ. Велика была задача, трудно было ея выполненіе. Тѣмъ цѣннѣе заслуга Фердинанда, тѣмъ выше должно быть поставлено его значеніе въ исторіи: въ этомъ случаѣ онъ являлся не только благодѣтелемъ Испаніи, но избавителемъ всей Европы отъ многихъ бѣдъ.

Объединенная Фердинандомъ въ крѣпко сплоченное государство, Испанія того времени была наслѣдіемъ его единственнаго законнаго сына Донъ-Жуана. Когда Фердинандъ выдалъ свою вторую дочь донну Іоанну за сына римскаго короля, Филиппа, никакое человѣческое предвидѣніе не могло предсказать, что изъ этого брака произойдетъ неестественное соединеніе Германіи съ Испаніей. Для возможности подобнаго событія необходимо было, чтобъ умерли четыре лица, въ то время полныя здоровья и силы: наслѣдный принцъ Донъ-Жуанъ и его сынъ, старшая сестра наслѣднаго принца, донна Изабелла, и ея дочь. Когда же, вслѣдствіе такого преждевременнаго пресѣченія двухъ старшихъ линій, явилась неизбѣжная необходимость соединить въ одномъ лицѣ всѣ владѣнія Испаніи, Австріи и Бургундіи, то Фердинандъ задумалъ такой планъ, исполненіе котораго совершенно преобразовало бы политическое положеніе и территоріальный видъ всей Европы. Мы не можемъ сказать положительно и не будемъ теряться въ догадкахъ насчетъ того, когда и кто именно изъ членовъ Габсбургскаго дома впервые задумалъ возсоздать Римскую Имперію; мы напомнимъ лишь, что уже императоръ Максимиліанъ I льстилъ себя подобными надеждами. Конечно, если государь, едва способный держать свое собственное государство, лелѣетъ идею покоренія всего міра, мы въ правѣ видѣть въ этомъ не болѣе, какъ мечту больного воображенія; когда же подобная идея входитъ въ планы такого государя, какъ Фердинандъ Католическій, который обладалъ холоднымъ разсчетомъ и непобѣдимою энергіею, когда такой государь объявляетъ, что коронуетъ свое политическое зданіе завоеваніемъ «Іерусалима и всей Сиріи, Константинопольской имперіи и другихъ королевствъ, провинцій и областей» [1]), идея всемірной монархіи перестаетъ уже быть для насъ пустою мечтою капризнаго повелителя.

---

[1]) II, 264, № 222.

Болѣе, однако, чѣмъ невѣроятно, чтобы государь, прибавившій три королевства къ наслѣдію своего внука, поддался бы химерическому самообольщенію, чтобъ онъ дозволилъ своему наслѣднику питать идею, въ высшей степени непрактическую и способную лишь угрожать устойчивости имъ же созданнаго государства. И дѣйствительно, какъ соединеніе Испаніи съ Австріею не можетъ быть поставлено ему въ укоръ, такъ точно мысль о созданіи всемірной имперіи родилась не въ головѣ холоднаго, разсчетливаго Фердинанда; эта мысль была не разъ высказана въ категорической формѣ современниками Фердинанда, папами, которые мечтали создать въ императорѣ единую главу государства, подобно тому, какъ папа былъ единымъ главою церкви. Папа Юлій II предлагалъ уже Максимиліану I титулъ «императора Востока и Запада», вмѣстѣ съ обладаніемъ Константинополемъ и всею Греціею [1]); папа Левъ X, поздравляя Карла V по случаю его коронаціи, дѣлаетъ ему нескрытый намекъ на всемірную монархію [2]). Откровенное заявленіе Фердинанда о коронованіи своего политическаго зданія служитъ уже доказательствомъ, что онъ не серьезно относился къ идеѣ всемірной монархіи, въ противномъ случаѣ онъ не высказалъ бы своего плана столь заблаговременно. «Тайна и осторожность всегда необходимы въ великихъ предпріятіяхъ; политическіе планы никому не должны быть извѣстны до тѣхъ поръ, пока они не созрѣли до исполненія ихъ» [3])—вотъ главное политическое правило Фердинанда, и неужели онъ отступилъ бы отъ него въ этомъ случаѣ, если бы серьезно имѣлъ въ виду стать всемірнымъ повелителемъ? Но Фердинандъ громко объявлялъ себя за идею всемірной монархіи, чтобъ произвесть впечатлѣніе на своего внука и наслѣдника, на Карла V, великая будущность котораго, конечно, не ускользнула отъ политической проницательности дѣда.

---

[1]) II. 81. № 73; ibid., p. 264. № 222. [2]) II, 326, № 308. [3]) II. 25, № 27.

Можно многое сказать противъ Фердинанда. Но безпристрастно смотря на всю его политическую карьеру, необходимо признать, что если онъ и не былъ однимъ изъ величайшихъ королей въ высшемъ значеніи слова, во всякомъ случаѣ онъ былъ государемъ, далеко превосходившимъ своихъ коронованныхъ современниковъ. Фердинандъ говоритъ правду, когда съ гордостью объявляетъ, что «въ теченіе своего царствованія сдѣлалъ для Испаніи болѣе, чѣмъ было сдѣлано въ предыдущіе семь вѣковъ». Онъ, конечно, лицо вполнѣ отвѣтственное за свои дурные поступки; но справедливость требуетъ не упускать изъ виду и тѣ добрыя дѣла, которыя онъ совершилъ. Что онъ не выполнилъ своихъ обширныхъ плановъ относительно Испаніи, что его великій планъ завоеванія Сиріи и Греціи, если только онъ серьезно имѣлъ его, не былъ приведенъ въ исполненіе—это не можетъ уменьшить его справедливыхъ притязаній на званіе великаго государственнаго мужа. Задумывать планы, для выполненія которыхъ жизнь человѣческая оказывается слишкомъ короткою, составляетъ принадлежность энергической воли и глубокаго ума. Несмотря на темныя его стороны, на лживость, безсовѣстность, даже безчестность поступковъ, Фердинандъ долженъ быть поставленъ выше своихъ современниковъ, выше Генриха VII, Максимиліана и Филиппа, выше папъ Александра и Юлія, которые въ нравственномъ отношеніи стояли на одномъ уровнѣ съ нимъ и которыхъ онъ превосходилъ умомъ, энергіей, волею. Мы признаемъ темныя стороны характера Фердинанда; нѣкоторые же изъ новѣйшихъ ученыхъ не признаютъ его высокаго государственнаго ума, и намъ кажется, что мелкая зависть и обычное недоброжелательство людей, лишенныхъ дарованій къ талантамъ и геніальности другихъ, много вліяли на составленіе такого мнѣнія о Фердинандѣ. Мы можемъ указать на довольно характерный въ этомъ отношеніи примѣръ: въ одной изъ своихъ депешъ Фердинандъ высказываетъ надежду, что «успѣетъ еще при жизни завое-

вать Константинополь и возложить на голову своего наслѣдника обѣ императорскія короны, восточную и западную»; на поляхъ этого акта чужою рукою приписано: «мысли мелочного человѣка» [1]).

Прежде чѣмъ заняться тѣми сложными политическими комбинаціями, въ которыя входила судьба всѣхъ странъ Европы, Фердинандъ долженъ былъ устроить дѣла внутри своего собственнаго государства. Войны противъ мавровъ были сопряжены съ большими издержками, правительство же было бѣдно деньгами. «Внутренній заемъ» не былъ еще тогда извѣстенъ и правительственная казна могла быть пополнена лишь увеличеніемъ налоговъ и податей. Главный источникъ государственныхъ доходовъ, послѣ налоговъ и податей, увеличеніе которыхъ скоро достигло крайняго предѣла, заключался въ конфискаціи имуществъ преступниковъ: найти новый родъ богатыхъ преступниковъ являлось въ то время такою идеею, которая, если только не противорѣчила народнымъ чувствованіямъ, могла легко придти на мысль современному финансисту. Религія, казалось, представляла возможнымъ реализовать подобную идею.

Въ то время въ Испаніи жили рядомъ, въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, два различные рода убѣжденій и вѣрованій. Люди, находившіе воззрѣніе католической ортодоксіи слишкомъ для себя узкими, склонялись, вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній съ маврами и евреями, къ болѣе широкому взгляду на религіозные вопросы. Рьяные католики были встревожены такимъ явленіемъ. Слѣпые приверженцы католицизма и «вольнодумцы» образовали двѣ крайности, между которыми помѣщалась масса всегда болѣе или менѣе равнодушной націи, которую легко было связать со взглядами правительства. Такимъ образомъ преслѣдованіе іудеевъ и тѣхъ, которые не гнушались сношеній съ ними, должно было, въ одно и то же время,

---

[1]) Pensamiento de un hombre baxo. II, 160, № 133.

удовлетворить нуждамъ министерства финансовъ и польстить чувствованіямъ крайнихъ католиковъ. Масса населенія не могла въ этомъ отношеніи обезпокоивать правительство заботами о ней. Королева Изабелла, всегда сочувствовавшая суровымъ доктринамъ доминиканцевъ, не могла чувствовать большого отвращенія къ подобному проекту, и ей не нужно было дѣлать большого насилія надъ собою, чтобы не только дозволить, но и способствовать приведенію этого проекта въ исполненіе. Если религіозные мотивы не имѣли въ глазахъ Фердинанда большого значенія, то чисто политическія соображенія заставляли его склоняться въ пользу подобныхъ проектовъ: единообразіе религіи и строгость церковнаго порядка были, по его мнѣнію, хорошею школою для народа, во главѣ котораго онъ задумалъ поставить строго централизованное и политически сильное правительство.

Въ 1478 году Фердинандъ и Изабелла жили въ Севильѣ. Въ то время собирался въ городѣ небольшой кружокъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, обсуждавшій вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы воспрепятствовать дурному вліянію евреевъ на христіанъ. Король и королева приняли участіе въ этомъ вопросѣ, и результатомъ недолгихъ совѣщаній былъ королевскій указъ, которымъ всѣ священники, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, призывались употребить усилія къ тому, чтобъ «заблудшія овцы возвратились въ покинутое ими стадо». Не трудно было предвидѣть, что подобный указъ не достигнетъ своей цѣли, о чемъ ясно упомянуто въ донесеніи первыхъ инквизиторовъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Фердинандъ и Изабелла обратились къ папѣ съ просьбою издать буллу, которою «достопочтенный отецъ, монахъ Ѳома Торквемада» былъ назначенъ главнымъ инквизиторомъ Испаніи, съ правомъ избирать себѣ помощниковъ и агентовъ. Булла была издана въ 1481 году.

---

[1]) Memoria de los Drimeros Inquisidores, que ubo en Espana etc.

Θома Торквемада былъ придворнымъ священникомъ и исповѣдникомъ короля, не королевы, какъ то обыкновенно полагаютъ, и настоятелемъ монастыря Santa Cruz въ Сеговіи. Первый актъ перваго официальнаго инквизитора былъ, по собственнымъ словамъ Торквемады, «актомъ милости»: онъ издалъ эдиктъ, по которому всѣ грѣшники должны были въ извѣстный срокъ исповѣдаться и покаяться въ грѣхахъ. По истеченіи назначеннаго срока актъ милости прекращался и не покаявшіеся въ своихъ грѣхахъ подвергались преслѣдованію. Предписаніе Торквемады было прибито къ дверямъ всѣхъ церквей Испаніи; пятнадцать тысячъ человѣкъ выполнили требованія эдикта и подверглись наказаніямъ за свои прегрѣшенія; затѣмъ, по истеченіи срока, инквизиція начала свое царство террора.

Инквизиція не была ограничена сферою религіозныхъ догматовъ: общественная нравственность, семейныя отношенія, даже мысль человѣческая входили въ кругъ ея вѣдѣнія. Наказанія, которыя употребляла инквизиція, были трехъ родовъ: смерть чрезъ сожженіе на кострѣ, пожизненное заточеніе въ казематахъ и лишеніе свободы на опредѣленный срокъ. Тѣ, которые по истеченіи опредѣленнаго срока были освобождаемы отъ заключенія, были обязаны, ради воспоминанія дней, проведенныхъ въ инквизиціонныхъ казематахъ, носить красные кресты на одеждѣ—одинъ на груди и одинъ на спинѣ—въ теченіе всей остальной жизни, которую, впрочемъ, святые отцы значительно сокращали орудіями пытки. Всякій испанецъ, отмѣченный краснымъ крестомъ, лишался на всю жизнь права занимать какую-либо государственную должность; ему запрещалось носить или имѣть въ своемъ домѣ «золото, шелкъ и бархатъ». Вся Испанія, изъ конца въ конецъ, освѣтилась пламенемъ autos-da-fé. Города, провинціи, королевства шлютъ къ Фердинанду и Изабеллѣ депутаціи, протестуя противъ подобныхъ жестокостей, шлютъ въ Римъ посланія, прося защиты у папы. Если король не принялъ депутатовъ отъ сво-

ихъ подданныхъ, то папа внялъ мольбамъ своихъ «возлюбленныхъ сыновъ»: данная имъ булла была измѣнена, наиболѣе кровожадные инквизиторы смѣщены, апелляція въ Римъ дозволена. Фердинандъ послалъ папѣ грозный укоръ; папа испугался и объявилъ, что вновь разсмотритъ жалобы и «подумаетъ еще» относительно милостей, дарованныхъ «еретикамъ»; но такъ какъ папа не отмѣнилъ тѣхъ милостей, которыя всѣ сводились къ праву не быть сожженными безъ вины, то Фердинандъ издалъ эдиктъ, которымъ объявлялъ, что всякій, безъ различія сана, пола и возраста, воспользовавшійся папскою индульгенціею, подвергается смертной казни и конфискаціи имущества [1]).

Не только живые, даже мертвые подвергались преслѣдованію: давно умершіе были офиціально вызываемы предъ инквизиціонный трибуналъ, вслѣдствіе ихъ неявки произносилось заочное рѣшеніе, и если они этимъ рѣшеніемъ признавались виновными, то кости ихъ вырывались изъ земли и подвергались торжественному сожженію на кострѣ. Въ подобной процедурѣ можно видѣть гадкій фарсъ, но въ ней былъ и серьезный элементъ: богатство сожженныхъ костей отбиралось отъ наслѣдниковъ умершаго и шло въ пользу Фердинанда и Изабеллы.

Изъ числа многихъ мертвецовъ, подпавшихъ суду инквизиціи, отецъ, мать и бабка Донъ-Жуана Арія де Авилы, епископа Сеговіи, были также осчастливлены вниманіемъ агентовъ Торквемады. Епископъ, не видя для себя большой чести въ подобномъ вниманіи и предвидя въ ней крайній ущербъ для своего имущества, выгналъ всѣхъ инквизиторовъ изъ своего діоцеза и извѣстилъ Изабеллу, что не дозволитъ глумиться надъ прахомъ своихъ предковъ, тѣмъ менѣе захватить свои богатства. Когда заявленіе епископа не удостоилось вниманія королевы, онъ въ одну ночь вырылъ кости сво-

[1]) Encorra en la misma hora pena de muerte y confiscacion de todos sus bienes.

ихъ вызванныхъ въ судъ предковъ, спряталъ ихъ въ подземелье своего замка вмѣстѣ съ драгоцѣнностями, вооружилъ всю свою челядь, приказавъ ей защищаться до послѣдней крайности, и самъ уѣхалъ въ Римъ къ папѣ. Какъ только Изабелла узнала объ отъѣздѣ епископа, она написала длинное письмо къ своему послу при папскомъ дворѣ, содержавшее необходимыя инструкціи для переговоровъ съ папою и кардиналами. Письмо, конечно, шифровано, подлинникъ его сожженъ; оно чрезвычайно любопытно. Епископъ Сеговіи, по ея словамъ, вырылъ трупы своихъ предковъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ скрыть отъ инквизиціи, что они были похоронены по іудейскому обряду. «Я причинила много несчастій странѣ, я обезлюдила города, провинціи, королевства, но все это я дѣлала и дѣлаю единственно ради любви ко Христу и его св. Матери». Одни лишь лжецы и клеветники могутъ говорить, что она дѣлаетъ это изъ любви къ деньгамъ, такъ какъ она «не дотронулась ни до одного maravedi [1]) изъ конфискованнаго имущества казненныхъ лицъ»; напротивъ того, Изабелла клянется, что «давала свои деньги на воспитаніе сыновей и на выдачу замужъ дочерей осужденныхъ родителей». Такое торжественное заявленіе королевы внушало бы большое къ ней уваженіе, если бы оно не опровергалось собственноручными повелѣніями королевы отбирать въ ея пользу богатства казненныхъ лицъ. Сохранились длинные счеты громадныхъ суммъ, полученныхъ королевою, и такъ какъ Изабелла интересовалась только цифрою maravedis, то въ счетахъ упомянуты лишь имена казненныхъ и количество конфискованныхъ денегъ, но умолчаны причины, по которымъ тѣ лица казнены [2]).

Папа, наконецъ, рѣшился послать въ Испанію своего легата для изслѣдованія подвиговъ инквизиціи. Изабелла думала сперва отклонить папу отъ подобнаго намѣренія, но, не успѣвъ въ этомъ, она употребила громадныя суммы, больше чѣмъ она

[1]) Maravedi, около одной четверти копѣйки.

[2]) Archivo General de la Corona de Aragon. Registros o. 3686.

даже желала, на подкупъ приближенныхъ къ папѣ лицъ, которыя должны были избрать легата. Легатъ, по прибытіи въ Испанію, былъ, въ свою очередь, подкупленъ и произведенное имъ слѣдствіе было простою формальностью. Въ бывшей по этому поводу перепискѣ между Изабеллою и ея посломъ въ Римѣ встрѣчается любопытная черта, характеризующая королеву: единственное условіе съ ея стороны состояло въ томъ, чтобы «его святость разрѣшилъ ее отъ обвиненія въ симоніи» [1]). Въ Барселонскомъ архивѣ хранятся списки сожженныхъ лицъ; въ числѣ пострадавшихъ встрѣчаются лица всѣхъ сословій, духовные и дворяне, военные и ремесленники, но во всѣхъ спискахъ чаще всего встрѣчаются имена негоціантовъ, купцовъ, торговцевъ. Былъ ли торговый классъ людей Испаніи особенно склоненъ къ ереси и не отличался ли онъ, какъ вездѣ и всегда, своими богатствами?

Инквизиція производила религіозное насиліе надъ совѣстью испанцевъ и вводила политическій развратъ въ ихъ убѣжденія. Во время царствованія Фердинанда и Изабеллы инквизиція сожгла болѣе десяти тысячъ человѣкъ и около ста тысячъ подверглось различнымъ наказаніямъ, болѣе или менѣе тяжкимъ, но необходимо сопровождавшихся потерею имуществъ. Всѣ, кто только могъ, бѣжали во Францію, Италію, Англію; въ одной Кордовѣ опустѣло болѣе тысячи домовъ... Фердинандъ и Изабелла преслѣдовали эмигрантовъ даже на чужой территоріи, и эти преслѣдованіи носили тотъ же фискальный характеръ, не касаясь личности «еретиковъ», но лишь имущества ихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королю неаполитанскому, Фердинандъ повелительнымъ, даже дерзкимъ тономъ требуетъ, чтобъ были подвергнуты пыткѣ и смертной казни тѣ изъ изгнанныхъ эмигрантовъ, которые не выдадутъ ничтожныхъ остатковъ отъ своихъ богатствъ, которые имъ удалось вывезти съ собою за границу. Въ письмѣ

---

[1]) Esto le intienda despensando en elle su Santidad si en atdo interriniesse simonia.

къ королю Англіи, Фердинандъ и Изабелла просятъ Генриха VII оказать имъ «особую услугу» и не выдавать нѣкоторымъ евреямъ 428.000 мараведи, которые они требуютъ по векселю съ испанскаго банкира въ Лондонѣ Diego de Loria, такъ какъ эти евреи осуждены инквизиціоннымъ судомъ [1]). Въ Англію было послано особое посольство съ изъявленіемъ сожалѣнія, что испанскіе эмигранты находятъ пріютъ въ Англіи и, по словамъ реляціи посла, Генрихъ VII далъ клятвенное обѣщаніе не только «отобрать имущества», но и преслѣдовать «проклятыхъ жидовъ и еретиковъ», прибывающихъ изъ Испаніи [2]).

Испанская инквизиція была учрежденіемъ на столько государственнымъ, а не церковнымъ, что даже глава католической церкви не могъ имѣть на нее вліянія; послѣднее обстоятельство много, впрочемъ, зависѣло также отъ жалкаго положенія, въ которомъ находились представители папскаго престола наканунѣ реформаціи. Симанкасскій архивъ сохранилъ нѣсколько документовъ, которые до настоящаго времени не были извѣстны. По нимъ можно ближе ознакомиться съ «папскимъ вопросомъ», который въ началѣ XVI столѣтія сталъ постояннымъ политическимъ вопросомъ Европы.

Въ XVI столѣтіи смерть папы была важнымъ событіемъ, которое прерывало всѣ политическія дѣла, остававшіяся in statu quo до новаго избранія. Всякій дворецъ въ Римѣ, многія церкви, всѣ дома иностранныхъ пословъ превращались въ крѣпости, куда вводились войска съ артиллеріею и провіантомъ на нѣсколько дней. Всякій считалъ при этомъ своею обязанностью, смотря по обстоятельствамъ, или принять мѣры къ собственной защитѣ отъ врага или набрать наемниковъ для нападенія на противниковъ. Народъ, подражая аристократіи, предавался на улицѣ самымъ низкимъ страстямъ. На это время, отъ смерти одного до избранія другого папы, назначались особые охранители города; если они сами не при-

[1]) I, 51, № 89. [2]) I, 160, № 204.

надлежали къ той или другой партіи, что было очень рѣдко, то въ большей части случаевъ они оказывались безсильными удержать богатыхъ вельможъ отъ нападеній и народъ отъ насилій. Императорскій посолъ, извѣщая о смерти папы, говоритъ, что «Римъ спокоенъ», и тотчасъ же прибавляетъ: улицы и дома переполнены солдатами и пушками [1]). Не лучше вельможъ и народа вели себя и претенденты на папскую корону, кардиналы, которымъ предстояло избрать одного изъ среды себя на мѣсто умершаго папы. Сохранился любопытный документъ «секретной консисторіи», въ которой былъ избранъ папа Пій III.

По смерти Александра VI, въ 1503 году, выборъ новаго папы интересовалъ государей Европы, которые вели по этому поводу учащенную и обширную переписку между собою. Въ одномъ изъ своихъ писемъ по этому поводу, Фердинандъ сожалѣетъ, что «кардиналы не осмѣлятся свободно высказать свои цѣли» [2])—Фердинандъ ошибался: кардиналы слишкомъ свободно выразили свои планы и выказали независимость болѣе полную, чѣмъ можно было ожидать. 21 сентября, собравшись въ секретную консисторію, кардиналы торжественно поклялись, что тотъ изъ нихъ, который будетъ избранъ въ папы, подпишетъ и выполнитъ тридцать шесть пунктовъ секретнаго акта, ими же составленнаго. Число пунктовъ этого акта соотвѣтствовало числу присутствовавшихъ на конклавѣ кардиналовъ, которыхъ было тридцать четыре, и двухъ папъ, только что скончавшагося и имѣющаго быть избраннымъ. Передаемъ вкратцѣ нѣкоторые изъ пунктовъ, удерживаясь отъ всякихъ комментаріевъ—всякія объясненія были бы излишни.

«Такъ какъ апостольскій престолъ, за смертью Александра VI, сталъ вакантнымъ, то кардиналы-епископы, кардиналы-пресвитеры и кардиналы-дьяконы, собравшись въ конклавъ 21-го сентября 1503 года и занявъ въ обычномъ порядкѣ свои мѣста, постановили нижеслѣдующее:

---

[1]) II, 383, № 368. [2]) I, 314, № 373.

«Такъ какъ на кардиналовъ возложены высшія обязанности, то они должны пользоваться бо́льшими привилегіями, чѣмъ всѣ другіе служители Христа. Поэтому всѣ кардиналы, присутствовавшіе на настоящемъ конклавѣ, клянутся, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ избранъ въ папы, клятвенно обяжется, тотчасъ послѣ избранія, строго выполнить слѣдующіе пункты:

1) Папа обязанъ выплачивать по 200 золотыхъ флориновъ ежемѣсячно каждому кардиналу, церковные доходы котораго не достигаютъ 6.000 золотыхъ флориновъ въ годъ. Папа обѣщаетъ оставить въ пользованіи кардиналовъ всѣ ихъ бенефиціи, *какъ бы противозаконно они ни были пріобрѣтены.*

2) Будущій папа обязывается не преслѣдовать и не дозволять кому-либо преслѣдовать кардинала; равнымъ образомъ онъ никогда не произнесетъ обвинительнаго приговора противъ кардинала. Proesus non damnetur.

3) Замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ папскаго двора не зависитъ отъ папы; для этого требуется согласіе того кардинала, которому подвѣдомственно вакантное мѣсто.

5) Будущій папа подтвердитъ всѣ привилегіи и прерогативы, данныя кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ въ пользу кардиналовъ [1]).

9) Всѣ папскія посланія, «безъ всякаго исключенія», должны быть отправляемы чрезъ папскую канцелярію и никоимъ образомъ инымъ какимъ-либо путемъ.

10) Папа не имѣетъ права отправлять кардинала легатомъ противъ его воли и, такимъ образомъ, удалять изъ Рима противнаго ему почему-либо кардинала [2]).

11) Папа клянется, что «*всѣ кардиналы, участвующіе въ избраніи, и каждый изъ нихъ порознь, будутъ разрѣшены папою отъ всѣхъ совершенныхъ ими чрезмѣрныхъ преступленій*

[1]) Въ двадцать второмъ пунктѣ повторено это условіе, но прибавлено: «и никогда впредь не могутъ быть отмѣняемы».

[2]) Это условіе повторено въ третьемъ двадцать пунктѣ, но съ прибавкою: «легатство безъ вол[illegible] не может продолжаться долѣе трехъ лѣтъ».

и проступковъ, какъ бы они ни были велики и важны и при какихъ бы обстоятельствахъ совершены ни были. Всѣ неправильности, допущенныя кардиналами при отправленіи ими таинства евхаристіи, должны быть забыты. *Кардиналы остаются нерушимыми владѣтелями ихъ собственности, какимъ бы противозаконнымъ путемъ она ни была пріобрѣтена.* Кардиналы будутъ объявлены невиновными во всѣхъ совершенныхъ ими преступленіяхъ какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ судомъ, и *какъ всѣ кардиналы, такъ и каждый изъ нихъ порознь, еще разъ явятся столь же невинными, какъ они были при крещеніи.*

14) Папа обязывается дать каждому кардиналу укрѣпленное мѣсто или зàмокъ близъ Рима.

18) Кардиналы, желающіе говорить съ папою, ожидаютъ его выхода въ одной общей пріемной для всѣхъ. Впредь же въ каждомъ дворцѣ, гдѣ будетъ находиться папа, должна быть отведена особая приличная комната для кардиналовъ, ожидающихъ папской аудіенціи.

19) При публичныхъ процессіяхъ запрещается ставить солдатъ между папою и кардиналами.

20) Папа обязывается платить ежемѣсячно 200 золотыхъ флориновъ каждому кардиналу, который, вслѣдствіе выбора въ папы того, а не другого, будетъ лишенъ какимъ-либо свѣтскимъ государемъ части своихъ доходовъ.

27) Свѣтскіе государи часто пишутъ кардиналамъ письма и требуютъ отъ нихъ безчестныхъ поступковъ, что неблагопріятно вліяетъ на честь папы и кардиналовъ. Впредь каждый кардиналъ долженъ представлять подобныя письма во святую коллегію и писать такой отвѣтъ, какой постановитъ большинство кардиналовъ.

36) Папа подвергается, ipso facto, наказанію вѣчнаго осужденія и проклятію, если нарушитъ какую-либо статью настоящаго постановленія. Ни онъ самъ, ни кто другой не можетъ его разрѣшить отъ подобной клятвы. Всякій карди-

налъ, который подчинится папскому приказанію, противорѣчащему одной изъ настоящихъ статей, теряетъ всѣ свои доходы и подвергается, сверхъ того, еще другимъ наказаніямъ.

«Постановлено въ Римѣ. 21-го сентября 1503 года. Подпись папы Пія III» [1]).

Этотъ актъ былъ попыткою реформировать церковь, о необходимости чего такъ много говорили въ то время. Но подобная реформа не была благодѣяніемъ для христіанства: ограничивая папу насчетъ кардиналовъ, обращая церковь почти въ республику, эта реформа замѣняла развратъ *одного* папы самодурствомъ *многихъ* кардиналовъ. Папство доживало свой вѣкъ среди умовъ, готовыхъ принять Лютера, но не желавшихъ промѣнять папское единодержавіе на кардинальскую олигархію. Всякая олигархія есть зло, тѣмъ болѣе олигархія кардиналовъ XVI столѣтія. Выборъ папы, самая важная изъ всѣхъ обязанностей кардиналовъ, описывается современниками до того черными чертами, что имъ трудно вѣрить въ настоящее время. Одинъ посолъ, искусный дипломатическій интригантъ, считавшій совѣсть излишнимъ бременемъ въ человѣкѣ, сознается, что для него «отвратительно употреблять при избраніи папы тѣ гадкія мѣры, которыя оказываются необходимыми, такъ какъ при выборѣ папы все основано на корысти и лжи» [2]). О кардиналахъ, которые сами избирали изъ своей среды папу, тотъ же посолъ говоритъ: «Въ аду не можетъ быть столько злыхъ и демоновъ, какъ между кардиналами [3]).

Каковы кардиналы, таковы и папы. До настоящаго времени существуетъ между учеными довольно рѣзкое разногласіе по вопросу объ участіи, какое принималъ папа Юлій II, преемникъ Пія III, въ покореніи Фердинандомъ Наварры: одни говорятъ, что Юлій II издалъ особую буллу, которою Jean d'Albret отлучался отъ церкви, и, слѣдовательно, его подданные были освобождены отъ клятвы вѣрности, ему данной, и

[1]) I, 310. № 371. [2]) II, 383. № 368. [3]) II, [illegible]. № [illegible].

лишались права помогать ему; другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что папа особою буллою возстановляетъ наваррцевъ противъ Фердинанда. Это разногласіе объясняется тою «безчестною буллою», какъ ее называетъ Фердинандъ, которую Юлій II прислалъ въ Испанію. Папскія буллы писались на очень большихъ листахъ пергамента, и такъ какъ читать строчки длиною въ 30 или 40 дюймовъ было довольно неудобно, то папская канцелярія выдавала обыкновенно вмѣстѣ съ подлинной буллой точную копію, написанную на бумагѣ или на пергаментѣ обычной величины. Когда булла Юлія II и копія были привезены въ Испанію, то прочли только копію, и такъ какъ въ ней бывшій король Наварры, «Іоаннъ изъ дома d'Albret», объявлялся отлученнымъ отъ церкви, то Фердинандъ поручилъ своему послу въ Римѣ благодарить Юлія II. Когда же, вслѣдствіе возникшихъ толковъ, справились съ подлинною буллою, то оказалось, что она во многомъ отличается отъ копіи и не имѣетъ того значенія, какое ей придавали въ Испаніи. Такъ, формула отлученія была выражена въ копіи довольно категорически: Eosque et tunc de cetere in reges vel dominos minime recogniscant nec appellent, въ подлинникѣ же выраженіе «minime» было опущено; въ другомъ мѣстѣ, въ словѣ «reos», которое относилось къ королю и королевѣ, буква «r» была опущена и стояло невинное «eos». Извѣщая своего посла о такой «низости папскаго двора», Фердинандъ говоритъ, что «не можетъ пользоваться сказанною буллою, такъ какъ она не отлучаетъ короля и королеву Наваррскихъ, но скорѣе уговариваетъ подданныхъ помогать имъ» [1]).

Такое безчестное поведеніе Юлія II много повредило папской власти, и лишь смерть его освободила церковь отъ опасности утерять свѣтскую власть. Его преемникъ, Левъ X, былъ совершенною противоположностью Юлія II: осторожный, терпѣливый, всегда любезный, онъ сходился съ своимъ горя-

---

[1]) [illegible] 443.

чимъ и рѣзкимъ предшественникомъ лишь въ любостяжаніи. Свои стремленія къ увеличенію могущества своей фамиліи Левъ X, какъ кажется, не сумѣлъ однако примирить съ подобными же стремленіями окружавшихъ его кардиналовъ. По крайней мѣрѣ, англійскій посолъ, извѣщая своего государя о смерти Льва, 1-го декабря 1521 г., въ 8 часовъ по утру [1]), выражается такимъ образомъ: «Левъ, выпивъ или съѣвъ что-то такое, чего не слѣдовало употреблять въ пищу, скончался» [2]).

Дерзость кардиналовъ, передъ которою не устоялъ даже ловкій и увертливый Левъ X, перешла всякія границы при скупомъ и слабомъ [3]) его преемникѣ. Едва только Адріанъ VI былъ избранъ въ папы, какъ кардиналы стали дѣлать въ городѣ «всякія пакости, чтобъ устрашить папу и предотвратить его пріѣздъ въ Римъ» [4]): они разграбили папскій дворецъ, растащили ковры, драгоцѣнности и др. вещи [5]); они выкрали даже серебряные сосуды изъ дворцовой церкви папы. Что же Адріанъ VI? Онъ пишетъ въ Римъ къ своимъ друзьямъ, чтобы они, если дворецъ занятъ врагами, наняли бы для него «небольшой домикъ, но непремѣнно съ садикомъ» [6]). Императорскій посолъ пишетъ Карлу V: «Когда его святость прибылъ въ Римъ, видъ его былъ здоровый, бодрый; теперь онъ худъ, блѣденъ, глаза впали» [7])—эту перемѣну въ Адріанѣ посолъ подмѣтилъ спустя лишь четыре мѣсяца послѣ пріѣзда папы въ Римъ и объясняетъ ее тѣми непріятностями, которыя папа долженъ былъ выносить отъ кардиналовъ. Кардиналы, «по вдохновенію Св. Духа», избрали въ папы такого хорошаго человѣка, какъ Адріанъ VI, но «тотчасъ послѣ избранія кардиналы подпали власти дьявола» [8]). Переводя слова императорскаго посла съ дипломатическаго

---

[1]) II, 381, № 365. [2]) II, 382, № 366. [3]) II, 401, № 384. [4]) Avarior judicatus est et inertior. II, 592, № 611. [5]) Todos son en este y cada uno ha tomado lo que ha prodido de la camera del papa osi de tapiceria que de joyar y afforros y otras cosas. [6]) II, 406, № 392. [7]) II, 506, № 502. [8]) II, 402, 386.

языка на обычный, оказывается, что при избраніи партія императорская была сильна въ Римѣ, а затѣмъ надъ нею взяла верхъ партія французская. Но посолъ не преувеличиваетъ, если судить по поведенію кардиналовъ въ моментъ смерти Адріана VI: онъ умеръ 14-го сентября 1523 г., въ часъ дня [1]), оставивъ по себѣ въ Римѣ репутацію человѣка скупого и слабаго. «Когда папа уже отходилъ, кардиналы настойчиво требовали отъ него признанія, сколько у него денегъ и гдѣ онѣ спрятаны; они обходились съ нимъ не какъ съ папою, а какъ съ человѣкомъ, осужденнымъ на пытку; папа клялся, что не имѣетъ и тысячи дукатовъ» [2]). Папа Адріанъ VI, лучшій изъ папъ того времени, былъ до того извѣстенъ своею скупостью, что кардиналы едва ли повѣрили его предсмертнымъ увѣреніямъ. Адріанъ постоянно плакался, что скоро у него не будетъ на что купить «кусокъ хлѣба» [3]); по словамъ императорскаго посла, папа готовъ скорѣе потерять государство, чѣмъ выдать деньги на что-либо [4]). Слабость и нерѣшительность много вредили Адріану, подчиняя его всевозможнымъ вліяніямъ. И такъ какъ во всемъ Римѣ одинъ лишь Адріанъ VI былъ человѣкъ честный, то отзывы пословъ о взяточничествѣ римскаго двора превосходятъ всякія ожиданія: не было ни одного прислужника, ни одного лакея, котораго не нужно было бы подкупать, такъ какъ не было столь ничтожнаго человѣка, который не могъ бы вліять на папу по дѣламъ государства и церкви [5]); подкупы кардиналовъ и другихъ лицъ папскаго двора совершались въ самомъ папскомъ дворцѣ, совершались безпрестанно, въ огромныхъ размѣрахъ [6]), и посолъ высказываетъ откровенное сознаніе, что при разнородныхъ вліяніяхъ и обширныхъ подкупахъ никакіе переговоры невозможны: «Я готовъ лучше подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ войны, чѣмъ вести переговоры съ папой» [7]).

[1]) II, 586, № 601. [2]) Ibid., p. 587. [3]) II, 513, № 510. [4]) II, 537, № 510. [5]) II, 452, № 445. [6]) II, 539, № 540. [7]) II, 505, 502.

Папское достоинство унижали систематически въ теченіе долгаго времени кардиналы и лица, болѣе всего заинтересованныя въ поддержаніи его высокаго значенія. Неудивительно, что сами папы стали, наконецъ, недовѣрчиво относиться къ своему достоинству. Преемникъ Адріана VI не гнушался ходить на поклонъ къ лицамъ, пользовавшимся довѣріемъ у императора: Климентъ VII приходилъ съ визитомъ къ Гаттинарѣ и униженно ждалъ въ пріемной, когда вліятельному совѣтнику Карла V будетъ угодно принять его [1]. Многіе способны оправдывать Климента тѣмъ всемірно-историческимъ значеніемъ Карла V, предъ которымъ все преклонялось; болѣе близкое знакомство съ личностью Карла V приводитъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ.

II.

Карлъ былъ старшій сынъ Филиппа и Іоанны, внукъ Фердинанда Католическаго. Въ 1530 году венеціанскій посолъ въ Римѣ, Гаспаръ Контарини, видѣлъ Карла V, долго разговаривалъ съ нимъ и представилъ затѣмъ въ сенатъ Венеціанской Республики слѣдующій его портретъ: «24 февраля императору исполнилось 30 лѣтъ. Онъ не очень крѣпкаго сложенія, но здоровье его хорошо; сложенъ онъ очень пропорціонально, но одно, что портитъ его фигуру—подбородокъ. Онъ уменъ, остороженъ и очень заботливо занимается своими дѣлами [2], такъ что собственноручно пишетъ довольно длинныя письма императрицѣ въ Испанію и брату въ Германію. Папа говорилъ мнѣ, что, разговаривая съ нимъ, его величество держалъ въ рукахъ записку, въ которой его же рукою было отмѣчено все, о чемъ они хотѣли говорить. Императоръ не пристрастенъ ни къ какому удовольствію [3]; иногда онъ ѣздитъ

---

[1]) Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. II, 153, 173, 177, 179 sqq.

[2]) É prudente, riservato, ed attende con ogni diligenza alle sue faccende. Relazioni, p. 269.

[3]) Non è dedito molte a piacere alcuno. Ibid.

на охоту, особенно на кабановъ, но въ Болоньѣ онъ рѣдко выходилъ изъ дворца, и то лишь къ обѣднѣ, въ ту или другую церковь,—онъ никогда еще не былъ такъ набоженъ. Здѣсь онъ самъ говоритъ и разговариваетъ съ другими гораздо чаще и охотнѣе, чѣмъ онъ то дѣлалъ въ Испаніи; мнѣ случилось бесѣдовать съ нимъ битыхъ два часа. Онъ уже не такъ упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, къ чему онъ склоненъ по самой своей натурѣ [1]). Однажды, дружески разговаривая со мною, его величество изволилъ сказать, что онъ по природѣ очень упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, и я, желая оправдать его, возразилъ: «Государь, быть твердымъ въ хорошемъ мнѣніи не упрямство, а постоянство», но онъ тотчасъ же перебилъ меня: «иногда я твердъ и въ дурныхъ». Отсюда, по моему мнѣнію, ясно, что благоразуміемъ и добрыми намѣреніями его величество восторжествовалъ надъ своими природными недостатками. Что же касается до его намѣреній, они мнѣ кажутся очень добрыми и особенно склонными къ сохраненію мира» [2]).

Осторожный дипломатъ не счелъ удобнымъ подкрѣпить фактами свое послѣднее заявленіе и умолчалъ о причинахъ, заставившихъ его видѣть въ намѣреніяхъ Карла склонность къ миру. Портретъ Карла, начерченный мастерскою рукою Контарини, не полонъ; въ немъ недостаетъ той важной черты, которая даетъ Карлу совершенно иную окраску и которая важнѣе всѣхъ мелкихъ подробностей его характера и привычекъ: политическія намѣренія Карла обличаютъ его стремленіе не къ господству мира, а къ господству надъ міромъ.

Грандіозныя намѣренія дѣда произвели глубокое впечатлѣніе на внука, и планы Фердинанда относительно покоренія Сиріи съ Іерусалимомъ и Греціи съ Константинополемъ рано

---

[1]) Non è più così fermo nelle opinioni sue, come già la natura lo inclinasa. Ibid., p. 270.

[2]) Quanto allo intenzione sua, a me para buonissima, attendente massime alla conservazione della pace. Ibid.

стали любимою мечтою Карла. Фердинандъ надѣялся «еще при жизни своей» возложить на голову своего преемника корону двухъ имперій, восточной и западной; его надежды не сбылись, но не прошли незамѣченными Карломъ.

Не только близкіе родственники и предшественники, но лица посороннія и иностранные государи говорили Карлу о всемірной монархіи, какъ объ его прямомъ назначеніи: папа Левъ X напомнилъ ему это въ самый день его коронаціи [1]). И не только государи, народы говорили Карлу то же самое: граждане города Вальядолида, въ письмѣ къ Карлу, написанномъ по случаю смерти Фердинанда Католическаго, воодушевляютъ его стать «властителемъ міра» [2]). Такихъ примѣровъ очень много. Насколько въ XVI столѣт., какъ и сама по себѣ, идея всемірной монархіи была практична или являлась утопіей, насколько она была благодѣтельна для Европы или гибельна—все равно: Карлъ былъ вскормленъ въ убѣжденіи, что ему суждено быть властителемъ міра. Его дѣдъ, папа, котораго голосъ принимали въ то время за выраженіе желанія всего христіанскаго міра, его собственные подданные просили его осуществить идею всемірнаго христіанскаго государства, и могъ ли Карлъ устоять противъ вліяній, такъ льстившихъ его самолюбію? Серьезный, скрытный, задумчивый съ дѣтства, воспитанный въ страстной любви къ имперіи, Карлъ взиралъ на весь міръ, какъ на собственность, принадлежащую ему въ силу божественнаго права; въ созданіи всемірной монархіи онъ видѣлъ свою обязанность къ Богу и людямъ. Религіозное чувство и имперскія страсти ослѣпляли его настолько, что подчиненіе всего міра его диктаторской власти было, по его собственнымъ словамъ, не только полезно австрійскому дому, но «угодно Богу и Его церкви».

Исторія царствованія Карла V показываетъ, какъ стара-

---

[1]) II, 326, № 308.

[2]) Hareys à Espana Sennora de muchas tierras, y ella à Vuestra Alteza *Senor del mundo* etc.

тельно стремился онъ выполнить то, что считалъ своею обязанностью. Вся его энергія была направлена къ покоренію Италіи, Франціи, Англіи, Турціи; а такъ какъ онъ былъ уже государемъ Австріи и Испаніи, то мы, кажется, имѣемъ право видѣть въ его стремленіяхъ стремленіе къ господству надъ міромъ. Это видѣли въ немъ и современники, и Карлъ торжественно лгалъ, говоря венеціанскому послу, что его обвиняютъ въ стремленіяхъ, ему совершенно чуждыхъ: «Знайте, что я не желаю пріобрѣсти ни одной пяди земли, за исключеніемъ Неаполя, моей собственности; я хочу показать міру, что не желаю господства, въ чемъ меня обвиняютъ» [1]). Правда, онъ часто измѣнялъ свои планы относительно мѣръ, необходимыхъ для покоренія независимыхъ отъ него странъ, правда, онъ часто мѣнялъ порядокъ, въ которомъ эти страны одна за другою должны быть покорены--но онъ никогда не упускалъ изъ виду ни одной изъ тѣхъ странъ, которыя должны были войти въ составъ его будущей имперіи. Франція предложила ему раздѣлить съ нимъ весь міръ, но Карлъ отвергъ подобное предложеніе, какъ оскорбительное для его достоинства.

Неудачи не ослабляли Карла; напротивъ, онѣ возбуждали въ немъ энергію, дѣлая его характеръ, холодный и подозрительный, все болѣе и болѣе жесткимъ и коварнымъ. Въ оппозиціи своихъ политическихъ противниковъ онъ видѣлъ лишь преступленіе и безчестіе. Всегда незастѣнчивый въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, онъ рано научился не отступать ни предъ какими злодѣяніями. То обстоятельство, что жертвами были враги, служило для Карла оправданіемъ его злыхъ дѣлъ. На его совѣсти лежитъ много темныхъ преступленій, въ родѣ убійства французскихъ пословъ. Наиболѣе безпристрастные историки склоняются, впрочемъ, на его сторону, предполагая, что столь великій человѣкъ не мо-

[1]) Sappiate che io non voglio neppure un piede di terra, se non quello è proprio mio, e voglio far conoscere a tutto il mondo che non voglio farmi monarca, come alcuni mi diffamarano.

жетъ быть виновенъ въ столь низкихъ преступленіяхъ; но очевидно, что характеръ Карла V является этимъ историкамъ въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ: его собственные акты свидѣтельствуютъ, что онъ не только былъ виновенъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его заподозрѣвали, но что онъ совершилъ еще болѣе темныя дѣла, что онъ былъ способенъ рѣшительно на всевозможныя преступленія, если только они облегчали ему путь къ достиженію его предначертаній. Совѣсть, честь, правда, нравственность были для него пустыми, лишенными содержанія словами. Одаренный отъ природы многими великими качествами, онъ, въ теченіе жизни, усиливалъ лишь въ себѣ безсовѣстную жестокость, пока не дошелъ, наконецъ, до того моральнаго и физическаго убожества, которое мы встрѣчаемъ въ жалкомъ схимникѣ монастыря св. Юста.

На основаніи вновь изданныхъ документовъ, хранящихся въ испанскомъ государственномъ архивѣ, мы разсмотрѣли главныя черты характера Фердинанда Католическаго и Карла V. Дѣдъ и внукъ, въ общихъ чертахъ, представляютъ родственное сходство: въ томъ и въ другомъ мы видѣли великій умъ, твердую волю и низкое сердце; въ томъ и другомъ мы замѣтили одну и ту же обширность политическихъ стремленій, одно и то же направленіе политическихъ цѣлей, ихъ роднитъ еще одна общая имъ черта: и Фердинандъ, и Карлъ не останавливаются ни предъ какою мѣрою для достиженія своихъ цѣлей. Остановимся на одной изъ такихъ мѣръ, самой ужасной и безчеловѣчной: на исторіи страданій королевы Іоанны Кастильской, дочери Фердинанда и матери Карла, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Іоанны Безумной*. Такъ какъ въ настоящее время изданы далеко еще не всѣ документы, относящіеся къ этому вопросу, то вся отвѣтственность за истинность разсказа, невѣроятнаго по чудовищной жестокости дѣйствующихъ лицъ, должна до времени остаться на авторѣ того труда, въ которомъ впервые

передаваемый нами взглядъ.

Въ первый годъ XVI стол. смерть одного принца и рожденіе другого составили несчастіе сестры перваго и матери второго, женщины, которая менѣе чѣмъ кто-либо заслужила тяжелый вѣнецъ мученичества и болѣе всѣхъ имѣетъ право занять первое мѣсто въ ряду коронованныхъ мученицъ деспотизма.

Въ іюлѣ 1500 года умеръ принцъ Донъ-Жуанъ, представитель обѣихъ старшихъ линій испанскаго дома; на сестру принца, на инфанту Іоанну, переходили такимъ образомъ права на короны Кастиліи и Арагоніи, какъ на старшую дочь Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской. Изабелла уже давно страдаетъ тяжкимъ недугомъ; ея болѣзнь неизлѣчима; съ ея смертью права на великую корону Кастиліи (corona) переходятъ къ инфантѣ Іоаннѣ, отецъ которой, супругъ Изабеллы, долженъ ограничиться малою короною Арагоніи (coronilla). Труды и усилія всей жизни Фердинанда Католическаго разбивались въ прахъ: соединенное королевство Испанское, имъ созданное, должно вновь распасться на Кастилію и Арагонію. Такимъ образомъ, неоспоримыя права Іоанны на корону Кастиліи шли въ разрѣзъ со всѣми стремленіями и цѣлями всей жизни ея отца, Фердинанда Католическаго.

Король Филиппъ Нидерландскій, сынъ императора Максимиліана, супругъ Іоанны, не имѣлъ никакихъ правъ на Испанію; но онъ былъ супругъ той, которая одна могла вести его на ступени кастильскаго трона. Филиппъ не отличался большимъ политическимъ смысломъ, но обладатель Нидерландовъ и Бургундіи былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобъ не стремиться къ соединенной коронѣ Испаніи, а его совѣтники были слишкомъ корыстолюбивы, чтобъ не желать обогатиться въ презираемой ими странѣ, на родинѣ нелюбимой ими супруги своего короля. Іоанна ненавидѣла совѣтниковъ своего мужа; и супругъ Іоанны и его совѣтники хорошо знали, что Іоанна, ставъ королевой Кастиліи, не допуститъ ихъ осуществить свои честолюбивые и корыстные планы. Такимъ обра-

зомъ Іоанна, служившая препятствіемъ для политическихъ плановъ отца, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ помѣхою для честолюбивыхъ цѣлей супруга.

Карлъ, сынъ Іоанны, въ силу своего счастливаго рожденія, соединялъ въ себѣ права на наслѣдство Австріи, Нидерландовъ и Бургундіи, Кастиліи и Арагоніи. Никто не сомнѣвался, что онъ будетъ императоромъ; съ дѣтства уже ему внушали, что «Господь не даромъ соединилъ въ его лицѣ столько силы и величія», что, сосредоточивъ въ немъ права на пять сильныхъ королевствъ, Провидѣніе видимо предназначало его для осуществленія всемірной монархіи, о которой въ то время такъ много говорили. По отцу, Карлъ становился повелителемъ Нидерландо-Бургундскаго королевства; по дѣду, онъ былъ наслѣдникомъ австрійскихъ земель и императорской короны; по матери — наслѣдникомъ всей Испаніи. Его отецъ, король Филиппъ, умеръ въ 1506 г.; его дѣдъ, императоръ Максимиліанъ, скончался въ 1519 г. Но его мать? Она должна передать ему права на Испанію. Но Іоанна въ цвѣтѣ лѣтъ, она можетъ заставить долго ждать своей смерти, она можетъ вступить во второй бракъ; безъ испанской короны, самая мысль о всемірной монархіи является пустою мечтою. Такимъ образомъ, представляя уже препятствіе для плановъ отца и замысловъ мужа, Іоанна вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняла своему сыну выполнить «обязанность передъ Богомъ и міромъ».

Іоанна имѣла несчастіе своимъ рожденіемъ стать на пути [illegible]естолюбивыхъ стремленій трехъ сильнѣйшихъ государей — [illegible]ердинанда, Филиппа и Карла, трехъ наиболѣе близкихъ ей [illegible]ицъ — отца, мужа и сына. Въ неоспоримости ея правъ на [illegible]спанію заключалась величайшая для нея опасность. Тѣ, ко[illegible]рые естественно должны были сосредоточить на ней свою [illegible]бовь, питали къ ней самую искреннюю ненависть. Іоанна [illegible]а нужна этимъ тремъ лицамъ: только чрезъ нее они по[illegible]ли права на испанскую корону; вмѣстѣ съ тѣмъ Іоанна

мѣшала имъ: дочь Изабеллы, она сумѣетъ управлять своимъ королевствомъ и не передастъ своихъ правъ никому.

Если бы Іоанна умерла вслѣдъ за своею матерью, то, согласно законамъ страны, отецъ и мужъ утеряли бы всякое право на Кастилію, и единственнымъ наслѣдникомъ правъ Іоанны являлся ея сынъ Карлъ. Фердинандъ и Филиппъ могутъ достичь своихъ цѣлей лишь въ томъ случаѣ, когда Іоанна останется въ живыхъ и будетъ неспособна къ управленію. Какъ же это сдѣлать?

Ускорить смерть можно: прошло много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ практиковаться надъ улучшеніемъ средствъ, помогающихъ переселенію его ближнихъ въ лучшій міръ; но какъ продлить жизнь? Управлять государствомъ всегда трудно, хотя никогда, тѣмъ менѣе въ началѣ XVI стол., способность къ управленію не пріобрѣталась иначе, какъ опытомъ; но какимъ образомъ сдѣлать человѣка неспособнымъ къ управленію? Обѣ задачи, предстоявшія отцу и мужу Іоанны, являются такимъ образомъ выше силъ человѣческихъ, и, по словамъ современниковъ, «самъ Господь вывелъ своихъ вѣрныхъ слугъ изъ такого затруднительнаго положенія: Филиппъ умеръ, и Іоанна, въ горѣ по своемъ возлюбленномъ супругѣ, потеряла разсудокъ». Такъ какъ сумасшедшая Іоанна была неспособна управлять своимъ королевствомъ, то ея отецъ, Фердинандъ Католическій, сталъ «верховнымъ пожизненнымъ правителемъ» Кастиліи, что дало ему возможность укрѣпить созданное имъ единое Испанское королевство. По смерти Фердинанда, всѣ права несчастной Іоанны перешли къ ея сыну и Карлъ замѣнилъ больную мать въ управленіи Кастиліей, Арагоніей, Сициліей, Неаполемъ и другими землями въ Новомъ и Старомъ свѣтѣ; теперь только онъ получилъ возможность серьезно думать о созданіи всемірной монархіи.

Такимъ образомъ, политика Фердинанда и Карла основывалась на умопомѣшательствѣ одной женщины, которая была дочерью перваго и матерью второго. Всѣ политическіе планы

того и другого рушились бы, если бы Іоанна не потеряла своего разсудка или же пріобрѣла бы его вновь. Отецъ и сынъ были заинтересованы въ томъ, чтобы Іоанна оставалась сумасшедшею, какъ нѣсколько лѣтъ ранѣе, они же, вмѣстѣ съ ея мужемъ, были заинтересованы въ томъ, чтобъ Іоанна сошла съ ума. Близкое родство всѣхъ трехъ лицъ между собою и съ Іоанной ручается въ томъ, что они не употребляли никакихъ усилій для того, чтобъ Іоанна сошла съ ума; болѣе чѣмъ естественно думать, что они приняли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобъ исцѣлить Іоанну отъ умопомѣшательства. Предположить что-либо противное являлось невозможнымъ, и несчастная болѣзнь несчастной Іоанны принималась всѣми историками, какъ фактъ, указать точныя причины котораго было почти невозможно; оставалось лишь повторять слова современниковъ, видѣвшихъ въ той болѣзни «волю Господа, судьбы котораго неисповѣдимы».

Если новѣйшія изысканія въ Симанкасскомъ архивѣ не опровергли предположенія, что ни отецъ, ни мужъ, ни сынъ Іоанны не употребляли никакихъ усилій для произведенія умопомѣшательства въ ихъ дочери, супругѣ и матери, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти изысканія показали, что всякія мѣры къ исцѣленію Іоанны были совершенно излишни, такъ какъ Іоанна никогда не сходила съ ума, пользовалась всегда полнымъ разсудкомъ, была объявлена сумасшедшею, содержалась въ темницѣ подъ строгимъ надзоромъ въ теченіе 49 лѣтъ, какъ помѣшанная, и умерла въ заточеніи единственно вслѣдствіе политическихъ видовъ и цѣлей своего отца и сына.

Іоанна родилась въ Толедо, 6-го ноября 1479 года. До семнадцатилѣтняго возраста, до дня своей свадьбы съ эрцгерцогомъ Филиппомъ австрійскимъ, она жила у своихъ родителей, на глазахъ матери, которая сама заботилась объ ея воспитаніи. Наши свѣдѣнія объ Іоаннѣ въ теченіе ея жизни въ Испаніи очень скудны. Что она могла видѣть и слышать въ то время? Что могло имѣть вліяніе на ея духовное развитіе?

Въ то время, въ концѣ XV стол., еще не установился въ Испаніи обычай, по которому позже королевская фамилія in corpore присутствовала при всякой церемоніи сожженія еретиковъ, при autos-da-fé. Но дворъ матери Іоанны былъ средоточіемъ, къ которому притекали всѣ извѣстія о сожженныхъ на кострѣ, подвергнутыхъ пыткѣ и заточенныхъ въ темницы; при этомъ дворѣ всѣ вопіющіе подвиги инквизиціи разсматривались, какъ примѣры сердечной «любви ко Христу и его св. Матери». Очень возможно, что Іоанна никогда не видѣла отвратительныхъ сценъ сожженія живыхъ людей; но несомнѣнно, что она слышала частые разговоры о дѣлахъ инквизиціи, этого «страшнаго судилища человѣческой мысли», и знала всѣ новости инквизиціоннаго дѣла. Подобные разсказы о звѣрствахъ, совершаемыхъ ради любви ко Христу, должны были произвесть на Іоанну извѣстное впечатлѣніе: она должна была или подавить въ себѣ естественное чувство отвращенія къ подобнымъ дѣламъ, или же возстать противъ своихъ родителей и воспитателей. Добрая, здоровая натура Іоанны взяла верхъ—она была возмущена подобными разсказами и не скрывала своего отвращенія къ злымъ дѣламъ инквизиціи. Такія чувства Іоанны не могли быть терпимы при испанскомъ дворѣ, при которомъ всякое свободное движеніе считалось преступленіемъ, всякое противодѣйствіе инквизиціи наказывалось казнью. Юная инфанта была жестоко наказываема своею матерью за подобныя богоотступническія мысли; королева Изабелла дозволила подвергнуть свою дочь пыткѣ. Маркизъ Денія, бывшій главнымъ надзирателемъ за мнимо-помѣшанной Іоанной, пишетъ въ 1522 году императору Карлу: «Если ваше величество соизволите разрѣшить противъ нея пытку, то этимъ окажете во многихъ отношеніяхъ услугу Богу и ей самой благодѣяніе и милость. Лица, окружающія ее, находятъ, что ее необходимо подвергнуть пыткѣ, и *королева-бабка вашего величества такимъ же точно образомъ наказывала и поступала со своею дочерью*, королевою, нашею высочайшею дамою».

Вслѣдствіе брака съ Филиппомъ [1]). Іоанна покинула Испанію и переселилась въ Нидерланды [2]). Это былъ бракъ политическій; Филиппъ не любилъ Іоанны [3]) и оскорблялъ ее, какъ жену. Народъ оскорблялъ ее, какъ королеву. «Фламандцы,— пишетъ Фердинандъ,—отослали обратно испанскую прислугу Іоанны и отказались платить что-либо на ея содержаніе; я тоже ничего не платилъ» [4]). Медовый мѣсяцъ Іоанны былъ горекъ. Изъ Нидерландовъ доходили до испанскаго двора такіе слухи о королевѣ Іоаннѣ, которые были способны сильно обезпокоить Изабеллу насчетъ спасенія души ея дочери. Прошло не болѣе года послѣ отъѣзда Іоанны изъ Испаніи и ея мать посылаетъ уже Томаса де Матіенцо, субпріора монастыря св. Креста, въ Брюссель, къ своей дочери: Томасъ долженъ удостовѣриться, справедливы ли слухи о поведеніи королевы, и если справедливы, онъ долженъ употребить усилія, чтобъ возвратить дочь Изабеллы на правый путь. Донесенія субпріора Изабеллѣ сохранились. Томасъ нашелъ Іоанну «въ полномъ здоровьи», онъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что «слухи преувеличены», что она не стала еще «еретичкой», что богослуженіе при ея дворѣ продолжается и «даже соблюдается съ большею строгостью». Но духовный посолъ извѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Изабеллу, что онъ «былъ очень холодно принятъ», что Іоанна «ни разу не спросила его о своей матери или о комъ бы то ни было изъ лицъ испанскаго двора». Томасъ съ трудомъ добился отъ Іоанны отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые онъ дѣлалъ ей отъ лица ея матери: въ рѣзкихъ выраженіяхъ жалуется онъ Изабеллѣ на недостатокъ благочестія въ ея дочери, и въ одномъ изъ послѣднихъ донесеній говоритъ, что «Іоанна не подвергаетъ себя даже исповѣди».

Въ глазахъ Изабеллы подобное поведеніе Іоанны являлось религіознымъ преступленіемъ. Изабелла сожгла тысячи своихъ подданныхъ за болѣе мелкія провинности въ дѣлѣ религіи. Конечно, Іоанна, супруга чужестраннаго государя, не была

[1]) I. 74. № 112; I. 110. № 143. [2]) I. 114. № 147. [3]) I. 439. № 553. [4]) I. 268. № 321.

подсудна испанскимъ законамъ и инквизиціонныя наказанія были неприложимы къ ней. Но потерпитъ ли Изабелла, чтобъ еретичка была наслѣдницей ея кастильской короны? Допуститъ ли она, чтобъ Іоанна уничтожила въ Испаніи святое дѣло инквизиціи? Въ глазахъ Изабеллы ея дочь была преступницей противъ Бога. Ненависть матери къ Іоаннѣ не знаетъ границъ, и Изабелла находитъ, что необходимо принять мѣры къ устраненію еретички отъ престола Кастиліи. Отецъ Изабеллы и все испанское духовенство заинтересованы въ томъ, чтобы разжечь ненависть Изабеллы къ Іоаннѣ и, такимъ образомъ, лишить ее правъ на корону въ Испаніи.

Изабелла была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя твердо идутъ къ предположенной цѣли. Признавая свою дочь еретичкою, слушая доносы инквизиціи на Іоанну и клеветы Фердинанда на свою дочь, Изабелла рѣшилась устранить Іоанну отъ испанской короны. Въ 1503 г. кортесамъ былъ предложенъ проектъ закона, въ силу котораго, по смерти Изабеллы, правителемъ Кастиліи становится Фердинандъ, въ случаѣ «отсутствія, нежеланія или *неспособности* Іоанны принять на себя бразды правленія» [1]). Кортесы единогласно приняли это предложеніе, которое позже было повторено въ духовномъ завѣщаніи Изабеллы и утверждено папою. Но какъ въ Испаніи, такъ и въ Римѣ, какъ кортесамъ, такъ и папѣ, Изабелла не могла указать настоящую причину подобнаго распоряженія: инквизиція была всѣми ненавидима, и оппозиція Іоанны противъ подобнаго учрежденія была бы съ восторгомъ принята большинствомъ, являлась бы въ глазахъ массы наилучшею рекомендаціею правъ Іоанны на престолъ Кастиліи. Необходимо было выдумать какой-либо мотивъ, который могъ бы оправдывать распоряженіе Изабеллы, и, позже, такимъ мотивомъ было выставлено сумасшествіе Іоанны.

Изабелла умерла 26-го ноября 1504 года въ Medino del Campo [2]); Іоанна находилась въ это время въ Брюсселѣ. Ве-

[1]) Zurita, VI, lib. 6, cap. 4. [2]) I. 339, № 409.

черомъ того же дня Фердинандъ вышелъ къ народу и торжественно объявилъ, что снялъ съ своей головы корону Кастиліи, такъ какъ она принадлежитъ уже его дочери, но, согласно распоряженію Изабеллы и кортесовъ, будетъ продолжать править кастильскимъ королевствомъ въ качествѣ намѣстника и регента [1]). Въ январѣ 1505 г. Фердинандъ произнесъ рѣчь къ кортесамъ, собравшимся въ Торо, и былъ признанъ ими въ качествѣ регента [2]). Филиппъ протестовалъ противъ этой рѣчи Фердинанда и противъ принятыхъ имъ мѣръ. Въ инструкціи, данной нидерландскому послу, Филиппъ прямо и откровенно объявилъ, что «Фердинандъ выдумалъ и распространяетъ ложный слухъ о помѣшательствѣ своей дочери единственно съ тою цѣлью, чтобы имѣть предлогъ завладѣть правленіемъ Кастиліи».

Эта инструкція Филиппа чрезвычайно важна: изъ нея мы узнаемъ, что слухъ о помѣшательствѣ Іоанны былъ пущенъ еще при жизни ея супруга, когда она была несомнѣнно «въ полномъ умѣ и здравой памяти», что этотъ слухъ исходилъ отъ ея отца, Фердинанда, и, наконецъ, что этотъ слухъ былъ нуженъ ему для объявленія себя правителемъ Кастиліи.

Началась борьба. Одинъ арагонецъ, подосланный Фердинандомъ, выманилъ отъ Іоанны собственноручное письмо, которымъ она предоставляла своему отцу управленіе Кастиліей. Письмо это было перехвачено Филиппомъ: арагонецъ былъ казненъ, Іоанна была лишена свободы и заточена въ отдаленный замокъ подъ строгій надзоръ, Филиппъ заключилъ договоръ съ Франціею [3]). Англійскій король, защищая права Фердинанда на регентство въ Кастиліи, требовалъ освобожденія Іоанны [4]); но въ то же время заключилъ договоръ съ нею, какъ съ королевою кастильскою [5]), а не съ ея регентомъ, и тѣмъ призналъ, что считаетъ Іоанну способною къ управленію.

---

[1]) Peter Martyr, № 279. [2]) I, 355, № 432. [3]) Zurita, VI, 6, 8. [4]) Ut illa potuisset esse in sua libertate. I, 355, № 632. [5]) I. 385, № 455; 387, № 461.

Еще въ началѣ 1505 г. Филиппъ намѣревался ѣхать въ Испанію [1]), но былъ удержанъ необходимыми приготовленіями къ предстоявшей борьбѣ. Весною 1506 г. Филиппъ и Іоанна прибыли въ Испанію, чтобъ силою изгнать Фердинанда изъ Кастиліи. Гранды Испаніи подѣлились сперва между двумя соперниками, довольно равномѣрно, но чѣмъ болѣе углублялся Филиппъ внутрь страны, тѣмъ болѣе рѣдѣли ряды приверженцевъ регента. Фердинандъ, привыкшій въ теченіе многихъ уже лѣтъ не встрѣчать препятствій своей волѣ, приходилъ въ бѣшеную ярость, испытывая рядъ неудачъ въ одномъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ своей жизни; набросивъ на себя простую «capa y spada», онъ готовъ былъ одинъ идти на борьбу съ своимъ зятемъ! Но ярость и злоба скоро прошли у Фердинанда; холодная разсчетливость, никогда не измѣнявшая Фердинанду, даровала ему и на этотъ разъ побѣду.

Когда въ Кастиліи образовалась новая партія, желавшая устранить обоихъ претендентовъ и возвесть на престолъ Іоанну, какъ единственную законную наслѣдницу Изабеллы, Фердинандъ понялъ, что изъ двухъ враговъ дочь была опаснѣе зятя: Іоанна, по рожденію, была испанскою инфантою и, по кастильскимъ законамъ, одна имѣла право на наслѣдство своей матери. Филиппъ же былъ иностранецъ, узурпаторъ, который могъ имѣть въ Испаніи временной успѣхъ, но никогда не могъ пріобрѣсти постоянныхъ приверженцевъ. Въ виду такихъ соображеній, Фердинандъ справедливо рѣшилъ, что ему слѣдуетъ соединиться съ менѣе опаснымъ противникомъ для взаимнаго дѣйствія противъ болѣе опаснаго врага. Въ ночь съ 1-го на 2-е іюня 1506 г. прибылъ Фердинандъ въ мѣстечко Villafafila del Varcarcel и тотчасъ же послалъ къ Филиппу особаго посла съ предложеніемъ мира и любви. Послѣ долгихъ переговоровъ, свиданіе обоихъ королей было назначено на 26-е іюня. Фердинандъ оставилъ свою свиту

[1]) I, 348, № 422.

и, сопровождаемый одними более близкими къ нему лицами, поѣхалъ на свиданіе съ зятемъ. Онъ былъ въ простой испанской одеждѣ, на ослѣ, и, по собственнымъ его словамъ, ѣхалъ на свиданіе не съ оружіемъ, но съ «любовью въ сердцѣ и съ миромъ въ рукахъ».

Фердинанду было 54 года; съ виду это былъ добродушный старикъ, внушавшій къ себѣ довѣріе. Филиппъ былъ молодъ, важенъ, хотя немного тученъ и потому нѣсколько лѣнивъ въ своихъ движеніяхъ; ему недоставало той тонкости очертаній лица и той свѣжей бодрости, которая необходима для мужской красоты. Окруженный нидерландскими вельможами и испанскими грандами, во главѣ многочисленной толпы вооруженныхъ людей, онъ былъ способенъ импонировать, внушать страхъ... но, конечно, не Фердинанду же. Послѣ первыхъ лобызаній тесть и зять отправились въ церковь. Никто не былъ допущенъ быть свидѣтелемъ ихъ интимной бесѣды. О чемъ они говорили—осталось навсегда тайною: стража, стоявшая у входа въ церковь, видѣла ихъ, до нея долетали нѣкоторые звуки, но она не могла уловить ни одной связной фразы. Фердинандъ говорилъ много, говорилъ съ жаромъ; онъ, казалось, старался убѣдить въ чемъ-то своего собесѣдника. Филиппъ больше слушалъ, его отвѣты были отрывчаты, рѣзки; онъ, казалось, былъ смущенъ тѣмъ, что слышалъ. Кто видѣлъ ихъ выходящими изъ церкви, тотъ не сомнѣвался, что Фердинандъ одержалъ большую интеллектуальную побѣду; кто зналъ Фердинанда, тотъ былъ увѣренъ, что результатъ свиданій окажется не въ пользу Филиппа.

Вотъ почему всѣ были крайне удивлены, когда было объявлено, что Фердинандъ добровольно уступаетъ Филиппу все, чего тотъ требовалъ и ради чего прибылъ въ Испанію. По договору, подписанному въ самый день свиданія, всѣ права на управленіе Кастиліей, безъ всякихъ ограниченій, остаются за Филиппомъ. Къ договору была присоединена секретная статья, въ которой сказано, что Іоанна «не рѣшается» сама

управлять Кастиліей; «если бъ Іоанна, по собственному намѣренію или по уговору постороннихъ лицъ, приняла на себя управленіе Кастиліей, это привело бы страну къ окончательной погибели». Поэтому Фердинандъ и Филиппъ взаимно обязывались употребить всѣ имѣвшіяся у нихъ средства къ тому, чтобъ исключить ее изъ участія въ управленіи Кастильскимъ королевствомъ. Неспособность Іоанны къ правленію объясняется «болѣзнью, опредѣлить которую болѣе точно не дозволяетъ приличіе и санъ королевы». Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что упомянутою болѣзнью намекалось на мнимое помѣшательство Іоанны. Фердинандъ одержалъ, слѣдовательно, побѣду: онъ, не видѣвшій свою дочь въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, убѣдилъ Филиппа, ежедневно бесѣдовавшаго со своею супругою, что она дѣйствительно больна, что Филиппъ напрасно провозглашалъ ложнымъ слухъ объ ея помѣшательствѣ!

Филиппъ съ радостью обнародовалъ виллафафильскій договоръ; онъ и его совѣтники видѣли въ этомъ договорѣ утвержденіе правъ Филиппа на Кастилію, признаніе этихъ правъ Фердинандомъ и огражденіе отъ притязаній Іоанны. Ошибались ли они? Если бъ Филиппъ и его совѣтники не были слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ дипломатическомъ искусствѣ, если бы они лучше знали характеръ Фердинанда, имъ не трудно было бы понять, что Фердинандъ, еще не побѣжденный окончательно, пользующійся свободой, король Арагоніи, владѣтель многихъ земель, не былъ способенъ такъ откровенно, однимъ почеркомъ пера отказаться отъ Кастиліи. Они или не знали, или упустили изъ виду, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, не признающимъ никакихъ обязательствъ, никогда не имѣвшимъ совѣсти, давно уже потерявшимъ всякую честь; они забыли, что имѣютъ дѣло съ Фердинандомъ Католическимъ!

Такая грубая опрометчивость со стороны Филиппа не осталась безнаказанною. Подписывая виллафафильскій дого-

воръ, Фердинандъ уже сознавалъ, что никогда его не исполнитъ; онъ уже въ то время рѣшилъ, что этотъ договоръ ни къ чему его не обязываетъ. Поѣздка на ослѣ «съ любовью въ сердцѣ и съ миромъ въ рукахъ» была заранѣе обдуманною комедіею. Онъ не напрасно являлся въ лагерь своего противника безоружный, безъ свиты: все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобъ имѣть возможность сказать, что договоръ подписанъ имъ противъ воли, по принужденію врага, когда онъ былъ захваченъ Филиппомъ въ плѣнъ и, лишенный свободы, долженъ былъ уступить насилію.

Три дня спустя послѣ подписанія договора, 29 іюня, Фердинандъ обнародовалъ свой протестъ. Въ этомъ протестѣ Фердинандъ, между прочимъ, говоритъ, что Филиппъ несправедливо и безбожно поступаетъ съ его дочерью, своею супругою, что Филиппъ держитъ ее въ заточеніи, не имѣя на то никакого права, *ни малѣйшаго повода*, что онъ, Фердинандъ, вопреки вынужденному у него договору, считаетъ своею нравственною обязанностью освободить Іоанну и возвести ее на принадлежащій ей тронъ Кастиліи. Этотъ протестъ подписанъ королемъ Фердинандомъ, тѣмъ самымъ, который первый объявилъ Іоанну помѣшанною. Какое же значеніе, какую вѣру можемъ мы придавать слухамъ о помѣшательствѣ Іоанны, когда тѣ самыя лица, которыя распространяли этотъ слухъ, объявляютъ его ложнымъ, коль скоро ихъ интересы не нуждаются болѣе въ подобномъ слухѣ?

Заявивъ свой протестъ противъ виллафафильскаго договора, написаннаго «вслѣдствіе насилія», Фердинандъ покинулъ [illegible]спанію и уѣхалъ въ Италію: онъ не желалъ своимъ присутствіемъ въ Испаніи дать поводъ думать, что онъ интригуетъ [illegible]ротивъ своего «возлюбленнаго зятя». Фердинандъ дѣйстви[illegible]льно уѣхалъ въ Неаполь: но въ Испаніи остался Людовикъ [illegible]ррера, состарѣвшійся на службѣ у Фердинанда, его любимецъ, наперсникъ его задушевныхъ мыслей, исполнитель его [illegible]лѣ[illegible], человѣкъ безчестный, столь же безсовѣстный,

какъ его государь, столь же набожный католикъ, какъ Фердинандъ. Феррера былъ оставленъ при Филиппѣ въ качествѣ посла Фердинанда. Онъ имѣлъ порученіе «блюсти интересы Фердинанда» вообще и особенно заботиться о томъ, чтобъ примирить Филиппа съ Іоанною, стараться напомнить ему его обязанности къ ней, какъ къ супругѣ. Въ инструкціи, данной по этому поводу, Фердинандъ приказывалъ Феррерѣ заявить Филиппу, чтобъ онъ лучше обходился съ Іоанной. Фердинандъ убѣжденъ, что отъ этого много зависитъ ея выздоровленіе. Если Филиппъ вновь начнетъ рѣчь о помѣщеніи Іоанны въ какую-либо крѣпость [1]), то Феррера долженъ категорически отвѣчать, что Фердинандъ никогда на то не согласится [2]).

Что было сдѣлано Феррерой для семейнаго счастья Филиппа и Іоанны—неизвѣстно; но что Феррера соблюлъ интересы Фердинанда—это не подлежитъ сомнѣнію. Феррера оказалъ Фердинанду громадную услугу, не слишкомъ отяготивъ свою совѣсть: едва Фердинандъ достигъ Неаполя, какъ прибылъ гонецъ отъ Ферреры съ извѣстіемъ, что Филиппъ скончался: Филиппъ не долго мучился: онъ захворалъ въ субботу вечеромъ, а въ пятницу по утру онъ умеръ. Всѣ были убѣждены, что Филиппъ умеръ отъ отравленія; ни для кого не было тайной, что ядъ Ферреры ускорилъ переходъ Филиппа изъ юдоли плача въ лучшій міръ. Врачи, бальзамировавшіе трупъ, не нашли, конечно, слѣдовъ яда; судъ не могъ, конечно, вмѣшаться въ это дѣло, какъ того требовалъ народъ, такъ какъ самое дѣло было «слишкомъ щекотливо». Подозрѣніе было столь сильно, улики столь очевидны, обвиненіе столь громко, страхъ, что преступленіе откроется, былъ такъ великъ, что преступники, приговоренные къ смертной казни, получали прощеніе, если соглашались дать показаніе, что Филиппъ, какъ то имъ «положительно извѣстно», умеръ отъ bocado, отъ ужа-

[1]) Si por aventura se fablasse en poner en alguna fortaleza a la reyna, mi fija, como ya hovieron platicado en ello.

[2]) I, 389. № 470.

лѣнія... Феррера былъ старъ; на его совѣсти лежало уже такъ много темныхъ дѣлъ; его душа уже была обременена столькими тяжкими грѣхами, что смерть одного лишняго человѣка не могла слишкомъ отяготить совѣсть, обременить душу любимца Фердинанда.

Какъ подѣйствовало на Іоанну извѣстіе о смерти ея супруга? Филиппъ былъ дурнымъ мужемъ. Іоанна много терпѣла отъ него. Есть, однако, женщины, которыя любятъ даже недостойныхъ мужей; Іоанна была изъ числа такихъ женщинъ—она любила Филиппа, любила его страстно, но сознательно, разумно; это не была любовь женщины, лишенной разсудка. Лица, бывшія близкими къ Филиппу, присутствовавшія при его кончинѣ, ничего не знаютъ о болѣзни Іоанны. Maquereau, экономъ при дворѣ Филиппа, подробно описываетъ кончину своего государя [1]) и ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ умственномъ разстройствѣ Іоанны. Іоаннъ Лосскій, аббатъ монастыря св. Лаврентія близъ Льежа, слышалъ коечто о сумасшествіи, но полагаетъ, что Филиппъ, а не Іоанна, страдалъ этимъ недугомъ [2]). Петръ Мученикъ, съ такою любовью останавливающійся на придворныхъ слухахъ и сплетняхъ, ни слова не говоритъ о сумасшествіи Іоанны, хотя его письма относятся ко времени смерти Филиппа. Одинъ Сандоваль упоминаетъ о болѣзни Іоанны. Сандоваль писалъ свою исторію Карла V въ XVIII стол., 200 лѣтъ спустя по смерти Филиппа; его сочиненіе состоитъ изъ 1500 стр. in-folio, и о важнѣйшемъ событіи въ жизни матери его героя упомянуто лишь въ 37 словахъ. Сандоваль пользовался документами, которые не сохранились до нашего времени, и тѣмъ не менѣе упоминаетъ о сумасшествіи Іоанны, какъ о слухѣ, прибавляя всегда подозрительное «какъ говорится»—puer dicen. Какую же историческую цѣну можетъ имѣть подобное извѣстіе?

[1]) Traité et Recueil de la maison de Bourgoigne.

[2]) Rex autem Philippus per suam uxorem, ut putatur, dementatus, infeliciter... vitam amisit et regnum

Ясно, что Сандоваль самъ не довѣряетъ ему, не желаетъ на немъ останавливаться и, едва отмѣтивъ, спѣшитъ перейти къ другимъ вопросамъ.

Іоанна осталась вдовою. Она была молода—ей было 30 лѣтъ, и богата — королевство Кастильское было ея приданымъ. Естественно, что явились женихи, претенденты на ея руку, въ числѣ которыхъ былъ Генрихъ VII, король Англіи [1]), и Gaston de Foix, герцогъ Немурскій, поддерживаемый королемъ Франціи [2]). Но Фердинандъ, конечно, ничего не выигралъ бы отъ смерти Филиппа, если бы мѣсто Филиппа занялъ какой-либо Генрихъ или Гастонъ—Фердинандъ даже утерялъ бы: Генрихъ VII и Monsieur de Foix были болѣе опасными противниками, чѣмъ Филиппъ. Понятно, что Фердинандъ не желаетъ вторичнаго брака своей дочери и употребляетъ всѣ усилія, чтобъ отклонить претендентовъ на руку Іоанны.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Фердинандъ, видя въ Филиппѣ своего врага, торжественно объявлялъ, что Филиппъ ложно приписываетъ своей супругѣ умственное разстройство и что его зять желаетъ лишь воспользоваться правами его дочери на корону Кастиліи. Теперь, когда Филиппа уже нѣтъ въ живыхъ, Фердинандъ снова прибѣгаетъ къ слуху, нѣкогда имъ же распущенному, и, «съ глубокою горестью», пишетъ въ Англію и Францію такія извѣстія о своей дочери, которыя, по своей умышленной двусмысленности, не оставляютъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о сумасшествіи Іоанны, о чемъ ему, какъ отцу, было бы больно высказаться, и онъ употребляетъ намеки, хотя и довольно прозрачные, но, тѣмъ не менѣе, щадящіе его отцовскую нѣжность къ дочери.

Къ счастью для исторической истины, мы имѣемъ возможность не только опровергнуть справедливость этихъ намековъ, но доказать ихъ ложь. Насколько же эти намеки

[1]) I, 405, № 502; 412, № 514; 427, № 541; 435. № 551; 438, № 552.
[2]) I, 419, № 526; 435, № 551; 437, № 552.

были прозрачны, можно заключить изъ того, что испанскій посолъ при англійскомъ дворѣ, получивъ отъ Фердинанда первое увѣдомленіе о болѣзни Іоанны, въ которомъ онъ говоритъ лишь, что «желаніе короля (Генриха VII) жениться на королевѣ Кастильской должно держать въ секретѣ, потому что если Іоанна услышитъ что-либо объ этомъ, то непремѣнно воспротивится; никто лучше меня ее не знаетъ» [1]), отвѣчаетъ депешей, въ которой прямо говорится о сумасшествіи: онъ находитъ, что Генрихъ VII для Іоанны будетъ хорошимъ мужемъ, «если даже ея умопомѣшательство окажется неизлѣчимымъ», такъ какъ «англичане вообще придаютъ мало значенія ея сумасшествію», особенно когда посолъ увѣрилъ ихъ, что «сумасшествіе не мѣшаетъ ей рожать дѣтей» [2]). Быть можетъ, англичане не придавали значенія сумасшествію Іоанны потому, что не довѣряли слухамъ; но мы можемъ опровергнуть эти слухи положительными фактами.

Извѣщая Генриха VII о высылкѣ слѣдуемыхъ ему денегъ, Фердинандъ объясняетъ свою медленность въ этомъ отношеніи тѣмъ, что деньги имъ были переданы Филиппу, который «внезапно» умеръ, и высылка денегъ замедлилась, такъ какъ Іоанна, «убитая горемъ, *не могла подписатъ необходимой бумаги*», самъ же Фердинандъ былъ въ то время въ Италіи [3]). Это ложь: въ одномъ изъ своихъ писемъ самъ Фердинандъ удостовѣряетъ, что, вслѣдъ за смертью Филиппа, «Іоанна писала ему въ Италію и звала его въ Испанію» [4]).

Фердинандъ, извѣщая своего посла въ Англіи о своемъ возвращеніи въ Испанію, разсказываетъ, что «Іоанна, въ день Новаго Года, принуждала испанскихъ грандовъ оказывать трупу Филиппа всѣ королевскія почести, какъ будто бы онъ былъ живой человѣкъ» [5]). Это опять ложь: въ то время Іоанна была въ заточеніи и ни одинъ грандъ Испаніи

[1]) I, 405, № 502. [2]) I. 409. № 511. [3]) I. 403, № 501. [4]) I. 404, № 502.
[5]) I, 453, № 577.

не могъ ее видѣть; Іоанна была лишена свободы еще при жизни Филиппа, по смерти же его Іоанна тотчасъ же была захвачена Феррерой.

Фердинандъ упоминаетъ о томъ, что Іоанна. тотчасъ по смерти Филиппа, *отправилась* изъ Бургоса въ Тордесиллу и что она *увезла съ собою трупъ Филиппа, не дозволяя его похоронить*[1]). И то, и другое справедливо, но въ обратномъ смыслѣ: Іоанна была отправлена въ Тордесиллу и рядомъ съ ея каретой везли трупъ ея супруга. Іоанна была лишена свободы дѣйствія, она была плѣнницей, съ которою дѣлали, что̀ хотѣли и что̀ находили необходимымъ для приданія бо̀льшаго вѣроятія ея сумасшествію.

Въ Симанкасскомъ архивѣ не сохранилось актовъ, относящихся до путешествія Іоанны именно изъ Бургоса въ Тордесиллу, но сохранилось письмо тюремнаго надзирателя королевы о путешествіи Іоанны изъ Тордесиллы въ Торо: «Путешествіе должно быть совершено такъ, какъ я уже писалъ, т.-е. ея величество должна быть отправлена отсюда въ 11 или въ 12 часовъ ночи и до разсвѣта должна быть отвезена въ мѣстечко Педрозу, лежащее въ трехъ миляхъ. Тамъ она должна оставаться цѣлый день, пока не стемнѣетъ. Въ слѣдующую ночь она должна быть отправлена изъ Педрозы и въ ту же ночь прибыть въ Торо. Всѣ мѣры будутъ приняты къ тому, чтобъ никто не видѣлъ ея величество, когда она изволитъ прибыть въ Торо». Что это такое? Добровольное ли это путешествіе королевы или пересылка плѣнницы? Іоанна, будучи уже въ плѣну, равнымъ образо̀мъ не можетъ подлежать отвѣтственности за то, что трупъ Филиппа сопровождалъ ее во время переѣзда изъ одного за̀мка въ другой. Эта пересылка трупа Филиппа вмѣстѣ съ живою Іоанною не такъ безразсудна, какъ то можетъ показаться съ перваго раза.

Филиппъ умеръ въ Бургосѣ; трупъ его долженъ былъ быть

1) Ibid., I, 459, № 586.

отвезенъ въ Гренаду, въ королевскій склепъ; такъ какъ Тордесилла лежитъ на пути изъ Бургоса въ Гренаду, то эскорта, сопровождавшая Іоанну, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ охранять трупъ ея супруга. Этимъ достигались двѣ цѣли: сбереженіе расходовъ на перевозку трупа и усиленіе въ народѣ увѣренности въ сумасшествіе Іоанны. Въ настоящее время всѣ правительства заботятся о сбереженіи; 350 лѣтъ назадъ, когда недостатокъ въ деньгахъ былъ хроническою болѣзнью, испанское правительство прибѣгало ко всевозможнымъ средствамъ для сбереженія нѣсколько тысячъ скуди. Хотя весьма вѣроятно, что финансовыя соображенія заставляли перевозить королеву и трупъ ея супруга вмѣстѣ, въ одно время, тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что при этомъ имѣлись въ виду и иныя цѣли. Огромныя дроги, освѣщаемыя факелами, и сзади ихъ королева, о которой уже ходили фантастическіе слухи, все это должно было производить глубокое впечатлѣніе на воображеніе народа и дѣлать его болѣе довѣрчивымъ къ подобнымъ слухамъ, какъ бы ни были они невѣроятны.

Подобная догадка не безосновательна. Трупъ Филиппа оставался нѣсколько лѣтъ въ Тордесиллѣ, такъ какъ могила въ Гренадѣ не была готова; но трупъ хранился не въ томъ замкѣ, въ которомъ была заключена королева, а въ монастырѣ св. Клары, куда Іоанна ни разу не была допущена. Іоанна часто разговаривала съ маркизомъ Деніа о своемъ супругѣ; она всегда называла его «покойнымъ», никогда не говорила о немъ, какъ о живомъ, никогда не высказывала надежды, что онъ оживетъ, всегда съ полнымъ сознаніемъ, что Филиппъ умеръ, говорила объ этомъ вопросѣ, какъ всякая вдова говоритъ о смерти своего супруга. Такъ какъ она въ теченіе пятнадцати лѣтъ ни разу не высказала желанія увидѣть трупъ своего мужа, который стоялъ лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея жилища, то изъ этого можно уже судить, насколько Фердинандъ говорилъ правду, увѣряя англійскаго короля, что

Іоанна не дозволяетъ хоронить трупъ Филиппа. Если маркизъ Деніа въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу говоритъ, что при перевозкѣ Іоанны въ Аревало онъ думаетъ взять также трупъ Филиппа, для чего велитъ исправить дроги, то при этомъ, конечно, имѣлись иныя цѣли въ виду, никакъ не желаніе исполнить волю Іоанны.

Фердинандъ пережилъ Филиппа девятью годами. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ Іоанна содержалась въ столь строгомъ заточеніи, что ничего не знала о перемѣнахъ, совершавшихся за стѣнами за̀мка; равнымъ образомъ никто въ мірѣ не зналъ, что дѣлалось внутри тѣхъ стѣнъ. Іоанна не знала даже о смерти своего отца.

По смерти Фердинанда и до прибытія Карла въ Испанію кардиналъ Циснерій управлялъ страною въ качествѣ вице-короля Кастиліи. Циснерій отправилъ въ Тордесиллу одного епископа, близкое и пользовавшееся его довѣріемъ лицо, съ секретнымъ порученіемъ наблюсти, чтобы королева Іоанна содержалась во всемъ согласно съ предписаніями покойнаго Фердинанда. Прибывъ въ Тордесиллу, епископъ нашелъ, что Феррера жестоко обходился съ Іоанной и что его жестокость угрожала «здоровью и жизни» королевы. Феррера немедленно былъ отрѣшенъ отъ должности тюремщика королевы Іоанны. Слагая съ себя званіе главнаго надзирателя за королевой, Феррера, въ то же время, отправилъ къ вице-королю оправдательное посланіе, въ которомъ выставлялъ себя невиннымъ человѣкомъ, напрасно гонимымъ, и при этомъ откровенно сознавался, что по повелѣнію Фердинанда употреблялъ противъ королевы la cuerda.

Что это такое? La cuerda, веревка, особый родъ пытки, очень обыкновенный въ Испаніи того времени: веревкой, прикрѣпленной къ потолку, связывали руки и, при помощи блока, подымали жертву на нѣсколько футовъ отъ пола, при чемъ къ ногамъ привѣшивали тяжести. Эта «пытка веревкой» была однимъ изъ безчеловѣчнѣйшихъ измышленій звѣрской инкви-

зиціи. У подвергаемаго этой пыткѣ хрустѣли суставы, вытягивались члены, вырывались руки, все туловище раздиралось нерѣдко на части. По приказанію Фердинанда, Іоанну не разъ вздергивали, пытали веревкой; ея мученія должны были увеличиваться вслѣдствіе сознанія, что ее пытаютъ по приказанію отца.

Кардиналъ Цисперій увѣдомилъ объ этомъ Карла и просилъ утвердить отставку Ферреры. Каково же было Карлу читать донесеніе о страшныхъ пыткахъ, которымъ подвергали его мать, женщину, въ мукахъ его родившую и грудью своею вскормившую его? Если Іоанна дѣйствительно лишена разсудка, то жестокость пытки не вызоветъ ли въ сердцѣ сына ожесточенія противъ мучителей его несчастной матери?

Отвѣтъ Карла на донесеніе Цисперія сохранился: Карлъ не только не высказалъ ни однимъ словомъ своего неудовольствія на Ферреру, но укорялъ еще епископа и кардинала за то, что они суются не въ свое дѣло: «Такъ какъ заботы о чести, спокойствіи и утѣшеніи королевы, моей государыни, лежатъ на мнѣ и ни на комъ болѣе, то тѣ, которые вмѣшиваются въ это дѣло, выказываютъ лишь свои дурныя намѣренія». Намъ остается лишь напомнить еще разъ, что это пишетъ сынъ, котораго извѣстили, что его мать подвергаютъ мучительной пыткѣ.

Неужели кардиналъ Цисперій выказалъ болѣе состраданія къ Іоаннѣ, чѣмъ ея собственный сынъ? Къ сожалѣнію, и этого нельзя сказать,—заботливость кардинала проистекала изъ совершенно иного источника. Цисперій былъ злой человѣкъ и слишкомъ католическій кардиналъ, чтобъ въ его душу могло проникнуть сожалѣніе о королевѣ-еретичкѣ; но онъ былъ заклятый врагъ всей арагонской партіи и въ особенности Ферреры. Несмотря на приказаніе Карла, онъ смѣнилъ Ферреру и назначилъ въ тюремные надсмотрщики надъ королевой Эстраду, который и занималъ эту должность до 1518 г., когда императоръ Карлъ посѣтилъ свою мать въ Тордесиллѣ и на-

значилъ надзирателемъ за личностью королевы маркиза Деніа (Don Bernardo de Sandoval y Royas).

Съ этихъ поръ извѣстія о королевѣ становятся болѣе полны и подробны. Письма маркиза къ императору заключаютъ въ себѣ точныя извѣстія, почти день за днемъ, о томъ, что̀ происходитъ внутри тордесилльскаго за̀мка. Переписка между императоромъ Карломъ и маркизомъ Деніа касается вопроса чрезвычайно щекотливаго; только маркизъ и императоръ знаютъ, что Іоанна совершенно здорова, для всего остальнаго міра она должна быть женщиной, страдающей умственнымъ разстройствомъ. Императоръ пишетъ маркизу, отъ 19-го апрѣля 1518 года, что онъ не долженъ разговаривать съ королевою въ присутствіи постороннихъ лицъ, ни даже при тѣхъ женщинахъ, которыя присматриваютъ за нею, и затѣмъ прибавляетъ: «и обо всемъ, что̀ касается ея величества, вы не должны писать къ кому-либо, кромѣ какъ ко мнѣ, и должны пересылать ваши письма съ вѣрнымъ гонцомъ, такъ какъ это дѣло чрезвычайно для меня важно и само по себѣ довольно щекотливо». Маркизъ Деніа не замедлилъ отвѣтомъ: отъ 27-го того же мѣсяца онъ отвѣчаетъ, что вполнѣ сознаетъ, какъ важно сохранить это дѣло въ строгой тайнѣ, что поэтому онъ всѣ подобныя письма пишетъ собственною рукою, не считая возможнымъ посвятить въ эту тайну даже своего секретаря. «Никто ничего не узнаетъ о настоящемъ положеніи королевы». Маркизъ писалъ инфанту Фердинанду, младшему сыну Іоанны, передъ его отъѣздомъ во Фландрію, но ничего не высказалъ въ своемъ письмѣ, «и если бы инфанта оставили въ Испаніи хоть сто лѣтъ, то онъ ничего отъ меня не узнаетъ о томъ, что̀ здѣсь происходитъ». Но Карлъ долженъ былъ получать донесенія изъ Тордесиллы; этого требовали придворные обычаи и политическія соображенія, это было необходимо для устраненія всякаго подозрѣнія и могущихъ возникнуть толковъ. Поэтому между Карломъ и Деніа велась постоянно двойная переписка одни письма предназначались для всѣхъ,

другія только для Карла. Если дѣйствительное состояніе королевы скрывали даже отъ инфанта Фердинанда, сына Іоанны и брата Карла, то понятно, что истинное положеніе дѣла можетъ быть узнано только изъ тѣхъ писемъ, которыя предназначались для одного Карла. Въ письмахъ для всѣхъ не заключается ничего важнаго: въ нихъ говорится преимущественно о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, о королевѣ же упоминается лишь вскользь, въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—«королева находится въ томъ же положеніи», «королевѣ нѣсколько лучше», «королева чувствуетъ себя хуже» и т. п.

Такъ называемый «дворецъ» въ Тордесиллѣ былъ довольно миніатюрный зàмокъ, какіе обыкновенно строились въ XV стол. Южная сторона его выходитъ на р. Дуеро, черезъ которую перекинутъ передъ самымъ зàмкомъ каменный мостъ. За мостомъ—пески; видъ изъ зàмка скучный, монотонный. Зàмокъ построенъ въ мѣстности нездоровой; климатъ ея трудно выносить: зимой—холодный вѣтеръ, лѣтомъ—невыносимый жаръ. Въ зàмкѣ обычное испанское расположеніе комнатъ: огромный залъ, окнами на рѣку, и нѣсколько небольшихъ, узкихъ, дурно освѣщенныхъ комнатъ; вентиляціи никакой. Іоанна занимала одну изъ небольшихъ комнатъ. Въ остальныхъ помѣщались дочь королевы, малютка инфанта Каталина, маркизъ Денія, его жена и дѣти, духовный отецъ и наставникъ инфанты, женщины, ходившія за королевой, и прислуга зàмка. Огромный залъ предназначался собственно для королевы, но маркизъ Денія запретилъ ей входить въ него,—«окна залы велики, проходящіе могутъ увидѣть королеву, могутъ услышать ея голосъ, если бъ она закричала о помощи». День и ночь Іоанна оставалась въ небольшой, темной комнатѣ безъ оконъ, днемъ и ночью освѣщенной лампадой.

На расходы по содержанію королевы Кастильской въ тордесилльскомъ зàмкѣ отпускалось первоначально 30 тысячъ скуди, затѣмъ 28 тысячъ и менѣе. Ни одинъ изъ испанскихъ

грандовъ того времени не проживалъ менѣе 40 тысячъ. Кромѣ того, изъ суммы, назначаемой для королевы, уплачивалось содержаніе маркиза, его семьи и всей прислуги зàмка. Удивительно ли, что Іоанна часто нуждалась въ самомъ необходимомъ?

Число женщинъ, ходившихъ за королевою, никогда не было менѣе двѣнадцати, иногда же гораздо болѣе. Не легко держать въ повиновеніи одну женщину; но смотрѣть за такимъ числомъ было довольно трудно, а при томъ положеніи, въ которомъ онѣ находились, это являлось почти невозможнымъ. Маркизъ Деніа часто жаловался Карлу на «необузданность нрава» этихъ тюремщицъ королевы: «онѣ всѣ очень дурныя женщины». Еще бы! хорошія никогда не приняли бы на себя такой обязанности. Если маркизъ давалъ выговоръ которой-либо изъ нихъ, тотчасъ всѣ бунтовались, «какъ солдаты», и объявляли, что «непріятность, постигшая одну изъ нихъ, оскорбляетъ всѣхъ». Впрочемъ, женщины и здѣсь оставались женщинами. Свадьба, крестины, похороны кого-либо изъ самыхъ отдаленныхъ родственниковъ этихъ надзирательницъ королевы приводили маркиза въ отчаяніе: женщины уходили изъ зàмка въ городъ и передавали своимъ подругамъ и знакомымъ «нескромныя» подробности о королевѣ; возвращаясь же въ зàмокъ, онѣ разговаривали между собою о томъ, чтò дѣлается внѣ зàмка—«и все это въ присутствіи королевы!» Маркизъ приказалъ-было часовымъ не выпускать никого изъ зàмка,—солдаты его не слушались. Маркизъ жалуется королю, что члены тайнаго совѣта спрашивали его о такихъ вещахъ, которыя они могли узнать единственно отъ Аларсона, жена котораго была одною изъ дамъ, состоявшихъ въ тюремномъ штатѣ королевы. «Не хорошо держать во дворцѣ замужнихъ женщинъ, особенно же женъ членовъ тайнаго совѣта». Почему же не хорошо? «Потому что крайне необходимо, чтобы все, чтò происходитъ во дворцѣ, оставалось тайною для всѣхъ, особенно для членовъ тайнаго совѣта». Если королева дѣйствительно страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способно-

стей, то этого незачѣмъ держать въ секретѣ, такъ какъ объ этомъ было уже не разъ оффиціально объявлено. Но такъ какъ она совершенно здорова и лишь выдается за помѣшанную, то мы понимаемъ, почему «никто и особенно члены тайнаго совѣта» не должны знать истины: въ 1518 и въ двухъ слѣдующихъ годахъ положеніе Карла въ Испаніи было еще не твердо.

При такомъ образѣ жизни, лишенная свѣта, воздуха, движенія, королева, хворая отъ природы, часто бывала больна, но къ ней никогда не допускали врача. Въ 1519 году маркизъ пишетъ Карлу: «Ея величество изволили въ теченіе десяти дней страдать лихорадкою и желали, чтобы былъ приглашенъ врачъ; но такъ какъ лихорадка стала уменьшаться, то я не счелъ нужнымъ звать врача». Убійственная логика: такъ какъ лихорадка стала уменьшаться, то маркизъ не считалъ нужнымъ приглашать медика въ теченіе тѣхъ десяти дней, когда лихорадка была сильна. У инфанты Каталины, вслѣдствіе дурного, въ гигіеническомъ отношеніи, ухода за нею, обнаружилась чесотка; ее лѣчили домашними средствами, запустили болѣзнь и малютка занемогла довольно опасно. Помощь врача крайне необходима; впускъ въ зàмокъ посторонняго лица воспрещенъ; какъ быть? Въ городѣ Тордесиллѣ жилъ докторъ Сото, дряхлый старикъ, бывшій нѣкогда лейбъ-медикомъ королевы Іоанны Когда королева была заточена, Сото былъ отставленъ и лишился жалованья. Такъ какъ Сото, вѣроятно, догадывался, если только не зналъ положительно, о настоящемъ состояніи королевы, то маркизъ Денія находилъ, что слѣдуетъ выбрать изъ двухъ золъ меньшее: пригласить Сото все-таки лучше, чѣмъ совершенно постороннее лицо. Но при этомъ маркизъ считаетъ необходимымъ подкупить доктора возвращеніемъ ему прежняго содержанія.

Если въ тордесилльскомъ зàмкѣ не было ни одного врача, зато былъ излишекъ въ священникахъ: монахъ Хуанъ де Авила жилъ постоянно во дворцѣ, Антоніо де Виллегасъ и др. часто

навѣщали обитателей зàмка. Карлъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, обратить мать «на путь истинный».

Прежде королева нидерландская отказывалась отъ исповѣди: теперь, тордесилльская плѣнница не хотѣла ни исповѣдываться, ни слушать обѣдни. Маркизъ Деніа пишетъ Карлу отъ 22-го іюня 1518 года: «Что же касается меня, то мы заботимся о томъ непрестанно. Ея величество желаетъ, чтобъ месса служилась въ корридорѣ, гдѣ бы ея величество могла все видѣть, между тѣмъ какъ мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ месса служилась въ комнатѣ, сосѣдней съ покоемъ ея величества. Но въ томъ или другомъ мѣстѣ, месса все-таки скоро будетъ отслужена». Прошла недѣля, и маркизъ отъ 30-го іюня пишетъ Карлу тѣ же однѣ надежды: «Каждый день мы заботимся о мессѣ; если дѣло замедлилось, то единственно потому, что мы желаемъ получить на то добровольное согласіе ея величества. Это было бы самое лучшее; но во всякомъ случаѣ, при помощи Божіей, ея величество скоро услышитъ мессу». Прошло однако же около трехъ мѣсяцевъ, и лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ корридорѣ, какъ того желала королева, была устроена небольшая капелла и въ ней была отслужена месса, на которой присутствовали королева и ея двѣнадцатилѣтняя дочь, инфанта Каталина. Королева была окроплена святою водою, она становилась на колѣни, читала молитвы такъ громко, что всѣ слышали ея голосъ. Когда же, по обычаю мессъ для коронованныхъ особъ, Хуанъ де Авила поднесъ королевѣ евангеліе и распятіе, она не хотѣла взять въ руки ни того, ни другого и произошло небольшое замѣшательство: маркизъ, стоявшій рядомъ съ королевой, шепнулъ ей что-то на ухо, и Іоанна повиновалась. Мы не знаемъ, что маркизъ шепталъ королевѣ: быть можетъ, онъ пригрозилъ ей пыткой, муки которой еще были свѣжи въ ея памяти и слѣды которой еще были видны на ея тѣлѣ; быть можетъ, онъ соблазнилъ ее надеждой быть еще королевой Испаніи и посовѣтовалъ не идти въ раздоръ съ католическимъ обычаемъ страны.

Какъ бы то ни было, но очевидно, что королева дѣйствовала не свободно: какъ только она потеряла всякую надежду стать королевой, она тотчасъ же возстала противъ того религіознаго насилія, которое сносила ради политическихъ цѣлей. Отъ 25-го января 1522 года маркизъ извѣщаетъ императора, что королева пришла изъ своей комнаты въ капеллу, прервала богослуженіе и увела инфанту. Подобныя сцены повторялись часто, и маркизъ считаетъ необходимымъ не только увеличить число священниковъ, но просить Карла дозволить ему употребить «premin» противъ королевы, хотя и прибавляетъ въ письмѣ отъ 23-го марта 1525 г., что «для вѣрноподданнаго тяжело даже подумать употребить подобную мѣру противъ своей верховной государыни». «Premin» есть ни что иное, какъ юридическій инквизиціонный терминъ для обозначенія пытки веревкой «la cuerda», которую уже не разъ испытывала Іоанна. Карлъ не рѣшился дать положительнаго дозволенія, и маркизъ пишетъ ему: «если ваше величество приказываете, чтобъ съ ея величествомъ обходились съ уваженіемъ, то ваше величество поступаете, какъ добрый сынъ; но само собою разумѣется, что я, какъ вассалъ, долженъ дѣлать то, что полезно для ея величества». Карлъ хорошо понималъ незагадочный смыслъ этихъ словъ: уже не разъ маркизъ писалъ ему, что для королевы «была бы болѣе всего полезна пытка», что «и Богу, и ей самой пытка оказала бы услугу», и при этомъ ссылался, какъ мы видѣли, на королеву Изабеллу, которая тоже пытала свою дочь. Карлъ обходилъ этотъ вопросъ молчаніемъ, не отвѣчая на него: но онъ хорошо зналъ, что маркизъ во всякомъ случаѣ прибѣгнетъ къ пыткѣ, если положительно не запретить ему этого, и Карлъ не запрещалъ.

Хуанъ де Авила былъ того мнѣнія, что для спасенія души королевы Іоанны дозволительны всѣ средства, но что какъ только спасеніе ея души будетъ обезпечено, она должна быть окружена любовью и уваженіемъ. Де Авила, очевидно, не по-

нималъ настоящей причины заточенія Іоанны: онъ видѣлъ въ Іоаннѣ еретичку, которая не желаетъ слушать мессу, не признаетъ исповѣди и тѣмъ губитъ свою душу; онъ не подозрѣвалъ, что предъ нимъ политическая преступница, тѣмъ болѣе опасная, что ея права на корону Кастиліи неоспоримы, тѣмъ болѣе несчастная, что ея стремленія не согласуются съ цѣлями ближайшихъ ея родственниковъ. Послѣ того, какъ Іоанна, въ сентябрѣ 1518 г., отслушала мессу, Хуанъ де Авила сталъ ея покорнымъ слугой, ея другомъ; онъ искренно и убѣдительно проситъ Карла не дозволять мучить Іоанну и приказать отдавать своей матери королевскія почести. Но императоръ и его вассалъ ожидали отъ Іоанны большаго, чѣмъ священникъ; они хотѣли отъ Іоанны чего-то другого, что въ ихъ глазахъ было важнѣе слушанія мессы. Чего именно—въ письмахъ о томъ не упомянуто ни единымъ словомъ. Въ довольно обширной перепискѣ ни императоръ, ни маркизъ не обмолвились ни разу, чего именно ожидаютъ они отъ королевы: въ этой перепискѣ встрѣчаются лишь темные намеки и упоминается какая-то инструкція, данная маркизу словесно, въ бытность императора въ Тордесиллѣ. Соображая однако, всѣ политическія обстоятельства того времени, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отъ Іоанны требовали формальнаго отреченія отъ ея правъ на кастильскій престолъ [1]). Хуанъ де Авила, быть можетъ, хорошій служитель алтаря, былъ однако плохой политикъ; онъ до тѣхъ поръ не могъ понять значенія узницы тордесилльскаго дворца, пока, наконецъ, его настоятельныя мольбы къ Карлу по поводу Іоанны не перешли дозволенныхъ тайною предѣловъ: Хуанъ де Авила былъ изгнанъ изъ дворца, изъ Тордесиллы, заключенъ въ монастырь, въ тюрьму, подвергнутъ гоненію, пыткѣ, и скоро его голосъ христіанской любви къ сыну по поводу муки матери заглохъ окончательно, неизвѣстно когда, неизвѣстно гдѣ.

---

[1]) I, 464, № 587.

Младшая дочь королевы Іоанны, инфанта Каталина, находилась постоянно въ Тордесиллѣ при матери, пока не вышла замужъ за португальскаго короля. Каталина родилась въ каретѣ, во время перевозки ея матери изъ Бургоса въ Тордесиллу, ночью, когда передъ каретою ѣхали дроги съ трупомъ ея отца. Съ тѣхъ поръ она не покидала тордесилльскаго дворца, и затворническая жизнь, среди мучителей ея матери, не казалась ребенку тяжелою: она не знала иной жизни. Достигнувъ десятилѣтняго возраста, она начала писать небольшія письма своему старшему брату, Карлу,—письма дышатъ довольствомъ. Міръ, въ которомъ она жила, былъ малъ, но полонъ: маркизъ и маркиза, которые ее такъ любятъ; дѣти маркизы, съ которыми она такъ весело играетъ въ большой залѣ; Хуанъ де Авила, Антоніо, даже дамы, ходившія за ея матерью—всѣ ее любятъ, и чѣмъ же она можетъ бытъ недовольна? Читая эти письма, невольно удивляешься гибкости человѣческой натуры, способной ко всему привыкнуть, вездѣ ужиться, всѣмъ довольствоваться, даже тюрьмой, заточеніемъ, какъ будто чувство свободы не прирождено человѣку! Эти письма—непостижимая загадка.

Загадка, впрочемъ, скоро разъяснилась. Въ августѣ 1521 года, Каталина нашла случай переслать императору письмо помимо маркиза, тайкомъ отъ тордесилльскихъ соглядатаевъ; при письмѣ была приложена тетрадь,—записки, писанныя рукою самой инфанты. Всѣ ея предыдущія письма къ брату были писаны подъ диктовку маркиза, рукою ея водило насиліе, и все, что въ нихъ заключалось, все ложь, ложь и ложь! За нею такъ строго присматривали, что она не могла свободно говорить даже съ женщинами, что̀ надзирали за ея матерью. Всѣхъ, кто только подходилъ къ ней, всѣхъ тщательно обыскивали; она допускалась къ разговору съ кѣмъ бы то ни было не иначе, какъ послѣ обыска,—боялись, чтобъ въ складкахъ ея платья не былъ скрытъ какой-либо исписанный лоскутокъ бумаги. Маркизъ и его супруга обходились съ нею

высокомѣрно, гордо; дочери маркиза глумились надъ нею, оскорбляли, обижали ее—онѣ носили ея платья, украшались ея драгоцѣнностями. Каталина проситъ императора, чтобъ онъ запретилъ мучить ее во дворцѣ ея матери, королевы; она умоляетъ его не удалять Хуана де Авилу, единственнаго человѣка, который способенъ принести утѣшеніе королевѣ въ ея несчастіи. «Христомъ-Богомъ заклинаю ваше величество дозволить королевѣ, моей государынѣ, прогуливаться по корридору и въ той комнатѣ, гдѣ хранятся рогожи, и не запрещать ей входить въ залу, гдѣ она могла бы дышать свѣжимъ воздухомъ». Когда королева входитъ въ комнату Каталины, своей дочери, маркизъ тотчасъ же уводитъ ее прочь, обратно въ темную комнату,—инфанта проситъ императора дозволить королевѣ посѣщать ее. Къ этимъ запискамъ приложено письмо, помѣченное 19 августа; письмо писано неизвѣстною рукою и въ концѣ его приписка: «Прошу извиненія у вашего величества, что письмо писано чужою рукою. У меня нѣтъ болѣе силъ писать!» Эта приписка сдѣлана рукою инфанты Каталины, принцессы австрійскаго дома, будущей королевы португальской...

Іоаннѣ было запрещено говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ ея тюремщика, маркиза Денія. Съ нимъ она часто и много разговаривала: по пяти, по шести часовъ сряду бесѣдовала она съ нимъ о своемъ заточеніи, о политикѣ, о своей семьѣ. Перечитывая донесенія объ этихъ разговорахъ, испытываешь чрезвычайно непріятное чувство, какъ будто находишься въ домѣ умалишенныхъ: лица, давно умершія, встаютъ изъ гробовъ своихъ, дѣйствуютъ среди живыхъ людей, управляютъ судьбами міра; о новыхъ дѣятеляхъ не упоминается, или же ихъ дѣянія представлены въ извращенномъ видѣ; событія, давно закончившіяся, составляютъ интересъ дня, являются какъ бы продолжающимися и занимающими умы всѣхъ, и т. п.

Эти нелѣпости, свойственныя лишь разстроенному раз-

судку, истекали, однако, не отъ Іоанны, но отъ самого маркиза Деніа. Два, три примѣра, какимъ образомъ маркизъ Деніа лгалъ Іоаннѣ, извращалъ ей смыслъ событій, запутывалъ ее: король Фердинандъ умеръ 23 января 1516 г.; маркизъ Деніа, въ теченіе трехъ лѣтъ, до августа 1519 года, говорилъ Іоаннѣ, что ея отецъ живъ; неизвѣстно почему, но Іоанна не довѣряла въ этомъ отношеніи маркизу, не смотря на то, что маркизъ не разъ завѣрялъ справедливость этого своимъ честнымъ словомъ. Вслѣдствіе возстанія, бывшаго въ 1519 году, Карлъ, ради политическихъ цѣлей и приличія, посѣтилъ Іоанну; маркизъ увѣрялъ Іоанну, что Карлъ пріѣзжалъ въ Испанію единственно для того, чтобъ просить Фердинанда, своего дѣда, обходиться съ его матерью не такъ жестоко. Императоръ Максимиліанъ умеръ въ январѣ 1519: спустя полтора года, маркизъ показываетъ Іоаннѣ собственноручное письмо, помѣченное 20 августа 1520 г., и просить Іоанну написать письмо къ Максимиліану.

Что же это такое? зачѣмъ, для какой цѣли Іоанна вводилась въ систематическій обманъ и осуждалась на жизнь, обставленную ложными представленіями? Маркизъ Деніа самъ объясняетъ намъ эту цѣль въ письмѣ къ Карлу: «Я сказалъ королевѣ, нашей государынѣ, что король, мой государь и ея отецъ, еще живъ: я сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобъ убѣдить ее, что все испытываемое ея величествомъ дѣлается по его приказанію. Такъ какъ королева очень любитъ своего родителя, то такимъ образомъ она переноситъ свой жребій гораздо легче, чѣмъ если бы она знала, что онъ уже умеръ. Кромѣ того, это полезно для вашего величества по многимъ другимъ соображеніямъ». Осторожный маркизъ умалчивалъ объ этихъ «другихъ соображеніяхъ», но они ясны: говоря народу, что Іоанна лишилась разсудка, приводили, что она будто бы не вѣритъ, что Фердинандъ умеръ; теперь, на всякій случай, подготовляли новое доказательство ея сумасшествія. Кто не считалъ бы Іоанну помѣшанною, еслибъ услышалъ отъ нея

отзывъ о Фердинандѣ и Максимиліанѣ, какъ о живыхъ, между тѣмъ какъ они уже давно умерли? Собственноручное письмо Іоанны къ Максимиліану, умершему уже два года тому назадъ, было бы въ этомъ отношеніи чрезвычайно драгоцѣнно. Знала ли королева о смерти Максимиліана—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что маркизу не удалось получить отъ нея подобнаго письма, свидѣтельствуетъ о такой сообразительности Іоанны, которая невозможна въ человѣкѣ, страдающемъ разстройствомъ мозга, и которая могла бы сдѣлать честь самому маркизу.

Соображая всѣ обстоятельства, при которыхъ Іоанна содержалась въ Тордесиллѣ—внѣшнюю обстановку, отношенія къ лицамъ, окружавшимъ ее въ зàмкѣ, систематическій обманъ относительно лицъ, находившихся внѣ зàмка, мелочныя непріятности на каждомъ шагу и, по временамъ, мученія пытки—необходимо признать, что Іоанна жила въ атмосферѣ, способной свести съ ума организмъ даже не столь слабый, какимъ въ бòльшей части случаевъ бываетъ организмъ женщины. Между тѣмъ, самыя тщательныя наблюденія и изысканія не могли открыть въ ней никакихъ слѣдовъ душевной болѣзни.

Маркизъ Денія, вся цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ представить Іоанну сумасшедшею, постарался, конечно, собрать всѣ, даже мельчайшіе признаки, которые, по его мнѣнію, должны свидѣтельствовать о томъ, что Іоанна страдаетъ разстройствомъ разсудка. Вотъ эти признаки: королева ведетъ нерегулярную жизнь—обѣдаетъ и ложится спать не всегда въ одинъ и тотъ же назначенный для того часъ—она небрежна къ своей одеждѣ и однажды побила даже женщинъ, присматривающихъ за ней. Не придавая никакого значенія подобнымъ обвиненіямъ, мы удивляемся лишь тому, что она не побила самого маркиза: кого же нельзя было бы признать сумасшедшимъ на основаніи подобныхъ признаковъ? кто рѣшится назвать Іоанну помѣшанною на основаніи того, что она «ложится иногда спать слишкомъ поздно».

Не считая подобныя явленія признаками сумасшествія, мы видимъ въ поведеніи Іоанны несомнѣнныя указанія, что она и въ заточеніи сохранила своей ясный, здравый смыслъ и нѣжное, теплое сердце. Она сознаетъ себя узницей и не вѣритъ злымъ измышленіямъ маркиза, не смотря на все искусство, съ какимъ онъ старается убѣдить Іоанну, что говоритъ ей «одну лишь истину». Въ Тордесиллѣ Іоанна не можетъ узнать ничего, что дѣлается за стѣнами зàмка, и она употребляетъ всю изворотливость своего ума, чтобъ выйти изъ заточенія, чтобъ переступить порогъ своей комнаты: то недостатокъ воздуха, то желаніе имѣть движеніе, то нервная боль, то скука однообразія заставляютъ ее просить маркиза о поѣздкѣ въ Вальядолидъ. Не безъ ея, конечно, вѣдома писала Каталина свои записки. Іоанна готова даже выслушать мессу въ монастырѣ св. Клары, лишь бы увидѣть кого-нибудь, лишь бы услышать что-либо... Іоанна не требуетъ, не выходитъ изъ себя, она нѣжно проситъ, умоляетъ со слезами на глазахъ, она способна растрогать даже безчувственнаго маркиза. «Ея рѣчи такъ трогательны [1]), что и для меня, и для маркизы тяжело ей отказывать». «Ея жалобы вызываютъ во мнѣ состраданіе къ ней». «Она въ состояніи разжалобить даже камни» [2]). «Къ ней нельзя никого допустить—она въ состояніи убѣдить всякаго». Это отзывы самого маркиза изъ его писемъ къ императору,—отзывы человѣка, котораго едва ли даже самъ Карлъ могъ заподозрить въ пристрастіи къ Іоаннѣ. Маркизъ остался, однако, вѣренъ себѣ и его не смутили рѣчи, способныя «разжалобить даже камни»: маркизъ находилъ, что вслѣдствіе такихъ способностей королевы необходимо усилить надзоръ и обходиться съ нею болѣе строго.

Просьбы и мольбы Іоанны дошли до насъ лишь въ письмахъ маркиза; несмотря на то, что эти жалобы переданы сокращенно, выражены въ той формѣ, какую маркизъ считалъ

---

[1]) Tantas buenas. [2]) Mover piedras.

для себя болѣе приличною, и прошли чрезъ черствую душу маркиза, въ нихъ все-таки видны прекрасныя черты ума и сердца несчастной королевы. «Послѣ того, какъ я послалъ къ вашему величеству мое послѣднее письмо, ея величество два раза звала меня къ себѣ. Она просила меня написать королю, ея государю [1]), что она не можетъ болѣе выносить той жизни, на которую она обречена, и что она уже слишкомъ давно находится въ заключеніи и плѣну. Такъ какъ она его дочь, то онъ долженъ оказывать ей любовь и обходиться съ нею лучше. «Здравый смыслъ,—говоритъ она, —требуетъ, чтобъ она жила въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могла бы имѣть хотя какія-либо свѣдѣнія о дѣлахъ». На это маркизъ отвѣчалъ Іоаннѣ, что Фердинандъ поселилъ ее въ Тордесиллѣ, потому что этотъ городъ лежитъ въ центрѣ ея королевства, что съ нею обходятся такъ, какъ она того заслужила, и т. п. Королева на это возражала, что «она передаетъ мнѣ свои жалобы лишь для того, чтобъ облегчить свое сердце». Она жаловалась также на то, что къ ней не допускаютъ инфанта [2]), между тѣмъ какъ по смерти короля, ея государя (Филиппа), онъ и инфанта (Каталина) составляютъ ея единственное утѣшеніе... «Инфантъ теперь во Фландріи, и хотя та страна лучше Испаніи, но мнѣ все-таки хотѣлось бы, чтобъ мой сынъ былъ близъ меня, чтобъ я могла его видѣть, и я все боюсь, что они дадутъ ему чего-либо, что убьетъ его». Въ этомъ отношеніи она высказала тысячи опасеній... Съ нѣкоторыхъ поръ она очень боится за инфанту и ежеминутно зоветъ ее къ себѣ; я спросилъ ея величество, зачѣмъ она это дѣлаетъ, и королева отвѣчала мнѣ: «Я боюсь, чтобъ король не взялъ ее отъ меня; но даю честное слово, что если онъ это сдѣлаетъ, я выброшусь изъ окна или перерѣжу себѣ горло!» Считаю долгомъ

[1]) Фердинанду Католическому. По словамъ маркиза Деніа, королева Іоанна не вѣрила смерти своего отца.

[2]) Фердинанда, младшаго брата императора Карла.

передать это вашему величеству». Опасенія Іоанны на счетъ участи своихъ дѣтей болѣе чѣмъ естественны: она была супруга Филиппа, который умеръ отъ яда, и дочь Фердинанда, который убилъ двухъ своихъ родственниковъ. Какимъ образомъ Карлъ могъ хладнокровно читать подобныя письма осталось бы для насъ загадочнымъ, еслибъ мы не были знакомы съ XVI стол., съ суровыми характерами лицъ той эпохи, которая отличалась величіемъ даже въ преступленіяхъ...

Въ началѣ 1519 г., неудовольствіе испанцевъ на Карла, на его нидерландскихъ представителей въ Испаніи, управлявшихъ страною, которую они ненавидѣли, и народомъ, который они презирали, дошло до крайнихъ предѣловъ и весною же возстали Кастилія и Валенсія, за ними Аррагонія и другія области испанскаго королевства. Дворянство и города впервые дѣйствовали за одно; ихъ соединяла общая ненависть къ чужеземному игу узурпатора. Честный, благородный образъ дѣйствія Дона Хуана Падильи, руководившаго революціоннымъ движеніемъ, былъ для всѣхъ примѣромъ, и примѣръ его энергической, красивой супруги Донны Маріи Пачеко, защищавшей Толедо отъ королевскихъ войскъ, всѣхъ воодушевлялъ. Неестественный союзъ аристократовъ по рожденію съ демократами по принципамъ скоро распался: дворянство измѣнило народу и передалось на сторону короля Карла. Коммунеросы прокляли измѣнниковъ, но не оставили своего справедливаго дѣла и рѣшились устранить Карла возведеніемъ на испанскій престолъ его матери, королевы Іоанны.

Въ августѣ 1520 г. коммунеросы явились въ Тордесиллу. Для нихъ было чрезвычайно важно узнать, дѣйствительно ли королева страдаетъ разстройствомъ разсудка и не справедливы ли тѣ толки, которые лишь шопотомъ передавались друзьями и о которыхъ нельзя было заикнуться публично, не рискуя всѣмъ, что мило и дорого человѣку. Коммунеросы спросили всѣхъ, кто жилъ во дворцѣ и ежедневно видѣлъ королеву. Къ сожалѣнію, показанія этихъ лицъ не отыскались

въ Симанкасскомъ дворцѣ; вѣроятно, они были уничтожены по приказанію Карла; сущность же показаній сохранилась въ письмахъ кардинала Адріана, который былъ въ то время вице-королемъ Испаніи. Въ письмѣ отъ 4 сентября онъ, между прочимъ, пишетъ: «Почти всѣ слуги и дамы королевы объявили, что съ ея величествомъ обходились несправедливо и что насильно содержали въ этой крѣпости въ теченіе четырнадцати лѣтъ, подъ предлогомъ, что, будто бы, ея разсудокъ помраченъ, между тѣмъ какъ она въ такой же степени обладаетъ разумомъ, какъ въ началѣ своей супружеской жизни». Въ другомъ письмѣ: «Вопросъ идетъ не о потерѣ денегъ, но о томъ, что ваше величество изволили силою захватить королевскій титулъ и что вы держали въ заточеніи королеву, подъ тѣмъ предлогомъ, что она помѣшана, между тѣмъ какъ Іоанна обладаетъ полнымъ разумомъ, какъ то всѣ утверждаютъ». Такихъ писемъ нѣсколько. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что лица, окружавшія королеву, будучи спрошены представителями революціоннаго движенія, дали показаніе, свидѣтельствовавшее въ пользу умственныхъ способностей королевы Іоанны. Кто же изъ нихъ могъ рѣшиться говорить ложь въ данномъ случаѣ и какія они могли имѣть побужденія скрывать истину?

Въ теченіе 103 дней, во все время, пока коммунеросы владѣли Тордесиллой, королева пользовалась полной свободой. Ея поведеніе въ теченіе этихъ 103 дней показываетъ, что она обладала здравымъ смысломъ, даже послѣ четырнадцатилѣтней насильственной порчи ея умственныхъ способностей: она тотчасъ удалила отъ себя маркиза, его супругу, дѣтей ихъ, и всѣхъ присматривавшихъ за ней женщинъ, за исключеніемъ одной. Іоанна, располагающая своимъ временемъ, предоставленная самой себѣ, обращаетъ вниманіе на свою внѣшность и даже маркизъ Деніа не могъ бы упрекнуть ее въ небрежности къ своей одеждѣ. Событія и вопросы самаго серьезнаго характера представились ей съ первой же минуты ея освобожденія,

и Іоанна доказала, что не потеряла ни трудной способности управлять страною, ни осторожной разборчивости въ оцѣнкѣ сложныхъ политическихъ комбинацій,—послѣ продолжительнаго заточенія она осталась по прежнему дочерью Изабеллы Нотаріальныя записи тѣхъ переговоровъ, которые Іоанна вела съ депутатами отъ городовъ, представляютъ точную и не ложную картину дѣятельности Іоанны въ теченіе немногихъ дней свободы. Тайные агенты кардинала Адріана подтверждаютъ въ своихъ донесеніяхъ, что записи вѣрно передали смыслъ бывшихъ переговоровъ. Самая главная аудіенція, данная Іоанной депутатамъ, происходила 24 сентября; она интересна во многихъ отношеніяхъ:

Докторъ Цунига, изъ Саламанки, говоритъ рѣчь отъ имени хунты. Онъ излагаетъ жалобы испанскаго народа на Карла и его совѣтниковъ, стоя на колѣняхъ передъ королевой—Іоанна проситъ его встать, чтобъ «лучше разслышать его рѣчь»; рѣчь довольно длинна—Іоанна велитъ принести себѣ кресло, говоря, что желаетъ «спокойно выслушать и основательно обсудить» всѣ жалобы своего народа. Выслушавъ рѣчь Цуниги, Іоанна отвѣчаетъ на нее спокойно, съ большимъ тактомъ, съ большимъ политическимъ смысломъ: едва упомянувъ о своемъ заточеніи, она говоритъ о тѣхъ злыхъ людяхъ, которые окружали ее и намѣренно обманывали, скрывъ отъ нея даже смерть отца. Перейдя затѣмъ къ любимымъ ею Нидерландамъ, отъ которыхъ испанцы такъ много страдали, Іоанна выражаетъ лишь удивленіе, что Испанія могла такъ долго сносить притѣсненія, не прибѣгая къ мести—«я сочувствую всему доброму и ненавижу все дурное». О своемъ отцѣ, Фердинандѣ, Іоанна отзывается съ любовью и старается извинить его ошибки дурнымъ вліяніемъ на него второй супруги, Germaine de Foix, ея мачихи; въ своей рѣчи, Іоанна избѣгаетъ говорить о Карлѣ, не желая представлять своего сына и короля въ темномъ свѣтѣ. Въ заключеніе она обѣщаетъ уничтожить всѣ злоупотребленія,

насколько это позволитъ ей ея слабое здоровье, и предлагаетъ депутатамъ избрать изъ своей среды четырехъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми она могла бы обсудить тѣ мѣры, которыя необходимы для искорененія злоупотребленій. Хуанъ де Авила предлагаетъ, чтобы для переговоровъ съ депутатами былъ назначенъ одинъ опредѣленный день въ недѣлѣ, на что Іоанна возражаетъ: «Я хочу видѣть депутатовъ моего народа и говорить съ ними такъ часто, какъ то будетъ необходимо».

Таково было поведеніе Іоанны въ знаменитый день 24 сентября 1520 г. Неужели это поведеніе сумасшедшей? Будучи помѣшанною, могла ли бы она такъ здраво, разумно и осторожно вести переговоры съ дѣятелями революціи? Тактъ, съ которымъ она выражаетъ свои мнѣнія, осторожность, съ которою она относится къ требованіямъ революціи, политическій смыслъ, выраженный при обсужденіи вопросовъ, поднятыхъ революціоннымъ движеніемъ—все это ясно свидѣтельствуетъ, что изъ четырнадцатилѣтняго заточенія Іоанна вышла съ тѣмъ же здравымъ смысломъ, какимъ она обладала въ первый день своего плѣна.

Отчего Іоанна вновь потеряла свою свободу? Какимъ образомъ она опять попала въ руки своихъ мучителей? Политическія обстоятельства того времени и личныя убѣжденія Іоанны необходимо должны были привести ее, послѣ кратковременнаго пользованія свободой, къ прежнему состоянію тордесилльской узницы.

Освобожденіе королевы Іоанны тѣсно связано съ успѣхами революціонной партіи. Цѣль возстанія заключалась, конечно, не въ освобожденіи тордесилльской плѣнницы; но несомнѣнно, что безъ этого возстанія Іоанна не пользовалась бы свободой даже въ теченіе 103 дней. Поднявъ оружіе противъ Карла, народъ склоненъ былъ видѣть въ его матери свою союзницу, такъ какъ уже давно насильственное заключеніе Іоанны не было тайной ни для кого въ Испаніи: маркизъ Деніа, задолго до начала революціи, жалуется императору,

что «тайна» всѣмъ извѣстна, что его называютъ «тираномъ, тюремщикомъ» и публично бранятъ. Какъ же смотрѣла Іоанна на революціонное движеніе, освободившее ее?

Іоанна сама объявила, что равно любитъ всѣ сословія своего народа, и мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ искренности ея словъ. Іоанна происходила отъ королевской крови; она равно любила всѣхъ своихъ подданныхъ, но нигдѣ— ни въ Италіи, въ домѣ своихъ родителей, ни въ Нидерландахъ, во дворцѣ своего супруга, ни въ Тордесиллѣ, въ своемъ затворническомъ казематѣ, ни отъ кого,—ни отъ Фердинанда, своего отца, ни отъ Филиппа, своего супруга, ни отъ маркиза Деніа, своего тюремщика,—никогда она не слышала, чтобъ профессора и адвокаты, врачи и ремесленники имѣли бы право голоса въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію короны. Іоанна дѣлала уже большое насиліе тѣмъ понятіямъ, въ которыхъ она была воспитана, когда допускала, что въ крайнихъ случаяхъ, и то «лишь въ крайнихъ», высшее дворянство и королевскіе совѣтники могутъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ страны. Будучи въ плѣну, въ заточеніи, она часто вспоминала о высшемъ сословіи и не разъ спрашивала: «гдѣ же испанскіе гранды? что дѣлаетъ мое дворянство?» но никогда, ни разу не спросила она, гдѣ ея народы, что дѣлаетъ низшее сословіе.

Отношенія высшаго и средняго сословія къ Іоаннѣ были прямо противоположны. Гранды Испаніи ничего не сдѣлали въ пользу Іоанны, народъ же вспомнилъ о ней въ первый день возстанія: народъ послалъ войско въ Тордесиллу и освободилъ Іоанну, гранды же взяли штурмомъ тордесилльскій замокъ и предали Іоанну опять въ руки власти.

Среднее сословіе страдало отъ поборовъ и оскорбленій, которые ему наносилъ Карлъ и его нидерландскіе совѣтники. Но такъ какъ Іоанна уже давно не имѣла никакихъ связей съ Нидерландами и такъ какъ она была насильно заточена Карломъ, то среднее сословіе желало возвести ее на тронъ

Кастиліи, чтобъ, такимъ образомъ, уничтожить ненавистное соединеніе обѣихъ странъ, Испаніи и Нидерландовъ. Испанское же дворянство, въ теченіе трехъ послѣднихъ правленій— Филиппа, Фердинанда, Карла – получило въ даръ многія государственныя земли, чѣмъ оно было подкуплено въ пользу узурпаціи и за что оно дало свое молчаливое согласіе на соединеніе Испаніи и Нидерландовъ. Возведеніе Іоанны на тронъ Кастиліи отнимало у дворянства тѣ богатыя имѣнія, которыя были предоставлены ему въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Среднее сословіе страдало отъ религіознаго гнета католическаго духовенства и возстаніе являлось оппозиціей испанско-католической церкви; въ то время въ Испаніи было болѣе приверженцевъ Лютерова ученія, чѣмъ, быть можетъ, въ самой Германіи; Іоанна же, по меньшей мѣрѣ, не была католичкой. Высшее сословіе въ Испаніи было фанатическимъ приверженцемъ католицизма и не могло равнодушно относиться къ королевѣ-еретичкѣ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, чью сторону должна была принять Іоанна. Она не могла полагаться на вѣрность къ ней высшаго сословія; если бы Іоанна перешла на сторону возставшаго средняго сословія, всякое сопротивленіе стало бы невозможнымъ и Карлъ потерялъ бы испанскую корону. Кардиналъ Адріанъ, первый приверженецъ Карла, писалъ ему, что если Іоанна подпишетъ прокламацію о готовности принять въ свои руки бразды правленія, онъ тотчасъ же выѣдетъ изъ Испаніи, такъ какъ дальнѣйшая борьба будетъ уже невозможна. Въ послѣднемъ случаѣ высшее сословіе готово было заключить съ королевою миръ, чтобы сохранить за собою возможность отстаивать свои права на полученныя имъ земли; Іоанна держала въ своихъ рукахъ матеріальную судьбу высшаго сословія. Но Іоанна-королева, дочь Фердинанда и мать Карла, не могла принять сторону средняго сословія: она была рождена и воспитана королевой, она была вся пропитана аристократическими, королевскими идеями. Ея

убѣжденія не измѣнились и въ тордесильскомъ заточеніи; королева Іоанна должна была переродиться, прежде чѣмъ встать во главѣ возстанія. Когда депутаты отъ городовъ, которымъ она была обязана своимъ освобожденіемъ, упомянули о дурныхъ поступкахъ Карла съ нею и объ его дурномъ управленіи Испаніею, Іоанна прервала ихъ рѣчь словами: «Напрасно вы стараетесь поссорить меня съ Карломъ; все мое принадлежитъ ему и онъ сумѣетъ позаботиться о благосостояніи государства».

Къ этимъ общимъ причинамъ, по которымъ для Іоанны невозможно было согласиться на предложенія революціи, поднятой среднимъ сословіемъ, присоединились причины болѣе частныя, но, въ данномъ случаѣ, не менѣе важныя.

Іоанна не знала положенія партій; ей были неизвѣстны силы революціи. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ маркизъ Деніа не напрасно извращалъ ей всѣ событія и представлялъ все въ ложномъ свѣтѣ. Теперь, получивъ свободу, она была окружена людьми лишь одной возставшей партіи. Могла ли Іоанна довѣрять имъ? А между тѣмъ шпіоны Карла, подосланные кардиналомъ Адріаномъ, по большей части лица духовнаго званія, увѣряли ее, что революціонная партія желаетъ лишь воспользоваться ея именемъ, чтобъ сложить на одну ее всю отвѣтственность передъ королемъ и народомъ, «который не принимаетъ никакого участія въ возстаніи»; Іоаннѣ была показана прокламація Карла отъ 7-го октября 1520 г., въ которой она, между прочимъ, прочла слѣдующія строки: «Не могу выразить словами то горе, которое я чувствую, когда подумаю, какъ дерзко и надменно обращаются депутаты отъ городовъ съ королевою, моею государынею»; ей было показано воззваніе коннетабля Кастиліи, въ которомъ онъ призывалъ грандовъ Испаніи къ «святому предпріятію», къ освобожденію законной королевы отъ «варварскаго деспотизма средняго сословія» Могла ли Іоанна не довѣрять королю и грандамъ Испаніи?

Іоанна рѣшилась спасти свою Испанію отъ «произвола революціи». Съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла она затягивала переговоры съ хунтой, чтобы дать время грандамъ Испаніи вооружиться для подавленія возстанія. Депутаты отъ городовъ, видя, что они только теряютъ время въ переговорахъ съ королевою, рѣшились обратиться къ ней съ мольбами: они стали передъ ней на колѣни, взяли въ руки готовую прокламацію, перо, чернила и умоляли ее подписать свое имя, согласиться быть королевой и тѣмъ спасти Испанію отъ окончательнаго разоренія, освободить народъ отъ тяжкаго ига. Іоанна осталась непоколебима. Черезъ два дня гранды Испаніи стояли у воротъ Тордесиллы. Черезъ герольда извѣстили они Іоанну, что явились служить ей, какъ вѣрные и покорные подданные. Іоанна приказала отворить городскія ворота. «Гранды и дворяне—мои законные слуги,—говорила Іоанна депутатамъ,—они никого не обидятъ». Но члены хунты хорошо знали этихъ испанскихъ грандовъ и дворянъ; они отказались пустить ихъ въ городъ. Тордесилла была взята приступомъ. Іоанна у воротъ дворца встрѣтила вельможъ Испаніи: она была рада видѣть себя окруженною представителями знатнѣйшихъ испанскихъ фамилій. Іоанна спасла Испанію отъ революціи.

Въ числѣ представителей знатныхъ испанскихъ фамилій находился и маркизъ Деніа, хорошо извѣстный Іоаннѣ. Нѣсколько дней спустя, она опять была его плѣнницей, онъ—ея тираномъ. Только теперь поняла Іоанна, что разумѣлось подъ «священнымъ предпріятіемъ для освобожденія законной королевы»; ей оставалось лишь оплакивать свою ошибку. Опять темная комната тордесилльскаго замка стала для нея казематомъ, опять явилась на сцену пытка, какъ успокоивающее средство...

Вторичное заточеніе Іоанны отличалось большею жестокостью и доходило по временамъ до звѣрства. Маркизъ Деніа чувствовалъ потребность выместить на Іоаннѣ тѣ поруганія,

которымъ онъ подвергся отъ народа: Іоанна, послѣ 103 дней свободы, уже не такъ легко переносила оскорбленія и муки — ее страшно мучило сознаніе своей ошибки и медленно жгло чувство безнадежности своего положенія. Съ Іоанной стали обращаться еще безцеремоннѣе, еще строже. Инфанта Каталина была взята отъ своей матери и выдана за португальскаго короля. Казалось, Іоанна не вынесетъ этой разлуки, не выдержитъ удара, умретъ отъ тоски по дочери... но ей не дано было счастья умереть. Отчаяніе овладѣло нравственнымъ существомъ Іоанны; пытки разстроили организмъ королевы. Долгія усилія отца, мужа, сына увѣнчались успѣхомъ — королева Іоанна сошла съ ума.

Въ послѣдніе годы своей жизни Іоанна лишилась разсудка. Злые духи окружали ее; они дразнили ее, мучили, хохотали вокругъ нее и ругались надъ всякимъ добрымъ движеніемъ ея сердца... Огромная, злая кошка разрывала въ ея присутствіи своими длинными когтями души ея отца и мужа; она ежеминутно готова была растерзать на части Іоанну: она бросалась на нее, и Іоанна дрожала всѣмъ тѣломъ, кричала, молила о помощи и въ страхѣ билась головой о холодный камень темницы...

По временамъ, однако, все рѣже и рѣже, Іоанна приходила въ себя. Маркизъ Деніа подмѣчалъ эти свѣтлыя минуты и пользовался ими съ звѣрскою злобою: въ эти именно минуты онъ пыталъ ее «веревкой». Физически Іоанна была низведена своимъ сыномъ до степени животнаго: она не покидала своей постели; бѣлье никогда на ней не смѣнялось; она гнила вмѣстѣ съ рогожей, на которой лежала; черви ѣли ее, солому, которая была подъ ней, тѣ рубища, которыми она была прикрыта. Воздухъ былъ полонъ міазмовъ.

Въ такомъ положеніи доживала свой вѣкъ родоначальница испано-австрійскаго дома. Наконецъ, приблизились давно съ радостью ожидаемые ею послѣдніе дни. Наступилъ апрѣль 1555 г., въ которомъ ей суждено было умереть послѣ *сорока*

девяти лѣтъ заключенія въ тордесилльскомъ замкѣ. Измучивъ ее заточеніемъ, поруганіями, пыткой, ей, казалось, дозволятъ умереть спокойно. Ея смерти желали всѣ. Но честь бургундо-габсбургскаго дома требовала, чтобъ Іоанна исповѣдалась передъ смертью въ своихъ грѣхахъ. Въ послѣднія минуты жизни, у одра умирающей матери императора Карла V, совершались какія-то чудовищныя сцены, по счастью, намъ неизвѣстныя: раздирательные стоны и нечеловѣческіе крики вылетали изъ тордесилльскаго замка и пугали проходившихъ мимо поселянъ... Маркизъ Деніа, сынъ тюремщика Іоанны, извѣщалъ государственнаго секретаря, что Іоанна умерла безъ исповѣди, какъ еретичка; принцесса Іоанна, дочь Карла, писала своему отцу, что королева Іоанна, его мать, удостоилась причаститься Св. Тайнъ. Такъ или иначе, но 12-го апрѣля 1555 г., по утру, между 5-ю и 6-ю часами, королева Іоанна, наконецъ, умерла.

АББАТЪ ПОЛИНЬЯКЪ

и

ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ.

«Отечеств. Записки», 1869.

Аббатъ Полиньякъ и польское безкоролевье.

I.

Не только въ польской литературѣ того времени, но и въ иностранныхъ, преимущественно французскихъ изданіяхъ цѣлыя страницы книгъ и столбцы газетъ посвящены описанію блистательныхъ побѣдъ, покрывшихъ славою польское оружіе въ 1660 году, во время войны Польши съ Россіею. Сапѣга и Чарнецкій разбиваютъ на̀-голову князя Хованскаго близъ Слонима, на границѣ Польши; князь Долгорукій разбитъ на Пронѣ; князь Трубецкой терпитъ неудачи въ Украйнѣ; Шереметьевъ теряетъ на Волыни весь свой обозъ и часть своего стотысячнаго войска; Георгій Хмѣльницкій, сынъ знаменитаго Богдана, разбитый Собѣскимъ подъ Слободицей, подчиняется побѣдоносной республикѣ. Слава этихъ побѣдъ пронеслась по всей Европѣ и возбудила въ ней предчувствіе великихъ перемѣнъ на восточныхъ границахъ: Европа ожидала, что могущественная Польша возьметъ опять Кіевъ, займетъ Украйну, распространитъ панику по всей Россіи...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Сеймъ 2-го мая 1661 года буренъ и грозенъ. Король Янъ Казиміръ обѣщаетъ уважать свободу избранія, но, предчувствуя скорую кончину и предвидя злыя для страны послѣдствія безкоролевья, король предлагаетъ собранію назначить ему преемника при его жизни. Сеймъ отвѣчалъ крикомъ негодованія на такое предложеніе; онъ видѣлъ въ немъ нарушеніе одного изъ самыхъ дорогихъ ему правъ; шумъ, крики, брань вышли изъ границъ. Чар-

нецкій велитъ принести сотни знаменъ, трофеи недавнихъ побѣдъ; но ихъ видъ не въ силахъ утушить бури. Король покинулъ засѣданіе; вопросъ отложенъ. Спустя мѣсяцъ, 4-го іюня, сеймъ собрался опять; опять члены его защищали свои права съ крайнею настойчивостью; они сознаютъ все зло безкоролевья, но не умѣютъ отказаться отъ права выбирать себѣ новаго короля лишь по смерти прежняго. Опять шумъ, крики, брань. Задумался Янъ Казиміръ. Онъ проситъ слова и, среди молчанія, скрывавшаго затаенную ненависть, произноситъ роковыя слова: «Дай Богъ, чтобы я былъ ложнымъ пророкомъ; но если вы не примете мѣръ противъ тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ странѣ вслѣдствіе вашихъ пресловутыхъ правъ свободнаго избранія, славная республика станетъ добычею сосѣднихъ народовъ. Московія захватитъ Литву; Бранденбургія овладѣетъ Пруссіею и Познанью; Австрія возьметъ Краковію и Польшу. Каждое изъ трехъ государствъ предпочтетъ лучше раздѣлить польскую республику, чѣмъ владѣть ею безраздѣльно, но съ сохраненіемъ вашихъ вольностей...»

То были пророческія слова. Сбылись предсказанія Яна Казиміра скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, думалъ самъ Янъ.

Польскому королю не трудно было быть пророкомъ; возможность такого исхода предвидѣли даже иностранные государи. Въ 1666 году Людовикъ XIV послалъ въ Стокгольмъ чрезвычайнаго посла, маркиза де-Помпоннъ, для подписанія договора, въ 5-мъ § котораго сказано: «Le prêt d'un corps de trois mille cavaliers suédois, qui, réunis à quatre mille fantassins français, iraient sous le prince de Condé, protéger, sur sa demande, le roi de Pologne contre le maréchal Lubomirski et les confédérés, et empêcher aussi *que l'empereur, le Moscovite, et l'électeur de Brandenbourg ne partageassent entre eux les états de la couronne de Pologne, après la mort du roi Casimir*» [1]).

[1]) Швеція обязывается доставить вспомогательный корпусъ изъ трехъ тысячъ кавалеристовъ, которые, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами французской пѣхоты, подъ предводительствомъ принца Конде, должны воспрепятствовать,

Сто лѣтъ тому назадъ, по смерти послѣдняго изъ дома Ягеллоновъ, съ 1572 г., польская корона стала достояніемъ *свободнаго избранія*. Въ то время, когда во всѣхъ странахъ Европы королевская власть пріобрѣтала все болѣе и болѣе значенія, одна Польша хвалилась тѣмъ, что сумѣла обуздать эту власть, одни поляки называли свою родину республикой и избирали себѣ короля... Тò, чѣмъ хвалились поляки, тò, по мнѣнію Яна Казиміра, составляло роковое бѣдствіе страны, отъ котораго она рано или поздно станетъ добычею сосѣдей.

По смерти короля начиналось въ Польшѣ безкоролевье. Le roi est mort, vive... l'interrègne. Во время безкоролевья архіепископъ Гнѣзненскій, какъ примасъ королевства, становился во главѣ государства; онъ сзывалъ сеймъ, который долженъ былъ заняться свободнымъ избраніемъ новаго короля. Какъ только депутаты съѣзжались въ Варшаву, они избирали маршала, который руководилъ избирательнымъ сеймомъ. Избраніе короля происходило въ долинѣ между Варшавой и Волой; всякій дворянинъ имѣлъ право голоса; никто не имѣлъ права являться на мѣсто избранія съ вооруженными людьми. Послѣднее условіе никогда не исполнялось: ни одно избраніе не проходило безъ участія военной силы. Подкупы и интриги доходили до чудовищныхъ размѣровъ.

Когда Янъ Казиміръ отрекся отъ польскаго престола и удалился во Францію дѣлить свой досугъ между молитвами въ аббатствѣ Сенъ-Жерменъ де-Прè и ласками красивой Нивоны де-Ланкло̀, между торжественными служеніями въ монастырѣ S.-Martin и веселыми оргіями въ домѣ извѣстной прачки Маріи Миньò, впослѣдствіи жены маршала Лопиталя, то покидалъ Польшу послѣдній отпрыскъ изъ дома Ягеллоновъ, послѣдній изъ дома Вазы, послѣдній изъ дома Пястовъ. Съ этого времени избраніе короля не будетъ уже руково-

---

чтобы императоръ, царь московскій и курфирстъ бранденбургскій не подѣлили между собой, по смерти короля Казиміра, Польскаго королевства. Correspondance de Suède, v. XXIX, du 10 février 1666.

диться никакими историческими преданіями; всѣ связи съ прошлымъ порваны. Теперь всякій имѣлъ равное право быть избраннымъ въ короли; теперь, при всякомъ избраніи, становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что близокъ часъ, въ который суждено осуществиться пророчествамъ Яна Казиміра.

Выборы 1669 года были болѣе чѣмъ бурны, они были кровопролитны. Михаилъ Радзивилъ съ 1.600 драгунами, Сапѣга съ полкомъ въ 5.000 человѣкъ, Вишневецкій съ цѣлою арміею и мн. др. явились на мѣсто избранія съ явною цѣлью поддержать оружіемъ свой голосъ. Если польскіе магнаты съ ихъ воинами и гайдуками обращали выборы въ междоусобную распрю, то военная свита иностранныхъ пословъ обращала распрю въ настоящую войну, съ тою лишь разницею, что эта война была популярною, ее любилъ народъ, онъ желалъ ее, какъ средство поживиться и весело пожить на чужой счетъ. Франція и Австрія принимали самое дѣятельное участіе въ выборахъ новаго короля; посолъ Алексѣя Михайловича не былъ въ нихъ бездѣятеленъ; іезуиты, съ отцомъ Рикетомъ во главѣ, выказывали при этомъ всю ловкость своего ордена въ интригахъ и козняхъ; двадцатидвухлѣтній Лейбницъ писалъ свою политическую брошюру въ пользу одного изъ кандидатовъ. Глаза всей Европы были устремлены на долину между Варшавой и Волой. Изъ девяти кандидатовъ только трое обращали на себя серьезное вниманіе; то были три принца: Конде, Нейбургскій и Лотарингскій. Нетолько вельможи, но ихъ жены, сестры, дочери подѣлились между тѣми тремя кандидатами и употребляли всѣ дозволенныя и, будемъ откровенны, даже недозволенныя средства въ пользу того или другого лица. M-me Собѣская, принцесса Радзивилъ, m-lle Острогъ, красивѣйшая изъ всѣхъ дамъ польской аристократіи, принимали живое участіе въ выборахъ: со стаканомъ вина въ рукахъ, онѣ интриговали пословъ, выманивали у нихъ деньги, продавая имъ дорогою цѣною голосъ мужа, брата, любовника; переговоры, начатые въ гостиной, нерѣдко въ уборной, про-

должались во время ночныхъ свиданій; звонъ золотыхъ монетъ замѣнялъ звуки поцѣлуя и слова любви уступали дебатамъ о государственныхъ дѣлахъ...

Въ Варшавѣ подробно разбирали личность каждаго изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ. Такъ, напримѣръ, противъ принца Нейбургскаго говорили, что «ему уже 60 лѣтъ; онъ не знаетъ ни нравовъ, ни языка польскаго; ни въ мирѣ, ни на войнѣ онъ не сдѣлалъ ничего славнаго, кромѣ одиннадцати душъ дѣтей, которыхъ онъ привезетъ съ собою, и, какъ всѣ нѣмцы, радъ кормить ихъ на чужой счетъ». Одна современная брошюра такъ отзывалась о принцѣ Конде: «Въ молодости онъ былъ бунтовщикомъ; теперь же, устарѣвъ, никуда не годенъ, ни въ совѣтѣ, ни на войнѣ; религіи у него нѣтъ никакой—онъ танцуетъ по праздникамъ и ѣстъ мясо по пятницамъ; его предлагаютъ Польшѣ, желая лишь избавить отъ него Францію; французы стремятся къ господству, не уважаютъ никакого народа, за исключеніемъ своего, и желаютъ, при помощи короля французской крови, офранцузить всю Польшу». Еще задолго до выборовъ, французскій посолъ доносилъ своему государю: «Поляки примутъ сторону того, кто имъ болѣе заплатитъ; они охотнѣе принимаютъ сегодня одинъ рубль на выпивку, чѣмъ всѣ тысячи, которыя имъ обѣщаютъ въ будущемъ. Никто не можетъ предсказать результата выборовъ. Знатные поляки опустили руки; вся сила перешла къ мелкой шляхтѣ. Польскій король будетъ избранъ не мѣрами державъ, не переговорами ихъ пословъ, но случайностью и корыстью» [1]).

Французскій посолъ не ошибся. Всѣ интриги магнатовъ, стоившія столькихъ денегъ и хитростей, униженій и безчестій, не привели ни къ чему: послѣ цѣлаго года публичныхъ дебатовъ и подпольныхъ усилій со стороны аристократіи, шляхта взяла верхъ и провозгласила польскимъ королемъ Михаила Корибута.

[1]) Lettre de Forbin-Janson, du 20 décembre 1668.

Михаилъ Коривутъ Вишневецкій былъ сынъ знаменитаго Іереміи Вишневецкаго, извѣстнаго своими кровавыми подвигами противъ православія и казаковъ. Сынъ не былъ похожъ на отца: это была жалкая посредственность, выдвинутая впередъ раздоромъ партій, интригой, подкупомъ. Отецъ былъ грозою казаковъ; а при сынѣ славный Дорошенко унизилъ цѣну плѣнныхъ поляковъ на турецкихъ рынкахъ до щепотки табаку... Французскій посолъ, Forbin-Janson, доносилъ Людовику XIV о новоизбранномъ королѣ: «Король окруженъ низкими людьми, которые совѣтуютъ ему держаться на тронѣ тѣми же средствами, при помощи которыхъ онъ получилъ корону, то-есть, насиліемъ противъ магнатовъ и подкупомъ голодной шляхты. Чтобы поддержать любовь и приверженность шляхты, король распускаетъ слухи, что магнаты хотятъ его низложить, что его жизнь въ опасности и т. п. Въ послѣдніе дни онъ очень смущенъ, полагая, что уже принялъ ядъ, подсыпанный ему магнатами. Онъ малъ ростомъ, сутуловатъ, носитъ парикъ. Все предсказываетъ краткое, несчастное царствованіе, если только Господь не сдѣлаетъ чуда» [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, Господь не сдѣлалъ чуда, и четырехлѣтнее правленіе Михаила Коривута было рядомъ политическихъ ошибокъ. Общее недовольство королемъ постоянно возрастало. Шляхта, выбравшая его въ короли, скоро сознала свою ошибку. Въ одномъ современномъ памфлетѣ сказано: «Мы были обмануты, когда избирали его; онъ оказывается неспособнымъ ни на войнѣ, ни въ мирѣ; онъ не расширяетъ границъ государства, желаетъ обложить дворянъ данью, желаетъ жениться на австріячкѣ безъ согласія аристократіи, не шлетъ пословъ въ чужія страны, даритъ своимъ довѣріемъ лишь неопытныхъ и льстецовъ; заботится болѣе о пищѣ и винѣ, чѣмъ объ общественномъ благѣ» и т. п. Послѣднее обвиненіе было вполнѣ справедливо: насколько король за-

[1]) Lettre de Forbin-Janson, du 26 juin 1669.

ботился объ общественномъ благѣ, доказываетъ безславный буджакскій миръ, по которому Польша утеряла Украйну и Подолію, а его смерть оправдала обвиненіе его въ чревоугодіи: онъ умеръ отъ неумѣреннаго употребленія китайскихъ яблоковъ, подаренныхъ ему городомъ Данцигомъ. Послѣдній годъ своей жизни, когда турки и татары все смѣлѣе и дерзче наступали на Польшу, король посвятилъ низкимъ интригамъ противъ славнаго своего полководца Яна Собѣскаго; онъ и умеръ наканунѣ знаменитой Хоцимской битвы, когда Собѣскій жестоко отомстилъ туркамъ.

Умеръ Михаилъ Коривутъ. Настало безкрулевье, а съ нимъ раздоры, интриги, козни. Подъ впечатлѣніемъ блистательной Хоцимской битвы, Европа видѣла въ побѣдителѣ прямого преемника Коривута: «Провидѣніе, даровавъ побѣду Собѣскому на другой день по смерти Коривута, ясно указывало на его божественное избраніе; Провидѣніе какъ бы предназначало его занять тронъ, имъ спасенный» [1]). За полгода до открытія избирательнаго сейма, m-me de Sevigné пишетъ къ своей дочери:

«Il y a une nouvelle de l'Europe qui m'est entrée dans la tête; je vais vous la mander contre mon ordinaire. Vous savez que le roi de Pologne est mort. Le grand maréchal, mari de M-lle d'Arquien (Jean Sobieski) est à la tête d'une armée contre les Turks. Il a gagné une bataille si pleine et si entière, qu'il est demeuré 15.000 Turks sur place. Il a pris deux bassas; il s'est logé dans la tente du général, et cette victoire est si grande, *qu'on ne doute point* qu'il ne soit élu roi, d'autant plus qu'il est à la tête d'une armée, et que la fortune est toujours pour les gros bataillons. Voilà une nouvelle qui m'a plu» [2]).

---

[1]) Mercure hollandais, année 1673.

[2]) Есть новость, которая сильно заняла меня, и я, вопреки обычаю, сообщаю вамъ о ней. Вы знаете, что польскій король умеръ. Великій маршалъ, мужъ мадмуазель д'Аркіенъ (Янъ Собѣскій), находится во главѣ арміи, дѣйствующей противъ турокъ. Онъ выигралъ полнѣйшее сраженіе и положилъ на мѣстѣ 15,000 турокъ. Онъ взялъ въ плѣнъ двухъ пашей и занялъ палатку

Европейская новость, которая такъ занимала г-жу Севинье и такъ ей нравилась, дѣйствительно осуществилась.

Одержанныя побѣды надъ турками дѣлали вакантный тронъ Польши слишкомъ заманчивымъ. Всѣ коронованные дома Европы предъявили своихъ кандидатовъ, число которыхъ доходило до семнадцати. Въ числѣ соискателей былъ, между прочимъ, принцъ Оранскій, будущій король Англіи, и Ѳедоръ Алексѣевичъ, старшій братъ Петра Великаго; великій Конде и ничтожный Яковъ Стюартъ, позже несчастный Яковъ II-й Донъ-Жуанъ Австрійскій и Михаилъ Абаффи Трансильванскій; Карлъ Лотарингскій и Филиппъ Нейбургскій. Послы всѣхъ странъ Европы явились въ Варшаву, щедрые на деньги и еще болѣе на обѣщанія; они привезли съ собою собственноручныя письма своихъ государей почти ко всѣмъ вліятельнымъ магнатамъ Польши. Папскій нунцій Buonvisi, императорскій посолъ, графъ Schaffhorst, испанскій посланникъ Don Pedro de Ronquillos, полномочный министръ Людовика XIV епископъ Forbin-Janson, послы Россіи и Англіи, Голландіи и итальянскихъ принцевъ не жалѣли обѣщаній, не скрывали своего безстыдства и развращали страну подкупами и интригами, открытыми кровопролитіями и тайными отравленіями. Іезуиты и въ этотъ разъ доказали свое превосходство.

Вся республика подѣлилась на двѣ партіи, которыя вскорѣ стали двумя враждебными лагерями: съ одной стороны— Польша, Нейбургъ и Франція, съ другой—Литва, Лотарингія и Австрія. Посреди этихъ двухъ партій стояла низкая интригантка, распутная, но красивая женщина, молодая супруга умершаго Михаила Коривута, вдова Елеонора, равно готовая поддержать обоихъ кандидатовъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ брака съ нею. Не проходило дня безъ пролитія крови;

турецкаго главнокомандующаго. Побѣда такъ велика, что никто не сомнѣвается, что онъ будетъ выбранъ королемъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоитъ во главѣ арміи, а счастье всегда на сторонѣ силы. Эта новость очень мнѣ по сердцу.

даже дѣти на улицахъ играли «въ литвиновъ и поляковъ», при чемъ ихъ споры оканчивались нерѣдко свалкой между ихъ родителями.

Въ этихъ насиліяхъ свободнаго избранія принимала участіе вся Польша. Одинъ лишь человѣкъ держалъ себя вдали отъ избирательныхъ страстей.

Янъ Собѣскій давно уже не былъ въ Варшавѣ. Поляки не видѣли его со дня Хоцимской битвы. Онъ жилъ въ Жолкевѣ, день и ночь у постели своей супруги, отравленной, какъ говорили тогда, Елеонорою, которая надѣялась найти въ Собѣскомъ новаго искателя своей руки, какъ вдовствующей королевы. Собѣскій пріѣхалъ въ Варшаву наканунѣ дня, назначеннаго для окончательнаго выбора, и громко высказался за великаго воина, принца Конде. За принца говорила вся его жизнь, побѣды, имъ одержанныя, приговоръ всей Европы, единогласно признававшей обширность его ума и величіе его сердца. Противныя партіи выпустили нѣсколько памфлетовъ, въ которыхъ взводили на Конде самыя безцеремонныя обвиненія. Мало кто вѣрилъ такимъ обвиненіямъ, но и тѣ, которые вѣрили, если и становились противъ Конде, все же соглашались, что для Польши нуженъ теперь храбрый полководецъ, который могъ бы защитить ее отъ турокъ и казаковъ. Это-то убѣжденіе заставило всѣхъ обратить вниманіе на недавняго побѣдителя враговъ республики. Когда Станиславъ Яблоновскій предложилъ сейму избрать въ короли Яна Собѣскаго, это предложеніе было встрѣчено почти единодушнымъ одобреніемъ. 21-го мая 1674 года маршалъ Янъ Собѣскій былъ провозглашенъ королемъ Іоанномъ III.

Яну Собѣскому было въ то время около 50 лѣтъ. Онъ былъ выше средняго роста; полнота не перешла еще въ тучность. Поляки гордились его славными подвигами на войнѣ, заглядывались на типическія черты его красиваго лица: высокій, открытый лобъ; густыя брови; правильный, большой носъ; небольшой ротъ, покрытый польскими усами; маленькій

подбородокъ; все лицо освѣщалось глубокими, умными глазами; года и заботы, военныя тревоги и тяжелыя думы провели двѣ рѣзкія морщины на лбу: нѣсколько самолюбивая осанка и какая-то самоувѣренность въ движеніяхъ внушали къ нему уваженіе. Его высоко цѣнили не только его соотечественники, судъ которыхъ могъ быть подкупленъ славою его побѣдъ; его высокія дарованія признавались всей Европою. Bussy-Rabutin, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря объ избраніи Собѣскаго, прибавляетъ: «Quand je serais maréchal de France, duc et pair, enfin tout ce que je devrais être aussi bien que les autres, je regarderais toujours Sobieski à cent piques au-dessus de moi» [1]). Собѣскій возбуждалъ удивленіе, былъ въ состояніи привести въ восторгъ: когда онъ спасъ Вѣну отъ турокъ и входилъ въ соборъ св. Стефана, чтобы торжественнымъ Te Deum возблагодарить Бога за одержанную побѣду, епископъ привѣтствовалъ его библейскими словами: «Fuit homo missus a Deo, cui nomen erat Johannes»

«Я хорошо знаю,—говорилъ Собѣскій приближеннымъ, — съ какою цѣлью народъ возвелъ меня на тронъ: народъ назвалъ меня королемъ для того, чтобы я побѣждалъ враговъ его. Мое назначеніе—воевать турокъ: въ этомъ мое право на королевскую корону». И Собѣскій, такъ ясно сознававшій свое патріотическое назначеніе, выполнилъ его съ тѣмъ безукоризненнымъ геройствомъ, которое доставило ему титулъ великаго полководца своего времени и почтило его изысканною похвалою великаго Конде. Собѣскій провелъ всю жизнь свою въ войнахъ. При его избраніи, тронъ въ церкви былъ убранъ 66 знаменами, трофеями Хоцимской битвы.

Вскорѣ послѣ его выбора въ короли пришло извѣстіе о враждебныхъ Польшѣ намѣреніяхъ турокъ: извѣстіе подтвер-

1) Если бъ я былъ маршаломъ Франціи, герцогомъ и перомъ, однимъ словомъ, всѣмъ, чѣмъ бы я могъ быть подобно прочимъ, я всегда бы говорилъ, что Собѣскій во сто кратъ выше меня. Lettres de Roger de Rabutin comte de [illegible] II, 72 (14 juin 1674).

дилось движеніемъ турецкихъ войскъ, и Собѣскій выступилъ въ походъ. Походъ былъ непродолжителенъ, но славенъ для памяти новоизбраннаго короля знаменитымъ пораженіемъ турокъ подъ Львовомъ, въ Галиціи. Въ современныхъ газетахъ такъ говорилось объ этомъ походѣ: «Потомство съ трудомъ повѣритъ, чтобы король польскій съ 4 или 5.000 войска, безъ всякой другой помощи, кромѣ собственнаго благоразумія и храбрости, могъ противостоять болѣе 150.000 турокъ и татаръ и въ теченіе шести недѣль отбивать ихъ атаки на свои аванпосты; чтобъ онъ, наконецъ, одержалъ надъ ними столь рѣшительную побѣду, что невѣрные въ одну ночь пробѣжали болѣе пространства, нежели сколько они сдѣлали передъ тѣмъ въ три дня, чтобы атаковать его величество. Небо ясно показало, что король защищалъ передовые посты христіанства. Въ этотъ день болѣе, чѣмъ когда-либо узнали, что поляки не могли избрать болѣе достойнаго государя» [1]).

Волненія въ Венгріи были главнымъ поводомъ къ войнѣ 1683 года. Уже давно венгерцы тяготились австрійскимъ игомъ. Въ 1670 г., графы Sezeni, Nadasti, Frangipani, Vesselini, Tettembach и др., во главѣ четырнадцати округовъ, возстали, но неудачно: побѣжденные, взятые въ плѣнъ, они сложили свои головы на эшафотѣ, въ Вѣнѣ, и императоръ Леопольдъ I воспользовался этимъ возстаніемъ, чтобъ отнять у Венгріи тѣ національныя привилегіи, которыя онъ, вступая на тронъ, клялся соблюдать. Раздраженные, наущаемые тайными агентами Людовика XIV, венгерцы возстали вторично въ 1678 году, подъ предводительствомъ знаменитаго графа Emerik Tekeli. Франція прислала ему помощь денежную, Турція и Трансильванія—военную. Tekeli вошелъ въ Пештъ и тамъ торжественно объявилъ себя королемъ верхней Венгріи подъ верховнымъ покровительствомъ Оттоманской Порты. Турція объявила войну Австріи. Султанъ Магометъ IV былъ ярый фанатикъ; его визирь, Кара Мустафа, способный и

[1]) «Gazette de France», 9 octobre 1676.

храбрый, но гордый и самоувѣренный, надѣялся затмить славу Солимана покореніемъ императорской столицы. Леопольдъ просилъ помощи у польскаго короля, предлагая ему заключить союзъ.

Безпокойная, самолюбивая, охватывавшая всѣ части Европы политика Людовика XIV и сильная рука турокъ, тяготѣвшая надъ Польшею, заставляли Яна Собѣскаго опредѣлить себѣ точный путь дѣйствій и, въ виду антагонизма между Франціей и Австріей, рѣшительно пристать къ политикѣ той или другой державы. Союзъ съ Австріею представлялся неудобнымъ по ея слабости—союзъ со слабымъ всегда опасенъ; императоръ не могъ дать обезпеченій, что исполнитъ обѣщаемое; наконецъ, Россія и Швеція могли соединиться съ врагами Польши. Но турки были врагами какъ Австріи, такъ и Польши, и союзъ Польши съ Австріею являлся естественною необходимостью. Къ тому же, трудно было ожидать, чтобы Швеція при Карлѣ XI начала наступательную войну, или чтобъ Россія вошла въ союзъ съ Турціею.

Рядомъ съ этими государственными соображеніями являлись болѣе мелкія придворно-семейныя обстоятельства: союзъ съ Австріею замедлялся потому, что императоръ, хоть и стѣсненный со всѣхъ сторонъ, не желалъ дать королю Польши титулъ величества, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, императоръ подавалъ надежду, что согласенъ на бракъ старшаго сына Собѣскаго съ эрцгерцогиней, и высказывалъ готовность хлопотать о наслѣдственности польской короны. Въ то же время Собѣскій или, вѣрнѣе, супруга его была раздражена противъ Франціи тѣмъ, что Людовикъ XIV отказался возвести ея отца, маркиза d'Arquien, въ герцоги; мало того, одно изъ донесеній французскаго посла къ своему государю было перехвачено, а въ немъ говорилось, что «поляки вообще народъ продажный, въ немъ нѣтъ ни честности, ни правдивости». Собѣскій заключилъ союзъ съ Австріею и двинулъ свои войска на спасеніе Вѣны, которую осаждали турки.

У самыхъ стѣнъ Вѣны Собѣскій на-голову разбилъ турокъ, взялъ весь ихъ обозъ, многихъ полонилъ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Бой продолжался двое сутокъ; на третьи, усталою еще отъ тяжелой сабли рукою, Собѣскій написалъ своей супругѣ реляцію о знаменитой побѣдѣ [1]). Это письмо ходило въ то время по рукамъ въ тысячѣ копіяхъ; въ письмахъ m-me de Sévigné находятся дословные отрывки изъ того письма; Вольтеръ пользовался одною изъ такихъ копій. Письмо характерно и не лишено интереса:

„*Въ палаткѣ визиря, 13-го сентября, ночь.*

«Единственная радость души моей, прелестная и возлюбленная Маріетта!

«Благословенъ Господь во вѣки! Онъ далъ намъ побѣду. Онъ даровалъ намъ такой тріумфъ, подобнаго которому не видимъ въ исторіи прошлыхъ столѣтій. Мы захватили всю артиллерію, весь лагерь мусульманъ, со всѣми его несмѣтными богатствами. Пригородныя мѣста, поля, окружающія Вѣну, покрыты тѣлами невѣрныхъ; оставшіеся въ живыхъ бѣгутъ. Наши приводятъ безпрестанно верблюдовъ, муловъ, быковъ, овецъ, бывшихъ въ турецкомъ обозѣ. Мы взяли множество турокъ въ плѣнъ; сверхъ того, мы захватили много перебѣжчиковъ, по большей части ренегатовъ. Побѣда была столь быстрая и до того необыкновенная, что какъ въ городѣ, такъ и въ нашемъ лагерѣ всѣ были постоянно въ тревогѣ, всѣ ожидали, что непріятель возвратится. Онъ бросилъ пороху и амуниціи на сумму до милліона флориновъ.

«Визирь, обратившись въ бѣгство, покинулъ все; онъ захватилъ лишь свою обычную одежду и своего коня. Я сталъ теперь его наслѣдникомъ, такъ какъ большая часть его богатства досталась мнѣ въ руки.

«Находясь впереди всѣхъ и гоня передъ собой визиря, я плѣнилъ одного изъ его слугъ, который проводилъ меня въ

---

[1]) Lettres du roi de Pologne Jean Sobieski, p. 59.

палатки его частнаго дворца; дворецъ этотъ занимаетъ пространство бо̀льшее, чѣмъ Варшава или Львовъ. Я захватилъ всѣ значки и знамена, которые обыкновенно носятъ передъ визиремъ. Большой штандартъ Магомета, который султанъ вручилъ визирю для этой именно войны, я переслалъ святому отцу папѣ [1]). Сверхъ того, мы взяли богатыя палатки, великолѣпные экипажи и тысячи другихъ богатыхъ бездѣлушекъ. Я еще не видѣлъ всего, но добычи нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ Хоцимѣ. Только четыре или пять колчановъ, украшенныхъ рубинами и сапфирами, стоятъ уже нѣсколько тысячъ дукатовъ. Ты мнѣ не скажешь, мое сердце, какъ татарскія жены своимъ мужьямъ, когда они возвращаются безъ добычи: tu n'es pas un guerrier, puisque tu ne m'as rien rapporté; car il n'y a que l'homme qui se met en avant qui peut attraper quelque chose [2]).

«Мнѣ досталась также верховая лошадь визиря, со всею сбруею. Визиря мы преслѣдовали по пятамъ, но онъ убѣжалъ. Его первый адъютантъ убитъ, равно какъ и другіе офицеры высшихъ чиновъ. Солдаты захватили много сабель въ золотой оправѣ. Ночь заставила насъ прекратить преслѣдованіе, и къ тому же турки, отступая, защищались отчаянно. Тѣмъ неменѣе янычары были забиты въ траншеѣ и ночью всѣ перерѣзаны. Турки до того были увѣрены въ своихъ силахъ, что въ то время, какъ одна часть ихъ арміи вступала съ нами въ битву, другая шла приступомъ на Вѣну И правда, войска у нихъ было довольно. Я полагаю, что, не считая татаръ, ихъ было до 300.000 человѣкъ; другіе насчитываютъ до 300.000 палатокъ, что̀ составитъ громаднѣйшую армію, какую когда-

[1]) Въ то время вся Европа интересовалась этимъ штандартомъ. Въ газетѣ «Mercure Galant» приведена была рѣчь, сказанная посломъ Собѣскаго папѣ при врученіи ему подарка отъ польскаго короля. Въ настоящее время доказано, что то была ошибка—тотъ штандартъ не былъ знаменитымъ знаменемъ Магомета.

[2]) Ты не воинъ, потому что ты ничего не принесъ; только тотъ, кто идетъ впереди, можетъ добыть что-нибудь.

либо видѣлъ свѣтъ. Я же считаю до 100.000 палатокъ; онѣ занимали три огромныхъ лагеря. Теперь эти лагери отданы солдатамъ на разграбленіе; даже городскіе солдаты явились за добычей; нужно дней восемь, чтобъ успѣть разграбить весь лагерь. Турки покинули много плѣнныхъ, особенно женщинъ, но, убѣгая, не забыли умертвить ихъ. Да, много женщинъ убито, но многія только ранены и подаютъ надежду на выздоровленіе. Вчера я видѣлъ мальчика трехъ лѣтъ, красивенькаго ребенка,—турки разорвали ему ротъ. Визирь захватилъ въ одномъ изъ замковъ императора прекраснаго живого страуса и, убѣгая, отрубилъ ему голову, чтобъ онъ снова не достался христіанамъ. Невозможно описать всю роскошь палатокъ визиря; тутъ устроены бани, сады съ каскадами, изгороди для кроликовъ, даже былъ попугай, за которымъ гонялись наши солдаты, но поймать не могли.

«Сегодня я ѣздилъ осматривать городъ; онъ не выдержалъ бы и шести дней осады. Дворецъ императора пронизанъ ядрами

«Всѣ наши войска прекрасно выполнили свой долгъ. Въ моментъ, когда непріятель началъ отступать (самая сильная стычка была именно тамъ, гдѣ находился я, насупротивъ визиря), ко мнѣ подъѣхалъ принцъ Вальдекъ, курфирстъ Баварскій и др.; они меня обнимали, цѣловали; генералы цѣловали мои руки и ноги: офицеры, солдаты кричали: Ah, unser brave König! Всѣ повиновались мнѣ еще болѣе, чѣмъ мои собственныя, польскія войска.

«Только сегодня утромъ я увидѣлся съ принцемъ Лотарингскимъ и съ курфирстомъ Саксонскимъ; мы не могли свидѣться вчера, ибо они были на противоположной сторонѣ. Комендантъ Вѣны, Stahremberg, тоже являлся сегодня ко мнѣ. Всѣ они обнимали меня, называли своимъ спасителемъ. Я былъ въ двухъ церквахъ, гдѣ народъ цѣловалъ мои руки, ноги, одежду; тѣ, которые не могли подойти поближе, кричали: «О, дайте намъ поцѣловать ваши побѣдныя руки!» Они

хотѣли даже кричать vivat, но воздержались, боясь своихъ офицеровъ. Народъ же кричалъ на улицахъ vivat. Я замѣтилъ, что это не нравилось начальникамъ; вотъ почему, пообѣдавъ у коменданта, я тотчасъ же выѣхалъ изъ города. Толпы народа провожали меня до воротъ. Императоръ далъ мнѣ знать, что онъ за тысячу верстъ отъ меня... Но уже свѣтаетъ, я долженъ окончить письмо. Я не имѣю времени наслаждаться долѣе милою бесѣдою съ тобою.

«Сегодня же мы идемъ въ походъ, чтобъ преслѣдовать непріятеля въ самой Венгріи.

«Когда визирь убѣдился, что не можетъ болѣе держаться, онъ позвалъ своихъ сыновей и рыдалъ, какъ ребенокъ.

«Настоящее письмо—лучшая газета; ты можешь имъ воспользоваться въ этомъ смыслѣ, предваряя всѣхъ, что это письмо короля къ королевѣ.

«Я написалъ королю Франціи; я сказалъ въ письмѣ, что ему, какъ христіаннѣйшему королю, долженъ я дать отчетъ de la bataille gagnée et de salut de la chrétienté».

Авторъ письма правъ: участь всего христіанскаго міра зависѣла до нѣкоторой степени отъ исхода вѣнской кампаніи. Но судьба императора Леопольда была вся въ рукахъ Яна Собѣскаго; и изъ всего христіанскаго міра одинъ только императоръ, вѣрный своей австрійской гордости габсбургскаго дома, не желалъ унизиться до признанія своимъ спасителемъ *выборнаго* короля; онъ не хотѣлъ даже поблагодарить его, и за свою не ловкую рѣчь былъ достойно наказанъ отвѣтомъ Яна: «Mon frère, je suis bien aise de vous avoir rendu ce petit service!» [1]).

Таковъ былъ Янъ Собѣскій, какъ воинъ, какъ полководецъ. Если съ поля битвы перейдемъ къ домашнему очагу польскаго короля, мы не узнаемъ въ немъ того храбраго

[1]) «Любезный братъ, я очень радъ, что могъ оказать вамъ эту маленькую услугу».

героя, котораго славили современники, котораго благословляетъ потомство.

За нѣсколько дней до избранія Яна Собѣскаго въ короли, одна изъ партій, волновавшихъ въ то время польское общество, партія вдовствующей королевы Елеоноры, выставила непремѣннымъ условіемъ избранія Собѣскаго разводъ съ его супругою и бракъ со вдовою Михаила Коривута. Это предложеніе глубоко оскорбило сердце Яна Собѣскаго, и онъ отвѣчалъ на него рѣшительнымъ отказомъ отъ польской короны: «Я не обѣщалъ вамъ принять во что бы то ни стало бразды правленія; между нами еще не заключенъ контрактъ. Если такова цѣна вашей короны, я не хочу носить ее». Супруга была для его сердца несравненно дороже, чѣмъ польская корона для его самолюбія. Кто же та женщина, которая была въ состояніи такъ всецѣло овладѣть сердцемъ лучшаго человѣка во всей Польшѣ?

Marie Casimire Lagrange d'Arquien, дочь капитана гвардіи герцога Орлеанскаго (la garde suisse de Monsieur), прибыла въ Польшу въ свитѣ Луизы Гонзаго, нареченной невѣсты Владислава Вазы. Маріи было тогда лѣтъ десять. Она очень молодою вышла замужъ за сандомірскаго старосту, пана Замойскаго. Ей не было двадцати-пяти лѣтъ, когда она овдовѣла и вскорѣ снова вышла замужъ за великаго маршала и коронпаго гетмана Яна Собѣскаго. При избраніи Собѣскаго въ короли, ей было за тридцать лѣтъ. Она была удивительно хороша; уже около двадцати лѣтъ она привыкла видѣть у ногъ своихъ всѣхъ гордыхъ магнатовъ Польши; ею всѣ увлекались. Къ чарующей красотѣ, полученной ею отъ природы, къ привлекательнымъ манерамъ, вывезеннымъ ею изъ Франціи, присоединялась теперь добытая опытомъ повелительность, иногда оскорбительная, но никогда не допускавшая возможности ослушанія. Мы не знаемъ, которое изъ этихъ качествъ, или, быть можетъ, всѣ они вмѣстѣ очаровывали храбраго героя настолько, что онъ становился лишь исполнителемъ ея прихотей и капризовъ.

Образъ Маріи-Казиміры привлекателенъ для потомства тою любовью, которую питалъ къ ней Янъ Собѣскій. Въ своихъ письмахъ къ королевѣ Янъ Собѣскій раскрываетъ свое нѣжное сердце, отданное имъ во власть женщинѣ, которая не умѣла его цѣнить. То не были пустыя слова, когда онъ писалъ своей супругѣ [1]): «Хотя любовь и прелестна въ самихъ своихъ воспоминаніяхъ, но она еще лучше въ дѣйствительности. И если я не могу пользоваться ею въ дѣйствительности, я даю волю моему воображенію и цѣлую 1.000 разъ мою обожаемую Маріетту». Мы увидимъ еще, насколько было правды въ этихъ словахъ. Взамѣнъ того чувства, которое наполняло всю жизнь Собѣскаго, супруга дарила его лишь непріятностями и безпокойствами. Король пишетъ своей супругѣ [2]): «Твое письмо, моя душа, вмѣсто того, чтобъ принести мнѣ утѣшеніе, только безпокоитъ меня. Ты объявляешь мнѣ, дорогое мое сердце, что сильно мною недовольна. Вотъ какова моя судьба, вотъ какъ утѣшаютъ меня за всѣ мои заботы и труды». Въ другомъ письмѣ, упоминая о противодѣйствіи королевы его распоряженіямъ, онъ восклицаетъ [3]): «Я такъ несчастливъ, что никого не могу убѣдить ни въ чемъ». Королева не исполняла иногда и довольно важныхъ его распоряженій: «Я съ неудовольствіемъ узналъ, что ты приказала напечатать то, что̀ я желалъ держать въ секретѣ, и напечатать, къ тому же, въ видѣ отрывка изъ моего письма къ тебѣ. Я заклинаю тебя скупить всѣ нумера той газеты и сжечь. Это меня сильно безпокоитъ» [4]). Этимъ пассивнымъ безпокойствомъ оканчиваются всѣ противодѣйствія короля по отношенію къ его супругѣ; далѣе этого онъ не шелъ. Былъ лишь одинъ вопросъ, по которому король оказывалъ дѣйствительную оппозицію своей супругѣ: она предпочитала второго сына первому, и это было причиною довольно серьезныхъ неудовольствій между супругами.

---

[1]) Lettres., p. 125. [2]) Ibid., p. 150. [3]) Ibid., p. 223. [4]) Ibid., p. 118.

Именно по поводу этого вопроса въ депешахъ французскаго посла Полиньяка къ своему государю встрѣчается единственное упоминаніе о серьезномъ противодѣйствіи короля намѣреніямъ королевы: «Le roi continue de blâmer la reine et à traverser ses desseins» [1]).

Въ письмахъ Яна Собѣскаго ясно обрисовывается довольно грязная черта Маріи-Казиміры — ея корыстолюбіе. «Ты жалѣешь о томъ бунчукѣ, который я отдалъ императору; успокойся, у меня ихъ много еще осталось, и, сверхъ того, нѣсколько знаменъ очень дорогихъ, шитыхъ золотомъ» [2]). Въ другомъ письмѣ онъ съ ироніей замѣчаетъ, что Марія не имѣетъ права отнести къ нему укора татарокъ къ своимъ мужьямъ, возвращающимся безъ добычи [3]). Эта черта польской королевы отмѣчена въ современныхъ мемуарахъ герцога С.-Симона; говоря о любви королевы къ двумъ младшимъ своимъ сыновьямъ, герцогъ прибавляетъ: «Mais ses trésors lui étaient plus chers encore» [4]).

Честолюбіе Маріи-Казиміры не имѣло границъ. Дочь капитана, ставъ королевой, хотѣла удивить самого «великолѣпнаго» Людовика XIV. Въ Парижѣ вообще были довольны тѣмъ обстоятельствомъ, что польскій тронъ занимаетъ француженка. M-lle de Scuderi, узнавъ объ избраніи Яна Собѣскаго, писала: «Маршалъ Собѣсскій избранъ королемъ Польши, и наша д'Аркьенъ — королева. Это недурно, и дѣлаетъ честь французскому дворянству». Честолюбивая Марія желала теперь въ самой Франціи порисоваться своимъ королевскимъ титуломъ, во Франціи, которая знала ее лишь, какъ дочь простого капитана. «Здоровье ея требовало родного воздуха и ея французскіе доктора совѣтовали ей воды Бурбонъ-Ларшамбо. Приготовленія къ путешествію королевы дѣлались

---

[1]) Король продолжаетъ порицать королеву и противодѣйствовать ея намѣреніямъ. Lettres de l'abbé de Polignac. du 23 mars 1696.

[2]) Lettres, p. 118. [3]) Lettres, p. 61. [4]) «Но богатства ея были ей еще дороже». Mém. de S.-Sim. V, 437.

среди праздничныхъ торжествъ; вся Европа знала о намѣреніи польской королевы посѣтить Францію». Г-жа де-Севиньѐ писала: «Польская королева ѣдетъ въ Бурбонъ. Я полагаю, что она охотно соединитъ заботу о возстановленіи своего здоровья съ удовольствіемъ попервенствовать надъ королевою Франціи. Я увѣрена, что на возвратномъ пути она побываетъ въ Парижѣ. Вы увидите ее и поймете, что̀ значитъ счастье». Но Людовикъ XIV не допустилъ польскую королеву «попервенствовать»: онъ не соглашался даже принять ее, какъ равную, и, отклоняя ея визитъ, далъ ей замѣтить, что помнитъ ее, какъ дочь французскаго капитана. С.-Симонъ записалъ въ своихъ мемуарахъ: «Польская королева была предувѣдомлена, что королева Франціи не подастъ ей руки» [1]). Вслѣдствіе неудавшейся поѣздки Маріи-Казиміры, Собѣскій измѣнилъ свою политику по отношенію къ французскому двору; польская королева оскорбилась отказомъ Людовика XIV и, по словамъ герцога С.-Симона, воспользовалась своимъ вліяніемъ на короля, чтобъ заставить его принять политику, враждебную Франціи [2]).

Марія-Казиміра была бичомъ того героя, который возложилъ на нее королевскую корону. Она наполняла дворецъ низкими интригами, республику — преступными заговорами; она вмѣшивалась во всѣ дѣла, какъ придворныя, такъ и государственныя, и всюду вносила раздоръ и порчу; она отравляла Яну всю жизнь своимъ непостоянствомъ, безпокойнымъ характеромъ, честолюбіемъ; она ревновала своего супруга ко всѣмъ и столько же боялась утерять его довѣріе, какъ онъ ея любовь. Она удаляла отъ двора всѣхъ, не только женщинъ, но и мужчинъ, извѣстныхъ своимъ умомъ, познаніями, или желаніемъ быть пріятными королю: она удалила свою родную сестру, супругу великаго канцлера Велопольскаго, свою двоюродную сестру, княгиню Радзивилъ, ученаго За-

[1]) Mém de S.-Sim. V, 437. [2]) Ibid.

лужскаго... Когда умеръ Велопольскій, Янъ Собѣскій напомнилъ Залужскому, что не забылъ своего обѣщанія назначить его великимъ канцлеромъ, но прибавилъ: «Другъ мой! что будетъ со мною, если ты примешь это назначеніе? Я принужденъ буду бѣжать изъ моего собственнаго дома, и Богъ знаетъ, найду ли гдѣ мѣсто, чтобъ умереть спокойно!»

Таковъ былъ Янъ Собѣскій, такова была Марія-Казиміра. Неровныя отношенія супруговъ сглаживались до извѣстной степени пассивною уступчивостью короля; Собѣскій безропотно переносилъ тяжелое настоящее, при помощи всеоблегчающей любви къ своей супругѣ: но будущее страшило его: онъ видѣлъ, что мать станетъ несчастіемъ для своихъ дѣтей, и желалъ при жизни еще устроить до извѣстной степени судьбу ихъ. Любовь отца къ дѣтямъ согласовалась въ этомъ случаѣ съ заботами короля о республикѣ, и чѣмъ старѣе, тѣмъ чаще и чаще вспоминалъ Собѣскій о тѣхъ неурядицахъ, которыя подымутся вслѣдъ за его смертью. Примѣръ всей Европы и попытка Яна-Казиміра все болѣе и болѣе убѣждали его въ необходимости наслѣдственности польской короны. Современники сравнивали Собѣскаго съ Веспасіаномъ [1]); въ немъ видѣли они достоинства и недостатки римскаго императора; для полноты сравненія необходимо было, чтобъ Собѣскому наслѣдовалъ его сынъ; быть можетъ, Польша пріобрѣла бы въ немъ своего Тита, но польская конституція не дозволяла того.

Попытка Яна-Казиміра не удалась; она вызвала бурю въ польской аристократіи. Но теперь, думалось Собѣскому, обстоятельства измѣнились: онъ предлагаетъ назначить ему въ преемники не иностраннаго князя, но польскаго принца, своего сына; предложеніе исходитъ отъ лица, покрывшаго славою польское оружіе и польское имя. Собѣскій предвидѣлъ всѣ трудности провести свое предложеніе, но онъ на-

---

[1]) *Parthenay*, Hist. de Pol., I, 16.

дѣялся, и ошибся. Это предложеніе сразу уронило Яна Собѣскаго въ глазахъ аристократической партіи; онъ сталъ теперь «деспотомъ, тираномъ, разрушителемъ свободы націи и ея вольностей»; въ сенатѣ онъ былъ публично названъ «врагомъ отечества». Своимъ предложеніемъ, въ которомъ Янъ Собѣскій видѣлъ единственное средство спасти родину, король возстановилъ противъ себя всѣхъ; онъ видѣлъ, какъ терялъ даже то уваженіе, которое пріобрѣлъ собственною кровью. Облилось желчью его сердце, когда онъ услышалъ, что его считаютъ врагомъ отечества; горечью отозвались въ немъ эти страшныя слова и заставили излить свою душу въ рѣчи къ сенаторамъ,—въ рѣчи, которая достойна своего оратора:

«Тотъ хорошо зналъ мученія души человѣческой, кто сказалъ, что мелкія несчастія вызываютъ къ слову, глубокія же оскорбленія затаиваются и дѣлаютъ человѣка нѣмымъ. Весь міръ онѣмѣетъ, взирая на насъ и наши совѣщанія. Кажется, сама природа поражена удивленіемъ. Природа, добродѣтельная мать, одарила всѣ существа инстинктомъ самосохраненія, она дала самымъ слабымъ изъ нихъ орудіе для защиты себя; лишь мы одни, лишь мы, поляки, обращаемъ это орудіе противъ насъ самихъ же. Инстинктъ самосохраненія похищенъ у насъ не какою-либо высшею силою, не неизбѣжною судьбою, но нашею добровольною слѣпотою, нашими страстями, нашею потребностью вредить другъ другу. О, какъ велико будетъ удивленіе потомства, когда оно узнаетъ, что мы низвергли нашу родину въ бездну съ верха ея величія и славы, когда имя польское наполняло весь міръ. И мы низвергнемъ ее, увы, навсегда!.. Что касается меня, я сумѣлъ выигрывать вамъ побѣды, но считаю себя не въ силахъ спасти родину. Мнѣ остается только ввѣрить будущность моей возлюбленной родины не судьбѣ, такъ какъ я христіанинъ, но всемогущему Богу...

«Правда, мнѣ говорятъ, что есть еще средство помочь

бѣдствіямъ республики, и что это средство заключается въ согласіи короля со свободою. Но кто же похитилъ вашу свободу? Сенаторы! та святая свобода, въ которой я родился, въ которой я выросъ, обезпечена моими клятвами, а я никогда еще не былъ клятвопреступникомъ. Я посвятилъ той свободѣ всю мою жизнь; съ юныхъ лѣтъ родные мои научили меня видѣть въ свободѣ главную основу моей славы. Кто сомнѣвается въ томъ, пусть посѣтитъ гробницы моихъ предковъ: по слѣдамъ крови отцовъ моихъ онъ дойдетъ до странъ татарскихъ и до степей валашскихъ, гдѣ они пролили свою кровь за свободу; изъ-за могильныхъ плитъ онъ услышитъ торжественный крикъ моихъ дѣдовъ: «Да познаютъ всѣ, что славно и сладко умирать за отечество!» Я могъ бы вызвать въ васъ воспоминаніе о моемъ отцѣ, который заслужилъ названіе «щита свободы»... Вѣрьте мнѣ: ваше трибунское краснорѣчіе принесло бы болѣе пользы, если бы было направлено противъ тѣхъ, которые своими поступками накликаютъ на нашу родину глаголъ пророка, — глаголъ, который я какъ бы слышу надъ нашими головами: еще 40 дней и Ниневія будетъ разрушена!..

«Сенаторы! вы хорошо знаете, что я не вѣрю авгурамъ, не прибѣгаю къ оракуламъ, не придаю значенія снамъ. Не сны, не оракулы, вѣра научаетъ меня, что повелѣнія Провидѣнія исполнятся надъ нашею родиною. Всемогущество и справедливость того, который сотворилъ міръ, управляетъ всѣми странами; и тамъ, гдѣ безнаказанно воздвигаются алтари ложнымъ богамъ, тамъ, гдѣ все возможно при жизни короля, тамъ грохочутъ уже предвѣстники мщенія Всевышняго...»

Рѣчь произвела волненіе; многіе плакали; всѣ просили короля успокоиться. Рѣчь привела, однако, лишь къ тому, что указывала на близкія перемѣны въ Польшѣ. Этими перемѣнами интересовалась не только Варшава и вся Рѣчь Посполитая, ими была озабочена вся Европа, и изъ европей-

скихъ дворовъ, болѣе всѣхъ французскій. Еще задолго до смерти Яна Собѣскаго прибылъ въ Варшаву посолъ французскаго короля Людовика XIV, аббатъ Полиньякъ.

II.

Мельхіоръ де-Полиньякъ, второй сынъ Луи Армана виконта де-Полиньякъ, маркиза де-Шалансонъ, происходилъ отъ древней французской фамиліи, члены которой еще въ X столѣтіи именуются виконтами и къ началу XII столѣтія пріобрѣтаютъ во французскомъ народѣ прозваніе горныхъ королей, reguli montium [1]). Какъ второй сынъ, Мельхіоръ съ колыбели предназначался на церковное поприще. Онъ получилъ лучшее для своего времени образованіе: онъ началъ съ іезуитскихъ коллегій и окончилъ Сорбонной. Здѣсь-то, на школьной скамьѣ, образовался тотъ тонкій, изворотливый умъ, которому современники удивлялись въ немъ, какъ въ дипломатѣ.

Въ то время, въ школахъ, царилъ еще Аристотель. Изъ уваженія къ своимъ учителямъ, ex officio изучалъ Полиньякъ философію знаменитаго грека и все свободное время посвящалъ чтенію Декарта. Въ занятіяхъ даровитаго юноши обѣ философіи, часто противорѣчивыя, нерѣдко противоположныя, шли рядомъ, не сталкиваясь: поутру онъ приводилъ въ восторгъ рьяныхъ перипатетиковъ, которые думали видѣть въ немъ будущаго защитника дорогой имъ доктрины, и вечеромъ опровергалъ тѣ положенія, которыя такъ убѣдительно доказывалъ нѣсколько часовъ назадъ. Передъ выходомъ изъ Сорбонны Мельхіоръ Полиньякъ сказалъ рѣчь, въ которой съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ подтвердилъ теоріи Аристотеля неопровержимыми доказательствами и, два дня спустя, облеченный во всеоружіе картезіанизма, склонилъ къ ученію Декарта самыхъ злыхъ, самыхъ рьяныхъ враговъ его. Буду-

[1]) Bruzen de Martinière, Hist. de Louis XIV, v. IV, p. 1017.

щій посолъ въ Варшавѣ, дипломатическій агентъ при утрехтской конференціи, былъ уже вполнѣ образованъ при самомъ выходѣ изъ Сорбонны.

Мельхіоръ Полиньякъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ; благородная, даже важная, но не гордая поступь; живые, проницательные глаза придаютъ всей физіономіи какую-то рѣзкость, которая умѣряется доброю улыбкою, не сходящею съ его устъ; аристократическая гордость, полученная имъ при рожденіи, смягчается кротостью его священническаго сана. Казалось, онъ рожденъ для того, чтобъ очаровывать, плѣнять скорѣе, чѣмъ побѣждать. Его вѣрно охарактеризовала m-me de Sévigné въ одномъ изъ своихъ писемъ: C'est un des hommes du monde dont l'esprit me paroît le plus agréable; il sait tout, il parle de tout, il a toute la douceur, la vivacité, la complaisance qu'on peut désirer dans le commerce [1]). Такъ о немъ отзывались почти всѣ, имѣвшіе съ нимъ какія-либо сношенія; всякій чувствовалъ себя свободнымъ въ его обществѣ; его умъ никого не подавлялъ, его знанія никому не мѣшали; онъ умѣлъ скрыть и то, и другое, предоставляя другимъ высказывать то, на что онъ ихъ наводилъ, ничего не договаривая. Его познанія были обширны, но онъ никогда не рисовался ими; онъ видѣлъ лишь въ нихъ средство склонять своихъ противниковъ въ пользу своего мнѣнія. Онъ охотно разговаривалъ, но никогда не высказывалъ того, о чемъ считалъ нужнымъ умолчать; откровенный на первый взглядъ, онъ былъ скрытенъ настолько, что никто не могъ точно опредѣлить направленіе его мыслей.

Аббату Полиньяку было двадцать восемь лѣтъ, когда онъ выступилъ на общественную дѣятельность въ вопросѣ, въ высшей степени деликатномъ.

Отношенія Людовика XIV къ римскому двору были въ то

---

[1]) Это свѣтскій человѣкъ, котораго умъ очень пріятенъ; онъ все знаетъ, обо всемъ говоритъ; его обхожденіе замѣчательно мягкостью, любезностью и живостью.

время чрезвычайно натянуты; вопросъ о вольностяхъ галликанской церкви былъ способенъ лишь еще болѣе охладить оба двора, а «право убѣжища въ домахъ пословъ», такъ горячо защищаемое Людовикомъ XIV, подливало лишь масла въ огонь. Когда уже всѣ посольства отказались отъ этого права, Людовикъ XIV говорилъ: Je ne suis pas accoutumé à me régler sur la conduite d'autrui; Dieu m'a établi pour donner l'exemple aux autres, non pour le recevoir [1]). Папа Иннокентій XI считалъ для себя личнымъ оскорбленіемъ такую гордость Людовика XIV и наложилъ интердиктъ на домовую церковь французскаго посла въ Римѣ. Французскій король, съ своей стороны, занялъ Авиньонъ, заключилъ въ темницу авиньонскаго нунція и созвалъ мѣстный соборъ, съ цѣлью возвести архіепископа города Парижа, де-Тарле, въ патріарха королевства Франціи. Папа, сознавая невозможность бороться духовными средствами съ сильнѣйшимъ государемъ Европы, прибѣгаетъ къ свѣтскимъ силамъ: Иннокентій XI шлетъ денежную помощь австрійскому императору Леопольду, входитъ въ сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ и подготовляетъ ту европейскую коалицію, которая погубитъ Людовика XIV и его непрочную славу. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Иннокентій умеръ и въ Римѣ открылся конклавъ для избранія новаго папы. Людовикъ XIV шлетъ въ Римъ кардинала де-Булльона и аббата Полиньяка, съ цѣлью вліять на выборы въ смыслѣ французской политики и уладить возникшія неудовольствія.

Людовикъ XIV сознавалъ, что упрямство Иннокентія XI и еще болѣе собственная гордость увлекли его въ спорѣ съ папою слишкомъ далеко. Уже поднимался вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, для разрѣшенія котораго Людовикъ XIV нуждался въ полной свободѣ дѣйствій. Раздоръ съ Римомъ стѣснилъ бы его. Окончить съ честью для короля неудоволь-

[1]) Я не привыкъ руководиться чужими; Богъ возвысилъ меня, чтобы подавать примѣръ другимъ, а не для того, чтобы подражать.

ствія съ Римомъ, не стѣсняясь даже небольшими уступками— такова была программа, начерченная Людовикомъ XIV для его римскаго посольства. Въ выполненіи той программы аббатъ Полиньякъ игралъ, правда, второстепенную роль, но роль замѣтную, и игралъ ее съ такимъ тактомъ и искусствомъ, что французскій посолъ въ Римѣ, duc de Chaulnes, писалъ Людовику XIV о необходимости оставить въ Римѣ молодого аббата Полиньяка, «какъ единственнаго человѣка, который способенъ подѣйствовать на новаго папу (Александра VIII) и убѣдить его исправить зло, сдѣланное его предмѣстникомъ» [1]). Дряхлый Александръ VIII былъ въ восторгѣ отъ Полиньяка и вполнѣ подчинился его вліянію; онъ говорилъ о немъ: «аббатъ Полиньякъ никогда не противорѣчитъ мнѣ, онъ всегда согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, и я не знаю, какимъ образомъ, но всегда оканчивается тѣмъ, что я дѣйствую согласно его желанію». Послѣ пятнадцатимѣсячнаго папствованія, уже чувствуя приближеніе смерти, Александръ VIII написалъ Людовику XIV письмо, которое повезъ Полиньякъ. Передавая своему государю письмо папы, аббатъ Полиньякъ объяснилъ Людовику XIV положеніе дѣлъ въ Римѣ, и король почтилъ аббата отзывомъ, который лишь внѣшнимъ образомъ противорѣчитъ приведенному отзыву папы, а въ существѣ есть повтореніе перваго: «Je viens de causer avec un homme, et un jeune homme, qui m'a toujours contredit sans que j'aie pu me fâcher un seul moment» [2]). Возвратясь въ Римъ, Полиньякъ не мало способствовалъ побѣдѣ французской партіи надъ испанской и выбору Иннокентія XII, надолго изгнавшаго изъ Рима антифранцузскую политику, которой слѣдовалъ римскій дворъ со времени Урбана VIII.

Окончивъ возложенное на него порученіе, аббатъ Полиньякъ возвратился въ Парижъ и, избѣгая двора, поселился въ се-

[1]) Lettres de Chaulnes à Louis XIV, du 3 novembre 1690.

[2]) Я сейчасъ говорилъ съ человѣкомъ, къ тому же съ молодымъ человѣкомъ, который постоянно мнѣ противорѣчилъ, ни разу не разсердивъ меня.

минаріи «Добрыхъ Дѣтей» (des Bons-Enfants), гдѣ оставался въ теченіе трехъ лѣтъ, старательно изучая прошлыя судьбы человѣчества и у исторіи допрашивая секретъ могущества дипломатіи.

Лѣтомъ 1693 года, извѣщенный уже о слабомъ здоровьѣ Яна Собѣскаго. Людовикъ XIV оторвалъ Полиньяка отъ книгъ и назначилъ его посломъ къ варшавскому двору. Главная задача его миссіи состояла въ томъ, чтобъ противодѣйствовать австрійскому вліянію въ Варшавѣ и, при предстоящихъ выборахъ новаго короля, посадить, если можно, на польскій тронъ принца французской крови. Задача не легкая. Предъ глазами посла былъ уже примѣръ неудачи подобной попытки; еще были живы люди, которые участвовали въ пораженіи французскаго кандидата на предшествовавшихъ выборахъ...

29-го іюля, французскій посолъ, аббатъ Полиньякъ, въѣхалъ въ Варшаву. Янъ Собѣскій былъ еще живъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ онъ царствовалъ. Въ послѣдніе годы своей жизни польскій король много измѣнился; но эти измѣненія были естественнымъ послѣдствіемъ его личной натуры и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ.

Военный талантъ, которому удивлялись въ тотъ вѣкъ, столь богатый знаменитыми полководцами, гроза турокъ, которые бѣжали лишь заслышавъ имя Собѣскаго, спаситель Вѣны, Польши, Европы, всего христіанскаго міра отъ мусульманскаго фанатизма, неустрашимый на полѣ битвы, непобѣдимый въ сраженіи, Янъ Собѣскій доканчивалъ свою славную жизнь слабымъ послушникомъ чужихъ страстей, постыднымъ угодникомъ своего чрева, позорною жертвою безсилія воли, безхарактерности и плотскихъ наслажденій. Янъ Собѣскій пережилъ уже свою славу; онъ переживалъ теперь самого себя. Слишкомъ слабый, чтобъ противиться малѣйшимъ желаніямъ женщины, которую боготворилъ, онъ былъ и желалъ навсегда остаться угодливымъ рабомъ своей супруги; глубоко сознававшій недостатки польской конституціи, онъ

примирился съ ними, не находя уже въ себѣ силъ на новую борьбу. Въ борьбѣ протекла его жизнь, она его измучила, онъ усталъ и искалъ лишь покоя своему отучнѣвшему, оплывшему жиромъ тѣлу: лишенный силы воли, необходимой для проведенія въ польскую жизнь принципа наслѣдственности польской короны, онъ не нашелъ въ себѣ, однако, необходимой сдержанности, чтобъ не требовать отъ націи такого знака признательности къ своимъ заслугамъ. Уже предчувствуя и предвидя убійственную для его родины анархію безкоролевья, лишенный уваженія въ государствѣ, покорно перенося оскорбленія въ своей семьѣ, убитый горемъ, сознаніемъ своего безсилія и удрученный собственною тучностью, доживалъ онъ свой вѣкъ и, быть можетъ, съ радостью помышлялъ о скорой смерти. Онъ покинулъ бы этотъ міръ безъ сожалѣнія, еслибъ не скорбь о той, которая отравила ему всю жизнь, убила въ немъ всѣ честные инстинкты и холодною рукою свела его въ могилу. И умирая, Янъ Собѣскій скорбѣлъ о «единственной радости души своей, прелестной и возлюбленной Маріеттѣ».

Марія Казиміра была злымъ геніемъ Яна Собѣскаго. Въ ихъ сближеніи заключенъ секретъ всѣхъ несчастій, всего глубокаго паденія лучшаго изъ людей, когда-либо рождавшихся на польской почвѣ. Природа одарила Яна Собѣскаго великимъ духомъ; какъ всѣ великія натуры, онъ былъ чуждъ умѣренности, осторожности, мелкаго разсчета, и, предаваясь чему-либо, отдавался весь, со всѣмъ величіемъ своей души. Время вызвало его на поле брани, и онъ сталъ великимъ полководцемъ, отдавшись военному дѣлу вполнѣ и всецѣло. Несчастная звѣзда столкнула его съ Маріей Казиміррой, и онъ отмѣтилъ величіемъ духа свои чувства къ этой женщинѣ; онъ отдался ей весь, со всѣмъ своимъ геніемъ, со всѣми своими заслугами, со всѣми своими помыслами. Въ своей любви къ ней онъ былъ великъ, онъ былъ вѣренъ себѣ. Еще молодымъ офицеромъ польской конницы, прославляемый всѣми за свою храбрость, онъ дрожалъ отъ одного взгляда прекрасной сан-

домірской старостины; обвѣнчавшись со вдовою Замойскою, онъ, рядомъ побѣдъ, удивлявшихъ всю Европу, думалъ пріобрѣсти право на искренность ея сочувствія: всѣ его помыслы сосредоточились на любимой имъ женщинѣ, для нея одной онъ жилъ, о ней одной онъ думалъ и весь подчинился ея вліянію добровольно, охотно, подчинился до самоуничиженія, до самоубійства, до позора. Уже больной, лежа на постели, съ которой ему не суждено было встать, онъ оживлялся лишь при видѣ дорогихъ его сердцу чертъ супруги...

Блестящая красота, французская живость движеній, игривость взгляда, очаровательность улыбки, вся эта обворожительная внѣшность скрывала довольно низкую душу Маріи Казиміры. Слишкомъ честолюбивая, чтобъ помириться съ своимъ положеніемъ королевы, она не удовлетворялась честью быть супругой Яна Собѣскаго. Будучи дочерью капитана французской гвардіи, она считала для себя честью стать женою польскаго магната пана Замойскаго; ставъ супругой знаменитѣйшаго человѣка своего времени, она даетъ полную волю своему честолюбію, которое не довольствуется даже королевской короной —сдѣлавшись королевой, она желаетъ управлять королевствомъ. Она хотѣла царствовать, и въ то время, какъ Собѣскій писалъ ей съ поля битвы посланія, полныя страстной любви и глубокаго чувства привязанности, она, нечувствительная къ славѣ знаменитаго побѣдителя, чуждая интересамъ не родной ей страны, заботилась лишь о своихъ личныхъ, не всегда чистыхъ, интересахъ, и наполняла дворецъ и государство интригами, заговорами, раздорами, кознями. Предвидя скорую кончину своего супруга и сознавая, что его смерть набросить на нее полное забвеніе со стороны республики, она не задумалась интриговать даже противъ своихъ собственныхъ дѣтей: ненавидя своего старшаго сына, принца Якова, она стала подкупать голоса польскихъ магнатовъ въ пользу второго сына, Александра, котораго хотѣла короновать польскою короною. Цѣли своей она не достигла; но упор-

ство, съ которымъ шла къ ней, придавало вѣроятность распространившемуся слуху, что отцомъ Александра былъ не Собѣскій, а Яблоновскій. Нанося такимъ образомъ безчестіе тому, кого она почтила своею любовью, и горе тому, кого она преслѣдовала своею женскою ненавистью, Марія Казиміра стала теперь бичомъ своей семьи, будучи всю свою жизнь злымъ геніемъ своего супруга.

Вотъ какихъ лицъ встрѣтилъ аббатъ Полиньякъ близъ польскаго трона. Призванный жить и дѣйствовать среди націи, политическое устройство и общественный бытъ которой были ему совершенно чужды, французскій посолъ старался ознакомиться, прежде всего, съ политическою организаціею страны, какъ съ вопросомъ, болѣе доступнымъ для изученія и могущимъ служить указаніемъ главныхъ чертъ національнаго характера. Если воспитанникъ іезуитовъ легко понялъ характеры короля и королевы, то ученикъ Аристотеля и Декарта безъ труда предугадалъ въ польской конституціи секретъ всѣхъ бѣдствій страны. Подданный Людовика XIV съ удивленіемъ говоритъ о тѣхъ особенностяхъ польскаго общества и государства, которыми такъ дорожили и гордились поляки, и которыя, по мнѣнію французскаго посла, заключали въ себѣ лишь отрицательную цѣну. Что же особенно дурного находилъ французскій дипломатъ въ польской конституціи?

Польское общество состояло изъ двухъ классовъ, неизмѣнно, въ теченіе вѣковъ, стоявшихъ рядомъ другъ съ другомъ или, вѣрнѣе, лежавшихъ одинъ на другомъ—изъ высшаго класса, вполнѣ независимаго, удержавшаго за собою всѣ древнія права страны, и низшаго, предназначеннаго на трудъ и рабство. Ничего общаго не было и быть не могло между этими двумя классами, изъ которыхъ одинъ постоянно давилъ другого и видѣлъ въ его членахъ лишь одушевленную вещь. Не имѣя точныхъ свѣдѣній, мы можемъ лишь догадываться, что французскій посолъ не слишкомъ былъ удивленъ такою общественною организаціею; ему не нужно было многое за-

быть, чтобъ понять ее; но онъ долженъ былъ многое вспомнить, чтобъ уразумѣть смыслъ политической организаціи польскаго государства.

Польша въ теченіе вѣковъ свято сохранила черты своей первоначальной организаціи. Это была *республика*, во главѣ которой стоялъ король, и вмѣстѣ съ тѣмъ *монархія*, сохранившая древніе обычаи славянъ; такимъ образомъ, ни выгоды республиканскаго строя, ни гарантіи монархіи не существовали для страны. Въ то время, какъ во всей Европѣ, вслѣдствіе завоеванія, установился феодализмъ, который своею сложною іерархіею связывалъ тронъ съ землею, государя съ землепашцемъ, и вскорѣ выдвинулъ на взаимную борьбу дворянство, общины и королевскую власть, на борьбу, результатомъ которой было смѣшеніе классовъ — въ то время въ Польшѣ чувство гордой независимости и полнаго равенства вкоренилось въ нѣсколькихъ тысячахъ привилегированныхъ фамилій, которыя, искренно вѣря, что онѣ рождены для свободы такъ же точно, какъ всѣ другіе для рабства, присвоили себѣ право защиты государственныхъ границъ, а съ нимъ и всѣ политическія права. Всѣ эти фамиліи были совершенно равны между собою, за исключеніемъ того неравенства, которое естественно должно было проявиться современемъ, неравенства богатства: одни изъ нихъ были слугами, но никогда вассалами другихъ; они называли себя братьями, считали себя подданными республики и каждый изъ нихъ въ отдѣльности имѣлъ власть противостоять мнѣнію всѣхъ.

Этотъ привилегированный классъ польскаго общества естественно старался сохранить свои права и привилегіи; съ этою цѣлью сложились въ теченіе вѣковъ и вошли въ его нравы три политическіе принципа, изъ которыхъ каждый былъ въ состояніи не только удивить, но и остаться непонятнымъ для французскаго посла. Эти принципы были: необходимость единогласнаго рѣшенія, право конфедераціи и выборная система. Несмотря на искреннія, но позднія раскаянія, поль-

ская аристократія никогда не рѣшалась отказаться отъ этихъ принциповъ, часто признаваемыхъ опасными, но всегда уважавшихся. По мнѣнію аббата Полиньяка, первый изъ этихъ принциповъ, предоставлявшій каждому возможность противодѣйствовать волѣ всѣхъ пресловутымъ liberum veto, и второй, возводившій народное возстаніе въ законный институтъ, были бы менѣе опасны, если бы третій принципъ, выборная система, не вызывалъ къ практикѣ все чаще и чаще первые два.

Между тѣмъ какъ въ Европѣ королевская власть все болѣе и болѣе возвышалась и достигла при Людовикѣ XIV высшаго выраженія монархическаго авторитета, польская корона предлагалась теперь всякому лицу. Право выбора никогда не прекращалось въ Польшѣ; но, предводимые своимъ крулемъ, поляки легко привыкли избирать его изъ одной и той же фамиліи, сперва изъ дома Пястовъ, потомъ изъ рода Ягеллоновъ; даже болѣе: съ какою-то щепетильностью они стараются возводить на тронъ лишь лицъ, имѣющихъ родственную связь съ однимъ изъ тѣхъ родовъ. Но за родомъ Пястовъ вымеръ, наконецъ, и домъ Ягеллоновъ, вымеръ окончательно, не оставивъ никакой, даже самой далекой вѣтви. Тогда-то выборное начало, всегда сохранявшееся въ Польшѣ, выказало всѣ свои уродливыя стороны. Полякамъ представлялась незавидная дилемма: или избрать королемъ одного изъ среды себя, и, въ такомъ случаѣ, слѣдить, чтобъ избранный не сдѣлалъ данную ему власть наслѣдственною въ своемъ родѣ, или избрать въ короли кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ, который взойдетъ на престолъ при помощи интригъ и подкупа, и будетъ удерживаться на немъ ограниченіемъ своихъ королевскихъ правъ, уступками и, въ крайности, что̀ еще хуже, помощью иностранныхъ державъ.

Полиньякъ хорошо понималъ эту дилемму, которая неизбѣжно представлялась полякамъ каждый разъ, какъ они извѣщались о кончинѣ своего короля. Полиньякъ видѣлъ, что

царствующій еще, но уже приближающійся къ смерти Янъ Собѣскій принадлежалъ къ первой категоріи выборныхъ королей, и онъ безъ труда объяснилъ себѣ какъ ту политику, которой держался варшавскій дворъ въ моментъ прибытія къ нему французскаго посла, такъ и тѣ причины, которыя привели Яна Собѣскаго къ его настоящему положенію.

Сто лѣтъ назадъ, Стефанъ Баторій былъ провозглашенъ польскимъ королемъ; хотя онъ не былъ въ родствѣ съ домомъ Ягеллоновъ, но возведенъ былъ на тронъ подъ непремѣннымъ условіемъ брака съ Анною, сестрою Сигизмунда Августа, изъ дома Ягеллоновъ. Немного ранѣе былъ избранъ Генрихъ Валуа, но онъ принадлежалъ къ царственному дому. Янъ Собѣскій былъ первый, который не былъ въ родствѣ ни съ однимъ изъ царствовавшихъ домовъ; онъ первый былъ выведенъ изъ толпы и поставленъ во главѣ польскихъ аристократовъ, храбрыхъ, предпріимчивыхъ, великодушныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ щепетильныхъ, надменныхъ; во главѣ тѣхъ аристократовъ, которые видѣли въ королѣ лишь перваго изъ среды себя, которому они дозволяли царствовать, но запрещали повелѣвать ими; во главѣ тѣхъ, наконецъ, аристократовъ, которые, по словамъ пана Замойскаго къ Сигизмунду III, были «избирателями королей, но губителями тирановъ», и которые, вслѣдствіе такого своего призванія, старались по возможности ограничить королевскую власть. При такихъ условіяхъ, положеніе короля было крайне стѣсненное. «Первый изъ аристократовъ», король пользовался меньшею свободою, чѣмъ всякій другой членъ этой республиканской аристократіи. И несмотря на такое стѣсненное положеніе, Собѣскій, казалось, болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣлъ возможность отстранить неудобство выборной системы основаніемъ новой династіи: онъ возвысился надъ всѣми согражданами единственно въ силу своей личной славы и слѣдовательно, чувство общаго равенства не было оскорблено его возвышеніемъ: къ тому же, онъ былъ простъ, добръ, уступ-

чивъ. Если къ этому прибавить тѣ испытанныя уже страною неудобства выборнаго начала, которыя, по словамъ Яна Казиміра, должны были отдать страну въ добычу сосѣдямъ, то понятно, что Собѣскій имѣлъ основаніе надѣяться на успѣхъ своей попытки ввести принципъ наслѣдственности королевской власти. Мы видѣли, однакожъ, что эта попытка, вслѣдствіе оппозиціи важнѣйшихъ институтовъ въ Рѣчи Посполитой, не удалась.

Эта неудача заставила Собѣскаго измѣнить политику. Не найдя опоры въ государствѣ, онъ сталъ искать ее внѣ его и, должно сказать, вступилъ на ложный путь. Собѣскій сознавалъ, что, послѣ его смерти, дѣти его будутъ низвергнуты со ступеней трона опять въ ту толпу гражданъ, изъ которой они были выведены славою побѣдъ ихъ отца. Желая обезпечить будущность дѣтей, Собѣскій, послѣ того, какъ его предложеніе о наслѣдственности короны было отвергнуто, ищетъ въ иностранныхъ державахъ будущихъ союзниковъ своимъ дѣтямъ. Не польза республики, а судьба дѣтей даетъ теперь направленіе его политикѣ; въ этомъ заключалась ложь того пути, на который онъ вступилъ въ послѣдніе годы жизни.

Послѣ того, какъ Собѣскій спасъ подъ стѣнами Вѣны императора Леопольда I, невѣрнаго и неблагодарнаго союзника, онъ, вмѣсто того, чтобъ остаться независимымъ, нейтральнымъ, у котораго заискивала бы и Австрія, еще нуждавшаяся въ немъ, и Турція, ослабленная его недавними побѣдами, вступаетъ въ христіанскую лигу, надѣясь въ ея членахъ найти вѣрныхъ союзниковъ, которые, въ память услугъ отца, помогутъ дѣтямъ удержать за собою его тронъ. По корыстному совѣту Леопольда, Собѣскій нападаетъ на Молдавію и вторично испытываетъ невѣрность австрійскаго императора, который не прислалъ ему обѣщанной помощи. Года и болѣзни заставляютъ Собѣскаго удалиться съ театра войны; неопытные полководцы, принявшіе начальство надъ польскимъ войскомъ, терпятъ пораженіе; одинъ изъ сыновей

короля убитъ въ сраженіи. При такихъ-то обстоятельствахъ, видя себя покинутымъ своими неблагодарными союзниками, угрожаемый сильными врагами, Собѣскій заключаетъ договоръ съ Москвою Собѣскій проливалъ слезы, подписывая этотъ договоръ [1]); онъ видѣлъ въ немъ первый симптомъ предсмертной агоніи, которою мучилась разлагавшаяся Польша. Полиньякъ полагалъ, что тотъ договоръ окончательно губилъ всю популярность дома Собѣскихъ [2])...

Положеніе Россіи въ то время ясно показываетъ, что Собѣскій не напрасно проливалъ слезы, что Полиньякъ не ошибался.

Миръ въ Оливѣ 1660 г. и перемиріе въ Андрусовѣ 1667 г. измѣнили восточныя границы Рѣчи Посполитой. Польша утеряла Смоленскъ, Кіевъ и другія области, которыя отошли къ Россіи. Несмотря на громкія побѣды надъ турками, несмотря на льстивыя надежды Европы, Польша не была въ состояніи силою возвратить утерянныя области, и въ 1678 году Янъ Собѣскій шлетъ торжественное польско-литовское посольство въ Москву. Посломъ польскимъ былъ князь Чарторыйскій, воевода волынскій, и литовскимъ—Янъ Казиміръ Сапѣга, воевода полоцкій. Свита посольства состояла изъ 2.000 человѣкъ; въ этой свидѣ находился богемецъ Бернардъ-Леопольдъ-Францискъ Таннеръ, оставившій намъ довольно обстоятельное описаніе того посольства [3]).

17-го мая посольство прибыло въ Москву. «Почти до 5-го іюня продолжались весьма спорныя совѣщанія. Особенно много труда было возвратить воеводство Смоленское, Кіев-

---

[1]) Lettre de Forbin-Jonson, du 19 décembre 1678.

[2]) Lettre de Polignac, du 8 mai 1695.

[3]) Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam Potentissimi Poloniæ Regis ac Reipublicae mandato et consensa anno 1678 feliciter suspecta, nunc breviter sed accurate singula notabilia descripta a teste oculato Bernhardo Francisco Tannero Boemo Pragense, Dn. Legati Principis Camerario Germanico. Переводъ на русскій языкъ, къ сожалѣнію, съ выпусками, помѣщенъ въ «Сѣверномъ Обозрѣ[illegible]» т. I.

ское и староство Велижское, въ которомъ лежатъ города Сѣверскъ, Невель и Велижъ. Царь не хотѣлъ ихъ отдать, предлагая какое-нибудь другое вознагражденіе. Послы объявили, что согласны взять шесть милліоновъ червонцевъ. Бояре изумились, услыхавъ такую огромную сумму. Послы говорили, что такъ хочетъ король польскій, «а если вы не согласны дать доброй волей, то онъ возьметъ оружіемъ». На такія рѣчи самъ царь отвѣчалъ: «а я тотчасъ же пошлю посольство въ Турцію и соединюсь съ султаномъ противу Польши» [1]). Спустя около трехъ недѣль, «23-го іюля все устроилось. Согласились уступить Польшѣ староство Велижское, а за Смоленскъ и Кіевъ заплатить два милліона наличными деньгами» [2]). Въ обычныхъ церемоніяхъ присяги и подписанія договора прошелъ мѣсяцъ. «19-го августа пріѣхали телѣги, нагруженныя деньгами. Часть ихъ была золотомъ, а часть копѣйками. Ихъ считали три дня. Счетчикомъ былъ панъ Гумовскій, а на возы клалъ панъ 3брожекъ. 24-го августа мы оставили Москву» [3]).

Янъ Собѣскій плакалъ, видя невозможность возвратить отъ Россіи области, утерянныя его предшественникомъ; онъ плакалъ, сознавая историческое тяготѣніе къ Россіи восточныхъ провинцій Рѣчи Посполитой. Не сознавали этого поляки. Въ донесеніи русскаго посла при польскомъ дворѣ сказано: «Графъ Седлницкій, аблегатъ бывшій при дворѣ польскомъ, будучи у посланника, говорилъ: сторонѣ царскаго величества они (поляки) есть непріятели, и предъ всѣми иноземскими послы хвалятся и ему многажды говаривали не токмо шляхта, но и сенатори, что у нихъ съ Москвою миръ не крѣпокъ ничѣмъ, одинъ-де король подтвердилъ, а Рѣчью Посполитою и сеймомъ не подтвержено; пооправясь-де ста-

---

[1]) Таннеръ, стр. 751.

[2]) Тамъ же, стр. 755. Здѣсь разумѣются два милліона польскихъ злотыхъ около 200.000 червонцевъ.

[3]) Тамъ же, стр. 759.

нутъ все отыскивать, пособятъ-де имъ въ томъ и иные сосѣди» [1]). Поляки негодовали на короля за договоръ съ Россіею; они уже тогда пріучались ложно смотрѣть на Россію.

А силы Россіи въ то время были велики; ихъ признавала такими сама Европа.

Въ переговорахъ съ польскими послами царь московскій угрожаетъ союзомъ съ Турціею. Въ то время Турція безпокоила Польшу своими набѣгами. Спустя пять лѣтъ послѣ знаменитаго погрома турокъ подъ стѣнами Вѣны, послѣ 1683 г., Турція перестаетъ быть грозою для Польши. Измѣнятся ли теперь отношенія Польши къ Россіи? не будетъ ли Польша требовательнѣе? не станетъ ли Россія уступчивѣе?

Мы уже говорили и опять повторяемъ: въ то время дипломатія не создала еще несчастнаго *восточнаго вопроса*; въ то время турки понимались всѣми за турокъ, и христіанская Европа видѣла въ Россіи свою будущую избавительницу отъ мусульманской Турціи. Мало того: Европа униженно просила Россію взять Константинополь и прогнать турокъ въ Азію.

Въ маѣ 1684 г. прибыли въ Москву послы императора. Въ присутствіи Софіи баронъ Блумбергъ произнесъ рѣчь [2]) къ малолѣтнимъ Ѳедору и Петру. Посолъ доказывалъ, что пораженіе подъ Вѣной нанесло такую рану Турціи, отъ которой она не излѣчится уже никогда, и совѣтовалъ царямъ-братьямъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ. «*Черное море страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертыя объятія; вся Греція и Азія ожидаютъ васъ;* какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму,

---

[1]) Памятн., VIII, 141.

[2]) Oraison que le 28 may la grande deputation impériale fit en langue latine aux grands ducs de Moscowie par la bouche du baron Blomberg. Въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» сказано, что въ маѣ 1683 года послами отъ императора были «Яганъ Христофоръ вольной баронъ съ Жирова Жировскій и Севастьянъ вольной баронъ съ Блюмберка», причемъ приведены рѣчи каждаго изъ пословъ, но совершенно иного содержанія. См. VI, 504, 199.

такъ въ настоящее время для васъ легко это исполнить. Настало время подчинить вашему господству эту хищную птицу и заставить этихъ душегубцевъ поклоняться вашей коронѣ». Посолъ высказываетъ любопытный взглядъ на отношеніе христіанской Европы къ Турціи, любопытный и для многихъ наставительный даже въ наше время: «Христіанинъ, не помогающій другому противъ коренного врага христіанства, есть самъ себѣ врагъ. Никто не долженъ быть болѣе друженъ, какъ христіане между собою, ибо не помнящій своихъ членовъ есть не болѣе, какъ мертвое и безчувственное тѣло. Дозволите ли же вы, чтобы ваши члены были угнетаемы подъ игомъ тираніи?» [1]) Въ заключеніе высказывается категорическая просьба: «Сражайтесь за крестъ Іисуса Христа! идите впередъ, да погибнутъ невѣрные! *Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патріарховъ*» [2]).

Спустя двѣсти лѣтъ читаешь эти строки съ какимъ-то невольнымъ недовѣріемъ и еще болѣе становится непонятнымъ негодованіе поляковъ на своего короля за союзъ съ Россіею, мощное значеніе которой признала тогда вся Европа.

III.

Первые шаги Полиньяка на его новомъ дипломатическомъ постѣ отмѣчены въ общихъ чертахъ въ одной изъ первыхъ депешъ посла къ де-Круасси, министру иностранныхъ дѣлъ во Франціи.

---

[1]) Lors qu'un chrestien n'aide pas l'autre contre l'ennemy hereditaire des chrestiens, il est luy mesme ennemy. Personne ne doit estre plus grand amy que les chrestiens entre eux, parceque qui ne se souvient pas de ses membres est un corps mort et insensible. Permettez vous que vos membres soient oppressez sous le joug de la tyrannie?

[2]) Combattez pour la croix de Jesus Christ, marchez devant afin que ces impies soyent exterminez. Prenez Constantinople où vos patriarches doivent avoir le siège.

Если энциклопедическое образованіе и обширныя литературныя свѣдѣнія легко сближали его съ королемъ, который даже въ военныхъ походахъ не разставался съ своими любимыми классиками, то изысканность манеръ, кажущаяся простота отношеній, веселость нрава и французская любезность помогли Полиньяку занять видное мѣсто при элегантномъ и веселомъ варшавскомъ дворѣ. Своимъ угодливымъ обхожденіемъ и знаніемъ людей, Полиньякъ тотчасъ же пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Le sénat et la noblesse eurent bientôt pour l'abbé de Polignac de grands sentiments d'estime [1]), сказано въ одной исторіи Польши, писанной современникомъ тѣхъ событій. Маркизъ де-Бетюнъ, предшественникъ Полиньяка, оставилъ по себѣ дурную память въ Польшѣ, и аббатъ старался теперь загладить оплошность маркиза; онъ угождаетъ всѣмъ и всѣхъ располагаетъ къ себѣ.

Собѣскому, врагу всякихъ церемоній, онъ даетъ знать, что желалъ бы въѣхать въ Варшаву какъ можно скромнѣе, тише; примасу Польши, будущему главѣ республики во время предстоящаго безкрулевья, онъ везетъ отъ лица своего государя богатые подарки, зная слабость архіепископа Гнѣзненскаго. Старшему сыну короля, принцу Якову, посолъ напоминаетъ, что Людовикъ XIV его крестный отецъ; его младшимъ братьямъ, которые наслѣдовали отъ матери любовь къ Франціи, онъ совѣтуетъ путешествіе въ Парижъ [2]). Варшавскій дворъ не похожъ на другіе европейскіе дворы, при которыхъ достаточно угодить королю, фавориту, или, быть можетъ, фавориткѣ; варшавскій дворъ, дворъ выборнаго короля, поставленъ въ иныя условія: здѣсь необходимо заручиться расположеніемъ послѣдняго изъ дворянъ, и Полиньякъ видится со всѣми ими, льститъ имъ, ласкаетъ ихъ. Для вліятельнѣйшихъ изъ аристократовъ, для Яблоновскихъ,

[1]) Сенатъ и дворянство очень скоро возымѣли къ аббату Полиньяку большое уваженіе. *Parthenay*, II, 76.

[2]) Lettre de Polignac à M. de Croissy, du 16 octobre 1693.

Сапѣгъ, Опалинскихъ, Лещинскихъ, у него готово льстивое увѣреніе въ уваженіи, которое питаетъ къ нимъ Людовикъ XIV; для остальныхъ всегда открытъ его кошелекъ и предложеніе помощи сильнѣйшаго изъ европейскихъ монарховъ. Самые незначительные изъ польскихъ дворянъ чувствуютъ себя какъ бы дома на великолѣпныхъ празднествахъ, даваемыхъ французскимъ посломъ, на его загородной виллѣ Fleuron, которую такъ охотно посѣщаетъ весь дворъ, полюбившій хозяина виллы [1])... Неудивительно, что и французскій посолъ принятъ какъ свой человѣкъ въ будуарѣ польской королевы, въ которомъ рѣшались въ то время важнѣйшія государственныя дѣла.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія въ Варшавѣ Полиньякъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на королеву. «Когда имѣешь сердце—имѣешь все», писалъ кардиналъ Мазарини королю Людовику XIV [2]); аббатъ на опытѣ провѣрилъ справедливость словъ кардинала. Въ современныхъ брошюрахъ, особенно же въ памфлетахъ, отношенія королевы къ французскому послу, молодому, красивому соотечественнику, описаны въ такихъ чертахъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія насчетъ главной причины того вліянія, которое имѣлъ Полиньякъ на Марію Казиміру. Королевѣ было въ то время 52 года; она была еще очень хороша и сохранила свѣжесть чувства. Не проходило ни одного дня безъ того, чтобъ они не видѣлись; Полиньякъ встрѣчалъ нерѣдко восходъ солнца въ будуарѣ королевы; интимность ихъ отношеній была всѣмъ извѣстна. Правда, только своимъ друзьямъ, въ минуты откровенности, въ знакъ своего особаго довѣрія, посолъ показывалъ «дорогой и милый его сердцу подарокъ» королевы — ея портретъ, висѣвшій надъ его постелью; но у посла не было недруговъ между польскими аристократами и,

---

1) Lettre de Polignac, du 16 novembre 1696: Il faut partout des festins et de petits présens pour engager les principaux, les plus hardis et ceux qui crient le plus haut.

2) Lettre du cardinal Mazarin à Louis XIV, du 28 août 1659.

каждому поодиночкѣ, онъ показалъ этотъ портретъ всѣмъ. Насколько тотъ портретъ былъ милъ сердцу аббата, сказать, конечно, трудно; но онъ былъ настолько дорогъ для посла, что королева должна была сама войти къ нему въ спальню и собственными руками снять и унести свой подарокъ, вслѣдствіе чего размолвка между нею и аббатомъ стала тотчасъ же извѣстна всей Варшавѣ. Мы не думаемъ, однако, чтобъ посолъ сожалѣлъ о томъ, что разрывъ его добрыхъ отношеній къ королевѣ сопровождался такимъ скандаломъ: этотъ разрывъ привлекалъ къ нему симпатіи поляковъ, а посолъ никогда еще не сожалѣлъ о томъ, что̀ представляло какую-либо выгоду для его главной цѣли.

Намъ не нужно прибавлять, что Полиньякъ сумѣлъ воспользоваться своими отношеніями къ членамъ королевской фамиліи и ко всему варшавскому двору для главной цѣли своего посольства. Цѣль же эта была теперь опредѣлена до извѣстной степени довольно точно: уронить въ глазахъ королевы значеніе вѣнскаго двора, привязать къ себѣ польскую аристократію заслугою противодѣйствія антинаціональной политикѣ короля и отвратить всю Польшу отъ принца Якова, старшаго сына короля и главнаго соперника французскому кандидату на предстоящихъ выборахъ. Полиньякъ не зналъ лишь имени того, кого назоветъ своимъ кандидатомъ Людовикъ XIV; объ этомъ онъ могъ лишь догадываться.

Относительно принца Якова польская королева и французскій посолъ сходились въ своихъ цѣляхъ: оба они желали отстранить его отъ трона, но съ тою разницею, что королева желала этого ради своего второго сына, а посолъ ради принца французской крови, что̀ онъ, конечно, скрывалъ до времени отъ королевы. Если справедливо, что отцомъ второго сына королевы, Александра, былъ панъ Яблоновскій, то въ такомъ случаѣ предпочтеніе, отдаваемое ему матерью, понятно—дѣти незаконнорожденныя всегда дороже родительскому сердцу. Но, кажется, въ данномъ случаѣ причина нелюбви матери

къ своему старшему сыну заключалась въ самомъ же сынѣ. Яковъ былъ почти уродъ: маленькій, некрасивый, онъ, по словамъ маркиза де-Бетюна, «носилъ на лицѣ своемъ печать отверженія» [1]); Александръ же, напротивъ того, былъ хорошъ собою, уменъ, ловокъ. Полиньякъ, для котораго оба, какъ Яковъ, такъ и Александръ, были равнымъ образомъ помѣхою, съ похвалою отзывается объ Александрѣ въ одномъ изъ своихъ донесеній Людовику XIV, какъ о человѣкѣ, любящемъ размышлять и не имѣющемъ пристрастія къ обычнымъ развлеченіямъ молодости [2]). Полиньякъ не былъ, однако, за Александра: онъ былъ лишь противъ Якова.

Уронить австрійскій дворъ въ глазахъ королевы было не трудно: императорская надменность давала къ тому много поводовъ. Такъ, когда шли переговоры о бракѣ польской принцессы Терезы Собѣской съ курфирстомъ баварскимъ Максимиліаномъ, императоръ далъ знать курфирсту, что этотъ бракъ былъ бы неудобенъ, потому что дѣти, которыя отъ него произойдутъ, какъ связанныя съ фамиліей Аркьеновъ, не будутъ имѣть права на мѣста канониковъ. Полиньякъ не упустилъ случая разъяснить королевѣ, насколько для нея оскорбителенъ такой отзывъ императора объ ея домѣ, а въ то же время онъ передалъ отцу королевы высшіе знаки ордена св. Духа, le collier du St.-Esprit, только что присланные для него Людовикомъ XIV.

То и другое было услугою въ глазахъ королевы; вскорѣ французскій посолъ оказалъ услугу всей польской аристократіи. Когда принцъ Яковъ хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, Полиньякъ доказывалъ ему вредныя послѣдствія поѣздки такими слабыми аргументами, что даже для Якова не представляло особеннаго труда опровергнуть ихъ, и, въ то же время, неопровержимыми доводами Полиньякъ убѣдилъ отца запретить сыну ѣхать къ императору. Затѣмъ, когда поѣздка

[1]) Lettre du marquis de Béthune, du 15 février 1689.

[2]) Lettre de Polignac, du 3 août 1696.

состоялась, польское дворянство было благодарно французскому послу за его совѣты и было раздражено противъ принца, который, вопреки волѣ отца, сдѣлалъ поступокъ, который заградилъ ему путь къ трону [1]), какъ доносилъ Полиньякъ Людовику XIV.

Французскій посолъ былъ занятъ въ Варшавѣ не только придворными интригами и очищеніемъ дороги къ польскому трону для принца французской крови. Ему посчастливилось оказать своему государю услугу болѣе значительную. Въ то время противъ Людовика XIV составилась обширная коалиція, во главѣ которой стоялъ императоръ Леопольдъ. Полиньякъ понималъ, что въ случаѣ мира между Польшей и Оттоманской Портой, Турція, освободившись отъ врага, можетъ направить всѣ свои силы противъ Австріи и оказать, такимъ образомъ, большую услугу Франціи. Искусною рукою отклонивъ догадливую подозрительность папскаго нунція, который видѣлъ въ союзѣ Польши, Австріи и Венгріи противъ Турціи единственное спасеніе христіанской церкви отъ исламизма, Полиньякъ, послѣ долгихъ усилій, склонилъ, наконецъ, и Яна Собѣскаго въ пользу мира съ Турціею, доказывая ему, что этотъ миръ необходимъ не для Франціи, а для самой Польши [2]). Полиньякъ такъ искусно велъ переговоры объ этомъ мирѣ съ послами султана, что удостоился полной похвалы отъ Людовика XIV, который писалъ ему по этому поводу [3]):

«Continuez à vous charger de la conclusion de la paix avec la Porte. Je vois avec plaisir que vous êtes bien instruit de la manière dont il faut se conduire avec les Polonais pour leur faire prendre un bon parti, et je m'assure que vous y ferez tout ce que je puis attendre de votre adresse» [4]).

---

[1]) Lettre de Polignac, du 14 décembre 1695.

[2]) Lettre de Polignac à M. de Croissy, du 2 janvier 1696.

[3]) Lettre de Louis XIV, du 29 octobre 1695.

[4]) «Продолжайте ваши старанія по предмету заключенія мира съ Портою. Я съ удовольствіемъ вижу, что вы хорошо поняли, какъ надо дѣйствовать

При этомъ письмѣ короля находится небольшая приписка маркиза де-Круасси, министра иностранныхъ дѣлъ:

«Je prends la plume pour vous dire une vérité que j'avais prévue depuis que j'ai l'honneur de vous connaître, qui est que Sa Majesté convient qu'elle ne pouvait employer personne dans ses ambassades qui pût la servir mieux que vous» [1]).

Несмотря на всѣ старанія Поливьяка, онъ не успѣлъ: миръ между Турціею и Польшею не былъ заключенъ. Противъ этого мира было большинство націи, несмотря на полное согласіе короля, или, вѣрнѣе сказать, именно вслѣдствіе этого согласія: въ то время нація утеряла уже всякое довѣріе къ Яну Собѣскому и противодѣйствовала всѣмъ его желаніямъ; нація была убѣждена, что эти желанія, направляемыя королевой-француженкой, клонятся во всякомъ случаѣ къ пользѣ Франціи, если не ко вреду Польши.

Непринятіе націею предложенія короля о мирѣ съ Турціей нанесло новый ударъ Яну Собѣскому. Уже давно онъ видѣлъ, какъ уменьшалась его популярность, какъ росло недовѣріе націи къ нему, какъ къ королю. Еще въ періодъ полной своей славы, изъ-подъ стѣнъ спасенной имъ Вѣны, онъ писалъ [2]): «всѣмъ услуживать и ничего ни отъ кого не ожидать, кромѣ Бога—такова моя судьба». Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ. Государственныя неудачи и политическія ошибки, семейныя невзгоды и придворныя интриги раздражали короля, отношенія его къ націи становились годъ отъ году болѣе и болѣе натянутыми; въ послѣдніе годы онъ встрѣчалъ въ однихъ—бездѣльную апатію, въ другихъ—упрямую

съ поляками, чтобы заставить ихъ стать на надлежащій путь, и увѣренъ, что вы сдѣлаете въ этомъ смыслѣ все, что я въ правѣ ожидать отъ вашей ловкости».

[1]) «Беру перо, чтобы сказать вамъ истину, въ которой я убѣдился съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ честь васъ узнать, именно: что его величество вполнѣ согласенъ, что въ дѣлахъ дипломатіи никто лучше васъ не исполнялъ порученія короля».

[2]) Lettres, p. 69.

оппозицію, во всѣхъ—полное недовѣріе. Изрѣдка, въ тяжелыя минуты республики, нація какъ бы инстинктивно обращала къ нему свои взоры, облекала его своимъ довѣріемъ, но это было ненадолго: проходила опасность, и для короля вновь наступало время разочарованія. Не легко было сносить укоры сенаторовъ, крики сеймовъ, угрозы толпы. Крѣпкое сложеніе Яна Собѣскаго, ослабленное уже тревогами войны, не вынесло грустныхъ думъ о будущемъ семьи, тяжелаго сознанія о потерянной любви народа, горькаго убѣжденія въ безполезности прошлыхъ заслугъ.

Король занемогъ. Его супруга, уже давно и часто напоминавшая ему о духовномъ завѣщаніи, неотступно требовала теперь отъ него письменнаго заявленія послѣдней воли. Другъ королевы, епископъ Залужскій, напоминалъ ему о томъ же. Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Янъ Собѣскій еще болѣлъ сердцемъ о судьбѣ любимой родины, онъ отвѣчалъ имъ: «Чѣмъ могу я помочь? Посмотрите, сердца всѣхъ испорчены, умы полны лишь козней и интригъ. Могу ли льстить себя надеждою, что своимъ духовнымъ завѣщаніемъ внесу порядокъ въ организмъ республики? Несчастные короли! При жизни мы повелѣваемъ—намъ не повинуются; будутъ ли насъ слушать послѣ смерти?!» Такія минуты искренней заботы о республикѣ приходили все рѣже и рѣже. Яномъ Собѣскимъ овладѣла апатія, «флегма напала» [1]). Онъ сталъ тучнѣть, облѣнился и не хотѣлъ ни о чемъ думать, перестал заниматься дѣлами. Полиньякъ доносилъ Людовику XIV: «Король вовсе не думаетъ о томъ, что̀ будетъ послѣ него: привыкнувъ во всемъ полагаться на Провидѣніе, онъ охотно поручаетъ ему заботу объ интересахъ королевства» [2]). Король изрѣдка выходилъ изъ своей комнаты, чтобъ погулять съ неизмѣннымъ своимъ другомъ, французскимъ посломъ аббатомъ Полиньякомъ, въ великолѣпныхъ садахъ своей Новой Виллы.

[1]) Памятн., VIII, 93.

[2]) Lettre de Polignac, du 10 février 1696.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, 17-го іюня 1696 г., король внезапно подвергся сильному пароксизму лихорадки. Полиньякъ съ трудомъ перенесъ его во дворецъ. На слѣдующій день, день рожденія Яна Собѣскаго и коронаціи короля, онъ могъ еще сойти въ садъ, поддерживаемый Полиньякомъ и Залужскимъ, но долженъ былъ тотчасъ же возвратиться во дворецъ и лечь въ постель. Чернь шумѣла подъ его окнами, пьяно празднуя двойной праздникъ; отецъ королевы, маркизъ д'Аркіенъ, пировалъ съ толпою магнатовъ въ одной изъ залъ дворца, неподалеку отъ опочивальни короля. Съ королемъ оставались лишь три лица—Марія Казиміра, аббатъ Полиньякъ и епископъ Залужскій. Часовъ въ 5 вечера короля поразилъ ударъ. Королева вскрикнула. Ея отецъ прибѣжалъ на крикъ дочери; съ нимъ ввалилась въ комнату полупьяная толпа пановъ; видя, что король еще живъ, они ушли продолжать пирушку... Спустя нѣсколько часовъ—новый ударъ, и не стало героя, который, по словамъ Карла XII, «не долженъ былъ бы никогда умирать».

Аббатъ Полиньякъ, до конца присутствовавшій при этой сценѣ смерти, ночью же отправилъ курьера въ Парижъ: своему министру, де-Круасси, онъ описывалъ всѣ подробности послѣднихъ дней жизни и кончины Яна Собѣскаго; у своего государя, Людовика XIV, просилъ новыхъ инструкцій для дѣйствій при наступившихъ новыхъ обстоятельствахъ.

IV.

Въ 1672 году, когда польскіе магнаты составили заговоръ противъ Михаила Коривута, съ цѣлью свергнуть его съ трона, великій маршалъ Янъ Собѣскій, руководившій заговоромъ, писалъ Людовику XIV: «Donnez nous pour roi ou Turenne, ou Condé, ou un prince de Conti, encore enfant, dont Turenne seroit le tuteur» [1]). Съ избраніемъ Яна Собѣскаго забылась память

[1]) Lettre de Sobieski à Louis XIV, du 14 juillet 1672. «Дайте намъ въ короли или Тюренния, или Конде, или малолѣтняго принца Конти, подъ опекой Тюренния».

объ этой просьбѣ; теперь смерть Яна, о которой Полиньякъ извѣщалъ своего государя, воскресила въ Людовикѣ XIV воспоминаніе о желаніи Собѣскаго, высказанномъ отъ лица польскихъ магнатовъ.

Въ смерти Яна Собѣскаго Людовикъ XIV справедливо предвидѣлъ удобный случай къ изъятію польской республики отъ австрійскаго вліянія. Пріобрѣтеніе въ Польшѣ если не союзника Франціи, то врага Австріи должно было усилить вліяніе французскаго короля на ходъ европейскихъ событій, которыя уже тогда обрисовывались довольно ясно.

Въ то время Европа находилась въ томъ періодѣ затишья и выжиданія, которымъ всякій государственный умъ долженъ умѣть воспользоваться, чтобъ приготовиться къ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя готовы совершиться. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Европа за извѣстіями изъ Мадрида, гдѣ умиралъ послѣдній представитель испанской линіи, несчастный Карлъ II, слабый, больной отъ рожденія, умиравшій уже въ теченіе 30-ти лѣтъ. Два сильнѣйшихъ дома Европы, Бурбоны и Габсбурги, давно уже готовятся къ близкой и неизбѣжной борьбѣ; тотъ и другой ищутъ себѣ союзниковъ, укрѣпляютъ свое положеніе. Понятно, что оба дома слишкомъ заинтересованы въ избраніи преемника Яну Собѣскому; понятно, что на избирательномъ сеймѣ Польши, сильнѣйшей изъ восточныхъ державъ, столкнутся интересы Австріи и Франціи въ лицѣ ихъ кандидатовъ на польскій тронъ, разыграется прологъ къ кровавой драмѣ, извѣстной въ лѣтописяхъ европейской исторіи подъ именемъ войны за Испанское Наслѣдство.

Изъ трехъ кандидатовъ, названныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ Собѣскимъ въ его письмѣ къ Людовику XIV, Тюренна и Конде не было уже въ живыхъ; третій, принцъ Конти, былъ уже не ребенокъ.

François Louis, prince de Conti, племянникъ великаго Конде, обладалъ всѣми достоинствами своего знаменитаго дяди и превосходилъ его отсутствіемъ тѣхъ недостатковъ, которые

были замѣтны въ Конде. Это подмѣтилъ еще Вольтеръ, когда задумывался надъ вѣкомъ Людовика XIV: «Ressemblant au grand Condé son oncle par l'esprit et le courage, il était animé du désir de plaire qui avait manqué quelquefois au grand Condé» [1]. Не только потомство, современники отзывались о немъ въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ. Маркизъ de la Fare говоритъ о принцѣ [2]: «Le prince de Conti marqua du courage et des talents pour la guerre; il avoit beaucoup d'esprit et l'avoit fort orné par la lecture; avec cela une humeur douce qui le rendoit de la plus aimable conversation qu'un homme puisse être». Даже скупой на похвалы герцогъ С.-Симонъ записалъ о немъ въ своихъ мемуарахъ [3]: «Le prince de Conti étoit les constantes délices de la cour et des armées, la divinité du peuple, le héros des officiers, l'amour de parlement et l'admiration des savants les plus profonds».

Вотъ кого Людовикъ XIV предназначалъ въ короли Польши. Почему именно его, покрытаго уже заслугами, всѣми уважаемаго, составлявшаго честь Франціи? Въ этомъ случаѣ Людовикомъ руководили не заботы объ интересахъ Польши, а личная непріязнь къ принцу. Таланты, извѣстность, популярность принца Конти пугали великаго короля; Людовикъ XIV былъ, однако, слишкомъ гордъ, чтобъ бояться за себя: онъ

---

[1]) Походя на великаго Конде, своего дядю, умомъ и храбростью, онъ былъ одушевленъ желаніемъ нравиться, котораго иногда не доставало великому Конде.

[2]) Mém. du marquis de la Fare, Collect. de Monmerqué, v. XXV, p. 253. Charles Auguste marquis de la Fare былъ капитаномъ гвардіи герцога Орлеанскаго, и если не имѣлъ успѣха въ военной службѣ, то единственно вслѣдствіе большого успѣха, какъ многіе думали, у m-me la maréchale de Rochefort, въ которую былъ влюбленъ военный министръ Лувуа. По поводу этого маркизъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Louvois et Le Tellier s'imaginèrent tous deux que j'eu étois amoureux et mieux traité que je ne l'étois effectivement. Il y avoit plus de coquetterie de ma part et de la sienne que véritable attachement: quoi qu'il en soit, c'a été l'écueil de ma fortune, et ce qui m'attira la persécution de Louvois».

[3]) Mém. de S.-Sim., VI, 417.

боялся, что при принцѣ Конти еще разъ выступитъ наружу неспособность дофина и бездарность мэнскаго герцога (duc de Maine). Чистота крови принца Конти, который, по словамъ герцога С.-Симона, était le seul de sa maison, dont la pureté du sang ne fût point flétrie par le mélange de la bâtardise [1]), эта чистота крови служила укоромъ, который ежедневно оскорблялъ щепетильность m-me de Maintenon и подозрительность Людовика XIV. Къ этому присоединялось личное оскорбленіе, панесенное принцемъ Конти королю и его любовницѣ: въ письмахъ, перехваченныхъ королемъ, принцъ довольно рѣзко отзывался о нихъ; по словамъ лица, читавшаго тѣ письма, le prince de Conti parloit dans ces lettres en vrai étourdi, et y traitoit le Roi de gentilhomme compagnard, affainéanti auprès de sa vieille maîtresse, avec des termes si méprisans, que le Roi ne l'a jamais oublié [2]). Въ этихъ же письмахъ, не дошедшихъ по адресу, принцъ подсмѣивался надъ военнымъ министромъ Louvois, который не желалъ отпустить его въ Венгрію; Louvois былъ тогда въ силѣ и, конечно, только разжигалъ злобу короля противъ принца. Людовикъ XIV старался удалить принца отъ своего двора, онъ былъ готовъ на многія жертвы, лишь бы видѣть его на польскомъ тронѣ: этимъ удовлетворялась и ревнивая антипатія отца, который такимъ образомъ удалялъ отъ своихъ сыновей невыгодное для нихъ сравненіе, и самолюбивые интересы монарха, который пріобрѣталъ въ польскомъ королѣ союзника, какъ принца французской крови.

Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Круасси, послѣ частыхъ и продолжительныхъ аудіенцій у короля, послалъ аббату Полиньяку подробныя инструкціи поддерживать всѣми мѣрами кандидатуру принца Конти. Посолъ, естественно предполагая

[1]) Mém. de S.-Sim., II, 24.

[2]) «Принцъ Конти говорилъ въ этихъ письмахъ о королѣ, какъ о деревенскомъ мужланѣ, ожирѣвшемъ въ обществѣ своей старой наложницы, и говорилъ въ такихъ презрительныхъ выраженіяхъ, что король никогда не забывалъ объ этомъ». Mém. du marq. de la Fare. p. 252.

полное согласіе со стороны самого принца, хотя въ инструкціяхъ о томъ ничего не говорилось, хладнокровно, какъ истый дипломатъ, разсмотрѣлъ положеніе дѣлъ, далъ сравнительную оцѣнку каждому изъ кандидатовъ и, не скрывая отъ себя трудностей возложеннаго на него порученія, пришелъ, однако же, къ тому заключенію, что изъ всѣхъ кандидатовъ шансы все-таки были на сторонѣ французскаго принца.

А кандидатовъ на польскій тронъ было много. Въ числѣ иностранныхъ кандидатовъ встрѣчаются представители почти всѣхъ европейскихъ державъ: Яковъ II, король англійскій, и Петръ Алексѣевичъ, царь московскій; принцъ Конти, родственникъ Людовика XIV, и принцъ Одескальки, племянникъ Иннокентія XII; Фридрихъ XIII, курфирстъ Бранденбургскій, и Леопольдъ, герцогъ Лотарингскій; Фридрихъ-Августъ, курфирстъ Саксонскій, и Леопольдъ, курфирстъ Баденскій, который, по злому замѣчанію герцога С.-Симона, выступилъ кандидатомъ, plus pour l'honneur de prétendre au trône que par aucune espérance d'y réussir [1]). Польская аристократія выставила не меньшее число кандидатовъ: Янъ Казиміръ Сапѣга, великій гетманъ литовскій, и Лука Опалинскій, великій коронный маршалъ; Мартинъ Контскій, староста кіевскій, и Рафаилъ Лещинскій, генеральный староста; Станиславъ Яблоновскій, великій коронный гетманъ, и братья Собѣскіе, сыновья умершаго короля. Царь московскій интересовался положеніемъ партій; отъ своего резидента въ Варшавѣ, Алексѣя Никитина, Петръ требовалъ точныхъ свѣдѣній о томъ, «сколько на королевство Польское кандидатовъ, и при которомъ кто стоитъ, и чья сторона сильняя». Алексѣй Никитинъ въ своемъ донесеніи царю такъ обрисовалъ положеніе партій въ Варшавѣ: «Кандидатовъ на королевство много, толко еще подлинно никто не можетъ вѣдать, кому быть. Примасъ и под-

[1]) «Болѣе для того, чтобы имѣть возможность хвастать, что онъ былъ въ числѣ претендентовъ на престолъ, нежели съ надеждой на успѣхъ». Mém. de S.-Sim., I, 437.

скарбей корунной съ другими Любомирскими и Сапѣги при Француз; маршалокъ великой корунной, бискупъ Куявской, воевода Краковской, Сирацской и Полотцкой—всѣ при королевичѣ Iяковѣ; генералъ Великополской, Лещинской и гетманъ великокорунной при королевѣ и при менших королевичахъ; а Рѣчь Посполитая никого изъ тѣхъ не хочетъ, а хочетъ либо Найбурчика или Лотаринчика» [1]). Само собою разумѣется, что изъ числа польскихъ кандидатовъ Полиньякъ обратилъ преимущественное вниманіе на дѣтей своего политическаго друга, «польскаго короля».

Янъ Собѣскій оставилъ четырехъ дѣтей. Изъ трехъ его сыновей, старшій, видя слабость отца и ненависть матери, явно обнаружившуюся тотчасъ по смерти отца, отдался весь вѣнскому двору, вполнѣ подчинился его вліянію и потерялъ всякую популярность въ Польшѣ. Принцъ Яковъ, видя себя всѣми оставленнымъ, заявлялъ свои притязанія на корону не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько ради противодѣйствія своимъ младшимъ братьямъ, въ которыхъ онъ, благодаря матери, рано научился видѣть своихъ личныхъ враговъ. Его два брата, Александръ и Константинъ, оба были щедро одарены природою, и если Александръ отличался серьезностью ума и солидностью мысли, то Константинъ привлекалъ ласковостью взгляда и любезностью обхожденія. Но оба они имѣли мало шансовъ на успѣхъ; младшему, Константину, не было еще 25-ти лѣтъ, требуемыхъ конституціею польской республики для права быть избираемымъ; старшій, Александръ, былъ любимецъ матери и потому уже пользовался нелюбовью всѣхъ польскихъ магнатовъ. Кромѣ сыновей, дочь Яна Собѣскаго, принцесса Тереза, была супругою курфирста Баварскаго; поляки громко и открыто говорили, что если будетъ избранъ супругъ Терезы, то республикою будетъ управлять вдовствующая королева чрезъ своего зятя. Марія Казиміра ни-

[1]) Памятн., VIII, 858.

когда не пользовалась популярностью въ Польшѣ; по смерти же супруга, своимъ образомъ дѣйствій она вселила во всѣхъ ненависть къ себѣ, такъ что болѣе вредила тѣмъ, кого поддерживала, нежели тѣмъ, кого преслѣдовала своею ненавистью.

Какъ только Собѣскій скончался, его супруга захватила всѣ драгоцѣнности, и въ томъ числѣ регаліи короля. Отъ нея потребовали королевскую корону, которая должна была быть на челѣ короля до его погребенія; Марія Казиміра, боясь, что принцъ Яковъ овладѣетъ короной, отказалась выдать ее, и одинъ изъ придворныхъ надѣлъ на чело Яна Собѣскаго простую солдатскую каску. Такой поступокъ королевы вооружилъ противъ нея всю Варшаву.

Спустя нѣсколько дней она сумѣла возстановить противъ себя и всю Польшу. Тѣло умершаго короля должно было, по обычаю, быть перенесено въ королевскій зàмокъ въ Варшавѣ. Зàмкомъ овладѣлъ принцъ Яковъ. Онъ былъ согласенъ впустить трупъ отца, но безъ матери, сопровождавшей тѣло. Марія Казиміра, не будучи въ состояніи силою проникнуть въ зàмокъ, не отдала тѣла своего супруга и увезла его съ собою обратно въ Новую Виллу. Начались переговоры между сыномъ и матерью. Во время переговоровъ трупъ польскаго короля Яна Собѣскаго не разъ таскали изъ зàмка на загородную виллу и обратно. Скандалъ возмутилъ всю Польшу. Цинизмъ матери одержалъ, однако, верхъ; сынъ уступилъ: подъ прикрытіемъ смертныхъ останковъ своего супруга, Марія Казиміра проникла въ зàмокъ и завладѣла королевскими покоями. Этимъ не окончилась распря матери съ старшимъ сыномъ; въ ней приняла участіе вся семья Собѣскаго. Памфлеты посыпались съ обѣихъ сторонъ. Съ одной стороны, Марія Казиміра, ея отецъ, маркизъ д'Аркіенъ, и два младшихъ ея сына не щадятъ никакихъ средствъ, чтобъ уронить принца Якова въ глазахъ всѣхъ; съ другой стороны, старшій сынъ Яна Собѣскаго раскрываетъ всѣ потаенныя, темныя дѣла

матери и братьевъ. Клеветы, оскорбленія, брань раздаются съ обѣихъ сторонъ и чернятъ въ глазахъ народа какъ ту, такъ и другую. Въ то время, какъ народъ остается еще спокойнымъ подъ впечатлѣніемъ обрушившагося на него тяжелаго удара, королевская семья подаетъ примѣръ разъединенія, корысти, низости.

Народъ оставался, однако, не долго спокойнымъ: онъ скоро оправился отъ удара. Нѣсколько недѣль спустя по смерти Яна Собѣскаго начали собираться сеймики. Полиньякъ слѣдилъ за движеніемъ партій и извѣщалъ обо всемъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Приведемъ одну изъ его депешъ.

«Варшава, 31-го августа 1696 г.

«Сеймикъ открытъ 29-го текущаго мѣсяца. Вмѣстѣ съ нимъ начались интриги и раздоры.

«Кардиналъ Радзіевскій, который долженъ былъ совершать богослуженіе, приказалъ принести балдахинъ. Паны Любомирскіе, недовольные тѣмъ, что онъ поддерживаетъ сторону королевы, возстановили противъ него нѣкоторыхъ изъ высшихъ чиновъ духовенства, которые заявили, что кардиналъ превышаетъ свои права, и вышли изъ церкви. Великій коронный маршалъ Любомирскій, съ своей стороны, прислалъ протестъ противъ «злоупотребленій примаса», какъ онъ выражается. Это произвело большой скандалъ во время религіозной церемоніи.

«Въ первое же засѣданіе былъ поднятъ вопросъ объ избраніи маршала сейма. Этотъ маршалъ избирается обыкновенно по очереди одною изъ трехъ провинцій республики: Великою Польшею, Литвою и Малою Польшею. Въ данномъ случаѣ вопросъ былъ о томъ, которая изъ провинцій должна избирать; такъ какъ послѣдній варшавскій сеймъ былъ сорванъ, то многіе недоумѣвали, считать ли его состоявшимся или признать его какъ бы не собиравшимся.

«Литвины доказывали, что сеймъ тотъ должно считать состоявшимся; это увеличивало ихъ право на избраніе мар-

шала для предстоящаго избирательнаго сейма, что было для нихъ очень важно. Засѣданіе было чрезвычайно бурно, но въ концѣ концовъ разрѣшилось довольно забавно: епископъ познанскій. въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, предшествуемый ксёндзами съ зажженными свѣчами и св. водою, является въ засѣданіе и объявляетъ, что онъ желаетъ благословить собраніе; кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ, не для изгнанія ли изъ республики нечистаго духа принесъ онъ св. воду: всѣ расхохотались; сконфуженный епископъ удалился.

«Въ тотъ же день въ сенаторской камерѣ былъ снятъ балдахинъ надъ трономъ, чтобъ отнять у кардинала-примаса желаніе возсѣсть на тронъ.

«Когда засѣданіе окончилось, Любомирскіе старались отклонить кардинала отъ королевы, которая не выѣзжаетъ изъ Варшавы; чѣмъ болѣе королева упорствуетъ, тѣмъ болѣе дворянство боится ея интригъ, тѣмъ настоятельнѣе требуетъ ея выѣзда.

«Кардиналъ Радзіевскій сказалъ, что онъ требуетъ балдахина, какъ кардиналъ, имѣющій на то право, а не какъ примасъ, при чемъ онъ прибавилъ, что если требуетъ балдахина надъ своею головою, то въ сердцѣ своемъ онъ не желаетъ короны. Это былъ ядовитый намекъ на Любомирскаго, который, какъ говорятъ, имѣетъ намѣреніе стать королемъ.

«Королева, довольная такими раздорами, подстрекаетъ кардинала чрезъ посредство кастелянши ленчицкой, хорошенькой г-жи Товіянской. Женщины вообще, насколько могутъ, возбуждаютъ своихъ мужей и братьевъ, и можно сказать, что женщины волнуютъ Польшу.

«Ни вчера, ни сегодня не произошло соглашенія на счетъ выбора маршала; если дѣла такъ пойдутъ, то сеймъ не окончится и въ пятнадцать дней, а въ такомъ случаѣ возможно, что дворяне сядутъ на коней и провозгласятъ королемъ кого-либо, о комъ теперь менѣе всего можно догадываться.

«На границахъ новые безпорядки; тамъ возмутились войска, составили *конфедерацію*, какъ здѣсь выражаются. Во главѣ ихъ находится Барановскій. Два отряда войскъ краковскаго кастеляна присоединились къ конфедератамъ. Его враги говорятъ, что это возмущеніе вызвано имъ и королевской фамиліей. Богъ вѣсть, чѣмъ все это окончится для кастеляна!

«Сюда приведено нѣсколько татаръ, которые обвиняютъ краковскаго кастеляна въ томъ, что онъ писалъ татарскому хану и убѣждалъ его выслать свою орду на Волынь, Подолію и Рутенію (Галицію), гдѣ находятся имѣнія Любомирскихъ и Потоцкихъ. Это гнусная клевета, но она распускается для того, чтобъ погубить кастеляна, который вѣрно служитъ королевѣ.

«Я держу себя въ сторонѣ отъ этихъ раздоровъ и набираю себѣ друзей въ ожиданіи, когда придетъ время дѣйствовать.

«Литовскіе сеймики поручили своимъ уполномоченнымъ не выбирать въ короли ни королевскихъ принцевъ, ни Пястовъ [1]).

«Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и т. д.

«Аббатъ Полиньякъ».

Французскій посолъ отмѣтилъ состояніе Польши по смерти Яна Собѣскаго хотя въ общихъ, но довольно вѣрныхъ чертахъ. Зная его за человѣка умнаго, можно вѣрить, что онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ раздоровъ. Онъ держалъ себя на готовѣ, дѣйствовалъ осторожно, но не упускалъ изъ вида задачи, возложенной на него версальскимъ старцемъ.

Эта задача, повторяемъ, была не легка: посолъ сознавалъ всю тяжесть ея, но не страшился громаднаго числа кандидатовъ. Напротивъ того, онъ видѣлъ въ этомъ облегченіе

---

[1]) Русскій посолъ въ Вѣнѣ доносилъ Петру: «на сеймикахъ въ Корунѣ и въ Литвѣ единогласно постановлено, чтобъ изъ королевичей и ни одинъ Пястъ королемъ не былъ, а хотятъ иноземца». Памятн. VII, 1148; VIII, 192.

провести кандидатуру принца Конти: чѣмъ болѣе партій, тѣмъ слабѣе каждая изъ нихъ въ отдѣльности.

Прежде всего, прежде даже, чѣмъ произнести имя своего кандидата, Полиньякъ громко объявилъ, что онъ желаетъ сохранить полную свободу дѣйствій и что онъ не высказывается ни за одного изъ заявленныхъ уже кандидатовъ. «Полученныя мною инструкціи,—говорилъ онъ,—запрещаютъ мнѣ вмѣшиваться въ предстоящіе выборы, лишь бы былъ избранъ король либеральный, достойный и независимый отъ вѣнскаго двора» [1]). Полиньякъ съ особенною силою ударялъ на послѣднее условіе; оно должно было дать ему право покинуть сторону королевы, къ которой онъ до того времени принадлежалъ и которую теперь долженъ былъ оставить въ виду полученнаго изъ Парижа повелѣнія поддерживать кандидатуру принца Конти. Посолъ вполнѣ воспользовался своими связями съ королевой при жизни ея супруга; но продолженіе этихъ добрыхъ отношеній къ Маріи Казимірѣ становилось уже невозможно: они могли подорвать его популярность въ Польшѣ. Не могло быть, однако, никакого сомнѣнія въ томъ, что воспитанникъ іезуитовъ до конца воспользуется своимъ вліяніемъ надъ красивою и умною, но слабою и усталою уже женщиной: прежде чѣмъ выступить противъ королевы, онъ постарается, при ея же помощи, удалить со сцены тѣхъ, которые могутъ въ будущемъ послужить помѣхою для его дѣйствій.

Марія Казиміра, своею непопулярностью равно повредившая обоимъ своимъ сыновьямъ-кандидатамъ, Александру и Константину, поддалась, наконецъ, коварному совѣту своего невѣрнаго друга. Послѣ долгихъ и старательныхъ усилій, Полиньякъ убѣдилъ, наконецъ, королеву отправить во Францію обоихъ сыновей и переслать туда же свои капиталы. Послушалась королева своего друга, не подозрѣвая, конечно, что они помѣнялись ролями: не Полиньякъ помогаетъ ей

[1]) Lettre du Roi à Polignac, du 5 juillet 1696.

удержать тронъ за ея домомъ, но Марія Казиміра дѣйствуетъ въ пользу кандидата, котораго готовъ предложить французскій посолъ.

Сыновья Маріи Казиміры мѣшали французскому послу; своимъ положеніемъ, какъ дѣти короля, они агитировали въ Польшѣ, отвлекали на свою сторону часть польской аристократіи; народъ любилъ въ нихъ дѣтей своего славнаго Яна III. Осенью 1696 г. принцы Александръ и Константинъ прибыли въ Парижъ. Они были приняты съ большимъ почетомъ, какъ сыновья короля. Свидѣтель ихъ перваго пріема при дворѣ, герцогъ С.-Симонъ говоритъ: «Le roi leur donna comme aux gens titrés la distinction de baiser la princesse et Madame» [1]). Людовикъ XIV, развлекая ихъ версальскими празднествами, сумѣлъ удержать ихъ вдали отъ Польши, на все то время, когда ихъ присутствіе въ Варшавѣ было необходимо для ихъ личныхъ интересовъ. Принцы возвратились въ Варшаву, но уже было поздно: они могли лишь присутствовать при сборахъ матери къ отъѣзду, котораго требовалъ сеймъ, и сопровождать ее въ Данцигъ, который она избрала своимъ мѣсто-пребываніемъ, на время выборовъ. Подобная же участь постигла капиталы Маріи Казиміры. Послушная совѣту Полиньяка, она переслала въ Парижъ огромную для того времени сумму денегъ—около 4 милліоновъ франковъ. Эта сумма была позже тайно переслана обратно въ Варшаву, но уже не къ королевѣ, а къ французскому послу, для поддержки кандидатуры принца Конти. Такимъ образомъ, Марія Казиміра вручила свои капиталы французскому послу для подкупа польскихъ магнатовъ противъ ея дѣтей.

Марія Казиміра обладала умомъ, но она была женщина; страсть ослѣпляла ее до того, что она теряла сознаніе своихъ поступковъ и тогда ея умъ вредилъ ей. Желаніе удержать за собою корону обратилось у нея въ страсть, которая мѣшала ей ясно представить себѣ цѣль, къ которой она стре-

[1]) Mém. de S.-Sim. I, 438.

милась, и хладнокровно обсудить средства, которыя она употребляла.

Когда сыновья королевы уѣхали въ Парижъ, Марія Казиміра, сознавая уже невозможность видѣть на польскомъ тронѣ своихъ дѣтей, сочла возможнымъ возвести на престолъ того, кто согласится быть ея супругомъ. Вдова славнаго Собѣскаго, она не задумалась предложить свою руку сперва старостѣ Контскому, затѣмъ гетману Яблоновскому. Эта рука была, однакожъ, отвергнута и тѣмъ, и другимъ: Контскій хорошо зналъ, насколько сердце той, которая предлагала ему свою руку, запятнано низкими страстями; Яблоновскій же понималъ, что такой бракъ могъ лишь отдалить его отъ трона. Самолюбивая женщина, раздраженная отказомъ Яблоновскаго, того самаго Яблоновскаго, который нѣкогда, лежа у ея ногъ, не находилъ, быть можетъ, словъ для выраженія своей любви къ ней, обратилась теперь къ Полиньяку съ просьбою предложить корону герцогу Вандомскому (duc de Vendôme), подъ условіемъ брака съ нею. Когда же французскій посолъ естественно отклонилъ отъ себя деликатное порученіе и высказался противъ подобной комбинаціи, Марія Казиміра, видя, что она не можетъ быть супругой, захотѣла быть хоть матерью будущаго короля. Она примирилась съ своимъ старшимъ сыномъ Яковомъ; но уже было поздно. Союзъ Якова съ матерью могъ теперь лишь повредить ему: враги Маріи Казиміры стали врагами принца Якова; друзья же королевы слишкомъ научились отъ нее же самой ненавидѣть Якова, чтобы стать его сторонниками. Марія Казиміра предвидѣла такія послѣдствія и, желая гарантировать себѣ успѣхъ, обратилась опять къ Полиньяку и просила его поддержать своимъ вліяніемъ кандидатуру старшаго сына. Французскій посолъ сослался на полученныя имъ изъ Парижа инструкціи, на невозможность защищать кандидата, столь преданнаго вѣнскому двору; онъ не забылъ при этомъ напомнить Маріи Казимірѣ, какъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, бу-

дучи еще въ ссорѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, она вполнѣ сочувствовала нежеланію французскаго правительства видѣть на польскомъ престолѣ сторонника австрійской политики. Королева потерпѣла новую неудачу, болѣе чувствительную, чѣмъ всѣ предыдущія; съ отказомъ Полиньяка она теряла послѣднюю надежду удержать за собою власть. Женщина страстная, она дала полную волю своему гнѣву; окруженная свитою, сопровождаемая толпою гайдуковъ, она бѣжитъ въ домъ французскаго посольства, врывается въ спальню Полиньяка и собственными руками срываетъ свой портретъ, ею же подаренный нѣкогда своему возлюбленному. Не довольствуясь этимъ, она написала Людовику XIV жалобу на его представителя въ Варшавѣ, который, по ея словамъ, «извращаетъ смыслъ инструкцій своего монарха и вредитъ интересамъ Франціи». Спустя нѣсколько недѣль, королева получила отъ Людовика XIV слѣдующій короткій отвѣтъ:

Versailles, le décembre 1696.

Madame,

Rien n'est plus sincère que ce que mon ambassadeur Vous a fait voir de mes sentiments pour tout ce qui Vous regarde. Vous et vos enfants en deves être persuadés, comme de ma part je le suis des assurances que Votre lettre me donne de Votre amitié. Je me remets du surplus au même ambassadeur et suis toujours avec une estime particulière, Madame ma soeur

Votre bon frère

Louis [1]).

Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Круасси подробно извѣстилъ французскаго посла въ Варшавѣ о перепискѣ польской королевы съ французскимъ королемъ, приславъ ему

[1]) «Государыня! Ничего не можетъ быть искреннѣе тѣхъ чувствъ, которыя мой посланникъ вамъ передалъ отъ моего лица. Вы и дѣти ваши должны быть увѣрены въ нихъ точно такъ же, какъ я увѣренъ въ тѣхъ изъявленіяхъ дружбы, которыя заключаются въ вашемъ письмѣ. Ссылаясь по прежнему на того же посланника, остаюсь всегда, моя сестра, съ особеннымъ уваженіемъ вашъ добрый братъ Людовикъ».

копіи съ обоихъ писемъ. Въ то время, какъ Марія Казиміра читала и перечитывала письмо Людовика XIV, которое такъ ее удивило и опечалило, но все-таки не сняло повязки съ ея глазъ, Полиньякъ вздохнулъ свободнѣе. Жалобы королевы окончательно развязали ему руки; онъ могъ дѣйствовать совершенно свободно. Это было для него важно не потому, чтобъ совѣсть его была очень щепетильна, но потому, что разрывъ съ королевой, громкій, всѣмъ извѣстный, пріобрѣталъ ему многихъ сторонниковъ именно въ то время, какъ наступала пора дѣйствовать болѣе положительно. Нація успѣла уже достаточно ознакомиться съ большинствомъ кандидатовъ; ихъ несостоятельность была достаточно понята всѣми. Наступила пора, если не назвать громко французскаго кандидата, то подготовить польское общество къ тому имени, которое готовъ произнести французскій посолъ.

Полиньякъ подходитъ къ своей цѣли осторожно. Онъ собираетъ въ своемъ домѣ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ польской аристократіи, изъ которыхъ многіе стремятся къ трону. На обѣдахъ, вечернихъ ассамблеяхъ и ночныхъ пирушкахъ часто заходитъ рѣчь о вакантномъ тронѣ, часто пересчитываются кандидаты, но хозяинъ какъ-то неохотно, какъ бы вопреки желанію принимаетъ участіе въ разговорѣ. Онъ не говоритъ ни о комъ въ отдѣльности, онъ искренно убѣжденъ лишь въ томъ, что польскіе магнаты, равные между собою по рожденію и заслугамъ, ни въ какомъ случаѣ не будутъ поддерживать и возвышать одного изъ среды себя — «это значило бы нарушить то равенство, на которое съ завистью смотритъ вся Европа и въ которомъ заключена вся слава прошлаго и все величіе будущаго польской аристократіи».

Если для поддержанія равенства польской аристократіи выборъ въ короли Польши долженъ пасть на одного изъ иностранныхъ принцевъ, то на котораго же?

Пробѣгая всѣ страны Европы, которыя предлагаютъ

Польшѣ короля, французскій посолъ исключаетъ прежде всего Россію, Швецію, Данію и Англію: «религія этихъ странъ не позволяетъ останавливать своего взора на принцахъ крови царствующихъ въ тѣхъ странахъ домовъ». Примѣры, почерпаемые изъ самой польской исторіи, помогаютъ Полиньяку доказывать, что «выборъ одного изъ германскихъ принцевъ можетъ навлечь на Польшу одни лишь бѣдствія». Остаются еще двѣ страны, Италія и Франція; но король Польши, вслѣдствіе географическаго ея положенія и политическаго отношенія къ сосѣднимъ державамъ, созданнаго недавнимъ прошедшимъ, долженъ быть прежде всего полководецъ, воинъ, а въ Италіи уже давно угасли военные таланты; «полководческій геній ея сыновъ убитъ вѣковымъ миромъ, въ которомъ находится Италія и до настоящаго времени». О Франціи посолъ умалчивалъ; онъ предоставлялъ другимъ полную волю объяснять его молчаніе...

15-го мая 1697 года открылся подготовительный сеймъ для избранія маршала, который будетъ руководить выборами въ короли [1]). Роль и значеніе этого маршала избирательнаго сейма велики: онъ служитъ посредникомъ между всѣми частями республики, между всѣми партіями общества; онъ собираетъ голоса, онъ считаетъ ихъ. Избраніе маршала чрезвычайно важно; неудивительно, что въ дебатахъ по этому поводу прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Выборъ палъ на Станислава Бялинскаго, человѣка вполнѣ преданнаго французскимъ интересамъ. Что на результатъ выборовъ вліялъ французскій посолъ, можно догадываться уже по тому, что вслѣдъ за избраніемъ маршала, скрытный до того времени, Полиньякъ громко провозглашаетъ имя кандидата, котораго предлагаетъ польской республикѣ сильнѣйшій изъ европейскихъ государей, и защиту котораго принимаетъ на себя искуснѣйшій изъ дипломатическихъ агентовъ того времени.

---

[1]) Lettre de Polignac, du 17 mai 1697.

Полиньякъ до конца остается вѣренъ себѣ: уже заявивъ о своемъ желаніи сдѣлать сейму предложеніе новаго кандидата, онъ подходитъ къ вопросу чрезвычайно осторожно. Онъ знаетъ, что его предложеніе вызоветъ оппозицію; онъ знаетъ, что московскій царь наказывалъ Алексѣю Никитину «послужить радѣтельно, чтобъ одноконечно изъ Ѳранцыи Барбонской князь Деконтій въ Польшѣ королемъ не былъ» [1]). Французскій посолъ знаетъ все это, и его льстивая рѣчь, очевидно, приготовлена для такой аудиторіи, которая ему хорошо извѣстна:

«Достопочтенные сенаторы и преславные рыцари!

«Не безъ внутренняго волненія рѣшаюсь я предстать передъ вами. Въ то время, какъ ваша славная республика, лишенная главы, старается вознаградить понесенную ею утрату и изыскать мѣры къ отраженію тѣхъ бѣдствій, которыми грозятъ ей какъ ея враги извнѣ, такъ и ея недруги внутри, я лишь съ трудомъ рѣшился прервать ваши совѣщанія, пріостановить на время ихъ теченіе. Но ваше расположеніе къ королю, моему государю, и его любовь къ вамъ, даютъ право надѣяться, что вы благосклонно выслушаете меня, тѣмъ болѣе, что я имѣю королевское приказаніе публично объявить и торжественно увѣрить васъ въ искренности тѣхъ чувствъ его величества, которыя онъ не разъ высказывалъ вамъ въ своихъ письмахъ.

«Я считаю излишнимъ распространяться о томъ горѣ, которое причинила моему государю вѣсть о кончинѣ вашего преславнаго короля Яна III. Августѣйшій покойникъ при своей жизни, вызывалъ къ себѣ удивленіе государей всей Европы; по своей смерти онъ сталъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія; но, конечно, никто не сожалѣлъ о немъ такъ глубоко и искренно, какъ король, государь мой. Вы знаете, что они были связаны братскою дружбою и, быть можетъ,

---

[1]) Памятн. VIII, 872.

еще болѣе узами геройской добродѣтели: по смерти Яна III нѣтъ уже государя равнаго Людовику Великому ни по воинскимъ трудамъ, ни по числу одержанныхъ побѣдъ.

«Но не думайте, что съ потерею столь великаго короля вы утеряли и дружбу моего государя. Вашъ покойный король пріобрѣлъ его дружбу своими добродѣтелями; но онъ трудился и побѣждалъ не только лично для себя. Не со вчерашняго дня наши націи питаютъ взаимную привязанность другъ къ другу. Въ лѣтописяхъ исторіи нашихъ странъ вы встрѣтите доказательства, какъ стара, какъ прочна дружба, связывающая Францію съ Польшей. Исторія не представляетъ намъ ни одного примѣра раздора этихъ двухъ странъ; Польша единственная нація, съ которою Франція никогда не воевала. Я вижу въ этомъ волю творца небеснаго, который предопредѣлилъ насъ къ вѣчной дружбѣ и постоянному союзу, если не по оружію, то по взаимной привязанности. Можно сказать, что мы всегда представляли какъ бы одну націю, и въ такомъ единствѣ чувствъ и дѣяній мы всегда должны жить и на будущее время. Я осмѣливаюсь высказать мое глубокое убѣжденіе, что наше доброе согласіе происходитъ не столько отъ отдаленности территоріальнаго положенія нашихъ странъ, сколько отъ взаимной любви обоихъ народовъ... Для вашей республики дружба Франціи болѣе полезна, чѣмъ дружба какой-либо другой страны, даже наиболѣе близкой къ вамъ по географическому положенію. Когда вы заключали союзы безъ нашего участія, тѣ союзы отличались лишь безполезными для васъ затратами и нисколько не ограждали вашей свободы. Всѣмъ извѣстно могущество христіаннѣйшаго короля. его вѣрность союзникамъ; онъ равно непобѣдимъ какъ въ защитѣ друзей, такъ и въ пораженіи недруговъ. Я предлагаю вамъ отъ лица моего государя всѣ его военныя силы. Какъ не было у васъ ни одного безкрулевья, въ которое мой государь не выразилъ бы вамъ особеннаго вниманія, такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ предлагаетъ вамъ войска, денежную

помощь и всякое вспоможенiе, насколько то отъ него зависитъ; онъ желаетъ, чтобъ ваша нацiя сохранила нерушимо древнюю славу свою и драгоцѣнное право свободы.

«Что же касается меня, я считаю себя счастливымъ, что могъ присутствовать въ такомъ славномъ собранiи. Мнѣ прiятно заявить вамъ торжественное свидѣтельство благорасположенiя къ вамъ короля, моего государя; я имѣю отъ него порученiе представить вамъ доказательства, еще болѣе сильныя, его симпатiи, когда предстану въ моментъ выбора короля предъ лицо нацiи, которая одна во всей Европѣ сохранила за собою право короновать добродѣтель...»

Съ такою же ловкостью и съ неменьшимъ краснорѣчiемъ пересчитываетъ французскiй посолъ тѣ качества, которыя необходимы для будущаго короля, и находитъ, что принцъ Конти соединяетъ въ себѣ всѣ потребныя условiя. Сказавъ, напримѣръ, что Польша, по своему географическому и политическому положенiю, должна быть управляема великимъ полководцемъ, который былъ бы въ состоянiи противиться угрозамъ державъ, окружающихъ республику, онъ яркими красками рисуетъ воинскiе подвиги Конти, которые «заслужили ему публичную похвалу маршала Люксенбурга». Указавъ затѣмъ на раздоры, волнующiе Польшу, и на необходимость, чтобъ будущiй король былъ умѣренъ и уступчивъ, посолъ доказываетъ, что французскiй кандидатъ, извѣстный мягкостью своего характера, любезностью обхожденiя и справедливостью сужденiя, удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условiямъ. Въ заключенiе посолъ прославляетъ рожденiе и храбрость принца Конти, унаслѣдованныя имъ отъ своего знаменитаго дяди и учителя, великаго Конде, и, чтобъ окончательно склонить собранiе на сторону своего кандидата, онъ обѣщаетъ отъ его имени возвратить польской республикѣ Каменецъ; онъ говоритъ, что «побѣдитель турокъ въ Венгрiи сумѣетъ быть побѣдителемъ ихъ и на границахъ Польши».

Предложенiе французскаго посла было выслушано боль-

шинствомъ присутствовавшихъ съ большимъ сочувствіемъ. Подъ впечатлѣніемъ обаятельнаго краснорѣчія, которымъ Полиньякъ умѣлъ искусно затронуть самыя чувствительныя стороны польскаго сердца, и подъ вліяніемъ щедрыхъ обѣщаній, которыя не могли казаться неисполнимыми, какъ предлагавшіяся отъ лица роскошнаго короля Людовика и храбраго принца Конти, забылись на время тѣ соображенія, которыя должны были много ослабить убѣдительность доводовъ французскаго посла. Австрійскій посолъ не замедлилъ напомнить собранію эти соображенія. Антагонизмъ между Франціею и Австріею выступилъ наружу.

Посолъ императора старался, прежде всего, представить собранію ту опасность, которая грозитъ Европѣ со стороны Людовика XIV, стремящагося, по словамъ австрійскаго посла, ко всемірному господству, къ образованію всемірной монархіи съ французскимъ королемъ во главѣ, причемъ «занятіе польскаго трона принцемъ французской крови обратитъ польскую республику въ французскую провинцію». Полиньякъ выслушалъ австрійскаго посла съ полнымъ хладнокровіемъ и отвѣчалъ, что Франція слишкомъ отдалена отъ Польши и польская республика «слишкомъ могущественна», чтобъ мысль о порабощеніи ея Франціей не могла показаться «насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ собранія и оскорбленіемъ военной чести націи». На обвиненіе Франціи въ посягательствѣ на европейскую свободу посолъ отвѣчалъ, что это обвиненіе съ большимъ основаніемъ должно быть обращено «на тотъ домъ, который владычествуетъ уже въ Германіи и Испаніи, въ Сардиніи, Неаполѣ и Сициліи». Публичные, въ присутствіи всего сейма, дебаты между Франціей и Австріей рѣзко выставили неравенство политическихъ дарованій и ораторскихъ способностей представителей тѣхъ державъ: хладнокровному, всегда готовому на отвѣтъ умный и увлекательно выраженный, противостоялъ запальчивый, неловкій нѣмецъ, съ тяжелою аргументаціею, облеченною въ крайне неизысканную

форму. Конецъ этихъ дебатовъ былъ комиченъ: несчастный австрійскій посолъ до того старательно напрягалъ свои умственныя способности, что обливался потомъ, возбуждая улыбку собранія, пока, наконецъ, кровь пошла у него изъ носу, измарала его дорогое платье и онъ долженъ былъ прервать свою рѣчь и удалиться, сопровождаемый общимъ хохотомъ, шиканьемъ и остротами.

Дебаты тѣмъ не кончились. Сторонникъ австрійской политики, Станиславъ Домьскій, епископъ куявскій, желая набросить тѣнь на принца Конти и очернить французскаго кандидата въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, заявилъ въ посланіи ко всему польскому дворянству, что предлагаемый Полиньякомъ кандидатъ, по своему происхожденію, во всемъ подобенъ вдовствующей королевѣ, которая навлекла на себя справедливый гнѣвъ польскаго народа. Ненависть къ Маріи Казимірѣ была слишкомъ сильна, ея поступки были еще въ памяти всѣхъ, и заявленіе епископа куявскаго, само по себѣ совершенно ничтожное и принятое большинствомъ дворянъ съ крайнимъ неудовольствіемъ [1]), обратило на себя особенное вниманіе французскаго посла. Полиньякъ отвѣчалъ на это заявленіе пространнымъ письмомъ къ епископу, въ которомъ категорически опровергалъ не только уподобленіе, но даже возможность сравненія между Маріей Казимірой и принцемъ Конти. Посолъ послалъ къ своему министру въ Парижъ французскую копію съ того письма, сущность котораго можетъ быть выражена немногими строками той копіи: «On ne saurait appréhender une ressemblance de moeurs et d'inclination que chez ceux qui sont du même sang, et par conséquent les fautes commises par Marie Casimire ne doivent écarter que ces enfants. Du reste, par quels conseils la femme de Sobieski s'est-elle attiré la haine de toute la nation? Est-ce par ceux de la France ou par

[1]) Dans la petite Diète de Stroda un Gentilhomme demanda la lettre de l'evêque de Cujavie, et s'en servit à un usage que la bienséance ne permet pas de nommer. *Parthenay*, I, 67.

ceux de la maison d'Autriche? A qui a-t-elle voulu plaire quand elle a retiré les troupes de la Hongrie, quand elle a uni la Pologne à l'Allemagne, quand elle a marié le prince Jacques avec la princesse de Neuborg?»[1]).

Отвѣчая на различные доводы противъ избранія принца Конти, предъявляемые императорскою партіею, французскій посолъ не только защищалъ своего кандидата, но, въ свою очередь, нападалъ на кандидатовъ, предложенныхъ императоромъ. Въ краснорѣчивомъ обращеніи къ сейму онъ предостерегалъ республику отъ австрійской политики и указывалъ на судьбу Венгріи и Чехіи. «Императоръ слишкомъ близкій сосѣдъ; его должно опасаться. Король Франціи слишкомъ отдаленъ географически отъ Польши; онъ не можетъ вредить республикѣ и можетъ быть ей полезенъ. Германская имперія, предлагая вамъ короля, имѣетъ въ виду лишь интересы своего честолюбія. Франція, предлагая своего кандидата, правда, желаетъ нанести ущербъ вѣнскому двору, но лишь тѣмъ, что избавитъ васъ отъ вліянія Австріи... Вы спрашиваете сторонниковъ принца Конти: «Что̀ скажетъ императоръ?» Что̀ скажетъ императоръ! Императоръ долженъ будетъ признать, что поляки обладаютъ бо̀льшею мудростью и осторожностью, чѣмъ венгры и чехи! Вотъ почему ваши предки, находясь нѣкогда въ такомъ же положеніи, какъ вы въ настоящее время, предпочли Генриха Валуа Эрнесту Австрійскому». Но Генрихъ III бѣжалъ изъ Польши. и посолъ, касаясь этого деликатнаго вопроса, обращаетъ самый фактъ бѣгства въ пользу своего кандидата: «слезы, проливаемыя тогда поляками, выражали не сожалѣніе объ его избраніи, но скорбь о потерѣ избраннаго. Ни-

[1]) «Можно ссылаться на сходство нравовъ и наклонностей только относительно такихъ лицъ, въ жилахъ которыхъ течетъ одна и та же кровь; слѣдовательно, ошибки Маріи-Казиміры могутъ имѣть вліяніе на удаленіе только дѣтей ея. Во всякомъ случаѣ, слѣдуя чьимъ совѣтамъ, супруга Собѣскаго навлекла на себя ненависть цѣлой націи? Совѣтамъ ли Франціи или австрійскаго дома? Въ угоду кому она отозвала войска изъ Венгріи, заключила союзъ Польши съ Германіей, женила принца Іакова на принцессѣ Нейенбургской?»

чего подобнаго не можетъ случиться съ принцемъ Конти: въ порядкѣ престолонаслѣдія девять принцевъ отдѣляютъ его отъ французскаго трона».

Такъ говорилъ аббатъ Полиньякъ; но не такъ думалъ принцъ Конти. Уже въ то время онъ вполнѣ раздѣлялъ отвращеніе Генриха Валуа къ польской коронѣ и, впослѣдствіи. обстоятельства заставили его подражать Генриху III даже въ его бѣгствѣ.

Предлагая принца Конти въ короли Польши, Людовикъ XIV не считалъ своею обязанностью испросить на то согласіе самого принца; Полиньякъ, защищая предложеніе своего государя, не имѣлъ права сомнѣваться въ этомъ согласіи. Между тѣмъ принцъ Конти не только не желалъ быть избраннымъ въ короли Польши, онъ даже боялся, чтобъ старанія аббата Полиньяка не увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ принцъ крови; онъ пользовался уваженіемъ французскаго общества и любовью народа; незаслуженная антипатія, которую питалъ къ нему Людовикъ XIV, только увеличивала сочувствіе всѣхъ къ молодому принцу; воспитанный вмѣстѣ съ дофиномъ, связанный искреннею дружбою съ наслѣдникомъ французскаго престола, онъ справедливо надѣялся, что въ царствованіе сына будетъ вознагражденъ за всѣ немилости отца. Выше всего этого стояло еще одно обстоятельство, столь важное, что отъѣздъ изъ Парижа представлялся принцу дѣломъ положительно невозможнымъ: принцъ Конти былъ страстно влюбленъ въ Луизу-Франциску, герцогиню Бурбонскую, дочь Людовика XIV и г-жи Монтеспанъ. La duchesse était charmante,—говоритъ герцогъ С.-Симонъ [1]),—et son esprit autant que sa figure. Герцогиня любила принца: quoique M. le duc fût fort étrange et étrangement jaloux, M. le prince de Conti ne laissait pas d'être parfaitement heureux [2]). Никакая изъ европейскихъ

[1]) «Герцогиня прелестна и по лицу, и по уму». Mém. de S.-Sim. II, 5.

[2]) «Хотя герцогъ очень ревнивъ, это не мѣшаетъ принцу Конти быть совершенно счастливымъ». Ibid.

коронъ, не только польская, не соблазняла его настолько, чтобъ онъ согласился нанести подобный ударъ своему сердцу. Насколько могъ, принцъ противодѣйствовалъ планамъ Людовика XIV и не скрывалъ своего нежеланія быть польскимъ королемъ: онъ не довѣрялъ извѣстіямъ изъ Варшавы объ успѣшномъ ходѣ его кандидатуры, не высылалъ денегъ для поддержки своей партіи и медлилъ отъѣздомъ изъ Парижа, несмотря на настоятельныя просьбы Полиньяка, который считалъ его присутствіе въ Польшѣ необходимымъ.

Зная намѣренія принца Конти, можно положительно утверждать, что его присутствіе въ Варшавѣ могло лишь повредить Полиньяку. Если французскій посолъ, обманутый въ намѣреніяхъ своего кандидата, ошибался, считая его присутствіе необходимымъ, то онъ былъ совершенно правъ, когда слалъ въ Парижъ гонца за гонцомъ съ требованіемъ денегъ. Не имѣя денегъ, французскій посолъ ограничивался обѣщаніями; но наступала пора, когда обѣщанія теряли уже всякое значеніе. Полиньякъ писалъ по этому поводу Людовику XIV [1]): Votre Majesté peut croire par la force du parti que j'ai formé, qu'il a fallu mettre souvent la main à la bourse. et que plus les Polonais sont avides. plus on est obligé de suivre leur humeur et de satisfaire leur faible.

Поляки были дѣйствительно слабы къ деньгамъ. Знаменитая корона, украшавшая Ягеллоновъ, Собѣскихъ, стала теперь предметомъ корыстной спекуляціи. Это высказалось особенно рѣзко при составленіи договорныхъ статей, Pacta Conventa будущаго царствованія. Въ старину, Pacta Conventa служили наилучшею охраною общественныхъ вольностей и политической свободы. теперь они вели лишь къ безстыднымъ требованіямъ съ одной и низкимъ уступкамъ съ другой стороны; прежде они ограждали права и привилегіи гражданъ рес-

[1]) Ваше величество, по силѣ партіи, которую я успѣлъ составить, можете судить, что къ кошельку предстояло прибѣгать нерѣдко, и что чѣмъ жаднѣе поляки. тѣмъ болѣе слѣдуетъ удовлетворять ихъ слабости». Lettre de ...с, 8 octobre 1696.

публики, теперь они стали главнымъ средствомъ обогащенія лицъ, вліявшихъ на выборы. Въ этихъ статьяхъ упоминались всѣ обѣщанія, которыми забрасывали сеймъ многочисленные кандидаты. Здѣсь. рядомъ съ обѣщаніями невозможными — Августъ II обѣщаетъ отвоевать у Швеціи Ливонію и присоединить ее къ польской республикѣ—встрѣчаются обѣщанія довольно игриваго свойства: племянникъ папы Livio Odescalchi обѣщаетъ уступить республикѣ всѣхъ своихъ любовницъ!

Въ то время, какъ нѣкоторые кандидаты даютъ обѣщанія съ очевидною цѣлью не исполнить ихъ, французскій посолъ своими обѣщаніями доказалъ, что хорошо знаетъ и польскую аристократію, и польскую республику: вліятельнѣйшимъ изъ польскихъ магнатовъ онъ обѣщаетъ дорогіе подарки, польской республикѣ обѣщаетъ взять Каменецъ, которымъ завладѣли турки и который былъ такъ важенъ для территоріальной безопасности Рѣчи Посполитой. «Французъ и Каменецъ-Подольской достать обѣщаетъ, къ чему имѣя лакомство, многіе изъ поляковъ къ тому склоняются» [1]), извѣщалъ Петра русскій посолъ изъ Вѣны, дьякъ Кузьма Никитичъ Нефимоновъ. Обѣщанія Полиньяка были довольно умѣренны, и если его партія въ Варшавѣ была сильна, то это должно приписать его личному вліянію. Можно догадываться, что составленная имъ партія была сильнѣе всѣхъ остальныхъ; на это указываютъ мѣры, къ которымъ прибѣгали враги французской партіи.

Австрійская партія, прежде всего, требовала удаленія аббата Полиньяка изъ Варшавы, находя, что онъ стѣсняетъ свободу выборовъ; французскій посолъ былъ согласенъ покинуть столицу республики, но подъ условіемъ удаленія изъ Варшавы пословъ всѣхъ другихъ державъ. Когда такимъ образомъ удаленіе Полиньяка отъ мѣста избранія оказалось невозможнымъ, тогда составился громадный заговоръ на его жизнь. Во главѣ

---

[2]) Памяти. VII, 1148; VIII, 192.

[illegible]

[illegible] Она прибѣгла къ [illegible] и опять отправила въ Парижъ [illegible] жалобу на его [illegible] [illegible] Людовика XIV прислать [illegible] убѣдиться на мѣстѣ, какъ [illegible] которой Полиньякъ требуетъ [illegible] миссіи французскаго посла [illegible] [illegible] тѣхъ бумагъ, которыя [illegible] ренны, потому что въ одномъ изъ писемъ Полиньяка къ Людовику XIV, отправленномъ въ это время, между прочимъ, говорится [1]). Je demande une grâce à Votre Majesté avec la plus grande soumission, c'est que, si elle n'a pas cofiance en moi, [illegible] veut croire que l'affaire dont je suis chargé soit en si bon état que j'ai annoncé, elle ait la bonté d'envoyer quelqu'un de sa part [illegible] Pologne pour voir tout ce qui s'y dit et ce que l'on fait parmi [illegible] grande et la petite noblesse, sur quel pied sont les concurrents, à [illegible] en sont réduits la reine et le prince royal. Pourvu que celui [illegible] viendra de Votre part soit un homme juste et sincère, et, [illegible] attaché au service de Votre Majesté, qu'il [illegible] des [illegible] que je fais auprès de [illegible] extrêmes, aussi

[illegible]

bien dans les assemblées que partout ailleurs, plus elle montre la faiblesse de sa faction et toutes les tentatives qu'elle fait contre moi, ne servent, Dieu merci, qu'à faire prendre des résolutions vigoureuses contre elle [1]).

Французскій король зналъ Марію Казиміру и не довѣрялъ ея жалобамъ; но, всегда недовѣрчивый, въ послѣднее время онъ сталъ подозрителенъ и видѣлъ теперь въ письмѣ Полиньяка удобный случай провѣрить донесеніе своего посла въ Варшавѣ. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Польшу чрезвычайнымъ посломъ аббатъ Шатонефъ. Новый посолъ французскаго короля остался вполнѣ доволенъ дѣйствіями Полиньяка, и во все время пребыванія въ Варшавѣ игралъ лишь второстепенную роль. Аббатъ Шатонефъ доносилъ Людовику XIV, что нашелъ положеніе дѣлъ въ Варшавѣ вполнѣ согласнымъ съ общимъ духомъ донесеній Полиньяка, и что «почти все польское дворянство на сторонѣ принца Конти, кандидата его величества» [2]).

Не ошибается ли, однако, аббатъ Шатонефъ?

V.

Paris vaut une messe, сказалъ Генрихъ IV, убѣдившійся тяжелымъ опытомъ, что такова была въ то время цѣна на господство во Франціи. Соображенія государственнаго по-

---

[1]) Я прошу одной милости: прислать въ Польшу кого-нибудь, кто могъ бы видѣть на мѣстѣ, что происходитъ въ дворянствѣ, въ какомъ положеніи находятся конкуренты на престолъ, а также королева и принцъ Яковъ. Желательно было бы только, чтобы тотъ, кто пріѣдетъ отъ имени вашего величества, былъ человѣкъ искренній и справедливый и настолько же преданный интересамъ вашимъ, насколько преданъ я самъ. Тогда — пусть онъ будетъ свидѣтелемъ моихъ дѣйствій и тѣхъ успѣховъ, которые мною добыты. Чѣмъ больше прибѣгаетъ дворъ къ крайнимъ мѣрамъ въ сеймикахъ и всюду, тѣмъ больше выказываетъ онъ слабость своей партіи, и всѣ его попытки противъ меня служатъ, слава Богу, только къ принятію болѣе строгихъ мѣръ противъ него.

[2]) *Parthenay*. II. 118.

рядка и интересы высокаго характера нетолько объясняютъ. но и оправдываютъ до извѣстной степени французскаго короля. Если при этомъ примемъ во вниманіе, что современники дѣйствуютъ, мало заботясь о будущемъ приговорѣ потомства. то станемъ на ту точку зрѣнія. которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ заслужить укора въ бездушной строгости или несправедливой жестокости сужденій. Такія соображенія весьма важны, когда представляется необходимость говорить о личности, низкія намѣренія которой едва понятны уму и темные поступки которой возмущаютъ душу.

Янъ Пржебендовскій былъ рожденъ для интригъ: употребляя самыя нечистыя средства. онъ не имѣлъ даже іезуитской возможности оправдывать ихъ цѣлями, такъ какъ эти цѣли были всегда низки и грязны: не дорожа своею честью, запятнанною слишкомъ часто, онъ нарушалъ даваемыя клятвы съ непринужденностью, по истинѣ удивительною; лишенный совѣсти, онъ рано утерялъ всякій стыдъ. Это былъ дурной человѣкъ; такимъ понимали его современники, такимъ рисуетъ его и исторія. Онъ былъ протестантъ по рожденію: ради званія сенатора и мѣста кульмскаго кастеляна онъ перешелъ въ католичество; но своимъ убѣжденіямъ онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ исповѣданій и вопросы вѣры для него не существовали. Таковъ онъ былъ и въ политикѣ. До тѣхъ поръ, пока партія принца Якова была сильна. онъ обязательно поддавался ея подкупу и громко поддерживалъ кандидатуру старшаго сына Яна Собѣскаго; позже. онъ перешелъ на сторону баденскаго принца, но скоро убѣдился въ денежной слабости этой партіи и предложилъ свои услуги французскому послу. Полиньякъ зналъ Пржебендовскаго, не довѣрялъ ему, но не желалъ раздражить отказомъ; ограждая себя, однако, отъ новой измѣны, аббатъ, въ присутствіи многихъ познанскихъ поляковъ. взялъ съ него торжественную клятву въ вѣрности. Новый адептъ французской партіи былъ вѣренъ данной имъ клятвѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ исчезъ изъ Варшавы, и отправился въ Дрезденъ.

Фридрихъ-Августъ, курфюрстъ Саксонскій, долго жилъ во Франціи, изучая военное искусство въ битвахъ съ своими врагами въ Franche-Comté; изъ Франціи же вывезъ онъ тотъ изысканный вкусъ и элегантный тонъ, которымъ отличался въ его время дрезденскій дворъ. Ему было лишь 27 лѣтъ: его войско было испытано въ бояхъ; его честолюбіе искало лишь повода расширить границы власти, и онъ ласково принялъ Пржебендовскаго, который пріѣхалъ къ нему съ предложеніемъ агитаціи въ его пользу на выборахъ. Курфюрстъ со вниманіемъ выслушалъ лестное для него предложеніе польской короны и сдѣлалъ лишь одно возраженіе, которое, по его понятіямъ, было столь существенно, что отстраняло всякую вѣроятность успѣшнаго исхода: «Я протестантъ, а королемъ Польши можетъ быть лишь католикъ». Такой доводъ настолько важный по мнѣнію Фридриха-Августа, что онъ не считалъ себя даже въ правѣ выступать кандидатомъ на варшавскихъ выборахъ, былъ лишенъ всякой силы въ глазахъ Пржебендовскаго, который далъ характерный отвѣтъ саксонскому принцу: «Только тѣ средства дурны, которыя не ведутъ къ успѣху; я сдѣлался католикомъ, чтобъ стать сенаторомъ; ваше высочество можетъ сдѣлать то же ради польской короны». Такое общее положеніе было тотчасъ же подкрѣплено историческимъ примѣромъ: «Въ 1530 году, Карлъ V угрожалъ одному изъ предковъ вашего высочества лишить его владѣній, если онъ не будетъ присутствовать, въ качествѣ имперскаго полководца, на торжественной католической мессѣ, совершавшейся въ Аугсбургѣ — и предокъ вашего высочества сталъ католикомъ». Но принять католичество не значило еще стать королемъ Польши, а вторичный переходъ, обратно въ протестантство, казался саксонскому курфюрсту уже слишкомъ неловкимъ. Такая щепетильность удивила, но не остановила Пржебендовскаго, и онъ указалъ на другой историческій примѣръ, который могъ служить въ данномъ случаѣ наставленіемъ: «Въ 1540 году протестантскіе

теологи дозволили ландграфу гессенскому, ради сохраненія его положенія и земель, сдѣлать видъ, будто онъ перешелъ въ католичество и исполнять наружно всѣ обряды, требуемые римскою церковью». Не устоялъ Фридрихъ-Августъ: казаться католикомъ не значило еще перестать быть протестантомъ; играть роль въ Европѣ, будучи только 27 лѣтъ, заманчиво, а вдали соблазнительно переливались разноцвѣтнымъ блескомъ алмазы польской короны.

За двѣ недѣли до дня, назначеннаго для окончательнаго избранія польскаго короля, Фридрихъ-Августъ прибылъ въ Баденъ, близъ Вѣны. Здѣсь епископъ раабскій, Цейцъ, ради честолюбивыхъ цѣлей перешедшій изъ протестантства въ католичество и многимъ обязанный саксонскому курфюрсту, снабдилъ Фридриха-Августа письменнымъ актомъ, свидѣтельствовавшимъ о принятіи имъ католичества: согласно условію, этотъ переходъ долженъ былъ быть офиціально объявленъ лишь послѣ избранія. Пржебендовскій поскакалъ съ этимъ актомъ въ Варшаву.

Между тѣмъ Фридрихъ-Августъ сдвигаетъ свои войска къ польской границѣ, продаетъ герцогу Ганноверскому свои права на герцогство Саксенъ-Лауенбургское, закладываетъ саксонскому духовенству свой Миснійскій удѣлъ и, зная жадность польскихъ магнатовъ, заключаетъ съ нѣмецкими евреями-банкирами договоръ, по которому они обязались доставлять ему необходимыя суммы денегъ по первому его требованію. Скрывая свои намѣренія, Фридрихъ-Августъ даетъ знать о своемъ обращеніи въ лоно католической церкви папѣ Иннокентію XII, который тѣмъ болѣе порадовался такому обращенію, что Саксонія была колыбелью лютеранизма. Съ Людовикомъ XIV такая скрытность была излишня, и Фридрихъ-Августъ, откровенно извѣщая французскаго короля о той цѣли, для которой онъ обратился въ католика, проситъ Людовика XIV поддержать своимъ вліяніемъ его кандидатуру на польскій тронъ. Эта просьба ставила французскаго короля въ

чрезвычайно неловкое положеніе: Людовикъ XIV не объявлялъ державамъ о кандидатурѣ принца Конти и теперь боялся или повредить избранію, или уронить свое достоинство официальнымъ объявленіемъ объ этой кандидатурѣ, которая могла и не имѣть успѣха. Версальскій мудрецъ рѣшился молчать о полученномъ отъ Фридриха-Августа извѣщеніи; онъ скрылъ это даже отъ своего посла въ Варшавѣ.

Но Полиньякъ слѣдилъ за всѣмъ, все зналъ; французскій посолъ извѣщалъ своего государя о предстоящей кандидатурѣ курфюрста Саксонскаго, о чемъ его увѣдомилъ un certain Chevalier Fleming[1]), родственникъ Пржебендовскаго. Полиньякъ съ такою же ловкостью противодѣйствовалъ планамъ Пржебендовскаго, съ какою тотъ составлялъ ихъ.

Когда кандидатура Саксонскаго курфюрста была офиціально объявлена, папа тотчасъ же извѣстилъ избирательный сеймъ, что будетъ держать полный нейтралитетъ между кандидатомъ, предложеннымъ отъ имени христіаннѣйшаго короля Людовика XIV, и новообращеннымъ католикомъ; между тѣмъ папскій нунцій, кардиналъ Доріа, присланный изъ Кёльна въ Варшаву съ цѣлью защиты католическихъ интересовъ, громко высказывается въ пользу Фридриха-Августа, называетъ его обращеніе «чудомъ, совершеннымъ въ честь Рѣчи Посполитой», и такимъ образомъ фанатизируетъ горячія головы поляковъ. Французскій посолъ тотчасъ же написалъ нунцію довольно самоувѣренное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Я удивляюсь, что тотъ, который представляетъ собою общаго отца всѣхъ христіанъ, высказываетъ въ этомъ дѣлѣ столь возмутительное пристрастіе... Я прошу васъ вспомнить, что мы оба, вы и я, подвластны государямъ, которые будутъ судить о нашихъ дѣйствіяхъ по тѣмъ результатамъ, которыхъ мы достигнемъ». Полиньякъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія

[1]) Lettre de Polignac, du 31 mai 1697.

на слухъ объ обращеніи Фридриха-Августа, и указывалъ на его супругу, Христину, которая оставалась протестанткой и даже отвергала возможность подобнаго поступка со стороны курфюрста; французскій посолъ доказывалъ, что Фридрихъ-Августъ, въ случаѣ избранія, окажется такимъ же протестантомъ, какимъ былъ прежде, до избранія. Когда же Пржебендовскій объявилъ, что Полиньякъ далъ республикѣ такія обѣщанія, которыя его кандидатъ не въ состояніи будетъ выполнить, то французскій посолъ отвѣчалъ небольшой брошюрой, въ которой подробно доказывалъ исполнимость этихъ обѣщаній и прибавлялъ: «Фридрихъ-Августъ выступилъ кандидатомъ слишкомъ поздно, единственно съ тою цѣлью, чтобъ не дать никому времени снять маску съ этого подозрительнаго кандидата и провѣрить искренность его обѣщаній».

За нѣсколько дней до избранія, Пржебендовскій, сознавая силу французской партіи и не надѣясь на успѣхъ, предлагаетъ сдѣлку. По его совѣту, нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ отправятся къ французскому послу, укажутъ ему на бѣдствія, которыя грозятъ Польшѣ отъ двухъ враждебныхъ партій, и предложатъ Полиньяку средство, которое должно, съ одной стороны, успокоить республику, съ другой—обезопасить честь Франціи и личные интересы ея представителя. Средство это не сложное: въ короли Польши избирается курфюрстъ Саксонскій; Фридрихъ-Августъ обязуется уплатить Людовику XIV всѣ понесенные имъ расходы по кандидатурѣ принца Конти, обѣщаетъ Полиньяку кардинальскую шапку. Полиньякъ во-время узналъ о такомъ новомъ планѣ Пржебендовскаго, и наканунѣ того дня, въ который къ нему должна была прибыть депутація съ предложеніемъ сдѣлки, онъ явился въ сенатъ. Съ гордостью и негодованіемъ онъ отвергъ оскорбительную сдѣлку; объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ порученія, возложеннаго на него его государемъ, и въ заключеніе выразилъ удивленіе, что польская нація, всегда такая ревнивая къ своей свободѣ, задумывается

надъ избраніемъ въ короли одного изъ нѣмецкихъ принцевъ, между тѣмъ какъ до настоящаго времени она отвергала ихъ всякій разъ, когда они были предлагаемы. «Если курфюрстъ Саксонскій взойдетъ на тронъ, вѣра отцовъ вашихъ подвергнется преслѣдованіямъ. Если сенатъ можетъ состоять только изъ католиковъ, то потерпитъ ли нація, чтобъ скипетръ ея республики находился въ рукахъ протестантскаго принца, послѣ того, какъ его держалъ король Казиміръ, которому римскій дворъ пожаловалъ титулъ «ортодоксальнаго» за очищеніе сената отъ еретиковъ?»

Полиньякъ говорилъ свою послѣднюю рѣчь въ сенатѣ 23-го іюня 1697 г. На 25-е іюня назначенъ день избранія. Двѣ партіи волнуютъ польскую республику; эти двѣ партіи подѣлили всѣхъ представителей Рѣчи Посполитой; во главѣ каждой стояли лица, испытанныя въ интригахъ, ловкія въ дебатахъ, всегда готовыя на бой, никогда не устающія. Кто же одержитъ верхъ, Пржебендовскій или Полиньякъ? кто будетъ избранъ въ польскіе короли, курфюрстъ Фридрихъ или принцъ Конти? Казалось, можно было быть увѣреннымъ хотя въ томъ, что изъ двухъ кандидатовъ будетъ избранъ только одинъ, не оба.

Наступилъ давно жданный день выборовъ, день, въ который еще разъ совершится великій актъ народнаго самодержавія.

Долина Волы, близъ Варшавы, полна народа и представляетъ величественное зрѣлище. По окраинамъ ея разставлено безчисленное множество палатокъ и шалашей; въ срединѣ длинное четырехугольное пространство огорожено невысокою стѣною и окопано рвомъ: стѣна не высока, чтобъ совершающееся за оградою было доступно взорамъ всѣхъ, и ровъ глубокъ, чтобы всадники не могли проникнуть за ограду. Трое воротъ, по числу трехъ областей Рѣчи Посполитой, ведутъ въ огороженное мѣсто: ворота Великой Польши на западной сторонѣ, Малой Польши—на южной, Литвы—на восточной. За

оградою великолѣпный павильонъ, szopa — для сенаторовъ; остальное пространство, kolo—для представителей высшаго сословія.

Съ ранняго утра спѣшатъ въ долину Волы избиратели, окруженные своими гайдуками. Болѣе 100 тысячъ дворянъ, верхами, по воеводствамъ; одежды ихъ блещутъ роскошью: золото и мѣха, драгоцѣнные каменья и парча, бархатъ и шелкъ: каждый щеголяетъ своимъ оружіемъ, конемъ, свитою; каждый имѣетъ право на польскую корону, каждый гордъ...

Вокругъ избирателей толпится несмѣтное множество народа. Крики людей, удары сабель, хлопанье бичей, ружейные выстрѣлы, ржанье коней, говоръ, хохотъ, брань, вопли, общее движеніе. Кортежи воеводъ и кастеляновъ снуютъ промежъ народа, набирая голоса и бросая деньги. Епископы верхомъ на лошадяхъ, съ крестомъ въ рукѣ, разъѣзжаютъ по долинѣ, кропя всѣхъ св. водою и призывая къ согласію. Здѣсь толпа сошлась поговорить о достоинствѣ кандидатовъ, поспорила, и вотъ сверкаютъ лезвія сабель, течетъ кровь [1]). Тамъ группа молодыхъ людей устроила конное ристалище и, среди забавы, неосторожное слово о кандидатѣ привело къ дуэли. Вдали эскадроны скачутъ подъ громъ военной музыки; ближе, раздаются національныя пѣсни, какъ бы взывая къ патріотизму избирателей. Тамъ и сямъ разсѣяны отряды гайдуковъ и воиновъ, разставлены пушки и гаковницы. Вездѣ—грязные евреи съ ихъ услугами, съ предложеніемъ денегъ, съ жидовскими процентами. Повсюду яркій блескъ дорогого оружія, раскраснѣвшіяся лица гордыхъ сыновъ Польши, золотыя попоны на арабскихъ коняхъ, позолоченные экипажи.

Епископъ плоцкій проситъ слова. Онъ говоритъ не длинную рѣчь и высказывается въ пользу французскаго канди-

[1]) *Ф. Таннеръ*, стр. 723: «Надобно замѣтить, что въ Польшѣ, если сенаторы и паны начнутъ между собою войну на словахъ, то челядь ихъ и солдаты начинаютъ также спорить между собою, а потомъ берутся за сабли, и часто проливается не мало крови».

дата. Его поддерживаетъ примасъ Радзіевскій; воеводы сѣрадзскій, раваскій, плокскій и прусскій крикомъ выражаютъ свое согласіе. Пржебендовскій желаетъ сказать рѣчь противъ принца Конти; дворянинъ Шапскій останавливаетъ его бранью: «Измѣнникъ, ты скоро забылъ твои клятвы!» и наводитъ на него дуло пистолета; какой-то ксёндзъ отвелъ дуло своимъ посохомъ и Шапскій выстрѣлилъ на воздухъ. Энтузіазмъ, возбужденный рѣчью плокскаго епископа, растетъ; уже слышится тамъ и сямъ виватъ принцу Конти. Пржебендовскій, зная, какъ поляки дорожатъ даже пустыми формами своей конституціи, вспоминаетъ, что примасъ не провозгласилъ еще офиціальнаго списка именъ кандидатовъ; онъ спѣшитъ къ тѣмъ воеводамъ, которые еще не высказались за Конти, указываетъ на нарушеніе конституціи. Пржебендовскій выигрываетъ время, — выборы отложены до завтра.

26 іюня, раннимъ утромъ, сенаторы и воеводы, съ примасомъ во главѣ, собрались въ каѳедральный соборъ св. Яна, помолились не долго и въ торжественной процессіи отправились въ долину Волы. Войдя въ павильонъ, примасъ громкимъ голосомъ провозгласилъ имена кандитатовъ: онъ началъ принцемъ Конти, которому разсыпался въ похвалахъ, и окончилъ Фридрихомъ-Августомъ, котораго лишь назвалъ по имени [1]). Затѣмъ, по обычаю, всталъ передъ павильономъ, въ виду всѣхъ, и, преклонивъ колѣна, началъ молиться, призывая благословеніе на взволнованную толпу, которая будетъ выбирать главу государства. Гробовое молчаніе. Всѣ преклоняются предъ прелатомъ, который встаетъ и, обращаясь на всѣ четыре стороны, благословляетъ народъ. Выборы начались.

Три краковскихъ и одинъ познанскій эскадронъ провозгласили имя принца Якова, но слабо, нерѣшительно. То былъ какъ бы сигналъ. Крикъ: Конти! Конти! раздался по долинѣ. Три другихъ краковскихъ эскадрона, пять познанскихъ и всѣ

---

[1]) *Parthenay*, I, 107.

виленскіе требовали избранія принца Конти. Въ то же время тамъ и сямъ слышно было имя Фридриха-Августа—то былъ крикъ двухъ воеводствъ, Самогитіи и Мазовіи, и нѣсколькихъ эскадроновъ Пруссіи. Общее смятеніе [1]). Три различныхъ крика потрясаютъ воздухъ; противники бросаются другъ на друга, схватываются, сабли на голо — пыль не дозволяетъ разсмотрѣть подробности схватки. Панъ Папіескій, раненый однимъ изъ сторонниковъ Конти, подходитъ къ павильону, къ примасу, и отрываетъ руку отъ раны - кровь брызнула на платье примаса и краснорѣчиво пояснила, что̀ дѣлается за этою пылью...

Среди общей сумятицы является Пржебендовскій. Въ рукахъ у него письменное удостовѣреніе папскаго нунція объ обращеніи саксонскаго курфюрста. Онъ предлагаетъ полякамъ избрать Фридриха-Августа. Подлинность акта невозможно провѣрить. Сторонники принца Конти утверждаютъ, что онъ подложенъ. Жизнь Пржебендовскаго опять въ опасности: друзья едва могли защитить его отъ сабель противниковъ. Кардиналъ-примасъ, видя, что всѣ подѣлились между двумя кандидатами, французскимъ и саксонскимъ, желаетъ раздѣлить противниковъ и такимъ образомъ предотвратить возможность общей свалки; онъ приказываетъ маршалу распорядиться, чтобъ желающіе принца Конти отошли на правую сторону, а Фридриха-Августа — на лѣвую. Результатъ этой мѣры оказался въ пользу французскаго кандидата: 220 эскадроновъ стоятъ на правой сторонѣ и лишь 40 на лѣвой [2]).

Выборъ состоялся. Принцъ Яковъ, всѣми оставленный, бѣжитъ въ Варшаву. Полиньякъ отправляетъ въ Парижъ гонца съ поздравленіемъ. Папскій нунцій, сторонникъ Фридриха-Августа, поздравляетъ Полиньяка. Съ долины Волы до-

---

[1]) *Ф. Таннеръ*, стр. 763: «На сеймахъ все шло хорошо, пока не начинался крикъ; обыкновенно кричали такъ громко, что нельзя было понять ни одного слова».

[2]) Journal du marquis de Dangeau, II, 73.

носится въ Варшаву народный кликъ: «да здравствуетъ Конти!»

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ заявленій о результатѣ выборовъ, нужно было глубоко знать характеръ польской націи и систему польскихъ выборовъ, чтобъ еще сомнѣваться въ избраніи принца Конти. И за всѣмъ тѣмъ, тѣ, которые считали принца Конти польскимъ королемъ, ошибались. Винить ихъ нельзя: только въ Польшѣ былъ возможенъ такой случай, чтобъ изъ двухъ кандидатовъ оба были избраны въ короли. Дѣло было такъ.

Послѣ провозглашенія вивата принцу Конти, вся саксонская партія считала свое дѣло окончательно проиграннымъ. Не такъ смотрѣлъ на свое дѣло Пржебендовскій. По его совѣту, 40 эскадроновъ, бывшихъ на сторонѣ саксонскаго кандидата, дали знать примасу, что наступившіе сумерки затрудняютъ всякое движеніе, но что завтра поутру они перейдутъ на правую сторону и увеличатъ огромное большинство, высказавшееся за принца Конти. Полиньякъ понялъ, что Пржебендовскій желаетъ лишь выиграть время, чтобъ употребить ночь на новую агитацію, и просилъ примаса не откладывать своей санкціи до завтра, но объявить тотчасъ же выборы состоявшимися въ пользу принца Конти. Кардиналъ-примасъ не согласился на просьбу Полиньяка и отложилъ до слѣдующаго утра окончательное признаніе французскаго принца польскимъ королемъ. Почему? Желалъ ли онъ придать болѣе торжественности такому признанію? Надѣялся ли достичь на завтра единогласнаго избранія? Былъ ли онъ подкупленъ? Или, быть можетъ, въ этомъ должно видѣть честолюбивое стремленіе продлить свою власть еще на нѣсколько часовъ? Какъ бы то ни было, но примасъ отказалъ французскому послу и отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ оставались на своихъ мѣстахъ всю ночь. Самъ примасъ расположился въ экипажѣ и ожидалъ утра.

Настала ночь. Но никто не спалъ въ долинѣ Волы. Прже-

бендовскій, ловко выигравъ нѣсколько часовъ, съ искусствомъ воспользовался ими. Онъ обѣгалъ всѣхъ пословъ, агитировавшихъ противъ Франціи; съ каждымъ изъ нихъ поговорилъ наединѣ, глазъ на глазъ. Затѣмъ, въ глубокую полночь, онъ собралъ ихъ въ палаткѣ папскаго нунція; на этомъ ночномъ совѣщаніи присутствовали: посланникъ Австріи и послы Саксоніи, Баваріи, Бранденбурга, Лотарингіи, Нейбурга и Венеціи; въ немъ принимали участіе и двое изъ польскихъ магнатовъ, епископъ куявскій и князь Сапѣга, истые поляки, всегда по принципу бывшіе противъ партіи, одержавшей верхъ. Въ рѣчи краткой, но энергической, Пржебендовскій изложилъ представителямъ иностранныхъ державъ весь вредъ, могущій произойти отъ новаго усиленія могущественной уже Франціи; представителей польской націи онъ убѣждалъ положиться скорѣе на Фридриха-Августа, который стоитъ уже со своими войсками на границахъ Польши, готовый пролить свою кровь за республику, чѣмъ на принца Конти, утопающаго въ вакханаліяхъ версальскихъ празднествъ. Пржебендовскій говорилъ съ жаромъ; казалось, торжественность минуты, въ которую рѣшалась судьба его родины, вызвала въ немъ весь горячій патріотизмъ поляка; казалось, рѣчь его лилась прямо изъ сердца; онъ былъ увлекателенъ, ему нельзя было не вѣрить... Въ два часа ночи окончилось засѣданіе въ палаткѣ папскаго нунція и участники его разъѣхались въ разные концы.

На утро, когда солнце освѣтило долину, французская партія убѣдилась, что ея догадки были справедливы: лѣвая сторона, саксонская, еще вчера столь слабая, почти ничтожная, сегодня уже была равна сторонѣ французской. Удивился кардиналъ-примасъ. Его попытки привести обѣ партіи къ взаимному соглашенію не имѣли успѣха. Раздраженіе сторонъ достигло крайняго предѣла. Наконецъ, около шести часовъ вечера, примасъ, согласно обычаю, провозглашаетъ, по требованію большинства, Франциска-Людовика Бурбона принца

Конти королемъ Польши и великимъ княземъ Литвы. Затѣмъ, французская партія, съ примасомъ во главѣ, отправляется въ Варшаву, отгоняетъ сторонниковъ саксонской партіи, занявшихъ входъ въ соборъ св. Яна, и торжественное «Te Deum» потрясаетъ своды храма [1]).

Въ то же время епископъ куявскій, во главѣ саксонской партіи, оставшейся въ долинѣ Волы, пользуясь отсутствіемъ примаса, не менѣе торжественно провозгласилъ королемъ Польши и княземъ Литвы Фридриха-Августа, курфюрста Саксонскаго. Въ полночь прибыли они въ Варшаву, въ тотъ же соборъ св. Яна, и пропѣли тотъ же «Te Deum», заглушая грохотъ пушекъ, раздававшійся въ честь принца Конти.

Кончилось для Польши тяжелое время безкрулевья, но кончилось какъ никогда еще; республика впала изъ одной крайности въ другую: вчера не было короля, сегодня ихъ два. Въ Москву пришло извѣстіе, «что полскіе сенаторы имѣютъ между собою великое разгласіе и сердца раздвоенные, и обраны два короля — князь Деконтій съ ѳранцузской стороны да курфистръ Саксонской, и стоятъ одни при Деконтіи, другіе при курфистрѣ, и которая сторона сильняе будетъ тому впредь время покажетъ» [2]). Республика поставила себя въ положеніе столь же грустное, какъ и комическое.

VI.

Въ четвергъ, 11 іюля, прибылъ въ Марли, гдѣ въ то время находился французскій дворъ, Галлеронъ, секретарь французскаго посла въ Варшавѣ, аббата Полиньяка, отправленный имъ 26 іюня, прямо съ долины Волы. Галлеронъ привезъ съ собою два собственноручныхъ письма Полиньяка: одно, къ королю Людовику XIV, въ которомъ посолъ извѣщалъ своего государя объ избраніи принца Конти 220 эскадронами про-

[1]) *Dangeau*, II, 76. [2]) Памятн., VIII, 87.

тиву 40; другое, къ принцу Конти, было адресовано à Sa Majesté Polonaise [1]).

Людовикъ XIV поздравилъ принца и хотѣлъ тотчасъ же отдать ему королевскія почести, но Конти просилъ повременить, пока его избраніе будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Эта скромность заслужила похвалы всего версальскаго семейства: одинъ лишь Людовикъ XIV не могъ долѣе скрывать своей радости—избраніе принца радовало его: оно удаляло отъ него нелюбимаго человѣка. Выходя изъ опочивальни г-жи Ментенонъ, которой король поспѣшилъ передать давно желанную вѣсть, Людовикъ XIV, обращаясь къ придворнымъ, сказалъ: Je vous amène un roi. Новость быстро разнеслась и всѣ спѣшили поздравить польскаго короля до его отъѣзда въ свое королевство [2]).

Но принцъ Конти не торопился отъѣздомъ. Оставивъ безъ отвѣта двухъ курьеровъ Полиньяка, онъ лишь 1-го августа отвѣчалъ ему короткимъ, сухимъ письмомъ: принцъ извѣщалъ посла, что принимаетъ польскую корону и благодаритъ его за труды. Спустя мѣсяцъ, 1-го сентября, принцъ долго и много разговаривалъ съ Людовикомъ XIV въ его версальскомъ кабинетѣ; когда онъ выходилъ, придворные замѣтили слезы на его глазахъ [3]). Мы знаемъ причину этихъ слезъ; знали ее и тѣ придворные, что поторопились извѣстить о нихъ Людовика XIV и тѣмъ еще болѣе возстановили короля противъ принца. Герцогъ С.-Симонъ въ своихъ мемуарахъ, передавая довольно обстоятельно отношенія всѣхъ лицъ версальской семьи, говоритъ, что избраніе принца Конти въ короли Польши обрадовало всѣхъ, кромѣ герцогини Бурбонской. Даже въ сердцѣ С.-Симона нашлось сочувственное сожалѣніе къ положенію герцогини: Qui fut à plaindre? Ce fut m-me la Duchesse. Elle aimait, elle étoit aimée, elle ne pouvait douter qu'elle ne le fût plus que l'éclat d'une couronne. Il fallut

1) Mém. de S.-Sim. II, 22. *Dangeau*, II. 74.
2) «Я привожу вамъ короля». Mém. de S.-Sim. II, 23.
3) Dangeau, II, 77. Mém. S.-Sim. II, 23.

prendre part à une gloire si proche, à la joie du roi, à celle de sa famille qui l'observait dans tous les moments, qui voyait clair, mais qui ne put mordre sur les bienséances [1]). Вотъ почему были слезы на глазахъ принца Конти послѣ аудіенціи, на которой былъ рѣшенъ отъѣздъ его въ Варшаву. Во вторникъ, 3-го сентября, въ 11 часовъ вечера, онъ выѣхалъ изъ Парижа.

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца Конти, въ Парижѣ были получены нѣсколько запоздавшія въ дорогѣ донесенія аббата Полиньяка о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ избирательнаго сейма. Эти донесенія кратки и осторожны; но въ письмахъ къ частнымъ лицамъ, отправленныхъ съ тѣми же курьерами, посолъ откровенно указываетъ на главную причину выбора двухъ королей. Въ этомъ отношеніи особенно важны его письма къ M. de Torcy, который всегда поддерживалъ и защищалъ Полиньяка предъ королемъ, и съ которымъ аббатъ былъ вполнѣ откровененъ [2]). Въ одномъ изъ писемъ сказано:

Si les fonds nécessaires eussent été envoyés et le prince élu présent ou du moins dans le voisinage, la double élection ne se serait pas faite, ou elle n'aurait pas subsisté un seul jour. Mais je me trouve, avec un titre incontestable, c'est-à-dire après une élection légitime sans roi et sans argent, au lieu que l'électeur de Saxe est aux portes du royaume avec ses troupes et l'assistance de tous les Etats voisins intéressés à le soutenir [3]).

Въ другомъ письмѣ, писанномъ нѣсколько дней спустя, уже проглядываетъ та желчная раздражительность и то отчаяніе, которое начало овладѣвать французскимъ посломъ:

---

[1]) «Всѣхъ больше была достойна сожалѣнія герцогиня. Она любила, была любима; она не сомнѣвалась, что ее предпочитали коронѣ. И за всѣмъ тѣмъ, ей предстояло показывать участіе въ радости короля и всего ея семейства, которое зорко за ней наблюдало». Mém. de S.-Sim. II, 25.

[2]) Mém. de S.-Sim. III, 150; V, 86.

[3]) «Еслибъ я имѣлъ нужныя суммы, и принцъ былъ на мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, по сосѣдству, двойное избраніе не могло бы имѣть мѣста. Но у меня нѣтъ ни денегъ, ни короля, тогда какъ саксонскій курфюрстъ стоитъ у предѣловъ королевства съ войсками и съ поддержкой всѣхъ сосѣднихъ государей». Lettre de Polignac, du 17 août 1697.

тиву 40; дру
Majesté Polonai

Людовикъ X
отдать ему ко
менить, пока
скромность за
одинъ лишь Л
дости—избран
любимаго чел
которой корол
Людовикъ XIV
amène un roi.
вить польска

Но принц
отвѣта двух
отвѣчалъ ем
шалъ посл
его за труд
и много ра
своимъ кабин
слезы на е
звала её н
нихъ Люд
противъ п
передава
сальской
короля П
ской Лаз
далѣйе к
m-me la
douter qu

1) Mém
2)
3) Там

sine viribus ira [1]). Сторонники французскаго посла утеряли довѣріе къ его словамъ, охладѣли къ его дѣлу, и, сперва апатіей, потомъ противодѣйствіемъ его планамъ, рѣшили вопросъ объ избраніи польскаго короля въ пользу Фридриха-Августа.

Въ дѣлахъ государственныхъ слова имѣютъ мало значенія; только то мѣропріятіе носитъ на себѣ характеръ государственной мудрости, которое обставлено извѣстною силою, достаточною для его поддержанія. Въ этомъ отношеніи сторона саксонскаго кандидата выказала болѣе политическаго смысла, нежели сторона кандидата французскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что законность избранія была вся на сторонѣ принца Конти; но представитель его въ Варшавѣ былъ лишенъ средствъ, которыя понадобились для защиты его правъ, и королемъ Польши сталъ Фридрихъ-Августъ. Вслѣдствіе убѣжденій Полиньяка, почти всѣ епископы королевства высказались за принца Конти; но Фридрихъ-Августъ, во главѣ своихъ войскъ, не обращалъ вниманія на угрозы церковныхъ сановниковъ. По настоятельнымъ просьбамъ французскаго посла, примасъ приставилъ стражу ко гробу Собѣскаго, чтобъ саксонская партія не овладѣла имъ—по польскимъ обычаямъ, коронованіе избраннаго короля и погребеніе умершаго должно совершаться въ одно и то же время, въ Краковѣ—но Фридрихъ-Августъ приказалъ сдѣлать гробницу, подобную той, въ которой покоилось тѣло его предшественника, и 15-го сентября былъ торжественно коронованъ епископомъ куявскимъ въ каѳедральномъ соборѣ Кракова [2]). Примасъ протестуетъ противъ нарушенія его правъ епископомъ куявскимъ; но папскій нунцій поддерживаетъ епископа, дѣйствующаго вопреки обычаямъ и постановленіямъ католической церкви.

При такомъ направленіи дѣлъ Полиньякъ былъ безсиленъ. Его дѣятельность ограничивается унизительными просьбами къ сторонникамъ, безсильными протестами противъ против-

[1]) Ibid. [2]) Mém. de S.-Sim. II, 27. Памяти. VIII. 959, 964.

щиковъ, желѣзами на враговъ. Такъ, на дѣйствія папскаго нунція въ Варшавѣ онъ жалуется кардиналу Жансону, французскому послу при римскомъ дворѣ, и въ видѣ утѣшенія получаетъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

Mon cher Seigneur.

J'ai lu avec le plus grand déplaisir la lettre de Votre Excellence qui m'apprend la double élection qui s'est faite pour donner un roi à la Pologne, et la conduite peu équitable qu'a tenue le nonce apostolique. Sa Sainteté n'ignorait pas ce qui s'est passé dans la diète, son courrier est arrivé. Je ne puis vous exprimer la douleur dont est pénétrée Sa Sainteté à la vue du danger qui menace notre sainte religion dans ce royaume par l'élection de l'électeur de Saxe, dont l'abjuration nous est fort suspecte. Néanmoins, nous espérons que ceux qui ont pris le bon chemin se soutiendront et qu'ils ramèneront les personnes qui s'en sont écartées. Le Saint Père a établi une congrégation d'État de dix-sept cardinaux qui désapprouve la conduite du nonce. Cependant ils n'ont encore rien décidé, parce qu'ils attendent un autre courrier qui doit arriver le 27 du présent mois. Je l'attends moi-même avec impatience, afin que je puisse être instruit avant mon départ de cette ville de l'état des affaires de Votre Excellence ¹).

Положеніе дѣлъ аббата Полиньяка было [illegible]

[illegible]

плылъ Конти, бросила якорь въ Данцигѣ [1]). Сапѣга, Залужскій, Контскій и многіе другіе изъ польскихъ магнатовъ выѣхали къ нему на встрѣчу [2]). Протестантскій Данцигъ отказалъ католическому принцу въ королевскихъ почестяхъ, и Конти оставался на судахъ, гдѣ принималъ польскихъ депутатовъ, проклиналъ свою судьбу и задумывался о герцогинѣ Бурбонской... Это путешествіе, приближавшее его къ польскому трону, было для него ненавистно: оно удаляло его отъ той. для которой онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, даже славою своей храбрости, въ которой теперь многіе начинали сомнѣваться. Когда его пріѣздъ оживилъ вновь надежды Полиньяка, когда многочисленная партія выслала къ нему своихъ депутатовъ, онъ давалъ поводъ думать, что его останавливаетъ страхъ предъ войсками Фридриха-Августа. Мало кто зналъ настоящую причину его нерѣшительности, а изъ знавшихъ, мало кто находилъ ее уважительною.

6-го ноября принцъ. Конти узналъ, что Фридрихъ-Августъ разбилъ часть войскъ его приверженцевъ. Никогда еще не радовался онъ такъ побѣдѣ, какъ вѣсти объ этомъ пораженіи [3]): онъ тотчасъ же отдалъ приказъ плыть обратно во Францію, въ Парижъ. На письмо примаса, который съ непритворною досадою передавалъ ему свое сожалѣніе о предпочтеніи. оказываемомъ Фридриху-Августу, принцъ Конти, между прочимъ, отвѣчалъ: я очень радъ, что моему сопернику отдали предпочтеніе; когда имѣешь честь быть принцемъ крови во Франціи, то трудно желать что-нибудь больше. Принцъ Конти не скрывалъ своего удовольствія по случаю возвращенія въ Парижъ. Въ субботу, 14-го декабря, онъ уже былъ на балѣ у герцогини Бургундской [4]).

Съ отъѣздомъ принца Конти обратно во Францію руши-

[1]) Пришла вѣдомость, что «князь Деконтій пріѣхалъ во Гданескъ и живетъ во Гданску, а проводилъ его до Гданска морского разбойническаго каравана генералъ Янъ Бартъ». Памятн. VIII, 875.

[2]) Mém. de S.-Sim. II, 28. [3]) Mém de S.-Sim. II, 31.

[4]) *Dangeau*, II, 98.

лась послѣдняя надежда французской партіи, утерялся послѣдній мотивъ ея существованія, и она сама собою уничтожилась. Положеніе Фридриха-Августа становилось все болѣе и болѣе прочнымъ. Празднества по случаю его коронованія, были великолѣпны. Въ оргіяхъ, застольныхъ пирушкахъ, въ пѣніи и танцахъ придворныхъ ассамблей забыли поляки о славѣ прежнихъ дней, примирились съ настоящимъ положеніемъ вещей и не заглядывали въ будущее. Après nous le déluge сказывалось во всякой чертѣ тѣхъ увеселеній, которыми праздновала Польша вступленіе на престолъ новаго короля.

Но два лица омрачали увеселенія въ столицѣ гордой республики: Марія Казиміра—своимъ участіемъ въ пьяныхъ поминкахъ по своемъ великомъ супругѣ, и Полиньякъ—своимъ непоявленіемъ при дворѣ польскаго короля.

Вдова Собѣскаго имѣла еще безстыдство явиться въ Варшаву. Она надѣялась получить личное вліяніе на Фридриха-Августа, и чрезъ него на дѣла королевства. Марія Казиміра ошиблась. Она была изгнана изъ предѣловъ Польши и жестоко наказана за свою грѣшную жизнь: она имѣла несчастіе прожить еще двадцать лѣтъ, влача безпокойную старость по мелкимъ дворамъ Германіи и Италіи, пока, наконецъ, не умерла въ Блуа, семидесяти-пяти лѣтъ отъ роду.

Аббатъ Полиньякъ переживалъ теперь въ Варшавѣ тяжелыя минуты. Противники глумились надъ нимъ; сторонники покинули его; онъ остался одинокъ, испытывая на себѣ, какъ люди способны преклоняться предъ успѣхомъ, и какъ безжалостны къ неуспѣвшему. Ни въ комъ онъ не видѣлъ участія къ своему положенію, ни въ комъ не встрѣчалъ ни утѣшенія, ни признанія своихъ трудовъ. Неуспѣхъ давалъ всѣмъ жалкое право клеймить его усилія. А труды его были велики. Онъ достигъ цѣли въ странѣ ему чужой, достигъ единственно личнымъ умомъ, краснорѣчіемъ, ловкостью; онъ рисковалъ не разъ жизнью, разстроилъ здоровье, потерялъ имущество, которое было ограблено въ Данцигѣ при его возвращеніи на ро-

дину. Тотъ, для котораго онъ съ такимъ трудомъ добывалъ польскую корону, отказался надѣть ее.

Людовикъ XIV былъ до крайности раздраженъ неуспѣхомъ своихъ плановъ въ Варшавѣ. Какъ король, онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что на польскій тронъ избранъ не принцъ французской крови; но какъ человѣкъ, онъ, быть можетъ, еще болѣе негодовалъ на то, что французскій принцъ, къ которому онъ питалъ такую искреннюю ненависть, опять возвратился къ его двору. Ослѣпленный гнѣвомъ, Людовикъ XIV забылъ всѣ услуги, оказанныя Полиньякомъ въ Римѣ и даже въ Варшавѣ; онъ видѣлъ лишь нежданный результатъ возложенной на него миссіи и, подъ диктовку г-жи Ментенонъ, написалъ короткую записку аббату Полиньяку:

Il est aisé de comprendre, Monsieur, que vous n'avez désormais aucun service à me rendre dans le voisinage de la Pologne. Le seul ordre que j'aie donc à vous donner est de revenir incessament dans mon royaume et d'attendre sur la frontière que je vous fasse recevoir mes instructions [1]).

Полиньякъ не долго ждалъ приказаній отъ своего короля. Еще не доѣзжая до границъ Франціи, встрѣтилъ онъ курьера, который передалъ ему письмо Людовика XIV:

Monsieur l'abbé de Polignac,

Je vous écris cette lettre pour vous faire savoir que mon intention est que vous vous rendiez de suite dans votre abbaye de Bomport et que vous y demeuriez jusqu'à nouvel ordre.

«Louis» [2]).

Удаленіе отъ двора и запрещеніе въѣзжать въ Парижъ не было наказаніемъ для философа, хотя, быть можетъ, оно было

---

[1]) «Вы, конечно, поймете, что отнынѣ отъ васъ не требуется никакихъ услугъ въ дѣлахъ Польши. Единственное приказаніе, которое я могу вамъ дать, заключается въ томъ, чтобы вы не медля возвратились въ мое королевство, и на границѣ ожидали отъ меня дальнѣйшихъ приказаній».

[2]) «Господинъ аббатъ де-Полиньякъ. Пишу къ вамъ настоящее письмо, чтобъ дать вамъ знать, что вы обязаны тотчасъ же отправиться въ ваше Бонпортское аббатство, гдѣ и будете жить до новаго распоряженія. Людовикъ».

оскорбленіемъ для дипломата. Въ бесѣдахъ съ Bayle'емъ въ Роттердамѣ, въ думахъ надъ своею философскою поэмой Anti-Lucrèce въ своемъ аббатствѣ, въ Нормандіи, философъ забылъ гнѣвъ версальскаго старца; но умъ и талантъ дипломата заставили упрямаго старика снова вызвать аббата къ дѣятельности. Пятилѣтнее изгнаніе Полиньяка послужило въ пользу: онъ не раздражалъ своимъ присутствіемъ Людовика XIV, не напоминалъ о себѣ, предоставивъ времени смягчить гнѣвъ монарха.

Противное тому испыталъ принцъ Конти. Онъ долженъ былъ жить при дворѣ, всегда на глазахъ короля, который не могъ его выносить. Le roi ne pouvait voir Conti.—говоритъ С.-Симонъ,—sans un grand déplaisir de n'avoir pu s'en défaire honnêtement par une couronne [1]). Конти, однако, не печалился: въ любви герцогини Бурбонской онъ находилъ полное удовлетвореніе за гнѣвъ короля и въ объятіяхъ молодой красавицы забывалъ о существованіи августѣйшаго старца.

Конти, такъ чистосердечно проклинавшій усилія Полиньяка возложить на него польскую корону, этотъ Конти былъ ли, по крайней мѣрѣ, благодаренъ теперь ему за неуспѣхъ? Герцогъ С.-Симонъ прекрасно отвѣтилъ на это въ своихъ мемуарахъ: Le prince Conti pardonna difficilement à Polignac la peur qu'il lui avait donnée [2]).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

[1]) «Король не могъ безъ досады видѣть Конти, отъ котораго не могъ отдѣлаться даже посредствомъ короны». Mém. de S.-Sim. II. 137.

[2]) «Принцъ Конти никогда не забылъ Полиньяку тотъ страхъ, который онъ заставилъ его испытать». Mém. de S.-Sim. II. 200.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	DATE DUE		

Того же автора:

Крестовый походъ императора Фридриха Втораго (магистерская диссертація). Спб., 1863.

Поповскій Король. Генрихъ IV Распе (докторская диссертація). Спб., 1867.

Кириллъ и Меѳодій. въ двухъ томахъ:

I) по документальнымъ источникамъ. Спб., 1868.
II) по западнымъ легендамъ. Спб. 1871.

Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884.

Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II. St. Pétersbourg, 1889.

Исторія Екатерины Второй. въ двѣнадцати томахъ:

I) Екатерина до воцаренія. Спб., 1890.
II) Воцареніе Екатерины. Спб., 1891.
XII) Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Берлинъ. 1896.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ.

С.-Петербургъ. Гостиный дворъ, № 18.